С. Бойцар

РАСТВОРЕНИЕ

Экологическая драма

По мотивам игры Deus Ex, попытавшейся предвосхитить двадцать первый век.

Эта история реальна лишь до той степени, до какой вы захотите видеть ее реальной.
Это – просто сказка.

Судьба всегда драматична, и в ее глубинах вечно зреет трагедия. Кто не испытывал озноба перед угрозой времени, тот не проникал никогда вглубь судьбы и лишь касался ее нежной оболочки.

Хосе Ортега-и-
Гассет

Отовсюду мне видны неизмеримые величины, заключающие меня в себе, как мимолетную, минутную тень.

Блез Паскаль

И в конце находим
Туманный призрак в допитом бокале.
И – горстка праха…

Антонио Мачадо

Начало того, что закончится

Ночь вне времен, что царила при рождении мира, и крик неслыханной тишины, что открыл историю мира, точно огромную книгу плоти, листаемую ветром и огнем.
Сильви Жермен

Музыка родилась. В глубинах ночи, за смутным горизонтом осязаемого – она ворвалась в недрогнувший мир, и привлекла внимание многих. Казалось, она нигде не звучала наяву, но никто не назвал бы ее в тот момент обманом. Каждый прохожий, каждый обитатель маленьких замерших в тени домов, мечтатели в тенистых парках и посетители открытых кафе, погрузившие воспаленный разум в сонное оцепенение накаленного воздуха – они внезапно вздрагивали и замирали, уловив нечто *чуждое,* полночным вором прокравшееся в сознание.

Сильные звуки то удалялись, то набирали силу в тревожном ритме. Но, нарушая спокойное биение сердца, они заставляли дослушать себя до конца. На неуловимый миг показалось, что этот ритм, эта рожденная призраком мелодия, которую не забудешь сразу, передают что-то, какую-то мысль… Непонятную. Тревожную. Тревожную в своем предчувствии. Она действительно звучала, как акт трагедии – но как заключительный аккорд, когда занавес уже упал, а неразрешенность становится явной и приносит боль.

Немногие тщетно искали источник музыки – нигде не играла скрипка, и темные окна молчали. И люди в смутном страхе посмотрели друг на друга, если кто-то был рядом, или в одно из своих отражений в зеркальных стеклах Мира. Их было много. Они посмотрели на миг – и удивились сами себе. Все вернулось на круги своя. Ничто больше не грозило ворваться в душную атмосферу *этой* ночи.

Но ведь за порогом сумерек придет *следующая* ночь…

Музыка прокатилась подводной волной по улицам, но не рассеялась эхом, а в роковой целенаправленности умчалась в Даль, и нашла там Вход. Вход вел очень глубоко, он заводил по лабиринтам обманчивых теней в Недра. И там… Там было тихо. Музыка вплела в паутину тишины свою деструктивную нить, как подводное течение в темной прозрачности глубокого озера.

Она заколебалась в огромных пространствах, в бездонных шахтах, в мрачной необъятности. В сумраке дрожали тени призраков – Призраков Грядущего, неровные, неясные. Пустыня на поверхности осталась за Пределом – здесь, в глубинном мире, не было связи с поверхностью – здесь было Все… Холод собирался в осязаемые волны – этого Холода не знала поверхность. Тьма клубилась в огромных Галереях, выходя протуберанцами сумрака там, на видимых краях, где все еще было слишком далеко до стен, чтобы могла родиться Надежда. И чьи-то Голоса – нет, не те, что разрешено услышать на Поверхности, не те, что под силу выдержать мне и тебе – Тысячеголосье бездн шептало и мерещилось Всюду, и негде было от Них укрыться. И некому было укрываться.

Здесь тоска почернеет, умрет и рассыплется в пыль.

Пусто в разросшихся до кошмара пустотах… И жутко прозвучало *слово* - Вечность…

И музыка утратила сильные ритмы, поникла, скованная щекочущим холодом и Эхом. И утратила нить смыла в темноте. Трагедия ушла, осталась скорбь, даже не скорбь, а ее остаточность. Когда темно, но уже нет ни героев, готовых искать выход, ни даже тех, кто оплачет…

А призраки дрожат. Дрожат, бесформенные… Ожидают…

Приговор

Эта дорога…
Нет на ней путников.
Сумерки осени.
Мацуо Басе

Непонятная ночь. Эта тишина над обрывом, она угнетала *даже* их. Тот, кто любил белое, провел ладонями по лицу, словно отгоняя смутную думу.

- Мы дали ей жизнь. Теперь ничего не изменить. Слишком поздно. Ваше назначение в ФЕМА должно быть завершено в течение недели. Я уже обговорил условия с президентом.

- Она везде. В воздухе, которым мы дышим. В воде и почве. На кончиках пальцев. В глазах стоят ее серые маски, стоит прикрыть их. – Обладатель голоса, который сковывал, смотрел с заснеженной вершины на огни, затем обернулся к Тому, кто любил белое. – Ее уже не остановить. И однажды – однажды она достигнет той точки, далее которой мы уже ничего не сможем контролировать.

Снег засыпал их крупными мягкими хлопьями, но и его грязноватая белизна не могла разбавить тяжелой темноты этой ночи.

- А зачем контролировать? – Тот, кто любил белое, задал вопрос, не надеясь на ответ.

- Потому что она затопит мир, накроет его единой серой маской, плохо скрывающей безумие. Она распространится на школы и церкви, достигнет глубин и высоких цитаделей, постучится и в облезлые окна трущоб, и на верхние этажи тех, кто считает себя *огражденными*. Однажды, - Обладатель голоса, который сковывал, немного обернулся к собеседнику. – Однажды она достанет и нас.

- К тому времени мы уже освободимся, - ответил тот глухо.

- Возможно.

- А выхода у нас и нет. Мосты сожжены, да если бы и оставался какой-нибудь утлый мостик – неужели бы вы вернулись после того, что пройдено?

- … Нет. Но кто-то не примет это просто так. Не все спят в эту ночь. И не все знают того, что знаем мы. Не многие захотят согласиться, даже если узнают, с избранной нами дорогой. Они будут бороться. Я говорю не только о неприятностях в Париже или побеге доктора Саваджа – будут другие, о которых мы не знаем.

- Они имеют на это право – и тем не менее безнадежны. Крик отчаяния, который издадут миллионы, круша свои норы – или молчаливая гибель *всего*... Он ведь даже не будет услышан, - Тот, кто любил белое, говорил ровным голосом, без ударений и интонаций. В долгом взгляде в заснеженную пропасть мир вдруг поменял очертания, и кто-то кричал в ночи, оставаясь немым, и кто-то лежал на земле неподвижно...

- Очень жаль, что у нас нет выбора.

- Пауза была долгой, и она кое-что означала.

- Мы еще можем остановиться. Сейчас, потеряв все, отказавшись от задуманного, но оставив себе путь отступления. Но после *этого* – после этого отступление невозможно. Нам придется пройти до конца, до последнего ориентира, куда бы ни вела наша дорога – в ад или к Освобождению, - Тот, кто любил белое, на миг задержал дыхание, - и продолжил мысль, - Но мы... мы не собираемся останавливаться. И вскоре наступит новый век – грозная тень рассеется. Мы должны верить, что сумеем избежать всеобщего конца...

- Это так, - раздался голос, который сковывал. Но потом его обладатель повернулся к Тому, кто любил белое, и его глаза холодно блеснули. - Но нам точно нужно было это для Освобождения? Мы ведь... не хотели этого. Почему мы не можем остановиться?

- Я не знаю. И... я боюсь.

- Бездна, в которую обрывался приютивший их склон, тихо вздохнула. Мгновение застыло.

Часть 1
Нью-Йорк
Время одиночества

Одиночество сияющим
Бесчувственным
клинком
Рассекает мне душу
В холодном мерцании звезд.
Хайку неведомого поэта

Глава 1
Переход

Готов себя я в мир отважно кинуть,
Земных скорбей, земных восторгов жребий вынуть,
Под бури смело парус ринуть,
И в час крушенья с робостью не стынуть.

Гете

Я не знал, сколько было нас, тех, кто вошел в эту дверь – и не имел представления, сколько исчезало в этом полном настороженной двусмысленности проеме до меня. Я был готов. Я знал об этом. Знали и те, кто меня готовил. Кто точно следил за мной сейчас через невидимые камеры, сидя перед мониторами где-то в полумраке своих кабинетов.

Но испытание есть испытание. Каждый должен пройти его, хочет он того или нет. За шесть лет учебы в Академии мы не раз проходили испытания гораздо более тяжелые. А этот, последний Тест – не более чем формальность, дань традиции, финальное представление, где после тяжелых репетиций артист виртуозно демонстрирует свои способности перед публикой.

По крайней мере, так говорили мне. Но теперь, переступая порог, излучающий какую-то мрачную напряженность, я чувствовал – в мое сердце прокрадывается неприятное сомнение.

Испытанием проверялись наши умения действовать в обстановке безумия, когда один упорядоченный атом противостоит смертоносному хаосу. Но, слыша лишь глухой стук собственных шагов в совершенно пустом, даже пустынном коридоре, я вдруг неожиданно для себя подумал: это не просто тест.

Странная фраза пришла сама собой, будто рожденная и давно не высказанная серыми швами, соединяющими листы стали на стенах. Видимо, просто такое настроение было у меня в тот вечер. И вообще я чувствовал себя странно, хоть и не первый раз. То движения мои казались мне слишком быстрыми в замедляющемся временами мире, то слишком обнаженная ясность мысли заставала врасплох. А теперь – новое... Ночь только начиналась, а я уже чувствовал себя уставшим и старым, как этот мир, как этот гранит, старый камень нового здания. Все ушли. Все покинули меня. Кто-то в белом халате сверху вниз смотрел на меня невидящим взглядом. Но я не ощущал его присутствия. И тогда я понял: это – *Испытание Одиночеством*.

Казалось, время невыносимо замедлилось, сжалось вокруг меня, чтобы увековечить мою старость и мое одиночество.

В двадцать три года я возвращался в мир, от которого был изолирован в течение шести лет. Точнее, я готовился вернуться. Сразу после испытания. Но... как он меня встретит? О чем напомнит, что скроет… Каков он теперь, мир... Я не был там целую вечность.

В длинном зеркальном зале, залитом зеленоватым светом, я был один. За спиной захлопнулась дверь, оставив позади и мрачный коридор, и единственного наблюдателя. Вот здесь действительно впору было почувствовать, что такое *совсем один*. Где-то за стеной журчала вода, и плеск ее давал тень надежды. Искусственные цветы в вазонах отбрасывали несуразные тени.

Я сделал шаг и сразу понял – что-то не так. Да, под ногами. Несколько строк под голубым экраном.

«Добро пожаловать, агент. Неважно, кто я и как меня зовут, думаю, мы увидимся впоследствии. А пока я буду руководить вами, точнее – помогу пройти тест. Наверное, вы уже устали от испытаний... Но наше испытание не похоже на остальные»

А затем голос-послание прошептал где-то в недрах моего мозга:

- Идите к двери, - ласково уговаривал он, погружая меня в атмосферу тревожной расслабленности.

Я еще не совсем привык к этим голосам в моей голове, словно рожденным из ниоткуда. Будто присланным никем в помощь моей беспомощности, для усугубления моей растерянности, и так рассеянной по самым отдаленным волокнам души, вибрирующим от эха. *Эхо* – так называлось это новое наноустройство, одними из первых испытателей которого

были я и мой брат. Сигнал шел прямо к слуховым долям головного мозга на особой частоте, минуя барабанные перепонки. От этих голосов у меня часто болела голова, да и неприятно становилось от осознания себя приемником. Принимающей стороной, которая принимает безропотно все подряд, а ее ответ вряд ли кто услышит. Честно говоря, никто не спрашивал нас с братом, внедряя Эхо, хотим мы этого или нет. Но это понятно – учитывая то, *что* ожидало впереди.

- Откройте дверь ключом, который лежит на столе у цветка, - сухо-глухо отозвался голос, и мне стало не по себе. Словно в сказке, услышанной в бреду, то есть ее невозможно потом повторить. Кто-то видел меня и предугадывал каждый мой шаг, а я при этом оставался в полном неведении.

Сухой пластмассовый цветок неприятно царапнул руку, когда я брал ключ. Я открыл дверь, вошел... Высокий зал, чьи пределы нельзя было угадать в сумраке, удивлял морозной прохладой. В воздухе мерцали и кружились миллионы светящихся частиц. И холодный ветер, стеная среди погруженных в скромную отстраненность колонн, рождал странные звуки – не то плач, не то очень злобный хохот. Да, забыл сказать – в зале было темно, как раз настолько, чтобы видеть свои руки и хоровод странных звезд, но не разглядеть истинных очертаний помещения за два шага от себя.

Я не мог знать, что было в этой темноте. Но подсознательно почувствовал – ничего. Меня просто поразила пустота этого... склепа. Наверное, это холод поощрял такие фантазии.

Неприятно одернул стук захлопнувшейся за спиной двери. А сухой однократный щелчок замка даже не удивил. Голос из Эха звучал разбавлено и одиноко.

- Я обращаюсь к вам в последний раз до конца этой части испытания. Больше вы никого не услышите. Теперь вам предстоит остаться *совершенно одному.* Впереди самая легкая часть испытания. Вам предстоит выбраться из замкнутого пространства... не имеющего выхода. Желаю удачи.

Голос умолк. Стало очень тихо. Я с приговоренностью посмотрел по сторонам, ничего не видя. Ощущение ловушки, ощущение склепа с каждым мгновением усиливалось. Я прошел вдоль колонн и уперся в стену из бледно-серого, похожего на мрамор камня. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – этот камень не пропустит ни один звук. Обойдя весь зал вдоль стены, я сделал еще несколько открытий. Он вовсе не был столь огромен, как показалось вначале. Нет – он был *тесен*, и с каждой секундой, здесь проведенной, я все

больше понимал людей, больных клаустрофобией. Танцующие звезды оказались просто голограммой, они начинали раздражать. Говорящий ветер просто исчез, и в пришедшей на смену ему глухой тяжелой тишине я уже сомневался, не был ли он просто иллюзией. Ни одного окна не выходило наружу – не слишком странно, учитывая, что испытание проходило глубоко под землей. Мебели тоже не было, более того – не было ни одного предмета, установленного или случайно оброненного, на котором бы расслабился взгляд. Колонны попирали пустоту, вырастая из пространства, в котором не было ничего.

И при этом – что-то было. Что-то, без имени, угадывалось.

Как слепой, я нетвердо ходил в этом сумраке, пытаясь ухватить руками пустоту, чтобы не упасть. В стороне противоположной той, откуда я пришел, проступала из полутьмы черная дверь *куда-то* – никуда. Но она была не из тех, которые можно открыть. Она стояла здесь, чтобы усилить напряжение мнимой маской надежды.

Я снова обошел вокруг, стуча в каменные границы моего ящика, исследуя каждую пядь насмешливо-гладкого и безукоризненно чистого пола, останавливаясь пальцами на тех швах, где пол переходит в стены, решал несуществующие головоломки возле колонн. Ни единой щели и выступа в безукоризненных проекциях, ничего, что могло бы дать намек на нечто и тень надежды. Острые приступы паники, даже отчаяния душили за горло несколько раз, но я усилием справлялся с ними. Это тест – ничего более. *Просто испытание*.

Но у меня не было с собой часов. Я потерял нить времени, и не мог знать, часы ли прошли, или считанные мгновения. Когда в щадящей тьме время замерло для меня и перешло в вечную неподвижность – тогда пришло ощущение полной изоляции. И тогда же – на миг – пришло ощущение жизни – ее полноты, желанной, утраченной и только потому оцененной по достоинству. Я уже забыл о том, что прохожу испытание. Все воспоминания, все связи с прошлой жизнью, знания о том, кто и что я, улетучивались к вершинам колонн легкими дрожащими облаками, растворяясь среди танцующих звезд. Разум очищался от мыслей, даже тревога была какой-то странной. В чистом, как опрокинутый бокал, сознании, слабо вспыхивала и угасала, как пульс, только одна мысль.

Или я выйду отсюда, или здесь останусь.

Эти несуществующие звезды, они особенно угнетали. Роясь в замкнутом пространстве, окутывая меня плотным, гипнотизирующим облаком, подсвечивая то, что нельзя осветить, они шептали: выхода нет... выхода нет... Прошла

целая вечность, я уже сидел, опершись о колонну спиной и знал: я отсюда не выйду. Никогда.

Я уже не чувствовал холода. Только закрыл глаза, чтобы не видеть вовлекающие в безумие хороводы звезд. Только сатанинское мерцание проникало и сквозь веки, от него нельзя было спрятаться. Прозрачные ручьи стекали по щекам. Нет, это были не слезы жалости к себе – и не слезы отчаяния.

Я забыл, зачем и почему я здесь. Я не мог помнить – потому что уже не мог думать. Мысли ушли – все до одной. Я думал, что знаю, что такое отчаяние. И лишь теперь понял, что ошибался. Я подошел к Пределу. Я уже испытывал отчаяние и сильную тоску когда-то, когда потерял сразу и отца, и мать, в одно мгновение, от одного неосторожного шага и безразличной отстраненности судьбы… Я думал тогда, что это последняя грань. Но всегда найдется потрясение, которое откроет тебе всю ущербность твоих прежних ощущений, далекость от *холодной безумной полноты*. Когда в столкновении с бездной, долгом и болезненном, уже не спасает шок. И приходит слишком острая и мучительная ясность мысли – только мысль какая-то другая, *не твоя*. Ощущение другого человека, каким ты стал. И тогда...

Позже я стал подозревать, что и это был не предел. *Предела нет*.

Я смирился. Я останусь здесь навсегда. Растворюсь в сверкании тысяч огней-обманов. Оцепенение иголками прошло по коже и отпустило. Я опустил голову…

Один из квадратов зеркального пола вдруг вспыхнул слепяще-ярким голубым светом. В хрустальной прозрачности осязаемо проступили слова.

«*Два лунных камня глядели на него при слабом свете прикрытого рукой огонька; два лунных камня, лежащие на дне прозрачного ручья, - над ними, не задевая их, мерно текли воды жизни…*»

Символы исчезли – только на миг, а затем заструились вновь. Только они были теперь немного другими…

«…лицо было как остров, покрытый снегом: если дождь прольется над ним, оно не ощутит дождя, если тучи бросят на него свою вечно движущуюся тень, оно не почувствует тени».

Мое лицо? *Его* лицо?

«*В каждую эпоху одиночество все холоднее и суровее, а спастись от него – все труднее. И наконец человек приходит в такое изнеможение, когда тянуться к божественной форме изнутри своего одиночества нет сил*».

…

«…смерть всегда была единственной его мечтой. Смерть представала перед ним, прикрывая свой лик многообразными масками. И он срывал их одну за другой – срывал и примерял на себя. Когда же ему удалось сорвать последнюю из масок, перед ним, должно быть, предстало истинное лицо смерти. Но мы не знаем, способно ли было даже оно привести его в трепет. До этого момента желание умереть заставляло его неистово стремиться к новым маскам, ибо, обретая их, он становился все прекраснее».

…

«*Он переносил пытку абсолютной ночью – ночью, поглотившей все, ночью уничтожения; он переносил худшую из бессонниц – бессмысленное присутствие, пронизанное отсутствием. Он не мог не быть там, в этом нигде, не мог не бодрствовать, час за часом, в этом никогда… Он видел ночь, ее чернильный мрак, одновременно и непроницаемый, и прозрачный… Чернильно-черная ночь, где ничто уже не пишется, не читается, не говорится. Непроглядно-чернильная ночь, где ничего больше не происходит*».

…

«Ему виделась земля, ее медные и золотые колосья, ее изумрудные и голубоватые травы, леса и источники, цветы – розовые, как губы, синие, как глаза, алые, как кровь. И от всего этого ничего не осталось. Только смертельный холод и прах»

…

«Ничего не осталось. Никого не осталось. Все умерло и исчезло на планете, кроме тебя. Тебе дали прочесть, чтобы умер и ты. Так умри же».

Экран погас, медленно, нехотя, отдавая последние брызги чистого света ненасытной темноте.

Наступила вечная ночь. Мне не нужны были часы, чтобы увериться в этом. Я вновь бросил голову на грудь, погрузившись в бредовое оцепенение, мало напоминавшее сон. Слыша ничего, ощущая все, сам я не присутствовал в этом странном мире. Меня уже не существовало. Почти не существовало. А тот струящийся остаток, что еще присутствует в сумраке – его ожидает что-то… Не страшное. Необратимое.

Я уже не вскакивал, даже не шевелился. Я не мог, перестав чувствовать свое тело, утратив и его, и все страхи и желания вместе с ним. Лишь одно чистое ощущение присутствия.

Потом я вдруг поднял голову. Что-то показалось… Комната. Она изменилась. Стены теперь проступали из темноты, хотя раньше я не мог их видеть. Я почувствовал

сильную жажду и понял – зал уменьшается в размерах, стены сходятся вместе и хотят раздавить меня... Но уже некого давить. Сейчас упадет потолок...

Я лег на пол, глядя в мерцающую пустоту над собой и ничего не видя. Закрыл глаза – и увидел себя сверкающей кометой, несущейся сквозь черную бездну на свет звезд, которые просто... иллюзия, голограмма. Я разбивался о них... Теперь голоса. Они говорили между собой – потом я говорил с ними и снова прятался, слушая.

- Кто ты...
- Меня нет...
- Ты есть... Ты должен решить, кем ты хочешь быть... Чем должен стать...
- Я никто.
- Очень трудно стать никем. Но ты должен постараться. Ты можешь...
- У него получится?
- Вряд ли. Еще никому не удавалось стать ничем...

Я открыл глаза. Молчание молочных колонн, звездная пыльца – ничего не изменилось. Я поднялся на ноги, пошатнувшись, неторопливо прошел к двери и, распахнув ее настежь, вошел в залитый светом коридор.

Пробудилось Эхо.

- Вы прошли эту часть испытания, - шептал уже новый голос. - Хорошо запомните его. Запомните чувства и ощущения, вами пережитые. А теперь знайте – вам часто придется переживать подобное там, в Мире. Но испытание было лишь *намеком* на то, через что вы пройдете. Очень слабым намеком. Запомните это – и будьте готовы. Испытание было легким – оно всего лишь испытание.

Я слышал его очень смутно, сквозь туман. Повторилось, вновь подстерегло странное ощущение. Вновь остро почувствовал старость этого мира, вещества этих пространств, недавно сотворенных. И... свою немощь.

Странные сны снились мне последние годы. Я как-то не думал об этом, а теперь, глядя на неприветливую чешую темных стен, не мог справиться с потоком нахлынувших впечатлений недавнего прошлого, полустертых, смутных. Я начинал постигать новый мир отсюда. Мир изменился за это время. А я ничего о нем не знал. Как странно...

Когда же кончится этот коридор? Немало усилий нужно приложить, чтобы отвоевать эти сотни метров у внутреннего тела земли... Я был под землей. И больше всего сейчас меня

угнетало однообразие коридора. Одиночество меня уже не угнетало.

Зарешеченное окно в цельности стены светилось смазанным пятном. Я увидел стоящего за ним солдата и, кажется, обрадовался.

- Ну, как там, наверху?

Солдат не шелохнулся, только поправил свой шлем и отодвинулся глубже в тень. Я не мог объяснить его поведения. Возможно, у него был приказ не общаться со мной? Но… он даже не увидел меня. Я протянул руку и уперся в стекло, которое глухо отозвалось на удар.

Я ускорил шаг, не ожидая впереди ничего необычного. Но, не пройдя и тридцати шагов, увидел распростертое тело солдата в форме Коалиции.

- А теперь представьте, что вы – это совсем не вы. А это место – другое место, оно ведь и может быть чем-то совсем другим…

Я ощутил укол чуть ниже затылка: очень легкий, даже приятный. И в тот же миг темные грани и пределы коридора начали расплываться, светлеть, рассыпаться снегом и ветром… Мгновение – и я был уже не в подземном тоннеле, а на узкой, наполовину засыпанной белой крупой дорожке посреди необозримой снежной равнины. Я не успел изумиться, не хватило времени, чтобы почувствовать холод: события развивались столь стремительно, что я успел только ощутить безотчетный страх перед лохматым псом-волком, выскочившим на меня прямо из снежного небытия. Серый зверь сделал стремительный прыжок – и вот их уже двое, - еще прыжок, их пятеро. Потом я осознал, что издали принял за пса то, что на самом деле было стаей. Все они летели на меня, их желание нельзя было угадать, но от этого становилось не менее жутко. Я развернулся и рванул прочь, вверх по тропе. Мой бег, медленный и неуклюжий, вписывал чуждые ритмы в символику этого заколдованного Белого Царства, я проваливался и вилял, я никогда не думал, что мое тело - такой ничтожный и непослушный инструмент моей воли. Моя воля взывала лишь к одному: ПРОЧЬ! Я выбился из сил, а обернувшись, понял: они меня растерзают. Я видел розовую, здоровую и ликующий плоть их раскрытых пастей, меня оглушало плотоядное зловоние… Я снова бежал, вновь падал, меня уже почти настигли. В какой-то миг мне стало ясно, что я выбился из сил. Онемевшие мышцы полностью вышли из-под контроля.

Стоп. Это всего лишь *испытание*. Я сделал еще шаг и упал, чувствуя разрывающую боль глубоко внутри. Гибель дышала

мне в затылок: я поверил в это, как в собственное существование. Как в собственную боль. И сделал невероятное: встал и побежал вновь. Медленно и слепо. Уже не воля, и не тело задавали предел моим силам: а только опасность, только желание выжить.

Я упал, псы начали терзать меня, и только в тот миг, когда я поверил в свою гибель окончательно, все завершилось. Я лежал на холодном полу в темном тоннеле, надо мной проносились бесплотные тени замкнутого пространства.

- Вы могли погибнуть, - равнодушно шептало Эхо. – Но этот этап позади. С солдатом все будет в порядке, оставьте его здесь.

Я поднялся, удивляясь, что мне удалось это сделать. Странный сон скоро закончится. Сон только начался… Узкий мост, удерживающий ускользающую реальность над пропастью абсурдного, все больше раскачивался. Еще ничего не свершилось, а эти коридоры уже надоели мне до смерти. Я не сразу пошел вперед. Склонившись над бесчувственным, так похожим на мертвого кем-то, я заглянул в его лицо. Это лицо светилось странной синевой, и показалось мне смутно знакомым.

Темнота стиснула виски.

- Поторопитесь. Впереди еще много испытаний. А пока вы не пройдете их все – вам отсюда не выйти.

Признаюсь сразу – то, что было впереди, я помню плохо. Слишком много, слишком смутно и неясно. Борьба с роботами, бег, бесконечный бег, затем – проплыв по отравленному водоему и странствие среди теней, которые не должны тебя увидеть.

Я оценил новый элемент, привнесенный в мое обучение этой ночью. Ощущение отчаянного одиночества, оторванности от мира. Я шел вперед, совершенно безрадостный. Вначале было почти страшно от этого ощущения – там, в комнате звезд. Затем я привык. В конце мне, одуревшему от мерного гула люминесцентных ламп и странного шума тишины, стало даже нравиться такое состояние. Такие условия были созданы не случайно. Это мой новый мир.

Шатаясь, я вошел в огромный зал. Легкое, лунное освещение создавало иллюзию ночи. Я недолго всматривался в свое отражение на зеркальном полу, и не поднимал глаза, чтобы увидеть такое же отражение в многогранном темном потолке. Хватило нескольких секунд, чтобы понять: здесь мне приготовили особенный сюрприз.

Я был в музее – музее особого рода. Экспонаты, защищенные плазменным полем, располагались в нишах стен из черного мрамора. Это были голограммы, но их реальность отпугивала.

Приблизившись к первой нише с легкой опаской, в особом мутно-серебристом свете я лицом к лицу столкнулся с человеком в маске. На нем был серый комбинезон и металлический шлем. Маска оставляла открытыми только глаза. Глаза застыли в мучительном напряжении, оставаясь при этом безучастными. Они смотрели прямо на меня. Вроде бы не было страшно, но озноб пробежал по коже. Словно этот Ничто кричал о чем-то, заточенный в пустоту…

Ну же, где Эхо? Пусть мне скажут что-нибудь об этом, пусть развеют наваждение. Эхо молчало. Я провел по лицу холодными пальцами и пошел дальше, не слыша своих шагов. Проходя мимо застывших оборвавшихся на полуслове фигур, мимо роботов, я уже не спешил. Они все были какими-то… странными. Или с размытым контуром, или со слишком черными глазами. Это последний, самый тяжелый этап испытания одиночеством. Меня раздражали иллюзией присутствия. Здесь были намеки на людей, выданная за людей пустота, которая поглотит и обступит протянутую руку. Но дело не только в этом. Меня знакомили с обитателями моего будущего мира. Да, именно так, подтвердил я, глядя в очередную нишу, как в зеркало в струящихся морозных искрах, снежинках плазменного поля. Лишь отсутствие черных очков и парабола усов напоминали о том, что это – не совсем я. Этот Некто не умеет улыбаться, почему-то пришла в голову мысль.

Последний экспонат заставил остановиться на миг. Вначале мне показалось, что в очищенном воздухе нет ничего. И лишь потом, далеко внизу я разглядел это.

Что это?

Цветок. Совсем маленький полевой цветок с чашечкой удивительно яркого и чистого синего цвета. Я чуть не протянул к нему руку, забыв, что споткнусь о пустоту.

Шесть лет в академии, конечно, могут изменить кого угодно. Но так я мог думать до этой ночи. Теперь я думал немного по-другому.

Одна ночь может изменить кого угодно. Я только еще не разобрался в силе этой перемены. Зал остался позади, и я уже ощущал соленый ветер, который врывался извне в этот омут тишины. Поверхность недалеко. *Настоящее* небо близко.

У коммуникатора меня ждали. Над раскрывшимся металлическим цветком я увидел голографическое

изображение человека в белом костюме. Наверное, он любит белое. Этот человек мог находиться сейчас за тысячи километров – но его призрачное подобие было связующим звеном между нами. Я остановился перед ним, выжидая. Он смотрел сквозь меня, куда-то на Север. Слова, адресованные мне, заставили вздрогнуть от неприятного ощущения, какое бывает у актера в театре абсурда, который слишком вошел в роль.

- Великолепно. Ранний успех для всех нас.
- Вы из ООН?

Вопрос был проигнорирован, будто я слышал сделанную заранее звукозапись.

- Вы знаете, для чего вас приготовили.
- Знаю.

Для чего?

- Но об этом будем знать только вы – и я. И больше никто, слышите? Никто не должен знать. Тайна останется тайной для всех.
- Я понял, сэр.

Вы – чистый лист. Постарайтесь же украсить его золотой вязью.

Появление

Одно прикосновение памяти – и все раскроется, обернется прозрачной росой мысли, вешним ветерком, чудесными цветами...

Брэдбери Рэй

Он вернулся. Даже не верилось.

Эта дорога, по которой он ехал теперь в такси домой, где не был шесть лет, наверное, не имела конца. Она не просто терялась в горизонте – она растворялась в пурпурном диске заходящего солнца в его последней на сегодня ласке.

Он едет посмотреть на мир, который изменился, едет домой, хотя дома в общем-то нет. Шесть лет... Зоны риска и изнурительные тренировки, диалоги Платона и политическая философия до изнеможения. Привыкание к миру, ограниченному стенами одного комплекса. Никто не узнает – никто не поверит. Но так надо. Он сам выбрал это, наверное, знал, зачем.

Водитель, который согласился его подбросить на последнем отрезке пути, оказался разговорчивым. Он уже полчаса доказывал своему пассажиру, что основной причиной психических расстройств в Нью-Йорке является малоподвижный образ жизни. Доказывал с пеной у рта, хотя его собеседник не сказал ни слова против – и вообще молчал.

- Хороший у меня сегодня день, - жизнерадостно сообщил водитель, а затем подмигнул пассажиру, - ну, как ты находишь город? Классно, правда? Шесть лет не было, говоришь? Теперь посмотри. Неплохо, а? Как они отстроили этот район!

Он взглянул в окно: посмотрел на блеклую панораму грязно-серых конструкций, слишком высоких, чтобы охватить все одним взглядом, на ленту дороги, на пустынные тротуары, по которым как-то неуютно летели обрывки бумаги и полиэтилена. Парадные входы и углы зданий показались внешними выступами чего-то огромного, прячущего свое тело в глубоких тенях позади. Не очень гостеприимного. Эта улица молчала – странное дело, в Нью-Йорке очень мало улиц, которые хоть когда-нибудь молчат. Наверное, у нее были свои причины для молчания. Ветер посыпал выступы мира и капот машины хлопьями раздумий. Он почему-то везде видел несоответствия – полуразрушенный камень в цельной стене, безукоризненность там, где требовалось немного беспорядка, кривые зеркала в матовых окнах, чьи-то глаза в темных, пропитанных сумерками переходов…

Взгляд зацепился за высокий корпус казино – потрепанного дождем и ветром темного здания, на крыше которого красными буквами так и было написано: «КАЗИНО». Он подумал, что если долго смотреть на этот угол казино, верхний правый его угол под небом, то можно умереть от тоски. Очень просто.

- Да, действительно неплохо, - кивнул он водителю. – Только людей… слишком мало, вы не находите? Точнее – их нет. Немного странно…

Водитель почему-то помрачнел. Голос звучал спокойно, но только радости в нем уже не было.

- Поздно уже. Есть ли смысл выходить на улицу в такое позднее время? Ничего удивительного.

Действительно, какой смысл… Ему показалось, что таксист может знать о чем-то, но боится произнести это вслух. Он бы рад помочь, но не мог произнести запретные слова за водителя. Он их не знал.

До того беззвучный двигатель вдруг загудел неровно, болезненно чихнул, сорвался в гневе и ропоте. Водитель нахмурился.

- Кажется, приехали, - нахмурился водитель. – Дальше придется тебе своим ходом. Но тут не так уже много и осталось идти. Можно пешком…

Пассажир, не совсем званный гость города, вдруг очутился на той самой улице, которую минуту назад бесцеремонно разглядывал и изучал, не зная, что может когда-то попасть в ее объятия. Он хотел сойти на тротуар, но так и застыл на дороге. Дорожное полотно приковало его взгляд.

Что, если снять асфальтовое покрытие, добраться до живой сути, до почвы, а затем – все глубже и глубже, сквозь породу, камень, холодные глубинные пласты и горячие океаны магмы, к магическому ядру-центру..? А затем – и дальше, прорыв с той стороны, к звездным пустыням… Сколько нужно лететь взгляду, как измерить, охватить, какая нужна для этого скорость и сила проникновения..? Дорожное полотно – кусочек саванны, пристанище диковинных тварей и остров цветущего папоротника, кратер или озеро, кладбище миллионов следов, оттисков и отпечатков, а еще ранее – дно холодного праокеана в мире тьмы, еще не отделенной от света…

Дорожное полотно.

Дребезжание телефона разрушило слабые конструкции задумчивости. Это был брат.

- Джесс, все начинается сегодня.

- Сегодня? Но ведь уже… ночь?

- Да, прямо сейчас. Все начинается *этой ночью*. Иди домой, не сворачивая. Ты будешь встречен. И возьми свой плащ – ночью может быть дождь.

Он поднял голову, и вдруг увидел, что пурпура совсем не осталось. Последний, слабый и старый луч медленно сполз, даже не сопротивляясь, в бездну за горизонтом, поднятым, обрезанным строениями горизонтом. Сумерки, осенние короткие сумерки, которые совсем не преграда для торжествующей ночи.

Интересно, ему удастся уснуть в эту ночь?

Глава 2
Провал

…Кто снов волшебных

Хрусталь разбил без пощады?

Антонио Мачадо

Остров молчал. И лишь один человек на этом острове знал, как обманчиво это молчание. Он стоял у причала, опершись о высокую преграду, смотрел в воду, видя в ней большее, чем она оставляла напоказ. Поодаль прятались люди, не видя его. Они готовились к чему-то, связанному со словом «смерть». Он чувствовал их страх – смутный, лихорадочный, сдерживаемый в пределах. Еще мгновение – и он уже исчез, нырнул в ставшие ночью сумерки, никем не замеченный, никем не потревоженный.

Холодной была эта ночь. Влажный ветер проникал под одежду, а сержант не мог спрятаться в том катере, что стоял, покачиваясь на волнах, сразу у причала. Катер высадил его на самом краю пирса, после чего моряк захлопнул дверь, и на все стуки – дождя ли, его ли руки, отвечал односложной фразой:

- У меня приказ стоять здесь.

Стой здесь, подумал сержант. А я пойду. И, слегка подрагивая, он побежал туда, где отливала лунным серебром поверхность воды. Множество людей в темном камуфляже ожидали его там, сливаясь с оттенками промозглого окружения.

- Нам нужно спешить, Майкл. Они заняли весь остров. Статуя уже обезглавлена.

- Кто это?

- «Синий цветок».

- Опять? Почему теперь?

- Мне тоже хотелось бы знать. Но это не особо важно. Террористы есть террористы. Мы должны прорваться сквозь многочисленные их заслоны, чтобы освободить штаб, а затем попасть внутрь самой статуи.

- Просто уничтожить их всех?

- Да. Главаря нужно взять в плен.

- Живым?

- Живым… или мертвым, если возникнет крайняя необходимость. Этот гражданский из ООН, Пол Дентон, кажется, просил обойтись без ненужных жертв. Раздал всем заряды для электрошока. Но команда Анны была недвусмысленна – пленных не брать. Это не будет трудно. Кто-нибудь, кроме нас, действует?

- Нет. Только наш взвод. После завершения операции они пришлют гражданского специалиста. Штатного психолога, или что-то вроде того.

- Кому он будет нужен потом? Трупам?

- Не знаю, - Сержант Майкл Берри задел ногой пустую, в потеках грязи бутылку из-под пива. Тоскливый стук неприятно сыграл на нервах. Бутылка отлетела в сторону стальных ящиков, разбросанных силой взрыва. Кроме ящиков, она не могла больше встретить преград. Все ждали, пока улетучится неприятного чувство от произнесенного слова «труп».

- Они захватили одного из агентов Коалиции. Кажется, Гюнтера. – Вспомнил тот, кто говорил с сержантом.

- Это возможно?

- Он впервые попался. Просто отказался отступить и прорывался, пока не потратил последний патрон. Возможно, нам придется выручать его.

Повисло молчание. Подсознательные предчувствия тонко колебались между предвкушением охотника и ощущением жертвы. Все что-то угнетало, но никто не сказал бы точно, что именно. Сержант Берри достал из-под бронежилета карту острова. Прямая дорога вела от причала сразу к подступам к статуе, но была отмечена красным цветом, что означало «опасность». Но при выходе из доков налево и направо уходили две боковые дорожки: одна вела к вертолетной площадке и штабу Коалиции, вторая уходила вправо и по большому кругу опоясывала весь остров.

- Мы пойдем так, - сержант указал на кольцевую дорогу, затем остановил палец на помеченном месте на берегу. - И еще. В восточных доках ожидает наш связной, Харли Филбен. У него есть ключ от центральной двери в статую. Нужно найти этого бродягу. Пароль – «Железо и медь»…

Он говорил что-то еще, но последних слов никто не услышал. Мощный, насмешливый голос из динамиков, как гром, оглушил ударный отряд.

- Если вы пришли нас уничтожить, можете быть спокойны. У вас есть тридцать секунд, и мы уничтожим вас всех. До последнего солдата.

У них не оказалось тридцати секунд. Мгновением позже на причал выехали роботы, расстреливая на пути все живое. Те, кто еще был жив после первых секунд, прыгнули в воду и исчезли в пространстве под причалом. В доках стало совершенно пусто.

Прыгая в темную прозрачность океана, Майкл Берри краем глаза различил какую-то тень, метнувшуюся черной кошкой мимо входа в доки. Наверное, ему показалось. Никто, даже кошки, не движется так быстро.

***

Он тенью пролетел по усыпанной древесным золотом дорожке и взлетел наверх. Оставляя за спиной нескольких людей в масках. Они начали стрелять в летящую тень, но пули рассекали лишь воздух, а тень то исчезала во мраке стен, то появлялась совсем в другом месте. Он опять, в который раз заметил ту странность, которую не мог отнести к обману собственного воображения. Или мир замедлял свое неуловимое существование, или его движения становились удивительно быстрыми… Но что-то, несомненно, происходило. Странные сны видел он последнее время.

Золотая дорожка закончилась, началось наполовину поглощенное тьмой разнотравье газона. Трава делилась с ним росой, не скупясь, но не было времени оценить ее подарок. Люди в масках, вооруженные и готовые к выстрелу, принимали его за обман зрения, потому что видели не больше мгновения – и не его самого, а лишь такую заметную тень. Он появился у входа восточные доки. В тишине слышался чей-то шепот, будто успокаивая участившееся дыхание. Недвижные, как столбы, фигуры вооруженных людей не развеивали иллюзию опустошенности берега. Лишь у самого дальнего причала, возле похожей на шалаш сторожки дрожал на ветру старик в грязно-зеленом пальто, глубоко опустив руки в карманы, и глядя на воду. Казалось, отвести взгляд от затаенной поверхности было выше его сил.

Он миновал стражей, не изменивших положения, и спокойно приблизился к старику. Тот не счел необходимым поворачивать голову, и они разговаривали так: через посредничество океана.

- Что вам нужно? – врезался в тишину прокуренный голос, оставляя в ней зазубрины.

- Харли Филбен, связной, - это вы?

- Это мое имя.

- Я пришел от Коалиции. «Железо и медь». Мы забираем назад статую, а остров подлежит очищению.

Филбен продолжал искать что-то в заветной дали, мрачная личность пришедшего, говорившего на странном языке, его не заинтересовала.

- Для вас ведь ничего не стоит убить человека, правильно? – спросил старик сквозь ветер, скрывая открытую неприязнь во влажных моржовых усах.

- Это странный вопрос, - почему-то не сразу нашелся, что ответить. – Если вы говорите о преступниках, занявших остров и обезглавленную статую, то, думаю, это действительно не будет проблемой.

- Я знал, что другого ответа не будет, - произнес Филбен бесцветно. – Я говорил им, с кем придется иметь дело. Говорил: не несите оружие в статую. Это сделает вас более уязвимыми, выход из тени станет смертью.

- Я не хочу обсуждать с вами это, - силуэт в черном медленно повернулся к луне. - Они хотят моей смерти более, чем я – их. И будь у них возможность – они бы не избежали ее использовать.

- Верно. Но ведь это война.

- Цель Коалиции – не завоевание. Это безопасность обычных людей, таких же, как вы.

- Я никогда не выражал сомнения по этому поводу, - кивнул старик с какой-то своей мыслью. - Я помогу вам попасть внутрь статуи, но... когда встретите командира, все же подумайте перед тем, как делать выстрел в голову.

- С чего такая уверенность, что я стану его убивать?

- Да, я знаком с ним, - продолжал свое связной. - В нем немногое от солдата. Он сдастся, как только вас увидит.

В приземлившейся на одно крыло тишине была какая-то настороженность.

- Вы... действительно связной? Просто связной Коалиции? - от силуэта в черном легкой волной исходило удивление.

На пытливый холодный взгляд старик ответил отчужденным побегом глаз.

- Я вырос здесь. Рядом с этой статуей, я много гулял в этих доках в детстве. Никто не знает об этом острове больше, чем я.

Порыв ветра был похож на вздох-смешок, обращенный к тому, кто умудрился посвятить многие часы детства пустынному блеклому острову... Силуэт в черном застыл.

- При чем тут... - он не договорил и отвернулся. Став лицом к океану, он вздохнул несколько раз как можно глубже. Он не боялся выстрела в спину, угадывая чувством: этот непростой старик непонятным образом охраняет его, пока находится рядом.

Здесь каждый – *каждый* – не равен самому себе. И этот старик – тоже. Но важно не забыть о Цели.

- Чего же вы хотите? - спросил он вдруг у старика. Тот встретил этот вопрос не удивлением – лишь мрачной, не похожей на шутку насмешкой.

- Твоей смерти – больше ничего.

Силуэт в черном задержался еще на пару мгновений. Затем сделал шаг.

- Мне пора идти. Не исключаю, что мне придется применить насилие. Я не обещаю ничего, но, возможно, я не убью его.

- «Насилие»… Как легко вы прибегаете к этому слову, каждый раз в ином, выгодном для вас свете. Он будет мертв. Я чувствую это. И не собираюсь брать с вас слова.

- У меня нет оружия.

- В таком случае – тот ли вы, за кого я вас принял?

Силуэт в черном едва уловимо кивнул.

- Тот. Можете не сомневаться в этом.

И он истаял в дрожащей обманчивой прибрежной тьме. Многогранная реальность нового мира не складывалась в целостность – разрозненные осколки плавали в непроницаемом тумане странного и неведомого, который намекал и обманывал. И в молочном стелющемся обмане ярко проступили чьи-то невразумительные черты. Серая маска.

Лицо было единственным серым пятном, выделявшим его на фоне ночи.

***

Тихо было под ночным небом Ванденберга. Но раскаленный воздух нес тревогу на крыльях западного ветра. Под крышей Холодного Дома, в похожем на свечение полярных льдов горении люминесцентных ламп среди изумрудов компьютерных терминалов стоял совершенно лысый высокий человек в белом халате. Глубокая борозда между бровей и зигзаг строгих усов очерчивали грани тяжелой, сумрачной думы.

Сзади подошел еще один человек в белом.

- Доктор Савадж, прилетели еще трое. Они привезли несколько Модулей к Конструктору.

- Вот как? Значит, в покое нас не оставят.

- В покое нас не оставят в любом случае. После того, что мы видели. После того, что знаем.

- Да. А как… доктор Моро?

- Он не появился, и связаться с ним нельзя. Боюсь, они оставили его *там*.

Доктор Савадж наклонил голову. Он молчал долго.

- Мы будем называться «Серым братством». Мы порвем связи с внешним миром. Нужно разработать собственную систему кодировки сообщений. Нужна альтернативная система связи. Мы не можем доверять протоколу Аквинас.

- Доктор Савадж… Нужна своя система безопасности. Мы знаем слишком многое. Мы… можем быть мертвы.

- Им удалось убить Братьев?
- Нет.

Слово приобрело эффект, замораживающий виски.

Значит, всему конец. Рано или поздно. Они принесут гибель, когда будут *высвобождены.* А это будет скоро

Глава 3
Представление

Куда тропинка ведет?
Иду и пою одинокий,
И путь мой далекий,
далекий…
Антонио Мачадо

Отголосок эха оторвал его от размышлений.

«Взвод сержанта Берри уничтожен и обращен в бегство. Они наткнулись на роботов. Вы идете вперед один. Будьте осторожны, помните о Цели.»

Он спрятал бинокль, закончив изучать побережье и сонное пространство океана между континентом и северо-западной частью острова. Корабли загружались, маленькие и далекие, разворачивались и уходили вдаль. На воде, разбавленной желтоватыми течениями, легко колебались маленькие зажженные маяки. От луны осталась ровно половина, глядеть на древнюю луну было приятно потому, что матовый холодный отблеск отвлекал от любых мыслей о собственной никчемной судьбе, и радостных, и, что особенно радовало, горьких. Луна оставалась неподвижна, а тысячи облаков, рваных старых лоскутов, мчались вокруг планеты, пытаясь опередить свою недолговечную судьбу хотя бы на миг. Луна и дерево. Ветер унес его к статуе, мимо угрюмых теней в масках, которые скрывали лица. Открывая двери, взлетая по лестницам, почти не касаясь ступеней, стремясь к самой вершине, к подножию обезглавленной статуи, он вдруг вспомнил о Гюнтере, огромном агенте, который должен где-то внутри томиться в плену.

Плен. Нетрудно было представить себе гиганта с окровавленным лицом, привязанного к креслу в четырех стенах, без права и надежды выбраться из каменного мешка. Он шевелит сухими разбитыми губами, тяжело, прерывисто дышит, вспоминает, как на предсмертном суде, преступления и заслуги прошедшей жизни. Коварная щекочущая тишина доводит до безумия и волосы становятся дыбом, когда совсем

близко в темноте напомнят о себе крысы. Они будут ждать столько, сколько потребуется.

Он медленно двигался между колонн, а тень верным спутником скользила по стене, замирая по первому требованию. Большие вазоны с искусственными цветами, пусть они неприятно пахли пластмассой, помогали скрываться от глаз камер. Но с людьми – с людьми будет труднее...

Два стражника «Синего Цветка» стояли у проема, ведущего к лестнице. Стояли намертво, не собираясь пускать никого. Обрывки фраз были пойманы чутким слухом.

- По-моему, они выиграли больше, чем мы, подарив нам этого монстра.
- Это Гюнтер, их суперагент.
- Убийца?
- Не совсем человек. Отличный боец, убил троих наших в первые секунды.
- Они отрезали ему руку, заменили пол-лица...
- Они бы заменили его полностью, если бы это сделало его еще точнее и эффективнее в бою.
- Возможно, они и сделали это. Создали просто похожую на человека машину, более мощную и безжалостную, чем человек. Просто никто из нас не знает. Будь с нами несколько таких бойцов – и мы могли бы быть непобедимы.
- Лучше не надо. Стоя плечом к плечу с другими и не подозревать, что кто-то из них не человек – это слишком.
- Почему?
- Потому что это не заметно и... и... Можем стать, как они.
- Это все ерунда. Подумай лучше о том, что Гюнтер уничтожил бы нас голыми руками, не будь он заперт там, откуда не выбраться.
- Они используют облик человека, как прикрытие. За этой маской может быть все, что угодно. Если тебе это ни о чем не говорит, то не удивляйся, если однажды безумие постучит в твою дверь.
- Если уж на то пошло, среди самих людей столько психов, нелюдей, монстров, иногда даже чудовищ. Но человечество как-то живет с этим.
- Я говорю о другом, и ты это знаешь. Под маской может скрываться что-то совершенно другое. *Иное*.

Силуэт в черном присел, его внимание привлек старый пыльный листок. Разговор двоих тек в своем русле, хотя уже утратил напряженную, полную динамики *недоговоренность*.

- Я так хочу домой, - боец «Синего Цветка» в маске вздохнул. - но я умер не вчера. Я умер давно для прошлого. А

будущего... Знаешь, я иногда себя спрашиваю, зачем я делаю это. Ведь в этом так мало смысла.

- Как зачем? Ты же не хочешь заболеть. Ты так же боишься Серой Смерти, как и остальные.

В трех отделенных сознаниях в унисон возник один и тот же образ. Серая маска с пустыми глазницами.

Пыльный листок, вырванный из тетради, был забыт здесь, как мусор. Силуэт в черном взял его двумя пальцами и расправил. Обрывок бумаги, и только – но все имеет смысл... Для кого-то.

Мелким неровным почерком, словно нанесенным на весу, была покрыта серая бумага.

«Рут, я хочу, чтобы мы поженились в статуе. Вчера я смотрел на звезды с ее вершины, и увидел там тебя. Я люблю тебя. Кевин»

Легкая тень пробежала по лицу черной кошкой. Кевин – имя смутно знакомое, давно забытое, где-то виденное. В списках мертвых – не живых.

Покосившись, перевернулся и глухо поцеловался с камнем пластмассовый цветок, всколыхнув застоявшуюся тину тишины.

Долгая ночь. Пусть она только началась. Он крался по коридору, готовый в любой момент раствориться во мраке. Но коридор пустовал, и черные двери не открывали своих тайн. Только одна, последняя, была приотворена, и луч света рвался извне наружу – неизвестно, шпион врага или безмолвный сообщник.

Он открыл дверь без скрипа. За столом спиной к нему сидел человек в маске и что-то читал. Наверное, он услышал что-то, или просто решил пройтись, потому что мгновением позже он покинул комнату. Силуэт в черном остался один – и осмотрелся. Еще одна дверь - бронированная, вела в смежное помещение. Он колебался, искать ли путь в него, но красное сверкание чьих-то глаз в окне заставило его остановиться на полужесте.

- Откройте дверь, агент.
- Как?
- За цветами стоит компьютер охраны. Вы знаете, как им воспользоваться?
- Полагаю, да.

Дверь медленно распахнулась в течение мгновений, когда уже были слышны приближающиеся шаги возвращающегося стража. Громадная фигура огненным ядром вырвалась из

плена, и мощный удар в голову опрокинул вернувшегося и готового к выстрелу стража.

- Слишком медленно, агент. Дайте мне оружие и отойдите с дороги.

Колосс, которому силуэт в черном, сам не маленький, едва доставал до плеча, вызывал далеко не симпатию – кому-то, возможно, он внушал безотчетный страх, почти ужас. Как первобытный демон, он вращал огромной головой на нечеловеческой шее, выискивая жертву горящими глазами. Тот, кто по сравнению с обычными людьми казался непобедимым, сейчас осознавал, что Гюнтер может уничтожить его одним движением.

Он помогал сейчас этому парню с серым лицом… Странно, что ему понадобилась помощь.

- Но у меня нет оружия, - произнес силуэт в черном тихо.
- Как это? – огромная голова минотавра быстро повернулась к нему.
- Оружие мне не положено по штату.

Намек на недоумение исказил грубые черты.

- А тот ли вы, за кого я вас принял?
- Именно тот. Можете не сомневаться. – прозвучал один и тот же ответ во второй раз.
- И каково это – отправляться на задание без оружия? Я ведь был вашим инструктором по тактике, не так ли?
- Да. Но я не нуждаюсь в оружии. Во-первых, оружие придает ложную уверенность там, где никакой уверенности быть не может и шансы на успех ничтожны. Можно частично утратить бдительность, а это недопустимо. Второе: можно в схватке убить того, кого убивать было необязательно. И, наконец, твое оружие может обернуться против тебя, оказавшись в руках врага.
- Это не слова профессионала, а ваше поведение удивляет меня, - гигант взмахнул рукой. Его ладонь была покрыта глубокими старыми рубцами, будто ее владелец пытался сломать острую саблю, хватаясь в бешенстве за ее лезвие. – Следуйте приказам. Я зачищу здесь территорию… без оружия.
- Их много здесь, - заколебался он, не замечая, что давно находится наедине с собой.

Гюнтер исчез в хитросплетениях коридора, улетучившись, как предрассветный кошмар. Силуэт в черном вновь остался один перед лицом тишины.

Кто он..? Эхо…

Не стоит спешить – ночь длинна, и уже ничья жизнь, кажется, не под угрозой в этих стенах, кроме его собственной –

и его врагов. Враги, пожалуй, не подозревают пока, чьи они враги. Это не в счет… Ночь принадлежала ему.

Верный своей склонности, он задержал на минуту взгляд в поиске обрывков слов - обрывков смысла. Любой листок бумаги, испачканный незаконченной мыслью, любой обрывок газеты, документ, надпись – ничто, попавшись ему на пути, не оставалось непрочитанным. Такова была его особенность. Тем более – все обретало особенный смысл в эту ночь.

На столе лежал вчерашний номер «Сына полуночи». Боб Пейдж с первой страницы грустно улыбался в своем слепяще-белом костюме. «Трансгуманизм – опасная идея современности»

«…Если эти люди изменят свою природу, усовершенствуют себя физически, продлят жизнь и оградятся от болезней, то кто решит, какими будут их права и привилегии по сравнению с оставшимся большинством человечества кто поручится, что они не захотят претендовать на исключительные права, обосновывая свое право интеллектуальным и биологическим превосходством?

И главное… будут ли они еще людьми?»

Он не придал этому значения. Гораздо большее внимание привлекла желтая бумага, как будто вырванная из старой-старой тетради. Корявым почерком было выцарапано несколько строк.

«Остров Свободы – Адская Кухня – Аэродром – выход?

Дьявол. Дьявол…. Дьявол.

Скоро конец. Кто-нибудь узнает тайну?

Пол предупреждал. Он скоро появится. Ждем».

Ничего особенного. Он запахнул полы плаща, поежившись от ночной прохлады. Машинально он вскрыл и опустошил банку с содовой, стоявшую на столе. Ему хватило взгляда, чтобы выучить записку наизусть. Теперь, при необходимости, она материализуется в любой момент.

Он беззвучно взлетал по многочисленным виткам лестницы наверх, к самой крыше, на которой покоится статуя с отбитой головой. Кажется, с этого все началось. Статуе отбили голову.

Нет, с чего-то другого.

«Медь может позеленеть и покрыться ржавчиной. Кто ручается, что то же не произойдет с нашей свободой». Это про статую.

Он видел собственными глазами. С крыши дома было занятно наблюдать за переменчивостью вечерних сумерек, когда упала огненная звезда, и после вспышки статуя

предстала уже другой – обезглавленной. Жутко было оттого, что прочно несущая факел рука была по-прежнему устремлена вверх, выражая что-то… чего нет и не будет.

Человек слишком концентрируется на себе, а потому глохнет, подумал он. А ведь нужно совсем немногое: вжиться в этот мир, каков бы он ни был, стать его частью и попытаться услышать его дыхание. И тогда придет могущество. И сонный враг не заметит призрачной тени…

Эхо молчало уже долго, и головная боль прошла. Он был почти благодарен тем невидимым закулисным операторам за их молчание.

«Я не дождусь этого утра» - сонно прошелестел страж.

Чем выше он поднимался, тем более далекими и безопасными становились тени и шепоты тех, кто здесь обитал. Последний дымящий сигаретой часовой остался позади в полумраке. Силуэт в черном ожидал увидеть то, что увидел. Он не удивился, скрестившись взглядами с кем-то одиноким в пустой комнате на самой вершине, ожидавшим его, стоя на широко расставленных ногах. Темное лицо пересекал глубокий гноящийся шрам, но и он только подчеркивал странную скорбность, даже унылость его черт.

- Вы командир этого отряда.

- Вы пришли убить меня? – спросил незнакомец в ответ очень спокойно. – Я знаю. Но ведь и это ничего не изменит.

- Убийство вас в мои планы не входит. Но если хотите…

- Вакцина уже на дороге к людям. Вы ничего не сможете с этим сделать.

- Меня не интересует вакцина. Я должен узнать лишь одно: почему «синий цветок»?

- Вас не интересует вакцина? – недоверчиво спросил командир. – Бросьте. Это единственное, что вас может интересовать. Тысячи погибают от Серой Смерти каждый день, а мы перехватили не мелочь – целый грузовой корабль с вакциной. И вы после этого говорите, что вас интересует лишь «Синий Цветок»?

- Я повторяю: оставьте себе ваш груз. Почему вы называете себя «Синим Цветком» - только это интересует меня. Только это важно, – силуэт в черном попытался быть непреклонен и грозен.

- Вы даже не спросите, зачем нам это нужно?

- Расскажите мне то, о чем я прошу, и я позабочусь, чтобы вам сохранили жизнь.

- Хотите знать, почему мы взорвали статую?

Силуэт в черном устало оперся о покрытый ледяным налетом стальной ящик.

- Меня это не интересует.

- Так вот, о статуе. Открою вам секрет: мы ее не взрывали. Мы просто не смогли бы – у нас нет таких снарядов.

- Вам напомнить мой вопрос?

Лицо террориста вдруг сделалось необычайно серьезным.

- Вы ведь тоже убийца, не так ли? Лучше бы вам не задавать этот вопрос.

- Почему?

- Потому что вы ввязываетесь в нехорошую, недобрую психологическую игру. Синий цветок еще никому счастья не приносил.

- Так что же это такое?

- Не требуйте от меня ответа.

- Следовательский отдел Коалиции не будет так терпелив.

- А-а, тайная полиция. Думаете, ее это будет интересовать? Да вы просто пушечное мясо для незаконного правительства в Вашингтоне. Орудие, от которого однажды избавятся за ненадобностью.

- Я устал от вас.

- Скажите правду: вас с детства учили насилию? Сначала с помощью телевизора и компьютерных игр. Вам забивают головы, чтобы вы разучились отличать добро от зла, истину от неправды.

- Наверное, вы знаете истину, которая дает вам право убивать невинных людей. У вас ничего не выйдет – на защите людей стоит закон, и я его представляю.

- У людей нет выбора. Все равно приходится умирать – рано ли, поздно. Все равно приходится страдать – и каждому именно его страдания кажутся самыми сильными, невыносимыми. Это террор, террор, вжившийся в судьбу.

- Террорист – это вы – самая большая беда этого столетия. И я буду бороться с ним, следуя присяге, данной Коалиции.

Террорист смерил силуэт в черном взглядом человека, который сказал не все, что знает. Такие взгляды приносят первые ростки тревоги.

- Вы ошибаетесь, молодой человек. Терроризм, несмотря на его ужасы, не самое страшное в нашем веке. Самое страшное – Серая Смерть…

Фантазия в серой маске попыталась напугать сознание мгновенным оскалом. Террорист продолжал, все больше понижая голос:

- А вы настолько спокойны, словно и не знаете, что такое Серая Смерть.

- Действительно, это для меня новое словосочетание. Может, я где-то и слышал…

- Правда? А может, она просто не угрожает вам? Посмотрите-ка на себя. Вы точно не машина? Безжалостная, совершенная. Вы вошли в статую, не пролив крови, но ведь могли бы уничтожить всех ее обитателей, не так ли? Вы сделаете все, что от вас потребуют, и, совершая преступление, будете думать, что защищаете закон. И не будете знать, чей силуэт виднеется за кулисами. Вам и не нужно будет знать – обработанной психике исполнителя будет достаточно отвлекающей оправдательной, глубоко не подкрепленной концепции. Я не скажу больше ни слова – это бессмысленно. Но… не пробовали вы на миг открыть глаза, присмотреться, увидеть, что кое-что все же не так. Что-то происходит. Думаете, я знаю, что? Нет. И это убивает меня. Но ключ – Серая Смерть.

- Я спрошу в последний раз: что такое синий цветок?

Террорист вдруг усмехнулся нехорошей улыбкой.

- А вот этого я тебе не скажу. Ты сам узнаешь – сам найдешь, позже, случайно. И тогда, когда синий цветок будет обнаружен…ты что-то почувствуешь.

Силуэт в черном уже не слышал. Отвернувшись и спускаясь неторопливо по лестнице, он не боялся выстрела в спину. Он знал – выстрела не произойдет. На лестнице он обернулся еще раз:

- Если вы убежите отсюда, я вас найду.

- Мне некуда бежать, - новый пленник не шелохнулся.

Мимо, едва не сбив с ног, но и не заметив его, пробежал солдат Коалиции. Все кончено.

Остался неприятный привкус, как у человека, очнувшегося на долю секунды во время тяжелого сна.

Глава 4
Посвящение

Жил на свете рыцарь бедный
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,

Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижимое уму, -
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.
Александр Пушкин

Израненные солдаты, остаток взвода, медленно поднимали голову и выбирались на причал. Роботов не было видно нигде. Динамик словно оглушительно захрипел, но на этот раз принес не парализующий страх, а облегчение.

- Операция успешно завершена. Сбор у штаба, уже освобожденного.

Они переглянулись. Никого не было на острове, кроме них. *Некому* было освобождать… Может, Гюнтеру удалось самому выбраться из плена?

Они неторопливо пошли туда, где зеленые вертолеты много лет накручивали темное пространство на свои винты, к отгороженному серыми стенами мирку, где трава всегда была очень зеленой и свежей. Штаб Коалиции. Везде, где пятнадцать минут назад стояли посты часовых, места теперь пустовали. Даже трупов не осталось. Как будто они… ушли, а не были убиты. Обманчивое ощущение – Гюнтер сработал оперативно.

Кто-то медленно шел по той же алее и дороге, но только навстречу. Кто-то в черном, кого, как тень, трудно разглядеть сразу. Статуя с оторванной головой нависла над ним, не заслоняя. Сержант Майкл Берри остановился.

- Я не знал, что кроме нас кто-то еще есть на острове. Кто это может быть?

- Наверное, он прибыл пару минут назад. Может, этот тот гражданский, которого обещали прислать? Психолог, кажется.

- Не знаю, зачем он нужен теперь.

Незнакомец приблизился на расстояние полета кинжала. Теперь его можно было рассмотреть. Он шел очень неторопливо, как-то собранно, одинокий и спокойный. Лицо его было бесцветным, если такое слово может быть применено к человеческому лицу: изучавшие его десятки глаз не могли ухватиться ни за единую особенность, соскальзывая, словно с покрытого льдом замерзшего озера.

- Неприметная внешность, таких людей обычно не запоминают, - тихо констатировал Майкл Берри. – Не

исключено, что я видел его раньше на пересечении путей Коалиции, но сейчас не могу вспомнить.

- Вы не могли видеть меня раньше, сержант. Я вчера только закончил Академию, - ответил вдруг сильный глухой голос. – Меня зовут Джесс Дентон, я оперативный психолог и ответственный за морально-психологическое обеспечение операций. Новая штатная должность. Возможно, вы встречали моего брата, Пола Дентона, специалиста по соблюдению международного гуманитарного права.

Все же одна особенность была у этого незнакомца, не вызывавшего никаких чувств, даже легкой неприязни, обычно закономерной во время неожиданных встреч. Надуманная особенность. Чудак носил черные солнцезащитные очки, и это несмотря на кромешную ночь вокруг. Черные стекла хорошо прятали глаза, хоть никто не ожидал увидеть в них что-то необычное, что-то пропадающее…

- Конечно, я знаю Пола Дентона. Что происходит? – спросил сержант. – Кто объявил о завершении операции, и где террористы?

Дентон вдруг повернул к нему лицо, и произнес, скорее утверждая:

- Вы боитесь.

- Нет… Откуда вы знаете?

- Особенности моей работы. Нет причин для страха. Командир повстанцев арестован, террористы освободили остров. Опасности больше нет.

- Откуда вы знаете? Вы… были здесь?

Дентон помолчал мгновение. Свет оставшихся целыми фонарей скудно освещал его размытую фигуру посреди дороги, ветер злобно терзал полы длинного плаща, который можно было назвать старинным. Вокруг него, как центра, поднимались в танце хороводы сухих осенних листьев, они улетали все дальше и дальше, как стайки ночных птиц, шепча о чем-то своем. О чем-то важном.

- Разумеется, нет, я ведь гражданское лицо. Я прибыл пару минут назад, а о завершении узнал из штаба. Кажется, это Гюнтер постарался: ему удалось бежать из плена.

- Мы так и предполагали,- ответил Берри вяло. – Мы поздравим Гюнтера.

- Да, – кивнул Дентон. – Идем вместе.

Посыпанная гравием дорожка привела к закрытой территории, огороженной каменной стеной. Справа готовился взлетать зеленый вертолет. Только верхняя часть стен и крыша здания выходили на поверхность, остальное пряталось глубоко

под землей. Дверь была открыта, а на пороге стоял Пол Дентон, глядя в их сторону. Он не носил очков – он носил тонкие усы и бороду. Вот все, что отличало его от брата. Хмурые, бесцветные люди, чей возраст трудно определить. Но разница в возрасте была значительной, наверное. Сержант Берри подумал, что видел его не раз с тех самых пор, как начал служить в коалиции, но только как-то эпизодически, бегло, как-то так, что мысль или вопрос об этом человеке не успевали появиться.

Пол Дентон выглядел уставшим. Его брат остановился за полшага и замер. Сержант продолжал искоса наблюдать за ними, но глухие голоса звучали недостаточно отчетливо, чтобы можно было услышать хоть слово.

- Нас здесь не любят, - сказал Джесс Дентон брату, чувствуя на затылке ноющие уколы чужих взглядов. – Этого нельзя не почувствовать.

- Да нет, - услышал он немного охрипший голос, знакомый и одновременно такой новый. – Просто не замечают. Придется к этому привыкнуть.

- Но почему? Они ведь знают… - начал Джесс и забыл, увидев то, чего раньше не было: много серебристых нитей в черноте волос, несколько морщин на пересечении бровей. Такие морщины вырубает, как топор в камне, только невероятное напряжение…или горе.

- Нет времени говорить об этом… Мы не виделись довольно давно, - заметил Пол.

Последняя фраза показалась Дентону нелепой, глаза брата - пустыми, рукопожатие - холодным. Его пробила дрожь, наверное, от ночного холода.

- Твое появление очень неожиданно. Я думал, ты в Гонконге сейчас.

- Я вернулся специально, чтобы помочь младшему брату освоиться первое время. Добро пожаловать в Коалицию, Джесс.

- Это действительно так? Это единственная причина твоего возвращения?

В глазах Пола появилось что-то бесформенно-тяжелое, но исчезло до того, как было поймано.

- На самом деле, мне помогли вернуться. Я помешал убить главу триады в Гонконге. Не знаю, что они задумали.

Дентон попытался убедить себя, что неприятный укол тревоги в спину – иллюзия.

- Какой триады?

- Как ты закончил академию? Жаль, не получилось приехать к тебе на выпускной. Когда выпускался я, то смотрел

в счастливые глаза моего отца и мамы, а ты… Наверное, тебе тоскливо было проводить свой праздник в одиночестве?

- Я хочу знать, что случилось. Тебя отстранили от задания… или что-то еще? Может, мне стоит об этом знать?

- Мелочи жизни, Джесс, - вздохнул Пол легко. – Поговорим лучше о тебе.

- Мы не виделись два года, но мне кажется, что прошли десятки лет с момента последней встречи. А ты, Пол, стареешь вдвое быстрее.

Лицо Пола стало грустным.

- Пройдет меньше года, и ты будешь изумлен, насколько изменишься. А мир изменится и поразит тебя свой метаморфозой еще сильнее. Лучше приготовься к этому. – Пол никогда не улыбался, и трудно было угадать, в каких случаях он шутит, а когда говорит серьезно. Однако голос его звучал зловеще.

- Не знаю, что ты имеешь ввиду, и может ли что-нибудь еще удивить по-настоящему после сюрпризов Академии. Но мир действительно изменился с тех пор, как я ушел. Или это мне, отвыкшему, кажется?

- Да, шесть лет взаперти, - я помню, каково это. Интересно было учиться. Но Академия – ничто, даже не бледная копия *нашей* реальности. Твои слова звучат глупо.

- Где-то я уже слышал об этом. Ты остаешься в Нью-Йорке? - кивнул Дентон.

- Первое время. Так как твои выпускные экзамены?

- Как у всех. Вышел через задний ход, перед этим насмотревшись много странных вещей.

- Жаль, я не смог приехать вчера. Я помню этот день, восемь лет назад. Возможно, тогда все было немного иначе… Ты доволен?

- Не знаю, - ответил Дентон вяло. – Я чувствую себя немного старым, хотя усталости и нет.

- Наши родители тогда еще были рядом, чтобы порадоваться вместе со мной. Жаль, о тебе некому было заботиться.

Разговор все больше отягощался. То, о чем он рад был забыть, всплыло в памяти на поверхность.

- Ничего… Я привык заботиться о себе сам.

Дентон увидел, как после его ответа с лица брата будто слетела легкая маска. На лоб вернулась тяжелая складка.

- Тебе будет трудно, Джесс. Особенно вначале. Это не та работа, которая приносит счастье. Но она нужна. Она нужна, черт возьми…

- Борьба с террористами?

- Террористами… Не только, - ответил Пол странно. Очень важно только, чтобы ты помнил, каковы твои цели, чтобы…

Пол осекся на полуслове.

- Что? – подтолкнул его Дентон.

- Я хочу сказать: важно не забыть ни на миг, что мы миротворцы. Наша главная задача…

- Защищать людей.

- И не заблуждаться.

- Не заблуждаться?

Дентон почувствовал огромную недоговоренность в последних словах. Тяжелые пласты смысла прорывались наружу, но были стеснены рамками невысказанности, как цепями.

Кажется, его брат стал другим человеком. Тем, кто может *что-нибудь скрыть*. Тем, кто озабочен. Дентон отвернулся на мгновение, не испытывая никакого интереса к тому, что происходит вокруг. Оказывается, он не знал, как болезненна бывает недосказанность с близким человеком. Остатки неуверенности вытеснило новое чувство – тоска. Дентон отогнал ее – тоска была не вовремя.

- Ты давно на острове? – спросил Пол, поймав на лету глазами неведомый луч света. Глаза на миг стали стеклянными.

- Не слишком. Совершил ночную прогулку.

- Так просто? Надеюсь, ты действовал обдуманно.

- Я тоже на это надеюсь.

- Спускайся вниз, к Джозефу Мандерли, нашему новому шефу. Мы встретимся там позже. И еще, Джесс. Будь осторожен. Вернувшись сюда, я обнаружил в агентстве интересные вещи.

- Например?

- Мало кто остался из первоначального состава. Людей меняют, и продолжают менять, на их место приходят незнакомые лица. Очень многих моих друзей из Коалиции уволили за последние годы.

- И что?

- Это не очень хорошее явление для любой организации.

Дентон ступил в просторный холл. В полированных гранях помещения можно было видеть множество собственных отражений, но не полных, как в зеркале, а каких-то ущербных. Легкая неприязнь к этим стенам усилилась ощущением «deja vu», повторения того, что уже однажды было.

Перед компьютерным терминалом сидел дежурный солдат.

- Привет, агент. Меня зовут Ллойд, я видел вас в Академии. Наверное, вы меня не помните.

Дентон помнил, но его уязвило другое. За искренней маской дружелюбия он и здесь уловил какую-то почти враждебность, необоснованную, не вызванную ничем. Она читалась в глазах между строк, и не была целенаправленной или агрессивной – а более походила на отчужденность. Возможно, его брат чем-то настроил их против себя?

- Добрый вечер. Теперь, наверное, я буду работать с вами в агентстве.

- Всегда добро пожаловать. Кстати, ваш брат - отличный парень. Не сомневаюсь, что вы такой же.

Последние слова были сказаны искренне. Но два противоположных чувства не могут быть искренни одновременно… Разве только одно из них появляется против воли, из подсознания, эмоционально.

Маленький штаб был сердцем коалиции, где планировались все операции. Три этажа уходили под землю, петляя и разветвляясь на залитые ярким светом сухие коридоры. Три – о которых знал Дентон и большинство персонала. Хотя было несколько дверей, о назначении которых можно лишь догадываться – и не угадать.

Штаб был грозным и снаружи, и изнутри, но, проходя по коридорам, оснащенным сигнализацией, линзами-глазами камер и зеркалами, в которые не стоило смотреть, Дентон отмечал, что они пусты. Лишь из-за стеклянных дверей отсутствующими взглядами взирали солдаты, оставленные на дежурстве. Ну разумеется, ночью большинство или спят, или работают под покровом темноты.

Свет в коридорах был настолько ярким, что почти резал глаза, будто стремился заставить людей забыть, что они под землей. Дентон увидел знакомый значок на двери и зашел в комнату для умывания. Не помешает освежить лицо горстью холодной воды. Два офицера стояли между душевыми кабинами и курили, изредка переговариваясь. Один из них заметил Дентона и нарочно повысил голос.

- Смотри, это и есть тот новенький, кого прислали к нам сегодня после окончания Академии? Кажется, психолог, или что-то вроде этого.

Дентон подошел ближе.

- Мы знакомы, офицер?

- Капитан Керри, командир отряда сил Коалиции в Нью-Йорке.

- В целом Нью-Йорке? Меня зовут Джесс Дентон, я действительно работаю здесь с этой ночи.

Керри бесцеремонно долго разглядывал его.

- Я хочу задать вам вопрос, Дентон. Тот самый вопрос, который я тщетно много раз задавал вашему брату, так и не получив внятного ответа. Зачем вы здесь, Дентон? Зачем вы здесь? Вам, наверное, интересно, почему я спрашиваю. Просто… я был в этой вашей Академии – проходил там интенсивные курсы переподготовки. Довольно скучное место. Так вот – там, в этой Академии, нет таких субъектов, как вы. Откуда вы пришли, Дентон? Не из Академии, точно. Коалиции ведь не нужны психологи, здесь боле в цене убийцы, умеющие работать под прикрытием, или люди, обладающие криминальным талантом хакера, взломщика, шпиона… Удовлетворите мое любопытство. От Мандерли ведь я этого не узнаю.

- - А где это я по-вашему провел в таком случае эти шесть лет? – и Дентон и вспомнил пространства, огни, молчание… нарочные молчания. – Честно говоря, это я узнаю от вас много нового. Особенно про убийц и уголовников. Я думал, вы не станете так отзываться о Коалиции…

- Я хотел бы, Дентон, чтобы вы уяснили. Вы ведь еще почти ребенок, но я скажу вам на равных. Вы можете ничего не говорить. Но та атмосфера, которая образовывается вокруг вас и вашего брата, почему-то отталкивает и вызывает неприязнь. Вы можете это объяснить?

- Нет.

- А я могу. Вы похожи на убийцу, Дентон. А ваш брат – вообще на дьявола, который гуляет в ад и обратно в свое удовольствие.

- Я мало что понял, офицер. Моя единственная задача – морально-психологическое обеспечение операций.

Глаза капитана сузились, хоть в них и читалась умело скрываемая растерянность.

- Видели камеры наблюдения в коридоре? Таких же камер много в кабинетах, домах, на улицах городов и автомагистралях, на земле и под землей. Они считывают все, все записывают. Все равно ведь полная таинственность вам не удастся.

- Камеры – это еще не все… - произнес Дентон без видимой связи, потом закончил. – Вообще-то я в штабе только

второй раз, первый раз вообще был экскурсией. Мне хотелось бы заглянуть в свой кабинет.

- Разумеется, агент. Но помните то, что я сказал: все тайное станет явным рано или поздно… Кстати, вы были когда-нибудь в Сан-Паулу?

- В Сан-Паулу? – спросил удивленный Дентон. – Нет. Зачем…

- Повезло вам. А я был в трущобах Сан-Паулу пять лет назад. Жуткое зрелище. Миллионы людей живут там в условиях антисанитарии, голода и отчаяния и хотят умереть. И знают, что их смерть принесла бы облегчение и им самим, и надорвавшейся планете…

- Зачем вы мне все рассказываете?

- Да потому, что теперь все изменилось за последние годы. Трущобы почти опустели. Там стало легче дышать. Серая Смерть помогла. Это вам так, на будущее. Шагайте.

Дверь в его кабинет была не заперта, будто его ожидали. На столе лежал, раскрытый, устав Коалиции, его страницы были подсвечены изумрудным сиянием экранов терминала. Он оглядел совершенно пустую комнату. Здесь не было ничего, что говорило бы о нем. О его будущем или прошлом. Ровным счетом ничего.

«Миротворец Коалиции должен помнить, что жизнь граждан, которых он защищает - главная, невосстановимая ценность, и ни при каких обстоятельствах она не может быть принесена в жертву».

Дверные петли издали свистящий звук, Дентон поднялся при виде вошедшего.

- Присаживайтесь, агент. По-видимому, вы не слишком торопитесь ко мне с докладом, - сухой высокий мужчина лет пятидесяти с длинными серебристыми усами и волосами цвета ртути изобразил добродушие. Морщины избороздили его лицо, как трещины разбитого стекла.

- Наверное, вы Джозеф Мандерли, директор этого агентства. Меня командировали сюда сегодня вечером, после окончания Академии. Буду рад работать под вашим руководством.

- Да, психолог, я слышал. Я действительно руковожу нашей маленькой элитной организацией с недавнего времени. Могу вас заверить: я справляюсь с этой задачей. Все-таки странно: в тот же вечер, стоило вам покинуть стены Академии, и вы уже здесь. Без отдыха, без возможности прийти в себя и свыкнуться.

- Мне сказали, время не ждет.

- Это действительно так, - ответил Мандерли глухо. – Примите мои извинения за ситуацию наверху.

- Освежающая перемена после Академии.

- Я… пока доволен вами.

- Вы знаете, кто я. Вы… посвящены? – спросил Дентон с ударением.

- Да, если вы действительно тот, за кого я вас принял.

- Я думаю, вы не ошиблись. Правда, мне не удалось узнать того, о чем вы просили.

- О синем цветке? Не переживайте, у вас еще будет время. Слышал, у вас собственный, особый стиль работы, что вы в этом плане такая же дрянь, как и ваш брат. Но не забывайте, что мир больше не ограничен стенами Академии, ее уютом. Холодный ветер неопределенности дует в лицо.

- Академия не всегда была так уж уютна.

- Я знаю. Но она всегда была относительно безопасна – даже в тяжелые времена Гюнтера, ее первого выпускника, или его ученицы Анны Наварре… Теперь вы уже не почувствуете безопасности нигде.

- Что это означает?

- То, что я сказал. И не забывайте о важности понятия «лояльность». В обществе, разорванном бедствиями и Чумой, уже трудно найти в чистом виде солидарность, общность интересов, сострадание. Осталась лишь лояльность: каждый представитель либо лоялен к существующему порядку, и может в нем существовать, либо нет, и тогда он уходит в тень либо начинает войну – становится террористом, иными словами. Любой, кто встречается на вашем пути, может оказаться нелоялен, а если он и лоялен, то никто не ручается, что он не избавится от лояльности, как маски, как только вы повернетесь спиной, - Мандерли говорил спокойно, будто повторял в очередной раз сказанное неоднократно. Дентон слушал его внимательно и немного удивленно.

- Не совсем понимаю, честно говоря… Никогда не слышал характеристику ситуации в таком ракурсе. Но почему – как там вы сказали? Нет солидарности, общности, стабильности?

- Потому что потрясения в нашем обществе слишком сильны. Мы оказались не готовы. Особенно к новой чуме. Бунты по всей стране, ведь от Серой Смерти погибают тысячи ежедневно. Порой трудно провести черту между террористами и просто отчаявшимися, крушащими в нелепом безумии все на пути на улицах и в домах. Подчас такой черты и нет… Короче, это похоже на войну: между стихией и теми, кто пытается

сохранить остатки порядка. Невидимая война. Большинство остается в стороне. Как и всегда это было

- Да, про войну я слышал. Хочу посмотреть на это сам.

- Ну вот, коротко ситуацию я вам обрисовал. Вы убедитесь во всем сами, а потом вдруг поймете, что это просто бред вашей больной фантазии, - непонятные слова были произнесены без улыбки. - И не забывайте легенду. От нее не следует отступать ни на шаг. Ни вам – ни вашему брату. Кстати, он мне не нравится в последнее время.

- Я долго его не видел, не, знаю, что можно сказать, - ответил Дентон осторожно.

- Ладно, Дентон, перейдем к делу. Мы здесь полагаем на вас большие надежды, вы ведь знаете. Надеюсь, не напрасно. А это большая ответственность. Сообщаю тебе самое неприятное: придется отправляться на дело немедленно, без отдыха. Отдохнешь потом, знакомство с сотрудниками агенства тоже подождет. Мы даем тебе катер, пару советов, - в общем, это все.

- Я не нахожу эту новость приятной или неприятной. Что я должен сделать?

- Многое. Каждую ночь. Речь идет о жизни людей – так всегда. Террористы редко выбирают иные мишени.

- Именно поэтому мы существуем, не так ли?

- Группа террористов из «Синего цветка» заминировала метро в Бэттери-Парке, они взяли троих человек в заложники. Там сейчас наш агент Анна Наварре с ударной группой, но она не склонна к компромиссам. Постарайтесь освободить заложников, пока одна из сторон не убила их в перекрестном огне.

- Вы предоставляете мне полномочия?

- Да. Ты – психолог-профессионал, работа с людьми, а не с мишенями – твой профиль. Это именно то, что нужно.

- Я исполню свой долг. Сделаю все, что смогу.

- Кстати, Дентон, ты не знаешь, что произошло на вершине статуи? Мы никого там не нашли.

- Не имею представления. Откуда мне знать?

- Действительно. Катер ждет у северных доков.

Ядовитая радуга коридоров ловила его в движении, на каждом шагу на пути наверх. Где-то уже было это... Странные сны-воспоминания, стертые намеки на другую реальность. Что-то, чего не было в его жизни ни в Академии, ни в юности, проведенной в трущобах Адской Кухни, но что не давало покоя. Коридоры, шахты... Бесконечные спирали коридоров и... холод.

На выходе в открытое пространство ночи столкнулись трое: Дентон, его брат и осенний ветер, заплетший косы из золота и багрянца листвы.

- Уже обратно? Что они сказали тебе?

- Я еду в Бэттери-Парк, кажется, там нужна моя помощь.

- Заложники, я знаю... Да, не теряй времени. Я встречу тебя в Адской Кухне.

- А ты, тебя куда-то посылают?

- Туда же, в Нью-Йорк. «Синий Цветок» перехватил у нас огромную ценность: несколько контейнеров с Сомой, вакциной от Серой Смерти. Этого количества лекарства хватило бы на миллионы инъекций. Коалиция все еще не теряет надежды вернуть груз назад.

- Я не знал, что Коалиция контролирует распространение Сомы, - признался Дентон.

- Полностью. Никто не сделает это лучше, чем антитеррористический орган ООН. Кстати, там, в Бэттери-Парке, ты уж постарайся. Жизни заложников означают больше, чем тебе может показаться.

- Раньше ты не говорил такими загадками.

- Вскоре не буду. Когда будешь в Нью-Йорке, навести мистера Рентона в Тон-отеле. Вот ключ от моей комнаты. Если захочешь воспользоваться компьютером... Хотя нет, ладно, думаю, я тоже там буду вместе с тобой. - Рука с ключом легла обратно в карман.

- Пол, ты что-то скрываешь, или мне кажется.

- Пол удивленно поднял брови.

- Скрываю? Странная мысль, откуда она у тебя?

- Не знаю. Кстати, будь осторожен. Мандерли сказал, что ты его беспокоишь последнее время. Не знаю, что именно он имел в виду.

- Оглядываясь на последние годы, думаю, после них со мной уже вряд ли может что-нибудь случиться. Это ты, Джесс, береги себя. Академия дала тебе многое, но жизнь будет похуже.

- Я буду обучаться по ходу.

- Надеюсь, ты готов. И мы вкладываем в эту фразу одинаковый смысл, не так ли? - Пол отступил на шаг. - Джесс, поступай так, как подсказывает тебе разум. Избегай необдуманных шагов, и не смотри на тех, с кем тебе придется работать. Помни, *для чего* тебя готовили.

- Снова загадки... Но я не хотел бы разочаровать тебя.

Они обнялись как когда-то в детстве – до хруста костей.

Катер ожидал у причала – тот самый, который привез Дентона сюда. Бородатый рулевой открыл на этот раз дверь, сохраняя философски-безучастное выражение лица. Отделавшись односложной фразой «Поехали», он помчал Дентона в сторону огней Манхэттена. Соленые брызги несли свежесть их лицам, но разбивались о прозрачную преграду и стекали по непроницаемому стеклу, разочарованные.

- Как там сейчас обстановка, в Бэттери-Парке? - спросил Дентон, чтобы развеять обман тишины.

- Узнаете от агента Наварре по прибытию. Я ничего не знаю.

Дентон немного привстал на затертом сиденье из пластика, пытаясь в темном хаосе ветра и летучей воды увидеть что-то важное. Впереди неслись им на встречу россыпи континентальных огней, которые еще не скоро начнут гаснуть в предрассветных сумерках.

Пора вмешаться в сценарий. Когда до берега осталось пару километров, он аккуратно открыл морскому бризу аварийный выход.

- Что вы делаете? - испуганно обернулся моряк.

Странный незнакомец в черном пальто не ответил, исчезая в темном проеме, и неуклюже упал в воду. Раздался мягкий всплеск, темная масса океана цвета отраженного неба охотно приняла в себя новое.

- Что-то мне непонятно... - рулевой стукнул по панели громадным кулаком. Включив аварийное освещение, он начал кружить на одном месте. Потом невозмутимо развернулся и продолжил путь. Он был спокоен.

Глава 5
План

А над городом ночь,
А над ночью луна,
И сегодня луна
Каплей крови красна

В. Цой

На берегу было пусто, как может быть пусто холодной ноябрьской ночью в окружении сырого бетона и темного, нечистого камня у причала. Только на пирсе, у самой воды, свет единственного фонаря заслонял высокий силуэт. Его лицо

было обращено вдаль в сторону океана. Окажись здесь случайный прохожий, он был бы удивлен, узнав, что этот силуэт принадлежит женщине. Ее вполне можно было принять за атлета мужчину, если бы не маленькая грудь и слишком тонкие черты лица. И все же мгновением позже этот случайный наблюдатель, скользя взглядом по узловатой и бугристой поверхности мускулистого тела, спросил бы себя: а все-таки женщина ли это? Человек..?

Серебристый комбинезон и высокие серые сапоги отливали жидкометаллическим блеском, на поясе в кобуре тускло чернел пистолет. Она стояла, устремив взгляд в сторону океана, и, казалось, упивалась своей неподвижностью и спокойствием. Рука мягко лежала на поясе, ни в коей мере не выдавая, на что способен ее владелец. Она чего-то ждала, и ожидание, наконец-то, было вознаграждено. Из черноты ночи вынырнул белый катер, остановившись у самого причала, изувеченного временем. Из кабины высунулось бородатое лицо. Гигант в женском обличье разорвал полотно тишины первым.

- Где Дентон? Новичок, которого ты должен был привезти?

- Я… произошло кое-что странное, агент Наварре. Он упал из катера по дороге сюда.

- Упал?

- Мне кажется, он сделал это нарочно, хотя было похоже на падение. Я искал его в воде целый час, и напрасно.

- Он что-нибудь сказал?

- Ни слова. Просто взял и исчез.

- Понятно. Доложите на остров.

Судно исчезло там, откуда появилось, а Анна Наварре еще стояла несколько секунд неподвижно. Огромный шрам через все лицо, который шел от правого виска, рассекая губы, к подбородку, приобрел странный лиловый оттенок.

«Мне это нравится… Но ведь операцию нужно проводить…»

Она резко обернулась в сторону города, настолько решительно, что бродяга у скамьи вздрогнул, а несуразные черные очки на его грязном лице перекосились.

- Что ты здесь делаешь?

- Я… - оборванец вытер руки о свои лохмотья, - просто хотел присесть, на минутку, - он оперся на скамейку.

Голос бродяги был хриплым, как у старика, каждую минуту переходившим в натужный кашель. Анне стало жаль тратить выстрел на *это.*

- Ты что, болен? Эта территория закрыта для посторонних. Исчезни.

Оборванец послушно закивал и попятился. Анна огромными шагами побежала на северо-восток, ко входу в метро, окруженному баррикадами и несколькими десятками солдат. Пройдя сквозь оцепление, Анна схватила из рук сержанта громкоговоритель и стала напротив входа. Комок свинца отбил осколок камня у ее ног.

- Внимание! У вас есть десять минут, чтобы сложить оружие, или мы открываем огонь на поражение. Живым не останется никто.

Она отбросила громкоговоритель. Капитан в форме Коалиции коснулся ее руки.

- Но, агент, нам ведь даны распоряжения бороться за жизни заложников до конца. Если мы начнем атаку, их убьют. Специалист должен…

- Специалист не прибыл. Я принимаю командование операцией на себя. Мы будем проводить операцию, офицер. Интересно, какая важная птица попала в заложники, раз они так церемонятся…

Анна Наварре кричала громко, так, что каждое слово ее предупреждения доносилось и до побережья, где остался бродяга в нелепых очках. Оставшись один, он снова сел на скамью и закинул ногу на ногу, глядя в сторону моря. Свежий соленый воздух, пусть немного сухой, освежал усталый мозг.

Он не заметил, как кто-то сел рядом. Повернув голову, бродяга увидел мальчика лет двенадцати, такого же грязного и несчастного, как и он сам.

- Эй, мистер… Вы, кажется, не из наших? Я вас раньше здесь не видел.

- Я… забрел сюда случайно, искал место для ночлега.

- У вас ничего нет поесть?

- Ты голодаешь? – он повернулся к мальчику и взглянул на изможденное лицо ребенка. – Хочешь конфету? – Бродяга извлек из лохмотьев плитку шоколада.

- Вы крутой! Спасибо.

Оборванец порылся в карманах еще и извлек несколько затертых кредитов.

- Держи, купишь себе еду. Только смотри, чтобы не забрали. Как тебя зовут?

- Гарри. Если у вас есть деньги, почему вы не купите себе одежду?

Бродяга вздохнул по-старчески.

- Потому что я не могу их тратить.

Гарри помолчал, обдумывая услышанное. Ветер-колючка прикатил к их ногам грязный обрывок полиэтилена. Затем он произнес шепотом, покосившись на странного бродягу:

- Вне закона?

Тот молча кивнул.

- Эй, кажется, я могу вам помочь. Я знаю, где можно переночевать.

Оборванец вдруг встал, обернулся к Гарри и произнес без хрипоты:

- На само деле, мне нужно попасть в метро.

- Там сейчас террористы. Поверьте, вам теперь не нужно в метро. Поезда не ходят, тем более, солдаты и полиция заблокировали вход.

- Ты знаешь, где канализация соединяется с тоннелем?

- Зачем вам… - мальчик вдруг замер. Или вы… вы из Синего Цветка?

- Точно. Слышал о нем?

- Не очень многое. Вообще-то, вы террористы, хотя иногда раздаете людям вакцину от серой смерти, когда вам удается украсть ее…

- Странное сочетание бесчеловечности и сострадания, да? Знаешь, почему мы называем себя Синим Цветком? – взгляд незнакомца вдруг стал очень внимательным.

- Конечно, - кивнул мальчик уверенно. – По имени синего цветка.

- Какого цветка?

- Ну того, что растет везде: в переулках, в парках, на земле и на дорогах… А что, не так?

- Все верно, - кивнул бродяга равнодушно. – Так ты поможешь мне, или нет?

Конечно. Мне известно, где находится люк. Только…там пахнет не очень.

***

Длинный серый тоннель был тускло освещен продолговатыми лампами, половина из которых уже просто чернели, пустые и разрушенные. Между колонн, попирающих сводчатый потолок или удерживающих его, в шахматном порядке располагались ящики с динамитом, а среди них, как призраки, ходили вооруженные люди в масках. Около десяти, достаточно, чтобы не замечать друг друга и выбирать пути, друг друга не пересекающие. В углу, возле остановленного поезда, который так и не поехал дальше, замерли в безжизненности трое тех, кто был единственными желающими

путешествовать ночью в метро, однако так и не доехал до своей станции. На лицах двух мужчин и женщины читалась только усталость и отрешенность: страх ушел в глубокое подполье сознания. Кто-то почувствовал, как в нем закипает ненависть к виновникам этого торжества.

Молчание царило под неровным темным потолком.

Скрип, даже визг отодвигаемой вентиляционной решетки безнадежно спугнул тишину. Двое в масках мгновенно подбежали к проему и вытащили на свет вяло упирающегося бомжа в нелепых солнцезащитных очках.

- Ты что здесь делаешь?

- Я…это…я хотел попасть в метро, но там были солдаты… И одно страшное существо, похожее на робота, затолкало меня сюда…

- Тащите его к остальным, - бродягу поволокли к троим у вагона. – Что ж, сам напросился.

Его оставили вместе с остальными, под охраной одного из террористов, который, видимо, дремал, сидя у колонны. Остальные пленники, кажется, не торопились проявлять интерес к новенькому. Он тоже молчал некоторое время.

Но в воздухе уже повисла роковая неразрешенность.

Бродяга в очках вдруг повернулся к остальным и чистым голосом прошептал:

- Они совершили ошибку, собрав нас всех вместе. Послушайте меня внимательно. Сейчас вы втроем станете так, чтобы скрыть меня от глаз террористов. Когда я разблокирую и открою дверь в вагон, будьте готовы запрыгнуть туда и залечь под скамьями без движения. Только помните: малейшее промедление означает гибель.

Скрытый силуэтами его новых сообщников, бродяга склонился над приборной панелью. Ему потребовалось меньше одной минуты, чтобы разблокировать дверь. Оставалось нажать на кнопку.

Он выпрямился и обернулся. Все было спокойно. Никто не обратил внимания. Они никому не были нужны.

- Подойдите ближе, - скомандовал странный незнакомец. – Готовы?

Створки дверей разъехались в стороны. Все трое мгновенно запрыгнули внутрь. Дверь закрылась. Бродяга в очках остался снаружи. И сквозь разбитые очки увидел десяток стволов, направленных на него. Запахло солью – и кровью.

И в тот миг, когда тишина должна была взорваться грохотом выстрелов, в котором утонет крик жертвы, жертва перехватила инициативу.

Бродяга, который оказался не совсем бродягой, спокойно произнес:

- Вы слишком медленно реагируете, ребята. Наверное, душная замкнутая атмосфера метро действует притупляющее.

Взрывоопасный момент стал неотвратим. Бродяга поднял руку.

- Стоп! – все услышали его тихий, но как-то странно подчиняющий голос, от которого пальцы, казалось, оцепенели на спусковых крючках. – Вы не должны стрелять. Вы должны слушать меня.

Он увидел, что выиграл. Выстрела не произойдет в ближайшие секунды, хотя достаточно резкого движения, чтобы разбудить цепную реакцию.

- При первом выстреле Коалиция начнет операцию. Живым не уйдет никто. Если бы вы, убийцы, убили кого-то из заложников, я бы сам способствовал этому… Но раз у нас получился просто спектакль, самоубийственное представление, то – я помогу вам уйти – в обмен на ваше спокойствие. Я помогу вам уйти в этот раз, а взамен попрошу лишь одно: вы откроете мне тайну вашего имени, скажете, что такое Синий Цветок, а я не скажу никому. Соглашайтесь, это единственный шанс. Повторяю: атака начнется через минуты. А вы не выиграете ничего… даже не убьете меня, хоть и взорвете это, - он даже не повернул головы, но все как по команде взглянули на холодные как лед внушительные ящики, наполненные неуправляемой массой взрывчатки. - Вы будете уничтожены, но… у вас всех есть шанс.

Странный человек выдержал паузу, и слушатели увидели светлые и странно яркие голубые глаза за чернотой очков.

- Я – ваш шанс. Вы должны довериться мне, и останетесь живы, все до одного. Пока, по крайней мере.

- Кто ты?

- Тот, кто может вам помочь. Большего вы не узнаете.

- Зачем тебе это? Если это способ заманить нас в западню, то он слишком простой и дешевый.

- Вот именно, - кивнул странный человек. - Вы уже в западне. Я собираюсь вас отпустить, повторяю, потому что мне кое-что непонятно. И потому, что сейчас вы мне скажете, что такое Синий Цветок.

- Если нас поймают, то что будет?

- Если вы не погибнете в перекрестном бою, в чем я сомневаюсь, то будете арестованы со всеми последствиями, переданы в следовательский отдел Коалиции и осуждены по федеральным законам – за все ваши преступления, о которых

мне неизвестно, но кое-кто, уверен, знает лучше. Но... у вас всех есть шанс. А другого выхода нет.

Люди в масках молчали, все так же держа опасного странника в лохмотьях под прицелом. Сводчатое пространство тоннеля глухо гудело и шептало.

- Ты только хочешь знать, что такое Синий Цветок, Корона Скорби? Почему для вас это так важно? Это единственное условие? - уточнил голос под маской.

- Не совсем. Еще я потребую, чтобы вы оставили свои пушки здесь. Они вам ни к чему. Не будьте сумасшедшими, положите оружие на пол.

Террористы не шелохнулись. Кажется, это этот тип был сумасшедшим.

- Ладно, - бродяга поправил очки. - Оставьте оружие у себя и послушайте. Рядом с тоннелем проходит канализация, соединяющая его с поверхностью. Все выходы из коллектора, все люки заблокированы и охраняются солдатами Коалиции... Все, кроме одного. Там, где канализация поворачивает у самой поверхности к выходу, есть еще один уровень, незаметный с первого взгляда, самый верхний. Не могу сказать, в чем его предназначение. Он ведет немного дальше на север, в сторону парка. Там нет выхода, но есть решетки, сквозь которые поступает воздух с поверхности. Их не охраняет никто. Если решетки сорвать, и быть осторожными...

- Ясно, - перебил человек в маске и обернулся к остальным, - Срывайте люк и выходите по одному. - Он внимательно посмотрел на парадоксального союзника. - Теперь ты хочешь узнать, что такое Синий Цветок? Ты уверен, что тебе хочется знать?

- Мне придется узнать, хочу я этого или нет. Ты назвал его Короной Скорби. Почему?

- Мне придется открыть тебе небольшой секрет. О Синем Цветке нужно говорить после того, как ты увидишь его, а лучше сорвешь и ощутишь прикосновение. Попробуй, когда попадешь в Адскую Кухню. Синих Цветов теперь много: они растут в парках, на улицах и в подворотнях, пробивают асфальт и бетон. Особенно много их в промышленных зонах, забытых всеми, кроме их обитателей, загрязненных и темных промышленных районах.

- Мне кажется, я уже где-то видел это растение... - бродяга изобразил сосредоточенность. Только не могу вспомнить, где.

- Многие знают о Синем Цветке. Знают все, кто хочет знать. Удивительно, что ты дорожишь этим знанием и рассматриваешь его, как некий секрет.

Бродяга внезапно обернулся ко входу в метро. Потом посмотрел на маску своего собеседника. В маску террориста и убийцы, с которым почему-то разговаривал, как с обычным человеком. Они остались вдвоем в этом сером зале.

- Они уже здесь. Если знают многие, узнаю и я. Уходи – немедленно.

Оставшись один, бродяга медленно пошел к дальней стене, к горящей бочке, полуобернув голову ко входу, скользя среди колонн, улавливая боковым зрением малейшее движение, готовый в любую секунду превратиться в шаровую молнию, в неуловимую тень, которая исчезает, и непонятно, была ли она на самом деле.

Солдаты ворвались в зал метро, как переполненный энергией заряд огня или поток воды, ничем неудержимый, готовый смять, сжечь и утопить любое нечто, которое посмеет объявить себя препятствием. Внутри серой каменной сферы сразу стало тесно. Солдаты не встретили преград, лавина захлебнулась в пустоте.

Зал пустовал. Лишь у стены, между горящих бочек, забившись в угол, дрожал оборванец в самых жалких лохмотьях. Десятки автоматных стволов устремились на него, но в следующее мгновение опустились – это было слишком нелепо. Бойцы расступились, бродяга увидел чьи-то длинные ноги.

- Ты откуда. Один из пленников? Где террористы? - спросила Анна Наварре, не понимая, что происходит. - Или... Это тебя я видела там, в парке? - не дожидаясь ответа, она побежала между колонн, загоняя вглубь темноту свирепым взглядом.

Тихий, но почему-то очень сильный голос остановил ее:

- Вы могли меня видеть раньше. Я пришел сюда из парка и спустился вниз, чтобы согреться, потому что наверху холодно, и ветер. Я сижу здесь уже десять минут, и, по моему, единственными посетителями метро за это время было лишь несколько черных крыс.

Анна обернулась к одному из бойцов.

- Как его пропустили, офицер?

Тот молчал несколько мгновений, выражая недоумение. Затем только пожал плечами.

- Разберемся, - Анна обернулась к бомжу. - Иди к черту отсюда. Лучше помойся. Такое впечатление, что ты вылез из канализации.

- Вообще-то, так и есть, - оборванец спокойно пожал плечами, откашлялся несколько раз и зашагал к выходу, пнув по пути брошенный обрез дробовика.

Парк встретил его загадочным молчанием. Казалось, еще за мгновение высокие, потрепанные осенью тополя шептались о чем-то, но затихли при появлении незнакомца, сохраняя тайну неприкосновенной. И все же человек ощутил их дружелюбие, такое странное в эту холодную ночь. Они были заодно в эту ночь.

Среди обелисков он нашел дрожащую фигуру с серым изможденным лицом, которая придавала окружающему пространству вид кладбища. На тощей фигуре, как на призрачной пустоту, мешком висело черное пальто.

- Ну, что, старина, давай меняться обратно?

Через полминуты пришедший облачился в привычную для себя черную одежду, парень с серым лицом набросил свои лохмотья. Никто не видел этой сцены: парк будто вымер на милю вокруг.

- Ну как ты? Неважно выглядишь. Может, тебе что-то нужно кроме денег? - из руки в руку перешла пачка кредитов.

- Я уже видел где-то парня, похожего на тебя, - ответил обитатель парка хрипло. Он тоже хотел помочь.

- Где, здесь?

- Нет, там, в районе замка, - обитатель парка мотнул головой в сторону черных руин вдалеке и закашлялся. - Появился и исчез... Но мне нельзя помочь.

- Почему?

- Потому что я болен Серой Смертью, - ответил обитатель парка просто.

- Но ведь есть Сома, вакцина от этой болезни.

- Вакцина не излечивает, она лишь на время притупляет невыносимую боль и внутреннее разрушение. На время – а затем она снова нужна, иначе конец. Как наркотик, без которого не выжить...

- Эта боль, она действительно настолько сильна?

- В каждой клетке. Не столько боль, как какая-то злая память, саморазрушительное внутреннее жжение, доводящие до сумасшествия монотонностью и абсурдными картинами, бредовыми картинами, наполняющими мозг. Врачи не могут сказать точно, на что действует чума сильнее: на тело или на мозг.

- Ты выглядишь удивительно спокойным для человека, который так мучается. Может, я могу что-нибудь сделать?

- Да. Мне требуется лишь одно – чтобы кто-нибудь меня прикончил. У самого не хватает духу. Кто-нибудь, убейте меня!

- Прости, я не могу убить тебя.

- Давай. Выбор у меня небольшой: или быстрая гибель, либо медленное умирание, мучительное, ох...

- Пойди в больницу, они облегчат твою боль.

- Не нужно мне облегчать боль, я просто хочу умереть. Все больные Чумой хотят умереть. Но только смерть приходит лишь тогда, когда это угодно Серой Смерти. Маска сама решает, сколько мучить.

- Неужели все так… ужасно?

- Она во всем теле, живет там отдельно, она не лечится, – а изгнать, как демона, нельзя. Демон неведом... И Сома – почти легенда, в больнице говорят, что поставят меня на очередь, но она до меня не дойдет. Точнее, не дойду я.

- Да, это террористы, такие, как Синий Цветок, перехватывают вакцину благодаря вооруженным нападениям на груз, а полиция ничего не может сделать.

- Не знаю, - больной покачал головой. - Многие как раз достают лекарство через левые пути, через тот же Синий Цветок. Просто, если подумать: чего стоит правительству заказывать немного больше вакцины у тех, кто ее производит? В два, в три раза... Как раз, чтобы хватило.

- Может быть, вакцину не так уж просто производить. И не так быстро.

- Наверное. Но Серая Смерть – странный вирус. Не похожий на остальные, люди не знали о нем еще несколько лет назад, а теперь от этой чумы умирают все. Тысячи – у нас в Нью-Йорке. Десятки миллионов по всему земному шару. Откуда она взялась – из космоса, возможно... А может, какая-то биовойна...

- Я все же советовал бы тебе пойти в муниципальную клинику. Или – вот еще деньги - может, пробьешь по «левым» каналам. Кстати... Не слышал о синем цветке?

- Террористы?

- Нет, цветок так называется.

Никогда о подобном дерьме не слышал.

***

Человек в темно-синем пальто с высоким воротником сбежал по бетонным ступенькам в наполненные вихрями

сквозняков недра метро. Внизу он столкнулся лицом к лицу с Анной Наварре.

- Браво, агент Дентон. Вы отлично справились, и, самое главное, вы как раз вовремя.

Дентон неуклюже обернулся к солдатам.

- Привет, я агент Дентон, ну, психолог, которого вы ожидали. Я назначен ответственным за эту операцию, и мы постараемся спасти заложников. Я предлагаю вот что...

Отчасти смех, отчасти хохот заглушил остаток его речи. Солдаты смеялись от души, хотя в мрачном бетоне над их головами не было ничего смешного.

Капитан взял Дентона за руку и отвел в сторону.

- Агент, дело в том, что, как видите, заложников уже нет. Нет операции, которую можно было бы проводить. Уже все закончилось.

- Террористы – очень специфическая психологическая среда, она требует исключительного подхода... - бормотал Дентон. Капитан заглянул в его неинтересное лицо, тщетно пытаясь проникнуть под черноту очков.

- Агент... Посмотрите вокруг.

Дентон оглядел беспомощно несколько десятков солдат, изучающих его, как диковинного зверя.

- Да... действительно, - он повернулся к капитану. - Операция закончена. Осталось извлечь взрывчатку. Доложите, что метро может возобновить работу. Я еду в Манхеттен.

- Ты должен побывать у Мандерли, - подошла к нему Анна. - В ее искаженном помехами лице и голосе звучала скрытая угроза.

- Агент Наварре, рад с вами познакомиться. Я вас помню, вы давали мне несколько уроков по тактике в Академии.

- Он еще хуже своего брата, - Анна обернулась к капитану.

Подходя к вагону метро, Дентон услышал тихий голос за спиной.

- Кто это? - вполголоса спрашивал капитан.

- Вы же слышали. Новый член нашей семьи. Психолог, специалист по работе с людьми в кризисных ситуациях.

- Почему-то не очень похоже...

- Потому что он – Дентон.

***

Она решительно вошла в офис Джозефа Мандерли. Шеф Коалиции внимательно взглянул на свою любимицу.

- Что там произошло, Анна?

- Мы начали атаку, но не нашли ни заложников, ни террористов. Возможно, заложники были псевдожертвами, и все ушли через канализацию. Но меня возмущает другое – этот новый Дентон, он просто ужас. Я отказываюсь с ним работать. Он пропал, появился вообще в конце миссии, не умеет работать в команде, и, кажется, его интеллект оставляет желать большего.

Мандерли спокойно, даже равнодушно кивнул.

- Хорошо.

- Вы так спокойно реагируете?

- Я в курсе всего, что там произошло. Ты не все знаешь, Анна, ситуация немного иная. Но в одном ты права. Этот Дентон нуждается в присмотре, как и его брат.

- Как... - осеклась Анна. - Вы знаете, что произошло? Откуда?

- Через особые каналы. Не это сейчас важно. Лучше посмотри, кто сюда едет. - Мандерли повернул изумрудный экран терминала к ней, она прочла распечатанное письмо, состоящее всего из нескольких слов.

«Предстоит серьезный разговор о братьях Д.»

У. С.

Глаза Анны округлились. Мандерли внимательно взглянул в ее лицо.

- Ты понимаешь, что это может означать? Только одно – большие проблемы. Собери агентов на брифинг. Немедленно.

Глава 6
Постижение

«Все, что существует, может быть вопрошаемо, есть ли оно»

Эмерих Корет. «Основы метафизики»

Старый добрый город.

Старый город встретил Дентона тихой мелодией прошлого века, льющейся откуда-то из окон. Шесть лет он не видел улиц, на которых провел детство и юность. Шесть лет улицы пустовали… или здесь был кто-то другой? Город был все тот же, но – не тот. Те же дома и облезлые стены, те же изгибы улиц, но… слишком тихо.

Слишком пусто.

Вообще никого. Дентон остановился на полпути, не зная, куда идти в первую очередь. В отель, который он знал с детства и где жил Пол или…туда, где его, возможно, ждут.

Дентон прошел мимо отеля и завернул в небольшой переулок. Не было ни одной машины на дорогах: сумеречная война с Синим Цветком перешла на поверхность, на улицы, и этот район закрыли для транспорта. Далеко не каждый житель рисковал выйти на улицу. Дентон ощутил свое одиночество – слабо, всего только как в каменном мешке – и захотел поскорее увидеть человеческое лицо. Он толкнул дверь, на которой играла кроваво-красная неоновая надпись «Бар Преисподняя». Очень знакомая надпись.

Дентон неторопливо шел вдоль длинного, залитого красноватым светом зала, по которому проходил сотни раз, и чувствовал, что он не тот. Не тот… Что-то поменялось в мире… то есть в городе. И в нем.

Она стояла все там же, где он оставил ее шесть лет назад – за барной стойкой, уверенными движениями разливая вина, и никогда не прикасаясь к ним сама, перебрасываясь словами с посетителями. Владелец бара и весь его персонал в одном лице, а также его визитная карточка. Где-то под стойкой, Дентон знал, спрятан обрез дробовика, чтобы при необходимости выполнить еще и функцию охранника.

Дентон подошел к стойке, но она, увлеченная разговором с женщиной без эмоций, не повернула головы. Тогда он обошел стойку и, подойдя к ней сзади, обнял за плечи.

Девушка с огненными волосами до плеч и татуировкой на шее обернулась, ее глаза расширились от изумления, но в них отразилось не совсем то чувство, которое Дентон ожидал увидеть.

- Принц, ты… - назвала она его юношеским прозвищем. – Ты вернулся?

- Привет, Шейла. – Дентон пришел в замешательство. Он представлял эту встречу сотни раз, но ни разу – так. – Я вернулся, но, кажется, это не для всех приятный сюрприз… Я вернулся к тебе, и… хотя ты ведь сама все знаешь.

- Не знаю, Джесс. – ответила она поспешно, рассеивая взгляд. – У меня новость: я вышла замуж.

Мир вокруг превратился во вращающийся огненный вихрь вокруг двух пар глаз, устремленных друг на друга. Но только на миг.

- Ты говорила, что будешь ждать меня.

- Я ждала, но… Что мне было делать? Я шесть лет не слышала о тебе ни слова. И от кого бы я услышала? Твоих

родителей давно нет, Пола я видела всего один раз, он имел озабоченный вид и молчал, а когда я спросила о тебе, он начал нести какую-то чушь: что ты учишься в каком-то гуманитарном университете в Калифорнии. Я не поверила этому, тем более, что ты ни разу не приехал за все шесть лет. У меня не было ни одного намека, что ты еще существуешь в пределах планеты. Тогда я поняла: ты там, где о тебе лучше забыть.

Дентон молчал, потом бросил.

- Я не мог связаться с тобой. Но Пол говорил правду.

- Я не знаю, Джесс! Серая Смерть дышит в спину, таких, как я, город сотнями недосчитывается ежедневно. Каждый следующий день может стать моим.

- Интересно, и что же?

- Не знаю. Возможно… Джесс, прости, я любила тебя, ты об этом знаешь. Но, наблюдая за тобой все эти годы, я знала, что мы не сможем быть вместе долго… Ты не тот человек, который может и хочет построить семью. А мне нужен муж, с которым я могу прожить до старости.

- До старости… - он поднял глаза. – Каждый следующий день может стать твоим, не забывай об этом. Где… В этом городе?

Ответа не последовало, или он не был услышан. Дентон отступил на несколько шагов.

- Что ж, спасибо за правду. Но этой ночи, наверное, определено быть ночью разочарований, да?

Еще вчера он знал, что у него есть два человека, которым он может довериться без остатка. А сейчас он уже сомневался, остался ли у него хоть кто-нибудь в этом мире, кому можно верить.

- Принц, я люблю своего мужа, но я по-прежнему твой друг. Эта дверь для тебя всегда открыта.

- Для меня открыты все двери, - ответил он странно. – Но меня не ждут ни за одной из них… Конечно, я зайду когда-нибудь еще, - добавил он обычным тоном.

Он пошел к выходу. Слабые сигналы подал телефон.

- Это Пол. Джесс, я сейчас дома. Если ты в Адской Кухне, зайди, нам надо поговорить.

- Да, я как раз туда иду. Мне тоже нужно тебе кое-что сказать.

Сидя за столиками, редкие посетители провожали странного человека в темном пальто сонными безучастными взглядами, не находя в нем ничего странного. Дентон был уже у выхода, когда его чуть не сбила с ног девица, на которой было совсем немного одежды.

- Эй, вы тот парень, который разговаривал с Шейлой? Вы ее друг? Мне очень нужна помощь и, кажется, вы единственный, кто может мне сейчас ее оказать в этом чертовом городе.

- Что случилось?

- Вы знаете Сандру Рентон?

- Дочь Гилберта Рентона, владельца Тон-отеля? Конечно, я знаю Сандру.

- Она в беде. Джонни, местный бандит, хочет убить ее.

- Он действует на улице в открытую? Но ведь полиция взяла этот район под особый контроль.

- Он заплатил полиции.

- Почему вы решили, что я могу помочь вам? Я гражданское лицо и не вооружен. Я ведь хорошо знаю, что такое *лояльность*.

- Он вооружен и угрожает пристрелить ее. Вы такой большой – неужели ничего не сможете сделать?

- Я всего лишь никто. – Дентон, казалось, обдумывал что-то, – куда мне тягаться с этим Джонни? Но что-нибудь придумаю. Идем, посмотрим, что можно сделать.

- Только быстрее! Каждая секунда дорога.

Он не спрашивал, почему этот бандит собирался убить Сандру. Это его почему-то не интересовало.

Дентон остановился за порогом. Небольшой квадрат примятой скудной травы в безбрежной сложности бетона, одинокий дом, где не светятся окна, пара ящиков для мусора - пустых и даже лишенных запаха, одиноких в своем роде на многие переулки… И все это – в прозрачном сером океане, ирреальном, замедленном слегка-слегка, незаметно, мире. Тогда кажется, что все происходящее – подсознательные воспоминания из далекого прошлого. Люди отвлекаются от своих целей, иллюзий и друг друга, они, может, только на мгновение, замирают, стараясь поймать и понять эти новые, незнакомые ощущения нахлынувшего цвета ночи, разбавленного фонарями – серого, неутомительного, но одного всепоглощающего цвета, распространившегося на все мгновенно, стоило покинуть дом. Только одно неуловимое мгновение – и странные ощущения исчезают. Но и этого мгновения достаточно, чтобы ощутить легкое волнение в груди, замереть, затаить дыхание, всмотреться вокруг, не почувствовать ничего, кроме Загадки…Мгновения…Себя.

- Идем.

Они побежали между переулков, и Дентон издали увидел среди картонных ящиков два силуэта. Девушка в черном

костюме стояла, приникнув к стене. Напротив, на расстоянии двух шагов, играл с пистолетом мужчина с лицом, которому гладко зачесанные блестящие волосы придавали особую, почти мистическую ауру ублюдочности.

Когда Дентон приблизился почти вплотную, Джонни даже не повернул головы.

- Уйди, - сказал он хрипло. – Видишь, мы разговариваем.

Достаточно одного движения…

- Почему ты хочешь ее убить?

- Она мне денег должна. А теперь иди к черту.

- Я заплачу. Сколько?

Бандит посмотрел на Дентона с интересом.

- Ты хочешь за нее заплатить, я правильно понял? Хм, что ж, можно и так договориться. Тысяча двести.

Дентон тщательно порылся в своих карманах, пересчитав всю свою наличность, он вздохнул.

- У меня здесь только восемьсот… Но подожди – я живу здесь недалеко, за углом. Можем пройтись, если тебе не трудно. Возьми эти деньги, как залог. Если тебе что-то не понравится – у тебя останутся и они, и девчонка.

- Идет, - согласился Джонни зловеще, и обернулся к Сандре. – Девочки, ждите нас здесь.

Они прошли несколько поворотов, оказавшись в узком переулке, чья безлюдность и тишина казались почти неприятными, Дентон остановился и обернулся к Джонни.

- Эй, очки, чего стал? – Джонни слегка толкнул его пистолетом.

- Один вопрос, если ты не возражаешь. Как это полиция закрывает на тебя глаза?

- Я владею полицией. Но мне не нравятся такие вопросы.

- Мне бы интересно было узнать имена тех копов, которые получили от тебя взятку.

Джонни замахнулся свободной рукой для удара. Но промахнулся, не понимая, почему.

- Ладно. Это я узнаю и без тебя.

В неуловимое мгновение пистолет перешел из рук Джонни к Дентону и исчез в складках его плаща. От толчка в область сердца бандит осел и повис на руке Дентона.

- Ты не слишком-то расторопен, Джонни, - сказал он изменившимся, тихим и очень отчетливым голосом. – Я убийца, этого ты не учел.

Дентон подхватил тело и забросил в полупустой мусорный бак. Затем вернулся туда, где оставил бледную Сандру.

- А где Джонни?

- Я заплатил ему, и он ушел… по делам. Он не будет тебя больше беспокоить.

- Это он так говорит. Но верить Джонни – бессмысленно.

- Поверь, он действительно не будет тебя беспокоить, - их взгляды встретились и задержались чуть дольше, чем следовало.

Спасибо. С возвращением, принц. Ты странно изменился. Раньше ты бы не разговаривал с Джонни, а обратил его в бегство…

***

Дверь в Тон-отель была открыта, как будто предугадав его появление. Пол переехал сюда сразу же после гибели родителей, отказавшись жить в старом доме. Это было почти пять лет назад, Дентон уже почти год учился в Академии. Владелец отеля, Гилберт Рентон, стал другом Пола, а сам Дентон видел его всего несколько раз. Сейчас его неприятно поразили поникшие плечи и угрюмое лицо Рентона – первое, что он увидел, ступив в холл.

Лицо немного преобразилось, когда Рентон увидел вошедшего.

- Джесс, не может быть. Ты все-таки вернулся! Я уже забыл, как выглядит твое лицо… Зачем ты нацепил ночью эти дурацкие очки?

- Проблемы со зрением. Как вы?

- Ты ни разу не приехал домой.

- Я не мог, учился очень далеко.

- Знаю, слышал. Кстати, Пол ждет наверху.

- Давно?

- Около часа. Может, полтора.

В воздухе повисла недоговоренность, которая забилась между полутемных стен, но не улетучилась. В чем она состоит, понимали оба.

- Господин Рентон… что с вашей дочерью?

- Да. Спасибо, что позаботились о ней.

Дентон осекся на движении.

- Что? Вы о чем?

- О том, что вы вытащили ее из лап того бандита. Пол мне рассказал.

- Пол… Чего-то я не понимаю, - пробормотал Дентон. – так что же произошло?

- Вряд ли я знаю больше вашего, - Рентон пожал плечами грустно. – Она связалась с плохими людьми. Понятия не имею, как. Хуже всего то, что она не хочет рассказывать, а когда я

настаиваю, угрожает вообще уйти из дому. Я связан по рукам и ногам.

- Я могу поговорить с ней.

- Не стоит – это бесполезно. Пол – он тоже пробовал, а мы-то с тобой знаем Пола. Все зависит лишь от нее, а она не собирается возвращаться. Если вдруг увидишь ее, передай, что она может вернуться в любе время. Не будет никаких вопросов, замечаний…

- Сейчас она в безопасности, в баре у Шейлы. Пол сам?

- Конечно. Не помню случая, чтобы он был там с кем-то…

Джесс постучал в пластиковую затертую дверь четыре раза – звонок не работал, как всегда, и дверь открылась мгновенно, как будто Пол все это время ждал на пороге. Пол стоял у входа с чашкой кофе в руке, заслоняя своим широким силуэтом комнату. Дентону показалось, какая-то тень метнулась к окну. Очевидно – только показалось…

- Пол, ты мне веришь?

Брат сделал шаг назад от неожиданности.

- Что за вопрос, Джесс? Конечно, верю.

- Нет, не так. Ты доверяешь мне полностью, как себе, до конца и без остатка? Посмотри мне в глаза и ответь, не раздумывая.

Два взгляда, как две необычайные по силе молнии, скрестились в немом напряжении. Казалось, волосы вот-вот воспламенятся от вспышки. Но вспышки не произошло. В конце концов Пол не выдержал и опустил глаза.

- Да, - раздался глухой звук, мал похожий на осмысленное слово.

- Ты опустил глаза.

Пол вдруг поднял голову и с теплотой во взгляде непринужденно похлопал брата по плечу.

- Да, Джесс, я верю тебе и готов раскрыть без остатка все *свои* тайны. Что я и делал всегда. Я даже не пойму, откуда у тебя такие мысли. Ты… в чем-то меня подозреваешь? Я что-то скрывал, прятал, недоговаривал когда-либо?

- В том-то и дело, что нет. Пока я не вернулся из Академии. Ты изменился с тех пор и… Я понял, что тайны могут быть не только своими…

- Если так, спрашивай. вперед. Я отвечу на каждый твой вопрос – искренне и честно.

- Откуда ты узнал о Сандре?

- Алекс сказал мне…

- Какой Алекс… Не могу понять.

- Алекс Якобсон, наш главный инженер по средствам связи. У него есть специальное оборудование, благодаря которому он видит то, что видишь ты. Сигнал поступает из специального устройства в твоей голове.

- То есть, ты хочешь сказать, кто-то посторонний будет видеть каждый мой шаг? Меня не ставили об этом в известность.

- Никого не ставили. Но такова специфика твоей работы... Правда, есть места, куда сигнал не проникает и всякая связь прерывается. Заброшенные участки инфраструктуры, какие-нибудь лесные дебри или такие места, как моя комната.

- Почему твоя комната?

- Потому что здесь я обеспечил отличную сигналоизоляцию.

- Ты так спокойно говоришь об этом Алексе... Каким он должен быть человеком, чтобы довериться ему настолько?

- Поверь мне, он надежен. Дальше него никогда не пройдет то, что не должно пройти.

Дентон вспомнил о том, что произошло в метро.

- Надеюсь, но... Он единственный, кто имеет подключение к нам?

Взгляд Пола стал сосредоточенным.

- А вот этого я тебе наверняка сказать не могу. - Он внимательно посмотрел на брата. - Возможно, он может быть не единственным, - и продолжил более бодрым голосом. - Но маловероятно. Просто будь осмотрительнее в своих действиях.

- Дело не в этом. Это просто неприятно. Это несвобода, ни в чем не можешь быть уверен. Лучше бы ты мне этого не говорил.

- Джесс, то, что ты говоришь, это же очевидно. Но я живу с этим вот уже восемь лет, точнее четырнадцать, если учитывать академию. Мы сами выбрали свой путь, и не нам, выросшим в самых угрюмых трущобах Нью-Йорка, сетовать на судьбу.

- Кстати о Нью-Йорке. Должен сказать, город изменился. Сильно.

- Все меняется, Джесс. - Пол поставил чашку с глухим стуком. - Ты тоже изменился. Почему это не может быть к лучшему?

- Нет, Пол, я не это имел в виду. - Дентон подошел к окну, всмотревшись в вязкую сумрачность неприветливого города. - Изменился в худшую сторону.

Пол молчал, понимая, что последует продолжение. Пауза не была долгой.

- Изменился, да... И имя у перемены только одно. Только одно лицо. Серая Смерть. Страшная чума, вызывающая ужас, как в средние века, унижающая людей осознанием полной беспомощности. Она появилась внезапно, и уже унесла жизни каждого шестого нью-йоркца. Улицы опустели. Город называют кладбищем, и, попадая в пустые районы на окраине, понимаешь, почему.

- Да, - кивнул Дентон. Но – дело не только в ней. Я просто ощущаю это. Я пока еще точно не могу сказать, в чем дело, но рано или поздно понимание придет. Я надеялся, что ты поможешь мне понять, как всегда помогал в таких вещах... - Дентон выжидающе посмотрел на брата.

Пол подошел к нему с другой стороны и взял за руку.

- Ох, Джесс, как много... - он вдруг оборвался на полуслове, и Дентон поразился вспышке боли, вспыхнувшей в голосе, который сразу потух. - Джесс, придет момент, когда мы продолжим наш разговор, и мне будет, что сказать.

- Что случилось, брат?

- Да ничего, просто плохо себя чувствую и не хочу разговаривать. Тебе сделать кофе?

- Спасибо, нет. Мне бы лучше...

- Если хочешь, можешь воспользоваться моим компьютером. Логин – pdenton, пароль – chameleon.

- Хамелеон... Дентон пристально всмотрелся в человека, которого он, в сущности, совсем не знал. - Тот, кто меняет цвет... Почему?

Дентону показалось, он уловил странное колебание в глазах брата.

- Просто звучное, интересное слово. Не знаю, что у тебя на уме.

- Пожалуй… Послушай, Пол, я перейду, наконец, к самому главному. Я к тебе пришел за помощью.

- Вот как? Я сделаю все, что смогу.

- Мне нужно специальное снаряжение. И оружие.

- Обратись к интенданту в агенстве, Картеру. Он даст все необходимое для операции.

- Нет, ты не понял, Пол. – Дентон понизил тон. – Это… не для операции. Кроме того, мне как психологу не положено оружие, оно мне не нужно по определению, и никто мне его не даст.

- Не для операции?

- Не совсем. Дело в том, что я начинаю собственное расследование. Свою операцию.

- Как это? – Дентон наткнулся на тяжелый непонимающий взгляд Пола.

- Свое расследование. Люди умирают от самой страшной чумы, и уже принимают это так, как данность. Контейнеры с вакциной исчезают, словно растворяясь в темной неопределенности Нью-Йорка. И никто не только не может найти, но кажется, и не заинтересован в этом. Я собираюсь заняться этим вопросом лично, и потратить на это столько времени и сил, сколько потребуется. Я обещал людям. Заодно выясню кое-что еще.

- Джесс, скажи, ты сумасшедший? Или ребенок? Вся планета борется с Серой Смертью, в городе на ноги поставлены все муниципальные службы, Каолиция действует и днем, и ночью, а ты… Что ты собираешься делать? Поиграть?

- По крайней мере, выяснить, каким образом сома попадает в руки «Синего цветка» и безнаказанно исчезает.

- Мы сейчас активно работаем над этом. Думаешь, ты сумеешь достигнуть большего? И ты слишком легко раздаешь обещания. У тебя мало опыта, чтобы работать в одиночку на таком уровне.

- Пол, ты чересчур взволнован, или это мне показалось? Я вырос в Адской Кухне, то есть меня будет окружать не совсем чужой мир. Кроме того, я учился в Академии. Я чувствую себя готовым.

- Смотри сам, Джесс. – Пол вздохнул. – Только… - он замолчал.

- Что?

- Да нет, просто не говори никому об этом «расследовании». Ведь тогда за тобой точно будут наблюдать, а никто не знает, никто не может сказать, что ты там накопаешь.

- Да, неизвестно, - Дентон распахнул окно, и ночной ветер бросился к нему на плечи. Где-то вдали сухо прошелестел вздох… или ему показалось? Дентон посмотрел вниз, на угрюмую, но странно близкую панораму. Вот он становится на подоконник, отталкивается, летит в ночь, мимо темных окон, плащ превращается в черные крылья… - Так ты мне поможешь? – Дентон обернулся к брату и заметил, что тот тревожно смотрит на часы. – Ты кого-то ждешь?

- Да нет, кого я могу ждать? – прозвучало в ответ отвлеченно.

- Но я все равно пойду – мне пора.

- Ладно, пока… - Пол встряхнул головой. – То есть, я хотел сказать, оставайся, еще рано уходить. Мы ведь столько времени не виделись…

- Пол, - Дентон остановился у порога. – Ты можешь думать, что угодно, о том, что я сейчас скажу… Ты всегда был мне больше, чем брат. Но теперь ситуация меняется, и не по моей вине.

Дентон взялся за ручку двери, но брат остановил его почти вскриком.

- Джесс! Я тоже скажу сейчас – только одно. Береги свою голову, и не делай выводов, о которых потом можно пожалеть. Помни, что ты еще не сталкивался с *настоящими* трудностями. Вспомни это и, возможно, подумай еще раз над тем, что ты только что сказал.

Пол наклонил голову, и Джесс, стоя довольно далеко, вдруг ясно и впервые различил длинный шрам на шее, глубокий и тонкий, будто сделанный необычайно острым кинжалом. И снова – он увидел человека, и до боли знакомого, и совсем нового, человека, чей пройденный путь мог скрывать такое… о чем лучше и не знать.

- Все зависит от тебя, Пол. Просто довериться мне, просто рассказать. – Дентон и сам не до конца понял смысл этой фразы, и наперед чувствовал угрызения совести за нее. Чтобы не терзать себя больше, он развернулся и открыл дверь.

- Не хочешь пожать брату руку на прощание?

- Увидимся, - спокойно, но хмуро бросил Дентон и вышел.

А в коридоре, тускло освещенном одной лампой, как во всех отелях Адской Кухни, повис крик, похожий на шепот.

«А может, и нет…»

Что-то пощадило его в ночи. Он просто не представлял, какие душевные муки пережил бы при мысли об отказе от рукопожатия с братом, если бы он знал, при каких обстоятельствах они встретятся в следующий раз.

Дентон постоял несколько мгновений на коридоре и, тихо ступая, приблизился к двери соседней комнаты и постучал.

- Кто там? – откликнулся хриплый женский голос.

- Администратор.

Дверь приоткрылась, женщина лет тридцати с бледными губами округлила глаза, где изумление смешалось с испугом. Дентон приложил палец к губам, прошел к окну в стене, выходящей в сторону подворотен. Он сел на подоконник и слегка высунул голову из проема. Долго ждать не пришлось.

Он появился, как тень, едва уловимый. Темная тень, слившись со стеной, необычайно быстро поднялась по пожарной лестнице и исчезла в окне в комнату Пола. Дентон не разглядел пришельца. Только показалось, что его голову скрывает глубокий капюшон.

Дентон так же тихо покинул номер, услышав, как сразу же щелкнул замок за его спиной. Он вернулся к двери в номер Пола и замер у стены, обратившись в слух. Постепенно он стал различать голоса, и даже понимать отдельные слова. Слова связывались в фразы… Фразы обретали смысл.

Нет. Он не может. Не шпионить за собственным братом. Пусть все будет так, как должно произойти.

Скверная ночь, что ни говори.

***

Два человека встретились и замолчали.

- Выключи свет, пожалуйста, - попросил тот, кто пришел. – И включи музыку погромче.

- Здесь нас никто не увидит.

- Осторожность не помешает, - голос был необычайно тих, но отчетлив. – Мне показалось что-то там, за окном.

Комнату объяла темнота, и отныне лишь голоса звучали, внешне отделенные от своих источников.

- Как он?

- Не знаю. Мне кажется, еще рано. Он еще не готов.

- Никто не знает его лучше тебя.

- Мне кажется, я могу потерять его. Я делаю что-то неправильно.

- А ты не пробовал просто взять и рассказать ему все? До конца?

В воздухе повисла короткая, но отягощенная смыслом пауза.

- Я боюсь. Здесь не может быть ошибки. Сначала я должен увериться в нем полностью. Он хорошо знает, что такое лояльность. Одна такая ошибка и… будет тяжело.

- Ты знаешь, в таких случаях у нас всегда есть выход.

- Нет. Не в этом случае. С ним я не смогу так поступить. Никогда.

- Я смогу.

На этот раз пауза была дольше.

- Только вместе со мной.

Глава 7
Подземелье

Нужно принять текущее время,
как мост над гремящим потоком.
Н. Рерих.

Старый город молчал. Угрожающе молчал.

Дентон поежился от холода при выходе из отеля, и удивился этому зимнему холоду. Окна многоэтажных домов неприятно чернели, кое-где были разбиты. От них до дрожи веяло пустотой. Все бегут отсюда. Нечто приходит сюда…

- Проклятый город-призрак, - Дентон плотнее запахнул плащ.

- Проклятый город-призрак, - просипел беспризорный старик, ближе подвигаясь к горящему костру, дающему эфемерное тепло.

Улицы, улицы. Сколько тут могло произойти, какие секреты хранят эти темные подворотни… Дентон вспомнил далекую «юность», вспомнил, что лишь они с братом могли без страха ходить по этим переулкам ночью. Холод донимал путника, и он поспешил укрыться в таверне.

Сандра сидела за дальним столиком в одиночестве. На столе стояла недопитая бутылка вина, черная жидкость отпугивала своей почти агрессивной, отторгающей прохладой. Дентон сел напротив и негромко кашлянул. Девушка подняла голову, на ее простом грубоватом лице Дентон увидел нездоровый румянец.

- А, Джесс… Спасибо еще раз. – За поверхностным блеском признательности глаза не выражали ничего.

- Не хочешь вернуться к отцу? – Сандра молчала. – Не хочешь просто пожалеть больного старика, у которого, в общем-то, нет ничего дорого в этом мире, кроме тебя? Просто показать, что ты в порядке и помнишь о нем?

- Я никому не говорила, но мне еще никогда не было так страшно, как этой ночью. Нет, страшно – это не то… Плохо, что ли? Дело не в этом. Я сегодня поняла, что мне теперь будет страшно всегда. Каждую минуту. Я не вижу то, на что могу опереться. И не вижу своего будущего. Только блуждание из угла в угол, как в клетке, где так легко прижать к стенке. Или чума – или кто-нибудь тебя убьет.

- Второй опасности могло бы и не быть, сиди ты почаще дома.

- Это не так. Что стоит убийце прийти к нам в дом, дверь в который никогда не заперта? Можешь не верить, но здесь я чувствую себя в большей безопасности, чем дома.

Они вяло изображали видимость разговора, видимость интереса, которого не было. Каждый ушел глубоко в себя, каждый думал свою думу – или вообще не хотел думать.

- Сандра… Твой отец – единственный близкий тебе человек на этой планете. Второго близкого у тебя может и не быть никогда. И когда его не станет – ты поймешь, что

потеряла. Все потеряла. – Дентон почему-то увидел лицо Пола внутренним взглядом. – Но будет поздно.

- Мне плохо, Джесс, но ты не сможешь сделать более, чем сделал, чтобы мне помочь. Спасибо, я сама разберусь со своими делами.

- Хорошо, - Дентон поднялся. – Наверное, мы не скоро увидимся. Кстати… - вдруг подумал он о чем-то своем. – Как ты думаешь, кто это такой: летает по ночам, как тень, взбирается по темным небоскребам, подобно кошке, проникает в чужие дома…

- И носит глубокий капюшон, как у монаха? – засмеялась вдруг Сандра.

- Откуда ты знаешь о капюшоне?

- А что, я угадала, да? Ты, наверное, говоришь о Силуэте из комиксов, не так ли? Силуэт, который существует, но в то же время его нет, и борется за справедливость, помогает героям и побеждает зло? Шепчет грустные сказки в лесах и парках испуганным людям?

- Хм… да нет, вряд ли я имел в виду комиксы. Не возражаешь, я спрошу кое о чем еще перед уходом. Что ты скажешь о соме, вакцине от серой смерти?

- Сома? Не знаю – а что я могу сказать? Я не из Коалиции, которая занимается ее распространением. Не из правительства – и я не медик…

- Именно поэтому мне важно знать твое мнение.

- Ее не хватает – и много людей умирает. Не знаю, почему правительство не покупает больше лекарства – может, просто не хватает денег.

- И последнее перед тем, как я уйду. Ты хорошо знаешь Адскую Кухню. У тебя или твоих друзей есть доступ к оружию? Я не удивлюсь, если это так. Возможно, какой-нибудь нелегальный торговец…

- Я удивляюсь, зачем оружие тебе. Но контрабандист, конечно, есть, может быть, ты его и знаешь. Крутой парень, очень скрытный, его зовут Пират. Он продает дорогое оружие и снаряжение.

- Это именно то, что мне нужно. Где его найти?

- Он спросит тебя пароль, но я его не знаю. Никому из наших, думаю, он неизвестен. Адрес – все, что я могу тебе дать.

Дентон с трудом отыскал кнопку звонка в полутемном подвале. Вокруг слышался тихий писк крыс, голодный и безысходный, наводящий на грустные мысли. Дентон нажал на

кнопку несколько раз, без особой надежды на то, что она работает.

Вдруг над головой захрипел динамик.

- Да, пароль?
- Откройте, Пират. Мне нужно поговорить с вами.
- … Слишком болен. Приходите в другой раз.

Неизвестный отключился. Дентон позвонил снова.

- Должно быть, эта штука не работает, - издевательски прохрипело в динамике.

Дентон тщательно осмотрел дверь и убедился, что простой отмычкой ее не откроешь. Здесь не было даже замочной скважины. Скорей всего, дверь открывалась дистанционно, из-под земли.

Если человек необычайно осторожен и пуглив, если пускает к себе лишь немногих, избегая остальных, значит, он боится налета. Если он боится и осторожен, у него всегда есть запасной вход. Точнее, выход, - для отступления. Оставалось его найти.

Дентон вышел из подвала, отряхивая черную пыль с плеч, и осмотрелся. Подвал находился на углу двух угрюмых домов. Запасной выход вполне мог выводить к комнатам нижнего этажа одного из зданий. Возможно.

Но маловероятно. Ведь потенциальные преследователи будут рассуждать так же, если нужно, они в первую очередь заблокируют входы и выходы из домов. Нет, искать надо там, где искать не будет никто. Дентон повернул голову и незаинтересованным взглядом окинул забытое, заросшее жесткой травой баскетбольное поле на севере, отделенное от улицы дощатым забором. Перемахнуть через ограду, как обрывок черного мусорного пакета, не составило труда.

Поле – такое же, как тысячи его близнецов по всей стране в четырех стенах. Ни мяча, ни игроков нет. Ни их следов… Неудивительно – ночь за окном. И фургон стоит вдалеке. Дентон с одного взгляда понял, что фургон этот, возможно, стоит здесь еще с прошлого века. Ржавчина клочьями висела на истлевшей стали, но никто не собирался ее убирать. О нем все позабыли, или… Или он нужен?

Дентон обошел фургон, мягко ступая по затоптанной земле. Вблизи стены не показались такими хрупкими, как издали, а на двери висел замок. Дентон сбил замок и вошел внутрь. Он нашел то, что искал.

Небольшой люк, наполненный колеблющейся чернотой, уводил в неизвестность. Дентон ступил в нее и, спустившись по винтовой лестнице, спрыгнул в большое, глубокое подземное

помещение. Веяло холодом и сыростью колодца. Зал до половины был завален изуродованными автомобилями и железным хламом двадцатого века. Их оставили здесь лет шестьдесят назад – и ушли надолго. Об этом кладбище хлама, видно, забыли, заметил Дентон, тихо кашлянул и удивился эху собственного голоса.

Из зала вел узкий проход в смежное помещение. Чувствительные сенсоры, встроенные в его очки, уловили тонкое свечение лазерных мин-ловушек. Разогнавшись и прыгнув очень высоко, Дентон описал в воздухе дугу и, пролетев под потолком, приземлился по другую сторону от ловушек. Его опять удивил эффект – этот странный ускользающий эффект ускоряющихся движений, словно сущность его тела менялась.

На другой стороне его уже ждали.

Дентон выпрямился и увидел в двух шагах высокого мужчину в красном свитере, совершенно, полярно седого и в очках. Темная кожа говорила о впрыске африканской крови в одном или нескольких поколениях. Хозяин подземелья держал незваного гостя на прицеле штурмовой винтовки.

- Я Пират. Что вам нужно?

- Почему ловушки? – Дентон поправил очки. – Боитесь чего-то?

- Простая предосторожность. Пока правительство занимается подавлением сопротивления, много темных лошадок появляется в городе. Жить здесь стало небезопасно. Многие мои друзья – они исчезли за последний год.

- Что, совершенно?

- Думаете, это шутка? – под взглядом Пирата Дентону стало неуютно. – Вы были наверху? Вы смотрели на улицы?

- Да, вообще-то…

- И что вы там увидели?

- Ну… пусто.

- Не просто пусто – мертво. Город. Город – это не куча зданий, не булыжник улиц и не темный кирпич домов. И это даже не подземные тоннели. Все это просто каркас. А город – это его обитатели, их действия, связи и паутина отношений, мысли, стремления, тайные и явные. Когда вы перестаете видеть эту сущность города, город как бы перестает существовать. Как бы… становится призраком.

- Не знаю – сейчас, впрочем, ночь.

- Я потерял лучшего друга. Он не просто исчез – его держат в неволе, иначе он бы нашел любой способ, чтобы со мной связаться, где бы он ни находился…

- Почему вы не допускаете, что он просто убит? – предположил Дентон.

- Ладно, что вы хотите? Раз уж вам удалось попасть сюда… Если вы будете играть по правилам, мы сможем договориться. Вы ведь здесь не случайно оказались, я правильно понял?

- Правильно. Мне нужно снаряжение – редкое, даже не знаю, найдется ли оно у вас.

- Что это?

- Термооптические камуфляжи, подводные кислородопроизводящие маски, баллистическая броня…

- У вас не хватит денег. Это во-первых. Во-вторых, мне нужно время. Наконец, - Пират спрятал автомат только сейчас, - у вас есть возможность получить ваше железо бесплатно, чего бы мне ни стоило его достать. За небольшую услугу.

- Вы видите меня впервые. Уверены, что я в состоянии помочь?

- У человека, который может проникнуть сюда окольным путем и выкидывает такие финты, может получиться.

- Скорее всего, вы переоценили мои возможности. Я сугубо мирное лицо, не уверен, что знаю, где у пистолета спусковой крючок. И уж конечно, я знаю, что такое лояльность.

- Не сомневаюсь, - кивнул Пират. – Так же, как и один мой знакомый, Пол Дентон. Знаете его?

- Дентон напрягся, как струна, но его взгляд тут же медленно потух, как верхний свет в театре.

- Пол – мой брат. Что вы…

- Кажется, я говорил вам о моем лучшем друге, который исчез? Это Форд Шик, самый талантливый биолог этого чертова штата. Может, слышали?

- Меня давно не было в городе, - покачал головой Дентон.

- Дело в том, - голос Пирата стал тише, - что я знаю, где его держат. Я знаю, что он еще жив, хотя не уверен, насколько затянется это «еще». Здесь, в Адской Кухне, есть подземная секретная установка, и путь к ней ведет через коллектор. Через городскую канализацию.

- Коллектор? Возможно, это как-то связано с «Синим Цветком»?

- Нет! – неожиданно жестко ответил Пират. – Те парни точно связаны с правительством. Косвенно, или напрямую, но связаны.

- Странно это слышать. Откуда такая уверенность?

- Форду удалось отправить мне сообщение единственный раз, которое не было перехвачено. Там он намекал на это.

- Вы не очень-то *лояльны* к правительству страны, которое вам, кстати, занимающемуся незаконным распространением оружия, той же монетой не платит.

- Они бы убили меня, как только смогли. Но я осторожен, словно крыса в норе… и в мире еще есть добрые люди, на которых я могу положиться.

Дентон подхватил волну перемены на лету.

- Хорошо, возможно, я посмотрю, что с вашим другом, и что заставило вас составить такую странную теорию. Надеюсь, это не ловушка – и не шутка. В любом случае я вернусь… Откуда вам стало известно о его местонахождении?

- В том единственном письме он описал все настолько подробно, насколько мог. Не могу понять, как его не перехватили. Самый короткий, если не единственный путь туда – через городскую канализацию. Ближайший вход находится недалеко, в саду муниципальной клиники. Он запер, но я потратил немало ночей, чтобы подобрать к нему ключ.

- Почему вы сами не попробовали освободить Форда? У вас есть доступ к любому снаряжению, а нужное снаряжение делает сегодня 90 процентов работы…

- Не могу. Там есть… Там есть… Просто это не моя война. Я погубил бы и себя, и Форда. Я не умею превращаться в невидимку – и не умею убивать…

- А чья это война, Пират? Вы хотите спасти вашего друга, и придется стать невидимкой, и убить, обороняясь. Чья это война – моя?

- Это война тех, кому к ней готовили, - ответил Пират непонятно. – Признаться, я боюсь, что и вы можете погубить его и себя.

- Но..?

- Но теперь это не имеет значения. Они будут держать его в живых лишь до того момента, пока он им полезен. Ни минуты дольше. Не уверен, что минута, которая истекла только что, не была той самой…

- Вы заинтриговали меня. Давайте ключ. И гранат побольше

Дентону пришла в голову мысль, что он все больше привыкает к подземелью: к тоннелям и канализационным шахтам. Он уходит под землю – а верхний мир равнодушен к потере. Он не нужен верхнему миру таким, как есть. Прыгнув в зеленоватый сумрак подземелья, Дентон чуть не задохнулся от

зловония. Темная жидкость доходила ему до щиколоток, в воздухе стоял какой-то мерцающий туман. Туман злобного одиночества, отравляющий раны душевных терзаний…

Радиация, понял Дентон. Здесь лучше не задерживаться. Он пошел по темному тоннелю, освещая путь тонким лучом галогенового фонаря. Луч выхватывал из тьмы вязкий рисунок стены, однако тот оставался одним и тем же. Хотя Дентон заходил все дальше и дальше, минуя толстые канализационные трубы, боковые тупики. Несколько раз Дентон останавливался, когда тоннель расходился на рукава, но, доверяя инструкции Пирата, твердо держался вдоль левой стены.

Ничего… Ничего. Обычный коллектор, где только вонь, крысы и темнота. Дентон был лишен суеверных страхов. Но после того, как луч фонаря вырвал из тьмы подобие человеческой руки, плывущее в темноте в темном маслянистом потоке, стало не по себе.

Дентон знал, что это не рука – а только желтый сгусток мусора. Страх был вызван именно подобием. *Нарочным* подобием.

Вернулось чувство, которое появилось во время Испытания. Чувство полного одиночества, к которому нельзя привыкнуть. Это твой новый мир, Дентон.

Нет…Ты еще ничего не понимаешь.

Чем дальше вглубь он шел, тем более росло чувство разочарования. Ничего. Но, как ни странно, на его пути не встретилось ни одного люка, хоть он прошагал уже несколько километров, ни одной лестницы, ведущей наверх. Слепая кишка канализации. Зеленоватый луч цвета тошноты услужливо обнажал каждую неровность подземного мира.

Дентон терял надежду и даже не сразу обратил внимание на то, что было выхвачено автоматически боковым зрением. Дентон прошел еще немного, остановился и вернулся метров на десять назад.

Вот она. Большая черная дверь, так не вписавшаяся в интерьер подземелья. Нужно много взрывчатки, чтобы высадить такую. Но взрывать нельзя, ведь можно похоронить и себя под тоннами бетона.

На поиск цифровой панели сбоку и ее разблокирование ушло несколько минут. С ровным гулом дверь ушла в сторону. Дентону стало не по себе. Он ступил в чистый розовый коридор и чуть не задел лазерный луч сигнализации. Тот мелодично дрогнул – и затих, постепенно, как натянутая нить. Здесь он установил свой первый заряд.

***

Форд давно понял, что его недолго теперь уже будут держать взаперти. Но и наверх, «на свободу» не выпустят. Нечто третье.

Он сходил с ума, но его поддерживала надежда. Он, уже восемь месяцев не видевший солнечного света, верил, что скоро этот кошмар закончится. Пират знает, что Форд Шик в беде. А Пират не оставляет своих друзей.

Правда, приторно-чистое зеркало в туалете каждый день говорило о другом. «Забудь...» - шептало оно, когда он закрывал за собой дверь в уборную и иллюзорно оставался хоть на несколько минут в одиночестве, но кожей чувствуя черный глаз камеры. «Все закончится, но ты этого уже не ощутишь... Наверху так же пусто и тихо, как и в этом подземелье. Пират? Кто сказал тебе, что Пират еще жив, что ты найдешь на прежнем месте хоть кого-то из тех, что знал? Там никого нет давно», - шептало зеркало, смеясь, а Форд видел в нем Серую Маску. «Там другой город, но ты не сможешь обнаружить этого и поднять тревогу, - кривлялось совершенно пустое зеркало, в котором Форд с ужасом не видел себя. – Потому что ты не вернешься. Скоро и ты... Нет, не умрешь. Исчезнешь. Умирает то, что обладало существованием. А кто подтвердит его в твоем случае? Люди в черных очках с серыми лицами, которые держат ствол у твоей головы? Не-ет... Они не знают, что такое существование... смерть...» Серая маска превращалась в серое облако, голос снаружи требовательно заставлял поторопиться.

- Иду! – кричал Форд, пытаясь справиться с конвульсивным напряжением. – У меня проблемы сегодня.

Провести восемь месяцев под землей, в настоящем, классическом подземелье и до сих пор притворяться, что твои мозги в порядке – на это требуется мужество. Чертовы ублюдки, похожие на зомби, заставляли проводить исследования, цель которых он понимал очень хорошо. Только с одной целью можно было внедрять различные наноустройства и белковае машины в человеческие ткани и анализировать эффект. Кто-то вел биовойну – и использовал его, Форда, а тот не мог сделать ничего. Пистолет у его головы держал парень, который сам неплохо разбирался в биотехнологии, и мог с легкостью разоблачить возможный обман. Приходилось делать то, что говорят. Быть рабом неизвестных с явно темными замыслами, иными словами, и у Форда на этот счет не оставалось иллюзий.

И все же – с одной мыслью, с неистребимой надеждой, что однажды все это закончится, чертову лабораторию обнаружат

и затопят дерьмом из канализации, громко, довольно журчащей где-то рядом. Придут его друзья и выведут бледного, но живого пленника наверх.

Форду давали вакцину, оберегали от Серой Смерти, с образцами которой он работал. Но Шик понимал – после того, что он здесь узнал, даже после того, что он здесь просто был - живым его они уже не выпустят. Никогда.

Понимание превратилось в леденящую уверенность, когда Форд случайно зацепил обрывок плохо удаленного письма в локальной сети. Письмо, кажется, было адресовано этому ублюдку с серым лицом в черном смокинге.

«Мистер Гартман,

Результаты исследований вашего центра существенно помогли нам в разработке тех компонентов технологии, о которых я вам говорил. Ваш биолог, после того, как он вник в дело, стал незаменимым специалистом, и, я уверен, он все еще полон продуктивных идей. Постарайтесь помочь ему, создать благоприятную атмосферу, и помочь ему реализовать все из своих идей, что возможно. Полагаюсь на ваш профессионализм и интуицию. Думаю, вы не ошибетесь в определении, до какого момента он нам полезен. Вы можете убить его в любой момент, на ваше усмотрение.

У.С.».

Форд и не сомневался в подобном положении вещей, но после прочтения во рту появился неприятный привкус обреченности. Нужно оставаться полезным – пока не появится план.

Но каков может быть план, если каждый его шаг провожают двенадцать солдат с автоматами, не говоря уже об этом монстре с каменным лицом? Что может сделать маленький безоружный человек, которому за пятьдесят, болит сердце, а воевал он на своем веку только с лабораторными вирусами и бессонницей?

В этом гнусном мире, подумал Форд, добро не может победить зло, если само не станет злом и не обнажит зубы. Ему придется переступить через это – на время. Нужны зубы хищника, или копыта агрессии. И воля убить.

У Форда этого не было. И все же – он начал действовать на нескольких фронтах. Он изловчился написать Пирату, не будучи пойман. Он описал там все: неведомых похитителей, свое положение, возможную судьбу. Прошла неделя, но Пират ничего не предпринял.

И тревога лишь придала сил. Однажды – день был, или ночь – из оружейной пропал один из пистолетов. Лабораторию

прочесали до нитки, как и Форда. Но узник провел здесь восемь месяцев не напрасно. Он спрятал надежно – и пропажу приписали иллюзии и обманчивому фокусу подземелья. Никакого пистолета и не было.

План вызревал постепенно. Ночью они здесь все, однако на утро остается два солдата. Его надзиратель постоянно здесь, и ночует с ним, но иногда, очень редко, и он отсутствует. Убрать двоих – убить двоих – Форд был готов теперь и на это. Потому что ему не оставили выбора. Замысел только оформлялся, но внезапная катастрофа перевернула все. Однажды ночью Форд услышал сухие хлопки выстрелов за стеной. Выстрелы могли означать только одно. Пришел Пират, один или с друзьями, чтобы освободить его. Но тот, с серым лицом, этого не допустит.

Форд достал пистолет из тайника и спрятался в темном углу. Он не стрелял из оружия никогда. Но, когда дышит в лицо смерть, открываются способности, о которых мог не подозревать всю жизнь. Иногда – нечеловеческие способности.

Его тюремщик не проявлял ни малейшей осторожности. Он ворвался в кабинет с автоматом, уже готовый выполнить дело. Форду показалось, словно силуэт вошедшего какой-то нечеткий… размытый. Полупрозрачный. Форд понимал, что это обман зрения, он тряхнул головой, и плотный, материальный убийца появился медленно, наполняя контур.

Форд оказался у него за спиной. Он прицелился, закрыл глаза и выстрелил дважды. Первая же пуля пробила череп. Гартман рухнул на пол, и здесь произошло нечто странное. Через несколько секунд труп взорвался изнутри, расшвыривая по стенам куски плоти.

Не человек. Форд похолодел, словно от чьего-то чуждого дыхания. Но вскоре он снова услышал приближающиеся шаги – легкие и неумолимые, слышные только тому, чей слух обострился до предела. Шаги того, кого бдительность не оставляет никогда. Неизвестный остановился за дверью, отделившей его от затаившегося ученого. Затем сделал шаг внутрь и обернулся. Шик поднял пистолет и сразу опустил. Длинное темное пальто, покрытый рваными пулевыми дырами свитер, немного измученный вид незнакомца сказали ему – этот человек не из местной охраны. Только черные очки, пожалуй, как-то роднили его с ней.

Пришелец облегченно вздохнул:

- Слава Богу, я успел. Вы, скорей всего, Форд Шик.

- Да, это я, - Форд смаковал каждое слово по-особенному, дрожа. – Я знал, Пират не оставит меня в этой гиблой пещере. Вы ведь от него?

- Да, без его помощи я бы не смог найти к вам путь. Что, они правда держали вас в качестве пленника и заставляли заниматься незаконными исследованиями?

- Восемь месяцев и тринадцать дней мне было хуже, чем узнику замка Ив.

- Но я не узнаю черной униформы солдат.

- Я был здесь долго, и по-прежнему не знаю о них ничего – так высок уровень секретности. Вроде бы какая-то частная корпорация, связанная с террористами и производящая оружие массового поражения, в том числе – вирус Серой Смерти. Их курирует некий У. С. Инициалы – все, что я о нем успел узнать.

- У.С. – хорошо, я запомню. Но у нас мало времени – и вы все еще в смертельной опасности.

- Вы полицейский. ФБР?

- Не совсем. Скорее, я частное лицо. Надеюсь, это для вас не принципиально важно?

- Нет, конечно нет. Я благодарен судьбе уже за то, что могу разговаривать с вами. С *человеком*.

- Вы странно произнесли последнее слово. Но ладно. Нужно уходить отсюда.

- Вы не очень-то выглядите. – Дентон проследил за взглядом Форда. Он действительно выглядел скверно. Плащ превратился в рванье, влажное от крови. Неизвестно, возможно, были крупные кровотечения. Лицо, испачканное и утомленное, не имело выражения.

- Я в порядке – на мне бронежилет. Вы-то сами как? Прорвемся?

- Я теперь на все готов, - Форд сделал решительный, рубящий мах рукой.

- Держитесь за мной и идите осторожно – я заминировал все тоннели.

Постоянно снижая темп бега, позволяя задыхающемуся Форду догнать себя, Дентон чувствовал себя неуютно. Он привык действовать один – и не боялся ничего. Но теперь на карте не только собственное ничтожное ничто.

Везде по пути Форд видел раскинувшихся без сознания охранников (или трупы?), обезвреженные, потемневшие камеры и пулеметы, и все больший интерес к своему спасителю охватывал его. Он еще не встречался с таким профессионалом, действующим не на Их стороне.

Вот и розовый коридор остался позади, они окунулись в черное мерцание тоннеля.. И именно в этот момент оба услышали шум и хлюпанье от множества ног. И не сзади – а впереди.

- Кажется, у них была подмога здесь поблизости, они попадают сюда не через канализационный люк, - мрачно констатировал Дентон. – И кто-то успел послать сигнал тревоги. Нас накрыли… - худощавое лицо, и так темное в полумраке, омрачилось. Форд вдруг ощутил к нему симпатию. – Но ничего. Просто слушайте меня.

Дентон спрятал Форда за темным выступом, потом стал в начале тоннеля и разбросал вокруг себя маленькие бумажные факелы. На несколько мгновений стало светло, как днем. Много темных фигур окружило его.

«Беги…» - послал он мысленный сигнал силуэту, вжавшемуся в небольшой проем в стене позади. И силуэт исчез…

«Да поможет тебе…» - прошептал Форд, но не договорил, пробираясь в темноте к выходу и слыша позади яростный гул. Он не мог сказать, что ему помешало. Он забыл это слово? Отвык… На душе стало скверно, но он почему-то был уверен: этот человек в черных очках не может погибнуть…здесь.

Дентон не прятался, а преследователи, чьих имен он никогда не узнает, слились в одно целое со своими автоматами, готовились превратить его в простой обрывок мертвой материи. Однако… случилось нечто необъяснимое. Жертва высоко подпрыгнула и – исчезла. И напрасен был свинцовый ливень, которым они поливали теперь все вокруг.

Дентон старался уйти все дальше, зная, что преследователи вскоре прочешут все. Идти было тяжело – слишком много пуль сидело теперь в теле. Но он шел, понимая: это все же не те «настоящие трудности», о которых говорил брат. Только вот неизвестно, сколько крови он потерял.

Он упал вдруг на одно колено и ощутил, что потеря сознания – дело секунд. Этого нельзя допустить теперь, когда выход так близко… Он пришел туда, откуда спустился. Люк был открыт, в проеме колебалось в несколько звезд под налетом тумана. Значит, Форду удалось.

Дентон выполз на поверхность и нашел пульт на груди. Земля слегка задрожала, скрывая всю правду о страшном хаосе, смешавшем все внизу в единое каменное месиво. Это подземелье отныне погребено под сотнями тонн камня, само в себе. Возможно, навеки.

Возможно, напрасно…

Отравленный свежим ночным воздухом, пришелец из-под земли лишился всех чувств и ощущений под мягким ударом черноты.

Глава 8
Предчувствие

Но еще раньше, чем выйти за угол, он вдруг замедлил шаги, как будто ветер, налетев откуда-то, ударил в лицо или кто-то окликнул его по имени.

Брэдбери Рэй

Он был на острове, покрытом туманом, и, кажется, умер, потому что вдруг оттолкнулся от земли и взлетел ввысь. Он поднимался все выше и выше, проносясь сквозь ядовитый коричневый туман, пока не вырвался в чистое голубое пространство. Он захотел посмотрел на свои руки – и не нашел их, попробовал окинуть взглядом видимую часть себя – и не увидел ничего. Потом, усилием его воли, ладони появились из прозрачности, а в них был синий цветок. Дентон обернулся. Он уже не летел в пустоте, а стоял на земле, на каком-то кладбище. Густой молочный туман стлался по поверхности, скрывая от глаз все ее провалы и капканы. На виду остались только верхние части надгробий и печально поникшие кроны деревьев. Гнетущая тишина давила на него. Он был единственным живым здесь… если не считать цветка. Он поднес его к лицу, чтобы ощутить запах, но синий цветок вдруг выскользнул и скрылся в тумане. Он наклонился, начал искать его, но не достал руками до земли. Он наклонялся все ниже, не чувствуя дна, пока не нырнул в какую-то пучину… И проснулся.

- Ну, наконец-то, пришла ему пора познакомиться с семьей, - слово «семьей» почему-то показалось звучащим зловеще.

- Да, но мы-то думали, что это произойдет при других обстоятельствах.

- Не будь он так слаб, я бы, пожалуй, сам убил его сейчас. Он полностью разоблачил себя. Теперь никто не поверит в ту легенду, которую мы так долго готовили.

Оба голоса, доносившиеся из-за белого покрывала бытия, излучали холод незнакомого, но один из них вызывал особое ощущение: напрягал.

Мир выплыл из облака медленно и ослепил белизной красок. Белый потолок, чистые простыни… Где-то осталось черное мерцание подземелья – и его отсутствие было непривычным.

Все в порядке… От этой мысли стало так спокойно и легко, что Дентон снова погрузился в сон. А когда вновь открыл глаза, то увидел, что над ним склонились трое. Их внешность была настолько яркой, что закрыть глаза снова уже не удалось.

- Вот он, это наш новый подопечный. Крепкий орешек, как и его брат, - сказал низкий плотный мужчина в белом халате.

Но Дентон повернул голову в сторону другого наблюдателя. Высокий худощавый почти старик в зеленом свитере, с копной огненных, однако изрядно посеребренных волос, с искусственным глазом-протезом и чрезвычайно волевым подбородком смотрел на Дентона мягко и участливо.

- Генерал Картер… Это вы? Я слышал о вас еще в школе… Встретить вас – большая честь для меня…

- Смотрите-ка: он еще и разговаривает, как ни в чем не бывало. – Голос Картера был очень живым, и в то же время не раздражал. – Я больше не генерал. Зови меня просто – Картер.

- Это ужасно… то, что «Синий Цветок» сделал с вашей семьей.

- Не будем об этом, солдат. У каждого свое горе. Я потерял жену и сына – ты рос без родителей. Кто из нас страдал более – трудно сказать.

- Мои родители погибли в автомобильной катастрофе – это совсем другое, - каждое слово давалось Дентону с трудом.

- Я сказал: достаточно. Я интендант этого заведения.

- Интендант? Вы?

- У каждого однажды выходит срок годности. У меня уже не та рука, но я еще могу послужить Коалиции здесь. Послужить делу мира. Ладно, поправляйся, я еще зайду на днях. – Картер быстрым шагом покинул палату.

- Я в штабе, не так ли? – поинтересовался Дентон тихо. – На острове свободы?

- Да, в моей палате, - отозвался человек в белом халате. – Я Хайми Риез, штабной врач.

Мысль о том, что где-то совсем рядом, возможно, прямо над ним, опять трепещут темно-желтые тополя и дышит тот деревянный дом, опустошенный дом у подножия статуи, вызвала загадочную дрожь.

- Я помню вас, - сказал Дентон, отвлекаясь. – Вы руководили мной во время некоторых тестов в Академии. Вы всегда интересовались моим биоэлектроуровнем.

- Да, биоэлектроуровень – это важно, - кивнул Риез с серьезным видом, спрятав усмешку в тонких усах.. – Чтобы ваши имплантанты работали… Вообще, нам обо многом нужно поговорить, но не теперь. Четырнадцать пулевых ранений – это вам, дорогой мой, не шутка, и для скромного штатного психолога многовато. Вы уже проспали семнадцать часов кряду.

- Мне нужно выписаться сегодня.

- Не сходите с ума. Пару дней отдыха просто необходимы.

- Мне действительно очень нужно выписаться сегодня, – повторил Дентон серьезно. Но доктор, по-видимому, уже вышел и не слышал последних слов.

Дентон прикрыл глаза, но перед тем, как вновь погрузиться в сон, вдруг вспомнил – в палате остался еще один посетитель. И он знал, кто это. Дентон привстал и сел на кровати. Напротив сидел молодой парень с характерной внешностью: худой, с копной нечесаных светлых волос, бледным лицом и большими очками. Тонкий, слегка в нос голос полностью вписывался в образ.

- А вот я разговор с тобой отложить не могу, Джесс. Хотя лучше бы ты прилег.

- Я чувствую себя нормально… Алекс.

Алекс ничем не выразил удивления.

- Тебя изрешетили пулями, ты чуть не истек кровью… Такое впечатление, что ты мало думаешь о то, что делаешь. Но дело не в этом. Мандерли известно все. А мне известно еще больше.

- Ты ведь все видел, верно? И… метро? И подземелье… Что собираешься делать с этим?

- Ничего, что могло бы навредить тебе или брату. Пойми, Джесс, я никогда не поступаю поспешно и необдуманно. Я допускаю, что там, в метро, у тебя были свои мотивы. Важно, чтобы ты научился мне доверять.

- Странные вещи у вас в агентстве творятся. Уж я то думал, что в твою задачу входит просто полное отслеживание действий агентов и информирование Мандерли. Человек на подобном месте не может вести свою политику.

- Это они так думают. Но я пытаюсь просто сглаживать конфликты. Наша работа - настолько сложная и порой запутанная, что без доверия, на прямом столкновении агенство

давно бы уже распалось. Другое дело – не все всегда зависит от меня. Иногда Мандерли подключается сам, напрямую.

- Это наблюдение за каждым шагом, встроенное в самое меня… Я ведь ничего не знал. Когда я поступал в Академию Антитеррористической Коалиции, меня никто не предупреждал о том, что мои глаза будут чьими-то еще.

- Это подразумевалось, как и многие другие вещи, о которых, ты, возможно, еще не знаешь. В операциях такого рода, в каких участие придется принимать тебе, это необходимая мера, в основном – ради твоей собственной безопасности. Но мы оставим это, когда ты уйдешь в отставку.

(А отсюда можно уйти в отставку своими ногами?)

- А ты уверен, что это можно будет оставить?

- Не знаю точно. Возможно, Риез лучше знает ответ. Но думаю, что да, - ответил Алекс неуверенно.

- Алекс… Постараюсь быть с тобой откровенным. То, что ты – главный компьютерный оператор здесь, мне ни о чем не говорит. Я не знаю тебя, и мне совсем не хочется доверять тебе каждое свое движение. Но выбора нет, и остается только надеяться, что Пол сказал о тебе правду. Только… Я верю тому, в чем убедился сам.

- Хорошо, - Алекс Якобсон кивнул. – По крайней мере, это честно. А теперь выслушай меня. Несмотря на все, что ты выкинул, Мандерли тобой доволен. Ты успешно завершил операцию по освобождению заложников, а в Адской Кухне доказал, что можешь владеть ситуацией. Не говоря уже о приключении в подземелье, которое потянуло за собой, кажется, очень долгую нить…

- Правда?

- Мандерли расскажет больше. Ты получишь отпуск, который и полагается тебе после Академии, придешь в себя а затем - готовься к настоящему делу. Это слова Мандерли. Впрочем, он сам тебе все скажет. А я хотел сообщить о другом… Твой брат исчез.

Дентон ощутил, как леденящая муть тревоги моментально наполняет его изнутри.

- Можно подробнее?

- А подробнее некуда. Твой брат проводил операцию в Адской Кухне: очень важную, в одиночку, в заброшенной части индустриального Нью-Йорка среди складов, кажется, в системе канализации. Он ушел, затем сигнал исчез – и уже не возрождался. Мы послали ему вслед агента Шермана, но это было бесполезно изначально. Трудно пройти путь вслед за Полом, а повторить его след в след – невозможно вообще.

- Что думает Мандерли?

- Он хочет поговорить с тобой по этому поводу. С глазу на глаз. Надеюсь, все не так плохо, как может показаться И еще: постарайся не попадаться на глаза чиновникам из Вашингтона, которые приехали в штаб с инспекцией. Это навлечет лишние неприятности.

- Почему?

Алекс просто пожал плечами:

- Потому что это – Уолтон Саймонс.

Алекс произнес это имя со странным оттенком. Тем более странным было то, что Дентону это имя показалось смутно знакомым, хотя – он был уверен – он никогда не слышал его раньше. Но у него уже не было ни сил, ни желания расспрашивать. Он откинулся на подушки и задумался. Потом понял, что рисовать какую-либо картину рано.

Дентон встал на ноги. Легкое головокружение – и состояние нормализовалось. Сбросив с себя иглы и какие-то громоздкие конструкции, Дентон с удовлетворением, хоть и не без изумления отметил, что раны почти зажили. Он нашел свою одежду – чистую и отремонтированную. И исчез из палаты.

Как призрак, он не был замечен никем, хоть и не скрывался, не нужен никому, хотя шел медленно и осторожно, стараясь не заблудиться в лабиринтах здания. В лабиринтах мира, по кирпичику воздвигнутого из ничего.

Двое странных мужчин в строгих черных костюмах встретились ему в коридоре. Трюк был в том, что Дентон не мог точно сказать, *что именно* было в них не так. Просто он смотрел на них будто сквозь объектив со сбитой резкостью, их изображения были немного размыты… на фоне совершенно четкого окружения. Словно… растворялись в воздухе, и только начали растворяться. Слово пришло неожиданно, и было совершенно точным. Края их едва заметно подрагивали, угрожая потерять форму в любой миг. Дентон моргнул несколько раз. Кажется, с глазами что-то не так. Ну да, он ударился головой…

Двое в черном остановили его.

- Господин Дентон? – произнес один из них вопросительно, голос его был очень низок и немного глуховат, как запись на старых кассетных магнитофонах.

- Это мое имя.

- Пожалуйста, следуйте в офис Мандерли, ему нужно вас срочно видеть, - отозвался второй, и его голос почему-то звучал в точности, как первый. – Пленные террористы на третьем

уровне – тонкие штучки. Пусть ними занимается мистер Саймонс.

- Пленные? Саймонс? Вы, парни, из какой организации?

- Пожалуйста, не задавайте лишних вопросов, - безвкусно произнес один из незнакомцев в черном, поправляя галстук. – Саймонс этого не оценит. Вы должны поспешить к мистеру Мандерли.

Они проследовали мимо него, и до Дентона только сейчас дошло, что за несколько минут разговора он не сумел найти ни одного отличия между обоими, хотя искал их подсознательно. Создавалось впечатление, что…

Дентон не знал.

- Мандерли у себя? – не дожидаясь ответа секретаря, Дентон повернул ручку двери в кабинет шефа. Но та оказалась заперта.

- Мистер Мандерли занят, Джесс. – отозвалась Дженис Рид, не поднимая головы. Вам придется ждать.

- Хорошо, я попозже… - Дентон не договорил. Слишком развитый слух его подвел: он мог слышать каждое слово за стеной. Хотя слушать не стоило бы.

Но было поздно.

- Просто убейте этого сукиного сына, - от этого голоса у Дентона напряглось внутри несколько струн.

- Я не шутил – он наш лучший агент, - вполголоса отвечал Мандерли.

- Он нам не нужен – у нас есть его брат.

- Он ничего не знает.

- Боюсь, что знает. Вам ни за что не следовало посылать его в Гонконг.

- Не стоит быть скорым на расправу. Следует разобраться и завершить расследование.

- Понимаю: он ваш любимый проект. Он многому научился и многое достиг под вашим руководством. Даже слишком. Точнее – был, потому что теперь, когда сомы мы опять лишились, меня не интересует ничего.

Затянувшееся молчание показалось тяжелым, как свинцовая руда.

- Хорошо, ладно. Я буду следовать приказам.

- Это все, чего я от вас требую. Продолжайте в том же духе. Я иду на третий уровень – допросить пленных. Быть может, что-нибудь и прояснится.

Дентон вовремя отошел от двери, наклонившись на терминалом и сделав вид, что ближе пяти метров к двери не подходил.

Но вид того, кто из нее вышел, заставил Дентона выпрямиться и замереть. Он еще не видел человека, в котором было столько… такого, для чего не подходили стандартные характеристики.

Сначала Дентон увидел лишь темно-синее пальто с серебристыми разводами и смутным изображением черепа на спине. Ему почему-то до последнего момента не хотелось поднимать глаза и смотреть в это лицо. Потом он сделал это – и пожалел.

Он встретил глаза-глазницы. Два озера с темной болотной водой, две впадины на той стороне Лунных гор, куда свет не проникает никогда. Глаза Горгоны. У нее были такие глаза. Это не глаза. Они ловили своей неподвижностью, замораживали пустотой, доходя до сердца и превращая смотрящего в кусок камня. Дентон выдержал не более двух секунд и опустил взгляд.

Он не боится этого незнакомца. Нет, глупо бояться того, кого видишь первый раз. Дентон усилием поднял глаза и заставил их смотреть в его глаза. Ему показалось, что он заглянул за край Космоса, туда, где не осталось даже электромагнитных вихрей. Черные и очищенные от всего, безжалостные и изменчивые, они обещали страшное наказание за дерзость посмотревшего. Обещали… Нет, не сжечь, ибо огонь не мог родиться здесь, но умертвить, заполнить тьмой, превратить в лед и камень, забыть для мира…

Дентон обнаружил с ужасом, что его внутренне трясет, и с неприятным удивлением нашел в себе новые оттенки ощущений.

- Дентон… - голос был хрипло-свистящий, словно простуженный. – Насколько я слышал, вы представляете большую ценность для Коалиции.

- Добрый вечер, сэр, – ответил Дентон сдержанно. – Но, кажется, я не знаю вашего имени.

- Еще не пришло время нашего знакомства, - ответил незнакомец медленно, леденя Дентона пристальным взглядом и не пытаясь поймать его глаза. – Еще нет. Лучше идите и сделайте доклад Мандерли.

Незнакомец потерял к Дентону интерес в следующий же миг, неслышно открыл дверь и пошел прочь, слега сутуло наклонившись вперед и шелестя плащом, словно привидение. Он был ростом не ниже Дентона и даже шире в плечах. По тому, как сразу изменилась обстановка в комнате, Дентон понял: нельзя без напряжения находиться рядом с этим субъектом. У него кровь другого цвета.

Глядя на выбритый каменный затылок, покрытый шрамами и странными пульсирующими татуировками, Дентон непроизвольно спросил:

- Кто это? – и посмотрел на секретаря. Дженис Рид спокойно скользила пальцами по виртуальной клавиатуре, в ее движениях не было и тени замешательства.

- Это мистер Саймонс, директор одного из ведомств в госдепартаменте. Из Вашингтона. Он был с деловым визитом к мистеру Мандерли.

Она сказала это таким спокойным, будничным тоном, что Дентон удивился сам себе. Почему она не почувствовала всего того, что ощутил он? Она вообще ничего не почувствовала… Не стала нервничать. Пусть у мистера Саймонса лицо немного… нехорошее. Это ведь еще ни о чем не говорит.

Одно объяснение было. Но оно Дентону не нравилось, и он понимал, что это – полная чушь. Ни Дженис Рид, ни любой другой человек не ощутили бы этой необычной тревоги. А вызвана она была тем, что у Саймонса было что-то общее – с ним. Они с этим ледяным идолом чувствовали друг друга - на немного ином уровне…

Видимо, Дентон чувствовал себя не очень после больничной палаты. Лучше подумать о то, что он услышал случайно, точнее, подслушал. Но верить в свои догадки еще рано. Не время – пока.

Джесс постучал в дверь-цель и, услышав хриплое «входите», оказался один на один с Джозефом Мандерли. Шеф выглядел по меньшей мере удрученно. Он вытирал лицо платком, а его благородные седины блестели каплями росы. Он выглядел так, словно поднялся на Мак-Кинли и спустился без страховки.

- А, Дентон, рад тебя видеть, - выгоревший взгляд не выражал и тени радости. – Это и к лучшему, что ты встал на ноги раньше времени.

- Многое надо сделать… и выяснить.

- Да… - Мандерли расчесал волосы маленькой деревянной расческой, думая о своем. – Интересно было наблюдать за тобой все это время. Честно говоря, я думал, что там, где тебя готовили, учат действовать по-другому.

В голосе шефа не было гнева – только бесконечная выжженная пустыня усталости. Дентон ответил спокойно, подбирая слова:

- Так сложились обстоятельства. В общем, у меня не было выбора. Я могу объяснить…

- Да нет, все нормально, - перебил Мандерли с ходу. – У меня нет причин для недовольства. Как бы то ни было, ты эффективно сработал, это главное. А твои методы работы – твои проблемы. Нравится рисковать жизнью без необходимости – ради бога.

- Мы рискуем жизнью в любом случае…

- Проблеме заложников ты положил конец, наладил работу метро. Навел порядок в Адской Кухне. – Дентон слушал и замечал, как неприятно знать, что кто-то в подробностях проследил каждый его шаг. Мандерли продолжал. – А твоя вылазка под землю привела нас к интересным выводам и, несомненно, помогла в борьбе с нашим… как его там? Терроризмом.

- Так серьезно?

- Да, Джесс. Мы думаем, это был их козырь. «Синего Цветка», я имею в виду. Там готовилось, по-видимому, мощное биологическое оружие. Твое открытие заставило всерьез поставить вопрос об искусственном происхождении вируса «Серой Смерти». Определенные службы, связанные с нами, отправили поисковую группу прямо по твоим следам, как только ты проник туда. Немного не успели: они уничтожили все файлы и документацию, а сами исчезли. Конечно, некоторые зацепки все же есть. Одним словом, - Мандерли поднял голову и изобразил на лице усталую улыбку. – Можешь пока не бояться за свою голову.

- Но ведь я…

«Но ведь я все взорвал там и смешал с адом, никакая группа не могла проникнуть туда, где на месте тоннелей осталось сплошное каменное месиво…» Дентон хотел сказать это, но что-то остановило его в последний момент. Интересно, с кем он встретился тогда, когда вместе с Фордом преодолевал обратный путь? Странные преследователи появились слишком быстро. Возникало сомнение…

Ему сказали это не просто так. Его хотят обмануть? Возможно, Мандерли и сам не знает. Но важно выдержать момент, важно не делать выводы раньше времени.

- Что такое? – Мандерли уловил его замешательство.

- Просто я не встретил никакой поисковой группы.

- Неудивительно. Система подземных коммуникаций Нью-Йорка огромна, это по величине второй город в мире. Вы спокойно могли разминуться.

- Конечно, - кивнул Дентон, удовлетворяясь таким объяснением и избегая развития темы об огромных канализационных пространствах, вспоминая их

негостеприимство. Он не успел приготовиться к тому, что услышал через мгновение.

- С твоим братом дело обстоит похуже.

- Дентон подсознательно ожидал этих слов. Частично интуитивно, отчасти на основе наблюдений он понимал: что-то будет сказано о его брате, что его не обрадует. И разговора этого не избежать. Дентон ничем не показал, что его это насторожило.

- О чем вы? Что-то случилось с Полом?

- В двух словах, проще не скажешь: он исчез. – Мандерли усмехнулся странной, улыбкой.

- И что это значит?

- Пока только то, что я сказал.

- Возможно, он при выполнении задания… А как же оборудование, подобное тому, через которое вы наблюдаете за мной? Эхо, кажется?

- Всякая связь прервана. Я уверен, у Пола было немало возможностей дать знать о себе за такое длительное время.

- Всякое может случиться. Вы не допускаете, что он может быть в беде?

- Это мы и выясняем… Джесс! – Мандерли взглянул на него пристально и недобро.

- Да, сэр?

- Мы его найдем.

- Я знаю, - Дентону стало не по себе. Мандерли продолжал уже другим тоном:

- Ты плохо меня знаешь, Джесс. А твой брат мог бы рассказать тебе, что я так просто не бросаю в беде своих агентов. Поверь, я сделаю для Пола все, что в моих силах… Только ведь в моих силах не так уж много.

- Спасибо, сэр.

- Теперь о тебе. Я кое-что расскажу сейчас, а ты постарайся не упустить ничего. Пол Дентон был одним из ключевых сотрудников агенства, одним из немногих, работающих в одиночку. В отличие от Гюнтера или Наварре он умел работать по-настоящему скрытно. Думаю, ты бы немало поразился, узнав, какие дела проворачивал Пол в течение этих семи лет… Но Пол пропал, оставив нам множество неразрешенных проблем. Работу нужно выполнять, мы срочно ищем замену твоему брату. И мне кажется, ты смог бы занять его место. Для этого тебя готовили в Академии.

- Я готов, - кивнул Дентон.

- То, что ты делал в течение последних ночей, было так, мелочь, пустяки. Но вскоре у тебя будет шанс проявить себя в

полной мере. Речь идет о безопасности страны. Я сейчас больше ничего не скажу, но ты должен приготовиться. В условное время тебе дадут знать. А пока – отдохни. У тебя будет небольшой отпуск. Наберись сил, пройдись по старым местам, которых ты уже не узнаешь…

- Я понял, сэр. Только хотел спросить – извините меня за любопытство – кто этот человек, с которым вы говорили до моего прихода? Я никогда его раньше не видел.

- Саймонс? – При упоминании о нем у Мандерли неприятно изменилось лицо, черты стали жесткими и приобрели налет нехорошего воспоминания. - Его никто не видел до недавнего времени. Тебе не нужно о нем пока ничего знать. И ради бога, не пытайся ничего выяснять, – каждое слово давалось Мандерли с трудом, как человеку, который боится быть услышанным кем-то еще. – Ради твоего же блага. Это очень влиятельный чиновник из Вашингтона, он напрямую связан с большой политикой. И прибыл он сюда именно из-за твоего брата.

- Это дело так серьезно?

- Ты еще не понял, насколько серьезно. Хватит вопросов…

- Этот Саймонс показался мне очень странным и неприятным суб…

- Хватит! – закричал Мандерли и нервно ударил кулаком по виртуальной клавиатуре, которая мгновенно восстановилась на его коже. – Убирайтесь отсюда, Дентон. Находитесь в Манхеттене, вас могут вызвать в любой момент. – Присутствие духа постепенно вернулось к Мандерли. – Во дворе на верху стоит наш вертолет – ждет тебя. Пилот доставит тебя на континент. И еще… Будут новости о Поле – Алекс сообщит тебе. Но и ты, если узнаешь что-нибудь, не забудь поставить меня в известность.

- Зачем? – спросил Дентон холодно. – У вас же есть эта штука для наблюдения?

- Сигнал порой пропадает, - ответил шеф беззлобно. – Порой блокируется. И дело даже не в этом. Ты должен помнить, что такое лояльность и как она важна. Если ты будешь скрывать и об этом узнают – выводы будут сделаны не в твою пользу.

Дентон утвердительно кивнул и вышел, поцарапавшись взглядом о ядовито-оранжевый вазон с кактусом из пластика. На пороге он столкнулся с Алексом. Тот слегка и многозначительно пожал ему руку.

- Осторожнее отдыхай.

Находясь под землей, никогда нельзя угадать, чем при выходе удивит открытое пространство под небом. Часы могут мелодично звякнуть полдень, а за последней дверью с первым шагом отравят глубинным вздохом полночные звезды. Каждый раз на пороге Дентона захватывало ощущение какого-то тотального обмана, злой иллюзии, когда в многомерной темноте впереди он видел совсем не то, чего ожидал, строя планы там, под землей.

На этой стороне планеты уже стемнело, и было удивительно холодно даже для ноября. Пронизывающий ветер рывками тряс его за плечи и путался в волосах. Дентон не помнил такой холодной и сухой, без дождя осени за последний десяток лет. Ему даже показалось, что подстриженная трава на газонах покрыта инеем.

(Или это миллионы маленьких синих цветков?)

Только взглянув более внимательно, он понял, что это – всего лишь роса, упавшая на землю с приходом ночи.

В полутьме на маленьком бетонном блюдце громадиной чернел вертолет. Длинный, неподвижный, похожий на хищную рыбу в воздушном океане, замершую на дне в дремоте. Сейчас она учует его – учует жертву, и он увидит красный глаз, вспыхнувший тем алчным нищим светом, который неведом неживому миру…

Пилот спортивного сложения в пепельном комбинезоне с множеством молний открыл перед ним дверь. Дентон сел на место пассажира, стесняясь непривычной тесноты.

- Привет, меня зовут Джок, - пилот надел очки. – Я отвезу тебя туда, куда скажешь, хоть на другой конец материка.
- Я Джесс Дентон, психолог, работаю здесь.
- Я знаю, Пол рассказывал о тебе. Судя по его словам, ты неплохой парень. Едешь в отпуск? А я сам – только из отпуска.
- Ты знаешь Пола?
- Я перевозил и его, и многих других агентов. И часто. Я тоже работаю на Коалицию. – Джок был очень, даже безразлично спокоен, но в каждом его движении сквозила какая-то скрытая уверенность и сила, а за внешне безобидными словами угадывался иной подтекст.
- Кто из пилотов работает ночью?
- Черные пилоты. Мы всегда работаем ночью – те, кто летает на черных вертолетах. Ночью больше всего работы. Коалиции наняла меня, потому что я никогда не задаю вопросов и никогда не опаздываю.

Да, этот человек явно хотел создать вокруг себя ауру излишнего простодушия и прямоты. Аура растаяла, лицо

пилота приобрело стальную жесткость, когда Дентон задал следующий вопрос.

- А в Коалиции проверили твою лояльность?

- Лояльность – вещь смутная, никто до конца не может сформулировать ее значение и суть. Они проверили мою биографию, если ты это имеешь в виду. Но я сам захотел здесь работать – а это значит, что они взяли бы меня в любом случае, я могу сделать для этого все, что нужно.

Дентону хотелось уточнить, что именно нужно сделать, но лицо пилота стало непроницаемым. Дентон изменил русло разговора, наблюдая за шелестящим колебанием тополей снаружи.

- Честно говоря, я еще не видел таких вертолетов.

- Да, таких вертолетов в мире немного, до десятка, и все на вооружении Коалиции и НАСА. Стелс-технология, такая птица может вплотную приблизиться к окну твоей спальни, а ты даже не заметишь ее. Мне нравятся эти машины, нравится бросать вызов спящему миру, вялому спящему миру, как неуловимый, непобедимый и всюду проникающий хищник… Ладно, что говорить, я только и умею, что летать на этих чертовых вертолетах. Ничему больше не успел научиться за свою странную жизнь. Но уж это я умею делать хорошо. – Джок подчеркнул последние слова и резко замолчал, будто понял, что собеседнику это не очень-то и интересно. – Так куда едем?

- Недалеко. Пока что курс – на Адскую Кухню. Там я уточню.

- Отличное местечко, чтобы проводить там свой отпуск. Серые, черные тона с тысячами их оттенков, множество переулков, холодные пустые дома, стон больных Серой Смертью, похожий на иллюзию, на дальнем конце улицы, когда идешь ближе к свету в сторону метро, еще не зная, что оно закрыто… Ценю ваш выбор.

Дентон посмотрел сбоку на бесстрастное лицо пилота. Что-то большее и, возможно, грустное было в этом человеке. Что-то, вызванное тем знанием, которое никто ему, Дентону, не доверит. Как дуновение чужого ветра из родной страны из-за горизонта.

- Я там провел свою юность. Я не был там шесть лет. И поэтому еду туда, – сказал Дентон. – Но, пожалуй, в Адскую Кухню действительно рановато. Давай в Бэттери-парк.

Винты беззвучно закрутились, вертолет спокойно и мощно поднялся над островом.

- Джесс… Не возражаешь, я буду называть тебя по имени? – Джок смотрел вперед, но был совершенно расслаблен. – В

городе многое изменилось за последние годы. Я тебе сочувствую – ты попал домой не в лучшие времена. Советую тебе иметь при себе оружие, могу даже сказать, где в Адской Кухне его достать.

- Ты случайно не Пирата этого имеешь в виду?

Джок удивленно полуобернулся.

- Ты уже знаком с ним? Надо же… Пират довольно скрытный человек, незнакомец так просто его не встретит.

- Это я уже понял. Но наша встреча была случайной.

Пират, странный контрабандист –отшельник, знал Пола Дентона. Джок знает Пола. Джок знает Пирата. Дентону начиналось казаться, что он один выпал из какой-то важной системы.

- Хочешь, чтобы не было так скучно лететь, я расскажу тебе о том, о чем ты не услышишь ни от кого другого? – Джок изображал словоохотливость, борясь со своей молчаливой природой.

- Мне не так уж скучно, но буду рад послушать тебя.

- Район 51. Слышал о нем?

- Куда сто лет назад упала летающая тарелка? Многое можно услышать, но разве есть во всей этой чепухе что-нибудь стоящее?

- Я тебе не собираюсь рассказывать об инопланетянах. Вопрос в другом – я пролетал там несколько раз, видел интенсивные строительные работы. Они прокладывают там оптоволоконные кабели.

- И..?

- Мне кажется, это то самое место, куда ООН перевели систему Эшелон, когда обещали, что прекратят слежение за людьми. Эшелон не был уничтожен.

- Честно говоря, мне это совсем не интересно, и я не вижу никакой связи… Таких слухов сотни самых разных ходят в толпе. Почему они заинтересовали вас? – недоумевал Дентон.

- Я летаю на вертолетах, а это значит, у меня не было возможности проникать на подземные уровни Района 51 и лазить там, как крот, - гнул свое Джок. – Но я уверен, что они это сделали. Они не оставили идею централизовать все - каждый компьютер на планете. Им нужно это – для каких-то действий глобального охвата.

- Кому «им»? ООН?

Дентон мало понимал, о чем говорит его спутник. Но вдруг он вспомнил кое о чем.

- Джок, помнишь, ты говорил, что не раз перевозил моего брата?

- Да, - ответил Джок осторожно.

- Ты знаешь, что он делал в Гонконге? – спросил Дентон в лицо. – Он что-то скрывает от меня, но я знаю одно: Пол уехал в Гонконг одним, а вернулся совершенно другим человеком. Человеком, которого я не знаю до конца.

Взгляд Джока снова стал жестким и совсем чужим.

- О том, что было с Полом в Гонконге, может рассказать только сам Пол. Он сказал, чтобы я был начеку с тобой. Тем более, я только доставлял его туда и обратно. Я ничего не знаю.

- Я его брат. Я имею право знать…

- Повторяю, - голос пилота был беззлобно-сух и спокоен. – Я умею хранить тайны – даже между братьями.

Дентон проглотил что-то тяжелое в горле и молчал. Через мгновение он уловил взгляд Джока, устремленный на него. Взгляд был смягчен, как может быть смягчен взгляд волка.

- Джесс, я скажу тебе только одно. Никогда не сомневайся в своем брате, что бы ни происходило вокруг. Все это временно, его нужно пережить. Время придет… Но ты должен верить Полу. Он – самый мужественный и честный человек из тех, кого я знаю.

Джок отвернулся и мысленно дал понять, что разговор выдохся.

Дентон смотрел на залитый огнями, кричащий огнями, и все равно такой бедный город. Бедный город – нелегко ему приходится…

Странно…

Что-то случится.

Глава 9
Призрак

Те, кому нечего ждать, садятся в седло.
Их не догнать… Их уже не догнать.

Виктор Цой

Что-то случится… Об этом поют уключины покинутых лодок у причала. Но нет в их песне ни ритма, ни умысла.

Джок оставил Дентона среди колонн, смутно знакомых и неизменных. Подняв бурю из опавших листьев, черный вертолет нырнул в немногим менее черную бездну.

Ему так и не удалось больше ничего вытянуть из неразговорчивого пилота, того, кто, кажется, был удивительным человеком. Джок стал еще одной загадкой в разрастающемся ребусе, разгадка которого начинала принимать мрачную окраску в сумраке неведомого.

Что-то случится, чувствовал Дентон, проходя под темными, сиротеющими кронами деревьев. Это предчувствие угнетало его. Дентон гнал его прочь, анализируя события последних дней. События не говорили ни о чем, но, несмотря на них и им наперекор появлялась подспудно эта странная уверенность.

Что-то случится. Дентон видел смутные силуэты людей вдалеке, бесцельно бредущих куда-то в эту ночь. Очень, очень скоро.

Дентон приблизился к ряду темных бараков – убежищ для бесприютных, едва освещенных бликами тлеющих костров и горящих бочек.

Они думают, он потратит хоть день или час на отдых, когда вокруг что-то происходит. Нет, это ошибка. Не тогда, когда исчез его брат.

Вряд ли кто-нибудь будет наблюдать за ним в эти дни, а даже если будут, Алекс прикроет. Значит, самое время начать действовать. Быстро и по плану. Только… плана пока нет. Как и четкой цели. Представления о том, что именно он ищет.

Дентон запахнул плащ плотнее и прислонился к стене. Кто-то в серой маске, кажется, усмехнулся ему с той стороны парка, но исчез быстрее, чем был окликнут. Кто-то в серой маске…

Сома – эссенция, которой никто не видел и даже не скажет, как она выглядит. Единственная тайна, которая может заглушить боль, но не остановить массовые смерти. Их нельзя остановить… пока. Сомы никто не видел, но она исчезает, она кому-то нужна.

Тени пляшут среди домов, кто-то кричит, кто-то смеется, кто-то молчит. Но крик не похож на крик, в смехе нет легкости, а молчание неискренне. Дентон наклонился, чтобы поднять кем-то оброненную вуаль, но на его пальцах остались лишь обрывки паутины, холодной, осенней, похожей на саван, а не на западню.

Сомы жаждут все. Призраки ходят в бессоннице по ночам, повторяя это проклятое слово и не утоляя жажды. Амброзия исчезает, и самый вероятный похититель – странные люди в масках, которые назвали себя «Синим Цветком». Они никому не открывают секрета своего имени, хоть секрета и не

существует. Есть просто синий цветок, такой простой и влекущий, какими могут быть цветы сатаны. С кем связан «Синий Цветок», куда Сома идет дальше – не знает никто. Эти силы – они знают, как скрыть все, каждое из множества своих имен.

Дентон почувствовал ноющую боль-невидимку в теле, боль от прохлады и ран. Мимо прошел мужчина, окутанный дымом с ног до головы, как индийский маг-укротитель огня. Молчание было бы естественным – но мужчина не молчал, он пел, мечтательно и дико, не создавая ритма и не заботясь о нем:

«Оставайся, осень моя,
Навсегда, навсегда
Оставайся. Я сойду с ума.
Но ты все равно – оставайся…
Лей, мой дождь. Лей, лей.
Я хочу увидеть слезу,
Чище которой нет и не будет.
Много, много слез…
Остановись, мой путник.
Просто, просто остановись,
Я тебе ничего не скажу,
Но ветер холодный выветрит горечь…»

Исчезнувшую сому пытаются найти все. Коалиция и его брат. Люди, одетые в черное, в которых ему чудится размытая прозрачность. Неизвестные службы. Но никто не находит. Может, они не хотят найти. Или кто-то им мешает. Или… они забыли о подземном мире Города, пределов которому не знает никто?

Или дело вообще не в этом, пропажа нескольких партий вакцины – просто пустяки по сравнению с тем, что может быть важно?

Редкий туман, разорванный на клочья, укрывал звезды снизу, и звезды горели тускло, как злые глаза в ореоле серых масок этого тумана. Дентон поймал себя на понимании, что он смотрит туда, над собой, редко, но что ему все больше хочется туда смотреть.

И он все меньше может там увидеть.

Его брат исчез. С братом что-то случилось. Если брата не станет, будет очень трудно определить в этом мире, кто есть он сам.

Дентон никак не связывал исчезновение Пола с происходящим вокруг, со смутными тревожными догадками, которые стесняли разум и касались всего на свете, кроме брата. Он прошел вокруг замка Клинтон, отводя взгляд от

слепых бойниц и странных символов мелом, зная, что, пройдя по кругу, он вернется на то же место. Но именно то, что брат исчез, определяло его поиск. Еще вчера он просто хотел найти исчезнувшую амброзию. Теперь же выбора не оставалось - возможно, Полу нужна помощь. Но что-то говорило Дентону – две линии могут пересечься, и пересекутся там, впереди, где сейчас ничего не видно.

Хотя, зная Пола, того, старого Пола, Дентон исключал в душе вариант, что брат попал в беду и не смог выбраться. И именно поэтому на душе было особенно скверно. Если беда действительно случилась, насколько серьезным должно быть положение…

Дорогу перебежала кошка. Кажется, она была черной, а может, и нет. Может, это даже не кошка. Какой-нибудь другой зверь скрылся в густом сумраке замка. Дентон вспомнил их последний разговор с Полом, вспомнил тяжелую недоговоренность. Теперь он вдруг обратил внимание на то, чего не заметил тогда. Пол был очень огорчен и озабочен – чем-то таким, от чего незаметно седеют волосы. Дентон не заметил этого тогда, он был ослеплен своим недоверием… «А если я его больше не увижу?» Мысль потерялась где-то в перьях последних синих голубей, кружащих среди тополей.

Сейчас, здесь, несмотря на сковывающий, сосущий холод земли, хотелось сорваться с места и действовать, вырвать у бездушной реальности прощение за опрометчивость прошедших суток. Но что делать? Дентон не находил ни одной зацепки, которая вывела бы его к брату. Он не видел Пола несколько лет, да и до этого уже долго общался с ним обрывочно и мало, с тех пор, как тот стал первым агентом Коалиции. Тайна отягощала их обоих, и свободе уже тогда был положен конец. Но теперь Дентон вернулся – и оказалось, что Пол порвал с прежней жизнью полностью, новые, незнакомые люди окружают его, на всех них – маски. Он использует новые пароли, новый, двусмысленный язык, который Дентону непонятен.

Дентон делал шаг в этом новом мире, и на каждом шагу сталкивался со случайными упоминаниями о Поле от самых разных и неожиданных людей. Эта случайность в соединении с постоянством становилась зловещей, потому что ни одно слово не было договорено до конца. Странные оговорки запутывали его все больше, а Дентон с бессилием чувствовал: пытаться добиться правды от таких темных лошадок, как Пират или Джок не легче, чем заговорить с бездной и дождаться ее ответа…

Они знают что-то. Знают все. Это нечто объединяет их. И они не скажут. Никто не скажет. Единственный путь – не ждать, а искать самому.

Дентона немного успокаивала только одна мысль. Он по-прежнему был уверен: случись с братом беда, тот непременно дал бы знать ему, попросил бы о помощи. Кого еще, как не его? Несмотря ни на какие трудности, на кажущееся недоверие последних дней, - Пол должен был помнить клятву, данную ими друг другу десять лет назад, на руинах разрушенного города.

Если бы имел возможность сделать это.

Потом Дентон понял, что нашел синий цветок. Синий цветок, неприметный гость и господин этих осенних просторов, приютился у его ног, надеясь, что останется незамеченным теми, кто не смотрит под ноги.

Если в природе существует магия заколдованных предметов, то она была в этом цветке. Ярко-голубого, слишком красивого оттенка, он был… дьявольски, чертовски красив. Дентона никогда не интересовали цветы – а сейчас он вдруг понял, что этот цветок, красивей которого он ничего не видел, выворачивает его душу наизнанку. Не вызывающий, со скромной короной… неестественный. От него исходил холод.

Нет, это не предупреждение о катастрофе. Это не сигнальная ракета, а памятник на могиле далекой и безжизненной планеты. Корона Скорби. Приторная тоска распространялась от цветка с какими-то флюидами – и пропадала, стоило отвернуться. Нет, не все так просто с этим синим цветком.

Он будет искать. А помогут ему… они. Те, кому так же не спится в эту ночь. Дентон вошел в тень одного из бараков за восточной границей парка. Бараки – убежище для беспризорных, которых почему-то слишком мало. Именно то, что нужно. Дентон заглянул в оконный проем. У горящей бочки, дающей призрачное тепло и обожженную насмешку, грелись, дрожа, седой мужчина лет пятидесяти и похожая на старушку девушка. Несмотря на лохмотья, лицо мужчины и прямая осанка говорили о том, что он есть больше, чем кажется. А облик его спутницы в свете огня имел зловеще землистый оттенок. Не стоило труда понять, что мучительная болезнь съедает ее изнутри. Ее голос звучал бесцветно, голос седого бродяги – комично-бодро.

- Что слышно из-под земли, Кэрли? Вы принимаете новых людей? – спросила она.

- Сейчас не самое лучшее время. Многие из кротов пришли на поверхность – там уже не хватает места.

Кроты… Он где-то слышал это слово, или ему кажется? Какое-то подземное поселение…

- Но я не задержусь надолго. Мне только продержаться эту неделю…

- Почему там? Отряды «Синего Цветка» не дают жить спокойно. Они проходят через наши тоннели постоянно, похоже, это путь к какой-то их базе. Бряцают оружием днем и ночью. Мы боимся, что рано или поздно они притянут полицию на хвосте.

- Зачем вы рассказываете мне все это? – спросила она с бледным, обескровленным укором. – Мне ведь все равно, ходит ли рядом «Синий Цветок» или нет, и вы об этом знаете. Скажите мне правду: дело ведь в другом, верно?

- Видимо, придется, мисс, - вздохнул Кэрли. – Вы больны, а мы не пускаем в Город Кротов больных серой смертью. Мы ведь и ушли под землю, спасаясь бегством от серой маски. Не от полиции, не от холода и не от Города – со всем этим можно мириться. А от нее.

- Серая Смерть не передается от человека к человеку – и вы об этом знаете.

- Ничего не известно наверняка. Путь заражения не изучен – с воздухом вдыхаем ли мы отраву, или заносим с частицами пищи и потоком воды. Возможно, друг от друга она не передается, но существует какая-то дьявольская закономерность – если она рядом, все вокруг становится… серым. – Странно и тревожно звучал голос Кэрли, как голос больного душевно.

- Так куда же мне идти?

- Тебе нужно лекарство. Сходи в муниципальную клинику, там хоть как-нибудь облегчат твою боль.

- У них нет лекарства. Я уже не знаю, существует ли оно вообще. Нас ставят в очередь, которая никогда не наступит.

- Очередь постоянно растет?

- Нет, она не растет, она… обновляется.

- Как это?

- Одни уходят, другие приходят им на смену, чтобы тоже вскоре уйти. Я не пойду туда просто потому, что в этом нет смысла.

- Двое не сразу обратили внимание на изменение пространства, вызванное появлением чуждого силуэта в дверях.

- Амброзии нет в больницах, потому что надо искать в другом месте. Не так ли, Кэрли? Почему вы не говорите всего

до конца? Или вы не знаете? Не знаете, зачем «Синему Цветку» ваши тоннели?

Кэрли посмотрел на незнакомца в черном пальто враждебно.

- Я не лезу в дела «Синего Цветка». И вам бы не советовал.

- Почему? Кому-то ведь нужно это делать? Или… пусть все остается как есть…

- Лучше так, - Кэрли отделался непоследовательной фразой.

- Город людей-кротов – я слышу о таком впервые. Что это такое?

- Мрачное место. Поверьте, вам не захочется туда спускаться, останься у вас хоть какой-нибудь выбор. Там темно, не совсем пусто и опасно.

- И все же мне необходимо спуститься в этот «город». Вы можете мне помочь?

- Полминуты назад вы впервые услышали об этом месте, а теперь вам уже нужно туда? Незнакомцу туда лучше не спускаться. В подземных тоннелях есть множество запутанных и не изученных рукавов. Те, кто не знает дороги, теряются там, исчезают – не возвращаются. Тем более, туда закрыт вход для *чужих*.

- Но ведь туда как-то попадают новые люди?

- Да, - кивнул Кэрли со странным злорадством. – Есть волшебное слово – так сказать, пароль. Кто знает его, тому, значит, дали право спуститься в подземелье. Но вы его не услышите – нигде.

- «Синий Цветок» - пароль.

- Синий Цветок… - Кэрли удивленно вскинул брови. – Интересно, что вы имеете в виду? Но это не пароль. Да, я связь этого мира с подземельем. Но никто посторонний не проникнет в наше угрюмое поселение. Если вы имеете право на это – докажите. Скажите мне пароль. А пока – оставьте меня в покое.

- Мне не нужен пароль. Я сам найду путь в Город Кротов.

- Тогда желаю удачи, - Кэрли улыбнулся безрадостно. Только хотел бы предупредить заранее – это невозможно.

Он отвернулся, давая понять, что разговор обескровлен. Дентон бесстрастно проводил его взглядом. Он понимал: этот человек прав, и найти вход в загадочный город Кротов ему самому не под силу. Понимал он и другое: Анна Наварре или двое «растворенных» с Острова Свободы действовали иначе. Путь стал бы известен им за считанные минуты.

Дентон отвернулся и бросил на прощание:

- Забудьте. Я сам найду вход. В этом городе много людей.

- Меньше, чем вы думаете, - услышал он, уходя. – И еще меньше тех, кого вы сможете найти.

Дентон спустился в метро, память мгновенно попала во власть тех призраков, которых он встречал здесь не так давно. Но он протер глаза, когда среди колонн увидел совсем не тот призрак.

Усатый старик, которому могло быть сколько угодно лет, в зеленом рваном пальто задумчиво чертил что-то в своем блокноте, не замечая того, кто приблизился к нему почти вплотную.

- Добрый вечер… мистер Филбен? – поздоровался Дентон, припоминая имя. – Это вас я встречал тогда на острове Свободы? Вы давали мне ключ от статуи…

Харли Филбен не ответил, только нахмурился. Дентон остановился озадаченно.

- Что-то не так?

- Да нет, все в порядке. – Филбен даже не обернулся, голос звучал сухо и резко, как кусок проволоки по стеклу. – Одним трупом меньше, одним больше – какая разница?

- Не понимаю.

- Вы обещали не трогать командира отряда из «Синего Цветка», когда мы встречались на острове. И что? Я оказался совершенно прав насчет убийцы – а вы не просто убийца, вам еще и недостает духу признать это открыто, как все остальные…

- Я сдержал слово, - тихий голос Дентона ничем не выдал внутреннего возмущения.

- Да, только его нашли мертвым на вершине статуи. Странно, правда?

- Я говорю вам правду. На острове Свободы я никого не убил. Это террорист, убийство которого я не считаю преступлением. Я бы не стал скрывать…

- Идите к черту Дентон, - сказал Филбен. – Дентон Дентону рознь…

Филбен захлопнул свой блокнот, исчерченный странными схемами и символами. Глаза Дентона сузились.

- Вы ведь не простой рыбак, верно? Вы не хотите мне ничего рассказать? О том, что происходит вокруг… о моем брате?

- Повторяю снова: иди своей дорогой. Того, что знаю я, тебе не узнать никогда.

Дентон почувствовал, что все слова его кончились. С каждым шагом привычный, знакомый ему мир менялся в

корне, отступал в тень, замыкался в себе. Каждый, кого он встречал, осаживал его леденящим дыханием недоговоренности, недоверия, как посвященный в тайну, куда ему путь заказан. И, самое страшное, в центре этих концентрационных кругов –человек-маска; тот, за кого он готов был отдать жизнь, но кто, оказывается, давно принадлежал другим за завесой болезненной таинственности.

Это паранойя, хрустнул Дентон пальцами. Просто он отсутствовал в городе очень долго. Шесть лет – не шутка. Немалая доля прожитой жизни. За это время могло… многое произойти.

Дентон шел по гранитному полу, а его тень, дрожащая, неверная, отступала с каждым сделанным шагом, не давая ни настигнуть себя, ни разглядеть суть.

Город теней. Ничего определенного. Ничего, о чем можно было бы сказать: оно равно самому себе, и если отвернешься на мгновение, застанешь его в том же виде, в каком оставил. Город-призрак. Город призраков?

Дентон ожидал метро больше получаса, но минуты пролетели, как мгновение. Он даже удивился. Он не был погружен в раздумье, наоборот, все мысли улетучились, отступили в глубокие шахты сознания, оставив одно пустое оцепенение. Такое, которое бывает в моменты после сильного замешательства, потрясения или унижения. Оно длится миг, минуту – и уходит, настойчиво изгоняемое импульсом жизни, чувством самосохранения, которое протестует против разрушающей пустоты.

Прошло тридцать две минуты. Дентон четко зафиксировал это на светящемся циферблате своих наручных часов. Темный вагон, темный, несмотря на яркое освещение изнутри, замер напротив человека в темном плаще.

Он единственный вошел внутрь. И никого там больше не встретил. Ночной экспресс понес одинокого путешественника по черному тоннелю, где не ступала нога человека, вырытому доисторическим червем. Он – и невидимый машинист где то впереди, который, наверное, лучше знает, куда нужно ехать. Да, он знает, куда едет.

А ты?

Глава 10
Полночь

Есть на свете цветок – он прекрасный и хрупкий,
И коль вдруг повстречаешь беду на пути,
Он тогда, свои листья раскинув, как руки,
Сам приходит на помощь, чтоб Землю спасти.

О. Суховерхова

Комендантский час в Большом Городе. Пусто.

Страх. Но не…

Но не совсем пусто. Дентон подошел к знакомому баскетбольному полю. Не желаешь сыграть пару минут веселым мячом-апельсином? Да нет, в следующий раз…

Дентон наперед чувствовал, что будет на этом поле не один. Какой-то незнакомый запах подсказал ему? Или едва уловимый шепот? Внутренний шепот.

Синий цветок опять. Там, в сумраке.

У дальней стены стоял, опершись о старые доски, человек, и почему-то смотрел прямо в глаза появившемуся Дентону. Напротив него, спиной к Дентону, стояли два головореза и громко, непривычно для ночной тишины этого города, переговаривались. Один, короткий и большеголовый, в черной бандане, держал в руке обрез дробовика. Его приятель размахивал ломом с красной ручкой.

Неожиданно за спиной Дентона чье-то холодное дыхание обожгло его шею, даже через высоко поднятый ворот.

- Сделай что-нибудь. Они же прикончат его.

Дентон не стал оборачиваться, чтобы узнать, кому принадлежат эти слова. Напрасно… Он просто пошел вперед. Рваные, с неровными краями обрывки разговора двух шакалов стали более различимы. Смысл его сказал все, что было необходимо.

- Я обыскал его карманы. Ничего.
- Заставь его снять ботинки.
- Снимай ботинки. Давай.

Дентон неслышно вздохнул и посмотрел куда-то над их головами. Взгляд заскользил по многим одинаковым этажам дома и сорвался, повиснув над пропастью темных небес, в которых было все. Хлопья тумана летели туда, куда никогда не попасть маленьким людям. Маленькие… Слишком часто – ничтожные.

- Вам лучше этого не делать. Вам лучше уйти.

Глухой голос мог бы запросто потеряться в грубых отрубях их брани. Но этого не произошло. Дентон ощутил на себе три пары глаз.

- Ты хочешь лечь рядом? – махнул один из бандитов обрезом неуверенно.

- Уходите отсюда. Сейчас. Или умрете.

Голос звучал так тихо, что вполне годился, чтобы убаюкивать мучимых бессонницей маленьких детей. И он действительно убаюкивал… подчинял. Головорезы замерли на миг, посмотрели на недвижный силуэт незнакомца, на его пустые руки, и сделали совершенно нелепую вещь с позиции постороннего наблюдателя. Они разжали руки, оцепеневшие, которое с тупым стуком прикоснулось к земле, и спокойно пошли прочь. Дентон даже не обернулся.

- Я блефовал, - сказал он тому, кто остался, чьи глаза стали очень велики на фоне бледного лица, чья бледность была цветом испуга, а не серым налетом болезни.

- Будь я проклят, если это не гипноз.

- Да, это он. Довольно просто. Немного потренироваться – и ты сам так сумеешь.

- Лучше бы вы убили их.

- Не беспокойся. За углом бродит полицейский патруль. Думаю, о них позаботятся.

- Сомневаюсь. Они еще много бед натворят.

- Хм… А с чего ты взял, что я мог бы их убить? Повторяю – это был просто блеф. Я ведь не убийца.

- Ну да, а кто говорит, что я вам не верю, – парень нервно кивнул. – Только… вы похожи на убийцу.

- Чего они хотели?

- Обычные головорезы. Из тех, которые выходят на улицу с последними лучами солнца, как нежить. «Синий Цветок» раздает оружие всем, кто хочет сражаться. Некоторые берут оружие и творят, что хотят.

- «Синий Цветок», да? Слишком уж часто я о них слышу. Я ищу к ним нить, собираюсь покончить с этим всем.

- Покончить… с чем? Со всей теневой частью Города, которая гораздо больше и сложнее явной? Вы что, серьезно думаете, что это хоть кому-нибудь под силу?

- И все же… Может, ты можешь мне как-то помочь? Знаешь какой-то выход к этой «теневой части» здесь, в Нью-Йорке?

- Вы полицейский? – парень удивленно вскинул брови.

- Да нет… Просто интересно. – Дентон посмотрел собеседнику в глаза. – Просто ночами меня мучит бессонница,

и я люблю гулять по заброшенным, всеми забытым районам этого города, разгадывая загадки. Ты не против?

- Нет. Я бы охотно помог, но это трудно. «Синий Цветок» - самая большая тайна ночного Нью-Йорка сегодня. Кажется, это просто куча бандитов и сумасшедших, которых нетрудно раздавить и выкурить силами спецназа за одну ночь. Но кажется, что за ними стоят силы…

- Так в чем тогда дело?

- Кажется, кто-то помогает им. Быть может, даже кто-то один, или двое-трое. Но это те, кто знает многое, и многое может. Для чего-то «Синий Цветок» им нужен. Ненадолго. Как и все террористы, они недолго проживут, выполнят, если повезет, то, что задумал для них теневой кукловод, и будут уничтожены, остатки забьются по гнилым норам города, став просто бандитами.

- Или кто-то вмешается немного раньше? – предположил Дентон. – Ты ведь знаешь, что Антитеррористическая Коалиция охотится за ними?

- Знаю. И что? – собеседник пожал плечами. – Видимо, тот самый некто, кто помогает им, более могущественный, чем ваша Коалиция.

- Это невозможно.

- Они отлично организованы. И каким-то чудом сохраняют тайну. Откуда знать таким, как я, откуда они появляются и куда, в какие черные дыры уходят?

- И ведь где-то они живут…

- Да. Единственное, что я могу сказать…

- Что их путь проходит через Город Кротов?

Долгая, и какая-то неприятная пауза зависла на паутинке тишины.

- Откуда вы знаете о городе кротов? – спросил ночной бродяга каким-то напряжением.

- От связного Кэрли из Бэттери-Парка. Так это подземное поселения правда существует?

- Да… Но вам не советую туда спускаться, правда. Там неприятно. Плохо.

- Почему так?

- Этот «город» находится в заброшенных слепых ветках метро. Туда уходят люди, которым не остается места здесь, наверху. Ни один из нас не доверяет этот секрет посторонним людям. Не могу понять, как вы сумели узнать…

- Случайно. Говорят, нужен пароль, чтобы попасть туда?

- Не совсем пароль. Скорее, заклинание, и довольно мрачное. Если хотите, я открою вам секрет, раз уж вы спасли

мне жизнь… Но зачем вам туда? – вопрос прозвучал не буднично.

- Хм… - Дентон думал, что сказать. – Понимаешь, мой брат пропал. Кажется, это единственный способ его найти. У меня есть основания считать, что его след теряется в Городе Кротов. Я найду туда дорогу так или иначе, рано или поздно, независимо от того, поможешь ты мне, или нет.

- Помогу. Вот «пароль», как вы его назвали: «лучше царствовать в аду, чем быть рабом в раю». Мрачно, правда?

- Очень. Мне просто нужно сказать это Кэрли?

- И он поможет вам, даже проводит под землю. Только вот не знаю, не будете ли вы жалеть потом.

- Вряд ли. Спасибо. Могу ли я чем-то помочь тебе?

- Дайте мне оружие.

- У меня нет оружия. По протоколу гражданским запрещено носить оружие. К тому же ты сам убедился, к чему приводит его распространение.

- Вы бы это бандитам сказали. Люди беззащитны перед самым ничтожным ублюдком, стоя под прицелом его обреза.

- Рука человека в плаще скользнула во внутренний карман.

- Пожалуй, ты прав, – в руке, как по волшебству, тускло сверкнула гранями рукоять пистолета. Брошенный человеком в плаще, он был пойман на лету.

- Умеешь обращаться? – спросил Дентон.

- Конечно.

Тогда забудь об этом, кроме тех случаев, когда другого выхода действительно не существует.

Мягкий сумрак подземелья обманывал пылью запустения и тишиной заброшенности, пытался внушить, что дух оседлости покинул узкие, отпугивающие пустотой коридоры давно. А, быть может, и не приближался к ним, ему чуждым.

Нет, это еще не Город Кротов. До Города Кротов далеко, и затягивающей пустоты там, наверное, будет больше. Еще рано… А здесь тому, кто пришел впервые, требовалось мужество, чтобы усомниться, и исследовать маленькое подземное царство до конца. И лишь пройдя немного далее, обнаружив голубое мерцание лазерной ловушки, случайный заблудившийся избавлялся от одного сомнения и начинал борьбу с другим. Да, очень коварный паук действительно сплел здесь себе паутину… Но разумно ли будет тревожить его?

Дентон пробрался к Пирату тем же путем, что и прошлый раз. За голубой лазерной решеткой стоял, скрестив руки, Пират, темный силуэт в сером дурмане.

- Вы снова использовали запасной ход. Мне что, опять придется вешать сломанный замок в фургоне?

- У меня мало времени. Форд связался с вами?

- Да, и, кажется, ваша личность занимает его теперь больше, чем собственное счастливое спасение. Ну что, нашли вы что-нибудь интересное там, в коллекторе?

- Нашел. Подпольная компания, или что-то вроде того, - Дентон не выражал особого интереса. – Кажется, выполняла заказы террористов по биологическому оружию. Коалиция зачистила это место.

- Кажется, мой черед выполнять обязательства? – Пират жестом отключил силовое поле, освобождая Дентону путь. – Да, я достал вам все, что нужно, хотя это и было сопряжено с большим риском. Но вряд ли этот риск сравним с тем, какой грозил вам. Я благодарен вам, можете в будущем всегда рассчитывать на мою помощь. А теперь – один маленький вопрос, если вы не против.

- Пожалуйста.

- Зачем вам такое снаряжение? – Пират внимательно взглянул на Дентона. – Ведь ваша… контора должна снабжать вас.

Дентону потребовалось мгновение, чтобы обдумать ответ. Голос звучал непринужденно и естественно.

- Видите ли, я пять лет не был в Городе. Согласитесь, довольно немалый срок. Так вот, я хочу потратить несколько дней… ночей, и подкорректировать свои старые топографические карты.

Дентону показалось, что Пират улыбнулся, не изменив мимики лица. Улыбнулся внутренним голосом, незаметно.

- Очень разумно. Я бы поступил так же, зная, что мне еще долго предстоит в этом городе работать. Но вы учтите, что вам придется наносить очень многое. Не исключено, что старые карты вообще придется выбросить.

- А теперь – вопрос навстречу. Вы ничего не хотите сказать мне… о моем брате?

- Пол Дентон? – спросил Пират невинно, потом вдруг изменил тон. – Нет. Пока не хочу. Еще… еще рано. Я могу сказать лишь то, что вы услышите от каждого.

- То есть ничего. Почему?

- Господин Дентон. – Пират понизил голос. – У меня много клиентов. И все они доверяют мне потому, что я уважаю их

тайны. Так же, как буду уважать ваши. Уважать тайну другого – значит забыть о ней.

- И взамен, наверное, вы требуете того же, - Дентон вспомнил разговор с братом, вспомнил свой вопрос об оружии.

- Разумеется. Иногда – даже больше этого.

- Ну что ж, можете на меня положиться. Так же, как на моего брата.

Пират ответил молчанием.

***

«Будь всегда там, где ты нужен, и в твоей душе не будет места разочарованию».

Надпись над дверью муниципальной клиники почти стерлась, затерялась в серой растерянности старого камня. Много дождей отмыло и отшлифовало некогда выпуклые буквы, в каждую из которых кто-то вложил особый смысл. Кое-что, неповторимо важное именно для него. Сделанная наверняка еще в двадцатом веке, в стиле забывающегося, но не забытого, еще освещенного верой прошлого, не обесцененной тогда еще до конца – подумать только! – ценности.

Наверное, люди, приходившие сюда, останавливались на миг, на одно маленькое мгновение, и каждый думал о своем. Он смотрел вперед, на застывшие символы, и одновременно какая-то частица его сущности оборачивалась, чтобы одним глазом уловить путь, пройденный ним до этого. И маленькая надежда даже в самый сумрачный день побуждала-таки переступить этот довольно сумрачный порог.

Но теперь ночь. И, несмотря на две лампы, ярко освещающие вход, пусто вокруг. Нет никого и за углом, и за два квартала.

Посмотрим, есть ли кто-нибудь внутри. Одинокий без имени в темном плаще с высоким воротником переступил порог. Гулко отозвались шаги, ничем не скрываемые, в пустынном коридоре.

Фойе показалось на удивление просторным и даже уютным после неприкаянного простора и стенания ветра снаружи. Дентон увидел здесь людей, и какое-то облегчение привнесли их силуэты. В кресле, старом, убитом, покрытом потрескавшимся дерматином, сидела девушка и читала книгу при свете настольной лампы. Она держала книгу таким образом, что Дентону без труда удалось рассмотреть ее название. Гилберт Кийт Честертон. «Наполеон из Ноттинг-Хилла. Человек, которого звали Четвергом. Рассказы». Бесконечно далекое прошлое, в котором кто-то пытается найти

опору теперь. Странный выбор. Или просто слишком поздний час, чтобы сонный разум сумел отыскать ее сегодня.

Напротив, на широком диване того же цвета, что и кресло, два старика сидели вполоборота друг к другу. Они были одеты так, как могут одеваться лишь обитатели Адской Кухни. Дентон направился к ним.

Старики вели неторопливый разговор, совсем не похожий на перебранку двух бродяг. Углубленные в свои мысли и в то же время понимающие друг друга, они говорили, и тон их не был будничным. Он завораживал того, кто не был готов. Дентон не решился перебивать их, он сел рядом и сделал вид, что рассматривает маленькую картину на стене. Молодой олень склонился над водой на берегу спокойной реки, а за его спиной – осень в роскоши багрянца и золота...

- Эта ночь чертовски напоминает мне ту, когда мы были в Сумеречной Зоне.

- Ты был в Сумеречной Зоне, в той страшной аварии?

- Да, я был там. Говорят, оттуда не возвратился никто, но, как видишь, я вернулся. Странно, не правда ли? Огонь, сбившиеся турели и радиация убили почти всех, кроме пары человек, которым удалось уйти. Знать бы только, кто... У меня остался шрам на шее...

- Говорят, что вам, кто выжил, даровано с тех пор бессмертие.

- Это неправда – всех может уничтожит Серая Смерть, надевая на нового избранника серую маску...

- Не всех... Колмен, помнишь, я показывал тебе господина в черном костюме и в солнцезащитных очках? Его тело слегка подрагивало, как воздух в знойном мареве или несфокусированное изображение. Странный человек... Так вот, мне кажется, есть странные люди, которых Серая Смерть не может коснуться никогда. Она их не улавливает. Их имени никто не знает, непонятно, откуда они появились и куда уйдут... Они принимают участие в странной игре.

- Тот парень был немного похож на этого, - товарищ Колмена вдруг мотнул головой в сторону Дентона. Фраза была сказана тихо, но Дентон все равно отчетливо услышал ее. - Но у этого с телом вроде бы все в порядке.

- Говорят, в Сумеречной Зоне вырос первый синий цветок.

- А, синий цветок, еще одна выдумка. Ты хоть когда-нибудь его видел?

- Видел, - кивнул Колмен обиженно. – Конечно, видел. Обыкновенное такое растение. «Экологическое» растение.

- Экологическое? Это еще что?

- Ну как, об этом же писали и кричали все подряд года четыре назад. А потом резко и забыли, словно сговорились, утратили интерес. Ты где был?

- Не читаю я газет, Колмен. И телевизор не смотрю. Я тебе уже не разговорил – ничего хорошего там не найти. Так что писали?

- Что синий цветок – это как последнее послание от природы человеку, вырастает в самых зараженных, непригодных для жизни зонах, или в истощенных пустынях. Пробиваются сквозь бетон и стекло, тлеют синевой возле мусорных ям, яд испарений их насыщает и придает особенно яркий цвет… Их не найти в лесу или в горах, зато в промысловых районах вырастают целые синие палисадники… Разумеется, рациональное зерно под этими выдумками есть, хоть потом пытались доказать обратное. Но кто-то первый придумал же такое, а за ним и подняли шум… Ясное дело, этот шум потерялся и шепотом растворился в отчаянных воплях, наполнивших планету в это же время с приходом Серой Маски…

- Да уж, - товарищ Колмена вздохнул обреченно, поднял голову, и стало понятно, что, несмотря на темное обветренное лицо и дряхлые одежды, это отнюдь не старик.

Дентон вдруг почувствовал себя странным образом. Озноб пронял до корней волос, отчего он сильно задрожал. Дентон посмотрел на тусклую картину, на темный свод потолка, на глубокие тени в углу… И вспомнил то, чего не было. Вспомнил, что все это уже было. И холод, и хриплые, отмеченные убаюкивающей скорбью голоса, и мягкий полумрак этого зала… Только он не стоял тогда, как сейчас, а сидел, дрожа, в кресле, немощный и несчастный, задыхаясь от кашля, имея тысячу мучительных лет за спиной…

Еще мгновение – и он опомнился. Ух… Какая-то чертовщина – такое было с ним не в первый раз, в разных ситуациях проявляясь по-разному. Но никогда оно еще не проявлялось так сильно, почти полностью вытесняя на какое-то время его собственное я…

Дентон начинал бояться этого.

- Эй, приятель, ты уверен, что с тобой все в порядке? - ночные посетители клиники, кажется, заметили его состояние.

- А в чем дело? – обернулся Дентон.

- Ты дрожишь, как от холода. А здесь довольно тепло.

- …Зато на улице довольно прохладно. Никак не могу согреться.

- Садись рядом, сейчас я попрошу дежурную сестру, чтобы она сделала чай.

- Ни в коем случае, - Дентон покачал головой. – Не хочу мешать вашей беседе.

- Пустяки, ты уже помешал. Это Айк, а меня зовут Колмен. Мы укрылись в этой больнице от холода снаружи, ты не возражаешь?

- Дентон… Джесс Дентон. Не возражаете, если я кое о чем спрошу? Я услышал совершенно случайно, и мне стало интересно – о человеке, чей образ дрожит в воздушном мареве. Ну, похож на меня…

Старик усмехнулся краем губ.

- Это совсем не интересно. Почти никому, кроме тех, кто это действительно замечал. Я их видел в Городе… У них такие темные глаза – будто полностью закрашенные. Не похожие на человеческие. Иногда встречаются такие на улицах – не замечали?

- Не-ет… Я вообще ни о чем таком не слышал.

- Да. Мало кто знает – и зачем? Если я начну рассказывать – все равно ведь подумаете, что я сумасшедший… И об этом, и о многих других вещах.

- Почему? – спросил Дентон тихо.

- Трудно сказать. – Колмен выпустил несколько колец дыма в полумрак. Тонкие призрачные нити нарисовали чью-то судьбу и растаяли, никому не подвластные. – Просто многие находят синий цветок, многие чувствуют его силу. Но далеко не каждый пытается понять, почему он появился в его городе. Так же – и с Серой Смертью. Мы парализованы страхом, не понимая, что без страха, приняв неизбежное, жить будет легче. И можно будет больше понять…

- Колмен, - предупредительно понизил голос его товарищ, - не морочь голову этому молодому человеку.

- Действительно, - кивнул Колмен, - Хотя мне кажется, что я вас где-то видел. Могло такое быть?

- Не уверен, - Дентон покачал головой. – Вы можете рассказать мне что-нибудь еще о синем цветке? О самом цветке, я имею в виду. Я видел его уже несколько раз, и мне он показался странным. Особенно холод лепестков, и запаха нет… Никто не может объяснить мне толком, что собой представляет этот синий цветок. Одни не знают, другие делают из этого тайну.

- Охотно расскажу о синем цветке тому, кто так настойчиво хочет узнать, - старик закашлялся. – Если вы, конечно, уверены, что он не лишит вас покоя.

- Дети любят, когда страшные сказки избавляют их от сна на много ночей. Я не думаю, что ваша история принесет мне больше вреда. Ведь и так…не спится.

- Ночью в этом городе все – сказка. Только безрадостная. Ее сюжет еще не уловили сказатели, чтобы развеять иллюзию черной магии. Перемены подкрадываются в город неуловимо, они постепенны, а потому незаметны, и потом, когда уже поздно что-то менять – подмена мира обрушивается на опустошенное сознание, не встречая сопротивления.

- Все же хотелось бы услышать о самом синем цветке, - напомнил Дентон, не очень улавливая мысль старика.

- К этому я и веду, - кивнул Колмен. – Синий Цветок, или иначе – Корона Скорби. Когда-нибудь, очень скоро, о нем снова заговорят, будут кричать газеты, напишут научные исследования и страшные романы, которые приятно читать в теплых стенах, дрожа, но не от холода… Но это будет потом, если призрак Серой Смерти немного отступит. А пока – люди слишком заняты, чтобы, видя синий цветок, замечать его. Это Кризис – Великий Кризис этого Города, скелет, чей оскал виден только ночью в лунном свете. Кто увидел цветок в первый раз – не знаю. Говорят, в Сумеречной Зоне. Лично я нашел его в парке два года назад. Он остановил меня – как инсульт, резко и пугающе. Не буду описывать впечатление – вам оно наверняка знакомо, если вы держали синий цветок в руках… Я начал спрашивать людей, узнал, что этот цветок чаще всего встречается в индустриальных районах, в загрязненных трущобах, а гораздо реже – на улицах и в парках. А где-то в зараженных радиоактивных зонах есть целые сады синих цветков… Смекаете?

- Не очень, - признался Дентон.

- Мне кажется, это намек. Сама природа намекает человеку, - Колмен понизил голос до жути. – Об угасании…

- Может, это просто иллюзия? – предположил Дентон.

- Мы все так говорим. Утешаем себя. Когда остается только молчать.

- Я задам еще один вопро, хоть вряд ли вы знаете ответ. Террористы присвоили себе это имя. Они убивают людей, берут заложников, как обычные уголовники. Они сделали это бездумно?

- Скажу вам по секрету, раз уж вы не знаете: еще недавно эти террористы назывались по-другому. Выводы делайте сами… Мне кажется, они ведут какую-то игру, суть которой мало кто знает. Они – одна из фигур в бо-ольшой партии. Некому верить в этом Городе. А потому лучше уйти в затемненную сторону

Луны, осушить слезы и ждать… пока они не перегрызут друг другу горло… Вы молоды, хоть глаза выглядят старо. Не верьте никому. Этой ночью нельзя верить даже собственному брату.

Дентон услышал чей-то отчаянный крик, крик летящего в темную бездну. Этот зов поглотил все его внимание, отняв дар речи.

Надо идти. Ночь не такая уж длинная, а еще столько предстоит сделать. Пусть ночь только началась…

В приемной, которая была всего лишь тупичком огромного неуютного зала, сидела медсестра в стерильно белых тонах, и безучастно наблюдала за экраном своего терминала. Когда подошел Дентон, она даже не повернула головы. Дентон услышал до автоматизма отработанную реплику.

- Это клиника Тандер-Лойн. Если у вас чума, обратитесь к дежурному врачу.

- И он мне поможет? – тихий голос вывел ее из оцепенения. Она посмотрела на Дентона несколько озадаченно.

- Он поставит вас в очередь… Но вы не похожи на человека, больного Серой Смертью.

- Почему? Есть явные призраки?

- Конечно. Цвет лица – выражаясь языком больных, на вас нет серой маски.

- Я действительно не болен. Я представляю Коалицию.

- Правда? Это что, какая-то инспекция? Довольно поздно.

- Нет, я пришел как частное лицо. Просто интересуюсь, так, для профессиональной осведомленности. Скажите, много умирает людей от эпидемии в последнее время?

- Вы что, не читаете статистику?

- Статистика может говорить правду… Но это случается редко.

- Умирает большинство инфицированных, - голос медсестры не изменился.

- Почему? Разве амброзия не поступает в медицинские центры?

- Я не знаю, - в голосе звучала досада. – Вам, ребятам из Коалиции, виднее. Ведь это через ваши руки проходит вся вакцина, прежде чем попасть к нам. Слишком ценный продукт, чтобы его контролировал кто-нибудь другой.

- Понятно.

Не было смысла дольше оставаться в этой больнице из серого камня, где не слышно ни человеческих голосов, ни даже привычных больничных запахов. Пора прощаться с теми, с кем не суждено здесь встретиться.

Зачем он заходил?

Глава 11
Пустота

Отныне мы будем жить в постоянном страхе: со страхом спать, со страхом ходить, и умрем со страхом.

Генерал Гарольд Ури

Молчит улица. Это и понятно. Некому тревожить ее холодные бордюры. Ее давно не тронутые косым дождем темные окна. Ее забытые где-то за углом мешки с мусором, стылый кирпич домов и ее поникшие тусклые фонари… Им уже некому передать прелесть темных скамеек под душистыми кронами в июльском парке.

Осень.

Вот только кто-то одинокий, силуэт в плаще с высоким воротником, бродит зачем-то по пустынным тротуарам без всякой видимой цели. И кто-то, быть может, наблюдает за ним из-за темной шторы. Хотя вряд ли. Он проходит мимо старого отеля с наполовину выцветшим именем HIL**TON,** мимо неприметной таверны «*Преисподняя*» с красным глазом… Кидает отдельные отрывочные взгляды по сторонам. Его шаг прогулочный, неспешный. Так идут одинокие молодые люди, которых не ждет любимая. Чудак, любитель ночных прогулок, хотя холодно и комендантский час…

Наверное, он так и дойдет без всяких приключений до самого своего дома. Но нет: вот путник останавливается, одна рука незаметно соскальзывает в карман плаща. Он пристально смотрит в сторону переулка и чего-то ждет. Не прошло и минуты, как из переулка вылетел бледный, как смерть, человек, который бежал изо всех сил, прижимая правую руку к груди. Когда беглец поравнялся с путником в плаще, тот вдруг схватил его и втянул в темную подворотню.

- Форд? Что вы здесь делаете? – Дентон даже не был удивлен, различив во мраке знакомые, пусть и искаженные страхом близкой смерти черты.

У Форда Шика, спасенного Дентоном из коллектора пару ночей назад, только дрожали зубы. В это время Дентон услышал шаги. Мягкие, зловещие. Много ног. Так очень редко ходят люди. Он оставил Форда в укрытии и, подождав, пока неизвестные минуют их переулок, вышел на дорогу.

Три довольно странных фигуры удивительно быстро удалялись в сторону метро. Одинаково одетые в черные костюмы, одинаково мерно опускающие и поднимающие руки, и Дентон готов был поклясться, повернись они в этот момент, и он увидел бы совершенно одинаковые лица. Дентон стоял, не прячась, прямо на дороге, и чувствовал кожей: если бы кто-то из этих троих обернется, у него будут большие неприятности.

Но никто не обернулся. Вместо этого произошло нечто необъяснимое. Черная глотка тоннеля уже готова была скрыть страшную тройку, когда их тела вдруг начали бледнеть, рассеиваться, искажаться. Дентон протер глаза, не вполне им доверяя. Потом с изумлением понял, что может видеть детали мира, дома и элементы дороги сквозь них. Еще миг – и последние контуры исчезли. Они ушли – но их просто не стало.

«*Растворились*», - прошептал Дентон, снова используя против воли странное, но так подходящее слово. Наверное, эти неизвестные просто использовали термооптический камуфляж… Но почему такой неприятный привкус во рту, как от прикосновения к чему-то дьявольскому?

Он вернулся к Форду Шику, который уже более-менее пришел в себя и успокоился.

- Что случилось? – Дентон осмотрел его и убедился, что Форд не ранен.

- Они нашли меня, и это неудивительно, - прошептал Шик. – Я совершил ошибку. Решил зайти домой на десять минут, думал, опасность миновала. А они караулили там постоянно, и я должен был это предусмотреть.

- Эти трое? Они преследовали вас, хм… Они ни на кого не похожи, ни на одну из известных мне террористических групп. Какие-то бесцветные.

Правда, кое-кого они все же напоминали… Но не время и не место было это обсуждать.

- Это те… от которых вы меня спасли тогда. Все они из одной организации. Могущественной организации.

- Бросьте. Коалиция зачистила эту подземную богадельню. Теперь там пусто.

- То был всего лишь филиал, одно из сотен учреждений. А теперь я нужен им только мертвым.

- Не огорчайтесь так сильно. Вам еще крупно повезло. Второй раз вы остаетесь целы.

- Потому что второй раз вы встречаетесь на пути? Я знаю. Но, чувствую, распорядиться этим везением мне не удастся

- Не все так плохо. В конце концов, вы можете укрыться у своего друга, Пирата.

- Теперь – нет. В ослеплении страхом я завел их прямо сюда. После этого они наверняка организуют постоянное наблюдение в этом районе, думаю, у них хватит средств. А я не смогу сидеть взаперти вечно. Рано или поздно я погублю и себя, и Пирата.

- Кто бы ни были ваши преследователи: преступная банда, террористическая группировка либо кто-нибудь еще, в одном я уверен: это явно не «Синий Цветок». А потому... Что с вами делать?

- Послушайте, мистер... Дентон, верно? Вы спасли мне жизнь дважды явно не для того, чтобы обрекать теперь на верную смерть. После того, что я видел, я уверен: вы способны на такое, что не под силу ни одному из известных мне людей. То есть дать мне какую-то надежду...

- Я... не знаю. Вы переоценили меня раз в двадцать. Но укрыть я вас все же постараюсь. Вы отправляетесь со мной – в Город Кротов.

- Город – чего? Что это? Я никогда не слышал ни о чем подобном.

- Я тоже о многом узнаю этой ночью впервые. - Дентон вывел дрожащего Форда в боковой переулок. - Но это не освобождает меня от ответственности.

- Какой ответственности?

- Ответственности за знание, которое требует действий, когда было бы предательством сделать вид, что не знаешь... Ну, не обращайте внимания на мою болтовню.

Высоко в звездной рассеянности раздался леденящий душу смех – короткий, как вздох. Немногие путники ночных переулков в испуге подняли головы.

Ничего... Им показалось – они слишком много вообразили себе. Тихо плывут разобщенные лоскуты тумана в холодном пространстве – там, где кончаются вершина самых высоких небоскребов, но – нет, далеко не начинаются самые близкие звезды. Самые близкие звезды – они тоже недостижимы. Не покинуть пределы планеты, той, что сама является гранью. Тысячу лет назад мир казался и был больше – ведь оставались зоны мира, людям неведомые, а с ними – надежда на его безграничность. Теперь люди достигли его пределов, и ощутили его тесноту. А космос, во всей своей бесконечности, во всем богатстве смыслов – бездуховен и мертв, холоден и бесстрастен для тех, кто не может понять его язык, уныло существуя где-то под пленкой тумана. Мертв, ибо молчит, пряча бесконечно далеко Свою Причину.

Люди достигли пределов пространств обетованных – и погибать им придется вместе с этими пространствами. *Сбежать на этот раз уже не удастся*.

А люди... Люди тихонько вздыхают, плотнее закрывают и занавешивают окна, скорее стремятся погрузиться в сонное забытье. Путешествие, из которого, быть может, кто-то не вернется к утру...

Но не все спят. Тени прячутся в холодных домах без дверей, когда двое пришли в гости.

- Кэрли? - еще не привыкнув к темноте, Форд беспомощно озирался. Но Дентон шел уверенно, будто темнота не была покрывалом на его глазах, и так затененных очками.

- Вы снова пришли? Неужели вам тоже негде переночевать?

- Я мало сплю. «Лучше царствовать в аду, чем быть рабом в раю...» Так, кажется? Знаете, я с этим не согласен. Но проводите меня в Город Кротов.

- Вы волшебник? Так быстро узнали то, о чем никто не скажет так просто. Но подумайте еще раз. Вас я еще могу представить там, но вашего друга... - Кэрли оглядел сутулую фигуру Форда, - ему не понравится тамошняя компания. Вам тоже.

- Мне кажется, мы знаем, куда идем. Тем более, это не надолго. Дайте ключ.

- Хорошо. Подойдите ближе, не хочу, чтобы нас услышал кто-нибудь посторонний. Путь туда прост. На запад от входа в метро вы найдете люк, ведущий в коллектор. - От последнего слова у Форда перекосило лицо. - Спускайтесь в канализацию, но, не достигнув дна, метра за два, вы найдете небольшой проход справа, по которому можно идти, лишь пригнув голову. Идите до упора – там один выход, созданный нами специально для соединения со слепыми рукавами старых тоннелей метро.

- И вы все время ползаете туда, как крысы? - Дентон не верил. - Наверняка ведь существует другой вход.

- Другого входа не существует, поверьте мне. Он специально так тяжел и запутан, чтобы не у каждого хватило охоты по нему пройти, а того, кто все же прошел, не нашел никто.

- Все это очень хорошо, - Дентон обдумывал что-то. Но в таком муравейнике любая ловушка равносильна смерти. Поэтому вы, Кэрли, нас поведете.

- Я не могу. Я должен находиться здесь...

- Мне придется заставить вас, хоть я этого и не хочу. А знаете почему? - Дентон сделал движение головой в сторону

Форда. - Потому что этой ночью от меня зависит не только моя собственная жизнь.

- Вам нужно переодеться. В Городе Кротов никто не носит черные плащи с высоким воротом.

И все же мне хотелось бы остаться в плаще. Разве что взять его с собой? Если вы слишком уж настаиваете…

***

Город Кротов не был городом в привычном понимании этого слова. Он был похож на беспорядочно закрученную спираль, в ветвях которой был мрак, холод, оторопь; внутри которой по полутемным, не похожим друг на друга тоннелям двигались темные силуэты, странно покачиваясь, всхлипывая и изредка замирая на ходу. Издали они были похожи на неприкаянных призраков, зомби или просто тени – только неясно, каким источником отбрасываемые.

Некоторые неподвижно стояли в темных углах, за колоннами, погруженные в себя, способные испугать любого, только не друг друга. Свод, венчающий прорытую в недрах пустоту, не был украшен кристаллами сталактитов, не венчали его и просто фонари – только неровные морщины изредка выходили из укрытия тьмы под ультиматумом скудных бликов огня. Это был весь свет – несколько горящих бочек-костров, которые могут гореть долго, но совсем не ярко, не уютно. Глухие звуки разносились в этих тоннелях многовторящим эхом, искажающим оригинал и творящим новые, пугающие до дрожи голоса. Здесь можно было заблудиться. Да... здесь можно было остаться.

Обитатели Города ходили медленно, будто старики, которым некуда спешить, или те, кто не боится потеряться. В углах, лучше всего освещенных танцем желтых масок огня, на фоне изрубленных желтых стен группы поникших даже переговаривались вполголоса, играли в игры, чей смысл не уловить со стороны, или держались за руки.

Но нигде не было слышно смеха, и никогда, ни на мгновение посторонний не допустил бы мысли о возможности здесь жить. Быстрее минуть это место и забыть о нем. Как во сне, где нет ни опасности, ни чудовищ, но мрачность, ирреальность, пустота превращают его в тягостный кошмар, из которого не выбраться до рассвета. И который будто погружает разум в омут тоскливой безысходности.

Странно смотрелись трое оборванных, грязных, но не поникших обитателей подземелья, которые довольно быстро шли вдоль тоннеля и, кажется, даже целеустремленно. Они

перешептывались, и даже шепот звучал неестественно резко в гулкой и, что особенно угнетало, не безлюдной пустоте.

Тот, кто шел впереди, выглядел еще довольно сносно, но внешность его двух спутников была настолько отталкивающей, что редкий смельчак согласился бы к ним подойти. Один из них (для большего смеха?) еще и нацепил черные солнцезащитные очки, сквозь которые наверняка ничего не видел в этом сумраке. Впрочем, никому из них не было смешно.

Дентон решил прервать удручающее молчание, рассечь его, как тонкий ситец, натяжением шепота.

- Откуда он взялся, этот Город Кротов?

Этот шепот разнесся по тоннелям и глухим углам, спугнув черных крыс и спящих духов подземелья. Кэрли зашипел на нетерпеливого спутника, подождал, пока смолкнет эхо, и так же шепотом ответил:

- Я не хочу говорить много. Люди здесь жили давно – людям больших городов, тем, которым не нашлось места на виду, свойственно заполнять все его ячейки, даже самые неприглядные, и ни одна яма Большого Города никогда не будет пустовать, пока жив его... кхм, «черный пролетариат»... Но в последние годы количество ушедших сюда от мира увеличилось настолько многократно, что назвать эти тоннели иначе, как городом в Городе, нельзя. Здесь трудно прожить, вы видите, отсюда хочется бежать после первых минут. Но наверху... наверху оказалось хуже. Наверху ходит Серая Смерть и раздает серые маски своим избранникам. Многие предпочитают смерти жизнь в подземелье, Люди отвыкли от смерти... и только начали привыкать к страданию, трудностям... Первая эпидемия четыре года назад была самой страшной, обнадеживающего мифа о вакцине Соме еще не было тогда. Как опустошающий ядовитый ветер, она пронеслась над некоторыми кварталами Нью-Йорка, другие задела мимоходом.

- Люди сходили с ума, зверели от ужаса... - предположил Дентон, ужасаясь, что все это прошло мимо него, и что он ничего не знал. - Наверное, словно после ядерного удара...

- Нет, - Кэрли отрицательно покачал головой. - Они не сходили с ума, по крайней мере, не сразу. Ведь Серая Смерть приносит мучения, но отнюдь не быструю освобождающую смерть. Можно жить с болью годами. Людей выбило из колеи другое. Власти пошли на некоторые ограничительные меры, вызванные эпидемией, в том числе ввели комендантский час в некоторых кварталах, и запретили перемещение большинства населения между районами. Люди почувствовали себя как в

ловушке, из которой не выбраться. И тогда возникли слухи – Серая Смерть веет над землей, но ее веяния не доходят под землю. «Синий цветок», организованная сила, созданная за год до этого бывшим сержантом Нью-Йоркской полиции Леоном Вудсом, помогла переправить под землю массы народа. А целые районы опустели за несколько ночей... Вот так и возник Город...

- И Серая Смерть действительно не последовала сюда за ними?

- Как ни удивительно, но это так. Удовлетворившись жатвой наверху, Серая Маска не стала спускаться под землю.

- Но как они живут здесь? Здесь же... невозможно жить.

- Они живут притупленной надеждой. Да, здесь, внизу, свет никогда не проникает сквозь бетонные толщи. Здесь плохо жить, тоскливо и неуютно. Но люди согласны жить так, чем умереть там... Они надеются, что все закончится: через неделю, завтра, сейчас. И они вернутся... Снабжение налажено, как и связь с внешним миром, через таких, как я. Горящие бочки дают тепло... Люди не умирают здесь – но они уже не придают значения этому факту.

Разговор исчерпал себя.

Кто-то зашипел рядом, как змея, когда Форд задел его плечом в темноте. Путники уже начали привыкать к ней, когда впереди вдруг стало светлеть. Вскоре они вышли в полностью освещенный коридор.

- Наш главный тоннель, - указал рукой Кэрли. - Здесь еще ходят изредка поезда, те, что, бывает, заблудились. Но крайне редко... Здесь вы найдете, наверное, то, что ищете... если вас не убьют раньше. Я ухожу – я должен быть наверху.

Дентон и Форд остались одни. Форд поежился.

- Да, здесь, конечно, те... типы в черном меня здесь не найдут.. Но и оставаться в этом холодном нечистом склепе – не совсем то, чего я хотел.

«Растворенные...» Дентон опять назвал их про себя так, вспомнив, о ком говорит Форд. «Растворенные».

- Ну, те, «растворенные», которые меня преследовали, - повторил Форд, принимая молчание Дентона за непонимание.

Дентон ощутил короткое замыкание в голове. Где-то вдалеке скрипнул камень под чьей-то ногой.

- Как вы их назвали, Форд? - спросил Дентон. - Повторите, если вам не трудно. Повторите и объясните, что вы имели в виду.

- Да ничего особенного, это я их назвал так про себя. Они ведь пользуются какой-то камуфлирующей хитростью и потому кажутся полупрозрачными.

- Я... я боюсь, что они кажутся таковыми и тогда, когда ничем не пользуются, - произнес Дентон тревожно, вспоминая не только преследователей Форда но и... кого-то еще. Этот образ был далеко не нов. Где он видел? Где он... чувствовал?

- Что-то не так? - Форд напряженно вглядывался в глубины тоннеля, ожидая оттуда прыжка неизвестности, щурясь близоруко, будто пытаясь что-то усмотреть в могильнике, таком же, как и оставленный за спиной.

- Да нет... мы разговариваем о том, что не представляет никакой важности, не так ли? Просто держитесь ближе и сделайте взгляд как можно более отстраненным. А еще лучше – даже больным и апатичным. Нам неизвестна степень бдительности здесь.

- Мне кажется, никакой бдительности и нет. Какая может быть бдительность среди потерявших...

В этот момент на их пути вырос высокий незнакомец с мелкой проседью в волосах. На нем были такие же лохмотья, как и на остальных, но взгляд выражал твердость и ясность, не затуманенную ни болезнью, ни апатией.

- Кто такие? - отрывисто спросил он. - Вы незнакомые лица в Городе Кротов.

Голос Дентона неуловимо превратился в усталый замерзший хрип.

- Кэрли привел нас. Пароль...

- Что? Я же сказал Кэрли, что мы пока не принимаем новых людей!

- Мы не хотим жить здесь. Просто... в Городе Кротов живет мой брат. Я увижу его, и мы уйдем.

- Как зовут твоего брата? - житель подземелья взглянул на Дентона в упор. Дентон молчал. Говорить или нет? - Ну?

- ...Дентон. Пол Дентон.

- Я не знаю такого. Но, может быть, не все называют свои настоящие имена здесь. А ну-ка, - он подошел к ним вплотную, приподнял веки их глаз и тщательно высматривал что-то, известное лишь ему. - Ладно, идите.

Неизвестный так же неуловимо скрылся, как и появился за минуту до этого. Спутники неспешно, опустив головы, последовали вперед. Город Кротов молча и нетребовательно провожал их. Город не спрашивал ни о чем. Спросил Форд:

- Мистер Дентон... это правда? О вашем брате?

- Разумеется, нет. Это легенда, - произнося эти слова, Дентон почему-то избегал задумываться над ними больше мгновения. Он не обретет уверенности в них? - Всего лишь вымысел.

- Еще одно... Вам не показалось знакомым лицо этого бродяги?

- Знаете, Форд, последнюю ночь, которая никак не хочет заканчиваться, мне кажется каждый встречный где-то виденным, о чем-то умолчавшим и имеющим отношение к моей – и не только моей судьбе. И это пугает.

- Почему?

В науке это навязчивое состояние известно под названием паранойи.

Глава 12
Правда?

...В системе зеркал, бесконечное число раз отразившихся друг в друге, ни один образ не бывает окончательным – все перемигиваются, создавая чистую мнимость.

Хосе Ортега-и-Гассет

Люди в серой, запыленной форме охотников, за ночь перекроенной под одеяние боевых групп «Синего Цветка», отличались от людей-кротов только внешне. Их шаг, более осмысленный в свете подземных фонарей, был неспешен, размерен. Как будто этим людям совсем некуда спешить. Как будто совсем не их ищут там, наверху... Они почти сливались с этими тусклыми стенами, с ржавчиной догорающих бочек, с серыми зверьками-изгоями, пугливо рыскающими у ног.

Город мертвых... но не умерших до конца.

- Форд, - Дентон слегка обернулся к своему спутнику. - Мне надо исчезнуть ненадолго.

- Может, я не имею права на этот вопрос, но... можете ли вы хоть отчасти объяснить, что вы здесь ищете? Что я волей случая ищу вместе с вами?

- Отчасти – могу. - Дентон сел на темный щебень насыпи у стены, где не было никого. Форд последовал его примеру. - Мы ищем утраченный покой.

- Чей? Покой общества?

- Нет... Его напрасно искать. Мой собственный покой. Эгоистичная цель, не правда ли? Особенно, если учесть, что могут пострадать чьи-то жизни... Но иначе я не могу. - Дентон посмотрел Форду в глаза, и их выражение совсем не соответствовало ледяному спокойствию в голосе. - Все в этом чертовом городе не так, с тех пор, как я сюда вернулся. Я ищу свой путь давно, но все время сбиваюсь. Мне надоело это. Я устал от какой-то назойливой пленки на глазах, которая мешает взглянуть на все и сразу, увидеть прозрачные контуры, а не изменчивую тень, на которую я постоянно наступаю, но настигнуть не могу... - Дентон говорил спокойно, как неодушевленный диктор, передающий сводку новостей. И никто не обращал внимания. - Форд, я не могу рассказать вам все, но кое-что скажу.

Ключ к настоящему – прошлое. То, что случилось в последние годы. Я говорю не в общем – я имею в виду свою собственную судьбу. Я жил в определенном мире, о котором, мне казалось, я знаю все. Пусть у меня чего-то... кого-то не было, но был брат, круг настоящих друзей и цели, которые мы вместе поставили однажды. Я покинул свой мир ненадолго, а когда вернулся... то его уже не нашел. Все изменилось до неузнаваемости. За несколько лет произошло нечто важное и необратимое. У моего мира появилось прошлое, которого я лишен. Но беда не в том.

Это прошлое стало новым языком, речью намеков-символов, понимание которой я, мне кажется, утратил навсегда. И мой мир уже не узнает меня, не принимает за своего. Он замкнулся, выбросил меня, отторг из себя, не понимая, что я – один из его создателей... Или это я обманываюсь насчет создателя?

А теперь, Форд, я начинаю понимать – этот мир уже не мой. Не тот, что был мне родным. Это совершенно другая, чуждая планета, чьи черты скрыты в сумеречном тумане или в холодной ночи – я еще не разобрался.

Дентон помолчал несколько секунд. Наклонясь к полузасыпанным рельсам, он сгреб щебень в ладонь и пропустил сквозь пальцы. С мягким стуком камешки посыпались на остывшую поверхность. Подземная поверхность глубоко под покровом Земли... поверхность в поверхности. Просто один из слоев многослойного мира. Возможно, каждый из этих камней, некрасивых, бесполезных осколков мертвой материи, одинок и несчастен в грубом мире материи, если так прикинуть... пусть он этого не сознает. Где никто не поймет...

- Это похоже на неприятный сон, - теперь голос Дентона звучал еще глуше. - Я прихожу домой, вижу те же старые, отшлифованные дождем ступени, те же деревья встречают путника своим шелестом. Я стучусь в потемневшую от времени дубовую дверь. Мне открывают, долго смотрят странным взглядом, бессмысленным или знающим слишком многое. Потом закрывают дверь перед самым лицом, щелкает замок, шаги удаляются...

Я стою в оцепенении несколько минут, потом, когда прихожу в себя, начинаю ходить вокруг дома, стучать в каждое окно. Люди в окнах, немногие дорогие мне люди, немногие на Земле, в космосе со всем его холодом световых лет, смотрят на меня *невидящим* взглядом. Я колочу в окна изо всех сил, но стекла даже не дрожат, хотя, казалось бы, уже сам дом должен колебаться в своих основах.

И вдруг люди снимают маски – под ними те же лица, те же черты. Но я вижу, что это уже совсем другие люди: те же люди в другом временном измерении. И у них со мной мало общего. И в глазах в какой-то миг даже видна скорбь... Я заглядываю в комнаты, и те же предметы, что я знал многие многие дни, улыбаются мне по-другому, холодно и снисходительно-жалостливо. Так смотрят на несчастного путника, которого терпят приютившие его хозяева из сострадания, но в котором не узнают потерявшегося когда-то сына.

Возможно, мне хочется упасть в отчаянии на холодную землю, и рыдания рвутся из горла... Я говорю – возможно. Но этот отверженный не станет открывать себя голой пустоте. Я молча ухожу, исчезаю в темном лесу на горизонте... Чтобы вернуться с другой стороны, с черного хода. Когда никто не будет ожидать.

После этого они продолжили путь долго никто не произносил ни слова. Они продолжили путь Форд прошептал только на повороте:

- Я мало что понял, если честно, кроме того, что у вас большие проблемы. Точнее, я понял только одно: я никогда не видел более загадочного человека под луной.

- А вы... много смотрели? - Дентон, казалось, просто пытался поддержать разговор.

- Я не знаю, - признался Форд. - Но теперь мне кажется, что стоит побыть рядом с вами несколько дней, и я узнаю очень... слишком многое. Кстати, куда мы идем?

Форд остановился, полагая, что его спутник поступит так же. Но тому, видно, было известно большее. Дентон даже не обернулся.

- Мы пока осматриваемся. Я ищу зацепку, и мне кажется, скоро ее найду.

- По какому принципу вы ее ищете?

- По принципу отвлеченности. Если, глядя на картину, вы будете обращать внимание на самые яркие, прямолинейно подчеркнутые художником моменты, вы наверняка не заметите главного, наверняка пройдете мимо цели, пройдете проторенным путем сотен других зрителей, смешавшись с ними в общем ослеплении. Всматриваясь в полотно реальности, нужно искать ступню тонущего Икара, самое второстепенное, самое незаметное, будто случайное пятно, никому не интересное. И не так трудно убедиться: именно оно – умело прилаженная маскировка, за которой прячется гораздо большее.

- Мистер Дентон… Джесс. Вы говорили, вы практикующий психолог, и не более… Почему вы не можете сказать мне правду?

- Потому что… потому, что мне самому еще не сказали правду.. Сейчас это не важно, поверьте мне. Важно найти зацепку здесь, найти причину пребывания «Синего Цветка» здесь…

- Пожалуй, причина ясна. - Форд остановился и присел на камень. - Прячутся здесь, наверное, что же еще.

Поневоле Дентону тоже пришлось остановиться. Он замер у стены, не пригнувшись, и скрестил руки на груди.

- Не знаю – не знаю. У них есть где прятаться, кроме того, они не такие уж пугливые, как вы думаете. Предпочитают открытые столкновения, даже истекая кровью. Если только это не отвлекающий маневр. Форд, я почти уверен, что знаю, зачем «Синий Цветок» здесь.

- Я могу знать?

- Пожалуй. Мы, я думаю, нашли больше, чем просто убежище террористов. Ключ к пропадающей Соме, как минимум.

- «Синий цветок»… и Сома?

- Меня тоже удивило сначала такое предположение. Но разве вы не слышали, что происходит? Вакцина пропадает в больших объемах, и след по ней теряется. А теперь мне пришло в голову… Я не знаю, зачем этим людям столько вакцины, больше, чем необходимо для лечения. А теперь мне пришло в голову…

Вот он, лес призраков… Я стою у тропы. И своих тайн никогда не откроет. Строки неизвестного автора рассеялись, как клок тумана на ветру. Дентон не сказал вслух ничего.

Мимо прошел, ссутулившись, ребенок лет двенадцати. Он выглядел нормально, и только на свету становилась видна необычная бледность лица – того лица, к которому уже давно не прикасалось солнце.

Дентон встал, оставив Форда в недолгом одиночестве, и подошел к мальчику.

- Подожди, малыш, - большая рука мягко легла на плечо. - Можешь мне помочь?

- Я никогда не видел вас раньше, - ответил хриплый, не очень детский голос.

- Здесь живет мой брат... Ты не знаешь, что эти люди в масках делают в Городе Кротов?

- Я ничего не знаю. Они все ходят с автоматами, другим оружием... Но они не злые – стреляют только по плохим чужим людям, похожим на тебя... Я ни разу не видел, как кто-то из них разговаривает...

- Давно они здесь?

- Не знаю. Зато я видел кое-что другое. Я знаю секрет.

- Я сдаюсь.

- Почему ты думаешь, что я тебе стану говорить? - мальчик отступил на шаг. - Ты шпион, а?

Дентон положил руки ребенку на плечи и поймал его глаза в магнитное поле биоэнергий.

- Я не шпион. И никому не причиню зла. Слышишь? Никому. От твоего секрета может зависеть чья-то жизнь... чья-то судьба. Ты хочешь спасти кого-то?

Взгляд ребенка потух, но по слегка дрожащим плечам было видно: он напуган. Вдруг он резко вырвался, отпрыгнул назад и, несколько раз резко выдохнув, громко закричал.

- Чужой! Солдаты, здесь шпион!

«Не получилось». Дентон защелкнул зацепы термооптического камуфляжа на себе. Его силуэт покрылся легкой изменчивой тенью. Тень метнулась – и растворилась где-то в нишах у стены. Подбежавшие люди с оружием не нашли ничего.

Форд замер, пока люди в масках, угрюмо погруженные в себя, не прошли мимо него. Что-то особенное было в их поведении. Они даже не переговаривались друг с другом.

Как двигающиеся манекены. Каждого из них, игрушечных солдатиков, поставили на свое место в игровом поле. Вначале они играли свою роль оживленно, импровизируя, будто забыв, что они просто игрушки. Они шли на рискованные шаги, искали новые пути, изображали радость, гнев или страдание.

Игрок, который их придумал, ушел и забыл сложить фигуры в коробку. И они не заметили этого.

Но прошло время. Они устали. Они увидели: что-то не так, игра продолжается, хоть замысел исчерпан, куда-то исчез... смысл. Потух свет, стихли звуки. Игрушки перестали притворяться – им все надоело. Они остались на месте, просто, чтобы быть, потому что для исчезновения тоже нужно было усилие и решимость... Вон человек стоит у стены, лицом к ней, спиной к призрачному миру таких, как он. Зачем ему стоять лицом к стене, с недвижными руками вдоль туловища? Очевидно, так легче стоять, ведь в таком состоянии не надо тратить усилия на изображение цели. Форд был уверен, что, подойди он к этому человеку вплотную и возьми его за плечо, и взгляд не будет выражать ничего. Трудно было себе это представить – взгляд, ничего не выражающий. И жутко... Самое простое положение: просто, чтобы быть. Лицом к стене, спиной к призракам...

Зачем эти двое в масках, похожие, как две капли воды, размеренно, даже не понуро, идут вдоль тоннеля, чтобы вернуться назад? Если впереди откроется пропасть, что они будут делать? Ничего... Если он станет на их пути, казалось Форду, они даже не заметят его, и глаз не повернут.

И вдали стоят силуэты. Стоят, и тем не менее – пустота наполнена.

Капает где-то из крана вода – капля по капле. Трещит тлеющий уголек в бочке. Звучат, как маятник в далекой башне, шаги.

Форд провел ладонью по лицу, отгоняя наваждение. Возвращаясь к реальности, реальной, хоть не совсем такой, какую он знал сорок шесть лет, вспоминая недавнее, он недоуменно пожал плечами. Кажется, нервы все же не выдерживают груза этой ночи.

И все же здесь был какой-то грустный карнавал. И в этот карнавал явно не вписывался пришлый элемент – тот, кто завел его в это подземелье и теперь исчез.

Он не вернется – вдруг понял Форд. А сейчас – что ему делать?

Форд постоял немного, потом плотнее запахнул рваную куртку и пошел к ближайшей горящей бочке, у которой уже ютилось несколько человек.

Что-то скрипнуло позади. Тайная дверь? Крадущийся шаг? Нет... Это скрежещущий кашель старого человека-крота.

Форд смотрел на огонь, не чувствуя тепла. Потом отвернулся, стал лицом к стене и опустил руки. За ночь можно стать таким старым…

***

Двое обернулись на шум осыпающегося щебня. Никого. Пусто в пределах видимости. Один из жителей подземелья в грязно-белом свитере медленно пошел к выходу из их картонного убежища. Почему-то на миг потемнело в глазах. Он обошел вокруг, посветил фонариком в самые темные углы. Пусто, как в склепе на заброшенном кладбище Бруклина.

- Все в порядке, - сообщил он двоим, которые ожидали. Двое в масках заговорили вновь.

- Мигель знает о них?

- Да, этого вещества две канистры. Мы переправили его вместе с Сомой на вертолетную площадку. Никто из них толком не знает, что с ним делать. Его цвет отталкивает… пугает. Лебедев предложил оставить одну, а вторую отправить в Гонконг вместе с вакциной.

- Как ты думаешь, нам удастся замести следы?

- Не знаю… *он* уже может быть где-угодно.

- Откуда они узнали об этом шпионе? Даже то, что он действует сам по себе, а не от спецслужб.

- Говорят, Пол сообщил обо всем. И передал Мигелю, что опасность крайне велика.

Звук падающего камня вновь отвлек собеседников. Но наступившая вслед за этим тишина была слишком убедительна.

- Неужели он настолько опасен?

- Мигель говорит, что он очень молод, неопытен. Что у него нет никаких шансов на то, чтобы нас найти, не говоря уж о разоблачении цепи. - Человек в маске опустил голову. - Но они найдут нас рано или поздно.

- Если он действует от своего собственного имени, зачем ему это?

- Этого не знает никто. Но мы узнаем рано или поздно. Правда, подозрительное спокойствие говорит об одном из двух: или он запутался в самом начале, или зашел уже слишком далеко.

- Думаешь, он невидимка, или мы слепы, чтобы его не увидеть?

- Все может быть.

- Я знаю только одну невидимку в наше время – и то выдуманную. Силуэт, который живет в лесу и сражается со

злом. Странно видеть возрождение народного эпоса в наши дни.

- А я слышал, прототип этих комиксов – реальный парень, который обитает где-то в Европе и которого никто не видел.

- Как же о нем стали бы писать, если его никто не видел? Нам лучше подумать о шпионе, а не о всякой сказочной чепухе..

- А что о нем думать? Он…

- Он?

- Его можно убить.

- Да, сделаем это, если будет возможность.

«Сделаем это, если будет возможность». Фраза прозвучала так безвкусно-отчужденно, как звучит прочитанная музейным сторожем надпись в три часа ночи.

Интересно, кто-нибудь заметил эту странность? Вряд ли. А когда замечать некому, вещи могут менять лицо до неузнаваемости, до абсурда. Они безнаказанны.

Еще раз скрипнул щебень, где-то далеко на этот раз. И никто не обратил внимания.

***

Песок осыпается в темных отрезках тоннеля, вырытых мифическим монстром подземелья. Время застыло здесь, застыла сама тишина, и так вязкая до предела. И неизвестно, сколько капель просочилось сквозь пески глубинных пластов с момента, когда был начат отсчет.

Легкий сквозняк дрожащими бликами скользит по неровной стене. Он кажется то светлячком, то рассеивается в виде тумана, то замирает, становясь темным пятном в темноте. Он какой-то странный… Сдвигает тяжелые ящики, скрипит время от времени осыпающейся галькой, замирает и вновь колеблется. И все время движется вперед.

У наблюдателя даже с самым онемевшим разумом возникли бы подозрения. Ветерок ли это? Откуда в стоячей воде течение?

Но некому наблюдать от начала и до конца. Какой-то силуэт склонился вдали у костра. Он никуда не смотрит.

Еще один картонный ящик отодвинулся от стены под действием неведомых сил. На ровной стене появился выступ-кирпич – металлическая панель, покрытая кирпичным камуфляжем. Панель вдавилась в стену, стена с легким скрипом ушла в сторону, оказавшись совсем не стеной и обнажая маленькую, но ярко освещенную комнату. Единственный ее обитатель в сером обернулся на шум с

испугом, который перешел в легкое недоумение: в проходе не было никого.

- Черт! Неужели механизм сработал сам? Не хватало, чтобы кто-нибудь увидел.

Человек в сером, худой, угловатый, невысокий, подошел к проему и с досадой толкнул механизм с внутренней стороны. Смуглое от природы безбородое лицо было вырублено из цельного камня, а края - не зашлифованы, так и остались выступами из-под маски в виде скул и заостренного подбородка. Свет глаз был приглушен, взгляд не цеплялся за предметы, а все время плавно скользил по поверхности мира и словно прицеливался в каждое данное мгновение. Стены снова сомкнулись, став единым целым. Еще на мгновение прислушавшись, он опять положил пистолет на журнальный столик у стены.

И тут произошло нечто необъяснимое. Пистолет поднялся в воздухе, завис в метре над землей и исчез. Человек в сером не успел открыть рта, когда, как в плохом кошмаре, пустота напротив него начала наполняться, и из ниоткуда возник высокий незнакомец в черном пальто с высоким воротником и в черных очках. Незнакомец был так неподвижен, что человек в сером от неожиданности дернулся.

- Что это? - выдохнул он.

- Термооптический камуфляж, - ответил глухой голос. - Я потратил семь с половиной часов, чтобы вас найти. Обыскал все, что поддавалось исследованию.

- Вы из Коалиции, - утверждающим тоном произнес террорист.

- Я частное лицо. Я уже многое знаю, осталось только уточнить факты.

- Не стреляйте – я сдаюсь.

- Опустите руки. Вы неплохо здесь устроились – подкопаться трудно.

Дентон окинул быстрым взглядом маленький бункер «Синего Цветка». Дубовый стол, на нем – настольная лампа, несколько чистых листов и портативный терминал. В углу – черный кожаный диван, точно такой же, как в муниципальной клинике Адской Кухни. Гранитный пол, сделанный явно на века.

Интересно, что это было за помещение в *те* времена? Когда все еще было немного по-другому. Интересно, как бы выглядела эта неброская обстановка где-то еще... В чьей-то квартире? В самолете? В офисе усталого от рутины клерка?

Явно, что иначе. Так, чтобы вписываться. Так, чтобы не привлекать внимания.

Террорист из «Синего Цветка» сделал неопределенный жест.

- Я понимаю, эта конура может выглядеть впечатляюще на фоне того, чего вы насмотрелись снаружи. Но… вы здесь ничего не найдете. Я здесь всего лишь резервист здесь, в подземном мире.

- Куда идет Сома отсюда? - оборвал его Дентон.

- Что? – поперхнулся террорист.

- Она не оседает в Городе Кротов, я уже проверил это. Подземелье – только перевалочный пункт… как видите, кое-какими данными я располагаю. Так что есть смысл не молчать.

- Плохо дело, - террорист сел на диван. В своей маске он был похож на клоуна – очень грустного.

- Снимите маску, я хотел бы увидеть ваше лицо так же, как вы можете видеть мое.

- Я оставлю за собой право маски, - ответил террорист. – Вижу, вы знаете все. Только почему отрицаете, что действуете от имени Коалиции? Разве это что-нибудь изменило бы?

- Я частное лицо. Достаточно вопросов – я тороплюсь. И так много времени потрачено. Итак, вопрос номер один: что вы делаете с украденной Сомой?

- Украденной, да…Мы даем простым людям шанс выжить, даем им то, что принадлежит по праву. Чем они лучше чиновников из Нью-Йорка?

- Это не ответ, - Дентон не двинулся с места. – Население не получают вакцину от вас. Она идет куда-то – куда? Того, что вы украли, хватит на миллионы инъекций. И именно поэтому люди не могут даже облегчить свою боль, когда склады в больницах пусты.

- Это выгодное оправдание. Да правительству достаточно пошевелить пальцем, чтобы увеличить заказ у производящих ее корпораций настолько, насколько это необходимо. В пять, в десять раз. Но они этого не делают. Им не нужно это!

- …Вижу, вы не так просты, как кажется. Но тогда вы должны знать и причину такой политики.

- Знать ее нельзя никак – разве бы я что-то видел собственными глазами за чертовым конспиративным туманом. Но можно догадываться.

- И…

- А додуматься можно до чего угодно. Начиная от эффективного контроля над массами и заканчивая искусственным сокращением численности населения.

- Я так часто слышу подобные высказывания – и почему-то всегда со стороны тех, кто сам болен – душевно – и нуждается в помощи. Вы сами в это верите?

- У нас есть доказательства.

- У Вас…

- Нет, не у меня. У тех, кто выше. Кто задумал эту борьбу. Кому нужна Сома, чтобы вывезти ее из Штатов.

- А может, они вас дурачат? И им нужна Амброзия далеко не в бескорыстных целях?

Террорист ответил очень тяжелым и враждебным взглядом.

- Я лично знаю этого человека. Он скорее умрет, чем пойдет против своей совести. И в обмане нет никакого смысла. Единственное возможное приобретение – свинцовый поцелуй в голову.

- Вы так уверены в поражении.

- Я не уверен ни в чем. Иначе меня бы здесь не было… Единственное, о чем я жалею, так это о том, что не убил тебя и вынужден разговаривать с тем, кого ненавижу.

- Да, - Дентон помолчал. – Кажется, мы отвлеклись. Перейдем к сути. Вопрос второй. Каким образом вам удается срывать поставки вакцины, и откуда вы о них узнаете?

- Есть у нас пара-тройка людей в Коалиции.

- Что?- Дентон замер.

- Поражены?

- Кто?

- Они вам не по зубам. Имен вы не узнаете, можете застрелить меня на этом месте.

- Куда Сома идет отсюда?

- Вас там убьют, будь вы сам дьявол.

- Я подумаю об этом.

- Пожалуйста, ключ от женского туалета на столе справа.

- Я не шучу.

- Женского туалета не существует. Есть только дверь… Продолжать?

- Не стоит. Я думаю, у вас есть связь с вашими парнями здесь. Дайте им приказ пропускать меня беспрепятственно. Как частное лицо я не причиню вам вреда.

Увидев скептическую ухмылку на лице террориста, Дентон добавил:

- Иначе прольется кровь… И вам некем будет здесь руководить. Всего доброго. Моя фамилия Дентон.

Он подождал пару секунд. Но террорист не собирался называть свое имя. Дентон повернулся к выходу.

- Возможно, я когда-нибудь еще загляну.

- Тогда я встречу тебя по-другому. – Голос звучал, как холодная сталь.

- Как знать… - силуэт в черном исчез в темноте, в своей родной стихии.

Снова среди странных недвижных теней, лежащих под толщами воды камней, холодных, как в начале времен. Дентон обернулся по сторонам. Надо искать Форда в этих переходах. Он подумал несколько секунд и решил: не стоит. Здесь Форду Шику однозначно будет безопаснее, чем там, куда поворачивает путь Дентона. Пусть и не совсем уютно.

Но только нужно как-то дать знать Форду… Как это сделать? Так или иначе искать его…

Форд был в полном неведении насчет того, что бы предпринять. Дентон вернется, он должен вернуться, Форд знал точно.

Он не вернется… Надо выбираться самому. Уверенность в этом появилась внезапно, неизвестно откуда, но крепла с каждой секундой. Да, надо выбираться. Туда, куда идет его таинственный знакомый, Форду нельзя.

Глава 13
Присутствие

Его окружал теперь воздух одиноких, та тихая атмосфера, то ускользание среды, та неспособность к контактам, против которых бессильна и самая страстная воля.

Герман Гессе

Холодная рука, холодная голова, и холод, ночной холод сковал воздух. Дентон воспринимал и осознавал окружающий мир с предельной ясностью, но он не осознавал себя. Он потерялся в этом подземелье, потерялся в собственном сознании. Все происходящее казалось нереальным, незавершенным. Чего-то не хватало… Не хватало себя. Внутри был темный водоем, тихий, как омут. Когда он переходил в мыслях какую-то грань, омут начинал волноваться, выбрасывая на поверхность какие-то обрывки воспоминаний, образы, иллюзии знания, а с ними – головную боль.

Все виденное осталось за спиной – все прошлое осталось за спиной. Впереди – этот слепой рукав тоннеля, тупик, за которым может ничего и не быть… Вся обстановка говорит о том, что здесь ничего нет и быть не может. А значит – все совсем по-другому.

Лишь одна неприглядная дверь, едва заметная на неровной, будто вырубленной киркой в толще Земли стене. Затертое изображение туфельки, такой нелепой здесь. И вокруг – никого… Привычно щелкнул наноключ, сработал замок, Дентон толкнул дверь.

Он ожидал, что сейчас к нему повернется пулемет, выбежит множество убийц в масках, сработают мины… Но только крыса перебежала дорогу. Он вошел, открыл вентиль первого крана. Вместо воды в трубе родился сухой хрипящий свист. Дентон ступил в узкий, светло-серый тоннель. Затем достал карты подземных коммуникаций Нью-Йорка. Таких карт было немного – и ни одной, кажется, вне Коалиции.

Тоннеля на карте не было.

Тоннеля не было… И, как отголосок безумия, назойливо стучался в запертые, но ветхие двери бред: тоннеля нет и в действительности.

Все это сон в первом часу после полуночи, из тех, которые почти никогда нельзя вспомнить утром. Серые, как в фильмах начала прошлого века, грани тоннеля исчезали, таяли и вновь появлялись из зеленого тумана, который пронизывал этот подземный мир.

Дентон приписывал эту зловещую тлеющую серость испарениям из крупнейшей канализационной вены Нью-Йорка, которая, не исключено, проходила где-то здесь.

Самое дно. Сотворенное людьми и, тем не менее, людьми никогда не вспоминаемое. Пусто, будто он – первопроходец в этом коридоре. Люди остались где-то наверху со своим отчаянием, счастьем или равнодушием. Они и не знают о существовании тоннеля. Быть может, они и не должны знать. Тоннель предоставлен самому себе, живет по своим законам, диктуемым тишиной и стуком упругих темных капель о каменный пол, и каждая капля несет свой смысловой код, который не будет разгадан.

Дентон отметил характерный звук, создаваемый его шагами. Он будто чуть запаздывал после соприкосновения ноги с землей. Словно в бредовой иллюзии какая-то сила создавала подобие реальности, чтобы не вызвать у жертвы подозрений, ведя ее в западню. В щемящей пустоте Дентон не мог

отделаться от впечатления чьего-то присутствия, того, кто может обнаружить себя за каждым углом, сверху, из-под земли, или материализоваться у него за спиной. Становилось немного не по себе.

Однако… Он привыкал. И, как ни странно, находил в себе какую-то убежденность, что это не самый большой повод для растерянности по сравнению с теми, какие у него еще будут.

За зоной лазерных ловушек тоннель изменил свой облик. Из потолка на незваного гостя смотрели черные зрачки пулеметов и пустые глазницы камер наблюдения. Дентон приник к стене, слившись с ее чернотой. Как ни странно, при появлении привычной опасности ему стало легче.

В коридоре появился человек. Выглядел он довольно странно: одетый в красную клетчатую рубаху и брюки на подтяжках, плотный и очень высокий. Несмотря на расстояние, Дентон хорошо рассмотрел его лицо: угрюмое, поросшее черной косматой бородой и очень бледное. Хотя… бледность присуща всем обитателям подземного мира. Интересно, узнает ли Дентон себя, когда окажется наверху?

Он взял один из метательных ножей и бросил в ответвление коридора, из которого он пришел. Раздался едва уловимый шум, но бородатый повернул голову так быстро, что Дентону стало не по себе. Хранитель этого тоннеля потянулся рукой к поясу и неспешно пошел к источнику шума. Вот он вышел из зоны обзора камер, идет к повороту, слегка оборачивается к Дентону, поворачивается к нему спиной и поднимает оружие в темноту впереди. Туда, где может быть что-угодно.

И не подозревает, что там ничего нет…

Дентон, глядя на широкую спину *случайного врага,* вдруг совершенно не вовремя осознал мысль, терзающую его подспудно все это время. Эта мысль заключалась вот в чем. Дентон выяснил фактически все, что его интересовало. Лекарство от Серой Смерти попадает в руки «Синего Цветка», и идет по пути, о котором подозревают менее всего – через Город Кротов. Где-то там, в зыбком «впереди» Сома оседает. Оставалось выяснить ее дальнейший путь, по которому он сейчас и идет. И конечные руки…

Все. И ничего. Дентон остро ощутил сейчас, что на все это ему наплевать, что он выдумал цель этой экспедиции, прикрывая что-то другое. Это далеко не главное для него в этой истории, даже не важное. Лишь внешняя, незамысловатая сторона. Какая-то вакцина, груз, террористы… Это ничто, если не обнаружить остального, не обнаружить главного. И поэтому

он спустился в подземелье. И уже не уйдет с пустыми ладонями и безоблачным надбровьем…

А за чем он спустился? Дентону казалось, он уже отвечал на этот вопрос, сам того не подозревая. Но поймать суть не мог. Глядя на чуждый безотносительный затылок, Дентон был вновь пронзен мучительным ощущением. Какая-то расстановка сил…

Бородатый обернулся. Дентон поднял пистолет. «Положите оружие», - хотел сказать он, но не успел ничего. Реакция противника оказалась молниеносной. Он отпрыгнул в сторону, в глубокую тень. В тот же миг Дентон превратился в летающую тень, которую отшвырнуло к противоположной стене.

Оба противника еще были в прыжке и не коснулись земли, как два джинна, когда в одночасье громыхнули выстрелы. Дентон приземлился на ноги, пуля прошла где-то над головой. Его противника отбросило на спину с пробитым плечом. Дентон не увидел, куда исчез пистолет.

Он медленно подошел к поверженному, не сводя с него прицела, и посмотрел ему в глаза. В глазах противника мелькнуло странное выражение, какое бывает при узнавании. Правда, это выражение быстро сменилось другим, от которого стало неуютно.

- Какого черта ты здесь делаешь, и кто ты? – прошипел бородатый страж в гримасе борьбы с болью.

- Вы ведь меня ждали, да? Вы не похожи на того призрака, которого я должен бы здесь встретить. Странное сходство с живым человеком.

- У тебя скоро будет стопроцентное сходство с трупом. Поверь, на Пути поставлены надежные силы, и далеко тебе не пройти, ублюдок из Коалиции. Сома попадет в Гонконг, хочешь ты того, или нет.

- Я уже убедился в этом. Правда, я не представляю сейчас Коалицию, но это не важно…

В этот момент поверженный противник изловчился и сильным ударом подсек ноги Дентона. Тот повалился на землю, но успел сделать выстрел на лету. Выстрел выбил пистолет из рук врага, теперь уже надолго.

- За что вы меня так ненавидите? – поинтересовался Дентон спокойно. – Не могу понять.

Поверженный противник молчал.

- Ладно, хватит, – голос Дентона стал ледяным. – Куда ведет этот тоннель и как пройти дальше?

- Иди к черту.

Дентон снял пистолет с предохранителя и поднял ствол на уровень головы.

- У вас есть три секунды, иначе придется вас убить. Раз. Два. Три…

Бородатый ненавидяще молчал. Дентон подождал еще немного, потом опустил пистолет.

- Откуда вы знали, что я вас не убью?

- Я не знал этого, - его противник, кажется, был удивлен. – Просто от меня ты не узнаешь ничего.

- Ладно, - Дентон подобрал оружие. – Я сам все выясню. – Он заметил ровный блеск наноключа на шее бородатого, и рывком сорвал его. – Это я возьму с собой. Я оставлю вас здесь, но предупреждаю: я не убиваю поверженных, но это правило не распространяется на самооборону. Особенно против тех, кто бьет в спину.

Заключив взглядом негласный договор, Дентон снова превратился в очень быструю тень, пролетел мимо пулеметов и камер. Никого не встретив на нескольких поворотах, он уперся в дверь. Ключ подошел к ней.

Вода… Земля обрывалась прямо за порогом, отдавая право новой стихии: зеленоватой подземной воде неясной природы. От края до края, как в бассейне для крокодилов.

Это часть пути? Дентон не верил. Это же… всего лишь тупик. Здесь не пройти.

Он усомнился, когда рассмотрел на дне бассейна маленькое отверстие, достаточное, чтобы пропустить одного - двух человек. Трудно таким путем переправлять тяжелые контейнеры с амброзией. И все же…

Дентону очень не хотелось прыгать, еще более не хотелось плыть в неведомое темное пятно на дне, открывающее радушно путь куда-то еще глубже.

Раздался плеск, упругая холодная масса крепко охватила его со всех сторон. Открытые глаза резануло неприятное раздражение. Дентон стремительно приближался ко входу в подводный тоннель, понимая: если тот окажется слишком длинным, воздуха может не хватить. Карманный фонарик выжигал у мутной тьмы реальность на несколько шагов вперед. Пусто, как и везде.

Нет, пусто – слово неподходящее. Пусто не бывает даже в вакууме космоса. Просто люди не видят более подходящего слова, когда не находят вокруг привычных предметов своего мира. И не каждый сможет ощутить какое-то присутствие. И не каждый увидит вещи, его миру не принадлежащие…

Дентон ощутил, что задыхается. Потемнело в глазах. Мгновением позже темнота стала сереть. Дентон вынырнул на поверхность небольшого бассейна и сделал глубокий вдох. И выбрался на твердую поверхность. Он был в начале коридора, гораздо более светлого, чем та головоломка тоннелей, что была оставлена позади.

На душе было скверно, будто мутная вода омута коснулась и нее – не только непроницаемого плаща, который достаточно отряхнуть. Дентон прошел до конца тоннеля и уперся в белое ничто. Подземная сеть окончилась слепым отростком. Дентон поднял голову и толкнул тяжелый ржавый люк с каким-то волнением.

Люк отошел в сторону, и глазам открылся кусочек неба, усеянного звездами и легкими обрывками тумана. Стояла по-прежнему ночь, но небо было светлым, будто множество звезд разрежало чернильную тьму небес. Дыхание захватило на миг, когда в легкие попал свежий воздух с поверхности. Только тот, кто вышел из крысиных нор подземелья, кто познал одиночество под толщей камня над собой, тот оценит этот глоток по достоинству.

Дентон одним прыжком оказался на поверхности. И удивился. Вокруг высились дикие скалы с серым и черными прожилками, под стать миру вокруг. Только ржавый люк остался здесь напоминанием об Искусственном Мире. Дентон будто попал на периферию Скалистых Гор. Как далеко от города он ушел? Или это какая-то неизвестная окраина Города… Вокруг стенал холодный ветер, и – куда идти? Все направления казались равнозначны и одинаково не-доступны.

Путь «Синего Цветка» разрабатывался гением, подумал Дентон немного растерянно. А потом удивился еще больше.

На небольшом каменистом уступе, зажатом между двумя скалистыми обломками, лежала раскрытая книга. Ветер осторожно, почти ласково листал ее страницы, будто не решаясь и не желая поднять ее всю и выкинуть в пропасть. Дентон подошел и взял остывшую книгу в руки. Жан-Поль Сартр. «Тошнота». Никогда не слышанное – и что-то смутно знакомое. Он раскрыл книгу наугад, и наугад вычитал абзац.

«Стало быть, за последние недели произошла перемена. Но в чем? Это некая абстрактная перемена, ни с чем конкретным не связанная. Может, это изменился я? А если не я, то, стало быть, эта комната, этот город, природа; надо выбирать.

Думаю, что изменился я – это самое простое решение. И самое неприятное. Но все же я должен признать, что мне

свойственны такого рода внезапные превращения. Дело в том, что размышляю я редко, и во мне накапливается множество мелких изменений, которых я не замечаю, а потом в один прекрасный день совершается настоящая революция. Вот почему людям представляется, что я веду жизнь непоследовательно и противоречиво...»

Дентон захлопнул книгу. Большое различие в том, *как* читаешь книгу. Начинаешь ли читать ее сначала, постепенно вникая в смысл, в ее мир, в ее чувства, или... Открываешь на любой, изначально неизвестной странице, чтобы уловить тревожное в нескольких строках и вновь ее захлопнуть, - резко, пока не стало поздно. И тогда каждое слово запомнится лучше, чем если перечитать несколько раз намеренно, оно обретет особенный смысл, особое, только тебе известное звучание. И эти несколько строк покажутся глубже и бесконечно богаче, чем повесть, прочитанная от и до. И в них будет все: и тайна недосказанности, и отвлеченность, граничащая с абсурдом, и бездна драм, граничащая с безумием, – *ведь предела домыслу нет*...

Подумав немного, Дентон опустил книгу во внутренний карман своего плаща.

***

Их было довольно много, и Дентон мысленно поблагодарил Пирата за то, что термооптический камуфляж позволяет оставаться незримым. Они были везде – сидели в креслах этого оставленного здания, в масках, как во время маскарада, мерили коридоры здания шагами, одинаковыми, несмотря на разные источники, стояли у колонн и дверей с оружием, готовые не пустить никого. Бдительность не терял никто, ожидая, казалось бы, удара в любой момент. Полноценная военная база, о которой не знает пока никто.

Чисто интуитивно, пользуясь второстепенными признаками, Дентон разыскал в скалах узкую тропу, которая вывела к каким-то пустынным кладам. После блужданий там, где никто ничего не искал бы, Дентон услышал шум вертолетного винта и понял, что он на верном пути.

Он остановился перед дверью, прозрачной дверью в большое здание, за которой угадывались контуры его неназванных врагов, тех, кто убил бы его без раздумий. Усталость навалилась на плечи. Нужен сон. Короткий сон – он сам все прояснит.

Солнечный день в ослепительных снах… Дентон вышел из-за ящиков – усталость прошла. Проснувшись, он понял, что за этой дверью – не конец пути. Предстояло идти еще долго.

Облачившись в камуфляж-невидимку, Дентон ступил за порог. Он знал, что действие камуфляжа очень кратковременно, и надо торопиться. И все же хотелось послушать, о чем говорят террористы. Дентон неслышно приблизился к центру большого зала, где когда-то (а вдруг?) кто-то *легко мыслил*. Прямо на полу стояла, переливаясь всеми оттенками зеленого, прозрачная канистра с Сомой.

- Мы умрем, а? Но ведь умирают все… А кто не умирает, того погребают живьем в тюрьмах, лагерях, никому неведомых пустотах и подземельях, или просто в холодных склепах домов Города, на кухне и в спальнях, таких пустых и постылых, что если находиться там слишком долго, то может поехать крыша. Умереть даже к лучшему, а?

Дентон резко обернулся. Говоривший не смотрел на него. У говорившего не было собеседника, и он в нем не нуждался.

- Они найдут нас, рано или поздно, а? Тебя тоже найдут, даже не рассчитывай уйти.

У Дентона снова появилось дикое ощущение, что человек в маске обращается к ему, его не видя. Не рассчитывай уйти… И это – о другой ночи, которая еще будет. Но ведь его не видят… Тогда кому адресованы эти слова? Дентону показалось, что террорист ждал, был запрограммирован на его приближение, чтобы выговориться и снова замолчать. Не позаботившись о смысле.

Никто не разговаривал, хотя хозяева базы сидели и стояли группами. Может, они уже исчерпали все темы для разговоров в эту долгую ночь, или сейчас просто короткая передышка, ведь разговаривать бесконечно нельзя, подумал Дентон. Его коснулось ощущение спектакля, затянувшегося, вышедшего за пределы сценария.

Дентон понимал, что ощущение развеется, как только он станет видимым для них. Стукнул задетый сапогом цветочный горшок, и все устремили в его сторону невидящие взгляды. Дентон побежал на второй этаж. Клацнула скрытая панель, открылась ниша в стене. Пустая ниша. Только один из часовых заметил ее открытие…

Слух резанул неприятный визг сирены. Они еще не видели его, но воздух разрезали струи свинцовых шлейфов, посылаемые наугад. Дентон разбил стекло и выпрыгнул наружу, вдохнув свежие ароматы ночи. Среди огромных металлических ящиков на освобожденной площадке стоял,

вращая винтом, зеленый штурмовой вертолет, готовый взлететь в любую секунду.

Мощный удар отбросил пилота на бок, когда дверь открылась сама собой. Непонятная сила вышвырнула его наружу. Вертолет поднялся на несколько метров, когда пустота в кабине начала уплотняться, и стоящие внизу различили налетчика в черном пальто.

Лицо пилота, выброшенного из кабины, изобразило испуг, когда их взгляды встретились. Но это был странный испуг, не связанный с неожиданностью нападения. Словно сам вид нападавшего, полупрозрачный, полурастворенный в окружающей реальности, привел пилота в ужас. Этот взгляд был устремлен будто… на того, кто проклят, и пусть лучше улетает.

Вертолет завис над черным полем с бегущими пятнами иллюзий, безучастный к яростным автоматным укусам. Крылатая машина задержалась на миг, как хищная птица, что высматривает дальний ориентир перед долгим странствием, и нырнула прыжком в хлопья тумана.

Глава 14
Падение

Как много мы знаем,
и как мало понимаем…
Альберт Эйнштейн

Панорама Металла расстилалась до самого горизонта на Севере, и до самой воды – на Восток. Металл как самодостаточная система. Металл как ущербная бесконечность. Вкрапления камня. Трещины света. Странные тени. И он. Наблюдатель по имени Никто. Попавший в эту пустынную заброшенность не упомянет о нем ни разу, не дерзнет в него поверить. Но он *знает* о нем. О Спутнике, которого не увидишь. Которому нет имени.

Дентон тоже о нем знал. Посадив стального зверя на привязь среди стальных фургонов, он поспешно исчез среди множества контейнеров склада величиной в дома, пока никто не обнаружил присутствия. Фургоны и контейнеры окружали длинную систему зданий. На стене Дентон прочел: *Боинг-747*. Ангар. Аэропорт.

За стеной металлично сотрясали покой ночи военные роботы. Он увидел огромного стального убийцу совсем рядом, и

волна холода прошла по рукам и ногам. Множество огромных машин, расстреливающих все, что обнаруживало признаки жизни и движения. Дентон первый раз оказался так близко к роботу, до этого он видел их издалека, и эти существа не были запрограммированы *убить его.* Теперь обстоятельства изменились. Эти твари, не имеющие воли и желаний, настроены уничтожить его, даже не заметив этого. Они убьют его, хоть им все равно. Это искривленные подобия рабов Фатума. Только Судьба приносит горе и счастье, возносит над миром и низвергая в самую темную пропасть, не замечая этого. Как роботы-убийцы. Как… люди иногда.

Дентон понял, что он почти у цели. Было что оберегать в этом богом забытом частном аэропорту на задворках Нью-Йорка, если охраной ему служили эти монстры, много монстров, хотя хватило бы одного, чтобы любого заставить держаться подальше. Дентон был бессилен против них и на земле, и на небе. И было достаточно мгновения, одной неосторожности, и обнаружившей себя жертве не спастись.

Он не знал, что делать теперь, сидя среди стальных скелетов, как в ловушке. Выхода не представлялось. Точнее, кое-что приходило в голову. Но мысль была до того абсурдна и нелепа, что Дентон отметал ее несколько раз. А теперь… Теперь придется.

Дентон извлек из складок плаща книгу. Тонкая книга. Жан-Поль Сартр, «Тошнота». Странное название, отталкивающее от чтения сразу же. Сколько раз он уже смотрел на эту книгу. Перелистывал страницы, цеплялся за отрывки.

«Что-то должно случиться: что-то ждет меня на улице Бас-де-Вьей; вон там, на углу этой тихой улицы, и начинается моя жизнь. Я иду вперед с ощущением неотвратимости…

Я приостанавливаюсь, жду, слышу, как у меня колотится сердце; я обшариваю взглядом безлюдную площадь. Я ничего не вижу. Поднялся довольно сильный ветер. Я ошибся: улица Бас-де-Вьей – просто остановка на моем пути: *это* ждет меня в глубине площади Дю Котон.

Я не спешу продолжать путь. Мне кажется, я достиг высшей точки счастья. В Марселе, Шанхае, Мекнесе чего я только не делал, чтобы добиться такой полноты чувства. А сегодня, когда я уже ничего не жду…»

Он усилием прервал чтение. Лабиринт символов угрожал увлечь безвозвратно, если вовремя не остановиться. Первые несколько строк были подчеркнуты слегка неровной волнистой линией.

Эта книга далекого прошлого с неприятным названием не заинтересовала бы его ни на миг. Не отяготила бы и без того нелегкое пальто. Если бы…

Эта книга была для него большим, чем могла показаться любому другому. Очень просто: он видел ее раньше, в далеком прошлом, за завесой ночных снов. Помнил потемневший от времени шкаф, где она стояла. Помнил запах георгин в вазе на письменном столе. И знал, кто любит портить книгу подчеркиванием, отмечая строки, кому-то безразличные.

Многие подчеркивают в книгах. Это не говорит ни о чем. Но… Это волнение линий, эта закодированная неровность и импульсная дрожь кардиографа – именно этот рисунок смутно отложился в нишах подсознания, и давил на волю, напоминая о знакомстве.

Дентон взял в руки телефон, о существовании которого забыл за последние несколько часов, затем набрал номер. Тот самый номер, который набирал в эту ночь уже сотни раз, с тщетным результатом, не стоящим упоминания, наталкиваясь на стену однообразного молчания. Он почти не надеялся, уверенный, что абонент и в этот энный раз окажется за пределами достижимости. Но гудок взломал хрип соединения, и тихий голос едва слышно ответил:

- Здравствуй.

- Послушай, - Дентон взвешивал слова. - У тебя сейчас есть две прекрасных возможности. Но все зависит от того, чего именно ты хочешь.

- Не понимаю. Можешь выражаться прозрачнее?

- Сейчас объясню. Я в Лагардии. Да, я нашел аэропорт, ты правильно услышал. Если тебе хоть немного дорога моя жизнь, убери своих чудовищ. Если же хочешь от меня избавиться, просто бездействуй и жди. Ждать долго не придется, уверяю тебя.

- Джесс… Так ты обо всем знаешь?

- Я знаю только одно: никогда в моей голове не было такой путаницы, близкой к бреду. А «все» хотелось бы услышать от тебя.

- Где ты сейчас?

- В районе подъемных кранов, среди фургонов на севере.

- Жди.

Дентон ожидал недолго. Ожидание было прервано не тем, кого он хотел увидеть. Громадная тень заслонила свет, и в проход, где спрятался чужой, вполз, отливая тусклым серебром, монстр с красными глазами.

«Ухожу, ухожу», - Дентон то ли поторопил себя, то ли успокоил робота, учуявшего неладное.

Неясная тень метнулась вдоль постов, всколыхнув где-то случайный выстрел. Зашумели крыльями давно не пуганные птицы с холодными крыльями. Вхолостую клацнули перезаряжатели.

Всплеск шепота...

Через несколько минут к складам подошла группа людей, бесстрашно ступая мимо огромных роботов. Силуэт в темно-синем пальто немного опустил воротник и произнес шепотом:

- Джон и Майк: охраняйте периметр. Мигель, отключи детекторы. Остальные – со мной. Без моего сигнала огонь не открывать. Ни при каких обстоятельствах.

И люди потерялись среди контейнеров. Тот, кто отдавал приказы, со странной легкостью запрыгнул на крышу стального фургона, пытаясь высмотреть что-то оттуда. Вблизи – полутемные лабиринты среди ящиков. Вдали – свет маяка, отраженный на успокоенных водах и сетчатой проволоке порта. В небе – далекий холодный, непонимающий свет. Рядом – безмолвные стражи, соратники, готовые по первому его слову на любой шаг. И он, переживший столь многое, так немного мог рассказать тому, кто теперь рушил созданные ним схемы...

Пол достал телефон, продолжая высматривать что-то и следить за откровениями мощных фонарей. Потом вдруг спрыгнул на землю и пригнулся. На бетоне лежал спешно брошенный предмет, оставленный тем, кто, должно быть, очень спешил. Телефон, маленький, как сигара. Опасность должна была быть слишком явной, чтобы заставить его обладателя допустить такое.

Тот, кто был здесь, ушел. Куда, не скажет никто. Связи с ним нет...

«Что же ты делаешь, Джесс... Зачем ты начал все это? Теперь ничто, ничто не останется прежним. Только бы найти тебя, пока ты не совершил непоправимого».

***

- Ты должен убить его.
- Я могу поговорить с ним.
- Это не Пол. Он погубит нас.
- Он перейдет на нашу сторону, поверь мне. Как только он все узнает...
- Он тебе никогда не поверит. А шанс будет упущен...

Голоса смолкли. Дентон оторвался от стены. Он добрался до Ангара, этого огромного закрытого бастиона. Он понимал, что именно здесь скрывается нечто большее, чем просто самолет. «Боинг 747» - выцветшие буквы над наглухо закрытыми громадными воротами говорили ему о многом. Хоть это место и было белым пятном на его картах, он, кажется, начинал припоминать, где находится. Этот частный аэропорт в Лагардии, был только один в своем роде, и принадлежал, кажется, какому-то миллионеру с русской фамилией. Большего он не знал, да и знания, эти, кажется, оказались бесполезны.

С братом встретиться не удалось – и это беспокоило, словно был утрачен важный шанс. Но начатое следует доводить до конца. Иначе путаница в голове грозила свести с ума. Все можно было бы упорядочить, но темная фигура того, кто единственный представлял для него ценность, ломала все привычные схемы. Губительно...

Просочившись за спинами нерушимых стражей, не задев ногой порога черного хода, Дентон вошел в небольшой домик, соединенный с ангаром переходом. Помещение, пропитанное духом враждебности и отчужденности, не хотело пускать его. Оно отталкивало, опрокидывало пришельца с ног, слепило лучами тусклых ламп, спотыкало на ровном месте. Каждый шаг давался ему с огромным трудом. А потом вдруг дух этого дома обмяк, уступил, отошел в сторону с непонятной печалью. Будто кто-то хотел стрелять незваному гостю в голову, только передумал в последний момент.

И Дентон вошел, подобрал лежавший на столе автомат. Обычно он не пользовался ничем, кроме пистолета, но сейчас не тот случай. Кульминация близка, но форма ее неведома.

Странно, что оружие лежит так, без присмотра. Странно, что никого нет здесь. Более того, входя, Дентон уловил какую-то остаточность, какой-то бесцветный запах, тепло. Словно кто-то был здесь мгновение назад и исчез в последний момент. Что ж. Приготовься к неожиданностям.

Дентон осушил стоявшую на столе банку с содовой. Горьковатый привкус. Это мог быть яд, специально оставленный... Но вряд ли.

Он поднялся на второй этаж и, дойдя по коридору до конца, оказался перед последней дверью. Узкий мост, отделяющий его от Ангара. Дентон раздумывал, как открыть дверь, когда она начала открываться сама. От неожиданности он отступил назад, приподняв ствол автомата.

За порогом нерушимо стоял, скрестив руки на груди, человек в охотничьей, украшенной многими заплатами одежде.

Но маски на лице не было. Нашивка на груди представляла незнакомца, если вчитаться в выцветшие нити букв: Мигель.

- Остерегайтесь заброшенных складов, забытых тоннелей, пустых домов... Мы могли убить тебя уже десять раз, пока ты крутился возле Ангара, так что не приписывай себе лишних заслуг. Что ты потерял здесь?

- Где мой брат?

- Ищет тебя. Но ты ловко всех обставил. Позвал на помощь, и подкрался с другой стороны.

- У меня не было выбора. Мне нужно поговорить с Полом.

- Он еще не вернулся. Я его друг, и Пол обязал меня поговорить с тобой за него. Хоть я лучше бы убил тебя...

- Это было бы довольно хитро.

- Но не могу нарушить данное слово, - закончил Мигель мысль.

- Твой голос мне знаком, - Дентон всматривался в резкие, немного истощенные черты. - Ты не тот, кого я встретил в Городе кротов? Резервист?

- Да. Ты оказался прав тогда насчет нашей встречи... Но до утра далеко.

- Так, говоришь, ты друг Пола, - в спокойном голосе улавливалась легкая издевка. - Значит, мой брат работает на «Синий Цветок». Как... бедно.

Мигель вздохнул с некоторым снисхождением.

- Ты так плохо знаешь брата?

- Я прихожу к выводу, что не знаю его совсем.

- Пол не может работать на нас. Он вообще ни на кого не может работать. Да, он сотрудничает с нами, помогает нам, но... Иногда мне кажется, что это мы работаем на него. Он появляется и снова надолго исчезает, всегда держась какого-то своего плана. Никто не знает о нем всего... А я такого человека не встречал никогда. Жаль, что ты на него не похож.

- Спасибо. Мысль о том, что я не имею с террористами ничего общего, приносит мне облегчение. Но при чем здесь этот миллионер, чей аэропорт вы заняли? Лебедев, да?

- Благодаря Полу мы узнавали маршруты перемещения Сомы, той самой, которую никто не видел и считают легендой. Мы сумели силой отнять несколько канистр, готовясь к этому долго, путем нескольких вооруженных налетов. В ваших кругах это выставили так, словно мы украли невесть сколько, целые горы вакцины. Лебедев предоставил нам аэропорт и организовал переброску Сомы отсюда. Самое главное, что отсюда она попадет... - Мигель не закончил фразу, но у Дентона не было желания замечать это.

- Маршрут тайной доставки сюда отработан очень умно.

- Пол разрабатывал его совместно с Лебедевым. Они – главные игроки здесь, в Нью-Йорке. Только благодаря совершенному знанию Полом города, знанию таких крысиных нор, о которых не подозревает почти никто, появился этот путь. Честно говоря, от начала и до конца этот путь знали только Пол, я и еще несколько наших агентов, проверенных, готовых на все. Даже Лебедев сюда не вмешивался. Предательство исключалось. И мы никогда не предполагали, что посторонний человек сумеет пройти по Пути...

- Это было трудно.

- Как тебе пришло в голову искать здесь, я не знаю... Но Пол, видимо, лучше нас оценил твои способности и потенциальную опасность. Когда ты сообщил ему о своем «расследовании», в течение часа бойцам был отдан приказ усилить бдительность. Но я не могу понять, как ты додумался о связи Пола с нами?

- Были зацепки... - Дентон вспомнил знаки на своем пути. Заболели старые раны. Он разговаривал с террористом уже двадцать минут, а не прояснялось ровным счетом ничего. Ведь не прояснялось главное: почему Пол делал все это? Когда и как все началось? Лучший агент и опора Коалиции, человек с безупречной совестью, каким его все знали – террорист? Два лика слишком несовместимы. Нет, если не поговорить с Полом, будет плохо...

- Я ухожу, - Дентон устало повернулся к Мигелю спиной.

- Как? Ты проделал такой путь, чтобы уйти в самом конце? Я не уверен, что ты сумеешь пройти обратный путь и остаться в живых.

- Это моя забота.

Но он не успел уйти достаточно далеко.

- Подожди, Дентон. Лебедев хочет поговорить с тобой.

- Зачем? – Дентон даже не замедлил шага. Снова усталость, как бесконечная старость; он опять ее чувствовал, свою усталость, утомленность этого мира, этих бессильных стен... - Я не хочу.

Вдруг Дентон застыл, не довершив шага. Холод тревоги прокрался откуда-то изнутри, когда он ощутил знакомое потрескивание в голове. Оно давно не беспокоило его – и поэтому он забыл... Эхо. Дентону стало неуютно до крика, когда он услышал голос.

- Джесс, это Алекс. Мы следили за тобой все это время с помощью Эха. Ты, наверное, даже не подозреваешь, сколь многое тебе удалось за эту ночь. Ты открыл убежище тех, кто

скрывался от нас так долго и успешно. Взвод сержанта Берри уже отправился по твоему следу. В аэропорту скоро будут три вертолета. Но время не ждет. Ты должен немедленно найти Ивана Лебедева и убить. Это приказ Мандерли, я не хочу комментировать. Конец связи.

Дентон онемел. Страх, ярость, отвращение, бешенство, недоумение и растерянность: все разом так и навалилось на него. Разум не выдержал и впал в апатичную неподвижность. «Они все видят… Никогда не позволит пройти тому, что не должно пройти… ты должен найти и убить… так ты все знаешь… в целях безопасности, мы покончим с этим, когда уйдешь в отставку… не торопись…»

Но ведь он был предупрежден. Он должен был помнить об этом. Кто заставил его забыть? Забыть о том, что его глаза – чьи-то еще глаза…

Дентон медленно повернулся и пошел обратно. Мигель стоял на том же месте, где он его оставил.

- Коалиция… - впервые Дентон сбился, не сумев высказать все до конца, впервые говоря не своим голосом.

- Еще раз? – насторожился Мигель.

- Бойцы Коалиции будут здесь в течение получаса.

- Что? – Мигель тоже онемел на миг. – Ты привел их сюда?

- Я не знал…забыл. Мне приказали найти и уничтожить Лебедева. Или они сами его уничтожат, - кажется, Дентон сам только осознал происшедшее до конца. Сейчас они придут, и он утратит ту нить, которая, возможно, единственна…

Дентон кинулся к Мигелю.

- Пусти меня к Лебедеву! Немедленно.

- Чтобы ты убил его?

Дентон почти сбил Мигеля с ног.

- Глупец! Прочь с дороги, - странно, Дентон почти вышел из себя. – Еще немного, и будет совсем поздно, - закончил он с прежним хладнокровием и сделал шаг вперед.

Щелчок снятого предохранителя, едва слышный, остановил его. Дентон обернулся и взглянул в черные, бездушные глазницы пистолетов. Мигель с охлажденной ненавистью произнес:

- Уходи немедленно, или я нарушу слово, данное Полу. Ты собираешься пойти на убийство, ты будешь слепо следовать приказам. Машина Убийства Коалиции. Ты специально привел их сюда…

- И потом сказал тебе об этом, странный парень? – Мигель уловил горечь, смешанную с иронией. «Машина убийства» - кажется, Дентону была не нова эта фраза.

Мигель на миг заколебался.

- Да, это действительно меня удивляет. Но это мог быть твой хорошо обдуманный шаг, часть плана.

- Возвращайся в преисподнюю, Мигель, дрянной террорист! Горите вы все синим пламенем: ты, Лебедев, этот проклятый аэропорт, «Синий Цветок» и все подземелья Нью-Йорка. Почему я должен тратить время на объяснения, когда дорога каждая секунда… А теперь послушай: ты сказал, этот ваш Лебедев хочет поговорить со мной. И я согласен. Мне абсолютно наплевать на вас, и вообще-то это очень неплохо, что Коалиция благодаря мне прочистит теперь эту зловонную яму, наведет порядок, вернет Сому и покончит с вами. О нападении Коалиции я предупредил тебя только потому, что для меня самого оно стало новостью, сообщенной минуту назад. Против моей воли следили за каждым моим шагом, и я чувствую себя обманутым, хоть и должен был предусмотреть это. Меня не интересует ничего, кроме судьбы моего брата. А уж это меня интересует так, что всем вам будет здесь мало места… Я иду внутрь с целью узнать хоть что-нибудь. Я не убью Лебедева, даю слово. А теперь: ты знаешь о рейде. Неужели тебе больше нечего делать?

Мигель постоял, онемев и глядя в никуда опустевшим взглядом. Потом взял рацию и безучастным голосом произнес. «Всем постам – боевая тревога. Уходим немедленно. Дентона не трогать». И быстрее ветра бросился в ангар, за дверь, через которую появился. Дентон поспешил за ним. Взвыли сирены. Мягкость полутонов и тишину с мучительной болью разорвало на части.

Бархатно-красный самолет, тихий гигант, ожидал в своих владениях. Здесь метались люди, но и они своей суетой не могли нарушить спокойствия гиганта. Спущенный трап вел в его черное нутро.

Дентон влетел внутрь и осмотрелся. Оружие – много оружия в каютах. На капитанском мостике – несколько самоцветных бочек с амброзией. Он бежал дальше, заглядывая в каждую каюту. В одной из них он задержался немного дольше. Знакомая вещь… этот блокнот. Блокнот потерялся в складках плаща, где уже было много чего. Он собрался бежать дальше, но, когда поднял голову, то увидел собственное изображение в зеркале. Что-то в этом изображении не понравилось ему. Словно стекло подрагивало, из-за чего придавало его образу размытость, нечеткость…

Подойдя к последней в этом крыле двери, Дентон инстинктивно сконцентрировался, чувствуя, что цель близка. В

просторном помещении возле голого письменного стола, на котором лежал уже не удивляющий карабин, стоял Лебедев.

Дентон не сомневался, что это именно он. Светловолосый, лет сорока, с лицом, которое могло скорей принадлежать полусумасшедшему придворному поэту, но спортивного телосложения. На широкие плечи, закованные в кольчугу серого свитера, была наброшена короткая летная куртка.

- Привет, Джесс, - Дентон узнал этот голос, немного грудной, и как бы неуловимо замедленный. Он слышал его там, за стеной ангара, когда говорили о нем. – Я знаю, ты пришел убить меня. Но садись.

Дентон остался неподвижен.

- Мы, кажется, незнакомы.

- Брат много говорил о тебе. Вполне достаточно, чтобы набросать эскиз…

- Не надо вводить меня в заблуждение. Тем более – рассказами о моем брате. Мы здесь прекрасно знаем, кто есть кто. Не стоит… - Дентон вспомнил, что именно за этим поднялся на Боинг.

- Я говорил с Мигелем. Значит, тебе был дан приказ убить меня?

- Да. Нужно отвечать за причиненное зло – а как вы думали?

- Я не удивлен. Они бы сделали это давным-давно. Только вот добраться до меня не могли. А ты… ты не представляешь, каковы последствия твоего путешествия. Полная катастрофа. То, что мы с Полом возводили не один год, ты разом разрушил до основания.

- Мне это не интересно. Пусть я и сделал это, сам того не ведая. Меня обманули, хоть, может, и для пользы дела.

- Я знаю, - Дентон удивленно осекся. – Я знаю про Эхо. И про многое другое.

- Не знаю, известно ли в Коалиции о связи Пола с «Синим Цветком»…

- Боюсь, что да… Теперь – наверняка. Благодаря твоим титаническим усилиям, - Лебедев нервно улыбнулся. – А Коалиция такого не прощает. Никогда… Что собираешься делать, агент? Следовать приказам?

- Пока не знаю, - рука Дентона едва заметно скользнула под плащ.

- Спокойно, агент, - Лебедев даже не пошевелился. – Творцы мира из Коалиции не убивают безоружных пленников.

Дентон вздохнул и сел на стул, руки его безвольно повисли.

- Да я и не собирался… Я устал, хоть и рано.

Лебедев смотрел на Дентона внимательно.

- Ты совсем молод… Наверное, только закончил Академию Коалиции. А вот лицо уже начало приобретать *их* черты.

- Черты безапелляционной отчужденности? – попробовал угадать Дентон.

- Да нет. Черты… некоторой прозрачности.

Дентону стало не по себе. Он почему-то вспомнил тех, кого назвал «растворенными». *Их* черты… Но при чем тут он?

- Этот аэропорт, Лебедев, ваш? Вы предоставили его в распоряжение «Синего Цветка», чтобы переправлять краденую Сому в неизвестном направлении. Я тоже могу делать выводы, как видите. Еще час назад мне было интересно, что это за направление, но – не теперь. Вы мне безразличны.

- Понимаю. Ты пришел поговорить о Поле.

- У меня было такое желание. Но теперь я не верю и ему.

- Я беру на себя смелость делать выводы потому, что мне нечего терять. Творцы мира из Коалиции будут здесь с минуты на минуту. Я покойник – с вашей помощью или же нет. У них хватит убийц, с радостью готовых пробить мне голову.

- От приспешника «Синего Цветка» удивительно слышать об убийцах… Как бы то ни было, у вас еще есть шанс. Бросайте все, поднимайте в воздух самолет, и прочь на край света. – Странно, зачем он это говорит?

- Мы не готовы. Все и так кончено. И хватит об этом. Послушай, что я хочу тебе сказать. У нас не много времени.

- Уверены, что я хочу это услышать?

- Не хочешь услышать, почему Пол перешел на нашу сторону?

- Это его дело. – Дентон ощутил усталость и равнодушие. – Он сам принимает решения.

- Ты знаешь: он не предал бы Коалицию без веской причины.

- Я теперь вряд ли что-то знаю наверняка.

- Поверь, это все тот же Пол, которого ты знал когда-то. Ты казнишь его за недоверие. Но он сотни раз хотел рассказать тебе все. И только с большим трудом нам удавалось временно удерживать его, пока ты не будешь проверен, а твоя *лояльность* не даст трещину. Ты ведь всегда проявлял предельную лояльность к Коалиции и ненависть к нам.

- Я не поменял своих принципов. Ни на пядь.

- Знаю. Но это потому, что ты еще не задал вопрос, который я помогу тебе задать.

Какой-то отдаленный шум заставил Лебедева вздрогнуть. Но через мгновение он продолжил:

- Вопрос, который ты должен задать, и я удивлен, что ты не сделал этого, звучит так: «Кто я? Кто создал меня, и с какой целью»?

- Не понимаю. Мне известна цель моего обучения и мои способности.

- Я не про обучение.- Лебедев был грустно-спокоен.

Какая-то внутренняя настороженность, связанная с предвкушением чего-то важного, напрягла Дентона.

- Твои родители – будь они живы – могли бы ответить на этот вопрос.

- Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, насколько серьезны такие заявления. Мои родители…

- Я отвечаю за свои слова, - перебил Лебедев. – Твои родители - те, которых ты знал - не были настоящими. Это были чиновники из ООН, специально подобранные для твоего воспитания.

- Это серьезное заявление.

Снова неуловимый шум… Здесь он был едва слышен. Хотя за иллюминаторами самолета могла бушевать буря.

- Если вы знаете об этом… Значит, можете сказать, кто были мои настоящие родители? Они были убиты так же, как и подложные, в автомобильной катастрофе?

- Боюсь, все сложнее. У тебя не было родителей – в привычном понимании этого слова. Ты был сотворен – с определенной, тщательно взлелеянной целью.

- Хватит, - Дентон разочарованно махнул рукой. – Не интересно.

- А ты не чувствуешь? Это не бред. Посмотри на свои способности, на исключительную мощь твоего организма. Это не тело обычного человека. Вспомни, что Серая Смерть не может надеть на тебя свою маску, хотя ты не прячешься. Случайность? Твои творцы – группа людей, настолько обезумевших от жажды власти, что они собрались подчинить себе то, что подвластно лишь Богу – тайну жизни…

- Интересная история, - ответил Дентон уныло. Он не обрел здесь ничего; ни одного слова, которое могло иметь значение, не было сказано. – Господин Лебедев, я не знаю, зачем вам это. Все кончено, вы сами сказали. Зачем же придумывать что-то настолько неправдоподобное…

Дверь с силой распахнулась, заставив Дентона обернуться. На пороге стояла Анна Наварре, держа укороченный автомат в полусогнутой руке.

- Неплохо, агент. А теперь завершите начатое.

- Этот человек сдался. Он теперь безоружный пленник и не опасен. Коалиция и Протокол защищают его. И я лично – в том числе.

- Если ты избегаешь выполнения приказа – что ж, я поставлю точку за тебя. Отойди с линии огня и следуй на вертолетную площадку.

- Даже с места не сдвинусь, - голос Дентона стал суше. – Агент Наварре, я допрашиваю пленного. Покиньте помещение.

- Ты нарушаешь Протокол. Я старше по званию, и тебе – начальник.

- Ты мне никто. Иди к черту.

- Мандерли не оценит такого поведения, - в ритмах голосовых связок Анны послышалась угроза.

Дентон не успел сделать ничего. Подобие женщины совершило только один выстрел. Пули прошли сквозь грудь Лебедева, тот упал, как срезанная проволока.

Дентон поперхнулся.

Он не умел улыбаться. Не мог улыбаться. Не мог…

Дентон поднял пистолет, найдя фокус между глаз агента Наварре.

- Зачем ты это сделала?

Анна отступила в некотором недоумении.

- Что за шутки, агент? Решил развеселить меня? Ты же знаешь – я не умею улыбаться.

Она не умеет улыбаться. Не может улыбаться.

Никто уже не может.

Рука его едва заметно дрогнула.

- Агент Наварре, вы нарушили протокол. Вы ведете себя непредсказуемо и опасно. Это называется – *выход за черту*. У меня нет выбора.

Выстрел просверлил тишину. Агент Наварре упала на спину, и Дентон, кажется, успел заметить, как остекленели ее глаза. Через секунду ее труп взорвался изнутри, не оставив ничего, кроме изувеченной плоти и металла.

Дентон уронил пистолет, слегка пошатнулся. Все рушилось на глазах. Те основы, на которых он еще держался в океане абсурда, рассыпались в пыль.

Кошмарная, дикая ночь. Дентон подобрал пистолет. Профессионал бодрствовал. Краем глаза Дентон уловил движение на полу. Он наклонился над агонизирующим телом и прошептал громко:

- Вам еще можно помочь?

Конвульсивное движение головой отдаленно напоминало отрицание.

- Что вы еще можете мне сказать? Где мне искать Пола?

- Не знаю, - голос остался таким же спокойным и замедленным, только прерывался тяжелым, свистящим дыханием. – Он сейчас уйдет глубоко в тень, и ни с кем не будет входить в связь, пока опасность не ослабнет. Он исчезнет…

Слова дались Лебедеву тяжело. Изо рта пошла кровавая пена. Дентон приподнял его голову.

- Еще что-нибудь важное?

- Трейсер Тххх…(неразборчиво). – Кажется, Лебедев собирал последние усилия. – Сома должна была попасть в Гонконг… Чтобы самим создать Сому… и не зависеть. Вылечить… Когда вернетесь на остров Свободы, будьте внимательны. Что-то не так…

Дентон положил утратившее дух тело на пол и вышел в коридор, готовый к тому, что на него посмотрит десяток стволов. Они ведь видели, как он убил ее… Через это дьявольское устройство. Кстати, почему оно до сих пор молчит?

Долго ждать не пришлось. Эхо в полости головы ожило, и звучало оно испуганно.

- Джесс, ты в своем уме? – кричал Алекс Якобсон. – Это была агент Наварре, она погибла! Да, она вышла за черту, совершила убийство. Но ты ни за что не должен был делать этого… Ладно, я один это видел. Я сотру все файлы. Должно быть, у тебя есть какое-то объяснение. Черт возьми, Джесс, у тебя должно быть хорошее объяснение!

В образовавшемся после землетрясения озере, холодном, как дно колодца, среди абсурдных мыслей, обломков прошлого, оказавшихся негодными, из которых уже никогда не соберешь целого, в тине бреда внезапно вырисовывалось довольно четкое изображение. Одно из немногих на волнах Хаоса. Алекс Якобсон, инженер по средствам связи. Мелкий механизм Коалиции, на которого Дентон поначалу не обратил внимания, оказался не так прост. В его руках – судьба их всех. Судьба брата. Судьба самого Дентона. И главное – Дентон не может доверять или не доверять этому человеку. У него просто нет выбора.

Якобсон хочет помочь ему. И еще – Пол доверял этому хакеру. «…Он надежен. Дальше него никогда не пройдет то, что не должно пройти…» Но почему же тогда прошло? Почему Лебедев теперь мертв, Пол исчез, а внизу ждет взвод творцов мира?

Что ж… Не все соломинки упали в пропасть.

Дентон открыл книгу наугад, на одной из первых страниц:

«Со мной что-то случилось, сомнений больше нет. Эта вещь выявилась, как болезнь, а не так, как проявляется нечто бесспорное, очевидное. Она проникла в меня исподтишка, капля по капле: мне было как-то не по себе, как-то неуютно – вот и все….»

Кто-то заходит в цветущий сад поздней весной, а метель бьет ему в лицо. Кто-то засыпает, ожидая следующего дня, но он не всегда наступает для него. Кто-то говорит, что судьба в его руках, а она с беззвучным смехом швыряет его в пропасть. Кто-то на последнем усилии добегает до финишной прямой, и вдруг узнаем, что это только начало пути, а до конца дойти не суждено. Кто-то лезет по древу жизни, а на самом верху ветвь под ним ломается, увлекая в пустоту. Кто-то замечает слишком поздно, что трясина затягивает его – уже затянула…

Хорошо, что Дентон не знал, что ожидает его впереди. Даже если бы он выдержал это знание, то отказался бы от дальнейшего пути. А может быть, и нет…

***

На выходе из самолета Дентон почувствовал, как через Эхо кто-то выходит на связь. Через время послышался хриплый грубый голос Гюнтера.

- Следуйте на вертолетную площадку. Мы знаем все о вашем брате. Он ушел, но мы найдем его.

Кажется, он стал причиной гибели своего брата… Но лучше не думать об этом сейчас.

Везде по пути, который еще недавно казался таким пустым, враждебным, загадочным и с умыслом, встречались солдаты сержанта Берри, профессиональные солдаты со всего мира, нанятые Коалицией. Они смотрели на него с восхищением. Ему не хотелось смотреть на них. Околдованность исчезла.

За воротами ангара, среди контейнеров, где атмосфера еще час назад была насыщена опасностью до предела, лишь гулял озорной октябрьский ветерок. Краем глаза Дентон заметил какую-то слишком яркую для ночи голубизну на краю дороги. Синий цветок… Он пошел быстрее вперед.

Издали слышался шум рабочих винтов вертолета. В небе не было ни звезды. Дентон сделал несколько шагов к вертолетной площадке, потом вернулся и пошел к берегу.

Он постоял у воды всего несколько мгновений, читая сожженные письмена в дымке воды, и подумал, что эти воды

набегали на камень причала и одно, и пять, и сто поколений назад. То есть тогда, когда не было ни его, ни проблем, им порожденных. Это успокаивало.

Гюнтер встретил Дентона на открытом пространстве возле вертолета, нависнув над ним темной громадой.

- Поздравляю, агент. Вам удалось то, чего тщетно добивалась Коалиция годами.

- Что вы думаете о моем брате?

- Плохо дело. Мы должны выследить и убить нашего самого лучшего агента.

- Будет расследование. Пол еще не приговорен.

- Только один путь ждет агента, нарушившего присягу, данную Коалиции.

- Будет судебное расследование, - настойчиво и угрюмо повторил Дентон.

- Я сам сделаю это, если они додумаются до чего-то другого.

Глядя в сверлящие глаза, красные бычьи глаза, Дентон собрался сказать то, что должно было швырнуть Гюнтера лицом в грязь. Но слова повисли на выдохе. Нет, надо быть осторожным, пока не распутается клубок. И Дентон ограничился лишь усталым:

- При всем уважении к вам, Гюнтер, как к моему старому инструктору, не думаю, что против Пола у вас есть шанс.

- Достаточно, Дентон. Следуйте к вертолету. На острове Свободы вас ждут.

- Здесь порядок?

- Да. Аэропорт и все подступы к нему в наших руках. Вы говорят, казнили Лебедева?

- Ах, да, кстати, - вдруг словно вспомнил Дентон. – Там была пальба на Боинге. Кажется, Анна меня опередила.

Гюнтер напряженно застыл.

- Вот как? То есть вы не знаете, что именно там произошло? Я проверю, может, ей нужна помощь.

- Да, сделайте это. А мне пора.

Черный вертолет нетерпеливо раскручивал крылья стрекозы, готовый унестись в черноту неба. Дентон сел рядом с местом пилота и поздоровался с Джоком.

- Гюнтер рассказал мне о Поле, - начал Джок.

- Да, - спокойно ответил Дентон. – Пол был связан с «Синим Цветком». Но вас, похоже, это не очень удивляет.

Последнюю реплику Джок проигнорировал.

- Это потрясет коалицию, Джесс. Не знаю, представляете ли вы, какой важной птицей был ваш брат.

- Коалиция оправится. Меня это не очень-то волнует. – Дентон чувствовал внимательный взгляд Джока на себе.

- Что вы думаете обо всем этом, Джесс?

- Пожалуй, я пока оставлю свои мысли при себе.

- Понял. Поехали?

- Подождите... Вы когда-нибудь слышали о неком Трейсере Т. Из Гонконга?

Рука пилота нервно дернулась. Вертолет подбросило на воздушной подушке.

- Нет... Никогда не слышал о таком. Откуда я мог слышать о нем?

Неуверенно звучал его голос.

Глава 15
Подозрение

...Для постижения ничтожетсва нужно не меньше способности, как и для постижения всего.

Блез Паскаль

Ночь. Темный пустынный остров, где слышны лишь равномерные шаги. Затерянный в океане, которому совершенно не интересен. И статуя с оторванной головой тянет руку куда-то ввысь, но не находит опоры.

Да здравствует свобода?

Когда Дентон выпрыгнул из вертолета, Джок бросил ему вслед:

- Возвращайтесь скорее. Это важно.

Штаб с его рифлеными стенами и тяжелой бронедверью оставался прежним. Даже бесстрастные лица часовых не изменились. Алекс вышел на связь через Эхо.

- Джесс, первым делом доложите Мандерли о завершении операции. У него скопилось к вам много вопросов. Ему все известно про Пола и, боюсь, не только ему. Так что не стоит запутывать его. И еще – проверьте почту у себя в кабинете.

Коридоры, зеркала, гудение роботов-пылесосов. Везде кто-то стоит или сидит – и везде так пусто... Дентон вошел к себе в кабинет и, убедившись, что никто не смотрит из-за угла, включил компьютер и ввел пароль. Два письма дожидались его. Первое – от Алекса Якобсона, короткое и емкое:

«Джесс, после визита к Мандерли наведайтесь ко мне. Очень важный разговор – не для Эха и не для сети.»

Второе письмо не было подписано, помеченное клеймом «Неизвестный». Но уже по первым словам Дентон с волнением узнал «почерк».

«Джесс, надеюсь, ты прочтешь это письмо. Его наверняка прочтешь не только ты, поэтому я не скажу ничего определенного. Тебе много будут говорить сейчас, ты будешь делать выводы. Главное – не делай *окончательных* выводов. И еще: если захочешь мне помочь, безоговорочно доверься человеку, который скажет обо мне. Надеюсь, мы еще встретимся до того, как...»

До того, как... Мандерли скажет ему многое. Дентон поспешил, пролетев мимо дежурного по этажу.

Дженис Рид в секретариате посмотрела на него большими глазами.

- Джесс! Что с Полом?

Дентон скрипнул зубами:

- Кажется, он получил лучшее предложение.

- Не могу поверить. Это такой удар для всех нас. Почти подобный потере сына.

- Сына... - глухо отозвался Дентон. - Продолжим разговор в следующий раз. Мандерли у себя?

- Да, входите же. Он ждет – давно ждет вас, - она махнула в сторону заветной двери. - Не думаю, что вы выйдете оттуда скоро.

Мандерли в своем аскетически холодном и более чем скромно обставленном кабинете сидел, опустив голову и положив ладони на поверхность стола. Это означало глубокую сосредоточенность и погруженность в себя. На стук двери он не повернул головы, будто не услышав входящего.

Дентон ждал. Прошло минуты две, и он услышал глухой голос шефа:

- Интересное поведение, агент.

«Мне не нравится, что за мной следят», - хотел сказать Дентон но прикусил язык. Сначала он выслушает до конца все, что будет важным. Чтобы не спугнуть мысль, которая может не повториться...

Мандерли поднял голову, Дентон увидел осунувшееся лицо и покрасневшие глаза.

- Ты думаешь, Джесс, я тебе сейчас устрою разнос по первое число? За «необоснованную инициативу»? За то, что сам полез туда, не поставив нас в известность? Работал без прикрытия? Уклонился от линии Протокола?

Дентон молчал.

- Нет, - резюмировал Мандерли. - Ты наломал дров,

Джесс, это точно. Но то, какой пожар ты сумел раздуть на этих дровах, то, чего ты достиг, полностью перекрывает твои прегрешения. Молодец. Уолтон Саймонс лично представил тебя к награде.

- Я рад, - холодно ответил Дентон. Кажется, он начал понимать, какую линию поведения следует выработать на ближайшее время. Воспринимать все, как должное, ничему не удивляться, быть верным слугой Коалиции. Может, только так еще можно хоть как-то помочь Полу. Когда он будет в безопасности, только тогда Дентон сможет вернуться к работе как беспристрастный агент Коалиции.

- Теперь я понял, - вздохнул Мандерли легко, - ты создан для работы в одиночку. Так у тебя лучше получается. Напарники тебе не нужны – они будут только мешать...

- Простите сэр, что перебиваю... Во время моего... отпуска я оставил вынужденно человека в Городе Кротов, там, под землей. Форд Шик, ученый-биотехнолог. Его жизни угрожают непонятные люди...

- Не беспокойся, он уже в безопасности.

- Ах, да, я забыл... - с легкой досадой произнес Дентон. Он никак не мог привыкнуть. - Вы же видели все...

- Почти. Дело не в этом. Посмотри на меня, Джесс. Я не спал и не выходил из этого кабинета много часов подряд... У агенства начались серьезные проблемы. По вине твоего брата.

- Я не могу в это поверить. Пол всегда был верен Коалиции. Он хороший агент...

- Лучший, - кивнул Мандерли. - Но ты сам все видел и слышал собственными глазами и ушами. Что говорить, - он сам сделал свой выбор.

- Но почему? Надо разобраться, может, ошибка...

- Он ушел. Надеюсь, ты поймешь и правильно оценишь то, что будет сделано. Коалиция отпускает его.

- Отпускает...

- Джесс, ты понимаешь важность такого понятия как «лояльность», не так ли?

- Я...

- Это как раз то, чего так не хватало твоему брату. Не знаю, понял ли ты уже, сколь важным элементом нашего механизма являешься ты и Пол... *Особенно* Пол. После случившегося в эту и прошлую ночь вы привлекли внимание. *Очень* важные люди выразили обеспокоенность по поводу Пола – и тебя тоже. И я повторяю – они отпускают Пола. С ним покончено. Пойми, агент не может вести двойную игру. Пол осужден заочно, а по протоколу ему полагается высшая мера

наказания. Не буду объяснять, что это значит. Учитывая потенциальную опасность Пола и трудность его поимки – ареста и суда не будет.

- Я отличился в этой операции. Нашел Сому, способствовал ликвидации «Синего Цветка» и поимке преступников... Они не учтут этого? Неужели ничего нельзя сделать?

- Ты – это ты, а Пол – это Пол. Вы уже по разные стороны, и обратного пути нет. Тебя никто не спросит, не обманывай себя. Никто не спросит и меня. Мы никто в этой сложной системе, которая решает задачи слишком большого масштаба.

- Вы говорили, что не оставляете своих агентов.

- Он уже не мой агент. Пойми, он больше не с нами, чем быстрее ты привыкнешь к этому, тем будет легче. Кроме того, это даже не в моей власти, будь я самим Уолтоном Саймонсом. Они активировали его... переключатели-убийцы.

Повисла слепая мутная тишина.

- Специальный механизм на основе нанотехнологии, который при его активизации производит обратный отсчет и уничтожает агента в течение – или через двадцать четыре часа после его включения. На случай чрезвычайной ситуации. Я сам узнал о них только час назад, и был шокирован не меньше, чем ты, - добавил Мандерли неискренне.

- Почему только через двадцать четыре часа? Почему не сразу? - спросил Дентон с затаенной ненавидящей угрозой.

- На тот случай, если агент все же выйдет на связь, сумеет реабилитировать себя или ситуация изменится. Действие самоуничтожителя можно прервать даже на последней секунде, за миг до реализации. Но его нельзя ускорить. Но не думай: Пол – не этот случай.

- Нас не предупреждали об этом, - глухая ярость исходила из громадной фигуры в черном. Дентону казалось, что это просто плохой анекдот.

- В нашей работе никто в игры не играет. Слишком велики ставки. Слишком мало зависит от нас. Если ты здесь – то должен принести в жертву многое, всего себя. Тебя ведь предупреждали на пороге академии. Вспомни это и пойми. Пол не осознал в свое время – и поплатился. Действие переключателей-убийц – самая гуманная кара за предательство. Уолтон Саймонс не прощает предателей. Но у тебя все же есть шанс – и хороший шанс.

Дентон подспудно, сам того не желая, отупевшим умом сопоставлял услышанное с тем, что успел сказать Лебедев.

- Неужели они могут убить его... просто нажав на кнопку?

- Да, и тебя смогут. Поэтому будь внимателен, Джесс, и не совершай ошибок, роковых для твоего брата. Теперь твоя очередь. Я даю тебе шанс. Поэтому слушай, Джесс, и слушай внимательно. Все в твоих руках. Забыть о Поле – в твоих же интересах. На тебя теперь полагаются большие надежды. Оправдай их – и будешь вознагражден. Единственный способ вернуть доверие – активная работа против союзников твоего брата. Сейчас они отправляют тебя в Гонконг. Там ты найдешь людей, которые контактировали с Полом и являются одним из истоков той преступной террористической сети, которая оплетает весь мир, в том числе и Соединенные Штаты. Пол хотел перебросить краденную Сому туда. Узнать, зачем им это было нужно, и помешать террористическим планам в корне – твоя первая задача. Важно, чтобы те, кого интересует твоя судьба, снова начали тебе доверять. Джесс!
- Да?
- Необычайно важно, чтобы они поверили тебе.

Кто «они»? Дентон хотел задать этот вопрос, но не успел, а потом забыл.

- Ты сделал многое, - продолжал свое Мандерли. - Но это – капля в море по сравнению с тем, что *предстоит* нам с тобой свершить. Коалицию потрясло, но она уцелела. И я хочу, чтобы все стало на круги своя. А ты?
- Конечно, сэр... - Дентон, уходя, вдруг обернулся у двери. - А это возможно?

Уходить – но уходить рано. Дентон испытывал необходимость остаться еще ненадолго. Побродить... Быть может, кого-то встретить. Гирлянды света оплетали отливающий мощью, но прогнувшийся под тяжестью пластов земли потолок. Невинные предметы, оставленные без умысла на письменных столах теми, кто придет утром: все те пластиковые стаканы и вырванные листы с напоминанием – им не нужен этот яркий свет, они не боятся мысли, что когда-то останутся в темноте...

За дверьми, закрытыми, но не запертыми, люди, знакомые, неизвестные и те, которых он не увидит никогда. Островки, туман неопределенности над которыми не рассеивается, стелется над вычищенным линолеумом, незримый и бессильный. Он поднимается к картинам, которые выбраны наугад, просто, чтобы скрыть наготу бурых ребристых стен. Люди на картинах смотрят понимающе, будто признают этот факт, их глаза небуднично напряжены.

А еще тут есть те, которые собираются принять участие в его судьбе. Он не просил об этом, но... Незнакомцы в масках, с которыми он говорил, существовал, обменивался информацией и еще чем-то неуловимым, но так и не понял, чего ожидать от них, если случится Нечто. То есть когда откроются Лица Как Они Есть.

Дентон спустился на следующий уровень, споткнувшись на последней ступеньке, приоткрыл первую дверь справа. Большое пространство, полное загадочных мерцаний и слишком многих вещей, чтобы увидеть здесь человека. Наверное, даже если он и есть здесь, он затерялся в глубине и не заметен в маскирующем присутствии хлама.

Маленький хакер в больших очках сидел там же, где Дентон оставил его прошлый раз, словно было это минуту назад. Сосредоточенный повелитель электронных колоссов, которые, оказывается, теперь решают судьбы людей... и крушат их безжалостно, обернулся на звук шагов.

- Привет, Джесс. - Алекс Якобсон поднялся навстречу гостю. - Пол-террорист, вот так шутка!

- Если бы я знал, что наблюдение ведется постоянно, я бы ни за что не допустил того, что случилось...

- Ты имеешь в виду разоблачение брата?

- Я имею в виду мое пребывание здесь.

- Я думал, ты знаешь... Мы ведем запись двадцать четыре часа в сутки. Что касается Пола, прости, что не прикрыл вас, но здесь не моя вина. Мандерли приходил сюда и время от времени лично наблюдал за тобой. Он взял твой «отпуск» под свой личный контроль, я ничего не мог сделать. Я устал от его комментариев... Он был подключен, когда ты достиг Боинга и говорил с Мигелем. С Полом действительно покончено.

- Ты, наверное, хочешь поговорить о том, что произошло на борту «747»-го?

- Да, Боже мой, Джесс, о чем ты думал? Алекс дернулся, будто только сейчас вспомнил об этом.

- Агент Наварре вышла за черту. У меня не было выбора.

- Да они прикончат тебя, и глазом не моргнут.

- Вот и я... не моргнул.

- Ладно, оставим это. Уверен, у тебя были причины. Я «арестовал» все файлы. В этом отношении можешь быть спокоен.

Дентон сделал шаг вперед и слегка сжал руку Якобсона выше локтя.

- Алекс... почему? Почему ты это делаешь? Зачем спасаешь меня от топора, ты, от которого, видимо, зависит

столь многое здесь?

- От меня многое зависит потому, что я не задаю вопросов, кажусь довольно простым и недалеким, и, главное, никто в агенстве без меня не справится со всем этим электронным хламом. Но я знаю Пола, знаю, что никогда он, по-моему, еще не ошибался. Это ужасно, то, что происходит сейчас, но я бы выслушал его перед тем, как делать выводы. Пол никогда не был бездумно-агрессивен, как некоторые агенты, хотя и начинал с операций по зачистке... Он был... человечнее, что ли? Единственный из агентов, с которым я мог поговорить доверительно, по человечески. - Алекс вздохнул. Пол вообще отличался тем, что поразительно умел настраивать к себе людей. Никто здесь, в агенстве, поверь, не смирится с тем, что произошло. И если хочешь знать мое мнение, то вот оно: надо выяснять, и я собираюсь помочь тебе во всем, пока ты будешь выяснять правду.

Дентон бросил взгляд вверх:

- Нас тут никто не может услышать?

- Нет. Иначе я бы не сказал того, что сказал.

Дентон сомнительно покачал головой, потом крепко сжал руку Алекса.

- Спасибо, Алекс. Я ни за что не хочу подводить Коалицию, но сейчас мне жизненно необходимо помочь брату, чего бы это ни стоило, вплоть до самого худшего. Я еще не разобрался, я не могу доверять никому, хотя ты спас мне жизнь, и это о многом говорит. Я запутался, я услышал слишком многое для одной ночи: начиная переключателями-убийцами и заканчивая каким-то диким заговором... Разобраться во всем этом – вопрос сохранности моего разума в здоровом состоянии. Это не значит, что я собираюсь вести какую-то двойную игру против Коалиции. - Дентон испытующе посмотрел собеседнику в глаза. - Нет, присяга, данная Коалиции, в силе. Но мало ли, что я найду...

- Не беспокойся про Эхо. Все «лишнее» я сотру.

- Да, Эхо. Расскажи мне о нем подробно. Почему Пол мог так долго укрывать свою деятельность... даже от тебя?

- Это самая большая загадка для меня. Возможно, кто-то помог ему научиться блокировать Эхо в нужные ему моменты. Ведь в принципе это возможно. Это я теперь так думаю. До этой ночи я не подозревал: казалось, он просто попадает в зоны недосягаемости сигнала.

- От него нельзя избавиться?

- Только с помощью высококлассных нейрохирургов. Но никто не пойдет на это, увидев электронную подпись Коалиции.

То, что принадлежит Коалиции – неприкосновенно. Это неписанный закон во всем мире.

- Это на всю жизнь?

- Да нет. Мы избавимся от этого, когда ты уйдешь в отставку.

- Я не знаю… когда я уйду в отставку. И как.

- Ладно, у тебя не много времени. Ты навестишь Риеза и Картера?

- Собираюсь.

- Обязательно сделай это. Им тоже не все равно. Ну, прощай, - Алекс сразу повернулся к своим экранам.

Идем дальше… Высокие кактусы в оранжевых вазонах, как полусогнутые высохшие старики, злобно ощетинились на подступах к зарешеченной комнате на замке – оружейной. Мощная фигура за ее стеклом показалась Дентону немного напряженной.

- Ты пришел подзарядиться? - спросил Картер еще издалека.

- Да нет, - ответил Дентон, почувствовав, как открываются старые раны. - Просто пришел поговорить.

- Это правильно, - морщины вдоль шрама генерала на миг разгладились. - Как ты?

- Не очень. Не знаю, кому верить.

- Не принимай все так близко к сердцу. - Картер не знал о переключателях-убийцах. – Слышал, ты убил Лебедева?

- Нет, генерал. Его убил не я.

- Меня это радует. Ты отказался от убийства безоружного пленника – это твой долг как творца мира Коалиции. И не думай, тебя никто не винит за то, что ты отказался от хладнокровного убийства, пусть это даже был приказ.

- Но он все равно мертв. Кроме того, не думаю, чтобы Мандерли придерживался ваших взглядов.

- Мандерли остынет. Ты и так много сделал. - Картер снял со стены маленький пистолет из светлого металла. - Слышал, тебя отправляют в Гонконг? Интересно, зачем?

- Самому хотелось бы знать. Но я еще не услышал ничего определенного.

- Скажу тебе по секрету неприятную вещь, - Картер понизил голос. - Гонконг – самая неприглядная, запутанная и грязная сфера деятельности Коалиции. Обычно туда отправляют или агентов, которых нужно проверить, в которых сомневаются. Уверен, что тебе прикажут там сделать какую-то мерзость – например, прикончить головореза из Триады. Так что будь готов к неприятным неожиданностям. К опасности. В

Гонконге этого всегда с избытком. Как бы то ни было, будем скучать.

- Генерал Картер, вы слышали о Поле? - перешел Дентон без предисловия.

- Слышал... - видимо, эта тема давалась ему не совсем легко. - Чудовищный бред.

- К сожалению, это правда. Пол был связан с «Синим Цветком» и причастен к похищению Сомы.

- Ты будешь искать его?

- Не думаю, что это возможно.

- Пол прошел через слишком многое, хотя мало кто об этом слышал. Я бы хотел выслушать, что он скажет.

- Я тоже.

- Ладно, возьми пару обойм и шагай отсюда. - Картер нахмурился. - Неизвестно, что может случиться.

Однообразный коридор уводил еще ниже, к белой, по-больничному стерильной медицинской зоне. Обитель Хайми Риеза пустовала. Дентон взглянул на койку, где еще недавно проводил часы. Сейчас там был кто-то другой: спящий, который проснется... Может быть. А может, и не проснется. Не здесь.

Насчет Картера Дентон понял кое-что важное: по отношению к этому человеку не было смысла держаться настороженно. Даже не потому, что это генерал Картер. Просто генерал сам отступил в сторону и четко определил свою позицию: он не хотел вникать ни во что, но он лоялен. Нейтральный игрок трехмерной доски. Пусть лучше так.

Но он еще не увидел всех, кого нужно здесь найти, в этом полном затаенных смыслов замкнутом пространстве. До того, как утро выпустит эти смыслы на волю и развеет над океаном. Дентон не хотел покидать штаб, не расставив все точки над i. Хотя бы многоточия.

Стены, пепельно-белые, давили на него, как тогда, во время испытания. Снова старость. Бесконечная древность э*того мира* под тонкой оболочкой, возведенной несколько лет назад... Он был в э*том мире* в начале времен... Его ребенок, спутник и современник. Он так редко вспоминает об этом – и не по своей воле...

Серебряное кресло молчит в пустой гостиной – оно *знает*. Но не скажет, ибо через минуту придет солдат с перевязанной рукой и нарушит его уединение.

«Посмотри на часы. Посмотри на портрет на стене. Прислушайся там, за окном...»

Посмотри на обертку от шоколадки, которая анонимно брошена в угол в неизвестном прошлом. Почему она привлекла его внимание? Ему пришло в голову… Мучительный процесс преображения элементов. Из черной нефти, из косной материи, которая не сопротивлялась, выплавляли этот комок мусора. Это процесс, поставленный на конвейер. Почему же в его мыслях этот процесс назван «мучительным»? Самое главное – все, все усилия, премудрости, похищенные у природы секреты - для того – чтобы выкинуть *это* в корзину, скомкав.

И Дентон в точности произвел этот акт, забросив уже неинтересную находку в корзину.

Он вернулся наверх, в комнату отдыха, и нашел Хайми Риеза там, возле автомата с кофе. Доктор находился в необычной компании, и при виде его компаньона Джесс непроизвольно остановился.

Саймонс стоял спиной к нему и внимательно слушал доктора.

- Как давно это у вас?
- Последние несколько недель.
- Можете описать подробнее?
- Нечего описывать. Когда я закрываю глаза, то чувствую острую, жгучую боль. А иногда, - Саймонс вдруг перешел на едва слышный шепот, - от определенного толчка или удара я могу слепнуть на несколько секунд, до минуты.
- Что у вас с биоэлектроуровнем?
- Всегда на уровне 100%. Я хочу быть во всеоружии.
- Вот, я понял, - оживленно отозвался доктор. - Это свободные радикалы – все дело в них. Вы должны пополнять свою энергию только тогда, когда системы разряжены полностью. Иначе на организм постоянно действует чудовищная электромагнитная нагрузка.

У саймонса, наверное, был третий глаз на спине. Непонятным образом он уловил появление нового элемента и обернулся. Голос хищной ящерицы, холодный, глухой и неприятно-тонкий, с простуженной хрипотой, переходящей в умышленный шепот, издал:

- А-а, Дентон. Кажется, нам суждено встречаться всякий раз, когда я меньше всего хочу вас видеть.

- Простите, сэр, - ответил Дентон, обманывая учтивостью дрожь. – Если я мешаю, то могу подождать снаружи.

- Успокойтесь, агент, я пошутил. Держитесь поскромнее, и будете достойно вознаграждены. Если вам все еще так неймется узнать, кто я, что ж: Уолтон Саймонс, глава ФЕМА, или МЧС, как его называют.

- ФЕМА имеет свои интересы в этом агенстве? Я не знал об этом...

- Вам и не надо знать. Пока. Не стоит превышать свой допуск, лезть туда, куда не следует, чтобы потом сожалеть об этом. Да, мы тесно сотрудничаем, потому что чума – общенациональное бедствие. Кстати, Дентон, вы отлично поработали этой ночью.

- Да и сказалось это на нем неслабо, я вижу, - Риез осмотрел Дентона профессионально-сочувствующим взглядом.

- Никак не могу себя вылечить, - сухо пожаловался Дентон.

- Сейчас займемся тобой.

- Знайте, Дентон, - вмешался Саймонс, - мы довольны вами. Преступления вашего брата не бросят тень на вас.

- Благодарю, сэр, - Дентон постарался, чтобы голос звучал как можно более доброжелательно, хотя внутри нарастала волна отвращения. Из головы никак не выходили переключатели-убийцы... - Я собираюсь служить Коалиции в высшей мере своих возможностей.

- Так держать, - Саймонс обернулся к выходу. - Вижу, вам с доктором надо поговорить.

Дентон почувствовал облегчение при мысли, что разговор окончен. Но он не мог быть окончен вот так. Поборов отталкивающую силу, он окликнул Саймонса у двери.

- Сэр, Коалиция этой ночью предприняла очень эффективные меры.

- Вы думаете? - остановился Саймонс с задумчивостью Горгоны. - Поверьте, спецотряды Коалиции – это наиболее мягкие элементы из тех, которыми я располагаю.

- Как это?

- Достаточно, Дентон. - голос приобрел оттенок смыкающейся вокруг шеи трясины. - Вы превышаете свой допуск. Вы же... не ангел.

- Простите, сэр, - ответил Дентон, крайне озадаченный последней нелогической фразой. Я буду ждать меморандума.

- Вот именно. Кстати, вы, кажется, слышали мой разговор с доктором Риезом? Да, это правда. У меня такие же маленькие особенности, как и у вас. Использую определенные наноимплантанты.

- Но зачем вам это? Вы же директор? Работа за столом, управленческие дела...

- А разве я сейчас за столом? Как видите, нет, - в своем объяснении Саймонс казался даже любезен. - Вы так говорите потому, что недооцениваете особенности моей работы. Мы

имеем дело со всеми видами стихийных и не стихийных бедствий, какие вы только можете себе вообразить. А сейчас у меня дела здесь, в Нью-Йорке, потому что это агенство порядком закостенело и нуждается в перетряске.

- Что вы имеете в виду?

- Я все еще собираю информацию. Ждите меморандума.

«Касательно моего брата», - хотелось спросить Дентону, но слова не вырвались наружу. Язык не поворачивался говорить об этом тому, кто, возможно, держал пальцы-щупальца на загадочных переключателях-убийцах.

Директор ФЕМА. «У.С.» Он говорил о Коалиции, которая подчиняется только Совету Безопасности ООН, как о своей собственности.

Еще одна загадка. Только загадок так много, что Дентон уже перестал их фиксировать и делать зарубки на память. Саймонс заметил его замешательство.

- Агент, доктор Риез ждет вас.

- Да, сэр, конечно.

Дентон вернулся к человеку в белом халате. Идя сюда, он настроил себя на настороженность. Но после холодных змеиных глаз участливый взгляд доктора показался почти родным. Первый раз он назвал его по имени.

- Привет, Хайми.

- Здравствуй, Джесс. Ты неважно выглядишь. Я тебя предупреждал, когда ты лежал у меня в палате.

- Я знаю. Но проблема не в этом. Слышал о моем брате?

- Об этом, кажется, знают уже даже крысы из подвальных помещений.

- Что думаешь на этот счет?

- Что я могу думать? Я мало общался с Полом, в отличие от Алекса Якобсона и капрала Коллинза. Но насколько я его узнал, мне он казался человеком чести. Не верю, что он мог предать Коалицию так просто. Может, какая-то ошибка?

- Нет никакой ошибки. Я все слышал едва ли не из первых уст.

- Я тебе сочувствую. Но что еще можно думать? Что дело в Коалиции?

Дентон посмотрел на доктора настороженно. Тот наивно и словно сам не подозревая первым из всех решился выразить ту мысль, о которой не стоило и думать, настолько она была нелепа.

- Что за чепуха? Что ты хочешь этим сказать? - зондировал Дентон.

- Не знаю. Просто мне не нравится, как часто Саймонс

начал навещать нас. Не к добру это.

- Завершим разговор на этой точке. Не далее. - Дентон хлопнул доктора по плечу. - Ладно, Хайми. Наверное, в ближайшее время мы не увидимся. Я покидаю материк. Неизвестно, когда я вернусь.

- Всего доброго, Джесс. Зайди только ко мне в кабинет, пусть медицинский робот подзарядит твои системы.

Уходя, Дентон еще раз встретился взглядом с доктором, и в самый последний момент убедился – он зря держался напряженно. Доктор был своим... Но что за странные мысли?

Кажется, все. Что еще держит в этих стенах? Что еще удержит? Может, эта пустая комната? Кабинет сержанта Берри, командира самого боеспособного подразделения Коалиции. Сержант отсутствовал на очередной операции. Дентон уважал его, своего старого инструктора из Академии. Старый боец, прошедший две войны, всегда прямолинейный, но не грубый, даже приветливый. В углу лежал баскетбольный мяч. Кто принес его из поля, того, что в трущобах Адской Кухни?

Возможно, с того самого поля...

Странный ход мыслей. Надо рассеять себя деятельностью, подумал Дентон. Что предстояло ему? Гонконг. Наверное, там атмосфера теплее этой ноябрьской действительности наверху.

Он не мог признаться – но ожидающее пугало его.

Дентон поднимался наверх, чувствуя странную безвкусную свободу. Никто не встречается на пути, не останавливает его даже нечаянно, все молчит. Он никому не нужен. Некому...

Часовой за дверью не повернул головы. Вертолет одиноко вращал винтом в поисках сочувствия у затемненного воздуха под звездами. Которых не видно.

Трава газона, сухая и скудная, и такая серьезная, яростно рвалась из земли под порывами ветра. В этом холодном, слегка морозном воздухе у Дентона вдруг до предельной ясности, такой же морозной и холодной, вспыхнула *чья-то фантазия*: земной шар в абсолютно черных пластах космоса. Голубые материки в голубом океане. Тонкие нити обозначают контуры стран, линий разлома, цивилизаций... Их много, маленьких и больших, и все они по очереди вспыхивают ярким ослепительным светом. А в темноте над голубым шаром за этим наблюдает чей-то разум, лишенный страстей и груза памяти: для него нет времени, время перешло в вечность, и все происходит одновременно, от Первого Вздоха до Последней Вспышки... И разум не бесстрастен, он выплакал все и не

чувствует своего веса. Он может все и знает Главное. Но он не будет ничего делать. Зачем?

Его разум. Когда-то – за пределом…

Дентон тряхнул головой, заметив, как Джок за матовым стеклом призывно машет рукой. Он сел рядом с пилотом, оградив себя от колдовства ночного мира, его опасного холода, проникающего в сознание в поисках связей. Джок озадачил и заставил встряхнуться с первого слова.

- Я отвезу вас в Нью-Йорк.
- Мне были даны распоряжения отправляться в Гонконг.
- Ваш брат хочет встретиться с вами.

Наконец-то, подумал Дентон с какой-то щемящей тоской.

- Ему нужна ваша помощь,- продолжил Джок.
- Что случилось? Хм, что за вопрос…
- Пусть сам расскажет. Едем?

Дентон вгляделся в беспристрастное лицо пилота.

- Вы ведь мне больше ничего не скажете, Джок? Не так ли?
- Вы все узнаете от Пола, - повторил пилот черного вертолета.
- Если… - Дентон поперхнулся и не закончил мысль. Ему нужно отвлечься. Лучший способ – почитать что-нибудь веселое в пути. Он открыл Сартра, по обыкновению, наугад.

«Я хотел бы перестать смеяться, но не могу – я хохочу до слез.

- Вам весело, месье, - осторожно замечает С.
- Просто, - говорю я ему, смеясь, - я думаю, что все мы, какие мы ни есть, едим и пьем, чтобы сохранить свое драгоценное существование; а в существовании нет никакого, ну ни малейшего смысла».

Стонет ветер в пещерах пустой башни.

Глава 16
Поиск

Милый друг твой не вернется
В этот город никогда…

Из песни

Стонет ветер на крыше пустого дома, высокого и одинокого, в каменном море без берегов. Город не изменился,

и ночь не закончилась. И так же смотрят на него черные глаза окон Адской Кухни в темноте.

Дентон выпрыгнул из вертолета, и не успел обмолвиться с Джоком ни единым словом: черная птица мгновенно взмыла и погрузилась в черную неопределенность.

Пилот сказал немногое; видно, он и знал не больше. Пол ждал его в своей загадочной комнате в отеле Тон. Кажется, он был ранен, и рана его была достаточно тяжелой. Нужно найти Пола и помочь ему выбраться из Нью-Йорка.

Большего Дентон не знал, а догадываться – не хотел. Он теперь был уверен – время откроет полностью весь занавес, сорвет его и выбросит. Только поезд все набирает скорость, управлять ним все труднее... странно будет, если никто не попадет под колеса.

Первый раз Дентон добирался к комнате брата не с парадного входа, а сверху, по пожарной лестнице, как вор или злодей с кинжалом под плащом. Кто-то наблюдал за ним сейчас, бесспорно. А может, Алекс потушил экраны? Это все, на что еще можно надеяться.

Узкое окно распахнулось с отвратительным скрипом, приняв в себя гибкую тень.

Оказавшись в полутемной спальне, не успев сделать и шагу, Дентон почувствовал: дом пуст. Здесь нет того, кого он ищет. Вообще никого нет.

Дентон сел на кровать, не скрываясь, и растерянно оперся ладонями о подушки. Что же происходит? Поднявшись, он обошел все помещения, заглянул в ванную и кладовку. Тайная ниша..?

Вскрыв панель на стене и набрав код, Дентон дождался, когда полупустые стеллажи для книг обнажат прикрытою пустоту. В открывшейся каморке остывал выключенный компьютер; на столе валялся желтый незаклеенный конверт. Дентон вытряхнул из него клочок бумаги.

«Джесс, мы опять не сможем встретиться...»

Дентон отбросил конверт. Порывшись в шкафу, он нашел столетнюю, затертую бутылку какого-то вина или портвейна: нельзя было понять. Темная непрозрачная жидкость наполнила стакан.. Дентон пил мелкими глотками, не чувствуя вкуса.

Почему? Опять не случилось, и апатия не давала даже поднять руки, чтобы дочитать письмо до конца. Но это нужно было сделать. Дентон опустошил еще один стакан, потом еще. Мир не дрогнул и не смягчился. Он развернул бумагу и прочел на этот раз до конца.

«Джесс, мы опять не сможем встретиться. Меня накрыли и здесь; я вынужден был уйти. Надеюсь, ты набрел на эту записку. Понимаю, о чем ты думаешь, и меня это беспокоит не меньше. Но ничего нет, что можно доверить бумаге. Не знаю ни одного надежного источника связи, но придется идти на риск. Сделай следующее: найди любой телефон-автомат, набери номер, где первые шесть цифр – год твоей встречи с Шейлой, две последних – возраст Ральфа Вудстока, друга нашего отца. Когда поднимут трубку, скажешь то, что сказал я тебе одиннадцать лет назад в Джуно, когда меня сбил автомобиль у арки... Когда прочтешь это, сожги бумагу и уходи: налет может произойти в любой момент.

Дентон наблюдал, как жадное пламя вгрызается в желтую материю и съедает ее до конца. Почему он должен уходить?

Легкий стук шагов в коридоре… Или показалось?

Дентон откинулся на спинку кресла. И думал. Ждал. Из кармана он извлек еще одну затертую бумажку.

«Остров Свободы – Адская Кухня – Аэродром – выход?

Дьявол. Дьявол…. Дьявол.

Скоро конец. Кто-нибудь узнает тайну?

Пол предупреждал. Он идет. Ждем».

Эта загадка разрешилась сама собой, оказавшись началом клубка. Это уже не загадка. Гори синим пламенем...

Дентон поднялся, порывистым движением обошел комнату. Смахнул несколько пустых жестяных банок со стола, провел рукой по полке над плитой… Ладонь уперлась во что-то мягкое и ветхое. Газеты. Он достал сверху стопку газет, аккуратно обвязанных полиэтиленовым шнуром. Тугой узел не давался, тогда Дентон просто взял и разрезал его. «Сын полночи». Подшивка за последние несколько лет. Ноябрь, апрель 2048. Несколько прошлогодних. Еще… Дентон не мог понять, зачем хранить этот хлам у себя в квартире. Он прошелся глазами по страницам – но не нашел никаких подчеркиваний, которыми брат любил испортить даже самую красивую книгу. Статьи – да, интересно почитать тому, для которого знание про эти годы вырезали.

14 октября 2047 года. «Земля не выдержит».

«На очередной встрече в Рио-де-Жанейро известный политик и общественный деятель Боб Пейдж назвал текущее десятилетие десятилетием безысходности. Он уверен, что истощенная планета не выдержит десятимиллиардной нагрузки перенаселения, людей, которые привыкли получать от Земли слишком многое и не думать о последствиях. «Человечество обмануто, - сказал Пейдж. – Несколько столетий

назад ему обещали всеобщее равенство и благоденствие. Когда в конце прошлого века стало очевидно, что это невозможно, а возможны бедствия и гибель, ему было обещано, что после всех бед все же найдется путь к спасению. Но это – еще один обман. Грехи людей перед Землей слишком накопились, чтобы было еще время их искупить. Президент Соединенных Штатов Генри Мид назвал Пейджа паникером…»

23 января 2048 года. «Бразилия пала. Кто следующий?».

«Маркс и Мальтус могут праздновать горькую победу. Призрак революции снова бродит, но уже не по Европе, а по всей планете. Стомиллионные толпы новых пролетариев, которым нечего терять и не на что надеяться, уже готовы к борьбе за новые идеалы, а точнее к борьбе за жизнь – на смерть. Осталось дождаться нового вождя…»

2 марта 2051 года. «Королева жертвует миллиард фунтов».

«Королева Великобритании объявила грядущую субботу Днем Скорби по жертвам Серой Смерти. Ожидается, что эта инициатива будет подхвачена лидерами других ведущих государств. По инициативе ООН создан фонд помощи жертвам Чумы. По данным Объединенных Наций, к середине марта этого года умрет миллиардный житель планеты, ставший жертвой страшной эпидемии…»

Миллиард… Дентон ощутил, что во рту у него совсем сухо.

«С нового года жертв Серой Смерти будут хоронить путем сжигания, а не погребения, в специально отведенных крематориях, построенных на международные пожертвования в пустыне Сахара. «Жертв слишком много, новые кладбища переполнены, - дал объяснения по этому поводу Боб Пейдж. – Если мы продолжим погребать наших родных и близких, то скоро превратим всю планету в одно сплошное кладбище, в братскую могилу, не помнящую имен. Поэтому человечеству просто необходимо пойти на эту моральную жертву. Сожжение – не худший способ погребения, так поступали гордые римляне, считая, что развеять прах усопшего по ветру достойнее, чем отдать на съедение червям. Родственникам будут выдаваться урны…»

9 марта 2051 года. «Катастрофы не избежать»

«После того, как Серая Смерть, эта очередная кара господня, обрушилась на головы изумленного человечества, стало очевидно – теперь взрыва не избежать. Если раньше оставалась слабая надежда, то с приходом эпидемии, вдобавок к массовым недовольствам в странах Великого Юга, голоду и экологическим проблемам, остается ждать конца света с минуты на минуту…»

Шаги были вот, совсем рядом. Характерная суета подбираемого ключа в замочной скважине. Дверь открылась, двое в черных костюмах и черных очках вошли с оружием в руках. Но остановились. В кресле, полуоблокотившись, со стаканом вина в руке сидел человек в темном пальто с высоким воротником и в очках. Незнакомец сделал пригласительный жест.

- Присаживайтесь, джентльмены. Хотите выпить? Или, может, кофе?

Один из пришельцев отошел в сторону. Дентон тщетно выискивал в нем признаки «растворенности» В *этом* их не было. Только слишком черные глаза под очками.

- Мистер Дентон, что вы здесь делаете?

Увидит ли он вообще когда-нибудь брата, удрученно думал Дентон, с раздражением переключаясь на разговор с черноглазыми.

- Что я делаю? Сижу в комнате моего брата.

- Вас не должно здесь быть. Пол Дентон вне закона и, по последним данным, он может скрываться здесь.

- Но, как видите, его здесь нет.

- У нас есть приказ произвести тщательный обыск.

- Обыск уже произведен. Мной, - голос Дентона стал глуше. - Ничего, что могло бы представлять интерес для Коалиции или господина Саймонса.

- Мистер Дентон, мы будем следовать приказам.

- Пожалуйста, - голос звенел жесткой вакуумной пустотой, - покиньте этот номер. Здесь ничего нет.

- Агент Дентон, - рука человека в черном скользнула к микронаушнику. - Вы уклоняетесь от взаимодействия. Это выход за черту. Я вынужден немедленно доложить...

Сейчас он доложит. О том, что Дентон был здесь, возможно, виделся со своим братом. И за ним начнется круглосуточное наблюдение. Даже Алекс ничего не сможет сделать. Надежда найти Пола будет похоронена. Круг замкнется.

- Нет! Стойте.

Этот голос всегда действовал на людей. Но этот черноглазый человек, видимо, был особого покроя.

- А вы знаете, что растворяетесь?

- Господин Стронг, у нас проблема. Здесь...

Два разрыва пустоты оглушили и отступили. Два тела взорвалось изнутри. Дентон закрыл тайную нишу и спрятал пистолет.

Время ускорило свой бег к финальной точке. Начался обратный отсчет.

***

На пороге Дентон лоб в лоб столкнулся со звездой. Это было так удивительно. Блеклая звезда светила бесконечно далеко, но она остановила его, как поднявшийся на дыбы пегас в дюйме от головы. А за спиной – пропасть… Из цельного бетона.

Сразу за углом ему повстречался ночной патруль – два солдата Коалиции, расслабленные дыханием ночи и пивными парами. Увидев темный силуэт, они остановились.

- Дентон – это Дентон! Привет.

Им ответило молчание.

- Послушай, тебе нужно это? Дай ему гранат, - обернулся он к своему спутнику и снова повернулся к Дентону. – Смотри, твой брат дал нам их. Газовые гранаты. Смотри, что написано в инструкции: «Вызывает воспаление всех слизистых оболочек. При длительном использовании может повредить дыхательные пути» При длительном использовании? – солдат нервно засмеялся. – Как будто мы собираемся продавать террористам сигареты!

- Скажи своему брату, пусть даст нам пару обойм в следующий раз, - подключился его спутник.

- Так тебе они нужны, Дентон?

- Оставьте их себе, - ответил Дентон. – Они сохраняют жизни.

Солдаты переглянулись.

- Жизнь террориста, ты имеешь в виду? Как ты похож на брата. Не будь таких, и люди были бы в безопасности.

- Наверное…

За искореженными остовами двух черных автомобилей состарившимся стражем стоял телефон-автомат. У Дентона откуда-то появилось ощущение, что там, возле автомата, было и исчезло что-то знакомое. Нематериальное, но явственно ощутимое в своей реальности. Лента не снятого фильма… Такая пустынная улица, и не верилось, что это – Нью-Йорк. Скорее, маленький провинциальный городок в новогодний вечер без снега. Только стройная фигура телефона-автомата и обломанные зубы небоскребов не давали обмануться. Скрылся в переулке сутулый бродяга, и поднятые ветром лоскуты из мусорного бака игриво завихрились у его ног. Пустыня Нью-Йорка. Приют дальних символов и ближних скованных холодом собак. Улыбка простуженного гнома.

Дентон неторопливо набрал нужные цифры плохо поддающимися одеревеневшими пальцами. Ответили сразу же, но ответили молчанием. Да, Дентон должен был начать первым. «Скажи то, что я сказал тебе одиннадцать лет назад…» Трудно, но необходимо вспомнить.

- Нет причин для страха – нас же двое. Значит, как-нибудь справимся.

- Ты помнишь… - Пол ответил сразу.

- Где ты сейчас? Что мне делать?

- Всему свое время. Я…

- Эти переключатели-убийцы, они действительно существуют? – Дентону показалось, он уловил сдержанный стон на том конце линии. – Действуют? Что с тобой будет?

- Боюсь, они засекречены. А что будет – узнаю через двадцать три часа.

- Мандерли сказал…сказал…

- Что я умру? Джесс, нам с тобой нужно покаяться перед Богом, ведь неизвестно, какое мгновение станет последним. С Эхом и переключателями-убийцами нельзя просто жить. Произошло многое, чего можно было избежать, и не без нашего участия. Еще и потому, что ты ничего не знаешь.

- Я хотел…

- Знаю. Возможно, если бы я доверился тебе тогда, и ты не уничтожил бы нас собственными руками. Все были бы целы…

- Это невозможно. Пол, я не стал бы вашим немым сообщником.

- Остерегись зарекаться, Джесс. Ведь ты не знаешь… даже себя. Те наноимплантанты, о которых ты пока так мало знаешь, могут быть активированы и запрограммированы на постепенное усиление, полностью преобразуя твою сущность.

- Достаточно загадок, брат. Мне больше хочется получить ответы на мои вопросы. Но не теперь. Джок ждет нас в Бэттери-парке, я увезу тебя в Гонконг и помогу скрыться. Скажи, где мне забрать тебя. Джок согласился помочь.

- Не так быстро, Джесс. Подожди. – На том конце линии хрипло вздохнули. – Я не могу покинуть Нью-Йорк сейчас. Здесь осталось незавершенное дело, которое не может ждать. И… ты единственный, кто может помочь.

- Помочь «Синему Цветку»?

- Ему уже не помочь. Джесс, я знаю, о чем ты думаешь. По телефону всего не скажешь, но: неужели ты так плохо знаешь меня, или одной ночи достаточно, чтобы потерять веру в человека? Брат, я не предал наших идеалов. Никогда. Я оказался вне закона именно потому, что остался слишком им

верен. В Коалиции берут взятки, агенство теперь – не более чем инструмент в руках могущественных заговорщиков. Они планируют подчинить себе правительства по всему миру. Знаю, звучит как параноидальный бред, но… В мире есть несколько оппозиционных радикальных групп вроде «Синего Цветка», которые могут определенным образом помочь в борьбе, и я приложил немало усилий, чтобы косвенно объединить их в одну схему. С «Синим Цветком» покончено, но остались «Силуэт» во Франции и некоторые другие организации. Они – наши союзники.

- Ваши, не мои… Чего ты хочешь?

- Джесс…

- Пол, ты связался с террористами, помни об этом, как бы ты это не называл. Итак?

- После твоих открытий они напали на след и разгромили штаб «Синего Цветка» здесь, в Нью-Йорке, в нескольких кварталах от отеля Тон. Там – сведения, которые позволят накрыть большую часть баз «Синего Цветка» на материке, а также наших союзников – за его пределами, в том числе «Силуэт» во Франции. Это конец, полное крушение, понимаешь? Но там же, в штабе, есть средства, с помощью которых можно послать сигнал SOS через спутник и спасти…

- И ты хочешь, чтобы этот сигнал послал я?

- Многие люди могут погибнуть. Например, мой друг Чад, лидер «Силуэта».

- Мне это имя ни о чем не говорит.

- Проверь штаб. Ты единственный, кого не остановят солдаты. Ты хочешь доказательств, помимо того очевидного, что происходит вокруг? Ты найдешь доказательства там. В подвале, запутанный среди мин-ловушек, стоит миникомпьютер с данными – мой отчет лидерам «Синего Цветка». Тебе достаточно прочесть его.

Пауза натянутой тетивой выдержала максимальное напряжение и дрогнула.

- Пол, прости, но я не террорист. Только ради тебя я согласен проверить эту базу, но это совсем не означает, что я стану вам помогать. Спасти тебя – все, ради чего я еще здесь. Будь готов лететь в Гонконг, когда я вернусь.

- Спасибо, Джесс. Я уверен, ты примешь правильное решение.

- Брат… Ты хоть понимаешь, что это крах всего? – Дентон краем глаза наблюдал за игрой света чьего-то карманного фонаря. – Всего, и навсегда.

- Крушение уже произошло, просто далеко лететь вниз, и

падение затянулось. Возврата не будет. Это страшно. Но есть кое-что и пострашнее. Посмотри на планету под фиолетовыми облаками. Нравится она тебе?

На том конце положили трубку.

Не исключено, что разговор был услышан тем, кем не должен был услышать. И тогда пальцы уже легли на спуск, готовые наблюдать за ним и остановить на любом шаге, когда посчитают нужным.

Тени, неясные тени. Дентон ощутил потребность согреться в каком-нибудь баре за чашкой кофе, хотя понимал: не все удастся отогреть. То, что он увидит Шейлу, его не тяготило: холодно-пусто было внутри при мыслях о ней. При мыслях о ком бы то ни было. О себе. О брате. О странном, уже не существующем Лебедеве и еще более призрачном Трейсере Т.

Тоска накатывалась только тогда, когда мозг сулил воспоминание о встрече солнца с морем на совершенном отрезке на берегу пять лет назад. И о городе по имени Мечта, который он возвел, а взойдя, увидел, что сверкающий мрамор и хрусталь просто… Просто пыль.

Задорная танцевальная музыка внутри, в погруженном в багрянец тумане, так контрастировала с поющей пустотой за окнами, что даже отрезвляла. Дентон, не торопясь, подошел к стойке и ровным голосом заказал кофе.

Шейла обернулась, тряхнув огненными локонами. Комендантский час и бессонные ночи никак не сказывались на ней.

- Принц?

- Я не принц, у меня забрали мое королевство. Просто бродячий Никто.

- Джесс… - она отступила на шаг. – У тебя лицо серое и губы такого же цвета.

- А я как хамелеон: приобретаю цвет моей среды.

- Не понимаю тебя… Джесс, помнишь наш последний разговор?

- Смутно…

- Я разорвала брачный договор.

Дентон промолчал, глядя в никуда.

- Не хочешь узнать, почему?

Он пожал плечами, не поворачивая головы

- Странно, Джесс, - Шейла закусила губу. – Я думала, ты отреагируешь по-другому. Теперь.

- «Теперь» - не существует, - мертво откликнулся Дентон. – Существует другой человек, для которого нет ни «было», ни «теперь», ни «будет». И его самого может не быть. Мне только

жаль твоего мужа – наверное, это хороший человек.

- Я не обижусь, Джесс, как бы резко ты ни говорил, - она едва коснулась его руки. – Я вижу: произошло что-то дурное. Ты не скажешь, я знаю. Уходи, но… можешь вернуться.

Дентон встал.

- Я вернусь, чтобы опять уйти. Проблема в другом: *он* не вернется.

На пороге, разделяющем два смежных зала, его чуть не сбила крупная фигура в зеленом. Дентон узнал этот цвет плесени.

- Филбен? Не часто ли мы встречаемся?

- Джесс Дентон, бесплатный вам совет: ищите укрытие. Коалиция планирует рейд.

- Зачем мне укрытие?

Филбен странно взглянул на него и произнес совершенно нелепую фразу:

- Я здесь просто отдыхаю. Просто выпить вина…

И поспешно отвернулся, разглядывая что-то на стене.

Дентон пожал плечами. Проходя мимо танцующей пары, он уловил отрывок из разговора:

- Удивительная легенда современности. Он живет в лесу, как Робин Гуд, помогает добрым людям, его никто не видел. Как Фантом. Он может все, даже летать.

- Комиксы о Силуэте, слышал, стали самой читаемой книгой этого десятилетия. Они уже сняли около десятка фильмов.

- Удивительно вот что: кто-то всерьез полагает, что он существует.

- Да. Дети, например…

Уноси меня, ветер, - Дентон вышел на знакомую и чужую улицу. Там на углу притаился в норе Пират. А рядом, на баскетбольной площадке, чуть не убили человека. В парке на другом конце переулка трава, пожалуй, еще не просохла от крови после боя с террористами.

Без всякой видимой связи Дентон подумал: приключение происходит в самый серый, самый обычный день, выбирая для себя неинтересные пустыри, замшелые углы, доказанные теоремы. Можно стать героем приключения, но чаще – его жертвой.

Он не пойдет к Пирату. Не станет навещать Рентонов. В неуютной муниципальной клинике никто не ждет, и некому излечить его недуг. Все, что есть его в этом городе: голые вершины пустых домов и пятна света под фонарями. А теперь – что делать?

В каком-то отупении Дентон остановился на тротуаре и замер. Потом его ударило током: он проснулся. Проснулся от звука отсчитываемых секунд. Каждое колебание маятника заставляло дрожать.

Агент Наварре убита. Часы отсчитывают секунды. Двое не совсем людей убиты ним. Время бежит. Пол может умереть, на него началась охота. Мгновения смеются над ним и истекают. В любой момент о том, что произошло, могут узнать, если еще не знают, и за чертой закона окажется он сам. Конвульсии стрелок входят в резонанс с биением его сердца. Прошлое рушится, будущее надвигается. Ритм часов ударом молота бьет по голове. Кто-то мертв, кто-то будет мертв, кто-то потерян… Потерян. Убийственная волна, лавина Времени водопадом рушится на него, разбивает, сбрасывает в пропасть и летит вниз рядом, обгоняя и смеясь нехорошим несмехом.

Что он здесь делает? Рука ощутила холод рифленой стали. Бежать…

Человек в темном пальто превратился в тень. Следящий из окна удивился бы, как быстро может двигаться тень.

Глава 17
Превращение

Мне некуда деться,
Свой мир я разрушил.
По мне плачет только свеча
На холодной заре…
Ария

Холод. Когда у Холода нет силы, чтобы оцепенением (разрушением?) утолять себя, воплощаясь в жизнь, он превращается в Ночной Город. У которого нет ничего, кроме Зубов, Теней и Пропастей. И трудно уйти тому, кого выбросили в Его владения без права на возвращение. Тогда уже нет смысла рассчитывать на крепость: только временные бастионы, и каждый придется рано или поздно покинуть…

Город, я не хочу понять тебя. Город, я не люблю тебя…

Шаги, неслышно оставляемые кожаными сапогами, творят историю на узкой улице трущобного Нью-Йорка. У них один выбор – идти, нести идущего к цели за ребрами бетонных блоков. Дентон нашел путь к базе без труда: полиция открыла вход в аллею позади бара, всегда закрытую, и достаточно было

следовать за зелеными табличками «вход только для спецназа» с красной каймой, специфичной для Коалиции. Они, как неформальные указатели, привели его к переулку, перекрытому заградительными тумбами и баррикадами. Оставленный узкий проход охранял солдат с автоматом. Джесс узнал его – рядового Ллойда он видел несколько раз в Академии.

- Ллойд? Кажется, тебя бросают из наряда в наряд.

- Я думал, тебя отправили в Гонконг, - Ллойд внимательно посмотрел на Дентона.

- Ближе к утру. Мне нужно еще укомплектовать кое-что из снаряжения перед долгой дорогой… Ты не возражаешь, если я осмотрюсь?

Дентон ожидал возражений. Но их не последовало.

- Конечно, давай.

Это насторожило в глубине души, но Дентон не придал значения. Завернув за угол, он не увидел уже никого. Большой дом, столь похожий на обычные складские помещения или офисы какой-нибудь небольшой фирмы. Несколько слитых воедино бетонных коробок с решетчатыми окнами: контора, мелкое правительственное бюро, подсобное помещение компании… Только несколько мощных спутниковых тарелок, выступавших над крышей, и обходившие периметр солдаты не давали обмануться. Один из центров организации, чье имя угрожающе красными буквами горело над страной. Он идет не для того, чтобы уничтожить их раз и навсегда? Завершить то, что им почти сделано? С предательским учетом возможности их спасения. Кто-то сошел с ума…

Солдаты провожали его дружественными окликами. «Привет, агент. Сейчас на задании?» «Здесь работы на недели, мы ждем специалистов.» ««Ваш брат оставил нам довольно хрупкий материал…» «И вас к нам в помощь прислали?»

Это был не взвод сержанта Берри – другие, но и здесь Дентон знал почти всех. Глядя на приветливые лица этих наемников, Дентон испытал ощущение сродни бодрости обмытого холодной водой лица. Коалиция, она все та же, цельная и порядочная. Пусть это наемники, но им не все равно, за что получать деньги. Их этика творцов мира не позволит закрывать глаза на все. Если, конечно, они будут знать все…

(Странно приветливые лица).

Все усложнялось одним «но». Его брат. Он не мог лгать – никогда. Он не стал бы противостоять Коалиции, не будь он уверен в том, что это не страшная ошибка.

Дентон проверит эту дыру до конца. Он выполнит свой долг перед Полом, несмотря на долгое недоверие, остальное – менее важно.

Этажи, пустые и неинтересные, развлеченные лишь кое-где ящиками с оружием, вызывали недоумение. На третьем этаже Дентон нашел темную комнату, насыщенную мерцанием мониторов. Какой-то вычислительный центр...

Уже интереснее. Дентон вошел, но замер у стены, ощутив чье-то присутствие. На переднем крае переговаривались рядовой и смутно знакомый капитан.

- Нет, серьезно? Зачем Коалиции такие деньги?

- Почему тебя это интересует. Это странный вопрос. Тебя наняли на работу, об остальном позаботятся.

- Именно поэтому я не иду спрашивать у Мандерли или Саймонса. Но ведь мы можем подумать?

- Такое снабжение агенство начало получать после того, как ним заинтересовался Уолтон Саймонс. Вспомни, какой объем работы выполняет Коалиция. Сотни горячих точек. Преступные общества и организации. Если бы не Уолтон Саймонс, мы бы до сих пор носили те маленькие белые шлемы, помнишь? А бронежилеты...

- Думаю, у Саймонса тоже есть определенные интересы в Коалиции.

- Вряд ли. Знаешь, что я думаю о Саймонсе? Несмотря на немного угрюмый вид, он один из тех, кого называют филантропом... Ты знаешь, кто такой филантроп?

- Ну да... это как Ницше?

- Да нет, филантроп, тот, кто делает людям добро бескорыстно, из внутренней потребности. - Почему-то нечто зловещее скользнуло в разговоре. - Вспомни, сколько он уже сделал. Думаю, именно поэтому он согласился стать главой учреждения, которое занимается спасением людей от бедствий, катастроф...

- И?

- Саймонс думает о тех, с кем сотрудничает. У нас общий предмет интереса: Сома. Серая Смерть – самое главное бедствие для Америки сегодня. А распространение лекарства находится под контролем Коалиции. Не удивительно, что Саймонс заинтересован помогать нам.

- Я понял. Значит, удалить этот файл? На всякий случай?

- Нет, лучше всю директорию.

Дентон тихо покинул комнату, не выдав присутствия. Дальнейший поиск обретал смысл.

Четвертый этаж тоже пуст. Дентон начал понимать: он не совсем пуст, далеко не пуст. Но нужен ключ, открывающий закрытые двери. В маленькой комнате-нише Дентон нашел компьютер охраны и, как вор, взломал защиту и проник в систему. Так и есть, система охраны позволяла открыть проход в полу, отодвинув цельную плиту. Плита закрывала путь в подземные уровни.

«Запутанный в минах-ловушках, стоит компьютер с данными…» Там он найдет все.

Как-то странно все это выглядело. Они ходят; они сейчас думают. О чем? Надо взять одного-двух солдат с собой, подумал Дентон. Но, взглянув на инертную фигуру на прямой линии коридора, передумал. Свежесть умывания улетучилась. Вернулась память мира.

Он слетел на нижний этаж и, едва не врезавшись в ремонтного робота, исчез в узком отверстии в полу. Никто, видимо, не обратил внимания.

Под землей встретил непривычно сухой и несытый воздух. Ни намека на сырость, тление или спертость. Холодная непредвзятая сухость требовала соответствия. Вскоре Дентон убедился в этом, разглядев благодаря экранам своих очков мерцание тонких голубых ниточек. Они были везде, образуя паутину. Лазерные ловушки; нарушение каждой и следующий за ним взрыв угрожал смертью либо тяжелыми потерями.

Стены подземных коридоров были покрыты оригинальным темно-коричневым кирпичом, отшлифованным не без вмешательства времени. Старая постройка, но, видимо, автономная. Это не часть городского коллектора либо метро. Так непохоже на бездонный и необъятно-темный Город Кротов. Но не это привлекло внимание. Дентон невольно отшатнулся, когда увидел: оплетенные лазерными паутинками, вдоль всего коридора грозным строем тянулись ящики с динамитом. Из темных щелей, как из бойниц, слепо смотрели стволы автономных турелей. Стоит потревожить один, и произойдет цепная реакция…

Это здание находится на пороховой бочке. Стоит попасть сюда нежелательному элементу, и будет уничтожено все, до пыли в этих коридорчиках.

Дентон использовал последнюю батарею, чтобы активировать прерыватель. Он дополнял лазерную цепь в месте разрыва, и механизм не срабатывал. Догадка подтвердилась – концы коридоров не терялись в бесконечности; очень скоро Дентон вошел в невзрачное помещение, цвет которого был мерцающе-серым. В шкафу с прозрачными дверцами светились

голубым экраны мини-компьютеров. Дентон потянулся к одному из них с чувством переходящего черту. В то же время появилось ощущение утраченного главного: это будет узнано, но это осколок, который не меняет дела...

«Командир Гринальди, мной были проверены те каналы, о которых мы говорили. Все наши подозрения полностью подтверждены. Агенство на острове Свободы получает от ФЕМА деньги, перечисляемые на счет некоего Алана Говарда, номер счета в Федеральном Банке USN450729078. Но это не взятка – это содержание. В центральном терминале Коалиции засекречен документ, с которым мне удалось ознакомиться до его уничтожения. Инструкции Саймонса по поводу ключевых операций на следующий месяц. По форме – рекомендации, но по содержанию – четкие требования. Видимо, Уолтон Саймонс – не только глава ФЕМА, его статус определяется и другими, нам неизвестными обстоятельствами. И поэтому существует негласное, противозаконное подчинение Коалиции Саймонсу лично при молчаливом одобрении неведомых нам, но могущественных кругов. Положение усугубляется тем, что формально Коалиция остается независимым международным органом ООН. Эта подчиненность, будучи скрытой, держится на конкретных людях. Скорее всего – это директор агенства Джозеф Мандерли, возможно также – агент Гюнтер Герман и капитан Брайан Кэрри. Власть Уолтона Саймонса исходит не из ФЕМА, я продолжаю отслеживать его связи, хотя это связано с большими трудностями. Предполагаемый источник – влиятельная группа интересов, не обязательно в пределах США. Эта группа интересов, должно быть, имеет мощную опору в ООН, о чем свидетельствует резкое увеличение в финансировании и расширение «самоуправления» агенства за последние пять лет. Об интересе данной группы, о причине ее особого внимания к Коалиции можно догадываться. Мне кажется, главный источник – контроль за распространением вакцины Сомы. Видимо, кому-то крайне необходимо подчинить этот контроль себе. Учитывая крайний дефицит вакцины в Штатах и за их пределами, очень важно ответить на вопрос: зачем? Кроме того, в интересах Группы должно быть уничтожение «Синего Цветка», французского «Силуэта», триад Гонконга и ученых-диссидентов из Района 51. Именно эти объекты являются в настоящий момент целевыми для Коалиции, тогда как, например, исламские террористы и экстремистские организации, латиноамериканские преступные группы остаются практически без внимания.

Остальные предположения будут высказаны в следующем докладе, ибо пока не подтверждены данными. К докладу прилагаю: некоторые счетные договора Дж. Мандерли и Брайана Кэрри с электронными подписями, инструкции Саймонса в личном письме к Мандерли, материалы брифинга с участием Саймонса, полученные с помощью прослушивающих устройств; отрывки из личного дела Уолтона Саймонса, составленного мной лично, ибо в природе его не существует.

Все ложь, подумал Дентон спокойно и даже удивился, зачем Пол посылал его сюда. Счетные договора? Взглянув на экран еще раз, Дентон вспомнил, чей голос наверху назвал Уолтона Саймонса филантропом. Капитан Кэрри…

Потом он пробежал письмо Саймонса Мандерли, помеченной припиской «воспроизведено по памяти».

«Рыцарь-Убийца,

Я не доволен вами. В наших общих интересах, чтобы утечка вакцины была обнаружена до конца недели. Используйте пленных до того момента, пока они нам полезны.

Замечены симптомы грядущего бунта в Манхеттене. Примите меры, пока это возможно. Вы знаете ваши полномочия.

И последнее: наблюдайте за нашим подопечным двадцать четыре часа в сутки. Возможно, он заменит брата.

Крадущийся.

Примечание: Рыцарь-Убийца и Крадущийся – сетевые ники для Мандерли и Саймонса»

Даже если это подделка, в письме не говорится ни о чем, что бы не делалось в интересах Коалиции, подумал Дентон, но как-то неуверенно. Поиск Амброзии, предотвращение бунта… Личное Дело Саймонса было очень большим, чтобы прочесть его быстро. Дентон оставил его в своей базе данных. Позже…

Это ничего не доказывает. Дентон не только не был убежден, он даже не усомнился. Он не видел стройной картины, не видел причин и мотивов мнимых «заговорщиков». Вместо этого – набор несогласованных фактов, якобы доказывающих… что? Воспоминания, смутные знаки и полунамеки подсказывали продолжение, но Дентон отталкивал его…

Машина убийства – так называли его все – редко в глаза, но за спиной, определенно, чаще. Система наблюдения и переключателей убийц. Что ж, это необходимая часть обеспечения в такой работе. Разговоры бродяг из города кротов. Бред отчаявшихся. Слова террористов из «Синего цветка». Но это оправдания убийц. Синий Цветок… просто

цветок. Как и чепуха, которую нес Лебедев. Слова брата... Он сам обманут. А автор этого доклада – совсем не он. Или что-то еще...

И эта долгая-долгая ночь.

Нельзя же, в самом деле, предположить, что кому-то выгодно ограничение вакцины. Кто-то хочет смерти миллионов людей от эпидемии? Нелепо. Нет, этого недостаточно, чтобы поломать себя и вывернуть наизнанку. Позволить обрушиться всем планам и надеждам. Даже всего, что произошло. Нужен...

Вот, кто нужен. Он стоял в начале коридора, проникший сквозь лазерный заслон так же умело, коварный наблюдатель из-за угла.

- Что ты здесь делаешь? - истерично-грубо спросил капитан Кэрри.

- Вы всегда относились ко мне настороженно...

- Пошел к черту отсюда, Дентон! Это территория запрета, кто тебя сюда пустил?

- Но я никогда не обижался. Ни на кого...

- Убирайся, я сказал, что, оглох? Мы еще проверим, что ты здесь вынюхивал.

- Я и сейчас не обижусь...

Лицо капитана перекосилось от злости, размытой каким-то испугом.

- Если вы ответите на единственный вопрос. Сколько вам, лично вам платит Уолтон Саймонс за то, чтобы вы помогали ему распоряжаться Коалицией и молчать о том, чего не следует говорить?

Посмотрев на изменившееся лицо офицера, Дентон с обреченностью понял: правда. Все – правда.

Побагровевший Кэрри схватил ртом воздух и, наконец, произнес:

- Дентон, чертов террорист, ты арестован за подрывную деятельность против Коалиции и за помощь террористам. Сними свои чертовы... - Дентон хорошо видел его манипуляции с мининаушником.

- Оставьте переговорное устройство в покое.

- Свои очки. Ты...

Выстрел утонул в толще бетонированной мощи.

Он не хотел этого делать.

Надвигалась буря неведомых форм, угрожающая. В голове была пустота.

Дентон оказался наверху. Никто не обратил на него внимания. Надо сказать им, подумал он, но поостерегся. Потом, когда будет выполнено обещанное. На его руках этой

ночью уже жизни четверых, из них по крайней мере один – точно человек. И он собирается нанести удар в спину. Но он еще не против Коалиции. Нет... Должно быть расследование, пусть вмешается Президент. Кажется, Пол встречался с Президентом пару раз. И тогда – или всплывет чудовищный обман, или он – самый запутавшийся, пропавший и погибший для мира безумец...

Дентон поменял очки на другие, где темнота стекол была прозрачнее, и неторопливо поднялся на самый верх. Солдаты, выполняя однажды заданный алгоритм, двигались целенаправленно и неосмысленно. Дентон вдруг перестал улавливать в их лицах прежнюю приветливость.

На крыше его остановили двое: старый знакомец ветер ночи и бесстрастный патрульный.

- Агент, сюда вам нельзя.
- У меня распоряжение собрать кое-какие данные.
- Капитан лично приказал не допускать на крышу, в центр связи, никого, кроме него самого и, если возникнет необходимость, Уолтона Саймонса.
- Саймонс, да... Но вы ведь знаете, приказы капитана Кэрри на меня не распространяются. Я подчиняюсь напрямую Джозефу Мандерли – и только ему. Тем более, Кэрри знает, что я здесь. Я виделся с ним и говорил пять минут назад.
- Агент, вы же знаете порядок. Я не принимаю решения – только выполняю приказ.
- Вы можете поверить мне, - глаза встретили глаза и удержали мгновение. Патрульный отступил в сторону.
- Тем не менее, агент, я доложу сержанту при смене караула.
- Разумеется.

Дентон прошел мимо огромных спутниковых тарелок, чувствуя взгляд над собой и движение темно-сизого неба. Он вошел в будку связи и положил пальцы на клавиатуру терминала, вспоминая то, что старательно изучал в Академии как Основной Предмет. Преодоление хрупкой защиты из символов; символов бесконечное множество, в защите символ может даже не иметь смысла и быть хаосом знаков, ведь он уже обретает значение как барьер. Ключ один, он сам просит познать себя, нужно только небольшое усилие... Проникновение в океан электронных кодов, свой отдельный космос, где равновесие такое призрачное, и где необъятность настолько необозрима, что можно усомниться, какой из миров истинный, а какой подменен псевдореальностью.

Поворот Северной, Южной и Восточной тарелок. Установка связи с теми, кого он не увидит никогда. Авторизация. Отправление сигнала бедствия. Все, назад не вернуться.

Безотносительные импульсы в пустоте, разные по длине, обретают смысл где-то за горизонтом, и люди мечутся в тревоге, круша свои норы, в разных местах по всей планете, под солнцем, снегом или луной. SOS. Никто не узнает, на каком холме спасутся, в каком озере утонут… Никто не узнает, нужно ли спасение ему…

Дентон, оправившись от вызванного изнутри замешательства, должен был принять новый удар. Он не переступил за порог, остановленный пробуждением Эха. Дентон приготовился услышать высокий, немного заунывный голос Алекса.

Но голос был иной. *Тот*, охлаждающий кровь.

- Дентон? Это Уолтон Саймонс. Вы оказались дорогой ошибкой. Я приказал солдатам убить вас, потому что у меня нет ни времени, ни желания ждать, пока один из этих чертовых переключателей-убийц сработает!

Змей шипел, змей плевался ядом, но страха не было. Страх сгорел. Только мысль сквозь пленку опустошенности: он сделал змею неприятно, и месть будет скорой и сокрушительной. Возвращения нет – теперь точно. И еще – Алекс не единственный, у кого есть средства для наблюдения за ним. Возможно, далеко не единственный. Наивным было полагать, что тот, в кого внедрен червь переключателей-убийц, не будет ходить под постоянным прицелом чьего-то ока…

Его даже не интересовало, как давно Саймонс наблюдает за ним. Вряд ли давно; иначе он бы не допустил отправки сигнала бедствия, разрушающей его планы. Саймонс приказал солдатам убить его. Он, не имеющий к Коалиции никакого формального отношения. Те, кто знает Дентона не один день, пойдут на это?

Интересно посмотреть.

Только топот ног озадачивал. Шаг через порог, так решительно спрогнозированный, снова не был сделан, когда сквозь стекло окна он увидел несколько бегущих в комнату связи бойцов с автоматами на боевом взводе. Свинцовая прядь расплескала стекло, заставив Дентона пригнуть голову. Он повернул внутренний засов на двери.

Кажется, его не узнали. Он снова поднялся, и только молниеносная реакция спасла от контакта с дарующей смерть.

- Эй, ребята, в кого вы стреляете? - крикнул он. - Мне

нужно поговорить с вами! Произошла ошибка.

Ответом были отчужденные агрессивные реплики. «Заходим с окна!» «Он очень опасен!» «Террорист вооружен.»

Террорист? Он?

- Вам отдал приказ Уолтон Саймонс, - снова крикнул он. - Этот приказ не имеет законной силы. Вы солдаты Коалиции а не личная гвардия Саймонса.

Ответа не было. Он расслышал отдаленное «машина убийства… очень коварен».

Руки опустились. Да, солдаты убьют его, сомнений больше не было. Потому что в их глазах он – не один из них, возможно, даже не человек. Машина убийства, которая вышла из строя и опасна. Ему говорили это в лицо другие, а эти – прикрывали дружелюбием ту же мысль. Чужой с никому неведомым прошлым, который работает ночью и там, где не могут другие, убийца высокого класса – не более. Он вспомнил враждебные отчужденные взгляды, так много. Будто они знали или подозревали что-то, чего он сам не знал. Хм…

Вести переговоры бессмысленно. Дентон встал и прислонился к стене. Темнота в небе страдала вместе с ним, в то время как он не страдал. Безразлично, как машина. Он собирался.

Плотная тень ядром рванулась из разбитого окна. Сбив одного охотника и заслонившись другим, она без задержки перелетела через край крыши и, приземлившись на вершине соседнего дома, просочилась в открытый люк.

Ни слова больше, мрачно думал Дентон, спускаясь по лестнице темного дома и сжимая ладонь на рукояти пистолета. Ни о чем не думать. Ничего не вернуть. Он обдумает потом, когда… когда будет легче.

Три выстрела срезали троих автоматчиков на входе. Он знал всех троих. Когда-то, раньше. Взяв в руки автомат, он медленно пошел по тротуару в сторону перекрытой дороги. Его не волновало, что сейчас на дороге появится целый взвод бойцов-наемников. Отдельные очереди попадали в цель. Дурная пуля попала в ногу выше колена, но Дентон не изменил ритмов движения.

На выходе из дворовой зоны стояли в ожидании два десятка солдат. Напротив замер человек в темном пальто с высоким воротником. Каждый держал его на прицеле. Вперед вышел сержант.

- Положите оружие и держите руки так, чтобы мы их видели. У нас приказ убить тебя, но я приму твою капитуляцию, Дентон.

- Приказ Уолтона Саймонса? Так за дело. Зачем капитуляция? Как вы можете нарушить *его* приказ?

- Приказ отдал лично Мандерли. Не знаю, о чем ты. Ты убил капитана Кэрри. Мы нашли тело.

- Вам не интересно узнать, почему я это сделал?

- Террорист всегда себя оправдает. Цели и мотив его действий часто высоки и достойны одобрения. Главное ведь не мотив. Главное то, что террорист пренебрегает всем в выборе средств для достижения этой цели. Даже чужими жизнями, которые ему не принадлежат. Вот что называется террористом. Вот с чем мы боремся.

- Это была самооборона...

- Ты пошел по стопам своего брата. Это можно было предвидеть. Такие, как вы, темные лошадки, всегда двулики. Зачем прибегать теперь к обману? Это не поможет.

Дентон грустно покачал головой.

- Я думал, мы были одной командой. Но теперь вижу, что бывает и так: люди спасают тебе жизнь сегодня, чтобы завтра без раздумий ее отнять по чужому слову. Сложно... Но я знаю теперь хотя бы одно: от вас нечего ожидать.

- Бросай оружие, - сержант дал сигнал бойцам. - Или стреляем на поражение.

Дентон провел рукой по лицу.

- Наверное, я уйду в отставку.

Наступившая тишина напряглась перед взрывом, и в следующий момент человек-тень рванулся в сторону, в темноту подворотен со скоростью не-человека. Смертоносный ливень рвущего металла рассекал пустоту повсюду в этой точке реальности. Солдаты не сомневались в успехе, несмотря на начальное замешательство. Он нырнул в темноту, но они с бездумной сосредоточенностью зачищали каждый угол, ловили на лету каждое движение, продвигаясь с завидной быстротой. Где-то повис крик... Только тела не нашли.

Ничего. Сейчас дьявол ушел. Но это ничего не меняет. Все уже предрешено.

Глава 18
Прыжок

Мир все равно, что ад, в котором люди, с одной стороны, мучимые души, а с другой – дьяволы.

Артур Шопенгауер

Красивое небо. Он так редко смотрел в него последние дни... то есть в последние ночи. То есть в последнюю ночь. Звезды были прозрачны, несмотря на их плотную яркость. Да, прозрачны, потому что за каждой просматривалось что-то большее. Вырывающаяся из игольных отверстий Чистота, непереносимая глазом, а потому заслоненная черным забралом ночного неба. А там, на севере – забрало чернее. Облака надвигаются. Видимо, звезды вскоре видны не будут. А потому – стоит задержать взгляд...

Он не ошибся. Не прошло и десяти минут, когда гнетущее молчание природы прорвала первая упругая капля дождя. Еще минута – и вся сдерживаемая ярость ливня обрушилась на оторопевший город. Дентон обрадовался. Он утратил лояльность, и так, под дождем, легче было перенести преображение. А дождь все шел, и шел, и шел... Потом перестал.

Улицы молчат. Улицы – знакомые и чужие. Они ждут. Ждут того, что будет. Наверное, они знают то, чего он знать не хочет. Что-то цвета расплесканных на тротуаре мозгов. Кроваво-красные вывески и черные пустоты окон. Чья это обитель? Чей праздник...

Дентон вошел в отель с центрального хода. На пороге лежал засохший полевой цветок. Нет, слава богу, не синий. Просто полевой цветок, необычный атрибут Адской Кухни. Он решил подобрать его, но передумал в последний момент. Достаточно знаков. Хотя сухой цветок, видимо... желал, чтоб его подобрали.

В прихожей Дентон привычно собрался увидеть Гилберта Рентона, владельца отеля, поливающего цветы. Только прихожая пустовала. Кто-то вполголоса переговаривался в маленькой комнате слева.

У стены стоял Рентон с дочерью. Сандра кусала губы, но лицо было сухим – оно было освобождено от слез. Оба выглядели крайне обеспокоенными.

- У Коалиции, кажется, есть дела поважнее... Привет, Джесс.

- Мистер Рентон. У меня мало времени, но... нужна моя помощь? - поинтересовался Дентон мертвым голосом. - Кажется, что-то случилось.

- Да, этот Йойо, ты, наверное, слышал о нем? Местный головорез, связанный с «Синим Цветком». Он пришел и потребовал укрытия в моем отеле, объявил его своей территорией и терроризирует нас вместе с двумя своими

бандитами. А теперь еще и…

- Где они? - оборвал Дентон нетерпеливо и крайне невежливо.

- На месте не сидят…

Дентон не дослушал до конца. Выйдя снова в прихожую, он на лестнице столкнулся со всеми тремя.

- Убирайтесь из этого отеля. У вас десять секунд. Я – убийца.

Глухой, негнущийся голос. Он мог испугать. Только у людей, кроме страха, есть еще сильный шов – инерция следования сценарию. Они могут его поменять, но сорвать сразу – трудно.

Поэтому Йойо действовал по сценарию, дрогнувшим голосом.

- Если ты это мне…

Не следовало тратиться на целую фразу. Достаточно было одного слова. Три выстрела – два крика – три трупа. Дентон переступил через них.

- Мистер Рентон, у меня нет времени убрать их.

Ни капли жалости или дисгармонии в вакуумном сознании. Досадное препятствие. Перегруженный мозг даже отказывался анализировать текущую реальность.

Убийца?

Дентон остановился перед комнатой брата, глубоко вздохнул и тихо постучал. Он не рассчитывал на ответ – ответа и не был. Дентон клацнул наноключом, вошел, запер дверь за собой.

Пол сидел в кресле в углу, там, где больше часа назад сидел сам Дентон. В комнате уже было убрано. Она тускнела равнодушной чистотой.

Дентон остановился. Так непривычно было видеть брата теперь, так… Что-то ломалось внутри. Казалось, он сейчас побежит и задушит Пола в объятиях. По сценарию. Только ничего не произошло. Дентон подошел к окну и увидел, как в город входят солдаты в униформе Коалиции. Уверенная, твердая поступь тех, за которыми стоит Организация. Так легко, когда за тобой стоит Организация. Так сложно оказаться одному… Дентон вернулся к креслу и стал напротив, подавив какой-то конвульсивный вздох.

- Твой этот Чад, должно быть, получил сигнал. Давай убираться отсюда: *они* ищут нас обоих. Они уже нашли нас.

- Послушай, что я хочу тебе сказать. У нас не много времени. - Пол отрывисто закашлял.

- Ты сейчас говоришь точь-в-точь, как Лебедев… Как ты

себя чувствуешь? Этот чертов переключатель продолжает действовать?

- Да нет... Простуда, и только. Меня убивает другое...
- То, что у них такая власть?
- Власть, да... Помнишь маму и папу?
- Ты думаешь, они знали? И если знали, то о чем?
- Дело не только в этом. Многое прояснилось для меня, и теперь необходимо, чтобы знал и ты...
- Ты тоже думаешь, что они не были настоящими?
- Лебедев думал так. Он был уверен, что у нас нет ДНК наших родителей.
- Лебедев говорил, что у нас вообще не было родителей. Интересно, что он имел в виду? Но я уверен: даже те родители, которых мы знали, никогда не согласились на что-либо, подобное переключателям-убийцам.
- Они ни о чем не ведали – и ничего не решали. Помни, я знал их дольше, чем ты. А после того, что произошло... Ты нашел материалы, которые я собрал по Уолтону Саймонсу, по этому хамелеону? - вдруг перешел Пол без связи.
- Долго было читать, - признался Дентон. - Но у меня по Саймонсу один вопрос. Когда я послал сигнал SOS, он дал приказ войскам начинать на нас охоту. Откуда у ФЕМА такая власть над Коалицией? Я думал, ФЕМА – это ведомство, которое занимается землетрясениями, ураганами, наводнениями и прочими чрезвычайными ситуациями.
- Его власть исходит не из ФЕМА. Они принадлежат к группе Маджестик-12, ставящей целью мировое господство путем подчинения правительств великих держав, международных организаций, мирового капитала и СМИ. Мы не знаем ничего, кроме имени.
- Почему ты обманывал меня? Не мог сказать сразу?

Шум за дверью – наглый, бесцеремонный.

- Агент Дентон! - он узнал глухой голос – один из тех, какие принадлежат «растворенным». - Положите оружие на пол и подойдите к двери.
- Коалиция! - изумленно обернулся Дентон. Он ожидал этого, и тем не менее был застигнут врасплох.
- Давай через окно в ванной, по пожарной лестнице! - поторопил Пол. - Быстро!

Дентон сделал шаг, но, видя, что Пол даже не шевельнулся, замер.

- А ты?
- Я выберусь позже. Задержу их немного.
- Откройте дверь! - шумело по ту сторону.

- Не будь дураком! Беги!

- Конечно, - Дентон будто потух и, сняв автомат с предохранителя, стал напротив двери.

Дверь вышибло взрывной волной. Не ожидая, пока рассеется дым, Дентон отскочил, беспрестанно поливая огнем открывшийся проем. Рядом заработал дробовик Пола. Взрывающиеся тела растворенных убивали своих же, довершая дело.

Странной была наступившая тишина.

- Что, все? - Пол снова устало опустился в кресло, потом встал и начал ходить из угла в угол.

- Видно, на интенсивную атаку они пока не настроены, - кивнул Дентон. - Ждут. Только чего...

- Пират из Адской Кухни поможет мне покинуть Нью-Йорк, он в долгу у меня. Серьезно, Джесс, спасайся сам.

- Не говори мне этого. Не стоит.

Пол, всегда невозмутимый, как скала, вдруг резким движением смел со стола то, что осталось не опрокинутым после первого визита Дентона. Прозрачный звон потушил рокот отчаяния. Дентон удивленно посмотрел на старшего брата. В глазах Пола было страдание.

- Уходи, дурак, - он приблизился к Дентону на расстояние шага и прошептал, - Пойми, моим переключателям убийцам остались считанные часы до судного момента. Так или иначе – со мной покончено.

Последние слова были произнесены почти неслышно. Чтобы быть услышанными.

Лицо Дентона, словно лицо мертвеца, не изменилось.

- Если весь вопрос в этом, то не переживай, брат. Мой переключатель тоже включен. Заботливыми руками Уолтона Саймонса.

- У тебя есть шанс. Если ты найдешь в течение суток Трейсера Тонга в Гонконге...

- Трейсер Тонг, - кивнул Дентон. - Вот, кого мы выпустили из внимания.

- Не время сейчас, - Пол осмотрел свои руки и перевел взгляд на брата. - Ну что, будем выбираться?

- Да, - Дентон сжал Полу руку выше локтя, затем защёлкнул пояс термооптика. У тебя есть план?

- Есть несколько вариантов...

- У меня есть план. Знаешь, кто занял отель? Взвод сержанта Берри.

- Я тоже узнал солдат. Ну и что?

- Я бы поговорил с Майком. Он всегда очень уважал тебя

и…

- Нет, Джесс, ты ошибаешься. Ты забыл: это мы принадлежим к ним. Теперь мы ушли, мы – террористы, и ни у одного из них не дрогнет рука на спуске. Или ты не убедился еще в этом на базе «Синего Цветка»?

- Да… но я все же попробовал бы.

- Ладно… - Пол взял телефон и набрал номер. - Там, как ни странно, не отклонили вызов. Сухой голос сказал «да».

- Это Пол Дентон. Вы не могли бы зайти на несколько слов?

Накаленной, взрывоопасной была атмосфера на линии.

- Хорошо, - разрядил ее адресат.

Через минуту в дверном проеме замерла крупная фигура в буро-зеленой форме, защитной маске и шлеме. Дентон не мог избавиться от ощущения, что пришедший сейчас омертвит лицо, поднимет автомат и, крикнув заветное «террорист!», откроет огонь.

Этого не произошло.

- Садитесь, Майк, - Пол махнул стволом в сторону кресла.

- Спасибо, нет, - сержант не пошевелился, заграждая собой выход.

- Так случилось… - начал Пол.

- Я просил Мандерли, чтобы послали другое подразделение для этой операции, если для вас это имеет значение. Я просил Саймонса. Саймонс сказал мне в ответ: «Раз вы просите об ***этом***, тем больше оснований проверить таким образом вашу лояльность.»

- Что вы думаете обо всем этом?

- Не собираюсь судить вас – пусть этим займутся другие. Возможно, вы имели свои основания. Но как солдата Коалиции, принявшего присягу, они меня интересовать не могут. Я выполню приказ.

- И каков у вас приказ?

- Стрелять на поражение. Никто даже не рискует брать вас живыми.

- Понятно…. - Пол посмотрел на брата, потом куда-то в сторону. - Майк, мы долго работали бок о бок…

- Если я пропущу вас, конец и мне, и всем моим людям. Но я не буду начинать атаку еще двадцать минут. Думаю, вы сумеете распорядиться этим временем.

Дентон подошел к окну и взглянул вниз, на улицы. Они были заполнены войсками. Они продолжали ждать.

- Спасибо, Майк. Если когда-нибудь…

- Я просто хочу сохранить жизни своим бойцам, - холодно

бросил сержант и вышел.

Дентон грустно опустил голову.

- Акцент сделан, прозрачнее некуда. Мы чужие для них, для него в том числе. Мы для них *даже* не люди.

- Не думай об этом, Джесс, - ответил Пол спокойно. - Не бери в голову того, что сказал Лебедев. Мы столько не знаем. Как все обстоит в действительности, не знает ни Лебедев, ни Саймонс, ни мы… хоть кто-то, конечно, и знает. Одним словом, чьи-то домыслы – не повод, чтобы наполнять себя раньше времени каким-то разочарованием.

- Не стоит меня успокаивать, Пол. Наше происхождение беспокоит меня меньше всего, особенно сейчас. Я-то знаю, кто я. Кто мы.

- Верно, - кивнул Пол как-то грустно. - Нашу человечность не это определяет. Точнее, нашу не-человечность. Хм… вот что я хотел сказать. Мы, то есть я, а также те, кого мы только что убили – мы уже не совсем люди. Слишком многое, меняющее саму сущность человеческой природы, в нас внедрено. Ты – еще нет. Но ты потом сам решишь, разумнее ли сохранять в себе большую долю человечности.

Дентон всмотрелся в брата – и дрогнул. Точно, он не заметил сразу, но сейчас видел: Пол был растворен тоже. Контуры дрожали и сливались с окружающим фоном. Черт, да он был совсем прозрачным! «Да ты же совсем растворился, Пол!» - хотел крикнуть Дентон, но сказал:

- Сколько в нас останется от людей, если действие наноимплантантов будет реализовано до конца?

- Немногое, Джесс. Я уже это чувствую по себе, хотя мои преобразования еще с трудом обратимы. Не исключено, что ничего не останется, кроме первоосновы. Я уже почти не нуждаюсь в пище, воде… и остальном. Но у нас нет времени это обсуждать. Обо всем ты узнаешь сам, хочешь того или нет. Это твоя судьба.

- Но ведь ты мне ничего еще не сказал! - воскликнул Дентон. - И никто не говорил. Я узнаю от тебя впервые, и все это кажется фантазией.

- Твоя «технология» еще почти не реализована, ведь ты не прошел испытательный срок. Преобразования организма дают большие способности. Большую власть…

- Но зачем нам все это дано? Кто – и к чему нас готовит?

- Готовил, ты хочешь сказать. Теперь программа будет свернута. Хм… они думают, что обладают монополией в этой технологии. Скажу одно – вряд ли нас готовили просто как агентов Коалиции. Вряд ли. Нас готовили для ч*его-то*. Может,

еще есть время узнать...

Дентон взглянул на часы.

- Ладно. Давай выбираться отсюда.
- Через окно. - Пол застегнул плащ. - Только по одному.
- Ты уверен?
- Да, так больше шансов. Ты же видел, Адская Кухня наводнена бойцами и агентами Коалиции. Мы друг друга, наверное, услышим.
- Не знаю... Вдвоем мы могли бы отразить любую атаку...
- Или вместе попасть в хорошо поставленный капкан. Нет, лучше поодиночке. Так больше шансов хоть кому-то уйти. Я иду первым. Через пятнадцать минут – ты.

Пол не дождался подтверждения и исчез в темном тоннеле окна, бесконечно широком за узкими рамками.

***

Пол замер сразу же за окном, приникнув к пожарной лестнице, повиснув над миром на одной руке.

Внизу по улице двигался боевой робот Коалиции. Такой, с какими Пол обычно работал бок о бок в ночных операциях. Почему-то тогда он не чувствовал ужаса и отвращения... Теперь он наверняка внесен в базу данных робота как объект, подлежащий обстрелу на поражение... Нет, вниз пока рано.

Пол начал двигаться на крышу. Там было тихо, подозрительно тихо. Не верилось, что теперь пусто там, где привычно пусто.

Много этажей позади – под ним. Пол уцепился за край бетонного карниза, поднял голову и увидел нависшего над краем сержанта в форме Коалиции.

«А, ну что?» - крикнул сержант, пустил очередь в грудь Полу Дентону и ударом ноги столкнул его в черную пропасть.

Он увидел, как с глухим криком человек полетел вниз, и плечи его опустились.

«Я не хотел этого, - вдруг прошептал он неожиданно для самого себя. - Не хотел». И, не осознавая, что он делает, как марионетка, нити которой вдруг отпустили, он соскользнул с края и полетел в черноту земли. В страшном, но замедлившемся падении, в трехмерном видении несущейся навстречу земли, сознание вдруг стало прозрачным. И в стерильной, вакуумной пустоте его огненными буквами кто-то написал: «Прости, Господи, нас за все...»

А вокруг были одни демоны – хоть не все знали, что они демоны. В этом квартале не осталось места добру.

Началось крушение судеб.

Глава 19
Преодоление

…И если уж ты шагнул за порог,
Придется пройти весь путь.
Шагать и шагать, покоя не знать,
Дойти до скрещенья путей…
И станет тебе непонятно вдруг,
Куда же теперь идти…
Д. Р. Р. Толкиен

Пятнадцать минут. Долгие часы. Десять тысяч лет. Крупинка вечности, которая остается той же вечностью. Секунды смеялись над ним, запертым в комнате без двери. Запертым пустотой.

Он странно чувствовал себя. Внизу в отеле ждет несколько десятков солдат, и ждут только с одной целью – сделать его мертвым. За окном – опасности еще более неведомые и грозные. Счет его жизни уже пошел на часы, только счет – обратный. Вскоре, возможно, он пойдет на минуты. За ночь перевернулась его жизнь, сознание опустошил ураган, после которого можно приходить в себя долгие месяцы.

Но надо сидеть – сидеть в бездействии. Надо пройти через эти пятнадцать минут…

Кто-то постучал в дверь. Дентон встрепенулся, словно наэлектризованный. Стук повторился, мягкий, еле слышный, но настойчивый.

«Я не хочу открывать… - прошептал он вдруг пересохшими губами. – Убирайся. Я не хочу тебе открывать».

Больше не стучали. Дентон скрипнул зубами, подошел к двери, распахнул ее. За порогом было пусто. Он с силой захлопнул дверь. На душе стало чернее ночи.

Он посмотрел на мир сквозь мутную прозрачность стакана, сквозь запыленную грань песочных часов. И открыл книгу наугад.

«Мне нет нужды оборачиваться, чтобы увериться в том, что они смотрят на меня сквозь стекло – смотрят на мою спину

с удивлением и отвращением; они-то думали, что я такой, как они, что я человек, а я их обманул. Я вдруг потерял свой человеческий облик, и они увидели краба, который пятясь удирал из этого слишком человечьего зала…»

Стоп. Увлекаться нельзя. Нужно только обмануть минуты. Дентон перелистнул еще несколько страниц.

«Сейчас под моим пером рождается слово Абсурдность – совсем недавно в парке я его нашел, но я его не искал, оно мне было ни к чему: я думал без слов о вещах вместе с вещами. Абсурдность – это была не мысль, родившаяся в моей голове, не звук голоса, а вот эта длинная мертвая змея у моих ног, деревянная змея. Змея или звериный коготь, корень или коготь грифа – не все ли равно. И, не пытаясь ничего отчетливо сформулировать, я понял тогда, что нашел ключ к существованию, ключ к моей тошноте, к моей собственной жизни. В самом деле, все, что я смог уяснить потом, сводится…»

Минуты истекли. Горячо станет здесь совсем скоро. Время уходить. Дентон перегнулся через окно. Странную тоску нес ночной ветер. Голос поющего оборотня с той стороны луны… И на улицах – где уже привычный скрежет боевых роботов? Нет солдат. Что-то не так.

Хорошо. Дентон отошел от окна, вышел в коридор и спустился в холл. Как он и предполагал, его не встретила щетина стволов. Там, где, возможно, пять минут назад стояли и дышали десятки отдельных жизней, теперь висела остывающая пустота. Между колонн плыл робот-пылесос, для которого не существует ни перемен, ни взрывов, ни крика в шепоте…

Дентон не мог понять, почему они ушли, и не хотел верить очевидному. Он еще ждал, что из-за колонны на него посмотрит выпуклый глаз снайперской винтовки, что послышатся крики с улицы, и горячий металл начнет смертоносную пляску наугад. Он ждал, а тоска изнутри нарастала. Нет, неспроста они ушли. Это недобрый знак. Это начало конца.

Дентон вышел на улицу. Нигде ни следа присутствия, ни следа столкновения. Где Пол? Если он увидел то же самое, то почему…

Квадрат неба, очерченный коробками домов, кляксы света от фонарей над головой, листья ноября под ногами. Дентон начал понимать замысел. Они ушли, только это не означает, что они оставили его. Да, переключатели убийцы сработают через двадцать три часа. Только они не дадут никому помешать этому, кто мог бы помешать. Любой вертолет будет сбит, все

дороги из района закрыты, подземные пути под контролем. Они не хотят лишних потерь, которые могут быть значительными. Они ушли… А он останется и тихо сдохнет в темной норе.

Возможно, ему и оставили один путь. Он пойдет по нему, ничто его не отвратит. А там… там его встретят.

Нужно пытаться прорваться, искать неучтенные лазейки, стать призраком, бежать… Но не осталось желаний. Можно остаться и здесь на несколько часов. Пока не истечет срок, и переключатели-убийцы не сработают. Но ведь еще остается Пол, которого нужно найти. Если…

Дентон тонул в абсурдности. Он умрет – и он ничего не чувствует; он никуда не спешит и ловит глазами движения воздуха, когда надо рвать и метать; он ничего не знает, тогда как знание могло бы спасти; он предполагает следующий шаг, а реальность оглушает его, показывая совсем другие карты. И самое страшное: страха нет.

Дентон снова зашел в таверну «Преисподняя», чьи спокойно-багровые тона стали частью его мира. Чувствуя себя мясом, уже не просчитывая наперед, Дентон прошел за стойку и по инерции спросил:

- Шейла, ты не видела моего брата?

Она схватила его за руку и крепко сжала.

- Джесс, я не знаю, что происходит, только тебе надо уходить. В городе много солдат, и Филбен сказал, они охотятся на тебя.

- Уже нет никого. Ты ничего не знаешь о моем брате?

- Нет. Когда Коалиция объявила чрезвычайное положение в районе, и войска заняли улицы, они запретили выходить за порог.

- Филбен еще есть?

- Бродит где-то здесь, а может, скрылся. Посмотри на меня, - Дентон не пошевелился, и девушка силой подняла его голову, взяв ее в ладони. Он посмотрел в пламя зеленых глаз среди костра пылающего лица в пожаре огненных волос и зажмурился. Он вспомнил, и воспоминание бурной рекой прорвалось в усталый разум, грозя сломать идущего, напомнить о несчастьях, рождающих сожаление, и превратить в человека смертного, страдающего от отчаяния в поисках сострадания. Дентон скрипнул зубами и отбросил призрак уже недействительного прошлого, убивая его, нанося смертельные удары.

- Я смотрю на тебя, - спокойно ответил он.

- Ты ничего не видишь? - в ее голосе угадывались нотки близких слез, - ты продолжаешь сводить счеты с прошлым?

- Это не совсем так.

- Ты можешь думать, что угодно. Но сейчас ты в беде, и я хочу помочь. Я могу укрыть тебя, пока не удастся безопасно уйти. А потом ты сам решишь...

- Ты не можешь мне помочь, - сказал он медленно и отрешенно, глядя ей в глаза.

Лицо Шейлы изменилось. Дентон понял: она восприняла его слова как отвержение. Не так... Он обнял ее за талию и поцеловал: ровно столько, чтобы не утратить контроль, чтобы не сорваться с обрыва.

- Проблема не во мне – и не в тебе. Мы не можем быть вместе, но не по нашей вине... Ты веришь мне?

- Я всегда тебе верила. Потому что ты ни разу не лгал мне. Но ни разу и не сказал всего. Может, пора это сделать?

- Нет, - Дентон отпустил ее руки. Сказать, что через пару десятков часов его совсем не будет? Или что он, может быть, совсем не человек? Зачем... - Прости меня, прощай, сожги книгу воспоминаний и не держи зла.

Он пошел прочь, и ни разу не обернулся.

(Где-то здесь – Пейдж и благотворительность или ООН)

В смежном зале почти никого не было. Филбен уже не ходил с бессмысленным выражением лица. На пустом столике валялся свежий номер «Сына полночи». «Боб Пейдж попал в книгу рекордов Гиннеса по размерам денежных средств, выделяемых на благотворительность...» Только у бильярдного стола играл сам с собой Джо Грин, репортер, завсегдатай этого бара, всегда довольный собой. Дентон собрался пройти мимо, но Грин окликнул его:

- Эй, мистер Коалиция! Бьюсь об заклад, вы можете рассказать мне много интересного для моей статьи.

- С чего вы взяли, что я из Коалиции?

- Слишком стильный для Национальной Гвардии, слишком внушителен для полиции Нью-Йорка. Кем вам еще быть?

- Я не расположен к беседам этой ночью.

- И все же интересно, например, узнать, почему они заградили выход из метро в Бэттери-Парке всей техникой и роботами, полученными агенством в этом месяце?

- Что? - Дентон остановился.

- Ого! - Грин нахмурился, - кажется, это я вас удивил.

Значит, Бэттери-Парк. Дентон покинул бар с черного хода. Бэттери-Парк, станция метро – единственный оставленный путь спасения, оставленный для того, чтобы стать капканом. Из которого уже не выйти.

Он ощутил странную, новую слабость и пошатнулся, обхватив ладонью кирпичное ребро. Он попробовал идти, но через несколько шагов вынужден был сесть прямо на землю. Нет, эта слабость не от переключателей убийц. Дентон лег на спину и уже не делал попыток встать. Сверху пролетали облака, скрытые в ночи, волновался ветер.

Тучи сгущались, давили тяжестью на одинокое беспомощное тело, внутри которого царила немота. Дентон сомкнул глаза, открыл их...

Он прошел вдоль дороги, не зная, последний ли это раз. Многое связывало его с этой дорогой, ведущей из метро в самую глубину лабиринта Адской Кухни. Многое могло бы быть... «Дорогой в себе» называл он ее за спокойную ровность и за то, что нельзя было угадать, где она закончится, как ни ищи. А что будет?

Эскалаторы молчат, замерли. Им некого нести к глубинам в душном оцепенении ночи. «Спускайся сам».

Дентон спустился, слыша каждый свой шаг, каждый контакт с темной проседью ступеней. Оказавшись между двумя путями, он выбрал направление и остановился. Поезда не должны уже ходить сейчас. Дентон прыгнул в черный тоннель и, глядя под ноги, темный силуэт в черном коридоре безвременья, пошел туда, куда знал путь лишь он. Точнее, и он не знал.

***

Джесс, это Джок. Я скрытно приземлился в Бэттери-Парке за Замком Клинтон, и буду ждать тебя, с Полом или без него. Если тебе вдруг удастся чудом прорваться, что вряд ли... Конец связи».

Так спокойно, так тихо. Точка молчания на линии разрыва.

Странное дело: пройдя сквозь черный тоннель, Дентон приготовился к смерти. Мысль о ней его больше не тяготила. Тяготила лишь усталость. Человек остановился перед своей обителью, в которой все перевернуто, испорчено, украдено, подменено и поселилось нечто, и понял, что легче уйти в поисках другого дома, чем пытаться навести порядок здесь, где мало лишь твоих усилий.

Он уже не думал – хватит думать. Только дышал после спертой сырости подземелья. Выйдя наверх, оказавшись среди деревьев-шептунов Бэттери-Парка, он дышал во всю грудь. Медленно идя по аллее, он не замечал ничего, кроме

недвижной бедной травы и смеющихся сквозь слезы последних листьев. А еще – серые, ухмыляющиеся маски порой появлялись среди стволов и таяли... Он не видел ни огромных роботов, заблокировавших каждый метр, который мог бы быть выходом из аллеи-тупика, ни многочисленных солдат, внимательно замерших при его появлении.

Дентон уперся в огромную фигуру, закованную в броню, и остановился.

- Выхода нет, - произнес Гюнтер Герман. - Тебе придется сдаться.

- Еще одна миротворческая оккупация? - спросил Дентон с увядающей иронией. - Вы же собирались получить меня мертвым?

- Ты и так будешь мертвым. Пока они рассчитывают взять тебя живым, если получится. Пол уже мертв.

Последние слова не пробились в блокируемое сознание живого мертвеца.

- Гюнтер, ответь на один вопрос, - Дентон перевел взгляд с металлической руки на изуродованное квадратное лицо агента. - Ты когда-нибудь был... человеком?

- Подонок, - прохрипел Герман, скрежеща стальным кулаком. - Это ты убил агента Наварре. Я знаю, ты!

Дентон поднял пистолет и выстрелил наугад. Пуля исчезла в сплавленной с металлом плоти, вызвав сдавленный стон. Дентон бросил пистолет под ноги.

- Вот твой шанс стать героем.

Дентон видел, что взлетела вверх рука; при замедленной съемке видел, как стальной кулак летит к его голове. Он не пытался уклониться, он терпеливо ждал, когда удар отключит наконец сознание.

Потухли фонари. Где-то за стеной заворковали серые голуби.

Глава 20
Покаяние

Жизнь наша подобна
Росе невесомой, -
Пред рассветом
траву окропит
И исчезнет...
Неизвестный поэт

Можно прийти в совершенно пустую камеру без окон, без мебели, сплошь каменную и пластиковую, неразрушимую, с туалетной кабинкой в углу и тусклой лампой над головой. Ты придешь туда, тебе станет неприятно, и ты поспешишь покинуть странное место.

Хуже будет, если за тобой закроют дверь на замок и заставят провести здесь время, срок, тебе заранее неизвестный.

Но совсем по-другому чувствует себя тот, кто здесь проснулся. Не зная, когда проснулся и зачем. Дентон приподнялся на своем жестком ложе и снова лег. Голова разрывалась от боли, вся левая половина ее была покрыта опухолью. Тяжелая, непривычная слабость сковывала тело.

Этот удар трудно было пережить. Но ему не повезло: он это сделал. Дентон провел руками по плащу вдоль туловища: блокнот, книга, набор наноключей – все было на месте. Забрали только оружие. Это все их не беспокоило пока. Верно – куда он денется теперь? Он уже ничто.

Дентон с трудом сел, потом встал и прошелся вдоль стен. Намертво. Хитрая, скрытая в теле стены дверь не имела ни ручек, ни замочной скважины – она открывалась, когда некто где-то далеко, снаружи, нажимал на кнопку. Пока этого не произошло, ее не сдвинуть ни на миллиметр.

Как будто в насмешку, на одной из стен висело огромное зеркало, чистое, безупречное. Узник мог стоять где угодно, и в любом месте маленькой камеры он видел себя, смотрел в свои собственный затравленные глаза, и уверенности не прибавлялось. Он видел, как меняются черты лица с каждым часом, проведенным с глазу на глаз с одиночеством.

Дентон замер напротив зеркала, застигнутый врасплох, застегнул верхние пуговицы, поправил воротник. Лицо имело тот же землистый оттенок, но оно было бесстрастно. Нет, люди не так переживают последние часы перед смертью, понял он. Для него это не было событием. Это была Игра.

Дентон сел. Нет, он был таким не всегда. Он жил и ощущал, как все, но до определенного момента. До переворота. До того, как начал улавливать свою растворенность, все более прозрачную с каждым его исчезновением в мире. Каждый раз возвращаться все труднее. И каждый раз нет иного выхода. До того, как он взглянул в глаза других, как в зеркало, и увидел там Чужого. Машину убийства. А машина не может умереть: она просто выйдет из строя и замрет. Не страшно... Это было как болезнь, только некому ее вылечить.

Легкое удивление выгнало его из ступора. Дентон ощутил близость контакта сквозь Эхо. Звук голоса заставил сердце вздрогнуть. Шипяще-раскатистый, словно искаженный помехами, глухой, как смех старца, неуловимый, как стелющийся ветер во время снегопада.

Он не знал этот голос.

- Меня зовут Дедал. Джесс Дентон, я могу отключить систему безопасности на несколько секунд. Приготовьтесь.

Голос был странным, он распространял многократное внутреннее эхо. Дентон неосознанно подобрался и сгруппировался. У него не хватило времени подумать, чей голос это мог быть. Камера погрузилась во тьму, а через мгновение нерушимая дверь, как челюсти чудовища, оторвалась от нижней губы и поползла вверх.

Дентон рванулся к выходу и замер на пороге. Повернув голову направо, он увидел солдата в черном в конце коридора. Солдат, как зачарованный, смотрел на происходящее. Появление Дентона отрезвило его, и он рванулся к сигнализации. Дентон сделал огромный прыжок и ядром полетел к своему тюремщику. «Зачем я это делаю?» - подумал он на лету.

Он сбил стража и вместе с ним полетел на пол. Завязалась непродолжительная борьба, затем агрессор в темном пальто замер над бездыханным телом.

Вот так. Игра продолжается, хотя смысла в ней уже нет. Дентон убедился, что их борьба не привлекла ничьего внимания, встал и осмотрелся. Кроме поверженного солдата, эту часть коридора не занимал никто. По обе ее стороны тянулись камеры, подобные той, из которой выбрался Дентон. Рукав коридора оканчивался столом и компьютером, затем он поворачивал в леденящую неизвестность.

В целом, интерьер очень напоминал ему коридоры подземных уровней штаба Коалиции на острове Свободы. Только цвета здесь были другие: вместо смягчающе-зеленого и развлекающе-коричневого, серые, черные и белые оттенки одной палитры.

Дентон обыскал солдата и спрятал в кармане свое привычное оружие – беззвучный стелс-пистолет. Пожалуй, впереди еще ждут те, для кого он потребуется. Он обратил внимание на форму охранника: черный камуфляж, черный шлем со странной эмблемой розы. Точно так же были одеты тюремщики Форда Шика. А еще очень похожее одеяние он видел на одной из учебных видеозаписей в Академии. Такую форму не носит ни одна армия, ни одно спецподразделение

мира. Но... это армия? Изменчивая реальность не устает подбрасывать ему загадки, не очень торопясь давать ответы, об которые можно поломать зубы.

Стоявшие на столе электронные часы показывали половину второго ночи. Оказывается, он провел в отключке менее часа. Переключателям убийцам исполнилось почти три часа. Еще более двадцати одного впереди – двадцать одна отметка на беговой дорожке в ничто. В нечто.

Ночь. Тем лучше: ночью почти все имеют обыкновение спать, и это облегчает задачу тому, кто спать не может. Дентон вскрыл компьютер охраны и отключил, где смог, камеры наблюдения. Ему удалось узнать код к дверям камер.

Первая камера пустовала. Во второй лежал человек в охотничьей одежде «Синего Цветка». Дентон не хотел смотреть на его лицо, даже скрытое маской, и вышел за порог. Как ни странно, он не торопился. Не боялся, что сейчас обнаружат сбой и поднимут тревогу. Двадцать один час... Пять минут... Мгновение. Все упирается в него.

Пройдя мимо своей открытой камеры, Дентон остановился перед последней дверью и ввел код на блокирующей панели. Пасть неторопливо открылась, предлагая жертве всю свою неприглядность, выдавая ничто за нечто. Дентон вошел и остановился.

- Здравствуй, Мигель, - он моментально узнал худого мексиканца по блеску легкого безумия в глазах.

- Привет, шпион. Вижу, тебя все-таки поймали, да? - Мигель стоял, скрестив руки на груди, вращая свою маску на большом пальце.

- Шпион? Я никогда не работал на «Синий Цветок», в отличие от моего брата. Я думаю, его тоже взяли.

- Вряд ли. Охрана сказала, ты единственный, кто выжил. Мне ужасно произносить это вслух, но, наверное, Пол уже мертв. - Мигель произнес это с ровным равнодушием. Черно-серая обстановка обесцвечивала любую эмоцию.

- Этого не может быть, - произнес Дентон, глядя куда-то поверх головы Мигеля.

- Да, новость не очень, - вяло ответил террорист, словно утверждал, что Пол простудился. - Я не знаю, что сказать.

- Я буду искать его, - произнес Дентон отрешенно.

- Послушай, ты неважно выглядишь.

- Да, потрепался немного в Адской кухне.

- С головой что-то не так: одна половина больше другой. Только очки даже не пострадали. - Мигель хмыкнул, потом внимательно посмотрел на Дентона. - Ты же не хочешь здесь

оставаться, как и я? Что думаешь, мы можем попробовать?

- Да, конечно. Только лучше подожди здесь, пока я разведаю обстановку.

- Надеюсь, меня не прикончат до твоего прихода.

- Я быстро,- Дентон машинально пожал руку своему вчерашнему врагу, которого презирал еще несколько часов назад, а теперь просто не воспринимал. Он опять отметил, что утратил способность оценки событий. Только действие, быстрое, решительное, без видимой цели. Так не было три часа назад. Так не будет через двадцать один час.

Дентон вышел в коридор и услышал шепот-эхо Дедала в своей голове.

- Вы находитесь в секретном устройстве Маджестик-12. Я помогу вам бежать. Вы полетите в Гонконг, где Трейсер Тонг деактивирует ваши переключатели-убийцы. Для этого найдите тело вашего брата, - голос, привыкший приказывать или констатировать, выстреливал слова. - У него есть база данных, необходимая для дезактивации. Труп должен находиться здесь, в секретном устройстве. Ищите медицинскую зону.

Труп.. Дентон оперся о стену, свободной рукой провел по лицу. А у него появился шанс. Это несправедливо. Все должно было быть наоборот. Кто-то открыл дверь наружу, и мир опять нахлынул на него, приводя в чувство онемевшие пальцы. Он может выжить. Значит, шансы погибнуть при побеге выросли в десятки раз. Только Пол – Пол уже не заговорит.

Хотелось бы знать, за что умер его брат. Он все пытался уловить смысл – и не мог. Пытался охватить событие в целостности – и что-то ускользало.. Брат, который был для него всем, который был лучше, умнее, справедливее и терпимее, чем он, которого не могли не уважать даже враги... Он избегал кровопролития. Дентон ни разу не видел, чтобы Пол отказал кому-то в помощи, чтобы хоть раз сыграл не свою роль, притворился или обманул. Он ставил какие-то цели, дальний рубеж которых не мог видеть никто. Спокойный, разумный, великодушный и непоколебленный, он был для Дентона, и не только для него, тем, к чему стремятся, тем, что остается опорой даже во всеобщем крушении. Больше, чем просто человек, за ним всегда скрывалось что-то большее...

Почему..? Кто-то должен ответить за эту чудовищную нелепость. Но Дентон понимал и другое: можно никогда не найти того, кто будет отвечать. И все же кому-то придется умереть – скорей всего, ему самому в страшной атаке на дьявольскую безликую систему...

Хрустнули сжатые кулаки. Дентон поднял глаза и пошел вперед. Рукав коридора с тюремными камерами был просто тупиковым отростком, отходящим от командного центра.

Он вышел к командному центру. Разделенные перегородками столы с выключенными терминалами пустовали. Единственным источником шума были немного знакомые приборы вдоль стены. Дентон оказался прав в своих предположениях: ночь и уверенность в нерушимости системы безопасности сказались на стражах этого места. Здесь он нашел только двоих солдат и сержанта в тех же черных шлемах с розой, уколотой иглой. Надо было отдать им должное: зная, какой пленник находится внутри, они не спали. Двоих пули застигли на своих местах, не нарушая тишины. Сержант вскочил на ноги, но замер, встретив взгляд пистолета на взводе.

- Спокойно. Не стоит делать резких движений. Положи автомат на пол.

- Через двадцать минут здесь будет столько охраны, что яблоку негде станет упасть, - откликнулся страж спокойно. - Зря ты это делаешь: так или иначе – конец.

- Вряд ли. Сигнал тревоги ведь еще никем не послан.

- А камеры наблюдения? Ты забыл о них?

- Ты даже не обратил внимания, что они отключены.

Сержант удивленно поднял голову, потом покачал головой и махнул рукой куда-то на стену.

- Только не эта. Она, как видишь, работает. Потому что подключена напрямую к наблюдателям с верхних уровней в обход общей системы безопасности.

- Ого... - Дентон увидел мигающий тревожным красным светом объектив и выстрелом потушил его. Надо было спешить. - Кто вы такие? Я не узнаю вашей униформы.

- Просто охрана этой корпорации. Я устроился сюда на работу этой весной. Подписал договор...

- Корпорация? И чем же она занимается?

- Научными разработками... я в этом не разбираюсь.

- Хороша корпорация, где ходят в бронированных шлемах. А тебе не кажется, что держать человека пленником - это довольно странно, если не сказать преступно, для корпорации?

Сержант пожал плечами.

- Ты принес им какой-то там большой вред. Они вскоре передадут тебя в руки Коалиции.

- Ну, конечно, - кивнул Дентон, резким ударом оглушив стража. Бесчувственное тело рухнуло на пол. Нет, это явно не охранники. Это солдаты. Быть может, большой армии. Армии,

которой не существует. Здесь еще многое предстоит выяснить.

Только не теперь – Дентон понимал, после подачи сигнала тревоги отсчет времени пошел на секунды. Он рванулся по коридору, стреляя по немногочисленным целям до того, как был обнаружен. Он пролетел мимо лаборатории, успев увидеть странных зеленых существ в клетках, от которых держались подальше люди в белых халатах. Коридор нырнул влево, и дорогу преградила женщина.

Черные волосы, абсолютно черные глаза. Одетая в серый пиджак и юбку цвета, так гармонирующего с окружающей средой, она держала в руке обрез дробовика. Хрупкая фигура и тонкие черты лица были нелепым фоном для неподвижных и безжалостных черных глаз, подпитываемых холодной кровью. Где-то вдали пела сирена.

- Я пришла посмотреть, как ты умрешь, - услышал он глуховатый голос.

- Ты слишком рано. Я еще не собираюсь.

- Тебе не скрыть этого слишком долго. Твои переключатели-убийцы…

- У них еще есть немного часов.

Она сделала шаг навстречу, опустив ствол обреза.

- Ты же такой, как я… - сказала она задумчиво. - Что ты ищешь?

«Почему такой?» - хотел спросить Дентон, но почему-то не стал. Только ответил.

- Я иду к телу моего брата.

Она на миг прищурилась с полиэтиленовым привкусом, потом вскинула голову.

- Вот как? Ну что ж, иди, - она отошла в сторону. Иди, иди!

Дентон напрягся, не зная, чего ожидать. Не сводя глаз со странной, пугающей незнакомки, он медленно двинулся вперед. Она демонстративно отвернулась и спокойно пошла прочь, туда, откуда он прибежал.

Медицинская зона была самой глубокой частью установки. Спустившись по ступенькам, Дентон увидел нескольких застывших в оцепенении людей в белых халатах. Определенно, они работают с хрупкими материалами, не терпящими иного фона, кроме белизны, подумал Дентон. Просторное помещение было обложено белым и зеленым кафелем, и чем-то оно отличалось от нерушимой холодной пустоты оставленных за спиной коридоров-тоннелей. Здесь Дентон почувствовал себя в относительной безопасности – спинным мозгом. Убаюкивало добродушное мерное гудение

медицинского робота. Справа на выступе стены мерцал голубым миникомпьютер с данными. Дентон подключился к нему. Текст был совсем небольшим.

«Агент класса С коренным образом отличается от предыдущих экспериментальных образцов. Модульный дизайн обеспечивает полное сходство с обычными людьми, высокая выносливость организма позволяет установку ряда имплантантов. Агент класса С имеет встроенный механизм самоуничтожения, срабатывающий, если агент убит или смертельно ранен, выполняя роль «Coup de grace» и препятствуя попаданию в руки противника критически важных материалов.

Предположительно агенты данной серии обладают повышенной стойкостью к вирусу Серой Смерти»

Но это не он – его тело выдерживает любые имплантанты и невосприимчив к Серой Смерти. Ну и загадка обнаружила себя через столько лет…

Дентон обернулся и увидел мужчину лет сорока в медицинском халате с латиноамериканской внешностью, чем-то напомнившего ему Риеза. Ученый подбежал к Дентону и бесстрашно схватил его за руку.

- Боже мой, мистер Дентон, вы бежите?

- Вам известно мое имя, но, признаться, не могу похвастаться тем же.

- Я доктор Моро. И я повторяю ваше имя каждый день. У меня есть клетки вашего тела в культуре, как и вашего брата.

- Моего брата вы тоже знаете?

- Только по его тканям. Они должны прислать его тело к нам, в медицинскую зону. Мистер Дентон, поверьте мне, я разделяю вашу ярость по поводу существования этих «переключателей-убийц».

- Стоп. То есть, «должны»? Его тела здесь нет?

- Пока нет. Пока привезли только вас без сознания в тяжелом состоянии. Но труп… будет с минуты на минуту – сигнал уже получен. Я понимаю, вы хотите проститься с ним. Подождите совсем немного.

- Да нет, дело не в этом…

Смутная, непойманная тревожная мысль затаилась в неизбывной тени.

- Хорошо, доктор, спасибо. Мне, наверное, придется ждать, хоть это и опасно. Возможно, вы захотите покинуть эту чертову установку, когда я открою дверь.

- Спасибо, но в меня уже раз стреляли, - пожаловался доктор. - И, кстати, попали в ногу.

- Вас держат здесь как пленника?

- Фактически, да. Хотя по контракту все законно: там было много коварных мест, которым я не придал вовремя значение. Например «быть готовым на ограничение личной свободы в целях сохранения коммерческой тайны».

- Кто они, наконец?

- Странно звучит, но за два года я так и не выяснил, на кого работаю. То, что это не просто корпорация, понятно. Но это и не Коалиция… не совсем.

- Мои ткани… зачем они вам?

- Они хотят знать, почему ваши тела выдерживают наноимплантанты, которые убивают обычных людей. Чертовски трудный вопрос, должен признать.

- Мой вам совет – прикиньтесь дураком. Они и так уже слишком многое знают.

- Я пытаюсь, - кивнул доктор Моро. - Будьте уверены – я пытаюсь.

Дентон был неприятно поражен услышанным. Перспектива ждать здесь, пока привезут тело Пола, была равнозначна добровольному согласию лягушки смотреть в глаза змеи, не отрываясь. Им только и нужно, чтобы он помедлил пару минут. И все кончено. Он обошел пустые койки и остановился, глядя на молодую женщину в белом халате.

Но сейчас не только он руководил своим путешествием по безотрадным пространствам и состояниям. Таинственный Дедал, который подарил ему тень надежды, как он теперь отреагирует? Без его помощи он не может ничего. Дентон начинал догадываться, кто этот неизвестный завуалированный покровитель.

Дедал вышел на связь, когда Дентон был на пороге.

«Вы не можете ждать. Вам придется выбираться из установки без базы данных – времени нет. Немедленно выбирайтесь – код к двери выхода за командным центром – 1919. По крайней мере один из вас должен выжить».

У Дентона почему-то появилось впечатление, что эта «база данных» и не была нужна Дедалу изначально.

Мигель дожидался там же, где Дентон оставил его. Кажется, он даже не сдвинулся с места.

- А ты быстро разобрался.

- Пошли быстрее, - поторопил Дентон. - С минуты на минуту здесь будет жарко, - Дентон бросил мексиканцу автомат. - Умеешь обращаться?

Мигель криво усмехнулся:

- Попробую.

- Держись рядом.

Не оставляя следов и не спугнув тишину, два беглеца заскользили вдоль темных коридоров. На одном из столов командного центра Дентон захватил какой-то конверт и спрятал в карман пальто, уже многое хранящий.

Он ввел код, дверь открылась. Из проема черной змеей вылетела острая, как игла, стрела, застрявшая в ноге выше колена. Дентон сморщился от боли и отскочил в сторону, чувствуя, как яд растекается по жилам. Мигель залил пространство впереди автоматным огнем. Чей-то силуэт рухнул на землю.

- Ничего, - успокоил Дентон. - Обычный транквилизатор. Скоро пройдет. Но что-то слишком легко нам дали уйти.

- От такой стрелы обычно человек теряет сознание в течение минуты, - в мрачном удивлении заметил Мигель.

Они пошли осторожнее, обойдя тело солдата в том же черном одеянии. Солдат Маджестик-12, так Дентон назвал его про себя, связывая воедино то, что могло и не иметь связи.

Пройдя по довольно длинному коридору, поднявшись по ступенькам, Дентон открыл дверь и оказался... на четвертом уровне штаба Коалиции. Он был на острове Свободы.

***

Дентон обернулся. Загадочный четвертый уровень. Исследуя штаб, он не раз задавался вопросом, почему четвертый уровень – это просто просторный зал, пустой и с единственной всегда закрытой бронедверью, ведущей в неизвестность. Вот как все оказалось: запрятанная под настройкой из красного гранита сущность, не открываемая почти никому, черная с серым.

Дентон не знал до сих пор, что есть за этой дверью – значит, он был просто куклой. Хватит. Пришла пора играть по своим правилам.

Он никогда еще не шел по этому коридору с *таким* чувством. Это место было для него чем-то вроде дома, за неимением другого, скудным, но сносным. А теперь... Все против него. И превращение произошло за слишком короткий срок, чтобы он мог привыкнуть. Теперь он в стане врага. Врага, где каждый – каждый? – мог выстрелить в спину. И этим все сказано.

Дедал вновь напомнил о себе.

«Продвигайтесь к вертолетной площадке и встречайте пилота Джока. Возможные источники конфликта на пути: Хайми Риез или Корень Зверобоя, Алекс Якобсон – Безмолвный

Писатель, Сэмуэль Картер – Мастер Топора и Джозеф Мандерли – Рыцарь-Убийца.

Значит, и Джок здесь. Дентон вспомнил свое прошлое появление в штабе, когда делал попытку определить, кто есть кто. Напрасно. Сейчас – именно сейчас, - будут расставлены точки. И все лица откроются из-под плохеньких масок.

Дентон обернулся к Мигелю.

- Извини, но лучше бы ты спрятался и подождал где-то здесь.

- Опять? Думаешь, тебе не нужно прикрытие?

- Думаю, мы не будем здесь много стрелять.

- Ты второй раз выводишь меня из игры.

Дентон внимательно посмотрел на него.

- Поверь, если будет третий раз, что вряд ли, я отдам тебе все карты в руки. А сейчас – подожди. Мне надо переговорить с некоторыми людьми.

- Надеешься на реабилитацию? - с легкой злостью, граничащей с испугом, спросил Мигель.

Но Дентон отреагировал спокойно.

- После всего, что произошло – нет.

И он пошел вверх по извилистой ленте центрального прохода, которая вела прямо к медицинской зоне и к лаборатории Хайми Риеза.

Доктор стоял у камина и подбрасывал в костер поленья, небольшие, одинаковые, не похожие на древесные. Со стороны казалось, что он задумчиво глядит на огонь, хотя, возможно, он совсем не смотрел на него. Все больничные койки пустовали, тщательно заправленные: в эту ночь не было раненых. Мертвые были. Дентон легко тронул доктора за плечо. Хайми вздрогнул, обернулся и широко открыл глаза. Дентону показалось, что первые мгновения доктор смотрел сквозь него.

- Джесс? Ты бежал?

- Я забыл отдать Мандерли свое прошение об отставке.

- Что с Полом?

- Растворенные люди Саймонса совершили налет на квартиру в Нью-Йорке. Скорей всего, он мертв.

- Р-растворенные, да, - с трудом выговорил доктор и снова странно взглянул на Дентона. - Мандерли – змея. Он сказал, что оставит твоего брата в покое.

- Вряд ли от Мандерли что-то зависело.

- Так твои подозрения насчет Коалиции подтвердились?

- Да. Полностью.

- Джесс, я на твоей стороне. Честно говоря, мне тоже надоело копаться в этой куче хлама, какой становится

агенство. Без тебя и Пола будет еще хуже. Саймонс приезжает все чаще, а от одного его присутствия я не могу работать спокойно… Что собираешься делать?

- Я уезжаю из города. В Гонконг, наверное.

- Ты не хотел бы, чтобы я последовал за тобой?

- Я не знаю, Хайми. Это слишком опасно для тебя. Я ведь еще могу не выжить – мои переключатели-убийцы в действии. Кроме того, я мог бы иметь своего информатора внутри агенства, если бы ты остался.

- Неплохая идея, - кивнул Риез, думая о чем-то другом. Дентон что-то ловил в его взгляде. Какую-то… жалость?

- Хайми, ты что… что-то знаешь? Скажи мне?

- Нет, ничего…

- Будь осторожен. Ты знаешь, что Саймонс делает с предателями.

- Да, предательство – его слабое место. Он бредит ним.

- Только создается впечатление, что его предал весь мир.

- Кстати, пока ты не покинул штаб навсегда, давай попробуем хоть немного использовать твой потенциал. Мы получили, наконец, из лаборатории в Восточной Азии несколько канистр с наноимплантантами, которые заказывали. Ты можешь установить один с помощью нашего медицинского робота в течение нескольких минут. Я уже тестировал твой организм на совместимость, так что все будет в порядке. Эта штука позволит тебе за считанные часы восстанавливать поврежденные ткани после самых тяжелых ранений.

- Спасибо, Хайми, за все, - и снова настороженность во взгляде доктора. Будто он знал что-то, чего не знал Дентон. Или видел… - Что-то не так?

- Все в порядке. И еще, Джесс. Поговори с ребятами по пути. Некоторые из них на нашей стороне.

- Лучше бы это сделал Пол.

- Да… - вздохнул Риез. - я знаю. Знаю.

О чем он не сказал?

Дентон совсем расслабился, и понял свою ошибку, выйдя из медицинской зоны на центральный проход. Патрулировавший солдат неуверенно поднял пистолет и взял его на прицел. Дентон замер.

- Ллойд, вы? Не узнаете меня? Это я, Дентон…

- Я очень хорошо вижу, что Дентон. Вы уже не в коалиции. У меня приказ стрелять на поражение.

Лицо Дентона стало серьезнее. Голос немного изменился.

- Не стоит этого делать, солдат. Ты же знаешь – в любом случае у меня больше шансов. Тем более, мои переключатели-

убийцы работают. Прошу, дай пройти. Я просто уйду – и уже не вернусь...

Ллойд опустил оружие.

- За это меня отдадут под трибунал.

- Не отдадут, - резкий удар оглушил солдата. Дентон придержал бесчувственное тело, избегая шума, и отнес его на диван.

Но шум, видимо, все же был услышан. Из двери напротив выскочил Алекс Якобсон. Дентон обернулся.

- Привет, Дедал. Надеюсь, тебе было интересно наблюдать за моим побегом?

- Джесс, о чем ты говоришь?

- Ну, достаточно, мне хватило сообразительности понять, кто связался со мной через Эхо, изменив голос, помог бежать...

- О чем ты, Джесс? - лицо Алекс выразила неподдельную тревогу. - Эхо вышло из строя и было мертво. Вначале я подумал, что они казнили тебя.

Неторопливо, по капле, неосознанная тревога прокралась и в Дентона.

- Кто-то вырубил систему безопасности в тюремной камере, чтобы помочь мне бежать, - проговорил он тихо.

- Я лично устанавливал систему безопасности на острове Свободы. Она несокрушима. Ты начинаешь пугать меня.

- Не более, чем ты меня пугаешь. - Дентон ощутил, как пересохло во рту. Он вспомнил странный, крадущийся эхом голос. - Кто такой Дедал, и почему он пытается меня спасти?

- Лучший хакер, чем я, честное слово, - вздохнул Алекс. - Надо же, а! Попробую проверить записи, может, он где-то не замел свои следы...

- Что думаешь? Ты ведь наблюдал за мной там, в Адской Кухне, не так ли?

- Джесс, да... - Алекс спрятал готовую сорваться мысль и опустил голову. - Я не одобряю того, что происходит в агенстве, верно. Но мне не хочется быть пойманным, как ты. Ведь бежать, как ты, не сумею.

- Я собираюсь найти союзников Пола, выяснить правду и, возможно, помочь им в их планах. Не хочешь присоединиться ко мне?

Алекс поправил очки, пряча глаза.

- Мне нужно подумать об этом. Слишком многое держит меня здесь.

- Конечно, я понимаю, - Дентон махнул рукой. Взгляд уловил, что с рукой что-то не так, но не успел передать. - Не теряй со мной связи. И будь осторожен.

- Найди Картера. Я уверен, ты захочешь сказать ему пару слов.

Проход возле оружейной пустовал. Дентон подошел к знакомому окну, издали угадывая силуэт в неизменной камуфлированной майке-безрукавке, не покрывающей изрубцованные войной мышцы. Картер повернул голову и опять отвернулся, будто ничего не заметил.

- Генерал Картер, я узнал кое-что важное о Коалиции, что вам следовало бы услышать.

- Я открываю оружейную, - тихо откликнулся генерал. - Я не хочу знать, куда ты идешь и что собираешься делать. Просто – заряжай.

- Уолтон Саймонс, глава ФЕМА...

- Я сказал, заряжай, - повторил Картер гневно. - Ни слова больше.

- Генерал, Коалиция уже не та, которой вы и я стремились служить прежде, принимая присягу. Я ухожу, и вы не должны здесь задерживаться.

- Я знаю, что и кому я должен, офицер. Мы получили свою долю гнилых бюрократов – факт. Но это все еще Коалиция, рожденная к жизни слезами и гневом миллионов людей, которые стали жертвами. Мы не можем просто так уничтожить то, что возводилось усилиями всего мира, и во всем мире было желанным. Я знаю, во имя чего я служу. Остальное – преходяще.

- Вряд ли, - покачал головой Дентон. - Какая польза от хорошего солдата, если ему могут приказать действовать подобно террористу?

- Я считаю, агенство еще можно спасти, - ответил Картер решительно. - Как по мне, единственный способ – оставаться хорошим честным людям на своих местах. Это моя позиция – и закончим на этом.

- Вы не знаете, как все может обернуться. И на что способен Некто по имени Уолтон Саймонс... Ладно, я не тот, у кого есть право указывать вам решение. Мистер Картер, дайте мне из снаряжения то, что считаете нужным.

- Хорошо, Джесс. Возьмешь этот укороченный автомат с расширенной обоймой: к нему присоединяется оптический прицел. Выверишь и пристреляешь по ходу. И еще – возьми этот универсальный детектор. Улавливает любой сигнал и излучение от любых видов лазерной защиты, бомб, дистанционных установок, роботов и прочей дряни.

- Спасибо, сэр. Думаю, мне это совсем скоро пригодится.

- Иди своей дорогой и береги свою голову. И помни – мы

вернем это место на путь истинный.

Дентон опустил голову, потом как-то странно посмотрел на генерала и ответил совсем тихо, только чтобы быть услышанным.

- Ничего... Не вернуть.

С коротким автоматом в руке он пошел прямо, уже ни от кого не скрываясь. Позади остались люди, благодаря которым Дентон убедился, что не совсем сошел с ума. Пусть их глаза выражали что-то еще... знание, которое они скрыли от него. Сочувствие... Только глядя на каждый стул, каждый цветок по пути, перекошенное зеркало и инертный рисунок стен, Дентон ощущал чудовищную пустоту внутри. *Его* нет. Ни здесь – нигде. Его не будет. Он остался один под чужими звездами. Никому не нужен. Себе – тоже...

Только одно придавало сил и живило стремление выжить: нужно выяснить несколько непрозрачных моментов. Отгадать пару загадок. Кто он, и что ему с собой делать? Какой заговор рожден страшной Серой Смертью? *И за что умер Пол?*

Несколько раз Дентон проходил мимо солдат – ночных охранителей, и те напряженно замирали. Но он знал: в этих стенах они стрелять не будут. Слишком часто они видели его здесь, и знают *его право*. Право последнего визита.

При виде Дентона Дженис Рид изменилась в лице, как будто увидела привидение.

- Джесс? Мандерли, это Джесс! - закричала она через стену, но сорвавшийся крик перешел на шепот. Она прижалась к стене. - Не подходи ко мне... Как ты мог предать Коалицию?

Дентон, не повернув головы в ее сторону и думая о забавной способности мира переворачиваться с ног на голову вокруг одного человека, вошел в кабинет своего бывшего шефа.

Мандерли был один – но он был не один. Над коммуникатором Дентон увидел трехмерное голографическое изображение Уолтона Саймонса. Отрывок из разговора вылетел вовне: Дентон услышал хриплый, озабоченный голос Мандерли.

- Я не могу контролировать человеческий разум!

- Что ж, тем хуже. Вы больше не командир, Мандерли, - звук этого голоса производил привычный парализующий эффект. - Вы и не были им. Вы должны были дать Коалиции послушное дипломатическое лицо – вот и все.

- Я делал все, что мог.

- Но вы не справились. Я отстраняю вас от руководства Коалицией. Мы укрепим наши приоритеты.

- Я не хочу оказаться в темных бюрократических

задворках. Я...

- Честно говоря, не думаю, чтобы у вас был выбор. Взгляните: ваш звездный ученик вернулся, чтобы дать урок своему старому инструктору.

Мандерли только сейчас поднял голову, и Дентон увидел, что седина его волос стала более светлой.

- Джесс? - его брови ринулись вверх. - Тебе удалось бежать?

- Кажется, в ту ночь я так и не успел принести официально клятву на верность Коалиции, а потом не было времени. Я даже не знаю ее формы. Но как насчет этой: «Я клянусь не останавливаться, не щадить своей жизни и не опускать рук, пока Коалиция не будет очищена от подобных вам двуликих бюрократов, продажных клоунов, пародий на творцов мира, которые извратили свою миссию...»

- Великие слова для новобранца, - грустно и устало усмехнулся Мандерли. - Единственная проблема состоит в том, что «не щадить жизни» уже не получится. Наши спецслужбы уже знают о твоем побеге. Его люди, - он кивнул в сторону Саймонса, - тоже. А они везде, Джесс. Во всем мире тебе не спрятаться. Поверь мне, тебе не удастся прожить долго.

В разговор вмешался Саймонс, собираясь из виртуальных осколков.

- Вы не должны бежать, Дентон. И вы не можете бежать. Даже если вам удастся покинуть континент, что сомнительно, ваши переключатели-убийцы продолжают отсчет. Вы будете мертвы в течение двадцати часов... Еще 50 миллиардов долларов оказалось в канализации.

- Вы довольно дешево оценили нас с братом.

- Вы не познали ваших способностей, и мы уже никогда не дадим вам шанса обрести то, что вы могли обрести. И мы не повторим наших ошибок. Это заведение мне порядком надоело, но теперь я собираюсь лично возглавить его и восстановить дисциплину.

- Хм... Весело будет, я не сомневаюсь...

Изображение Саймонса исчезло. Мандерли закрыл лицо руками.

- Убирайся отсюда, Дентон. Пока я тебя не пристрелил.

- Зачем убиваться, если платишь за собственные ошибки. Именно благодаря вам Коалиция превратилась в то, чем она стала...

- Глупец, ты даже не спрашиваешь, был ли у меня выбор!

- Выбор всегда есть. Всегда можно уйти.

- В холодную обитель... Ты спрашиваешь, во что

превратилась Коалиция, но не спрашиваешь, во что бы она могла превратиться. Я всегда пытался найти тонкий, шаткий баланс между Вашингтоном и общественными интересами. Но этого уже не будет никогда. Саймонс в течение недели превратит агенство в свою личную армию. А ты – ты... - Мандерли нервно дернулся, - ходячий труп.

- На этот счет посмотрим. Я ухожу...И можете закрыть за мной дверь.

Еще несколько взглядов. Его кабинет, в котором он провел так мало времени – фикция, хранящая все же след чего-то большего. Вся его почта, пособия, учебники. Ученик... Мир оказался другим. Его обманули. И он был готов к обману.

Кабинет сержанта Берри – баскетбольный мяч на столе. Это не просто мяч, понял Дентон. Это нонсенс в их игре – как пиковый король на шахматном поле. Как ромашка в бетономешалке. Как коралловый риф в трясине.

Дентон обернулся. Полностью искусственный мир. Каждый дюйм, каждая грань возведена человеком, создана ним – из природы взят лишь субстрат. А потом... в этом мире нужно еще жить. Что сказать? На это требуется мужество.

Дентон слетел вниз, снова к медицинской зоне. Мигель сидел на стуле в углу и внимательно читал что-то. Было видно: с доктором он не перемолвился ни словом. Молчаливая природа, непроизнесенная доктрина «Синего Цветка».

- Что ты читал? - спросил Дентон.

- Да вот, ты, кажется, оставил книгу. - Мигель протянул Дентону «Тошноту» Сартра. - Ничего здесь не пойму.

- Я оставил? - Дентон поспешно проверил карманы. Его экземпляр, более затертый, но похожий на этот, как две капли воды, был на месте. Странно... Дентон с интересом взглянул на пустующее место доктора.

Он открыл книгу наугад и вырвал глазами из текста подчеркнутые коричневым карандашом строки. Потом закрыл глаза.

«Я в тоске огляделся вокруг: настоящее, ничего, кроме сиюминутного настоящего. Легкая и громоздкая мебель, погрязшая в своем настоящем, стол, кровать, зеркальный шкаф – и я сам. Мне приоткрылась истинная природа настоящего: оно – это то, что существует, а того, что в настоящем нет, не существует. Его нет. Совсем. Ни в вещах, ни даже в моих мыслях. Конечно, то, что я утратил свое прошлое, я понял давно».

- Может, нам пора? – Мигель недовольно тронул Дентона за плечо, и тот вздрогнул.

- Я хочу отдохнуть.
- Где, в гробу? У нас в распоряжении – минуты.
- Хорошо, идем.
- Стой… - Мигель вдруг вгляделся в его лицо пристально и тревожно, потом обошел и взглянул на него под другим углом. - Что это с твоим… Да нет, показалось, - он мрачно отошел.
- Что случилось?

Дентон подошел к маленькому зеркалу, в котором можно было увидеть только лицо. Лицо как лицо, бледное, невзрачное от самозабвения. Ничего особенного. Вначале он не увидел ничего. Но прошло несколько мгновений – контуры начали дрожать, расплываться, таять. Фактура лица утрачивала насыщенность, напрягая зрение, сквозь нее можно было уловить линии стола, больничных коек, рисунок стен. Он растворялся в воздухе, как в каком-то бреду или в каком-то сне. Дентон провел руками по лицу, в тот же момент кожа приобрела прежнюю тусклую матовость и телесность. Ладони ощущали самую обычную кожу, под нажимом под ней – кости и зубы. Ничего, плохая иллюзия. То, что ему показалось, он видел не глазами, и к реальности оно не имело никакого отношения.

Боже, если бы это видел только он…

Теперь стали ясны взгляды, странные в своей тревоге и сочувствии взгляды окружающих. Они ничего не знали, думали об этом, как об иллюзии. **Но они догадывались**.

О чем?

О том, что он растворяется? Тает, становится все прозрачнее, особенно после использования термооптического камуфляжа, и вскоре совсем исчезнет для этого мира?

Нет, еще рано сходить с ума. Дентон хлопнул себя по совершенно нормальной щеке. Даже ужасы последней ночи не дают на это права. Он покинет этот чертов Город, и все станет на свои места.

Небо раскрыло свои объятия двум одиноким людям, и у них не было альтернативы. Дентон ощутил попытку подключения через Эхо, и с удивлением услышал голос Гюнтера.

– Нет, я не могу простить… Нет, не убийство агента Наварре. Знай, Дентон, я твой враг отныне. А знаешь, что это означает? Я буду следовать за тобой – всюду, и даже на краю обитаемого мира я тебя найду.

После всего происшедшего, вспоминая ночь, вспоминая раст… таких как Наварре, Гюнтер, Дентон начинал догадываться: не все люди – люди под этой луной. Уже давно.

Гюнтер и Наварре были первыми из преображенных людей, изменивших свою сущность, поделившись ею с металлом. Когда-то их назвали бы киборгами, в классическом понимании этого слова. Гюнтер не знает страха, и почти не знает боли. Он опасен, как никто.

- Старина, ты только вдохни этот ветер, - Мигель был полон энтузиазма. Он поднял голову и расправил худые плечи. - Черт, какая прелесть эти ночи в Манхеттене, на побережье!

- Почему... - Дентон покрутил головой. - Почему никого нет? Нигде никого нет?

- Не понял? - удивился Мигель. - Дружище, это же ночь, и это же остров Свободы! Вон статуя с оторванной головой...

- А, ну да... Точно. - Дентон не был уверен, имел ли он ввиду людей.

Они шли по травам, не глядя под ноги. Травы шевелились, как живые. Трава... Скоро ее не будет. Ведь скоро не будет. Над головой и до горизонта была Одна Нетронутая Ночь.

- Ты не хочешь, снять, наконец, эти чертовы очки? Или тебе в них лучше видно?

Ветер, достаточно холодный, чтобы очищать, играл с их волосами.

- Не могу. Не теперь. Они еще нужны мне.

Монолит здания остался за спиной, не требуя дани последнего взгляда. Безголовая статуя искала опору где-то в черноте небес за стеной. Они медленно шли к вертолету. Вертолет черной куницей затаился у забора. Дентон вздохнул поглубже, пытаясь уловить запах моря. Море должно быть где-то рядом. Он увидел, как Мигель выжидающе остановился.

- Что-то случилось?

- Джесс, ты летишь в Гонконг?

- Да, нам нужно...

- Я... не могу с тобой лететь. У меня есть дела в Манхеттене.

- Что ж, тогда прощай, - ответил Дентон без сожаления.

- Спасибо тебе за помощь – и удачи. Я верю, мы еще встретимся, - сказал Мигель, зная, что они оба не желают этой встречи.

Они крепко пожали руки, странные друзья, непонятные враги. Дентон подивился, с какой легкостью Мигель перемахнул через высокую ограду и побежал мимо зачарованных тополей и каменных лент-дорожек. Свободен? Вряд ли.

Дентон вдруг лег на землю и раскинул руки. Он посмотрел в непрозрачную темноту небес – он посмотрел в зеркало. Краем

глаза Дентон заметил, как из черного вертолета выпрыгнул пилот в сером комбинезоне и пошел в его сторону.

- Джес, у нас нет времени. Нужно убираться отсюда.
- Как ты узнал, что меня нужно встретить?
- Дедал сказал. Он сам себя называет «Дедал».
- Твой друг.
- Нет, я его не знаю, - Джок помог Дентону подняться. - Я пришел потому, что у твоего брата я в долгу.
- Жаль, что он не летит с нами.
- Мне тоже, Джесс. Мне тоже. Я постараюсь помочь тебе найти его союзников, таинственных людей Гонконга. Посмотрим, стоит ли этот вертолет всей этой суматохи с побегом. У Маджестик-12 есть много людей и оборудование для слежки в Гонконге. Они будут за нами следить. Ты готов?
- Джок, мир изменился за последнюю ночь. Это не мой мир.

Джок опустил глаза.

- Джесс, это твой мир, твой, как ничей более. Ты просто еще не разобрался – но ты это поймешь. Тебе придется привыкнуть жить в своем мире, если хочешь выжить. Потому что теперь ты для них – самый опасный человек в мире.

Вертолет медленно набирал высоту. О чем все продолжают говорить намеками? Какой его тайны они претендуют на знание, вызывая у него лишь тоскливые догадки?

Светлая точка вспыхнула в небе, одна в пустом небе. Все равно, куда она держит путь. Смешно думать о ней на Земле. Смешно ей воспринимать всерьез тех, кто остался на Земле.

На земле холодно. И сухие листья теряют золото, осыпаются, засыпают скамьи в парках, урны, обрывки чужих писем.

Они летят…

О них забыли.

Часть 2
Гонконг
Время искать

Странник! Это слово
Станет именем моим.
Долгий дождь осенний…

Хайку

Глава 1
В городе

Красное-красное солнце
В пустынной дали… Но леденит
Этот ветер осенний.
Хайку

Тусклое, разбавленное серебро бросает полная луна на воды канала. Серебро дрожит, уплывает куда-то за горизонт, не исчезает и не возвращается.

Темный канал спокоен – каналу все равно. В сонной растерянности почти случайно плещется волна о деревянный причал и о борт лодки. Вдали играет тихая музыка дао: это даже не музыка, это чистая мелодия из обнаженных звуков, сменяющих друг друга в медитации. Над каналом нависли тени мостов, лишь кое-где гирлянды бумажных фонарей делают воду желтой и мутной. Здесь глубоко: сколько бы ни смотрел рыбак в мутную толщу канала, не угадать ему дна. Но вода дрожит, вода теряет на миг безмятежность: что-то тревожит ее *оттуда*.

Нигде звезды не кажутся такими далекими, такими игрушечными и грустными, как из лодки, плывущей в канале. Особенно, если они подернуты дымкой белесого тумана. Туман плывет быстро, и если смотреть долго, поймешь, что это не туман – это дракон-призрак с длинным хвостом и пустыми глазами облетает свои владения.

Лодка плывет мимо древнего корабля, который стоит здесь сто лет, темный и окаменевший, мимо уходящих в воду ступеней, мимо тоннеля в стене. Лодка неспешно летит в такт плеску весла, далекая тем небоскребам, чьи вершины, как горные гряды, угадываются вдали на фоне ночи.

Сумрак и тишина. Сон жизни и пробуждение вод. Обманчивый свет и изменяющаяся тень у берегов. Берега слишком высоки, чтобы можно было к ним причалить. Только плыть – и говорить вполголоса. Потому что громкое слово может быть не услышано…

В низкой маленькой лодке – таких много в канале – сидят двое. Какой-то источник бросает свет на их лица. Ближе к корме склонился к воде высокий мужчина с широким, но сухим лицом. Бритый отполированный череп блестит матово в лунном серебре. Узкие косые глаза сощурены во внимательном взгляде. Пульсирующие на шее синие стрелы летят куда-то в сторону города. Он был облачен в серые широкие штаны и прошитый шнурками и золотом жилет без рукавов, а сверху – в

длинный красный халат, украшенный причудливыми золотыми рисунками. Символы. Напротив, опершись красивыми длинными руками о борта и откинув голову, смотрела куда-то в звезды молодая женщина в коротком платье из такой же алой материи. На стройных длинных ногах блестели зерна залетевшей из канала воды. Легкий сонный ветер шелестел в густых коротких волосах, черных, как глаз озерного демона. В тонких чертах только раскосые глаза выдавали синскую кровь на немного бледном лице. Трудно было прочесть что-то в этом лице сейчас. И в этих глазах – косых, но всегда широко раскрытых.

Обладатель татуировок - пульсирующих стрел поднял над бортами то, чем любовался так долго. В его руках появился длинный меч, лезвие которого сверкало, как северное сияние. Его мерцание на мгновение ослепило женщину, и она прищурилась. Мужчина держал меч за рукоять, избегая касаться живой ткани лезвия. Раздался его тихий глухой голос.

- Подумать только, этот меч может изменить все. Вернуть нам то, что было давно утрачено, но в чем теперь мы нуждаемся, как ни в чем другом. Вернуть нашу прежнюю силу и независимость, обращенную к истокам и традиции... Тот самый легендарный меч, о котором я тебе говорил. Кстати, я узнал больше о той опасности, которая всех так тревожила. Я теперь знаю почти все. Неизвестно только имя человека, благодаря которому нашу триаду используют. Но выяснить это – вопрос времени.

- Вопрос времени, - со скрытым равнодушием подтвердила она.

- Честно говоря, я подозреваю почти всех... Мэгги, ты, конечно, вне подозрения. Когда мы найдем предателя, он будет умирать очень долго. Тогда, может, мы заключим мир со Светлым Путем. При существующем мече вражда становится бессмысленной – и самоубийственной.

- А что потом?

- Потом, когда мы освободимся от влияния тех сил, которые нам его навязывают... Весь город будет под нашим контролем – меч позволит это сделать. Это будет началом возрождения.

- Возрождения... - с сомнением повторила она. - А как насчет того, что я говорила вам о них?

- Это иллюзия. Непобедимых организаций нет – мы сами можем им противопоставить многое, навести порядок и бороться с хаосом. Меч – доказательство и первый шаг. Гораздо важнее – не утратить первоисточник. Ты же это понимаешь, не

так ли?

- Да, конечно, - краем губ улыбнулась она и склонилась вперед. - Можно посмотреть на меч поближе, в моих руках?

- Разумеется, - он нежно коснулся ее руки. - Только будь осторожна. В неумелых руках он может обратиться против их владельца.

Меч перешел в длинные тонкие пальцы, которые крепко и умело обхватили рифленую рукоять. Она провела взглядом по лезвию и перевела глаза на своего спутника. Этот взгляд все сказал, но только было поздно. Лишь одно неуловимое движение – и, сделав вираж в воздухе, меч вошел глубоко в его грудь, как в трехмерную нематериальную проекцию. Он только глубоко вздохнул.

- Зачем? - и повалился на передний край лодки. Тонкий надрез на красной наноткани почернел, как от огня. Она стала над ним и ударом ноги столкнула тело в неразборчивый омут вод.

Зачем? - она поправила волосы рукой. - Очень жаль, но я не знаю. Я не могу знать все. Никто не знает до конца, зачем. Но так надо, раз это – часть сценария. А я хочу освободиться. *Я так хочу освободиться…*

***

Дракон в зеленой куртке и с бритой головой, увенчанной одинокой прядью волос, навис над маленьким седым человечком, не замечая ни сидящих вокруг людей, ни мира внизу, под этой высотной террасой.

- Вы хотите заниматься бизнесом в Ван-Чай?

- Я уже заключил договор с триадой Светлого Пути, - попытался освободиться хозяин кафе.

- Тогда вы надолго здесь не задержитесь.

- Идите к дьяволу, не надо меня запугивать.

Дракон хрустнул пальцами.

- Хорошо, только не удивляйтесь, если завтра здесь будет инспекция.

- Я знаю некоторых людей из комитета здравоохранения. Их нельзя купить!

- Я не сомневаюсь. Вот только вряд ли они любят крыс, - и в доказательство своих слов дракон мощным ударом раздавил под подошвой пробегавшего мимо зверька. Потом окинул площадку взглядом, полным осознания превосходства и неподчинимой силы…

Стоп. Странно – вон тот наглец в идиотских черных очках смотрит в его сторону. Пьет свой чай и даже не опустит головы для приличия.

- Эй, - зарычал дракон и сделал шаг в его сторону. - Эй, ты! Мне не нравится, как ты на меня смотришь!

Ему ответил ровный голос, тихий, хотя каждый из присутствующих его услышал.

- Если ты уйдешь *сейчас*, это устроит нас обоих.

В странном молчании оскорбленный дракон приблизился к безумцу, который, судя по всему, еще и был *чужим*. Огромный кулак был занесен над ним, как приговор. Но выброшенная, словно молот, рука вдруг нашла препятствие, улетела в сторону. Раздался отчетливый хруст костей, заглушенный криком боли. Незнакомец в очках встал и, схватив покалеченное тело, перекинул его через край террасы. Где-то внизу раздался шлепок.

Все произошло очень быстро. Прошло несколько мгновений, когда два товарища пострадавшего опомнились. В воздухе сверкнули длинные клинки – и опустились, встретившись взглядом с черным зрачком автомата.

- Уходите отсюда, - спокойно сказал Дентон. Они медленно спустились по лестнице, и вид их не обещал ничего доброго.

Седой хозяин кафе подошел к нему.

- Зря вы с ними связались, - сказал он вполголоса. – Они вернутся, и ничего хорошего от них ждать не придется. Они убьют вас, а тело – изуродуют. Кроме того, полиция здесь под их крылом. Она нагрянет за считанные минуты. Лучше уходите, иначе проблемы будут у нас обоих.

- У них – может быть… Кто эти ребята?

- Члены триады «Красная Стрела».

- Они приносят много проблем?

- Обычные головорезы. Много говорят о традициях, каких-то духовных ценностях, но на деле – просто бандиты. Единственная традиция, которой они свято держатся – обычай убивать друг друга. Сейчас они подрались за какой-то меч… Надеюсь, они перережут им друг другу глотки.

- Ладно, - Дентон тронул его за рукав. – Я посижу еще немного.

- Он сел на место, оставив в сторону остывший чай, и посмотрел вниз, на сидящих, стоящих, бредущих куда-то людей. Мясник, продавщица цветов, девушка у киоска с газетами, силуэт возле ряда с китайскими вазами… Эти люди – они привязаны к местам. Неужели они не видят, что они привязаны к своим местам? Это к лучшему – потому что они не

потеряются, не сорвутся. Но ведь они привязаны. Связаны…

Прошло полчаса с момента, как Джок высадил его на заброшенной площадке к северу от маленького рынка в районе Ван-Чай. Никто не преследовал их, не ловил в силовые поля. Зачем?

Джок исчез в неизвестном направлении, а Дентон – Дентон не спешил. Он знал, что его переключателям-убийцам осталось около шестнадцати часов. И тем не менее Дентон сел в ближайшем кафе на высотной террасе и погрузился в себя. Он ничего не чувствовал – и умирал. Он так долго не спал и понимал: эти двадцать четыре часа будут отмечены особой печатью. И время будет тянуться иначе.

Кажется, кто-то беспокоился о нем больше него самого. Тревожные сигналы подавал через Эхо Джок. А вот и Дедал напомнил о себе требовательно похожим на эхо рокотом:

- Найдите Трейсера Тонга. Если вы умрете, все наши планы рухнут. Вы должны выжить.

О каких планах говорил призрачный Дедал, Дентон понимал смутно. И где искать Тонга – тоже. Единственную зацепку дал ему Джок, когда посоветовал искать большое красное здание в районе Ван-Чай возле этого рынка… и сказал искать и видеть большее, чем видится. Именно где-то здесь высаживался Пол несколько раз.

Дентон не сомневался: в любом районе Гонконга достаточно много больших красных зданий. Одно облегчало задачу: ночью не так много людей заслоняет горизонт, да и оставшиеся – лишь безмолвные силуэты, не крики.

Где-то снизу на ступеньках послышался шум. Наверное, полиция, понял Дентон. Перегнувшись через перила, он прыгнул с двухметровой высоты и оказался прямо перед девушкой-продавщицей газет в джинсовом костюме. Она широко раскрыла глаза:

- Вы откуда?

- Сверху… - не нашелся Дентон.

- Интересует пресса? Эксклюзивный выпуск «Дейли-пресс»: война триады Светлого Пути против Красной стрелы.

- Такое впечатление, что триады теперь в центре внимания всего Гонконга.

- Это из-за войны между ними. Война везде – и сказывается она не только на них самих. А вы, кажется, не местный? Я просто не вижу… за очками.

- Штаты. Расскажите мне что-нибудь еще о ситуации в Гонконге.

- В городе хаос. Опасно ночью уходить далеко от

оживленных мест вроде рынка. Идут бои триад, перестрелки прямо на улицах. Они поспорили из-за какого-то особенного меча. И не только триады. Иногда можно встретить странных людей, на людей не очень похожих.

- То есть?

- Они прячутся, как только повстречаешь их на пути. У них странные глаза… В последние месяцы в Гонконге возросло количество убийств. Я слышала, Китай собирается ввести одну из своих дивизий и впервые за многие годы объявить в Гонконге комендантский час, если полиция не наведет порядок самостоятельно.

- Здесь много полиции – и все вооружены тяжелым оружием. Неужели им не под силу контролировать город?

- В войну триад полиция не вмешивается. Красная стрела – и кто-то еще, я уверена, о ком мы не знаем – оказывает на них влияние. Это параллельная жизнь, параллельная война…

- Кто побеждает в войне?

- Красная Стрела. Скоро весь Гонконг будет в их руках. Светлый путь слаб, несмотря на свое сопротивление, он скоро успокоится. За Красной Стрелой стоят могущественные союзники.

- Например?

- Не знаю, - просто улыбнулась она. – Не знаю, кто может быть сильнее и опаснее триад в городе, но они есть. Они снабжают Красную Стрелу новым оружием и системами безопасности, тогда как драконы Светлого Пути до сих пор ходят с дробовиками образца 20-х годов.

Дентон нахмурился, чувствуя, что запутывается. Достаточно.

- Не знаете, где здесь поблизости найти большое красное здание?

- Да я не знаю, даже… - она задумалась. – На востоке, за рынком, есть красное здание, но оно небольшое – маленький буддийский храм. Ну, еще – правда, это вряд ли то, что вам нужно – за высокими красными стенами, которые и отсюда видны – резиденция, база триады Светлого Пути…

Дентон повернул голову. Там, где свисали самые нижние нити распущенного тумана, их накручивали на себя штыри колючей проволоки. А проволока покрывала похожую на крепостной вал темно-бурую стену. Стена уходила куда-то в глубину города, и ее край заслоняли другие дома и строения.

- И все?

- Больше не припомню здесь, возле рынка, ничего красного.

- Ладно, - Дентон пожал плечами. – Рад был поговорить с вами.

- Я тоже. Можете прийти еще.

- Не этой ночью, - он положил газеты на место и пошел прочь. Прошел мимо робота, ощетинившегося пушками у дороги – охранника гражданского покоя, вдоль полицейского участка, мимо огромных фарфоровых ваз с причудливым рисунком за витриной – и живых цветов в маленьких горшках.

Небольшой храм на краю он нашел без труда. Темно-пурпурные колонны и изогнутые ступени венчали вход. Дентон вошел и немного удивился: пространство, единое и составляющее вытянутый в глубину зал, было заполнено густым молочным туманом с пряным запахом. Нужно было привыкать не одно мгновение, чтобы в этом тумане разглядеть пьедестал в центре с задумчивым золотым Буддой, пребывающем и здесь – и где-то в Запредельном, о чем говорил пустой и бесстрастно-безжалостный взгляд. Дентон с трудом увидел монаха в сером кимоно, притаившегося на другом конце зала возле дымящей емкости с благовониями. Осторожно ступая, Дентон приблизился к нему.

- Простите за беспокойство в такое позднее время, но не могли бы вы уделить мне несколько минут?

- Монах обернулся, на него посмотрели нахмуренные раскосые глаза, и он услышал сердитую речь на незнакомом языке.

Понятно, подумал Дентон и направился к выходу.

Штаб Светлого Пути? Дентон с сомнением покачал головой, вспугнув серых голубей. Он обошел нечто, скрытое от чужих глаз укрепленными стенами со всех сторон, наверное, такими же высокими, как Великая Китайская Стена. В разрыве северной стены тускнела бронедверь, а возле нее стоял, широко поставив ноги, некто без бровей с тяжелым подбородком, без волос и в серебристой куртке. Дентон остановился напротив.

- Вы, должно быть, член Триады «Светящийся Путь»?

- Я глава триады «*Светлый* Путь», - угрюмо поправил его страж. - Главный Дракон. Меня зовут Гордон Квик.

- И потому вы стоите на дверях..?

- Я имею свои основания здесь стоять, и вам везет, что я еще не пристрелил вас за возмутительную наглость.

- Я знаю, почему позволяю себе так разговаривать с вами. И вы ведь тоже знаете, не так ли?

- Не понимаю, о чем вы говорите, - Гордон Квик свирепо посмотрел Дентону в глаза, что должно было иметь пугающий

эффект..

- Вообще-то мне нужно найти человека по имени Трейсер Тонг. Мне нужна его помощь.

- Почему это должно интересовать меня?

И тогда Дентон пошел ва-банк.

- Не должно, но… - он снизил голос. – Моему брату вы бы ответили иначе, не так ли?

Гордон Квик замер и впился в Дентона глазами.

- Да, Джесс Дентон, - произнес он после паузы. – Я узнал вас, хотя никогда не видел. Да, это правда: я знал вашего брата, очень хорошо знал. Он был мне другом. Но вы – не он. Мы знаем, что вы верны Коалиции.

- Был. До того, как Пол объявился в Нью-Йорке. Несколько часов спустя мы оба были вне закона.

- И тем не менее мертв он, а не вы… - Гордон Квик осекся, увидев что-то за черными очками незнакомца. – Как бы то ни было, вы в Гонконге сейчас…

- Это я заметил.

- А в Гонконге доверие не в чести. Более того, я назвал бы его Городом Недоверия. Каждый, даже если он не обманщик и не предатель, ведет свою игру, преследует свои цели, которые редко совпадают…

- Можно короче?

- Трейсер Тонг не будет иметь дела с подозрительным иностранцем, которые может оказаться шпионом. Будь он хоть родным братом Пола.

- Что вы хотите?

- Мы хотим иметь еще одного такого же союзника, как Пол. Но нам нужны доказательства вашей лояльности. Джесс Дентон, мы должны быть уверены в вас.

- Кажется, лояльность стала магическим словом современного мира. Что ж, вы имеете на это право, - согласился Дентон. – Только если я не встречусь с Тонгом вовремя, то через несколько часов я уже не буду ничьим союзником.

- Я предоставлю вам эту возможность, но только после того, как вы выполните маленькое поручение.

- Поручение? Перебить команду боевиков Красной Стрелы или выкрасть новый меч, за который вы сражаетесь?

Квик вдруг схватил его за рукав.

- Откуда вам известно о мече?

- На рынке каждый второй говорит об этом…

- Вы попали в точку. Из-за этого меча мы воюем с Красной Стрелой. Некто убил предыдущего главу триады и выкрал меч,

а обвинение пало на нас.

- Что это за меч?

- Это необычный меч. Творение новой технологической эры с самозатачивающимся клинком. Он называется «Зуб дракона». Могучее оружие, которое могло бы вернуть триадам их силу и независимость. Мэгги Чоу, за которой стоят непонятные силы, украла Зуб Дракона, чтобы передать технологии нашим врагам и в то же время разобщить и ослабить триады. Макс Чен, главный дракон Красной Стрелы, не понимает, что пригрел на груди змею, и что война уничтожит нас обоих.

- И при чем здесь я? – спросил Дентон, чувствуя, что ввязывается в непонятную и неприятную чужую игру.

- На вас ляжет важная задача, Дентон, потому что я знаю, на что способны вы и ваш брат. Вы проникнете в дом Мэгги Чоу. и найдете этот меч.

- Вот как? – Дентон ощутил разочарование. – Мне кажется, я должен буду найти этот меч, даже если его там нет.

- Он там, я уверен в этом! – горячо сказал главный дракон. – Она живет на улице Тонночи. Самое высокое здание, вам любой на него укажет.

- Она может и не пустить меня в дом, - заметил Дентон.

- Вас она примет в любом случае, я ручаюсь в этом, - загадочно ответил сянганец. – И даже если нет, для вас-то всегда есть альтернативные пути.

Дентон не стал спрашивать, откуда такая уверенность. Он установился у зеленого дерева с темными плодами и задумался. Нет, Гонконг ему не нравился. Коварный город, где правда, видимо, так тесно переплетена с ложью, что разобраться просто невозможно. А играть – играть опасно. Ведь пешки умирают первыми.

Играть можно. Но только, когда это твоя собственная игра.

Глава 2
В доме

На стену крепостную
Паутинкой
Неспешно тень вечерняя
Ложится.

Хайку

Эта дорога не имеет конца…» - дышали звезды в холодном небе. Тонкая, как лента, черная, как змея. Дорога больше в высоту, чем вдаль. Высокие осколки расколотых снов надвинулись на эту тонкую улицу, но замерли, бессильные раздавить ее до конца.

Дорога Тонночи. Она была залита тем мягким светом, который струится в парке маленького города от одинокого фонаря. И много голубей, которых уже не испугает легкая поступь чьих-то ног. Высотные здания в гордом молчании стоят, очищенные на несколько часов от гула дневной суеты. Люди в белом, люди в черном. В основном – люди в сером. А пестрота цветов радуги – она не для ночи. Она останется в ночи незамеченной…

Некто в темно плаще с высоким воротником поднялся по подсвеченным ступеням и замер в начале дороги. Нет, он не остался без внимания. Навстречу побежал человек в белом кимоно, опоясанный мечом.

- Эй! Вы, кажется, незнакомое лицо на улице Тонночи.
- И какое отношение к этому имеете вы?
- Просто, к вашему сведению: эту улицу охраняют не только те силы, которые вы можете увидеть. Они могут оказаться друзьями или врагами – все зависит от того, какой след вы решите оставить на этой улице… Встречаясь с той, к кому вы идете, не верьте ни одному ее слову.
- Я никому не верю. Но вы, наверное, имеете в виду Мэгги Чоу? Кто она?
- Никто не знает, - человек в кимоно загадочно усмехнулся. - О ней никто не слышал два года назад. Бывшая актриса. Сегодня это одна из самых влиятельных фигур в Гонконге. И… она многих хочет погубить.
- Зачем? – спросил Дентон просто.
- Потому что это кому-то нужно. Может, вам удастся узнать больше.
- Вам что, известно обо мне что-то?
- Мы знали вашего брата. Он многим помог нам.
- О, да… Есть хоть кто-нибудь под этим небом, кто не знал бы моего брата? Наверное, есть. Я…

Разминувшись с патрулировавшим вдоль дороги полицейским с внушительной снайперской винтовкой и заблудившейся школьницей, Дентон остановился перед высоким зданием, споткнувшись взглядом о его имя: «Квинз-Тауер, Королевская Башня». Загадочная Мэгги Чоу живет здесь.

Зеркальные двери разъехались в стороны, учуяв его приближение, и ночной портье перед входом учтиво улыбнулся.

- Добро пожаловать в Квинз-Тауер.

- Здесь живет та, которую я ищу?

- Мисс Чоу, вы имеете в виду? Да, она занимает апартаменты на третьем этаже.

- Я могу попасть к ней?

- Разумеется. Только используйте тот лифт, что справа. Левым пользуется только охрана мисс Чоу, и им не понравится, если кто-то посторонний будет вдруг там обнаружен.

Дентон завернул за угол белого коридора. Две двери – два лифта. Дентон потянулся к кнопке справа, но вдруг опустил руку. Левый лифт запрещен. А значит, именно ним нужно воспользоваться.

Лифт принес его к темному помещению какого-то склада в цельнобетонной скорлупе без прикрытия. Кто-то поникший ходил у дальней стены без цели, вписывая недостающие нотки в ритм дыхания. Дентон подошел ближе и увидел молодую женщину с землисто-серым цветом лица, который делал ее безликой. Она посмотрела на него снизу вверх. «Сними маску», - вдруг захотелось ему сказать, но он вовремя остановился.

- У вас есть… пять кредитов, мистер?

- Да.

- Я буду честна – я использую наркотики, чтобы унять боль.

- Забытая добродетель вроде честности стоит больше пяти кредитов.

- Спасибо. Вы ищете здесь что-то?

- Да, я… Пытаюсь найти дорогу к Мэгги Чоу.

- Я бы не стала пользоваться этим путем. Он в ведении охраны, а ей не нравятся посторонние люди, - она махнула в сторону смутной решетки у стены.

Дентон подошел к решетчатой двери и различил за ней уходящие вверх ступени. Натренированный слух уловил знакомое журчание лазерных ловушек. И устройство Картера ожило мягким сиреневым сиянием.

Что ж, подумал Дентон – система безопасности комплекса, как следует. Его это не должно интересовать. Разве что ловушки нужны для того, что бы скрыть нечто важное… Например, меч.

Он вернулся к правому лифту и поднялся на третий этаж. Скрытая под дерево бронедверь открылась после первого звонка.

Невысока полная прислуга в сарафане и фартуке стояла на пороге. Заглянув за ее плечо, коснувшись лучом взгляда ковров и стен, старого рояля в углу и уходящего в обе стороны пространства, он сразу ощутил масштабы маленького мирка под стеклом.

- Добрый вечер… Могу я увидеть мисс Чоу?

Дентон четко осознавал, что сейчас далеко не вечер, а поздняя ночь. Что Мэгги Чоу, как большинство людей, будет спать, и на него посмотрят, как на сумасшедшего… Но он знал, что она не спит. Знал: не спит никто из тех, кто участвует в Игре.

- Мистер Джесс Дентон. Меня зовут Мей Сунг, и я провожу вас к мисс Чоу. Она ждет. Следуйте за мной.

От того, что о нем знают и его ждут, Дентону стало не по себе. Сколько жителей этого города уже знают о его появлении? Но только на миг – а затем вновь стало все равно. Он отстранил мысли. Не время удивляться чему-либо теперь. Пусть вначале истекут двадцать четыре часа. А потом время разгадывать загадки придет… или не придет.

Они прошли по коридору, и Дентон замер, оказавшись перед большим залом, погруженным в красные тона. Темно-бордовые ковры и дорожки на лестницах, вишнево-неспелая роспись стен, диваны и кресла оттенка закипевшей крови. Только желтые вазы и белые будды под стеклом не давали утонуть глазам в багрянце без остатка.

Часть зала уходила вниз, образуя отдельное пространство с прозрачными стенами – огромными окнами до потолка, открывавшими спящий город в наготе, скрытой от тех, кто внизу, высотой в пятнадцать метров.

Напротив окна, подобного стеклу огромного океанариума, стояла высокая молодая женщина в красном коротком платье, глядя куда-то вдаль.

Он подошел почти неслышно, но она все равно услышала и обернулась. Дентон увидел ее лицо… и вспомнил почему-то, как летел с парашютом над океаном в лучах заходящего солнца много лет назад. Над самой водой. Он понял тогда, что такое бездна. А еще – что бездна не только отталкивает. Она может притягивать настолько сильно, что сопротивление бесполезно.

Дентон махнул головой. Глядя в косые, но так широко раскрытые темные глаза, он вдруг ощутил, что почему-то не может отвести взгляда.

- Мэгги Чоу – мистер Джесс Дентон, - представила их Мей Сунг.

- Видимо, красный – ваш любимый цвет, - заметил Дентон.

- Мистер Дентон, - улыбнулась она, трансформируя пространство вокруг. – Такой же мрачный и серьезный, как и его брат.

- Мое имя… И Пол? Вы знакомы с моим братом?

- Очень близко, - сказала она неоднозначно. – Зовите меня просто Мэгги.

- Пол не упоминал о вас никогда, - Дентон пытался напрячься, собрать всю бдительность в кулак. Но с ужасом чувствовал, что бдительность его стремительно покидает.

- Именно поэтому он до сих пор жив! – откликнулась Мэгги. – Он умеет хранить секреты даже от собственного брата.

У Дентона пересохло горло.

- Мисс Чоу… Мэгги. Пол мертв.

Он с удивлением увидел, как изменилось ее лицо.

- Что? Что за… Этого не может быть. Пола не могли убить, - закончила она шепотом.

Как бы коварна она ни была, Дентон почему-то был уверен: в этот миг она не играла.

- Он убит его врагами – моими врагами. И раз уж он умер, я собираюсь позаботиться о том, чтобы он умер не напрасно.

- Пол говорил вам о Маджестик-12, верно? – спросила она дрогнувшим голосом. – О конспирации за спиной Коалиции?

- Только имя.

- Я тоже знаю мало. Но они послали Пола сюда, в Гонконг, чтобы убить главу Красной Стрелы – и меня тоже.

- Пол обманул их?

- Точнее, мне удалось убедить его.

Дентон ощутил, что запутывается полностью.

- Мэгги, я только что разговаривал с Гордоном Квиком, и он обрисовал мне ситуацию в точности до наоборот.

Она взглянула на него холодными глазами.

- С самого вашего приезда уясните: этот город – декорация, и угадать, что за ней скрыто, и опасно, и почти невозможно. Правда в Гонконге редко встречается в чистом виде, и вы правильно делаете, что не доверяете никому. Только факты. И у меня есть факты… В полицейском участке возле рынка хранятся файлы с доказательствами преступной деятельности Светлого Пути. У них есть все, чтобы покончить с этой бандой, но только они бездействуют. Идите и убедитесь сами. Вам ведь это не составит труда, верно?

- Возможно, я проверю.

- Да, сделай это, Джесс. Нам нужен такой союзник, каким был твой брат… - она осеклась. – А теперь оставь меня,

пожалуйста, наедине. Твоя новость застала меня врасплох. Нужно многое обдумать. Позволь Мей Сунг проводить тебя.

- Конечно… - Дентон покорно последовал за Мей Сунг. Лифт принес его вниз. Белый коридор, ночной портье, зеркальные двери.

Оказавшись на улице, на ветру, Дентон ощутил, как вязкий туман выходит из его отупевшего разума. Он обернулся.

Что-то было не так. Он что-то делал не так, как должен был.

Важное упущено. Голова прояснялась, Дентон удивлялся и не мог уловить, что его удивляет.

Фонарь на углу замерцал и погас. Скрыл чьи-то следы.

***

Гордон Квик с нерушимым взглядом ожидал у той же затоптанной тропы. Он заметил Дентона издалека и выжидающе смотрел в его сторону.

- Я был у Мэгги Чоу… - Дентон подбирал слова.

- И что? Вы нашли меч?

- Нет. Я проверил ее дом, и не обнаружил ничего подозрительного. Что мне действительно нужно, так это найти Трейсера Тонга.

- Меч там, я уверен в этом! – Гордон Квик повысил голос. – Значит, вы плохо смотрели. Идите и проверьте еще раз. Я не допущу вас к Тонгу, пока меч не будет обнаружен.

Дентон хотел сказать что-то, но вдруг закрыл дверь перед невысказанной мыслью. Похожее на дуб дерево смотрело на него всеми листьями.

Смысл происшедшего дошел до него. Он ничего не проверил. Он дал возможность обвести себя вокруг пальца, не заглянув ни в одну из комнат. Ему затуманили разум…

Момент упущен. То есть, может произойти непоправимое.

На глазах у главного дракона Дентон развернулся и побежал со скоростью растворяющейся в рассвете тени. Гордон Квик не думал, что человек может бегать так быстро.

Прошло около получаса, и он услышал телефонный звонок.

- Это Чанг, наблюдатель с улицы Тонночи. Есть сведения, что в доме мисс Чоу произведен погром. Там была стрельба, домработница и охрана перебиты. Предположительно, меч похищен.

- Сведения надежны?

- Мне это рассказала больная Серой Смертью, которая ночует у них в техническом помещении. Она также сказала,

что видела пару часов назад молодого человека в черном пальто с высоким воротником…

Этот парень точно не Пол, неодобрительно подумал Гордон Квик. Впадает в крайности. То приходит с пустыми руками, то шумит на весь район…

***

Прошло около получаса, пока Дентон смог вернуться на улицу Тонночи. Подходя к Королевской Башне, Дентон искал предлог, чтобы осмотреть дом Мэгги, зная, что не найдет его.

Странность была в том, что в этом предлоге он нуждался.

Ночной портье стоял на прежнем месте, только уже не улыбался. Устал…

Дентон поднялся по правому лифту и позвонил в дверь, ожидая шагов и щелчка с той стороны. Но только там царило молчание. Дентон позвонил еще раз и еще.

Ответа нет. Что ж, подумал Дентон, вход никогда не бывает один. Пришло время воспользоваться левым лифтом.

Полутемное помещение пустовало – его обитательницы здесь уже не было. Через щели улетучивался какой-то остаток испуга. Дентон подошел к решетке, за которой вибрировали лазерные нити. Решетка казалась непроницаемой. Он мог использовать взрывчатку, но шум поднимать не хотелось – последствия шума всегда неведомы…

Здание Башни Королевы осталось за спиной. Дентон перешел дорогу и увидел двух бродяг, греющих руки у костра под каменным карнизом строений.

- Я ищу способ войти в это здание, - указал Дентон на Квинз-Тауер. – Есть ли какой-нибудь запасной вход, помимо центрального?

- Через крышу разве что, - ответил хриплый голос. – Больше никак.

- Хорошо. Есть лестница?

- Есть грузовой лифт, - бродяга махнул рукой куда-то в подворотню. – Справа от меня. Никогда не видел, чтобы кто-то ним пользовался. Но он должен быть исправным…

- Спасибо, - Дентон повернулся в указанном направлении. – Вы очень помогли.

Он прошел по темному тоннелю и действительно остановился на краю шахты лифта. Самой стальной коробки не было, и Дентон не увидел ни одного способа спустить ее.

Дентон поднял голову и оценил высоту. Потом ухватился за решетку и пополз вверх.

Закованное в бетонную броню плато на вершине, возведенной, чтобы говорить с ветром… Дентон замер на краю той пропасти, из которой пришел, лицом к открывшейся бесконечности.

Нет, он не называл бесконечностью эти обломанные зубы высотных зданий вокруг, с желтыми глазами, с черными глазницами; ни даже позолоченную вкраплениями звезд тоску космоса над головой. И фантасмагории светотени внизу не могла быть не могла быть бесконечностью. Потому что обманчива.

Но мгновение, ушедшее и застывшее в вечности, неуловимое и единственное. Когда тысячи вселенских глаз обращаются на тебя, и кажется: ты стал невольно участником таинства, не тебе предназначенного. На один-единственный миг. На вздох.

Дентон осмотрелся. Маленькая дверь выходящего на крышу чердачка, соединенного с остальными внутренностями дома, как и следовало ожидать, была заперта. Привлекла внимание Дентона вертолетная площадка с характерной буквой Н. Видимо, некто использовал эту крышу чаще, чем центральный вход.

И еще… В массиве крыши было большое окно, сделанное, наверное, чтобы любоваться звездами летним вечером, только подняв голову. Дентон подошел к этому окну-прорези, и оказался прямо над тем красным залом, в котором его принимала Мэгги.

Вдруг он замер, прикованный взглядом к этому залу. Нет, не все было здесь в порядке. Перевернутые кресла. Обломки вазы светлыми каплями молока в крови. И тело Мей Сунг, лежащей лицом вниз.

Не долго думая, Дентон достал пистолет и выстрелил в стекло, на котором стоял. Вместе с зеркальными осколками он провалился вниз и оказался на том месте, где пару часов назад вел беседу с женщиной в красном платье.

Мертвая шипящая тишина. Со взведенной спусковой пружиной Дентон осмотрелся по сторонам.

Это скверная игра, которую решили с ним сыграть. Не случайно, далеко не случайно. Кто-то проник сюда сразу после его ухода и произвел все это. С какой-то целью.

Мей Сунг была мертва. Пробежавшись по полутемным комнатам, в спальне возле чайного столика Дентон обнаружил еще одно тело в кимоно. Перевернутые столики, разорванные занавески, разбитый фарфор… С непонятной тревогой Дентон осматривал дом метр за метром, почему-то опасаясь найти

труп в красном платье. По толстым коврам бегали сиамские кошки…

Он увидел кое-что другое, что сразу изменило ход мыслей. Компьютер охраны был спрятан изнутри дверцы шкафа среди книг. Дентон проник в систему безопасности с помощью Ледокола. То, что открылось ему на экране, озадачивало. Несколько смежных комнат, которых он не нашел. Но только они *были* в этом доме.

Дентон вспомнил, как на пороге этой квартиры ему послышался мелодичный звон лазера. Теперь это уже не казалось обманом слуха. Он вернулся на порог, к старому роялю, и пошел вдоль стены, только не к красному залу, а повернув направо. Он уперся в деревянную стену, как в тупик. На потолке висел маленький бумажный фонарик. Дентон дернул за ниточку фонарика и…

Стена открылась. Издали Дентон различил мерцание плазменного поля. Справа выход перекрывали красные лазерные паутинки.

Он побежал вперед через пустоту мертвых, холодных комнат. Здесь были совсем недавно, чувствовал Дентон. Но здесь холодно.

Силовое поле высокого серого зала из зеркального металла и сумеречного пластика создает холод. Дентон сразу увидел хранилище меча: пьедестал под прозрачным колпаком. Колпак был открыт сейчас, меч отсутствовал. Меча уже не было. Но никуда не девалась уверенность, что он был, его безмятежное ледяное пламя касалось металла вот здесь.

Дентон обернулся туда, где мерцало плазмополе. Обычный коммуникатор, как тот, в кабинете Мандерли. Одно непринятое сообщение, прочитал Дентон на маленьком экранчике сбоку. Он нажал на тумблер. Внезапное появление трехмерного изображения Уолтона Саймонса почти испугало его. Пустая, искаженная, обезличенная проекция первого звездного человека. Послышался монотонный голос в заготовленной фразе:

«Мисс Чоу, обстоятельства требуют, чтобы вы оставались в Гонконге, пока наши враги не будут повержены и не перестанут нам мешать. Доводите войну до критической точки, используйте все средства. Я дам сигнал для решительных действий. Вы в Гонконге – мой представитель, а потому позаботьтесь об усилении охраны *нашей корпорации* от вторжений. Это очень важно для нашей цели, а мы должны помнить о ней постоянно.

И остерегайтесь Дентона-младшего, который может находиться сейчас в Гонконге. Это необычайно опасный преступник. Нам не удалось обезвредить его сразу, и он еще в течение нескольких часов может попытаться доставить неприятности».

Еще несколько часов. Переключатели-убийцы работали уже десять часов, и Дентон ощутил, что его состояние действительно ухудшается – скорее от усталости и знания о них. Предательская слабость, неясность в голове… Может, это просто самообман?

Дентон подумал, что Саймонс и непонятная «Маджестик-12» преследует его, как злой рок. Стоит ему сделать шаг, и где бы он ни появился – там уже ожидает знак. В Нью-Йорке ли, в океане или на улице Тонночи… Все было предельно ясно в этом сообщении. Мэгги Чоу не зря знала его брата. Связанная с Уолтоном Саймонсом, она по его указаниям стремилась ослабить, а может, и уничтожить триады. Триады, преступные кланы Гонконга. Они всегда входили в список угроз и целевых объектов Коалиции. Дентон не удивился бы и не осудил Саймонса за разведзаговор против них. Но только одно «но»…

Пол знал об этой игре гораздо больше. Дентон вспомнил его слова на острове Свободы во время первой встречи: «Я помешал убить главу триады в Гонконге…» Пол знал многое – и Пол мертв. И Дентон чувствовал – Пол принял сторону триад, но совсем не триады интересовали его. Отнюдь. Триады *тоже* были его инструментом.

А значит, нужно искать. В первую очередь – искать того, чье имя Трейсер Тонг.

Дентон сохранил копию сообщения в собственной базе данных. Неосознанно он отметил, что слово «корпорация» ему незнакомо в данном контексте.

Он активизировал миниатюрную видеокамеру, встроенную в его солнцезащитные очки, и спиной двинулся к красному залу, чтобы соединить в единую, неразрывную для любой логики нить то, что требовалось: меч, Саймонс, Мэгги Чоу. Пусть Зуб Дракона он не нашел, никто не опровергнет доказательств его скрытого пребывания в этом доме… Дентон не задумывался сейчас, кто этот таинственный налетчик, который перевернул дом и выкрал меч за полчаса до него. А ведь это была тайна.

Оказавшись в красном зале, Дентон замер. Ему что-то не понравилось. Что-то за дверью.

Мощный взрыв вышиб входную бронедверь. Дентон как призрак повернул голову к окну. За стеклом над пропастью

между домами он увидел балкон чьей-то квартиры, выступающий из соседнего дома. Выстрелом он разбил стекло и уже в воздухе, на лету очередью разрушил все прозрачные стены. Хрустальными слезами осыпались стекла всех окон. Не будет ясно неизвестным, куда именно он провалился.

Дентон приник к поверхности балкона, черное на черном. Лежа на спине, он внимательно всматривался в проемы покинутой обители, готовый тенью метнуться прочь в пустоту. Из окна выглянул человек в зеленом камуфляже и бронежилете. Он пристально всматривался в черноту, частью которой стал Дентон. Дентон замер, зная: его выстрел будет первым.

Но боец отвернулся, не увидев ничего, и исчез за пределом света.

Полиция. Кто-то поставил ее в известность. И Дентон подумал: искали не просто виновника, не просто налетчика на Башню Королевы. Искали *его*.

Он подождал еще несколько долгих остывающих минут, и, опустившись на руках, запрыгнул на балкон чужой квартиры.

Пустой квартиры. Дентону было достаточно беглого взгляда, чтобы это понять. В той спальне, где он оказался, было мало зеленого, но создавалось впечатление, что отовсюду исходит успокаивающий зеленоватый свет, уживающийся с коричневой мягкостью мебели. Широкая строгая кровать была застлана, не образуя ни единой складки. Дентон коснулся одеяла – холодно, уже утрачены и намеки на человеческое тепло.

На журнальном столике напротив кровати лежала тонкая книга: «Проект Призрак – Черный Вертолет». Хм, мало ли людей интересуется черными вертолетами… Теми самыми, которых совсем немного в мире. Пусть он видел один раз такую книгу на острове Свободы и знал, что их тираж ограничен. Пусть только пилоты могут понять что-либо в этой книге…

Дентон заглянул в пластиковый шкаф. Там, похожие друг на друга, висели твидовый костюм, спортивная куртка и много летных комбинезонов из нанотканы: зеленые, синие. Серые. Так и есть, здесь живет пилот Черного вертолета. Черный пилот, как их называют.

(Джок?)

На тумбочке у окна лежал, не прикрытый, пистолет и коробка с патронами.

Выйдя в кухню и нарочно не заметив широкое зеркало, Дентон вздохнул и сел у плиты. Кроме двух пачек сои и старой бутылки вина здесь ничего не было из еды. Видимо, хозяин

очень давно не нагревал эти плиты. Видимо, это не совсем жилая квартира. Это логово для залечивания ран. Аптечек и медикаментов в этом доме явно было больше, чем книг и посуды.

В целом, квартира была оборудована предельно просто. Только сухие факты. Только самое необходимое, как на борту черного вертолета. Ни игриво загнутых ковров, ни оставленной у телевизора кружки с недопитым чаем, ни смятых подушек…

Но это дом. Чей-то дом – разнеслось вздохом. У кого-то есть дом. У него – нет ничего. Точнее…

Точнее написано там, в книге. Дентон вспомнил страницу, не прочитанную однажды, но задетую взглядом. Он всмотрелся в буквы. Странные символы, они с трудом обретали смысл.

«… А где бы я стал хранить свое прошлое? Прошлое в карман не положишь, надо иметь дом, где его разместить. У меня есть только мое тело, одинокий человек со своим телом не может удержать воспоминания, они проходят сквозь него. Я не имею права жаловаться: я хотел одного – быть свободным».

Здесь все – и ничего. И ни одной мысли, за которую можно ухватиться, чтобы выплыть на поверхность. Потому что никто – никто не скажет раз и навсегда, что такое Прошлое и не обман ли оно. Что такое Одиночество – и Свобода. Этого нет нигде, кроме нас самих. А сами мы…

Нет, все гораздо хуже. Дентон мучился, потому что подсознание выносило на ребристую границу с явью дикую мысль: есть дом и у него. Он был там однажды, но воспоминание затерто и может пробуждаться лишь отчасти в снах. Он ни за что не захотел бы туда возвращаться. Там нет ничего, кроме дрожи…

Дентон нажал ручку плотно закрытой двери. Он вошел в узкую полутемную комнату, в конце которой стоял терминал. Экран рассеивал все тот же изумрудный свет.

Дентон взломал интеллектуальную систему безопасности. Зная, что прикасается к чужим тайнам, он не чувствовал стыда. Только обратный отсчет времени и силуэт того, кого уже нет… Выбор не предоставлен.

Два письма, предназначенных не ему. Дентон вздрогнул, увидев авторов…

от: Пол Дентон к: Джок

«Джок, мне нужна ваша помощь здесь, в Нью-Йорке. Я нашел кое-что важное в базе данных Коалиции, касающееся Серой Смерти, только не успел посмотреть. Вы знаете: в любой момент я могу быть разоблачен. Мне нужно поговорить с моим братом, возможно, он сумеет помочь. Но не знаю, куда он

делся. В Коалиции будут требовать доставить его в Гонконг. Постарайтесь организовать его встречу со мной перед этим».

Письмо было написано до этой роковой ночи. Джок вряд ли получил его – он был там, в Нью-Йорке…

Второе письмо – более старое. Автор – некто с инициалами ТТ. Трейсер Тонг?

«Мистер Джок, мы очень ценим помощь, которую оказали вы и Пол Дентон в разработке. Критически необходимо, чтобы планируемая партия Сомы попала в Гонконг как можно скорее. Для дальнейшей работы просто необходимо большее ее количество. Сообщите об этом Полу, хотя я не сомневаюсь, что он и так делает все возможное и невозможное…»

Одна из неясностей прояснилась. Так вот зачем Пол организовывал всю эту схему в Нью-Йорке с перехватом Сомы. Вакцину передавали в Гонконг, где загадочный Трейсер Тонг пытался собственными силами создать лекарство, в обход монополии корпораций на нее… Он обратил внимание, что письмо имеет продолжение.

«P.S. Продолжайте постоянное наблюдение за Мэгги Чоу из окна. Возможно, я дам знак в ближайшее время, чтобы убить ее».

Убить… Убить – со всех сторон. Кто может сказать, что прав, если убивают все? Нет черного, нет белого, а за серым… прячется нечто.

Джок никогда не был просто пилотом. Еще один двойной агент. Дентону не хотелось вникать в это сейчас, но что-то подсказывало – черный пилот есть даже нечто большее, чем двойной агент.

Он ощутил почему-то острую неприязнь по отношению к Джоку, осознав, что тот постоянно держал под прицелом женщину в красном платье. Кем бы она ни была. Его дом не зря располагался под ее окнами.

«Ты не можешь этого чувствовать… - то ли он шепнул себе, то ли шепот родился в пустоте изниоткуда. – Ты не можешь чувствовать, ибо ты… - он, наконец, нашел слово, - умер.

Это так?

Но, подумал Дентон, играя холодной тяжестью пистолета в холодной ладони. Но должны быть и другие аргументы.

Не время делать выводы. Время делать следующий ход.

Глава 3
В клубе

Ночь безмятежна и тиха,

И снег пытается засыпать безуспешно
Тень от ворот.

Хайку

Тень прилетела к красному дому, и Дентон остановился перед суровым Гордоном Квиком. Дракон вгляделся в бледное лицо, думая, что смотрит в маску, которую можно предсказать.

Он ошибся.

- Нам надо уточнить пару моментов, - сухо и холодно сказал Дентон.

- Да, мне тоже так кажется. Вы были неаккуратны в районе Тонночи.

- Был неаккуратен? Мистер Дракон, мы не договаривались, что мне будут мешать странным образом, очень похожим на предательство.

- Не понимаю, о чем это вы? – Гордон Квик был на грани ярости.

- Только вы знали, что я иду в дом Мэгги за мечом. Только вы знали, когда я вернулся, что я иду туда еще раз. И теперь я не знаю, кому верить.

- Что-то не так? Где меч?

- Хотелось бы услышать ответ от вас. Когда я вернулся в дом Мэгги Чоу, кто-то уже побывал там до меня. Все было перевернуто вверх дном, я нашел два трупа…

- Так это были не вы? – главный дракон был изумлен.

- Меча, разумеется, не оказалось. А через несколько минут по моим следам пришла полиция.

- Мистер Дентон, ваши подозрения напрасны. У меня не было причин вас подставлять, что бы вам ни сказала эта женщина. И вспомните: нет, я не единственный, кто знал. Она тоже знала.

- Знала, что я вернусь за мечом? И подстроила его похищение?

- Определенно. Этим она достигла двух целей: убедила нас, что меча у нее больше нет, и возбудила ваши подозрения на мой счет. А может, если ваши слова о полиции правда, она еще и попыталась избавиться от опасного потенциального врага в вашем лице. Плюс к тому: еще один повод спихнуть нападение на Светлый Путь, чтобы дать войне новый импульс. Улавливаете?

- Откуда она знала, что я не поверил ей сразу? – спросил Дентон, сомневаясь. – Что я вернусь за мечом?

- Подумайте. Может, она что-то сказала вам? Что-то, что заставит вас уйти, но вернуться.

- Нет, хотя… Что-то говорила о полицейском участке возле рынка, где есть все доказательства ваших преступлений. Предлагала мне проверить.

- Никаких доказательств там нет. Мэгги Чоу знала: или вас арестуют, или вы найдете там что-то совершенно другое. Что заставит вас вернуться.

Он проверит этот участок, решил Дентон. Но позже. Он посмотрел в выцветшие глаза сянганца.

- Не могу поверить, что все было ею подстроено. Она убила людей, собственных слуг? Изуродовала прекрасный дом?

- Она способна на все, чтобы обман был правдоподобен. Думаю, в этом вы еще убедитесь, если задержитесь в Гонконге.

Странно прозвучала последняя фраза. Гордон Квик продолжал сказал грустно:

- Они опять победили. А мы остались без меча – и без надежды найти его теперь.

- По моей вине – я признаю это, - кивнул Дентон.

- Вы тут ни при чем, мистер Дентон. Я ввязал вас в игру, которая вас не касается. Риск…

- Вы ошибаетесь: эта игра меня касается. Меня – и моего брата. Я не нашел меча – но я нашел кое-что другое. Вам ни о чем не говорит имя Уолтон Саймонс?

- Ровным счетом ничего. Вы не нашли меч – значит, у нас нет ни одного доказательства вины этой женщины.

- Мистер Дракон, у нас есть доказательства. Я видел место, где хранился меч у нее в доме, и ничего, кроме меча, там быть не могло. К тому же – система скрытых комнат, сигнализации. Еще – запись адресованного ей послания, где в завуалированной форме даются прямые указания на ослабление и уничтожение триад.

- В завуалированной, говорите, - Гордон Квик с сомнением покачал головой. – Не думаю, что эти двусмысленные факты и домыслы повлияют на Макса Чена, главного дракона Красной Стрелы.

- Автор послания – американец, Уолтон Саймонс, прямой виновник гибели моего брата. Покажите мне этого главного дракона, и я гарантирую, что он поверит в мою теорию. Я знаю кое-что теперь.

- У меня нет другого выхода. Мы проигрываем войну триад. Если вы уверены, что сумеете…

- Где я найду Макса Чена? – перебил Дентон.

- Штаб-квартира Красной Стрелы находится не так далеко отсюда. В южной части района Ван-Чай, в подземной аллее за рынком есть клуб «Остров Счастья». Один из самых дорогих

клубов Гонконга. Он не из маленьких, и вы можете часами бродить по нему, не обнаружив резиденции Чена. Но ищите хорошо – вы знаете, как это делать.

- Я не повторю своих ошибок, - Дентон задумался и добавил. – Надеюсь. Это все?

- Гордон Квик изобразил усилие, будто хотел добавить что-то, но в конце передумал.

Удачи.

***

Пострадавший боец Красной Стрелы нес свое покалеченное тело сквозь ряды, редкие полупустые ряды рынка. Одинокие ночные торговцы бросали взгляд на него, на его руку и отводили глаза.

Он пытался ухватить нить, которая приведет к негодяю в черном пальто и очках. Верные спутники держались немного позади.

Они уже приблизились к южной окраине рынка, когда увидели фигуру, явно слишком зловещую, чтобы быть местной. Закованный в черный комбинезон без рукавов и черный панцирь гигант со светлыми редкими волосами в шрамах и странных пульсирующих татуировках спрашивал о чем-то продавщицу цветов с необычным – немецким акцентом.

- Эй! – дракон толкнул его в плечо, до которого едва доставал ростом, чувствуя необходимость восстановить душевное равновесие.

Гигант обернулся, и на них посмотрели недобрые глаза, один из которых был красным на серебристом фоне, будто в этом месте лица стальная кость выходила из-под кожи на поверхность.

Дракон вскрикнул, отшатнувшись. Длинное лезвие меча выросло бледным лучом из его руки. Он замахнулся в сокрушительном ударе. Красноглазый монстр подставил руку, которой тотчас же должен был лишиться. Но меч уперся во что-то несокрушимое, глухо стукнув – уперся намертво.

Чужой оставался безмолвен, как камень, и от этого становилось жутко. Дракон Красной Стрелы опустил глаза и увидел вместо окровавленной плоти руки зазубренную, темную сталь. Он медленно поднял голову, осознав лишь теперь: он столкнулся с чем-то не из его мира. Дважды за ночь он встретил тех, кто излучает скрытую убийственную мощь *не его Игры*. Игры, в которую лучше не лезть.

Он развернулся и рванулся прочь, напряженно ожидая спиной смертельного удара. Удара не последовало. Лишь удары

ног его бегущих товарищей вторгались в ритм бьющегося сердца.

Красноглазый гигант отвернулся и скрылся в сумраке перехода.

Прошло несколько минут, и никто не заметил, как в том же месте промелькнул темный силуэт. Полупрозрачный.

***

Странное явление представляла собой эта аллея. Аллея под землей. Аллея под стеклом. Выдавленная в пространстве земли ниша. Искусственный грот.

Уже мало места для парков и аллей на Земле. Аллеи уходят под землю. Спустившись по широкой деревянной лестнице, начинавшейся от яркого многоцветного символа какой-то сказочной птицы, Дентон последовал по широкой, выложенной розовым камнем дороге. По обе стороны, отчасти под стеклом, кое-где в открытом застывшем воздухе, стояли деревья. Деревья склонились…

Вооруженная китайская полиция встречалась в аллее на каждом шагу. Один из них остановил Дентона и окинул странную фигуру в темном плаще внимательным взглядом.

- Вы иностранец? Ваши документы в порядке?

- Агент Коалиции. Я при выполнении задания.

- Проходите, агент, - полицейский уступил дорогу. – Территория аллеи совершенно безопасна.

- Вы должны знать этот район, не так ли? Я ищу Макса Чена.

- Главного Дракона? Здесь я ничем помочь не могу. Территория клуба, - он махнул рукой в конец аллеи, - их закрытая зона. Ищите его внутри, но не думаю, что это будет просто.

- Спасибо, сержант.

Дентон пошел вдоль аллеи, не зная, что в спину ему смотрит пара внимательных глаз. Глаз, его не знающих – но почти узнавших.

Громкая клубная музыка ворвалась звуковым вихрем в тихую гавань внутреннего молчания. Потерявшиеся звуки, оторванные от своей основы – они уже не найдут себя, заблудившись в зеркалах, подобно тени огня, которого не существует. Их не поймаешь на лету, смеющихся, кричащих, срывающихся в пропасть безвременья.

Заплатив взнос за вход, Дентон оказался в большом зеркальном зале. В центре, окруженная хрустальным

цилиндром, уходила вверх лестница, уносящая на верхние этажи клуба.

Глядя на танцующих людей, чьи разум и острота восприятия притупились от ночи, алкоголя и монотонного ритма движений, на мужчин в черных костюмах, комбинезонах, и на женщин в узких юбках и хищной паутине колготок, Дентон обдумывал то, что он скажет Максу Чену.

Он пытался пронзить невидимые грани, чтобы увидеть этого человека, каков он есть. Что привлекает его? О чем он может мечтать? И главное – чего этот высоко держащий голову глава клана боится…

Дентон чувствовал, что может уничтожить и главного дракона, и всю его армию боевиков в этом клубе, решительно качнув чашу весов в войне в пользу Светлого Пути. Он был способен на это в замкнутом пространстве между зеркал, в котором он привык существовать, даже не зная этого пространства, но только *чувствуя* его. И зеркала будут сыпаться, и чистый ручейный звон стекла заставит слушать себя даже сквозь уродливый пороховой гром…

Но это не нужно ему. Чужая кровь, чужие цели и тайны… Если ему удастся выжить, этого уже не повторится. Никогда. Он распутает клубок, ведущий к гибели брата, и исчезнет. Уйдет.

Думая о разговоре с Максом Ченом, Дентон принимал решение. Маджестик-12. Он ничего не знает о них, но должен оперировать этим понятием, иначе вся его теория распадется. Это ключ, сердцевина, от которой найден пока лишь ярлык. Ссылка, утерявшая связь с объектом.

Дентон остановил одного из танцующих в сером смокинге. Тот отряхнул растрепавшиеся волосы и повернул влажное от пота лицо в сторону Дентона.

- Потрясающее место этот клуб, наверное, - сказал Дентон.

- Не правда ли? – охотно отозвался танцующий. – Некоторые неправильно оценивают триады, а между тем благодаря ним процветает значительная часть общества. Развитие инфраструктуры, рабочие места…

- Согласен, - перебил Дентон. – Всегда хотел поучиться корпоративной культуре у Макса Чена. Вот и собираюсь поговорить с ним об этом. Не знаете, где бы я смог его найти?

Его собеседник махнул рукой на зеркальную стену и хитро прищурился.

- Видите это зеркало на всю стену? Вот за ним сидят десятка два драконов Красной Стрелы, а может, и сам Чен. И

наблюдает за тем, как мы сходим с ума… Холодно, с равнодушным снисхождением, с прищуром… Ваше появление тоже не осталось незамеченным. Кто-то сканирует вас в этот миг, и если возникнет подозрение…

- Ладно. Не буду мешать вам сходить с ума.

Обитатель клуба бросил в ответ фразу до того нелепую, что она не могла не насторожить.

- С утра все может быть иначе. А может, у них закончатся звезды…

Дентон внимательно всмотрелся в пустое лицо в поисках маски. Но нет – маски не было. Это не более, чем случайно выброшенные, искаженные пьяным дымом слова. В которые не вложен смысл…

Дентон взлетел на второй этаж и оказался среди столиков уютного затемненного кафе. Он проходил мимо переговаривающихся вполголоса людей, слушал обрывки их разговоров, узнавал отдельные знакомые слова, и обнаружил одну странную вещь. Он *не понимал*. Люди говорили и молчали, отгороженные от него неплотной стеной молчания. Так всегда бывает в середине бессонной ночи…

Обойдя охранника в одеянии Красной Стрелы и обнимающуюся парочку с мутными глазами, Дентон подошел к стойке бара.

- Коктейль «Зуб Дракона», будьте добры.

Бармен, очевидно, с примесью африканской крови и присыпанными пеплом кудрявыми волосами, удивленно обернулся.

- Простите? Вы сказали, «Зуб Дракона»? У нас нет такого напитка.

- Разумеется, ведь его не существует. Это ведь меч, не так ли? – Дентон положил ладони на полированную твердость стойки. И, не дав бармену возможности ответить, поставил вопрос ребром. – Мне нужно поговорить с Максом Ченом.

- С Главным Драконом? – голос был тонким, как у ненастроенной скрипки. – Неужели вы так наивны и думаете, что каждый знает, где его убежище? Да если бы я даже знал…

- Оно здесь, в клубе. Меня послала Мэгги Чоу, - Дентон играл ва-банк, ему уже было все равно. – И просила найти вас…

Бармен понизил голос с видом, будто его сообщение обладало каким-то значением для Судьбы.

- Прекрасная мисс Мэгги? Это меняет дело, хотя странно, что она не объяснила вам пути.

- Она объясняла. Что-то за зеркалами, но я не очень-то понял.

- Да, зеркальная комната внизу. Вход – сразу за этой стойкой. Спуститесь по лестнице: внизу найдете дверь. Правда, ее не видно с первого взгляда…

Дентон уже исчез в проеме, не дослушав до конца: и так много времени потеряно.

Дверь действительно напоминала просто выступ в стене. Нужно было сконцентрировать вечно убегающий взгляд, чтобы увидеть ручку и кнопку звонка.

Дентон повернул ручку и угадал – дверь не была заперта. В просторном помещении древесных тонов за вытянутым столом сидели мужчины в куртках красной стрелы. Вместо противоположной стены действительно стояла прозрачная преграда, за которой, как аквариум, открывалось помещение данспола, откуда Дентон пришел.

Дентон осмотрел обернувшиеся к нему лица и угадал их желание использовать оружие.

- Молодой человек, вы уверены, что попали по адресу? Кто его сюда пустил? Это закрытая территория триады Красная Стрела.

- Спокойно, - Дентон разглядел вход в просторный светлый зал. – Я иду к Максу Чену с сообщением большой важности. Он ожидает этого сообщения.

Члены триады переглянулись. Потом один из них нажал на тумблер и тихо произнес несколько слов. Получив ответ, он обернулся к незнакомцу в темном плаще.

- Американец, если ему не понравится то, что ты скажешь… Твои шансы выйти отсюда резко упадут.

- Ему понравится, - обойдя длинный стол, Дентон вошел в зал, залитый белым мраморным светом. Значит, о нем уже знали – ведь его бы не впустили сюда так просто. По обе стороны слегка дрожала вода в маленьких бассейнах с золотыми рыбками. У дальней стены сидел, положа руки на колени, Главный Дракон в красном, вышитом золотом халате. По обе руки от него неподвижно застыла охрана. Дентон вспомнил Гордона Квика, лично охраняющего вход в свою твердыню, всматривающегося в ночь…

- Вы, наверное, Макс Чен? Меня зовут Джесс Дентон, и располагаю информацией, которая может вас заинтересовать.

- Видимо, это касается Светлого Пути? – спросил Чен снисходительно.

- Нет. Я пришел поговорить о Мэгги Чоу.

- Мисс Чоу? Что именно?

- Она связана с секретной международной группой по имени Маджестик-12, которая борется за власть над миром. Я

знаю, как нелепо это может звучать, но я располагаю фактами. Именно с ее помощью Мэгги украла меч.

- Украла меч? – Макс Чен приподнялся в кресле. – Вы знаете, что происходит с теми, кто клевещет на моих друзей?

- Это не ложь. Меч, технология, которая доступна обоим триадам, никогда не станет объектом вожделения одной из них, никогда не приведет к подозрениям, вражде и войне. Но сейчас меча нет ни у вас, ни у Светлого Пути. Эта женщина убила предыдущего главу вашей триады, который отчетливо понимал пагубность войны. Она украла меч, обвинив во всем Светлый Путь. Началась кровавая война, что дальше? Триады ослаблены, обе обескровлены, власть захватывает третья сила, которая подготовилась к этому. Звучит натянуто? Вы никогда не задумывались, что можете быть следующим?

- Ничего, кроме домыслов и плохо склеенной сказки я не услышал. Где доказательства – хотя бы одно?

- Вот запись предназначенного ей сообщения и видеофайл, отснятый в ее доме, в районе Тонночи. Если у вас есть средства воспроизведения…

Они вместе Проши к трехмерному голографическому монитору.

«Мисс Чоу… оставаться в Гонконге, пока наши враги не будут повержены…»

Макс Чен удивленно обернулся.

- Мэгги? Я не верю, что она работает на кого-то еще.

- Знаете, о каких врагах идет речь?

- Но ведь это может быть фальшивкой, не так ли?

- Я ручаюсь за подлинность этой записи. И я знаю человека, ее адресанта. Мы столкнулись с ним в Нью-Йорке.

- А вы – тот, кого он назвал «опаснейшим преступником»? – спросил Чен, просматривая видеозапись.

- Да, это я.

- Но где же меч?

- Я был у нее дважды. Она знала, что я вернусь, и подстроила похищение меча, чтобы он не попал в мои руки, как доказательство.

Макс Чен покачал головой.

- Мы еще проверим ваши доказательства на подлинность. Пока у меня нет никаких оснований доверять вам, хоть я и знал немного вашего брата… Смелый человек. Но у вас нет ни одного серьезного доказательства. Мисс Чоу доказала нам…

Упоенную тишину вспорол визг сирены. Из соседней комнаты послышались крики. Один из телохранителей Макса Чена повернулся к Главному Дракону.

- В клуб ворвались какие-то солдаты – они использовали маскировку, и полиция пропустила их. Охранник на входе говорит… что они не люди.

Дентон понял теперь, что за ощущение преследования не оставляло его по пути.

- Агенты Маджестик-12! Они следовали за мной сюда.

- Вы привели их сюда? Вам следовало быть более осторожным.

- Я не…

Звуки из соседней комнаты оборвали все слова на выдохе. Сухие хлопки выстрелов из дробовика и другие – вселяющие страх острые щелчки очередей из какого-то незнакомого оружия.

Дентон медленно обернулся с пистолетами в каждой руке. В проход между бассейнами ворвались два громадных агрессора в зеленом. Дентон послал выстрелы, прыгнул на Макса Чена. И уже в полете, в остановившийся миг, слыша смертоносный ливень очередей из странного оружия над головой, видя вращающиеся сверла своих пуль, он сумел рассмотреть пришельцев.

Как выходцы из холодных миров серы и ртути, эти странные существа стояли, вскинув руки-пулеметы. Зеленые, в черных панцирях, похожих на сложенные крылья, с клювоподобными выростами вместо лиц и черными очками, прикрывающими явно не глаза. Они напоминали гигантских человекоподобных богомолов. Дентон вдруг вспомнил, где видел их. Музей Космоса, семь лет назад. Отдел назывался «Экспериментальные образцы биороботов и автономных машин прошлых лет». Это существо стояло отдельно, ничем не помеченное. Когда Дентон спросил о нем, в ответ прозвучали невнятные слова о боевом роботе для ведения войны в труднодоступной местности. Неудавшаяся технология…

Нет, она оказалась просто слишком удачной, чтобы ее использовали все.

Пули достигли цели. Дентон и Макс Чен рухнули на землю. Зеленые рухнули, обездвиженные.

Макс Чен поднялся, потирая ушибленное плечо. Рядом без движения лежал мертвый телохранитель. Главный Дракон последовал к странным существам – Дентон остался на месте. Он почувствовал страх Макса Чена – вязкий страх, вызванный видом странных агрессоров. Они приводили в замешательство и его самого.

- Небеса… - Макс Чен опустил голову, потом обернулся. – Дентон, кто бы вы ни были, я еще не видел таких людей. Такие,

как вы, мне нужны. Если вы хотите…

- Спасибо за честь, нет, - ответил Дентон, скрывая серьезностью иронию.

- Такой ответ я и ожидал услышать. Подобные вам… Ладно, нужно разобраться со всем этим. Я не знаю, какие у вас цели. Но найдите Гордона Квика и передайте ему: я готов приостановит боевые действия и начать переговоры – до выяснения истины.

- Именно этого я и добивался.

- Да, но помните – меч не найден. А пока он не обнаружен, перемирие останется временным и не сможет превратиться в окончательный мир.

«А вот это меня уже не интересует», - подумал Дентон, проходя мимо сплетенных трупов боевиков триады и зеленых агрессоров. Гораздо серьезнее другое – он не знает до конца, с кем связался. И что за монстр ищет его всевидящим красным глазом.

Это нападение - лишь маленькая демонстрация того, от чего может заледенеть кровь. Даже если переключатели-убийцы удастся остановить – охота, обреченная на успех, будет продолжаться.

Дентон как бы взглянул на себя сверху и увидел маленького человека посреди каменной пустыни без берегов. Его не отдадут под суд, не оставят в покое, не дадут остаться в живых – слишком многое он видел. Это будет охота без правил, на поражение, на стирание. Охота, которая будет вестись только ночью и о которой Никто Никогда не узнает.

Зеркало разбито, клуб опустел. Люди исчезли, попрятались в свои норы, в ужасе разбежавшись перед нелюдьми. Но кто дал им жизнь?

***

Пустой переулок затаил дыхание перед грядущей грозой. Он насыщался агрессией тех, кто отдаст ему сегодня свою дань. Которая не нужна ему. Бессмысленна и не нужна в теплом воздухе ночи.

Из одного края переулка вышли шестеро в белых кимоно. По невидимому сигналу напротив выросли несколько силуэтов в зеленых куртках с красной вязью. Две потемневших силы двинулись навстречу друг другу, обнажив мечи. Ускоряя шаг…

Силуэт-призрак вырос между ними из пустоты.

- Стойте. Опустите свои мечи.

Призрак должен был пасть как досадная преграда, исчезнуть под взмахами мечей. Но странно действовал его голос.

- Это не твое дело. Уйди с дороги.

- Макс Чен лично объявил о прекращении войны несколько минут назад.

- А ты кто такой? Мы должны тебе верить?

- Вы поверите мне, - вибрировал голос тихим эхом. – Потому что у вас нет выбора. Потому что вы хотите жить… Конечно, можете посносить друг другу головы. Теперь, когда это уже никому не нужно.

Говоривший с Дентоном обернулся к остальным и произнес что-то неразборчиво. Резкие возгласы прозвучали в ответ. Мечи снова поднялись, чтобы поцеловаться друг с другом и укусить живых последним поцелуем.

Дентон не обернулся, уходя и слыша отдаленный странный гром. Он сделал все, что мог. Он чувствовал свою слабость. И всесилие того, с чем так трудно бороться. Под многими именами, оно обманет. Оно заставит служить себе и заберет душу. Оно растопчет. И не каждый поймет, что же произошло. Не каждый – даже тот, кто уйдет…

Гром повторился, на этот раз совсем грозный. Дентон остановился. Нет, он сделал не все что мог. Он все же обернулся. Мечи лишь успели скреститься – и все. И одиночные крики, и клинки стали потонули, растворенные в стене воды. Ливень, стирающий все и не дающий сделать и шага, смыл все различия, начался в одно мгновение. Оглушенные люди расползлись по укрытиям, не имея выхода.

В этот раз Гордона Квика не было на месте. Но Дентон почему-то чувствовал: он знает, где искать.

На входе в маленький храм сладкий туман снова обволок фигуру в темном. Уже знакомый Дентону монах стоял поодаль у золотого идола. Гордон Квик сидел, задумавшись, на краю у алтаря.

- Макс Чен объявил перемирие только что. Думаю, он рассмотрел бы создание временного союза.

Главный Дракон вскочил на ноги.

- Он поверил вам?

- Думаю, да. Мои аргументы оказались достаточно убедительными.

- Мистер Дентон, - глаза сянганца слегка изменили цвет. – Я в вас не ошибся. Вы сделали то, чего я и мои люди тщетно пытались добиться в течение недель, а именно – спасли

Светлый Путь от полного разгрома.

- Теперь, надеюсь, я могу увидеть Трейсера Тонга?

- Да, разумеется. Идем, я проведу вас внутрь нашей крепости.

Вот он, момент истины. А Дедал молчит. Как и Джок. И все, с кем пересеклись тропинки.

А время отсчитывает секунды. В обратном направлении.

Глава 4
В крепости

В пути я занемог.
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным полям.
Мацуо Басе

Мир в мире. За красной крепостной стеной Светлого пути открывался маленький дворик, где свет и тень играли в очень замысловатую игру. По стене ходил воин с мечом, напоминая время Тогда, Очень Давно. По полянке трусил рыжий пес, виляя хвостом. Увидев Дентона, он остановился, но сдержал сердитый лай, не желая, видимо нарушать покой в тихом доме.

Он взошел по ступеням и пошел по комнатам. Кухня триады, столовая триады, комната отдыха триады, оружейная и тир триады… Все это декорации, которых могло бы и не быть. А вот то, без чего он не уйдет – его нужно было искать.

Гордон Квик подвел Дентона к большой картине.

- Вот он, вход в укрытие Трейсера Тонга. О нем не знает никто, кроме меня и нескольких верных мне людей. Ну, и еще ваш брат знал… А теперь – и вы. Я оставляю вас здесь. Думаю, вам будет о чем поговорить.

Дентон приблизился к резной рамке и разглядел крошечный тумблер. При нажатии на него часть стены вместе с картиной ушла в сторону. И он увидел Трейсера Тонга.

Как ни странно, но именно так Дентон и представлял его. Спортивная фигура в сером нанокомбинезоне, как в тонкой кольчуге из тусклой стали – она выражала многое, даже не двинувшись. Для китайца этот человек имел слишком узкое лицо, чертами напоминая больше тюрка или индуса. На одной из смуглых щек бледнел рваный, плохо скроенный шрам, как от действия кислоты. Черные волосы были коротко стрижены, а узкие глаза – как глаза, мерцающие линзы цвета морской волны.

Трейсер Тонг стоял прямо за порогом, будто ожидал именно его. Загадочный человек – казалось, он может исчезнуть в любой момент, скрыться в тайных укрытиях Земли. Неопределенность сковал слегка лающий голос.

- Итак, Джесс Дентон, вы все же нашли меня. Это закономерно – то, что мы встретились.

- Я искал вас, не зная ничего о том, кто вы и что вы, цепляясь только за имя, не зная, существует ли оно. Я шел вслепую, по чужим следам. Имя не говорило ничего – но обещало сказать многое.

- Многое? Я думаю, вы шли сюда с совершенно определенными целями.

- Да, с двумя целями. Во-первых, спасти свое существование…

- А что, есть еще причины? – Трейсер Тонг посторонился, позволив Дентону войти.

- Есть. Мой брат погиб, и я собираюсь узнать, за что и за кого он умер. И кто виноват – кто будет наказан…

Рассеченный морщинами лоб Тонга собрался в думе.

- Я рассчитывал услышать другое – думал, Пол посвятил вас в его планы, и вы поможете мне закончить то, что мы делали с ним… А что касается ваших слов – не думаю, что могу вам помочь. – Тонг опустил голову в задумчивости, скрестив руки на груди. – Но об этом потом. А вот ваша жизнь… Значит, переключатели-убийцы были активированы?

- Вам это название знакомо? – спросил Дентон, особо не удивляясь.

- Немного.

- Да, я слышал, вы сможете мне помочь.

- Да, этот Дедал, этот загадочный некто – ваш друг, наверное? – связался со мной всего несколько часов назад и просил помочь. И Алекс Якобсон рассказал вашу историю.

- Алекс здесь?

- Да. Мне пришлось подержать его под стражей, пока я не уверился в его лояльности.

- Я за него ручаюсь.

- Думаю, он прошел проверку. Гораздо тяжелее – с вами…

- Как это?

- Вы, как и ваш брат – необычайная технология, явно превзошедшая прогнозы и ожидания разработчиков. Вас нельзя предугадать, невозможно поставить под контроль. Кажется, Коалиция в этом уже убедилась. Сегодня вы нейтральны по отношению ко мне. Но я боюсь, что сегодня спасу вашу жизнь, а завтра вы можете вышибить из меня дух,

если я стану на вашем пути.

- Это странная мысль, - тихо ответил Дентон.

- Вы добились перемирия между триадами, иначе говоря, спасли Светлый Путь, моих покровителей, от немедленной катастрофы. Я благодарен за это. Но совсем не это главное. – Тонг выдержал паузу. – Я вынужден взять с вас слово… Вы поможете мне завершить то, что мы начали с вашим братом.

- Создание лекарства от Серой Смерти, вы хотите сказать? – Дентон припомнил слова Лебедева и посещение квартиры Джока. – С некоторыми оговорками – я согласен.

Тонг вгляделся в непроницаемое лицо долгим облучающим взглядом. Потом сказал просто:

- Поговорим с вами позже. А сейчас посмотрим, что можно сделать с вашими убийцами. Я уже сделал кое-какие приготовления – можно начинать операцию… Спускайтесь в операционный зал.

Операционный зал был самым глубоким помещением базы Тонга и являл собой усеченный шар изнутри. Сферой поднимались к невидимой оси мерцающие конструкции. В центре мерцал и переливался круг, над которым повисло в воздухе ложе из прозрачного материала. Дентон лег, над головой сомкнулись какие-то диски, заслонив всякий свет.

Легкий укол – и сознание начало уходить так быстро, что ему хватило и вздоха.

Не надо! Не надо… Крик гибнущего червя.

Кажется, пару раз он открывал глаза – и слышал твердый шепот. «Вы в изоляции… Вы в безопасности…» Возможно, ему снились и сны, но вспомнить ничего не было возможно.

- Открывайте глаза!

Бытие вернулось с такой легкостью, что казалось – он собирался открыть глаза сам за мгновение до этого. Тысячи ярких многолепестковых цветов упали в лицо – вместе с новым чувством.

Дентон сел на своем ложе, уже зная – произошло что-то важное. Рядом стоял, по обыкновению скрестив руки на груди и глядя в сторону, Трейсер Тонг.

- Успех! – только и сказал он.

- Я буду жить..? – Дентон произнес то ли утвердительно, то ли вопросом. – Я ничего не почувствовал.

- По моим расчетам, лет сто еще проживете.

- Что-то многовато. Что он собой представлял, этот убийца?

- Хм… чтобы вы поняли… Вам ведь известен принцип наноимплантантов?

- Наверное. Крошечные механизмы, действующие едва ли не на молекулярном уровне. Из размеры позволяют им функционировать в тканях.

- Почти верно. Так вот, у вас в легких, в одной из альвеол, находился такой киллер. Он был наполнен ядом, пока мне неизвестным. После его активизации по радиоволнам он начал отсчитывать время, и через 24 часа тонкой иглой проткнул бы емкость с ядом, выпустив ее в кровь. Смерть была бы мгновенной.

- Я ничего не чувствовал.

- Это закономерно. Вы могли бы прожить с ним всю жизнь и ничего не знать. Он тихий и не приносит неудобств. Но достаточно волны нужной частоты – со спутника…

- Вы извлекли его?

- Да, с трудом – ведь он на месте не сидел. Но меня беспокоит другое… Видите ли, у вас я обнаружил слабую активность еще сотен нанитов в крови и различных тканях. Надеюсь, убийцей был только один.

- Да, я знаю… Мой врач, да и Пол говорили мне что-то о них. Это вроде усовершенствования защитных систем агента Коалиции – со временем. Я даже успел установить какой-то имплантант, способствующий быстрой регенерации поврежденных тканей.

- Может, я смогу помочь разобраться. Как вы себя чувствуете?

- Немного болит голова. А в целом – я в норме. Спасибо – я не знаю, что еще сказать… Я ваш должник.

- Это точно.

Трейсер Тонг махнул рукой в направлении выхода и быстрым шагом последовал прочь из операционного театра. Дентон последовал за ним.

Они пришли в просторную информационную лабораторию, наполненную излучением прозрачных мониторов с самыми неожиданными изображениями: от схемы человеческого организма до карты Евразии.

Лаборатория была пуста – и странная, пульсирующая это была пустота. Тонг сел в одно из кресел оператора, жестом указал на кресло рядом. Дентон отрицательно махнул головой.

- Вот теперь мы можем обстоятельно поговорить. Кажется, сами того не ведая, мы обманули друг друга.

- Не понимаю.

- Первое ваше желание исполнено. А насчет второго – можете ли вы мне его повторить?

- Я надеюсь, вы поможете мне найти законспирированных

косвенных убийц Пола Дентона.

- Странно… - пробормотал Тонг. – Я надеялся, никто не может знать об этом больше, чем вы…

Дентон выжидающе молчал.

- Все дело в том, - продолжил Тонг, глядя в туман, - что я не знаю о Поле Дентоне ничего. Я разрабатывал вакцину от Серой Смерти самостоятельно и в тайне от ООН, правительства Китая, промышленных комитетов, потому что лекарства не хватает, и я не могу понять, почему те миллионы, которые погибают, лишены его. Я хотел просто помочь миру справиться с бедой. Я… ненавижу серую маску, и не могу жить в равновесии, когда вижу ее где-угодно. Ваш брат узнал о моих планах и помогал мне. Но при этом он не ставил меня в известность в отношении *своих* планов, намерений и мотивов… Должен признаться, смерть Пола в Нью-Йорке была для меня ударом, оставив меня ни с чем. Когда я узнал о вашем приезде, то надеялся, что вы знаете не намного меньше, чем он, и сумеете оказать помощь.

- Боюсь, никто под этими звездами не знает в этой истории и доли того, что знал он. Интересная ситуация… - Дентон все же сел и положил пальцы на сенсорную поверхность стола. – Расскажите мне с самого начала все, что знаете о Поле.

- Совсем немногое. Когда он впервые появился в Гонконге, мы ничего о нем не знали. Кажется, его послали убить главу Красной Стрелы, предыдущего главу, который сейчас таки мертв. Он отказался выполнять приказ, а затем и помешал сделать это подосланному убийце. Он вошел в доверие и стал другом обоих Главных Драконов – войны триад тогда еще не было. Я не знаю, как он узнал обо мне – вы, наверное, уже поняли, что мое пребывание здесь находится в тайне. Но появился он внезапно, обойдя ночную стражу и все ступени защиты, еще до того, как познакомился с Гордоном Квиком. Появился, как вы, мрачный и сосредоточенный, и сказал, что хочет помочь в создании вакцины. Я даже не спрашивал, откуда он узнал об этом. У таких людей спрашивать нет смысла – все и так ясно с первого взгляда. Затем он исчез, снова появляясь несколько раз и снабжая меня образцами вакцины, а также информацией настолько ценной, что я даже не подозревал, как ему удается иметь к ней доступ. И не говоря ни одного лишнего слова. Я далеко не сразу узнал, что он работает в Коалиции.

- Вот как… Но почему-то Дедал сказал найти именно вас. Это не может быть случайностью.

- Дедал – это ваш знакомый?
- Такой же, как и ваш.
- Ясно, - кивнул Тонг. – Для меня этот Дедал тоже загадка. Он написал письмо по электронной почте на тот адрес, о котором знали только я, Пол и еще один человек.
- Джок, пилот черного вертолета.
- Да, я вижу, вы знаете больше, чем я. Еще одна темная лошадка. Как бы то ни было, это Дедал, должно быть, могущественный человек.
- Он знает о всех нас очень многое, - сказал Дентон. – Но более того, он знает больше, он знает, нечто, связующее нас в единую цепь загадочным образом. – Дентон тряхнул головой. – Ох, Пол мог открыть мне глаза на столь многое – и не сделал этого…
- Мистер Дентон, нам нужно в многом разобраться, раз уж мы встретились, - встреча не случайна. Не исключено, что я нужен вам, а вы нужны мне…
- Да, вот только… для чего? Сома. Для чего вы пытаетесь создать вакцину, идя на такой риск и прячась за крепостными стенами от мира?

Трейсер Тонг посмотрел на него невидящим взглядом.

- Я ученый. И я всегда хотел что-нибудь сделать… Что-то, что оправдает существование.
- Наверное, кто-то из ваших родных умер от Чумы?
- Нет, - Тонг ответил спокойно. – Как это ни странно. Просто существует эта проблема, и я пытаюсь ее решить. Я говорил вам о подсознательной ненависти к Маске. Словно что-то изнутри толкает меня на побег и поиск противоядия. В серой маске я вижу улыбку дьявола, и не фигурально, а в самом прямом смысле. Дьявол улыбается мне в каждой гримасе муки… - Дентон увидел, что сжатые кулаки Тонга побелели от напряжения. - Моя деятельность незаконна, и потому я прячусь. Не моя вина, что ООН не в состоянии снабдить вакциной всех. Или… кто-то не хочет? Всего-то на всего увеличить производство в два, три раза…
- Может, не так уж это просто, - заметил Дентон. – Кроме того, я слышал, Сома не излечивает Серую Смерть, она только облегчает страдания – на время.
- Да, это так, - лицо Тонга стало темнее ночи. – Но меня не оставляет надежда, что, когда я получу в распоряжение технологию Сомы, я сумею довести ее до конца, и найти исцеление.

Тонг помолчал, затем развернулся к нему и понизил голос.

- Может, теперь и вы мне расскажете кое-что?

- Рассказ не будет долгим. Я и мой брат были агентами Коалиции. Я случайно узнал… - Дентон почувствовал, что рассказывает не так, как следовало бы. И замолчал. Но как нужно – он не мог уловить.

- Что-то не так?

- Да нет… Пол узнал что-то о Коалиции, что она просто инструмент в руках тайной организации «Маджестик-12». Единственным ее лицом, или связующим звеном, нам известным, является Уолтон Саймонс, американец. Они контролируют распространение Сомы, это представляет какую-то важность для них. А теперь еще – Мэгги Чоу… Наверное, поэтому Пол решил помогать вам и использовал американских террористов для получения Сомы… А когда это обнаружилось, Коалиция объявила Пола вне закона. Той же ночью его убили.

- Пол Дентон связался с террористами – и был казнен по Протоколу Коалиции. Может, никакого заговора и нет?

- Я не знаю, - с усилием произнес Дентон. – Но что-то однозначно есть.

Он вспомнил виденное ним на базе «Синего Цветка» и в секретной установке под штабом на острове Свободы.

- Это дьявольский клубок, который мне самому не распутать. А теперь я вижу…

Где, она, ускользающая нить? Вот, он уже схватил ее, споткнувшись и едва не потеряв равновесие, и снова утратил. Он схватился за голову, затем неожиданно встал.

- Вы лгали мне.

Вот она, нить. Дом Джока, письмо от лица с инициалами ТТ.

- Пилот Джок, вы давали ему указания следить за Мэгги Чоу, а при необходимости убить ее. И вы будете утверждать, что кроме разработки Сомы вас ничего не интересует?

Трейсер Тонг, человек-маг, отвел глаза. Дентон отвернулся и прошептал:

- Придет ли когда-нибудь минута, когда я увижу человека без маски? Того, кто будет равен самому себе? Не двуликого Януса, не двойного агента, не облако под покрывалом… Того, кому можно сказать слово без страха, что разговариваешь с тенью. Того, у кого *одно* лицо.

- Джесс Дентон… Сядьте.

Дентон не шевельнулся. Тонг встал перед ним, подойдя вплотную.

- Эта паранойя может убить нормального человека, не вовлеченного в этот бред. Я признаю это. Я не лгал вам, агент. Меня действительно интересует лишь создание вакцины, но…

ему очень мешают. Вы должны понять меня. Слишком многие хотят моей смерти. Мне пришлось проверять вас, да. Я недооценил вас сразу, словно забыл, кем был Пол. Не понял сразу: будь вы моим врагом, вы действовали бы иначе. Что ж… в действительности я мало что от вас утаил. Я знаю, что какая-то сила пытается уничтожить триады, а на самом деле и в первую очередь – меня и мои усилия. Знаю, что Мэгги Чоу связана с ней. Я помогал триадам в борьбе и теперь помогаю Светлому Пути. Но, Дентон, - Тонг перешел на шепот, - нельзя бороться с тем, чего не знаешь. Все наши действия походили на конвульсии слепого котенка. Я согласился встретиться с вами неспроста: Дедал в своем послании упомянул, что вы можете стать ключом к моим врагам. И это решило все.

- Да… - Дентон взглянул исподлобья. – Только вот ключа у нас нет. Уолтон Саймонс, Мэгги Чоу, и несколько связанных с ними чиновников Коалиции сейчас недостижимы. Дедал молчит – а мы выйти на него не можем.

- Выходит, ваш брат и был тем соединительным звеном, тем ключом, который мог соединить цепь и найти начало клубка.

- Брат мертв… А я – что я могу?

- Вы уже дали мне определенные ключи, - спокойно сказал Тонг. – Маджестик-12. Уолтон Саймонс…

- У меня есть личное дело Саймонса, собранное братом, - произнес Дентон.

И блокнот Пола, подумал он молча.

Тонг шагал взад-вперед.

- Я начну работать с исходными данными прямо сейчас. Мы с вами разработаем план действий. А пока… можете жить у меня. Осваивайтесь с обстановкой, набирайтесь сил. Я думаю, этот Дедал не зря собрал нас вместе. Он еще даст знаки… Да, кстати: Гонконг – загадочный город, полный тайн, которые, думаю, будут представлять интерес для вас. Но и опасностей – тоже.

Дентону вспомнился дом Джока.

- Еще один момент, - Дентон повернулся к мерцающим экранам. – Я слишком многое должен принимать на веру, не будучи уверенным ни в чем. Я благодарен вам за спасение моей жизни, но я не буду вашим орудием. Я буду помогать вам лишь до тех пор, пока у нас есть взаимный интерес.

- Это то, о чем я говорил в самом начале, - в голосе Тонга слышалась грусть. – Но в любом случае, если вы решили разобраться в этой чертовщине, у нас будет какое-то время взаимный интерес.

Дентон кивнул:

- Пойду, поговорю с Алексом.

- Да, он внизу, в центре связи.

По-новому дышалось в светлых коридорах под землей. Снова – под землей. Видимо, ему предстоит прожить большую часть жизни под землей, в замаскированной под наземную реальности. Или… не только ему?

Бегущее время замерло, уступив место безвременью. Теперь – ним нужно как-то распорядиться. В холодном сумраке, разбавленном серебристой пульсацией десятков мониторов, Дентон увидел прямого, как струна, Алекса. Интересно, куда делась его сутуловатость? На нем не было очков, а из-за темно-синего клетчатого костюма, галстука на безукоризненной белизне рубашки и коротких, как у солдата, волос его вообще нельзя было узнать с первого взгляда.

- Рад тебя видеть, Алекс.

- Что, изменился немного, верно? Я уже не программист из темного уголка. Пора использовать свои способности по назначению.

- Как тебе удалось так быстро меня найти?

- Не поверишь – но благодаря Трейсеру Тонгу. Оказывается, я давно знал его под ником «Аурум», и мы переписывались по многим вопросам как виртуальные друзья. Я написал ему с вопросом насчет Дедала, и он сразу предложил прилететь в Гонконг, назвав твое имя…

- Отлично, ты в порядке.

- Да, здесь очень много работы – и много нового. Думал, я кое в чем разбираюсь, но… У Тонга есть чему поучиться.

- Что думаешь о Тонге?

- Загадка. Он дал тебе второе рождение?

- Это так.

- Блестящий, уникальный ученый во многих областях науки. Только, чувствую, наука – не единственное, что его интересует.

- Да, но есть и более загадочное лицо. Выяснил что-нибудь по этому Дедалу?

- Кстати. Я как раз хотел поговорить с тобой об этом. То, что я раскопал при расшифровках, не очень-то располагает к энтузиазму. Дедал – так называлась часть системы слежения за людьми «Эшелон-3», которую использовали еще со времен американской гегемонии в 20 веке, а затем – в ООН.

- Но ведь эту программу свернули.

- Ее обещали и должны были свернуть. Но на деле, думаю, ее просто перенесли в Зону 51.

- Район 51? Что-то знакомое. То есть – что ты хочешь сказать? Некий человек специально взял часть имени системы «Эшелон», символично отождествив себя с ней, сделав какой-то намек?

Алекс вздохнул и покачал головой.

- Нет, Джесс, боюсь, не все так логично. В последние два десятилетия управление «Эшелоном» начало обретать черты искусственного интеллекта, притом достаточно высокого уровня организации. Дедал был его программным ядром.

- Что-то непонятен мне твой ход мысли, - холодной волной оседали слова в полутьме. – Не хочешь ли ты сказать, что Дедал… не человек?

- Боюсь, Дедал – это… нечто вроде искусственного интеллекта.

Дентону, как на зло, вспомнилась странная речь. Сухая и раскатистая, как эхо, как намагниченная нить в вибрации…

- То есть то, что говорит в моей голове – что? Возрожденный искусственный интеллект?

- Это один из вариантов. Он имеет право на существование, - пожал Алекс плечами.

- Мне не нравится этот вариант. В нем звучит электронная пустота и… какой-то чудовищный обман.

- Ты всегда чувствуешь что-то странное, - улыбнулся Алекс безрадостно.

- Как там, в старом добром агенстве?

- Хайми сказал, что остается по твоей просьбе, вроде как шпион. Это довольно опасно, не так ли?

- Не знаю. Я уже и сам не рад, что предложил это тогда, не подумав. Как сам считаешь?

- Саймонс убивает предателей.

- Не думаю, что у Саймонса есть основания подозревать доктора. Дружба со мной – веский довод, однако вряд ли решающий.

- Ладно, Джесс… Теперь я такой же беглец вне закона, как и ты. Не удивлюсь, если завтра моя фамилия будет в списках Коалиции среди самых опасных террористов.

- Тебе нужна была большая решимость, чтобы пойти на этот шаг. Ты мог остаться, ничем не рискуя. Тебе было, что терять в гораздо большей степени, чем мне.

- У меня нет семьи, как и у тебя. Наверное, это общая черта для всей команды с острова Свободы. А то, что я делал… Мне надоело. Я понял, что могу быть полезнее.

- У тебя столько решимости, столько энергии и желания делать что-то, - произнес Дентон с легким и почему-то

неприятным удивлением. – А я… Температура остановилась на нуле после событий в Нью-Йорке. Мой дом разрушили, а из обломков – не построить даже пристанища. Я хочу выяснить историю загадок Пола, а потом… не знаю.

- Это пройдет, Джесс, - Алекс Якобсон положил ему руку на плечо. – Надеюсь. Что собираешься делать?

- Ну, не думаю, что надолго задержусь здесь. Ты знаешь – я нигде не задерживаюсь. Днями, быть может, возьму у тебя несколько уроков хакерского мастерства. А ночами… Погуляю по этому Городу. А вдруг он и откроет какие-то свои тайны…

- Будь осторожен, Джесс. Ты не для того был спасен, чтобы потеряться где-то в подворотне. Ты ведь знаешь – мы на тебя надеемся как на ключевую фигуру… еще неведомо в чем, но – что-то явно происходит. Не обязательно сидеть на острове Свободы, чтобы понять это. Хватит и улиц.

- Ключевой фигурой был Пол. Я – нет, я тень, не успевшая обрасти плотью.

Алекс с силой посмотрел в его глаза.

- Джесс, ты не знаешь еще своих способностей. Не знаешь, что можешь и должен сделать. Не знаешь, кто ты…

- Вот как раз это я узнать собираюсь. И начну… прямо сейчас?

- Ты знаешь, откуда начать?

Дентон поднял голову, и услышал крик совы в северном парке, за всеми стенами, за всеми оглушающими пластами.

- Нет. Но, может, кто-нибудь подскажет?

Два человека смотрели друг на друга, думая о разном. Но молчали они об одном. О том, что понять трудно – и понять придется.

Глава 5
В ожидании

Безлунная ночь.
Темнота.
С криптомерией тысячелетней
Схватился в обнимку вихрь.

Мацуо Басе

Он ходил здесь… Он видел эти застывшие деревья на краю света. Он прятался среди длинных теней, черных, как кошачьи хвосты. На него смотрели те, кто его не видел, и те, кто

отвернулся. Он искал свое отражение в темной воде и проходил мимо притаившихся *одиноких*.

(*Что произойдет, если смешать все звуки мира? Тишина. И если к этой тишине затем прислушаться, то можно услышать все, что угодно*).

Он был здесь – а значит, он оставил следы. Пусть их уже не найти.

Так Дентон думал о своем брате, стоя на высоте, над панорамой города, над панорамой – бездной. С чего-то нужно было начать. И он мог начать.

Мог еще раз проникнуть в дом Мэгги Чоу, поискать следы, намеки и нити; мог бесконечно говорить с людьми триады, с посетителями клуба у аллеи; выйти на связь с Джоком и заставить того рассказать все, что знает. Только – время не пришло. Дентон с удивлением открывал в себе пробуждение шестого чувства, такого сильного, что игнорировать его влияние становилось трудно.

Не спеши, говорило это чувство. *Не ищи, чтобы не пропустить того, кто ищет тебя.*

Блокнот Пола оказался почти пуст – и это не удивляло Дентона. Пол бы никогда не доверил бумаге жизненно важную информацию. Отрывочные, не имеющие смысла данные, какие-то цифры – возможно, смысл они имели, только ключ к его пониманию был *за* пределом.

Удивляло то, что записная книга была без единой дневниковой записи. А листы удивляли своей новизной – обычно их края слегка загнуты, а ребра затемнены, если делать записи хотя бы со средней частотой.

Этого не было. Вот что-то осталось в сети после того, как Дентон вытянул ее из океана неопределенного. Три записи и два отрывка.

Силуэт – СИЛУЭТ – Синий Цветок – Триады – ТТ – Ванденберг

****

X

****

Дж. Мандерли * Г.С.? |

Г. Гюнтер * |

Район

Коалиция А. Наварре * Уолтон Саймонс **** X |

RX-51

Агент Шерман * |

Капитан Керри* |

X Мэгги???
X
****
Маджестик – 12 _____ !!!X!!!

Схема, которую Пол, видимо, составлял для себя в минуту досуга, решая какую-то задачу с одним из «X». «X» - неизвестные элементы головоломки «система заговора» или «Маджестик-12»?

СИЛУЭТ – та самая организация, которой Дентон посылал сигнал SOS по просьбе брата. Он даже не пытался предполагать, что она собой представляет.

Ванденберг – Дентон знал очень хорошо, что это такое. Там, совсем недалеко от Района 51, на авиабазе ВВС США нашла пристанище группа ученых-диссидентов, которые обвиняются в сотрудничестве с террористами и передаче им критических технологий. Дентон подумал теперь, что это так и не было доказано. Поэтому их не отдали под суд – они лишь вынуждены были покинуть свое пристанище, Район 51, полусекретный государственный научный комплекс. В лексиконе Коалиции ученые Вандеберга значились как «группа риска экс-51».

Весь нижний ряд объединялся одним знаменателем, названным «Маджестик-12». Но Дентона удивило, что и этот знаменатель вел к очень тревожному !!X!!, не известному и Полу.

Дентон еще раз взглянул на схему, затем провел соединительную линию от Синего Цветка к нижнему ряду через Коалицию и к Трейсеру Тонгу и написал на ней «Сома». Соединил пунктиром Ванденберг и Район 51. Провел линию от триад к нижнему ряду через Мэгги Чоу и написал на ней «меч Зуб Дракона». Немного подумал и дописал рядом «корпорация».

Он посмотрел на схему пару мгновений, затем перечеркнул ее и порвал. Все это бессмысленно.

Дентон не придал значения тому, что «силуэт» в схеме брата повторяется два раза подряд. Только следующая запись, имеющая значение, тоже озадачивала с этим силуэтом.

«Встреча с Силуэтом: условленный час, парк девичьих слез, Париж».

Не весь Силуэт имел Пол в виду, а, наверное, Чада, его лидера. Иначе – не с героем же комиксов решил он встречаться…

Третья запись была самой важной.

«Что угодно может случиться: найди в Гонконге кафе у канала – кафе, опоясанное змеем».

Дентон не знал, кому предназначена запись. Но, судя по характеру ведения блокнота, не включающего ни одного предназначенного другому послания, он ощутил: это слова, оставленные именно ему. Несмотря на «кафе у канала», предполагающее, что получатель будет знать, о чем речь. Пол предусмотрел еще один вариант развития событий. Только этот вариант был продуман тогда, до Переворота, и предусматривал Жизнь – а не Смерть.

Это утратило смысл.

Еще два отрывка… Читать их?

«Я пригласил бы в спутники тебя,
Чтоб чудесам земли дивится вместе,
Чтоб, сидя дома, молодость свою
Ты не растратил в суетном безделье…»

«Я знаю тысячи мест, чей смысл неведом никому. Но я боюсь тебе сказать. Я не могу позволить тебе уйти…»

Поникший фонарь мигнул Дентону, как старому знакомому, не зная, что принял его за другого. Дентон вошел в маленький храм Будды, третий раз поднялся по нешлифованным ребрам ступеней, скрылся в тумане.

Приторный запах благовоний и душный туман не нравился ему, но здесь было нечто, заставившее войти и задержаться на минуту. Нет, не Золотой Будда на троне… Не монах с отчужденным лицом, не имеющий с ним смысловой связи.

Просто это был уголок другого мира в ночном мире, который преследовал Дентона. Уголок давно утраченного, пытавшегося одухотворить… вернуть. Одним словом, здесь не пахло холодным бетоном.

- Входить в храм человеку с пустотой внутри или с чужим именем на устах не просто бессмысленно. Это опасно.

Дентон обернулся и увидел того самого монаха, единственного обитателя храма, его ночного охранителя.

- Я не знал, что вы разговариваете по-английски.
- Мне не очень-то нужно это. Но я воспользовался одной из возможностей…
- У меня так уж пусто внутри?
- Вы человек из другого мира сейчас. Ваш голос не будет услышан. А вы – тоже не услышите ничего…
- Здесь я наполняюсь спокойствием.
- Так и должно быть. Только и здесь уже не спрятаться.

- Хотя бы на время.

- Да. Храм влияет на человека, но при одном условии: если он не играет. Приходит без маски. Голый.

- Вы на очки намекаете? – Дентон поправил линзы. – Я уже отыграл свою партию. Теперь бы найти лицо…

- Скоро все это уже не будет иметь значения, - сказал монах со странной интонацией.

- Почему?

- Потому что сейчас 2052 год.

- Не вижу в этом факте ничего удивительного.

- Да нет… 2032-й пройдет, настанет год 2033-й… А вот две тысячи тридцать четвертого – 2034 года не будет.

Глядя в серые водянистые раскосые глаза, Дентон ощутил неприятный накат волны абсурда, пугающий волю.

- Ладно, - сказал он, сделав шаг назад. – Быть может, я еще зайду когда-нибудь.

- Ко мне? Нет… - ответил монах, давая понять, что его здесь не будет, или что-то другое.

Мимо храма прошел, прихрамывая, светловолосый гигант с серебристыми прожилками, тяжело ступая по холодным теплым камням. Потом скрылся за колонной.

Взошла луна, и в конце переулка, на возвышенности, выступили из тьмы чьи-то очертания. Некто стоял, недвижный, потом скрылся.

Дентон вышел из храма, прислушался. Шестое чувство уловило нечто, с ним связанное.

***

Дорога в канале – Дентона интриговало это слово «канал», оно рождало аллюзию чего-то темного, зовущего и одновременно отталкивающего холодом.

Он спускался в тоннель, еще не зная, что к каналу не попадет. Дорога была перекрыта из-за взрыва, обрушившего часть канала и потрясшего весь Гонконг.

Движение перекрыли. Тихо и прозрачно-серо в тоннеле. Дентон увидел прямо на дороге раскинувшееся лицом вниз тело члена Светлого Пути, в белом кимоно. Последствия большой мясорубки еще не успели прибрать с лица города. Вдали слышалось надрывное рыдание полицейских сирен, а их мечущийся свет бросал отчаявшиеся тени на стены тоннеля.

Дентон стал посреди вырубленной в скале дороги и увидел еще несколько трупов. С одной стороны путь был перекрыт толстой решеткой, и он пошел в противоположном направлении. За первым же поворотом стояли две черных

полицейских машины и карета скорой помощи. Помогать было уже некому. Вооруженные люди в камуфляже устанавливали баррикады.

Ничего интересного. Абсолютно. Здесь даже негде остановиться и подумать. Только единственная дверь из бронированной стали вела куда-то, неприметная на фоне стены. Дверь заперта. Куда ведет эта дверь?

- Куда ведет эта дверь? – спросил Дентон у одного из полицейских. Тот посмотрел на него, как на идиота.

- Я не знаю, - хмуро ответил тот. – Наверное, какое-то техническое помещение для обслуживания канала. Это последнее, что интересует меня сейчас.

Нет, ничего… Дверь как дверь. Просто как-то нелепо она здесь смотрелась.

- Куда ведет дверь в тоннеле Дороги в Канале? – спросил он Тонга, вернувшись.

- Какая дверь? – удивился Тонг. Несмотря на позднее время, он был одет и сидел в лаборатории.

Дентон объяснил расположение двери в мрачном коридоре. Тонг в ответ только пожал плечами.

- Вот уж не думал, что вы станете тратить время и внимание на такую чушь. Я сам не знаю об этой дороге совершенно ничего, их множество в Гонконге. Эта дверь, наверное – не более чем подсобка, где находится канализационный люк, соединенный с системой канала.

- Канализация? Мне показалось странным, что она защищена бронированной дверью и канализацией.

- Ничего удивительного, в наше-то время. Чтобы не нашелся безумец с биологическим оружием, который захочет заразить канал, а через него и всю систему водоснабжения Гонконга.

- Понятно… Ну, я пойду тогда.

- Не хотите отдохнуть?

- Спасибо, я чувствую себя отдохнувшим. Есть пара моментов…

- Постойте! – Трейсер Тонг встал. – Я поработал немного, пока вас не было. Навел кое-какие справки по Маджестик-12. По минимуму, конечно, то, что есть в доступных мне ресурсах Интернета. То есть непроверенные данные…

- Разве это возможно? Это имя есть в Сети?

- Оказывается, Интернет – весьма полезная вещь. Многие его недооценивают, особенно в Большом Китае. Меня это тоже удивило поначалу. А потом… сами данные довольно странные.

- В каком смысле?

- Сплошная уфология. Летающие тарелки, зеленые человечки, пришельцы… У меня в глазах рябит от этой мозаики. Вам ведь известно об инциденте в Розуэлле, у вас в Штатах?

- С инопланетянами, в прошлом веке? Но ведь доказано, что это очередной обман доверчивой и падкой на сенсации публики?

- Я не берусь судить о том, чего не знаю. Кто-то еще серьезно верит в факт самого происшествия, раз пишет такое. Вот вам, коротко, легенда: в 1947 в Розуэлле, точнее недалеко, в пустыне Невада упал из космоса странный летающий объект. Теперь эта зона известна как…

- Район 51?

- Именно. Подробности происшествия знали немногие, они сразу были засекречены по решению президента Трумэна. Более того, по его специальному приказу создана особая комиссия для всестороннего расследования этого дела. В комиссию вошли некоторые ключевые фигуры государства, специалисты-ученые, военные, чиновники… - Тонг сделал паузу. – Всего 12 человек. Маджестик-12. Маджестик – слово, которое у вас означает и «загадочный», и «величественный» в разных контекстах. Очень удачное слово.

Дентон кивнул. Тонг продолжал.

- Дальше идут чистые домыслы. Суть их в том, что при исследовании останков «корабля пришельцев» в руки комиссии попали такие внеземные технологии, которые поднимали могущество их обладателей на новый, качественный уровень, недосягаемую высоту. И их было просто опасно открывать незрелому миру, только что проявившему себя во всей красе Двух Мировых. Вместо этого было принято решение о создании некоего «наднационального, надцивилизационного контроля», который благодаря полученному могуществу направлял бы мировые процессы в наилучшее и наиболее разумное русло, охранял бы порядок и мировую стабильность. О самих пришельцах более не упоминается, на арену выходят люди. Не фиксируемая ни в одном источнике комиссия «Маджестик-12», тем не менее, продолжала существовать, обновляя свой состав «лучшими из лучших», верхними из верхней когорты высшего класса. В распоряжение Маджестик-12 приписывают секреты и технологии, на порядок опережающие уровень, известный миру, вплоть до использования уникальных источников энергии, программированного создания роботов и людей…

Тонг выдержал паузу, наблюдая какое-то напряжение в непроницаемом лице собеседника, затем махнул рукой.

- Одним словом, суть их могущества в тайне и технологии. Я объяснил вам суть очень коротко, в двух словах, хотя в сети из этого мусора можно сложить библиотеку. Думаю, вы поняли, о чем речь, Джесс.

- Да… Еще одна сказка для любителей конспирологии. Из ряда масоны-тамплиеры-иллюминати-банкиры-святые сатаны.

- Только с привязкой к науке. Обновленная версия мондиализма.

- Сказка… Это было бы для меня сказкой, если бы только не Пол. Он бы никогда не упомянул это имя просто так.

- Нет дыма без огня, - согласился Тонг. И мы должны принять это за исходную точку в нашем расследовании. Я не думаю, что «Маджестик-12» - это то древнее, суть чего я вам изложил в точности. Но либо какая-то современная группа могущественных заговорщиков присвоила себе это удачное имя, либо Пол использовал его как символ.

- Слишком могущественных, - ответил Дентон, - если они сумели подменить Коалицию.

- И если их влияние распространяется так далеко и глубоко, что и я не могу спать ночами, - добавил Тонг.

- Спасибо, мистер Тонг. Держите меня в курсе.

- Я пытаюсь делать это. Но пока – ни одной зацепки.

- Почему же? Иногда целостная картина важнее. А что по Уолтону Саймонсу?

- Да, этот загадочный Саймонс. С ним вырисовывается очень интересная картина. Получается, что он, просто-напросто… человек без прошлого.

- Я ожидал этого.

- Такого человека просто не существовало до 2045 года. Ни одного упоминания. И в досье, и в официальных источниках – биография начинается с 2045 года. Везде первая фраза «…в 2045 году». И позже. Тогда он был назначен главой комиссии по регулированию миграции – и отсюда начинается его звездная карьера… Откуда он взялся – никто не знает и почему-то не задает вопроса, а он даже не потрудится это прошлое себе создать…

- Когда Саймонс узнает, что я не мертв, он сам даст мне зацепки. Он сделает все, чтобы меня остановить.

- Почему такая уверенность?

- Потому что он знает: я не уйду просто так. Он знает обо мне больше меня самого. И это пугает нас обоих – каждого по-своему.

- Никогда бы не подумал, что вы боитесь чего-то, - признался Тонг. – Но, как ни странно, я вас тоже не боюсь. Хотя и знаю, какая убийственная сила в вас заложена.

Дентон поймал себя на мысли, что чувствует растерянность, когда кто-то начинает говорить о нем самом. Растерянность, граничащую с беспомощностью…

- Ладно, мне нужно идти… Честно говоря, мне кажется наша деятельность барахтаньем лягушек в мутной воде. Без плана, без определенной цели. Знаем ли мы, чего хотим добиться?

- Думаю, знаем. Главная цель – воссоздать таки Сому и помочь миллионам носителей серых масок. Но пока для этого не сделать ничего. А также – попутно, мы хотим выяснить, кому это так важна Сома и контроль над ней, кто и зачем искалечил вашу жизнь и портит кровь мне. Следовательно – какова наша роль в этом всем. И кому нужно влиять на Коалицию, ООН и триады. Против кого борются неосознанно некоторые группы сопротивления и вел целенаправленную борьбу Пол… Продолжать?

- Попробуйте…

- Кто оказывает влияние на правительства мира и пытается подчинить триады? Почему люди на улицах говорят намеками об одном и том же? И откуда взялась Серая Смерть, страшный безликий убийца «проклятого миллиарда», оружие против которой есть, но для многих оно - лишь легенда.

- Не известно точно, один ли существует ответ на все эти вопросы и есть ли между ними связь. И как это относится к нам…

И кто такие «растворенные» люди, подумал Дентон без слов. И кто такой он, у которого начинаются кошмарные иллюзии перед зеркалом.

- А не поломаем ли мы зубы? – спросил он грустно.

Тонг бросил в ответ очень двусмысленную фразу.

- С вами, Джесс, думаю, не поломаем. По крайней мере, не сразу.

- А кто я? Может, вы знаете?

- Они готовили вас как самое мощное свое оружие. Как и вашего брата. А ничего не боятся так, как собственного оружия, обернувшгося против творца и владельца, как бросившуюся на хозяина бешеную собаку…

- Хм, спасибо за сравнение. Я польщен.

- Вы говорите, нет плана… Но я просто жду определенной информации от моих агентов и приезда Стива Каллагана, известного вам как Джок.

- Вы уверены, что в Гонконге есть, что искать?

- Уверен. Странные вещи творились здесь до вашего приезда. Вы бы поговорили с людьми.

Поговорю… Бессмысленно все это.

***

Сонный дежурный полицейского участка положил пистолет на стол и опустил усталую голову на грудь. Все спокойно на рынке. И два мощных робота охраны стерегут порядок. Нет смысла в особой бдительности…

Через секунду он поднял голову и очень удивился: пистолет должен был лежать на том же месте, а его не было. Что-то темное стояло напротив – и растворилось, как капля чернил в воде. Он резко вскочил, прошел в соседнее хранилище; нетвердой рукой набрал код и нырнул под землю. Быстрым, цепким взглядом пролетел по секциям хранилища, и сердце в груди остановилось: так и есть, она исчезла. Самое ценное, спрятанное за семью замками. То, что потрясет Гонконг…

Полицейский выбрался наверх, не зная, что собирается сказать офицеру. В прихожей, несмотря на запертые двери, уже ожидал гость, чей вид так удивлял и устрашал, что заставил на миг забыть о случившемся.

- Я Гюнтер Герман, агент оперативного отдела Коалиции. Я ищу опасного преступника, который находится здесь, в Гонконге. Вы не встречали ничего подозрительного?

Полицейский изумленно покачал головой, ощущая кожей, что оказался не в то время и не в том месте.

- Он был здесь совсем недавно, я чувствую это. – Серый гигант сверлил его горящими, как угли, глазами.

- Я ничего не знаю об этом. Территория рынка охраняется, и никто…

Хорошо. Если узнаете что-нибудь, обязательно дайте мне знать. Это террорист международного масштаба. Вот код связи.

***

Дентон не узнал ничего интересного, ничего важного. Мэгги Чоу была убийцей – она предательски убила предыдущего главного дракона Красной Стрелы. И еще – Дентон не совсем понял – что-то покрытое тайной замышлялось ею, судя по записям. Может, в этом вся важность информации?

Но никаких ясных ему фактов не было. И никаких следов, связующих ее с загадочными «х» - разумеется, тоже.

Ночь была душной. Дентон снял плащ и повесил на дереве тихого парка, потом укрылся в сени одиночества, погрузившись в раздумья. Наблюдал, как голуби взлетают, исчезают в черной неизменности, а потом возвращаются под действием притяжения, которого не преодолеть. Ощутил дуновение ветра где-то позади, но, обернувшись, не увидел ничего.

Подумать только, еще пару ночей назад он так четко знал, что делать, куда идти и зачем. Хранить мир, даже ночной, очищать его темные норы и соскабливать ядовитую грязь с его граней. Теперь – подвешенность между пустым небом и враждебной землей. Теперь – он сам не знает, зачем нужен. Он бы ушел куда-то, влился в течение жизни, какая она ни есть. Но. Он не может. Не может, пока не узнает о себе все. Чего бы это ни стоило. И еще – теперь он не защищен. Ничем.

Он надел плащ, и белый лист бумаги, сложенный вчетверо, выпал из его складок, хлопнув сухим поцелуем по камню тротуара. Дентон удивился, зная, что ничего не могло выпасть из его плаща просто так. Кроме того, он не узнавал этот листок. Подняв его, Дентон убедился, что не ошибается.

«Темную ночь в этом городе
В смутных раздумьях под звездой проведешь,
И не найдешь покоя в тишине у храма.
И глаз не сомкнешь – голубь плачет на ухо.
Только не поэт тот,
Кто к каналу не придет
И в мутной стоячей воде
Не попросит мудрости и решения,
Не попробует свет фонаря увидеть,
как звезду».

Дентон прикрыл глаза. Незнакомый почерк, чуждый слог. Еще один неизвестный игрок смеется из-за своей маски, еще одна тень-демон, влекущая, возможно, в ад. Он хрустнул кулаками. Почему всем нужен именно он? Вокруг идет борьба, так важно понять ее суть. Идет игра, так трудно и так важно разгадать ее правила. Особенно, если открываешь в себе одного из главных героев.

Под формой отрывка из восточной поэзии явным был призыв отправиться к каналу. Загадочному каналу Гонконга, о котором он слышал уже несколько раз. Кто-то или что-то ожидает его там. Только… искать или ждать? Канал огромен, наверное. Где будет этот «свет фонаря, как звезда»? В мутной стоячей воде…

Дентон вернулся к рынку – на базу Тонга возвращаться не хотелось. Женщина с сонным взглядом сидела, окруженная вазами всех размеров.

- Все эти вазы сделаны вручную, в Тибете, из лучшего китайского фарфора. Не хотите украсить свой дом?

- У меня нет…

(дома?)

…нет денег с собой, иначе я непременно приобрел бы вот эту маленькую вазу с огненными цветами.

- Это не огненные цветы. Это пламя дракона-солнца.

- Можете мне помочь? Как отсюда лучше добраться к каналу Гонконга?

- Каналу? В Гонконге целая система каналов. Какой нужен вам?

Дентон пожал плечами.

- Ближайший, видимо.

- Маленький канал Ван-Чай? Да он совсем близко. Я знаю, что вы ищете, - продавщица игриво подмигнула. – Аттракцион развлечений, не так ли?

- Вряд ли. А что еще есть в канале?

- Да ничего, - удивленно ответила она. – Юго-восточный рукав не в счет – это район трущоб, там полно бандитов и полиции, пусто, и кроме бродяг, охотников за сокровищами и полубезумных рыбаков нет никого. Вода там мутная, а гирлянды и фонари выглядят нелепо, как весельчаки на кладбище. Я была там девочкой, лет 15 назад. До сих пор помню мурашки по коже от этой тишины и каких-то шепчущих звуков…

- Объясните мне дорогу.

- Вы уверены, что вам нужно туда? Если вы турист… - она замолчала, смерив Дентона внимательным взглядом. – Даже триады избегают решать там свои вопросы.

- И тем не менее…

- Конечно, если хотите. Попасть в район канала очень просто. Вы знаете подземную Аллею Ван Чай? Идите по дороге к этой аллее, но, вместо того, чтобы спускаться вниз, поверните в узкий переулок слева. Идите по нему до конца, и окажетесь у воды…

Шаги за спиной застали его врасплох. Дентон обернулся и оказался лицом к лицу с полицейским, вооруженным убедительной автоматической винтовкой.

- Незнакомец, следуйте за мной.

- В чем дело? Я арестован?

- Вы задержаны для выяснения вашей личности. Мы

проводим совместно с Коалицией операцию по поимке особо опасного террориста…

Дентон посмотрел за спину стража порядка, на кроны неподвижных деревьев. Выйти из положения не составило бы труда. Но это означало бы не объявление войны – это был бы сигнал Гюнтеру, Саймонсу и остальным: он жив, он опасен, он требует определенных действий. Нет, остаться мертвым хотя бы на время требовалось любой ценой.

- Хорошо, - легко согласился он, глядя в глаза полицейскому. – У каждого своя работа.

Они прошли в участок, который был уже хорошо знаком Дентону. Дентон сработал тогда совершенно, никем не замеченный, не увиденный, никому не причинивший вреда. Теперь, сидя на стуле, он смотрел на знакомую обстановку с холодной кровью.

- Кто вы, - спросили его спокойно.

- Агент Коалиции.

На офицера эти слова не произвели ни малейшего впечатления.

- Очень хорошо. Коалиция прислала нам меморандум с описанием преступника. На фото он копия вас. Бывший их агент. Я понимаю – вы там все на одно лицо…

- Капитан! – позвали из соседней комнаты. – Сообщение из Нью-Йорка.

- Минутку.

Через время офицер вернулся и сделал освободительный жест.

- Примите наши извинения за неудобства, агент. Вы свободны. Я только что получил уведомление из США. Преступник, которого они искали, мертв.

Дентон украдкой взглянул на часы. Действительно. Долгих-долгих двадцать четыре часа позади. Переключатели убийцы уже сработали - сработали наверняка.

Значит, мертв, подумал он и понял, что сыграл правильной картой. Переключатели-убийцы сделали свое дело – так, как нужно было ему. Это и к лучшему.

Иногда нет лучшего выхода, чем стать на время никем. Исчезнуть. Никто не теряет ничего, но *он* обретает преимущество невидимки – нельзя предусмотреть его шаги.

Разве что лишь тому, кто поглядывает в окно из-за штор. Кто не спит в долгую безлунную ночь.

Кто творит теневую историю этого мира. Никогда не узнанную, никогда не прочитанную.

Настоящую историю.

Глава 6
В канале

Скользят неспешные раздумья
В тиши ночной,
Как тени
Над водою.

Хайку

Канал.

Дентону показалось, что он пересек какую-то незримую грань между двумя мирами, за которой поменялось все. Изменился воздух и его алхимия, появились новые оттенки черного, серого и мутно-желтого. И еще – время здесь текло по-другому. Медленно, застывая и теряя собственную нить, соприкасаясь с Вечностью в Шепоте Тишины.

Звук плеска волн канала о старые, как мир Дракона, его стены – тихий-тихий, он был слышен издали, и наполнял мир особой симфонией: ненавязчиво и неминуемо.

Дентон остановился перед странными перилами и, посмотрев вниз, далеко перед собой увидел ленивую изменчивость мутно-желтых вод. Хрупкий мост вел на противоположный берег. Но Дентон стоял на втором «этаже» - внизу отдельные причалы и обрывающиеся в воду ступени говорили о том, что есть еще один уровень. Самый близкий к воде.

Рядом с началом уводящего куда-то тоннеля под гроздью ярких бумажных фонариков стоял полицейский наряд: один был вооружен огнеметом – страшным оружием, убийственную силу которого Дентон узнал еще в Академии. Он преградил Дентону дорогу.

- Для вашего же блага вам лучше держаться подальше. Не стоит туристам посещать канал ночью.

- Я не турист. Я… частный детектив, - Дентон отметил, что смена маски – процесс довольно непривычный, но безболезненный. – Я здесь по делу убийства предыдущего Главного Дракона Красной Стрелы, по личному распоряжению Макса Чена.

- Возвращайтесь лучше утром…детектив. А то провалитесь в какую-то яму, затянет течением, получите нож в спину. За последние недели не было утра, чтобы не вытянули труп из канала.

- Днем здесь нечего делать. Думаю, я готов к неожиданностям, - холодно ответил Дентон.

- Как желаете, - полицейский уступил дорогу. Только канал большой, а его стены и берега очень толстые и глухие. Мы можем и не услышать криков помощи.

- Насколько большой?

- Ну, верхний уровень обойти недолго, километра два вся протяженность. А внизу можно и потеряться. Так много воды.

- Спасибо, я учту.

Дентон шел по узкому пути, край которого обрывался на высоте в воду где-то внизу, вдоль высокой стены какого-то дома, настолько темной, что казалось – она впитала черноту. Ничего, кроме заколоченных или наглухо закрытых дверей, решеток, запрещающих надписей. Все кричало: остановись. Не иди дальше…

Видимо, не каждый решился бы гулять по этой улице ночью. Точнее – никто не решился бы. Дентон вспомнил глухие лабиринты Адской Кухни. Все же он предпочел бы оказаться там.

Горящая бочка, как угли адского пламени, обнажала крысиную нору, на которую не хотелось смотреть. Это был первый источник света, который встретился Дентону на этой черной дороге. Два серых существа прятались в углу за бочкой, как в яме холодной преисподней. Дентон подошел ближе и услышал разговор двоих. Их внешность и тембр не давали обмануться, а язык общения был ему неведом.

Но исчезнуть по-английски случайный гость черной дороги не успел: он был обнаружен. Хриплые голоса, как карканье ворон, пугали беспросветностью.

- Подожди… - могильное.

Они сделали шаг к нему, нетвердый, но полный приговора. Они плохо видели его, черного на черном фоне. Дентон же хорошо рассмотрел примитивное ружье и лом – грубое оружие смерти, готовое к действию.

Выстрел-разрыв вырвал ружье из руки черта и швырнул его в темноту. С криком боли он схватился за окровавленное запястье. Второй бросил лом на землю и попытался нырнуть в темноту, но споткнулся на лету, пораженный в колено. Предупреждения было достаточно.

Дентон вышел на свет и приблизился к нападавшим вплотную, игнорируя запах.

- Что мне делать с вами? Думаю, ваш затаившийся Город вздохнет свободнее, если вас не станет.

- Мы уйдем, и ты даже знать не будешь о нашем

существовании.

- Конечно, не буду, после того, как вас не станет.

- Зачем тебе эта дыра? Здесь никогда ни души не встретишь, мы тоже прячемся… я знаю тебя… - вдруг сказал один из чертей. Дентон внутренне подобрался.

- Ты знаешь меня?

- Да, я видел тебя несколько недель назад у канала. Только ты был без очков и с бородой. Ты же искал Тана.

- Тана?

- Ну да, знаменитого вора с канала.

- Зачем бы я… - Дентон замолчал. – Где же ты меня видел?

- В маленьком кафе на воде к западу отсюда, почти над нами.

- Ты думаешь, это как-то облегчит твою участь?

Дентон достал электрошок.

***

Полицейский с огнеметом обернулся на звук шагов и тревожно всмотрелся в темноту. Из тени, шатаясь, выступил худой бродяга со спутанными волосами и серым лицом. На плечах он нес что-то, похожее на тело.

За их спиной показался некто в длинном темно-синем пальто с облачными разводами. Полицейский узнал его – частный детектив Чена.

- Это ваши подопечные, я думаю.

- Да, их лица нам знакомы. Как вам удалось их найти?

- Погулял немного. Полагаю, вам стоит получше изучить окрестности.

- Спасибо, но мы предпочитаем еще продлить существование, - ответил сержант с иронией, защелкивая наручники.

- А зачем..? – кажется, незнакомец хотел что-то спросить у самого себя. – Ладно, я спешу идти.

Он перешел хрупкий мост и исчез за карточным домиком-навесом. Солдаты переглянулись: этот незнакомец – явно гость у канала Ван Чай. Гости не задерживаются долго.

За углом у мусорных ящиков стального серого цвета произошла совершенно странная вещь. Дентон увидел, как к нему бежит человек, одетый в черный жилет и кожаные штаны китаец с тонкими усами. Он бежал прямо на Дентона, и тот остановился в ожидании. И когда до столкновения оставалось буквально пару шагов, незнакомец вдруг замер на бегу, удержав равновесие, повернулся и медленно пошел вдоль края

дороги. Дентон ничем не мог объяснить такого странного поведения.

- Эй, мистер! – Позвал он незнакомца, не очень, правда, рассчитывая, что тот знает английский. – Вы, кажется, что-то хотели?

Китаец неловко повернул голову и ответил:

- Я просто гуляю здесь.
- Но мне показалось…
- Я гулял здесь! – нервно крикнул странный человек, усиливая акцент. – Неужели мне уже нельзя прогуляться перед сном?

Был уже третий час утра, но у каждого свой биологический цикл, подумал Дентон, спускаясь на первый уровень по спиральной лестнице, вырубленной прямо в камне. Ночь открытий, видимо, только начиналась.

И сказочный корабль на воде будто подтверждал это своим видом.

Не слишком, но достаточно большой, чтобы скрыть несколько маленьких тайн за темными бортами из старого дерева, уже утратившего запах дерева. Корабль потерял свою первоначальную субстанцию, свой дух корабля в тоске по океану и отвагу мира на плаву. И стал просто домом на воде, чьим-то обиталищем.

Дентон поднялся по трапу и оказался в чистом теплом помещении, относительно светлом, чтобы не замечать света, чтобы свет стал сообщником, но не бил в глаза. Большой хмурый пес облаял его на пороге. Странно, но этот лай звучал как-то слишком спокойно – не звонко, не злобно, не раздражая собранную атмосферу ночного канала. Прошло буквально несколько секунд, и сверху, с капитанского мостика, спустилась обитательница корабля, хрупкая молодая женщина в зеленом халате. На поясе ее висел маленький меч в инкрустированных ножнах. Кажется, она даже не удивилась появлению гостя.

- Добрый вечер, сэр, - произнесла она приятным голосом.
- Вы хозяйка этого кор…дома?
- Да, я живу здесь. А что?
- Вы… здесь одна? И не боитесь опасностей ночи?
- Мой друг разорвет любого, кто придет сюда дурными намерениями, - она махнула рукой на равнодушного пса. – Мне даже почти никогда не бывает тоскливо. Ну, разве что… - она посмотрела на него долгим внимательным взглядом. – Только иногда, в такие долгие безлунные ночи.
- Луна уже вышла, - ответил он спокойно.

Они оба подняли головы, чтобы упереться глазами в ущербный полускрытый серп из мутного золота.

- Меня зовут Джесс Дентон.

- А я Кассандра. Дочь Трои, да… Вы ищете что-то?

- Нет, ничего определенного. Изучаю этот город – я появился здесь совсем недавно.

- Это я поняла, - она улыбнулась. – Вы выбрали оригинальный способ – и время, и место. Этой ночью канал не очень безопасен.

- В чем же дело?

- Ну, он всегда небезопасен. А теперь еще и добавилась подводная охота. Несколько дней назад произошел взрыв на Дороге в Канале. Ее затопило, многие люди погибли. Вчера прибыло несколько европейцев, охотников за сокровищами. Они собирались нырять и ограбить тела.

- Просто год стервятника.

- Не знаю, простые ли они охотники за сокровищами. Говорят, вода затопила одну из лабораторий корпорации Версалайф. Среди вещей находили оружие, высокотехнологические устройства… монстров.

- Что за устройства?

- Я не знаю, - она пожала плечами. – Я далека от всего этого. Единственный способ выяснить – нырнуть самому.

- Неплохая идея.

- Вы шутите! – она засмеялась звонким, как шум дождя, смехом, естественным для майского утра, а не ночного канала. – Хотите быть моим гостем?

- Может, я злодей или грабитель? Убийца, чьих жертв находят поутру? Стоит ли доверять мне…

- Мой друг уже проверил вас. Приди вы сюда как преступник, вряд ли вам удалось бы переступить этот порог. К тому же… я ведь тоже не так проста.

Дентон не стал с этим спорить.

- Я бы остался, но… Честно говоря, еще многое предстоит сделать до рассвета.

- Во всем канале только один такой корабль, - улыбнулась она с хитринкой, дела шаг навстречу.

- Я в этом не сомневаюсь.

- Значит, вы останетесь? Я покажу маленькие секреты моего корабля. Поверьте, в этой части канала нет ничего интересного, кроме хмурых улиц и опасных течений.

Дентон почувствовал: если он останется, это может изменить сценарий не так, как ему нужно. Этого нельзя допустить.

- Нет. Кассандра, мне действительно нужно идти. Я зашел только на минуту.

- Хорошо, - она спрятала притушенный взгляд под занавесями ресниц и опустила голову. – Только странно… Вы ведь зачем-то приходили?

- Я ищу знаки, - Дентон сам не понял до конца, зачем выпусти эту фразу на волю.

- Интересно, - она улыбнулась. – Тогда, можно, я сыграю вам на скрипке на прощание? Я так давно не играла никому.

Эта просьба обезоружила Дентона своей необычностью.

- Конечно, - ответил он. – Я буду очень рад.

- Идем.

Они спустились вниз, в маленькую каюту, где на столе стояли сухие цветы и лежала небольшая темная коробка. Кассандра открыла коробку и взяла в руки скрипку.

- Может, лучше там, наверху, под открытым небом?

Она задумалась на миг, потом согласилась.

- Думаю, ночь не отнимет у нас музыку, верно?

Наверху, на капитанском мостике, ветра почти не было. Воздух застыл, как и темный монолит непознанных вод вокруг корабля. Только окропленная росинками света темнота от горизонта до горизонта ссылалась на вечность.

Кассандра присела на край борта, спиной к звездам, и начала играть. Дентон стал напротив, глядя в дымчатую даль. Что скрывала слегка колеблющаяся поверхность? Демона озерной глубины, бездонного древнего котлована, водяного царства… Он почти наяву увидел, как на поверхность поднимается Дракон, разбрасывая миллионы брызг. Его стальная чешуя блестит и отливает пурпуром в медном отсвете фонарей…

Мелодия, тонкая и поначалу хрупкая, как вышедший из почки стебель, разворачивалась медленно, но непреклонно, чтобы в конце концов охватить все. Спокойствие льющихся импульсов струн не было завершенным – оно обещало разрушить себя в конце, залить темноту спящего чувства хрустальными слезами. Интонации менялись, чтобы расколоть темный космос огненным мечом, перевернуть землю и отправить слушателя в бесконечное падение. Музыка сковывала сердце затрудняющим дыхание холодом, не давая ни крикнуть, ни уйти. Музыка вела вперед, собираясь отобрать покой, но не дать решения.

Дентон широко раскрыл глаза: он никогда не слышал этой музыки. Но он *знал* ее. Это не мелодия играла, это он танцевал где-то в черной бездне, где нет места рациональности.

Танцевал танец смерти, зная, что не умрет до конца. Это его музыка. Она вышла из него, родилась органично, как отражение в зеркале черного двойника. Грустно, тихо – а потом взрываясь в трагедии без жертвы, в последней точке без Коллапса. Невысказанная мысль – рожденная в холодном совершенстве, она рвалась в мир, но не могла быть высказана, тонула в хаосе, из которого все пришло – и последний аккорд рассеялся в звенящей, заснеженной пустоте…

Дентон глубоко вздохнул, подошел к ней вплотную и, обхватив тонкую фигуру в объятиях, поднял над землей. Коснувшись лбом ее лба и наведя мост глаза-в-глаза, он спросил шепотом:

- Откуда ты знаешь?
- Это не я, - она прошелестела мягко. – Это тот, кто знает, дает нам знаки один раз и навсегда.
- Я не могу их разгадать…
- Тогда не уходи.

Он поцеловал ее сухими губами.

- Я *должен* идти.
- Ты вернешься?

Он обернулся, уходя, и повторил однажды сказанное:

Может быть, я вернусь… чтобы уйти снова.

Глава 7
В воде

Пылинкой на зеркале
лодка вдали
На глади озерной
Видится мне.

Хайку

Вдоль длинного узкого причала, такого непрочного, что почти опасного, стояла только одна лодка. Худой голый перевозчик – ночной перевозчик – дремал у кормы. Дентон тронул его за плечо.

- Вы можете перевезти меня на тот берег?

Он пожал плечами и пробормотал что-то на родном языке, Дентону не знакомом. Дентон вошел в лодку и указал рукой на небольшой выступ у противоположной стены, погруженной в воду.

Суденышко стрелой полетело в указанном направлении, огибая подводные рифы. Скрип весла в уключине, плеск ленивой воды – и Дентон оказался перед дверью чьего-то дома

у канала. Лунный свет обличал и одновременно сглаживал морщины старого дерева, ведущего никем не замеченную борьбу за существование с убийцей-водой.

Конечно, хозяин спит в это время, подумал Дентон, но все же вошел в полутемную прихожую, легонько постучав по восприимчивой двери. Из прихожей лестница вела наверх.

Поднявшись, Дентон увидел просторное каменное помещение. Из потолка на крюках свисали куски мяса, связки овощей, рыба и мертвая птица. С кривым ножом в руках стоял высокий жилистый рыбак с темным небритым лицом и собранными в пучок длинными волосами.

- Вижу, не в обычае обитателей канала спать ночью, - пожал плечами Дентон.

- Вы один из тех, кто ныряет в канале? – рыбак не выразил ни удивления, ни возмущения по поводу появления незваного гостя. Не стал удивляться и Дентон.

- Нет, я не плавал. Почему спрашиваете?

- Эти европейцы иногда отдают мне кое-что из своих находок на продажу.

- Что именно за находки?

- Разное. Попадается кое-что и из высокотехнологичной продукции, наноэссенции, например.

- Удивительно слышать такие слова от рыбака.

- Мне многое видно здесь. То же самое и с главой Красной Стрелы, чей труп вытащили несколько дней назад. Не многие знают – но это правда – он был *прижжен*.

- Прижжен?

- Да, специфическое определение. Означает убийство необычным, высокотехнологическим оружием.

- Это можно было сделать мечом «Зуб Дракона». Слышали о таком?

Рыбак посмотрел на него черными глазами.

- Никогда.

- Что насчет этих вещей, которые к вам попадают? Вы их продаете?

- Я продаю только мясо и овощи.

- Но ведь вы сказали…

- Да, свежие овощи. Вы можете приобрести их на рынке Ван Чай с утра.

- Ладно… Быть может, я еще зайду когда-нибудь.

Оклик рыбака задержал гостя на пороге.

- Если вас интересуют эти вещи, и вообще канал, можете попробовать понырять сами.

- Сейчас? Ночью?

- Это лучшее время. Днем полиция не даст этого сделать.
- У вас есть оборудование?

Рыбак открыл припрятанную нишу и достал водолазный костюм с респиратором и мощный фонарь.

- Я дам вам оборудование напрокат. Скажем, 500 кредитов. И еще – не забудьте это, - ладонь Дентона ощутила стылую прохладу миниарбалета. Знакомое оружие, он стрелял иглами с парализующим ядом. Нет ничего эффективнее в подводном бою.
- А что, может быть бой? – спросил Дентон.
- Будет. Если не хотите рисковать, то…
- Зачем вам это нужно?
- Эти ныряльщики нарушают равновесие канала, – только сейчас Дентон рассмотрел лицо рыбака – недоброе.

Облачаясь в серую гладкую чешую ихтиандра, Дентон отметил, что все это очень напоминает абсурдный сюжет, выстраиваемый разумом в короткие периоды сна. Ночь, темный канал – и он будет нырять в глубину омута, в холодную воду, неведомо зачем, плыть вслепую туда, где опасно. И над этим всем – луна, хмурые брови облаков, и хмурый непонятный взгляд странного рыбака.

Что он делает? Ищет…

- Куда плыть?
- Пусть перевозчик довезет вас до южного поворота канала. Там произошел обвал и затопление, вы увидите решетку, перекрывающую русло. Ныряйте, только помните – там глубоко, темно – и душно.
- Душно?
- Морально душно. Холод и темнота могут посеять панику.
- Понятно… - Дентон еще раз задался вопросом о разумности своих действий. Луна может странным образом влиять на человека.

Перевозчик не исчез – он терпеливо-равнодушно ожидал там же, где Дентон покинул его. Загадочный рыбак перекинулся с лодочником несколькими словами, их звучание имело зловещий оттенок на фоне ожидающей своей жертвы воды.

Брошенной серебряной монеткой полетело Судно-Для-Призраков по кромке живого тела канала к южному отвороту, по обе стороны которого высились стены, грозные и хмурые, как скалы-обиталища летучих мышей. Дентону показалось, что наверху, в темноте какого-то перехода он увидел чей-то силуэт, того, кто наблюдал за ними сверху и сразу скрылся. Дентон

даже уловил что-то непонятно-знакомое в той фигуре, но настолько мимолетно-смутное, что он сразу забыл об этом.

Лодка замерла у решетки, непреодолимой преграды, за которой открывался другой канал – гораздо более светлый и спокойный.

Камнем-утопленником, серой рыбой Дентон исчез под водой и сразу понял, что назад возвращаться поздно. Акваланг работал исправно, однако вода была настораживающе холодной. В тропическом теплом воздухе этот холод не был естественным, и Дентон понял: это промышленные воды очень низкой температуры наполняли канал. С опозданием он осознал, что они могут быть и опасными.

В подводном мире было темно, но не настолько, как это казалось сверху. Мощный луч держал щупальца тьмы на порядочной дистанции. Смутные тени появлялись время от времени, но растворялись на свету, иллюзии – и не более. Ни травинки, ни рыб – казалось, здесь просто была наполненная водой очень глубокая яма, лишенная живых обитателей и чего бы то ни было.

Глухая вакуумная *тоска* действительно *тисками* сжимала *виски*, но Дентон опустился еще глубже, хотя было стремление рвануться вверх. Метр за метром – и когда давление воды приближалось к качественному порогу – Дентон различил гладкое, как каменный пол, дно. Он долго шел по дну, не найдя ничего и никого ни вдоль решетки, ни под стенами тоннеля, переходящими в дно.

Наконец, у самого основания стены он увидел черный проем – начало подводного вертикального тоннеля, уводящего куда-то еще глубже. Он взглянул на счетчик заряда преобразователя, извлекающего кислород из воды – его хватит еще надолго.

Диаметр коридора едва позволял проникнуть человеку, и от этого становилось не по себе. Все же Дентон исчез в черноте ямы и стал двигаться вниз по вертикальной шахте, которая поворачивала в горизонтальном направлении. Впереди появился свет, и Дентон уперся в освещенную тусклым светом люминесцентных ламп камеру, по которой проходили зеленые и красные трубы агрессивно-предупреждающих оттенков. За трубами виднелся вход в новый тоннель.

Пройдя по нему, Дентон попал в новый мир. Это была большая, похожая на лабораторию затопленная комната, наполненная ядовито-зеленым светом. Как потревоженная змея, из-за поваленного стенда выскользнул некто в костюме ныряльщика, и Дентон ощутил исходящую от незнакомца волну

агрессии. Под водой, где ничто не абсорбируется воздухом, это чувствуется всегда явно и безошибочно. Ибо дело под водой всегда в секундах. И нельзя ошибиться.

Игла остановила стервятника в его замедленном прыжке. Дентон подплыл к обездвиженному телу и хотел сорвать маску. Но что он там увидит? Безликие, незнакомые черты… Он оставил аппарат на месте – пусть и у этого Случайного Встречного будет шанс. Ведь, возможно, они могли встретиться и при других обстоятельствах…

Дентон проплыл между ставшими ненужными стульями, запертым шкафом, тумбочками. К поясу охотника за сокровищами был прикреплен прозрачный цилиндр из очень прочного и чистого стекла. Внутри сверкало и переливалось, как плененное созвездие, вещество, похожее на амброзию, только не зеленого, а жемчужно-белого цвета. Зажав цилиндр в ладони, Дентон проверил, не ведет ли эта комната куда-то еще. Но единственная дверь была наглухо заперта, а ее прочность не допускала и мысли, чтобы попытаться ее открыть. Что-то исходило оттуда – какой-то неуловимый дух, который Дентон не мог распробовать. Что-то, важное и тайное, бурлило там, вдали от путей человеческих, и текло по этим зеленым и красным трубам, почти не выпуская лучей своей сущности наружу. Что..?

Вернувшись за эти слегка вибрирующие красные трубы, идущие откуда-то глубоко снизу куда-то наверх, Дентон увидел еще один тоннель, которого не заметил вначале. По наклонной он поднимался все выше и выше в полости канала, в конце отчасти выступая над водой. Дентон стянул с себя маску и облегченно вдохнул теплый прелый воздух. Впереди, там, где тоннель оканчивался и обрывался в широту канала, желтое мерцание воды показалось почти отрадным.

Оказавшись в канале, Дентон осмотрелся вокруг и понял: здесь он еще не был. Мимо промчалась лодка, едва не задев пловца, и ему отчего-то показалось, что лодка совершенно пуста.

А еще – корабль у стены. Не тот волшебный корабль, где живет добрая колдунья Кассандра, а другой – странный корабль, как закрытая перевернутая скорлупа, темный и говорящий всем своим видом: я пуст, а, возможно, и опасен. На него не хотелось взбираться, и тем не менее Дентон вплавь направился именно к нему.

Взобравшись по винтовой лестнице на палубу маленького танкера, Дентон обнаружил, что она действительно

опустошена. Только полуоткрытый люк снова напомнил: поиск никогда не ограничен поверхностью.

Дентон нырнул в полутемный люк, и в свете своих очков увидел лежащее, будто брошенное случайно плазморужье. Самое мощное индивидуальное оружие, рассчитанное на массовое поражение. Дентон видел: таким ружьем пользовались в Коалиции Гюнтер и еще пару огромных агентов. Сам он избегал больших пушек: они привязывали к земле. И пусть ходячий танк сильнее танцующей тени – у второй явно есть свои преимущества, которые порой определяют все.

А вот это – уже интереснее. Дентон даже присел от неожиданности. Рядом с ружьем, раскинув руки, лежал труп солдата, одетого в ту же форму, черный камуфляж и шлем с красной розой, что и охрана в секретном устройстве под штабом Коалиции, из которого он бежал. Один из тех, кого Дентон назвал про себя «армией Маджестик-12 – призрачной армией».

Чужая смерть всегда подавляет, если ее не ожидаешь, всегда ненавязчиво требует уйти. У Дентона пропало желание дальше изучать это судно.

Он выбрался наверх, на перед прыжком обернулся, будто проверяя, не забыл ли он чего.

На крышке открытого люка синим мелом было написано несколько строк:

«Не надейся, что кто-то
Знает больше, чем ты.
Город нельзя покидать,
Пока глаза не откроются.
В канале – ключ. Ключ не найден».

***

Тонг внимательно выслушал рассказ о ночной прогулке в канале, держа в руке найденную Дентоном прозрачную канистру.

- Значит, вы видели такие вещи на острове Свободы?

- Да, однажды. Мой доктор говорил, что это очень редкая технология, наноимплантанты, которые могут быть установлены у агента и дать его организму особые способности.

- То есть, это как-то связано с нашим поиском.

- Уверен. Такие вещи изготавливаются в одном-двух центрах на планете, там в канале, то, что я видел – часть чего-то очень серьезного.

- Видимо, вы нашли пострадавшую часть какой-то

неизвестной мне нанолаборатории.

- Больше, мистер Тонг, я в этом убежден. Эта лаборатория может быть лишь частью чего-то большего. Уолтон Саймонс упоминал о какой-то «корпорации», секретность которой нужно охранять.

- Корпорации? Почему вы не говорили мне об этом раньше? Возможно, исследование этой вещи даст какие-то ссылки на ее производителя.

- И еще – я рассказывал о мертвом солдате, которого нашел на корабле. Они, кем бы ни были, скрыты, недостижимы. И в то же время они везде. Или намек на них.

- Я уже говорил вам – Гонконг никогда нельзя узнать и предугадать до конца. Но знаю одно – у них здесь какие-то особые интересы.

- Только узнать бы, где они пересекаются.

- Вот над этим мы и работаем.

- Кстати, что насчет Джока?

- Ваш приятель, если у него и есть какие-то секреты, не спешит их выдавать. И появляться в Гонконге – тоже.

«Не надейся, что кто-то знает больше, чем ты», - почему-то вспомнил Дентон.

Джок не нужен нам. Я близок к реальным открытиям, - сказал вдруг Дентон. – Мне просто нужна еще одна ночь возле канала.

Глава 8
В кафе

У края бездны я стою.
Спиною к ней.
В душе не шелохнется
Лепесток сомненья.
Хайку

Еще одна ночь возле канала – совсем другая ночь. Дентон смотрел на воду, один среди многих. Рядом облокотился о камень и скрыл в развернутой газете лицо незнакомый случайный сосед, одетый так же мрачно и просто. Дентон пил тьму и не мог напиться. Он был слишком сосредоточен, и не сразу уловил попытку подключения через Эхо. Дедал? – подумал он, собравшись в ожидании.

Но нет – не Дедал. Этот голос, немного раскатистый, глухой и шипящий, должен был парализовать, но, как ни

странно, не произвел никакого впечатления. Знакомый голос – голос человека без прошлого.

- Ты думаешь, ты исчез… - шипел искаженный помехами умерший голос. – Думаешь, я не смотрю из-за твоего плеча, и не вижу каждого твоего жалкого шага? Ты не знаешь до конца своих способностей, и не знаешь, насколько ты жалок благодаря ним. Не знаешь, что ты заложник самого себя, тайны своего рождения и *преображения*, которого не остановить. Ты не уйдешь от нас, потому что не сможешь уйти от себя. Разве что убьешь себя. Ты пошел по неверному пути – это как разрушенная вирусом программа. Она должна быть стерта, ибо не имеет больше никакого значения, и принесет только вред, если вовремя не будет остановлена. Ты продлил свое существование, ты продолжаешь жить и смотреть в пустое зеркало. Но стоит тебе сделать неверный шаг – и я достану тебя везде. Везде… Тебе не поможет никто, у тебя не будет друзей: для всех ты всегда останешься чужим, в крайнем случае орудием. *Не человеком*. А свой мир ты предал. Ты мертвец, Дентон. Посмотри…»

Дентон почему-то повернулся и посмотрел на своего спутника справа. Тот опустил газету и ответил на этот взгляд. Дентон увидел совершенно темные, нечеловеческие глаза в недобром прищуре… Газета снова поднялась, по волосам на голове пробежал ток.

Шипение стихло. Дентон поник. Эхо – дьявольское устройство темной ночи, как он мог забыть о нем? Мог самоуверенно думать, что исчез для своих врагов? Странно, одно время ему так действительно казалось – что некто охраняет его, блокируя глаза Эха газовым платком… Но нет – за ним всегда будет кто-то смотреть, более того – он не будет знать, кто смотрит, и сколько глаз смотрит. Он может так уничтожить себя – но хуже того, может привести к гибели кого-то еще.

С этим невозможно жить. Однако ему *придется* с этим жить. Если кто-нибудь не поможет изменить.

Дентон спустился по широкой, украшенной росписями лестнице, и вошел в сумрачный зал кафе. Африканец – бармен замер у стойки, опершись о плотный воздух и глядя в темный угол. Чуть поодаль, на возвышении, в темном вишневом свете стояли столики, почти пустые в этот час.

- Добрый вечер, - приветливо сказал Дентон. – Вы открыты в столь поздний час?

- Мы работаем круглосуточно. Ваш заказ?

- Вина, будьте добры – неважно какого. Можете мне

рассказать что-нибудь об окрестностях?

- Я не скажу ничего нового, что вы могли бы увидеть и так.

- Что-нибудь насчет войны триад? Убийства Главного Дракона в канале?

- Не лез бы я в это на вашем месте. Здесь явно не обошлось без темных сил. Я наблюдаю их влияние каждый день. Странные люди, странные вещи – кому-то очень нужно что-то в канале или возле него, кому-то, не принадлежавшему ранее миру Гонконга. Здесь резко увеличилось количество контрабанды из арсенала нано и биотехнологий, оружие…

- Но канал очень непохож на остальную часть города, шумного мегаполиса. Здесь так спокойно, тихо и безлюдно, будто окружено непроизносимой вслух тайной.

- Тайн здесь хватает, - кивнул бармен неохотно. – Один немец даже написал о нем книгу, которая стала там у вас очень популярной. Я не помню названия, но, думаю, вы о ней слышали.

- Боюсь, что нет, - признался Дентон. – В последнее время я мало читаю и не интересуюсь новинками.

Кто-то сзади грубо взял его за руку. Дентон обернулся, накрывшись волной перегара. Похожий на одного из местных рыбаков старик в грязной майке захрипел скрипящим голосом.

- Эй, ты! Я знаю, кто ты такой!

- Да? – выразил Дентон спокойную заинтересованность.

- Ты шпион, который помешал драконам убить главу Красной Стрелы, который предал триады! Тебя должны были убить, но ты покинул тогда Гонконг как раз вовремя…

- Вы, видимо, с кем-то меня путаете.

- Нет! Ты не помешаешь Красной Стреле обрести власть в Гонконге!

- Если вам интересно, предыдущего Главного Дракона убили совсем не его драконы. А Красной Стреле я не мешаю – это всего лишь орудие чужой воли.

- Триады не могут быть орудиями. Это китайские общества!

- Я, пожалуй, пойду посижу, - обратился Дентон к бармену. Он поднялся к столикам, и его ждал сюрприз.

Из-за стола вскочил человек в черном костюме и подбежал к нему.

- Пол Дентон! Я должен предупредить вас! Я… - незнакомец вдруг растерянно моргнул и охнул в замешательстве. – Ох! Я совершил ошибку.

- Пол мой брат, в чем дело? О чем предупредить? – Дентон

крепко схватил незнакомца, зная, что так просто его уже не отпустит.

- Нет, я ошибся, - повторил мужчина и попытался вырваться, проявив солидную силу. Но пальцы Дентона держали его, как тиски.

- Я действительно брат Пола. Что вы должны были ему передать?

- Нет… Отвернулся незнакомец. – Вы можете быть шпионом или убийцей… Его врагом?

- Иначе я поступил бы с вами иначе, Тан, знаменитый вор с канала, - произнес Дентон, наблюдая за переменами в лице разоблаченного Тана. – Вы расскажете мне все, хотите того или нет. Пол Дентон мертв, а я здесь, чтобы выяснить обстоятельства его гибели.

- Хорошо… - сдался Тан обреченно. – Пол просил меня достать карты нижних уровней Версалайф и термооптический камуфляж. Я достал все это и жду его здесь каждую ночь с полуночи до трех часов, как и было договорено. Он не рассчитался со мной.

- Версалайф? – Дентон был удивлен. – Что это? Корпорация, которая производит Сому? Она находится здесь, в Гонконге?

- Да, недалеко отсюда.

- Зачем ему нужны были карты? – Дентон недоумевал. Неужели он собрался проникнуть в самую охраняемую корпорацию мира и искать технологию вакцины среди тысяч компьютеров… чтобы отдать Тонгу?

- Я не знаю ничего, - замахал головой Тан. – Мне сказали найти, и я нашел. Пола нет, так что я могу продать теперь вам…

- Мне нужно их посмотреть.

- Конечно.

Он достал полиэтиленовый пакет с несколькими сложенными вчетверо листами пожелтевшей от частоты касаний бумаги. На каждой был сделанный от руки план. Многочисленный надписи вносили частичную ясность для того, кто видел их впервые.

- Где ты нашел это? Ты сам их делал?

- Это моя тайна, которую не узнает никто, - серьезно ответил Тан. – Скажу только, что сам я там не был, - какая-то тень страха скользнула во взгляде, или Дентону показалось?

- Хорошо. Я беру все.

Дентон остался в кафе один, сел в углу и, смочив губы черным, почти горьким вином, разложил на столе три плана-карты.

Возможно, этот человек в черном костюме ждал Пола Дентона уже долго – ждал каждую ночь, без исключений. Потому что это была часть чего-то, представлявшего *исключительную* важность для Пола. Не исключено, что эти карты – именно то, что Дентон должен был найти у канала. На что намекали все чертовы призраки этой ночи.

Да, это то. На одной из карт Дентон увидел: вход к нижним уровням Версалайф был помечен надписью «Дорога в Канале», а крестик обозначал дверь. Он почти не сомневался - это та самая дверь, которая тогда отчего-то бросилась в глаза на Дороге в Канале. Безымянная безынтересная дверь. Ощущение неполноты не обмануло.

Дентона интересовало вот что. Версалайф была известна как ТНК, которая занималась нанопроизводством и выиграла тендер ООН на производство вакцины Амброзии для нужд большинства государств, пораженный Серой Чумой. То, что Пол, стремясь помочь Трейсеру Тонгу создать вакцину, пытался проникнуть в Версалайф и, возможно, похитить технологию Амброзии, не удивляло. Только возникал вопрос – связано ли это как-нибудь с призраком Маджестик-12, таинственными заговорщиками, чьи корни скрыты в ООН? И если да – не затеряется ли Дентон в огромных шахтах корпорации без цели и смысла, если не будет знать, *что* именно он ищет…

А выбора не было. И смысла беречь существование от риска – тоже.

Трейсер Тонг, проверяя почту, заметил, что его уже полчаса дожидается свежее письмо, которое пришло на тот самый адрес, о котором знал лишь он, Пол Дентон и пилот Джок. Странно – это не был Джок. Хотя стиль был тот же – короткое и сухое, в одну строчку послание.

«Найдите любой ценой способ подключиться к Эху и наблюдать за мной из-за плеча».

На тихой Дороге в Канале с воздухом оттенка стали не было уже ни черных броневиков, ни полиции. Мертвецов убрали в другую обитель. Остались только баррикады, и сумрачно-звенящая, почти музыкальная пустота. От этого становилось немного жутко – но не настолько, чтобы не

ощутить легкого неуловимого наслаждения, которое всегда возникает у человека на пустой дороге в сумерках от Присутствия, того, что больше не встретится нигде.

Дентон остановился перед искомой дверью. Код к ней он уже знал – код был помечен на карте. 55655. Слишком много цифр, подобрать такой код, не зная его, практически невозможно. Слишком круто для простой подсобки.

Код подошел – дверь открылась без скрипа, совсем не так, как забытый вход в шахту на отшибе. Дентон вошел, обогнул трубы и оказался перед закрытым решеткой люком. Он всмотрелся сквозь прутья: вода плескалась где-то очень далеко внизу. Это и есть вход? Совсем не похоже. Вниз не вела никакая лестница: если упасть туда и не найти дальнейшего пути оттуда… можно остаться в этой яме навсегда.

Отбросив люк и привязав к решетке веревку, сто метров сверхпрочного шнура, он спустил ее в зияющую глубину. Потом задержался на секунду и прыгнул. Слегка касаясь ладонями веревки, он летел вниз, и упал в голубую прозрачность воды, подняв тысячи брызг, нарушив то, что не нарушалось вечность. Такая чистая… Странно.

Он оказался в глубокой, но неширокой шахте, заполненной водой метра на четыре. Вся толща ее полностью просматривалась, пронзенная потоком искусственного дневного света со дна. В воде проходили темные трубы, как и над водой, образуя бурый скелет, за чьи ребра сейчас цеплялся Дентон. А немного выше чернело несколько закрытых вентиляционных решеток.

Дентон задержался на плаву в раздумье, дернул за веревку, проверяя, надежен ли путь к отступлению. Он не ощутил натяжения, дернул еще раз, а через секунду веревка задушенной змеей упала рядом в воду, кольцо за кольцом.

Холодные ладони страха обхватили его в районе груди. Дентон взял в руки верхний конец веревки: он выглядел словно лопнувший, не выдержавший натяжения веревки, оборванный, с неровными краями. Но сколько усилий нужно, чтобы порвать *такой* шнур… Конечно, всякое бывает…

Ведь там – там же не было никого!

Он условно пожал плечами: что ж, чем меньше альтернатив в выборе, тем легче его сделать. Здесь выбора не оставалось: подтянувшись на скользкой трубе, он схватился за вентиляционную решетку и вырвал ее с корнем.

Просачиваясь в темную пасть Нового, Дентон вдруг вспомнил ни с того ни с сего: самозатачивающийся меч «зуб Дракона» имел в себе нанокомпоненты. А в Гонконге только

одна корпорация занималась нанопроизводством – Версалайф. К чему он это подумал? Кто его знает…

Меч был создан специально, для того, чтобы разобщить и покорить триады?

А на другом конце мира с нанотехнологией было связано другое имя: Зона 51. Связано темными нитями.

Дентон прополз по темному узкому вентиляционному тоннелю, открыл со скрипом еще одну, внутреннюю решетку, и оказался в обитом со всех сторон металлом коридоре. Воздух отливал здесь оттенком ржавого железа и стягивал кожу. Не хотелось думать, что находишься очень глубоко под землей, но при взгляде на обшивку помещений из мутного металла ассоциация с роскошным по объему гробом напрашивалась сама собой. Что-то тревожное привносил отдаленный звук шагов наверху – или его иллюзия?

Дентон сделал пару шагов, и произошло то, чего он ожидал уже давно. Дедал достиг его своим электронным глухим шепотом.

- Джесс Дентон, вы на верном пути. На этом уровне лабораторий Версалайф нет ничего. Спускайтесь ниже. Здесь находится Универсальный Конструктор, производящий вирус Серой Смерти. Я приказываю вам уничтожить его. Код к устройству дезактивации: 525.

Дедал отключился, не сказав ни одного лишнего слова. Язык машины, бедный в своем совершенстве, но человек не привык воспринимать информацию таким образом, очищенную и обнаженную. Ему нужно разбавить ее словами, которые будут знакомы и отчасти отвлекут внимание. Иначе может произойти шок или отчуждение от смысла. Или привыкание к языку машины как к Своему Собственному.

Дентон пытался осмыслить услышанное. Нет, он не был оглушен шоком-ударом, не чувствовал той дикой растерянности, которая в общем-то была закономерна. Ни ужаса, ни изумления, ни ступора беспомощности и отчаяния.

Потому что ничего из этого не выразило бы того, что открылось. И то, что открылось, - Дентон просто осмыслил, скользя мыслью по мутной поверхности, не решаясь заглянуть в глубину, уже чувствуя признаки той предательской слабости, которая охватывает перед прыжком в пропасть – пропасть отвращения и ненависти.

Он многое здесь найдет.

Глава 9
В агонии

И жилищ бы его не открыл
и бессмертным, и смертным,
Мрачных, ужасных,
коих трепещут и самые боги…

*Гомер. Илиад*а

Зеленый, закованный в черный панцирь биоробот мерил шагами коридор с разбитым зеркалом в углу, на ребре встречи двух холодных-холодных стен. Зеркало позволяло ему видеть малейшее движение за спиной. Но и тому, кто был за спиной, было все видно благодаря зеркалу: и стальных уродов, и зеленых уродов и… себя. А потому некто избегал даже случайного взгляда в зеркало.

Намечалась битва с медузой Горгоной. Но Горгону не победить в обычном поединке…

Дентон швырнул волновую гранату, которая разорвалась между военным роботом и Зеленым, засыпав их искрами голубого холода. Сбой машинного интеллекта произошел молниеносно и длился несколько секунд, пока система приходила в себя, не в силах определить, кто свой, а кто чужой, и ошибаясь. Только и секунд оказалось достаточно.

Дентон вошел в коридор, уже не скрываясь, наблюдая, как два робота поливают друг друга свинцовым дождем, одной капли которого было бы достаточно, чтобы Живого сделать мертвым. Но здесь о живых речь не шла.

Наконец, Зеленый, упав на одно колено, пустил в противника небольшую ракету, просто подняв руку. На полу оказался изувеченный потемневший металл, уже и без намека на Целое. Зеленый замер, замер, оглушенный хаосом в своем «мозге», пробежал пару шагов и вновь замер.

Дентон видел это существо третий раз в жизни, ничего о нем не зная. И снова, как впервые, несмотря на то, что он знал об искусственном, нетварном происхождении Зеленого, о том, что это робот, его не покидало ощущение чего-то демонического. Какой-то подмены.

А что он, в общем-то, знал?

Он не знал, насколько «умен» этот робот, похожий на хищного кузнечика богомола, куда простирается его разумность и возможность синтезировать речь. И Дентон

колебался: пытаться ли говорить с Зеленым или обезвредить его, пока есть возможность. И к отвращению примешивалось ощущение непредсказуемости этого существа, его опасности-в-себе. Не совсем страх…

Зеленый пришел в себя и повернулся к Дентону, подняв оснащенные пулеметами руки. Посмотрев в непроглядную черноту его линз, Дентон не стал ожидать и сделал единственный выстрел бронебойной пулей. Зеленый откинулся назад и упал на зеркальный пол. Дентон сделал несколько неторопливых шагов и стал над ним. Странно: пугающая аура существа куда-то испарилась, она уже не связывалась с ним, но не исчезла совсем: едва уловимое ее присутствие ощущалось где-то здесь. Где-то рядом…

Открыв с помощью тумблера дверь, Дентон оказался в прозрачном тоннеле, будто зависшем над пропастью в стеклянной оболочке, темном от черноты извне, время от времени вспыхивающей молниями электрических бурь. Дентон постарался пройти побыстрее эту прозрачную ловушку. Она оканчивалась ступеньками, уходящими далеко вниз.

Дентон опустился еще ниже, уже даже не думая, как высоко осталось небо и мир Поверхности, как недосягаемо. Воздух, полный неприятного привкуса тяжести, был холоден, и холод усиливался с каждым сделанным вглубь шагом. Как при спуске в подземелье пустынной крепости – но подземелье там темнее – и не такое непредсказуемое.

Каменная лестница-спираль закончилась, Дентон увидел себя на краю огромного зала, огромного, если бы за прозрачной стеной-окном на противоположном краю не открывалось нечто действительно безразмерное, действительно Пропасть в полостях Планеты. Далекая, она первой бросалась в глаза даже здесь, в Начале.

Путь в этот зал преграждали два боевых робота и голубые нити лазерных преград. Эти роботы не внушали ужаса здесь, были совершенно безобидны в пространстве, где сама атмосфера была пропитана каким-то особым страхом. Дентон защелкнул замки термооптика и, преодолевая самого себя, стал невидимкой еще раз. Он прошел по совершенно пустому залу к дальнему краю, чувствуя откуда-то сверху на себе чьи-то глаза – не глаза. Вдали перед изумрудным экраном терминала стоял кто-то одинокий в отталкивающе-белом одеянии, обращенный лицом (быть может), к пропасти за стеклом.

В воздухе зала вибрировала какая-то… холодная агрессия. Именно холодная, не похожая на ту, что исходит от разумного животного. Нет, скорее агрессия хищного полипа, даже не

паука, а моллюска, либо вообще чего-то, не имеющего к жизни отношения. Агрессия безумная, беспричинная, слепая. Включенная-выключенная. Когда долго смотришь в разбитый, но включенный экран, и в электронном хаосе начинаешь видеть маску с пустыми глазницами и пастью хищника.

Дентон ступал неслышно, но, оказавшись за спиной одинокого смотрящего, скрипнул песчинкой под сапогом. Стоявший перед терминалом обернулся с выставленным пистолетом, и оказался молодой женщиной с абсолютно белыми волосами в медицинском халате и маленьких очках. Она имела поразительно правильные черты лица, но лицо почему-то оставалось незаметным, не привлекало ни на миг. У нее не было температуры, а черные глаза не меняли выражения. Не имели выражения?

Дентон выбил из ее рук пистолет как раз в то мгновение, когда энергия термооптика исчерпалась, и он вновь стал видимым. Совершенно безмолвно и с необычной силой она замахнулась для удара, но перелетела через противника, поверженная на грубый пол. Она дернулась в сторону выпавшего оружия, но замерла под парализующим гипнозом немигающего зрачка пистолета.

- Не стоит делать движений. В них уже нет смысла.
- Кто ты? Ты не мог сюда проникнуть и дойти… Невозможно. – Ее голос отличался знакомой раскатистой глухотой, которая уже была ему так знакома. – Сюда невозможно проникнуть постороннему.
- Как видишь…
- Ты не понимаешь, куда ты попал. Наверное, случайно.
- Не случайно. Ты здесь одна?
- Тебе придется остаться здесь. Навсегда.
- Повторяю свой вопрос.
- Да, я одна.
- Одна у… Универсального Конструктора? И так мало охраны – почему? Если здесь находится…
- Универсальному Конструктору не нужна охрана. Его атмосфера, воздух в этом зале убьет любого. Ты уже болен Серой Смертью, если ты не…
- Я уже знаю о вас достаточно, чтобы сказать: эта ночь – начало вашего конца.
- День, ночь – здесь, возле Универсального Конструктора, всегда яркий день. А ты – ты просто сумасшедший… - вдруг ее взгляд едва уловимо сменил оттенок черного. – Или ты… один из нас?

Дентон ощутил злость, отягощенную свинцовой тоской.

- Ничего общего с тобой у меня нет. Сегодня я докажу это.

- Я, кажется, знаю, кто ты. Дентон, правильно? Ты далеко дошел, - она кивнула. – Но тебе не освободиться. Ты привязан к нам самой своей природой. Все хотят освободиться, но для этого существует только один путь. Тот путь, с которого ты сошел.

- Освободиться? – не понял Дентон. – От чего?

- Ты сам знаешь, - в мрачном непроницаемом лице ее он увидел усмешку дьявола.

Он махнул рукой в пропасть за прозрачной стеной.

- Что ты скажешь об этом?

- УК? Он прекрасен. Это музыка будущего, творец всего. То, что он творит сейчас – вирус Чумы – страшно, но неизбежно. Ибо уже поздно.

- Ты не знаешь, что такое «прекрасно». Ты же мертва. Вы все мертвы под землей, и люди, и нелюди.

- Я человек, только более совершенный. И ты – посмотри на свои способности, на свой разум, и пойми – будущее будет без людей в привычном понимании этого слова, без слабых и ущербных существ. Люди – это форма, чья глупость, несовершенство, убожество, наконец, может быть преодолено. И должно быть преодолено.

- Насколько я знаю, Бог не брал вас в помощники.

- А тебя, видимо, он назначил своим воином-освободителем?

- Да нет, - спокойно ответил Дентон. – Просто мой, как ты говоришь, «разум», подсказывает мне спуститься туда вниз и уничтожить этот ваш Универсальный Конструктор.

- Это невозможно, - ее лицо исказилось, изображая насмешку. – УК несокрушим, как ничто иное из созданного человеком.

- Как? – Дентон выглядел разочарованным. – Его нельзя просто разрушить? Разобрать на кусочки, на болты с гайками? К несчастью для тебя, я знаю достаточно. Вы подстраховались на случай, если когда-нибудь тайное окажется под угрозой стать явным, или попадет в плохие руки, и предусмотрели возможность уничтожить вашу вещь в течение секунд. Верно? Я знаю даже код дезактивации – 525.

Растворенная попыталась вскочить в молниеносном рывке, но легкий кивок ствола остановил ее. Она молчала долго – а затем ее голос рокотал еще больше.

- Безумец, ты не знаешь, что хочешь сделать… УК всего два на планете, и второй уже недосягаем для нас. Уничтожив

сейчас этот УК, ты лишишь человечество возможности прорыва в технологии. В Бытии… Все равно ничего не изменить. Нас не остановить. Ты уничтожишь лишь средство, и подпишешь себе приговор, но никогда не остановишь того, что набрало необратимый ход.

- Смертный приговор мне давно подписан, - устало произнес Дентон, чувствуя, что разговор затянулся. – Мне абсолютно все равно сейчас, из какого ада вышла ты и те, кто тебя окружает. А сейчас я хочу знать только одно: как войти эту просторную яму за стеной?

- Мы с тобой из одного ада.

- Значит, ничто не помешает мне отправить тебя туда обратно, верно? – Дентон снял пистолет с предохранителя, не зная, так же реагируют странные люди с черными глазами на этот щелчок. Видимо, страх не взирал на их «совершенство» ни в коей мере.

Она указала белой рукой в направлении комнаты справа от терминала.

- Там находится компьютер охраны, который откроет дверь в Хранилище УК.

- Дальше, - неумолимо испытывал он. – Пароль. У меня нет времени пользоваться ледоколом.

- Логин «Темный Цветок», пароль «Хвоя».

- Ну что ж. Я оставил позади четыре совершенно пустых, но наполненных роботами и охранными устройствами уровня, и это при том, что и начал я поиск далеко не с поверхности. Пусть ты здесь одна сейчас – но сейчас ночь, а утром вас будет больше. Я не буду ждать утра, а ты знаешь многое.

- Ты не узнаешь ничего из этого.

- Я знаю достаточно, чтобы ты просто дополнила мои знания. Мне известно – здесь, на дне огромного комплекса, скрыто большее, чем УК, производящий Серую Смерть.

Она пожала плечами, просто пожала плечами, но предубежденному Дентону этот жест показался до предела неестественным.

- Это глупо. Ты считаешь Универсальный Конструктор недостаточно важным для самой тщательной охраны? Это самое совершенное творение науки, он может производить все. Все, все что угодно, даже таких, как ты, в течение секунд!

- Сомневаюсь. Но хватит об этом. – Дентон еще раз сверился с памятью, восстановив в воображении одну из карт, переданных Таном. Тот участок пути, на котором находился сейчас Дентон, был помечен надписью «Сома», а вот на УК, производитель Серой Смерти, не было и намека. – Я знаю, что в

этом зале, скорее всего, вот в этом терминале хранится ключ к технологии вакцины Сомы.

Она попыталась изобразить возражение, но движение ствола опять остановило жест на лету.

- Я знаю об этом, и точка. Где яд, там и противоядие – очень остроумно.

- Технология закодирована. Лишь несколько ученых во всем мире сумеют понять этот язык.

- Язык науки универсален. Это не должно тебя волновать.

- Да, информация есть в этом компьютере. Пароль…

- Не нужно. Встань и сама войди в систему. Я могу потерять часы, и не найти искомого.

Острая, смертоносная волна чего-то чуждого залихорадила воздух, оглушив Дентона и пронзив болью мозг. – Он развернулся и выстрелил в пустоту четыре раза. В пустоту – ибо там не было никого.

- Что ты делаешь? – спросила она.

- Ничего. Начинай открывать тайны этого терминала. Который час?

- Три часа.

Три часа… Где-то уже было это. Где-то в его – и не его мире.

«*Три часа. Три часа – это всегда слишком поздно или слишком рано для всего, что ты собираешься делать. Странное время дня. А сегодня просто невыносимое.*

Холодно солнце выбелило пыль на оконных стеклах. Бледное, белесоватое небо. Утро подморозило ручейки».

- Знаешь, почему мы не похожи? – спросил Дентон, стоя у нее за спиной и наблюдая за экраном. В руке его появился электрошок. – А в том, что ты, глядя на меня как в зеркало, не сомневалась, что я убью тебя. Тогда как я этого делать не собирался.

Разряд тока пронзил и обездвижил тело. Теперь пройдет как минимум несколько часов, до того, как к ней вернется сознание. Дентон оставил в своей базе данных все, что могло иметь к Соме отношение. Он торопился, сам не зная, почему. Ему хотелось скорее покинуть это место. Плохое место.

И еще – ощущение преследования за спиной.

В темной маленькой комнате справа он нашел компьютер охраны и открыл дверь, которая была ему нужна. Пройдя по узкому коридору, он ступил и – замер.

Огромное пространство простиралось перед ним и обрывалось вниз, на самое дно, замкнутое в себе. В центре этого амфитеатра, этого осушенного озера, уходя корнями

куда-то еще ниже, а верхним концом теряясь выше, за проекцией потолка, стоял и жил своей жизнью Универсальный Конструктор.

Дентон видел его впервые, и ощутил легкий приступ тошноты, ни на что не похожей, в ее абсурдной смеси с каким-то… восторгом. Спрятанный в стальной надежный корпус от уязвимых глаз, и только его сердце выходило из оболочки на высоте двух десятков метров и вновь скрывалось в металле где-то под куполом. Это был прозрачный цилиндр, наполненный живым, огненным сиянием голубого пламени, испускающего флюиды холода на все пространство вокруг. Бледно-голубая эссенция напоминала жемчужное сияние найденной в канале канистры, но была во сто крат ярче, агрессивно-энергичней. Казалось, в этом пламени может сгореть все, и может родиться все. Программируемый творец материи, он был украден у Мироздания. Глядя, как голубой огонь мечется в тесном цилиндре и отчаянно меняет космические оттенки, Дентон испугался при мысли, что ему придется выпустить *это* наружу. Что тогда произойдет?

УК словно пробивал посередине стальные платформы, опоясывающие его на разной высоте и соединенные винтовыми лестницами. За порогом той двери, где он стоял, сразу начиналась пропасть, а над ней застыла ведущая вниз утлая лестница.

Достигнув первой платформы, он нашел небольшое хранилище, где в лазерном поле стояло несколько канистр с жемчужной эссенцией, таких же, как та, найденная в канале. Он взял их с собой и ста спускаться еще ниже. Долго-долго, в чужую, не для людей сотворенную среду.

И только достигнув самого дна, Дентон обнаружил, что его уже ждут здесь. Он обернулся на резкий, неприятный звук бегущего.

- Такой резвости от тебя не ожидал никто, - стоя в двух шагах от него, со сверкающим холодным огнем мечом в руке, стояла Мэгги Чоу в красном платье.

- Привет, Мэгги. О, вот и меч нашелся, - разыграл удивление Дентон. – Ты не боишься заболеть Чумой, находясь рядом с УК?

- У меня достаточно возможностей оградить себя от таких мелочей.

- Согласен, это мелочь по сравнению с тем, что тебя в конечном итоге ожидает. Но зачем столько усилий: переворачивать вверх дном свой дом, убивать слуг… Слуги-то в чем виноваты? А посылать меня в полицейский участок, зная,

что я там найду, было вообще глупостью. На что ты рассчитывала: что они арестуют меня?

- Убьют, а не арестуют. Но какая разница теперь. Ты пришел сюда – зачем? Чтобы умереть в сотнях метров под землей?

- Я решил потревожить немного вашу нору, от которой плохо пахнет.

- Ты знаешь, что по пятам за тобой идет охрана? Разрушив УК, ты уже не сможешь вернуться. Уже не увидишь неба…

- Значит, так и будет, - Дентон пожал плечами.

- Ты никого этим не спасешь. Корабль уже загружен и готов… - Она вдруг замолчала, словно сказала что-то не то.

- Корабль? – переспросил Дентон.

Она сделала какой-то непонятный жест.

- Ну, ты все равно уже не сможешь причинить вреда. Скоро на твоем континенте будет новая волна эпидемии…

- Зачем вы это делаете… - спросил Дентон яростным шепотом, большего ему не удалось.

- Ты… ты дурак, что доверился Тонгу. Он пошлет тебя на смерть так же, как сделал это с твоим братом!

- Не стоит упоминать моего брата… - Дентон прикрыл глаза. – Ответь только на один вопрос, Мэгги. Ты все время лгала., но… Когда я сказал тебе о гибели Пола, ты тоже притворялась?

Широко раскрытые глаза потемнели.

- Нет, я не знала. И это действительно застало меня врасплох. Я не имею отношения к его смерти.

- Почему?

Она отвела глаза.

- Не имеет значения. Пол совершил ошибку, не разобрался во всем до конца…

- По-моему, слишком хорошо разобрался.

- С твоими способностями, ты мог бы столько достичь, действуя самостоятельно. Мы могли бы достичь, - она посмотрела на него расширившимися глазами и сделала шаг навстречу. – Могли бы освободиться…

- Он покачал головой и отступил на шаг.

- Слышал, ты была актрисой? Вынужден тебя разочаровать – ты плохая актриса.

- А ты неудавшийся герой.

Ее лицо мгновенно поменяло выражение, и Дентон предугадал бросок еще до того, как он свершился. Она не успела поднять меч, когда контакты электрошока коснулись ее подбородка. Она рухнула на холодную, чистую сталь.

Дентон прошел вдоль ограждающей УК решетки, и увидел, что пол, на котором он стоял – еще не самое дно, за решеткой оно спускалось ниже, к подножию устройства. Дентон поднял голову: там, за непроницаемой преградой, кто-то безликий наблюдал, как из голубого творящего пламени рождается Серая Смерть. Как она выглядит, эта Серая Смерть? Серая маска с пустыми глазницами, застывшая в гримасе страха.

Дентон знал – человек способен на такое, и это уже доказал много раз на омытых слезами холмах истории. Но шок пробивал спинной мозг, как в первый раз, при каждой попытке углубиться в осмысление того, что узнано. А еще исподволь подкрадывалась мысль – не влияет ли сама атмосфера этих глубин на его состояние. Манипулирует им, формирует ощущения, мысли…

Зачем? ЗАЧЕМ? Зачем…

Дентон присел, призрак преследования уже не напоминал о себе. Он вспомнил горы Аляски под прозрачным небом, виденные один раз – в прошлой жизни. Когда снег искрился мириадами искр – а потом вдруг стал серьезным и белым, когда солнце спряталось за горизонтом. А зеркальное озеро не дрожало, не смущалось под его взглядом, оно знало, видимо, то, чего он еще не знал тогда.

Оно знало, что перестанет существовать в его мире – совсем скоро.

Он сидел в зловещих недрах, но озеро не торопилось покидать поле его сознания. Озеро задрожало, уступив место множеству кадров-картин. Кто-то тонул в этом озере, кто-то плакал, спасая его. Дождь тонул в нем всеми каплями, и ни одной не суждено было спастись. Грустные мысли и думы утопали в нем…

Дентон посмотрел на УК совсем другим взглядом, и голубой огонь его уже не слепил. Он не будет против, когда его уничтожат. Он *хочет* перестать существовать, потому что существовать ***так*** этот огонь больше не может.

Дентон шел по кругу, будто собираясь внутренне перед решительным шагом. Потом остановился перед панелью дезактивации. Всего-навсего нужно ввести три цифры. Нажать три кнопки.

А в самом деле, как он собирается выбираться отсюда, спросил себя Дентон. Разве это имеет значение? Да, имеет…

Дентон задержал поток сознания на краю водопада – и набрал код. В тот же миг земля под ним, над ним, вокруг него задрожала, готовая расколоться и обнажить ад. Когтями рванула по нервам надрывная сирена. До этого скрытые, в

стене открылись ниши, и из черных дыр выползли существа, до дрожи незнакомые. Пауки размером с собак, только отливающие металлом. Дентон не стал дожидаться их приближения, забросав чудовищ гранатами.

Он рванулся к лестнице, но замер, глядя, как подвесные платформы и лестницы срываются и падают вниз, отрезая всякий путь обратно – а с ним и надежду вернуться.

Именно в это мгновение сквозь гул и оргию рвущегося бетонометалла проник шепот-шум Дедала.

- Путь наверх заблокирован, прыгайте вниз и ищите люк к системе охлаждения, соединенной с водами канала. Берегитесь радиации.

Дентон остановился у края, но вдруг отвернулся и побежал обратно. Подхватив на руки легкое тело в красном платье, он вместе с ним прыгнул вниз и соскользнул в открывшийся люк. В легкие сразу попал ядовитый воздух. Задержав дыхание, Дентон надел на себя и на свою ношу дыхательные маски. В полутьме, чувствуя жар накаленного спертого воздуха и уже не слушая пекло наверху, Дентон нашел темный колодец и… - и все.

***

Невозмутимая поверхность канала нахмурилась дрожью подводного волнения – и вновь успокоилась. Сказочный корабль стоял на месте и мечтал, погруженный в многолетний сон. Ему снился ветер и океан, соленые брызги, снилось путешествие в легендарную страну за темными скалами. Конечно, его не мог потревожить несчастный бродяга, который ищет приют этой ночью. Влажные следы его сапог высохнут и забудутся.

Дентон скинул свою ношу с плеча и аккуратно положил ее на палубу, потом сел на сундук в углу, повесив мокрый плащ за дверью. Он думал – было о чем подумать.

Ветерок приближения – как крылья бабочки – коснулся его ресниц и скул. Увидев стройные маленькие ноги перед собой, Дентон поднял голову.

- Из какой бури тебя вынесло? – спросила Кассандра приветливо. – Видимо, выглядел он не очень.

- Привет, Кассандра. Мне нужна твоя помощь.

Она присела рядом.

- Я знала, что ты вернешься, - до него донеслись неведомые запахи свежести из другого мира. – Но чем тебе могу помочь я?

- Ты знаешь, кто эта женщина? – Дентон кивнул на

распростертое тело.

- Я вижу ее впервые.

- Ясно. Пусть она побудет здесь до того, как придет в себя, ладно? А потом пусть убирается к черту.

- Кто это?

- Не знаю. Я… я нашел ее без сознания на черной дороге над каналом.

- Конечно, я сейчас приготовлю ей постель.

Дентон остановил ее взглядом.

- Нет, не стоит. Не стоит даже прикасаться к ней. Пусть лежит – здесь, на полу. Она исчезнет, как только придет в сознание.

Кассандра пожала плечами. А Дентон подумал: он должен пожалеть потом об этом. Но он не будет жалеть.

***

- Вы ведь видели все, не так ли? – Дентон испытующе смотрел на непроницаемое лицо Трейсера Тонга.

- Ваш ход был настолько непредсказуемым, что я не успел. Вы просто не оставили мне времени. Я подключился лишь около часа назад, но ничего из увиденного не понял – все тонуло во взрывах, вспышках, землетрясении и мутной воде… Могу лишь догадываться, что вы могли пережить.

- Вы проверили файлы, которые я достал?

- Да, это бесценная информация, о которой мы с Полом могли только мечтать.

- Пол почти нашел ее.

- Она даст ответы на наши вопросы – в свое время.

- Меч найден – итак, миру между триадами ничего не угрожает?

- Я вижу, меч при вас, - Тонг скосил глаза на манящий пульсирующий клинок. – Я собрал Главных Драконов на встречу в храме Будды, вы должны будете присутствовать там. Но это все мелочи – я хочу услышать от вас главное – что вы там нашли?

- Нашел новый сюжет нашей пьесы. Вот он: некая корпорация, назовем ее Версалайф, к примеру, работая над нанопроизводством, получила в распоряжение технологию универсального Конструктора, устройства, способного производить все, что угодно в промышленных масштабах. Кто дал им эту технологию – остается загадкой. Создав и производя фатальный вирус Серой Смерти, они стали распространять его, а когда эпидемия достигла критической точки, начала производить вакцину, контролируя ее выпуск. Для этого ей

понадобилось взять под контроль и структуру ООН, курирующую распространение вакцины в мире, то есть Коалицию. Разумеется, Версалайф – только орудие, а за ней стоит группа Маджестик-12, единый координационный центр.

- То есть? - глаза Тонга сузились. - Этого не подозревал даже я. Значит, Серая Смерть – вирус, созданный людьми... нарочно?

- Да. Вы не подозревали того, о чем люди говорят в темных переулках городов.

- И что? Они собрались уничтожить миллионы только для того, чтобы получить возможность диктовать свои условия правительствам мира?

- Я не знаю, - ответил Дентон, подумав. - Мне почему-то кажется, что шантаж государств с помощью Сомы – не единственная, и, возможно, не главная причина целенаправленного распространения чумы. Мотивы здесь глубже, мне так показалось, хоть я не объясню сейчас своего убеждения рационально.

- Откуда вам стало известно..?

- Я уничтожил Универсальный Конструктор, производящий вирус в недрах корпорации Версалайф. Вы ведь слышали об этом устройстве?

- Немного. На уровне легенд, не подозревая, что он *уже* существует. Вы уничтожили его? Я должен был знать.

- Я и сам вначале не собирался этого делать и не подозревал о нем. Я сделал это по совету этого загадочного информатора, Дедала. Кто он, в конце концов? Он знает все, даже то, что, наверное, больше никто не знает.

- Остается радоваться, что он наш союзник.

- Пока – не забудьте добавить, - напомнил Дентон. - У таких союзников всегда свои цели на уме, и обычно слишком поздно понимаешь, что они использовали тебя. С его возможностями он не будет играть по чьим-то правилам, если есть возможность диктовать правила самому.

- Это могущественный человек, должен признать, - кивнул Тонг.

- Человек? Алекс подозревает, что это нечто вроде искусственного интеллекта, связанного с системой Эшелон-3.

- А вы сами – вы этому верите? В человеке слишком силен фетишизм, стремление обожествлять то, что ни капли не божественно. Но это лишь древний, темный редуцент правремени. Я больше склоняюсь к мысли, что за электронной маской скрыт реально существующий человек, преследующий неведомые нам цели.

- Эта загадка нам не по зубам, - признался Дентон. - Не нравятся мне такие загадки.

- До поры – до времени… - Тонг облегчил выражение лица. - Вы очень рисковали жизнью там. Что собираетесь делать?

- Собираюсь помочь вам наладить производство вакцины, открыть ее заново. Миру необходимо это.

- Ваша меланхолия ушла?

- Нет. Она усилилась. И добавилось множество вопросов. Мэгги Чоу намекала на корабль, загруженный вирусом, на скорую эпидемии Чумы в Северной Америке. От одной мысли об этом мне становится не по себе. Видимо, где-то среди сотен портов побережья Юго-Восточной Азии ожидает грузовой корабль, полный вируса. А где-то на атлантическом побережье на другом конце мира он вскоре окажется. Мы можем что-нибудь сделать с этим?

- Не знаю, посмотрим. Я попытаюсь собрать максимум информации, но ваш корабль наверняка нигде не зарегистрирован, и маршрут не указан ни в одном источнике.

- Это невозможно. - Дентон покачал головой. - Это должен быть огромный суперфрейтор, его нельзя спрятать.

- Ладно. Добытые вами материалы могут дать ответы даже на такие вопросы, которых мы еще не задали. Я сейчас подключу Алекса и займусь этим.

- А у меня другие планы. Хочу нанести визит вежливости в корпорацию Версалайф. Только нужно, чтобы Алекс мне помог.

- Версалайф… - Тонг сделал паузу. - Подумать только, она все время была у нас под носом, единственная корпорация, производящая Сому, а мы ничего не заподозрили. К сожалению, это имя нам мало даст. Я уверен – весь совет директоров там – подставные лица, не имеющие прямой связи с настоящими операторами происходящего.

- И все же…

- Не рискуйте своей головой понапрасну. Без вас мы не сможем ничего.

Дентон кивнул и собрался выйти. Но Тонг остановил его на втором шаге.

- И еще: какой-то громила-немец с железной рукой ищет вас. Говорят, он убийца.

- Да, - полуобернулся Дентон. - Я знаю. Скажите вашим людям, чтобы не связывались с ним. Я сам с ним разберусь.

- Джесс… - Тонг прикрыл глаза и сел. - Вы зря спасли жизнь Мэгги Чоу. Она еще принесет нам неприятности.

- Я знаю, - вздохнул Дентон неслышно. – Но я дал ей шанс.

Второй раз у нее такого шанса не будет.

А не будет ли… слишком поздно?

***

Серебряные струны упруго звенели, роняя серебро в песне Пилигримов. Струсив пыль с сапог и откинув плащ, Дентон вошел в храм, в молоко тумана, который помогал оставаться одиноким, даже стоя в толпе других, пришедших за глотком покоя.

Монах, предвестник скорого конца, в пепельно-сером кимоно стоял возле равнодушно-отстраненного Будды, меряя взглядом яркого красного дракона Макса Чена и скромного, готового к прыжку серого волка Гордона Квика.

Дентон встал между ними и положил на край алтаря меч, светящийся внутренним светом. Свет приковал взгляды людей.

- Давайте будем тихи, чтобы не привлечь внимания, - сказал Гордон Квик. - Мистер Дентон из Америки нашел меч и программные компоненты его технологии. Он раскрыл заговор, угрожавший свободе триад. - Квик повернулся и посмотрел на Дентона, попытавшись смягчить свою хмурость. - Примите нашу благодарность.

- Это честь для меня, - равнодушно отдал Дентон дань ритуалу.

- Начнем, - повернулся Гордон Квик к Чену, и тот заговорил, взвешивая каждое слово.

- Посмотрим на это меч, на грани его клинка, образующие идеальное лезвие и сходящиеся в единстве на вершине. На огонь, наполняющий его, как кровь. Этот меч стал уроком для нас, и самое главное – усвоить этот урок до конца. Обещая принести небывалое могущество, меч едва не привел к нашей гибели и указал нам: старому времени пришел конец – а новое время требует трезвости разума. Ослепленные уничтожением друг друга, мы даже не заметили врага, подкравшегося из тени и способного раздавить нас, чтобы вместо нас контролировать Гонконг. Но этого не будет никогда, потому что город – наш город, здесь жили наши отцы и их предки, здесь наши семьи проливали свою кровь и рисковали в борьбе с законом и друг с другом. Теперь меч у нас - и мы начнем действовать с позиции силы. Меч останется единственным, как символ, мы не станем производить сотни мужских и женских мечей, как хотели вначале. Пусть он останется просто символом. Мы будем действовать, как двуединое целое, защищая нашу честь, наши традиции, наши сферы влияния и дух, котрого не истребить.

- Навсегда, - кивнул Гордон Квик. - Мы знаем, кто мы есть,

и не питаем иллюзий насчет этого. Прошлое триад, даже недавнее прошлое, тесно связано с насилием, преступлением всех законов, наркотиками, оружием... Мы попытались отстраниться от всего этого со временем, хотя и сегодня обходим закон, если того требуют обстоятельства. И то, как нас характеризуют люди, отчасти справедливо... Но ошибается тот, кто думает, что для нас нет ничего святого. Мы знаем, что такое *настоящее зло*. Тайная организация, раскрытая Трейсером Тонгом и мистером Дентоном, создала вирус Чумы, чтобы заражать людей. И я клянусь предоставлять любую помощь, использовать все свое могущество в борьбе с Этим Злом.

- Клянусь, - кивнул Макс Чен.

- Мне нравится ваш энтузиазм насчет меча, - сказал Дентон. – Но на самом-то деле меч этот был создан для вашей гибели. Стоит ли отдавать ему дань такого почтения?

- Еще раз примите нашу благодарность, мистер Дентон, - Гордон Квик ушел от ответа. - Вы сотрясли жизнь триад, но не могу не признать, что это был единственный способ спасти их от опасности и помочь прозреть. В клубе будет праздник в честь объединения триад. Без преувеличения скажу – вы будете там главным гостем.

- Благодарю, но мне еще рано праздновать.

Потерянное мгновение – исчезнувший мир, - вспомнил Дентон слова, которых он никогда не слышал. Скоро полночь.

Глава 10
В корпорации

Хочу уйти подобно дуновенью
Весеннего ветра со склона
Крутого утеса...
Хайку

Просторный лифт, который мог поместить целый отряд, взлетел на верхний этаж здания без звука, без скрипа, и выпустил в широкий холл мужчину в сером костюме и с серьезным лицом, полуприкрытым солнцезащитными очками.

Гость прошел мимо застывшего на входе охранника, теряясь в темно-синих и черно-зеленых клетчатых тонах помещения. Он остановился перед длинным полукруглым

столом, где перед компьютером сидела молодая леди с огненно-рыжими волосами.

- Добрый вечер, - поздоровался незнакомец.

- Добро пожаловать в Версалайф, сэр, - доброжелательно взглянула она на него. - Вы довольно поздно, мы закрываемся через час.

- Примите мои извинения, я только что приехал из Штатов и этой же ночью должен лететь обратно. Мне хотелось бы посмотреть лаборатории нижних уровней.

Она внимательно посмотрела на него.

- У вас есть разрешение?

- Да, это в интересах работы, Уолтон Саймонс должен был прислать запрос.

- Саймонс? Почему же вы сразу не сказали? Да, уведомление действительно пришло к нам около часа назад. Вам уже оформили временный допуск.

- Кто-то будет сопровождать меня?

- Разумеется. Вам нужно найти мистера Хандли, нашего супервайзера, он где-то на одном из верхних уровней. Он поможет вам попасть в лаборатории.

- Благодарю вас, - незнакомец неторопливо пошел к лестнице. - Секретарь проводила его взглядом и взяла в руку телефон. Потом передумала и положила трубку на место. В этом не было необходимости здесь, в Версалайф.

На каждом повороте стоял охранник, каждый шаг провожали черным выпуклым глазом камеры наблюдения. Но человек в сером костюме не обращал на них внимания. Один раз он остановился и заглянул в исчерченный желтый листок. Он прошел мимо чиновника в черном, который оказался мистером Хандли. Хандли проводил его пристальным взглядом, потом окликнул.

- Эй, сэр! Вы, кажется, то самое лицо, на которого оформили допуск для осмотра нижних лабораторий?

- Да, это я, - учтиво ответил тот. - Я представляю здесь интересы господина Саймонса. В вашем ведомстве я впервые, и, признаться, впечатлен. Если учесть, какими разработками занимается корпорация в Гонконге...

- Спасибо, спасибо, - ответил Хандли, холодно улыбаясь. - Мы очень гордимся той работой, которую здесь делаем. И в особенности – ее результатами.

- Хотелось бы лично понаблюдать за процессом... В общем, именно для этого я здесь и нахожусь.

- Но вы же знаете, - Хандли взглянул куда-то вверх. - При всем уважении к вам, никто не может осматривать

лаборатории третьего уровня в одиночку, даже доверенное лицо господина Саймонса.

- Ну, зачем вам эти хлопоты. Мне могут понадобиться дополнительные часы для осмотра, если меня что-нибудь заинтересует, а ваш рабочий день не продолжается 24 часа в сутки, не правда ли? - Гость в сером костюме почему-то тщательно осматривал потолок и стены, затем дружески взял Хандли под руку и неторопливо повел по коридору в сторону опустевшего вычислительного центра.

- Напротив, - Хандли улыбнулся немного напряженно. - Мне составит удовольствие сопровождать такого гостя, даже в столь поздний...

Почему-то Хандли не закончил мысль, по крайней мере, последнее слово утонуло в странном, похожем на электрический разряд шуме. Спутник помог Хандли сесть за один из пригашенных изумрудов терминалов, и покинул его. Тот откинулся на спинку стула и опустил голову – наверное, в задумчивости. Столь долгая задумчивость могла бы показаться подозрительной, но ни одна камера не захватывала своим видением этот угол зала.

На другом конце этажа был такой же просторный полутемный зал, наполненный изумрудным свечением множества терминалов. Отдельные люди в белых рубашках и галстуках общались с ними на своем языке.

На верхнем этаже сидел только один человек, потирая усталые глаза.

- Вы не устаете работать так поздно?

- Я сейчас заканчиваю и ухожу. А вообще, я не люблю, когда мне мешают, - резко ответил программист.

- Вы слишком нервничаете, вас выдают потные ладони. Что, ваша работа настолько серьезна?

- Конечно! Она не так серьезна, как опасна. Это здание опасно. Люди с моей работой имеют Серую Смерть после первого месяца пребывания здесь.

- Почему же вы не уходите?

- Срываюсь отсюда на днях. Это плохое место.

- Вряд ли ваши начальники одобрили бы то, что вы говорите это людям, посторонним.

- Мне все равно, - служащий стиснул челюсти. - Пусть уволят меня, если хотят. Болтон, Джерри, Гилмор – все они уже исчезли бесследно.

- Может, поможете мне перед уходом? Я не хочу обращаться к этому Хандли.

- Что вам нужно? - программист, наконец, обернулся к

странному гостю в сером костюме с иголочки.

- Осмотреть нанолаборатории внизу – просто скажите, как туда попасть, и код лифта. Возможно, там и гнездится источник всех ваших тревог.

- А вы... шпион? - он поднял брови. - Или какая-то спецслужба?

- Это имеет значение?

- Я мог бы сделать это для вас, но Хандли постоянно меня контролирует. Пока он здесь, я ничего не сумею сделать.

- Что собой представляет этот Хандли?

- Он взяточник, насколько я знаю. И далеко не всегда порядочен с подчиненными. Многие сказали бы вам спасибо, убей вы его. Вы сможете это сделать, я знаю. Вы, парни, умеете избежать разоблачения.

- Можете действовать смело, - успокоил его незнакомец. - Он уже обезврежен, хотя и не мертв. Он будет без сознания до утра.

- Серьезно? Вы правда вырубили его?

- Часть разведоперации. Так... вы мне поможете?

- Хорошо, только помните: у вас должен быть временный допуск, и этот допуск может быть аннулирован в любой момент оттуда, если им что-то не понравится. А что за этим последует – не стоит предполагать.

Лифт унес Дентона вниз, туда, куда не осмелился бы забраться ни один шпион, даже самоубийца... но с одной оговоркой: если перед этим он не прошел через Хранилище Универсального Конструктора.

Алекс помог ему проникнуть в корпорацию, подделав запрос Саймонса, не отличимый от настоящего, и подтверждение. Никто ничего не заподозрил – по крайней мере, не подал виду. Это облегчало ему задачу многократно.

Внизу его уже ждали. Чиновник, представившийся как супервайзер Гаррисон, стоял сразу за дверью лифта.

- Вы тот, кого прислали для осмотра лабораторий?

- Да, это я.

- Хорошо, можете осмотреться, но не вздумайте задавать вопросы персоналу и мешать ученым работать. Мы дорожим нашей работой и нашими коммерческими тайнами. Если вы начнете создавать проблемы, ваш допуск будет аннулирован в любой момент. И тогда охрана не станет задавать вопросов.

- Я понял, сэр. Я не собираюсь причинять неудобства.

Следуя за Гаррисоном, Дентон не знал, радоваться ему или остерегаться. Слишком легко проник он сюда, и это пугало. После всего увиденного он уже не питал иллюзий.

Одно лишь смущало. Если за ним следят чьи-то глаза, почему его не остановят, здесь и немедленно? Почему его не остановили там, возле УК… Может, следящие все же не настолько всесильны, и некто оберегает его от их глаз в нужный момент… Дедал?

Если дело обстоит иначе – Дентону не хотелось даже обдумывать это.

Дентон ощутил, не в первый раз, будто погружается в новую, необычную психо-интуитивную сферу, входя в огромный зал красных тонов. Здесь имя этой атмосферы было – конечность. В этом зале все заканчивается – ним все заканчивается, и прежние истины разом теряют смысл.

Зеркальный, отшлифованный пол оттенка розового гранита был зеркалом, которое не давало отражения. Красные, обитые бархатом ребра стен сходились в мнимом поднебесье над головой, образуя скелет доисторического чудовища, истекающего кровью. А дальше, в изголовье этого храма неизвестного божества стоял и его алтарь – возведенная на недосягаемой высоте рука, обернутая ладонью вниз, указывала направляющим пальцем за горизонты обозримого, а между большим и средним держала земной шар – маленькую голубую планету в холодном вакууме.

Дентон смотрел на эту руку долго, не обращая внимания ни на вооруженного ракетой солдата в черной форме Маджестик-12, ни на богомолоподобного Зеленого, охранявшего своего идола. Невидимая Рука. Их Божество, Их Цель и средство. Смущало одно – эту цель он не мог сформулировать, этому богу не мог дать имени. Может… они могут?

Что-то исходило от этой руки… Космический холод, но не инертный и безотносительный, а направленный, как удар меча. Может, красная пустота вокруг создавала эту иллюзию?

Дентон тряхнул головой. Он знает, для чего пришел. Не выведывать новые тайны, не заниматься промышленным шпионажем, не смотреть и слушать, чего еще не видел и не слышал. А только нанести удар посильнее, ударить смехом в их лицо, чтобы вызвать замешательство под маской, и доказать слабость под личиной всесилия.

Шансы на успех казались ничтожными, но это не волновало Дентона. Тревожило только одно: слишком легко этот идол над головой подпустил к себе.

Спешным шагом пройдя мимо невидимой руки, Дентон поднялся по лестнице, оказавшись среди множества солдат. В обитой темным деревом комнате отдыха за длинным столом

сидели ученые в белых одеждах. Отрывок из разговора долетел до его ушей.

- Но ведь вы опять забываете, что многие из разработок, которыми мы занимаемся, запрещены до сих пор ООН и международными договорами.

- Но у нас нет выбора. Все оправдывает результат – настоящий прорыв.

- Мы можем зайти слишком далеко.

- Что означает «слишком»?

- Иногда возникает вопрос – зачем это все? Считанные ученые всего мира могут понять язык, с которым имеют дело в Версалайф. Он может быть в любой момент утерян для человечества. Что тогда?

- Тот, кто занимается частью, часто не может видеть целого. Но целое все равно есть. Попробуйте мыслить обширнее...

Один из ученых заметил чужое лицо, с интересом вслушивающееся в разговор, и сердито окликнул его.

- Эй, незнакомец! У нас частная беседа.

- Разумеется. Я хотел только найти вход к лабораториям внизу.

- Это не здесь. Вход у подножия статуи в центральном зале.

Выходя, Дентон задержался на лестнице, затем продолжил путь. Нет, подумал он, не здесь. Здесь люди могут пострадать, а их вину определять не ему. И в чем?

Скрытая в граните, но обнаруженная дверь открылась, обнажив в улыбке беззубую черную пасть Серого камня. Дентон прошел по коридору, где стены преображались вкраплениями лампочек, похожих на капельки света, минуя охранников на каждом шагу, и вышел на край круглой комнаты, где повис над землей диск-зал с закрытым под стеклом компьютерным терминалом.

Пора исчезнуть на время, подумал Дентон с тяжестью в груди. Ему очень не хотелось делать это. Каждый раз, исчезая для всех глаз, ему все труднее было возвращаться в мир видимого. И каждый раз, казалось ему, подойдя к зеркалу, он станет прозрачнее. Он понимал, что это бред нелепость, самовнушение. И все же...

Он активировал термооптический камуфляж. Прыгнув на диск, он еще раз сверился с картой, и снова удивился, насколько точной и детальной была схема каждого уровня, словно сделанная человеком, проведшим здесь месяцы. Был известен даже логин и пароль к терминалу. Дентон провел в

немом общении с терминалом всего несколько минут, и этого оказалось достаточно, чтобы найти технологию меча «Зуб Дракона», и некоторые модули к наноимплантантам. Эти данные могут представлять ценность. Дентон вышел из системы, отошел на шаг – и установил здесь свою первую бомбу.

Среди мрачных, полутемных комнат, провожаемый взглядами охранников, Дентон смотрел, хотя уже не удивлялся… Охранниками были именно *они*, сомнения не было: *растворенные* люди. Кое-кто соединял в себе непрозрачность глаз и размытую транспарентность контуров тела.

Погруженную в красный зной радиоактивного поля зону со спрятанными под колпаками нанокомпонентами он не стал обходить стороной. К нему быстрым шагом приблизился один из ученых.

- Вы, должно быть, из конторы Уолтона Саймонса?
- Да, я прилетел из Америки пару часов назад.
- Будьте уверены, он знает: мы делаем все возможное здесь.
- Я доволен увиденным. Хотелось бы еще осмотреть зону с нанокомпонентами.
- Да, разумеется, сейчас я отключу радиацию.

Если Саймонс постоянно видит и слышит его, почему не уничтожит немедленно? - снова задал себе вопрос Дентон. И опять ответил на него сам: нет, не постоянно. Кто-то защищает его, создавая иллюзию самодостаточности.

Дентон незаметно заложил здесь вторую бомбу, ту самую, которую не улавливали обычные датчики и миноискатели. Он только ступил за условную линию, и поле за ним погрузилось в ядовитый, раковый оттенок красного.

В следующей зоне его ждали сюрпризы, от которых с непривычки становилось не по себе. На столах под приборами лежали странные существа – таких он не видел никогда. Мертвые, и все равно пугающие, они были похожи на древних монстров-рептилий, только более нелепые. Все разные – и все что-то объединяло. Дентон засмотрелся на массивное существо, похожее на львенка с крокодильей пастью. Постепенно его окружили люди в белых халатах. Он всмотрелся в их лица, и худшие его опасения подтвердились – лица не выражали ничего. Дентон поспешно проследовал дальше – но потом ему перехотелось идти. Смутные в сизом тумане клетки с силуэтами странных заключенных предупреждали: дальнейшие открытия будут опасны.

Он стал идти обратно, и вдруг остановился. Боковое зрение уловило то, что не сразу осмыслил мозг. Он повернул голову. Камера в стене была погружена во тьму, и ограждена от посторонних надежной решеткой. Тьма была густой, но недостаточной все же, чтобы уберечь наблюдателя от узнавания. И Дентон тоже увидел. На вытянутом столе лежал нечто, чьи контуры могли принадлежать лишь человеку. Мертвому, или почти мертвому. К несчастью, Дентон рассмотрел блеск глаз, не присущий трупу. Пальцы его похолодели.

Человек? Они ставят опыты над людьми..?

Он заставил себя снова стать невидимым – еще ненадолго, и медленно вскрыл решетку. Затем тихо подошел к столу. Нет, он ошибся – тело не было приковано, и это действительно был труп. Просто глаза его... остекленели.

Он установил еще несколько бомб и поднялся по лестнице в зал над лабораториями – просто систему дорожек, откуда просматривались все помещения. Все дорожки были сотни раз измерены шагами черноглазых мужчин и женщин, почти всех в черных очках. В их руках Дентон увидел наномечи.

Дентон повернул голову и замер. Выше, за стеной, за стеклом, лицом друг к другу стояли Мэгги Чоу и какой-то мужчина, рыжеволосый, в белом костюме. Он выглядел очень молодо и, главное, казался Дентону смутно знакомым – очень знакомым. Вот сейчас он вспомнит... Нет, вспомнить не получалось.

Мэгги, видимо, быстро оправилась от удара, и все вернулось на круги своя, подумал Дентон. Он аккуратно приблизился к стене, прижавшись к ней и видя только ноги беседующей пары, оставаясь незримым для них. Они не увидели его – возможно, только это спасло ему жизнь. Он стал под ними и прислушался.

- Каков ход процесса? - его голос, звонкий и уверенный, был так непохож на глухие сконцентрированные голоса, к которым Дентон привык здесь, которые были естественны в *этом* мире.

- Стабильный, мы получили результаты в течение недели, - деловито отвечала Мэгги.

- Великолепно. Я немедленно подключаю группу из Океанической лаборатории.

- Вы же знаете, первостепенной проблемой является обеспечение безопасности, - пожаловалась она.

- Пусть вас не расстраивает этот панк из Коалиции. Мы уже не дадим повториться тому, что произошло.

- Мне хватило и одного раза. Я чуть не погибла. Кроме того, он разрушил все наши планы здесь, в Гонконге. Я уже не говорю про УК…

- Все это мелочи, мисс Чоу. У нас есть долгосрочная программа его ликвидации, которая сработает на сто процентов. Мы назвали ее «Икар».

- Икар? Что это такое?

- Немного инженерного искусства. Вам понравится. Можем обсудить это подробнее. Ваш офис?

- Нет времени. Расскажите по пути.

Он различил звук удаляющихся шагов. Икар… Это слово почему-то неприятно резонировало в сознании. Дедал, Икар. Он знал легенду. Только легенда здесь ничего не говорила.

Последняя бомба установлена. Любую из них обнаружат очень скоро. А потому – пора уходить.

Медленно удаляясь, оставляя за спиной недрогнувшую руку и замерший в ней мир, Дентон раскинул руки, и серый пиджак упал на гранитный пол. Он не обернулся ни разу. Лифт скрыл его от всех взглядов – и мертвых, и удивленных, и подозревающих, и понявших.

Солдат торопливо подбежал к пиджаку, лежавшему, как поверженное дитя доистории. На серой шелковой подкладке черным фломастером было выведено большими буквами.

«Я не разрушить пришел, но исполнить».

В следующий миг по залу прошла легкая дрожь – дальний отголосок мощных разрушительных взрывов внизу. Сам храм пошатнулся, сердце божества облилось кровью; никто не услышал немой и страшный его крик.

***

Дентон появился внезапно перед компьютерным центром. Программист, котрый ему помог, все еще оставался на прежнем месте, даже поза его не изменилась. Дентон коснулся пальцами его плеча.

- Вы знаете, чем они занимаются внизу?

- Не совсем. Что-то связанной с нанотехнологиями и генной инженерией.

- Мой совет – убирайтесь отсюда, сейчас же. Я не могу сказать вам больше.

Сидящий за компьютером изумленно смотрел в спину странному незнакомцу, который прошел несколько метров – и исчез, растворился в прозрачности воздуха. Что-то подсказало ему: с этим случайным встречным связано большее, чем можно предположить.

Глава 11
Вперед

Стерты истории славной следы –
Голыми ветками путнику вслед
Машут пустые сады.

Хайку

Ночь в кульминации ее празднества. Идет дождь. Дождь стекает по щекам и ресницам, пытается смыть то, что смыть невозможно.

Он подошел к небольшой луже, отвоеванной у мрака тусклым светом из окна напротив. Коснувшись сапогом ее края, тоскливо всмотрелся в темноту небес, отраженную в мутной воде. Вода была неспокойна, и пузырилась под ударами капель дождя. Нужно было долго смотреть, чтобы собрать из искаженных осколков воедино свой образ, и в нем, дрожащем и призрачном, узнать себя... Только силуэт, контур, темное на фоне темного. Темное – значит непознанное. Непонятое. То есть его, может быть, и нет...

Он поднял голову, посмотрел на намокшие дома вокруг. Тоска ушла, осталась задумчивость. Что-то осталось... Дождь не утихал. На расплавленном зеркале вод появилось еще одно пятно. Чья-то маленькая рука взяла его руку.

- Пойдем? - позвал мелодичный голос, и обоих обдало прохладой ветра.

Дентон повернулся и посмотрел в резко очерченное дождем светлое девичье лицо в капюшоне. Посмотрел в ее глаза, пытаясь успеть прочитать как можно больше. Она отшатнулась.

- О... Простите. Я ошиблась.

Она торопливо ушла, почти убежала прочь, в темноту. Душевное равновесие было на миг потеряно – но вернулось усилием воли. Дентон зашел под навес, под красный бумажный фонарик.

- О чем ты думаешь? - настиг его свистящий, искаженный помехами голос Саймонса. - Или действительно не понимаешь ничего? Или мы еще не поняли чего-то... Такого мы не ожидали даже от тебя. Но не думай, что это повторится еще хотя бы раз. Я только хочу, чтобы ты подумал, чтобы спросил себя: почему ты еще существуешь? Почему **мы** еще позволяем тебе

существовать...»

Уже думал, мысленно ответил Дентон, плотнее запахивая плащ. Если Саймонс не блефует, пытаясь скрыть свою слабость, значит, он нужен им для чего-то, удерживая их от крайних шагов. Значит, он еще может послужить им орудием. Неизвестно, как. Возможно, им под силу самое страшное – подчинить его волю?

Это пугало и рождало очень невеселые мысли. Но он постарается использовать это против них, пока есть время.

Ничто не успокаивает так, как чтение наугад. Дентон открыл давно не потревоженную книгу.

«*Таким образом, здесь оказались все сразу: резко пахнущий сырым деревом забор, фонарь, славная белокурая малютка в голубом в объятиях негра под пламенеющим небом. Будь нас четверо или пятеро, мы, наверное, отметили бы это столкновение, эти нежные краски, красивое голубое пальто, похожее на пуховую перину, светлый плащ, красивые стекла фонаря...*

Но одинокого человека редко тянет засмеяться – группа приобрела для меня на миг острый, даже свирепый, хотя и чистый смысл. Потом она распалась, остался только фонарь, забор и небо – это тоже было все еще довольно красиво. Час спустя зажгли фонарь, поднялся ветер, небо почернело – и все исчезло».

Он уже долго читал и не мог дочитать эту книгу до конца. Хотя – разве в этом была необходимость?

Нужен ли он кому-то? Вопрос родился нагло и мгновенно, не спрашивая на то разрешения.

- Кому я нужен? - спросил Дентон громко у ночи.

- Мне... - прошептала ночь явно, заставив ноги напрячься в коленях. Пронзив темноту взглядом, он явственно ощутил чье-то присутствие, но осознал – того, кто хочет остаться во мраке, он не обнаружит.

- Эхо оживилось вновь. Это было послание, которого Дентон ожидал, соревнуясь с ночью в задумчивости. Голос Тонга звучал сосредоточенно.

- Мистер Дентон, возвращайтесь на базу немедленно. Кажется, нам будет о чем поговорить.

***

- После всего, что вы натворили в Гонконге, вас ищут все. Будьте готовы к тому, что теперь каждое дерево на пути будет переодетым охотником за вашей головой. - Тонг стоял за плечом Алекса Якобсона, наблюдая за его работой.

- Что это означает? - спросил Дентон. - Пора менять город?

- Да, нет смысла для вас оставаться в Гонконге. И опасность преследования – далеко не единственная причина. Мы взяли все, что могли здесь. Пора делать следующий шаг. Еще с Полом мы пришли к выводу, что в Гонконге занимаются просто производством, тогда как настоящие исследования и разработки ведутся в Северной Америке.

- Легендарная Зона 51?

- В том числе. Но есть кое-что еще, что может очень заинтересовать вас. Я нашел корабль с вирусом, о котором мы говорили, самым неожиданным образом. Дедал помог мне.

- Дедал помог мне найти этот корабль, и очень быстро. И вырисовывается очень интересная картина. Бывший владелец этого корабля… он может помочь нам разгадать дьявольскую загадку. Слышали об Иллюминати?

- Вы шутите?

- Отнюдь. Эзотерическое общество, орден, основанный Адамом Вейсгауптом в 18 веке.

- Но ведь это просто конспирологическая сказка, давно ушедшее прошлое… нет?

- Такая же, как и Маджестик-12. Боюсь, они вполне реальны, хотя и глубоко скрыты, гораздо глубже, чем в прошлом веке. Более того, как орден ученых, они сами ведут исследования в сфере нанотехнологий, и достигли там значительных успехов. И многое смогут сказать, если мы заставим их сделать это.

- Заставим?

- Я проверил некоторые свои каналы… точнее, Джок помог мне. Нет, они не являются друзьями Маджестик-12, хотя и те, и другие друг о друге знают. У меня есть три имени: Стентон Дауд, Морган Эверетт, Бет Дюклер. Кажется, эти люди переживают не лучшие времена сейчас. Они прячутся, Джесс. И большинство из них – в Париже.

- Как вы собираетесь их найти? Тех, кто спрятан так глубоко в тени?

- Дедал дал мне кое-какие ориентиры. И, кажется, наш загадочный друг Джок может помочь. Он намекнул, что имеет какую-то косвенную связь с Даудом. К тому же, сюда ведет еще одна дорожка. Вы ведь помните о корабле?

- С вирусом чумы? Значит, Этот Стентон Дауд – его хозяин?

- Угадали.

- И тем не менее предоставил свой корабль? Как это возможно, если он враг Маджестик-12?

- А его не спрашивали. Суперфрейтором «Уолл Клауд» пользуются другие люди, но он не сделает ничего. Повторяю – он прячется. В ночи, как мы с вами. Это огромное грузовое судно – лучшего не найти для их цели. Судьба корабля не ясна, но Джок думает, что единственное место, куда его пустят без контроля, и достаточно большое, чтобы его спрятать – береговая база подводных лодок ВМС в Бруклине. Стентон Дауд скажет вам больше.

- Я с ним встречусь? Кто он?

- Бывший банкир, верхняя когорта транснациональной элиты… Очень странно видеть его в бегах, в страхе… Верхняя – ведь скрытая. Глобальная элита – мало кто знает их в лицо.

- А многие ли знают в лицо нас? Никто… - сказал Дентон скорее себе. – Может, он имеет отношение к чуме?

- Я же говорю – он в бегах. Его дом в Манхеттене пустует. Но это вам выяснять – все карты в руки. Я выяснил все, что мог.

- И довольно немало. Что с созданием Сомы? Теперь вам ничего не мешает?

- Я исследовал компоненты технологии, которые вы нашли в недрах Версалайф. Эта технология необычайно сложна и засекречена. Поэтому имеющихся материалов недостаточно, чтобы наладить производство. Но я уверен - рано или поздно к нам попадут недостающие звенья. А сейчас самое главное – корабль. Важно остановить эпидемию, потом вернемся к вакцине.

- Вы правы, - кивнул Дентон. – Что-нибудь новое по Маджестик-12?

- Пользуясь материалом из Сети, я могу только анализировать. К ним тянется много нитей, но все теряются в тумане.

- Лебедев, чей самолет Пол собирался использовать для доставки к вам Сомы – вы, наверное, помните, - он назвал их «группой людей, настолько обезумевших от жажды власти, что они собрались подчинить себе то, что подвластно лишь Богу». Может, это не точно, но он выразился примерно так.

- Лишь Богу… Несомненно, их главный рычаг – технологии несравненно высокого порядка. Но определение «ослепленные жаждой власти» не означают ровным счетом ничего. Ни целей, ни причин, ни их природы. Да, пусть они действуют для усиления собственного могущества, играя при этом свою роль, но… это не все.

- Но, тем не менее, это многое.

- Мне кажется, должно быть что-то, что заставляет их делать это. Ведь их деятельность не может быть естественной линией поведения, не постоянно. Она ведь требует огромного напряжения сил и ума, утомляет, требует своих жертв. Есть нечто, из-за чего они уже не могут уйти, став на путь однажды.

- Круговая порука? – предположил Дентон.

- Возможно. Но… не только. В какой-то момент найдется тот, у кого хватит сил и воли поломать правила и вырваться, разделится и исчезнуть.

- Тогда что?

- Что-то, - развел руками Тонг. – Это так же, как с заражением людей Серой Смертью, целенаправленным заражением миллионов. Я тоже не очень-то верю, что причина – возможность контролировать не справляющиеся правительства мира или бредни про искусственное сокращение населения Земли. Что-то другое. Не исключено, что события развивались не совсем по запланированному сценарию.

- Значит, те, кто принадлежит этой организации, из ваших слов – очень зависимы. Но люди не любят быть несвободными, - напомнил Дентон. – И если несвобода становится явной, какие бы преимущества она ни несла…

- Возможно, она скрыта, как и несвобода каждого из нас от многих вещей. Всякая свобода очень относительна. Вы слишком одиноки и свободны по-своему, чтобы сразу увидеть это. Возможно, их несвобода неизбежно безвыходная, подобно проданной дьяволу душе. И, может… в реализации замысла, в достижении цели кроется освобождение?

- Какая цель?

Тонг пожал плечами:

- Вы видели больше, чем я, чтобы судить. У них есть какая-то модель мирового порядка, которую пытаются реализовать. Ясно могу сказать одно – несмотря на их технологическое могущество, в науке они не понимают ничего. Как и все остальные

- Имея такие технологии? Сосредоточив под своим контролем ведущий научный потенциал мира? – Дентон покачал головой. – Не понимаю.

- Наука для них – как магическая книга заклинаний, попавшая в руки ребенку, не умеющему читать между строк. Он понимает, что делает, но не видит последствий. И может убить себя, уничтожив перед этим мир, или… к примеру, заколдовав его.

- Наука… Это век науки, сегодня очень многие имеют с ней дело, - не понимал Дентон.

- Это век иллюзий – бок о бок с очень горькими разочарованиями. Также, как в 21 веке, как это повторялось в истории время от времени. Временный успех приносит столько иллюзий, которые становятся губительны. И из того, что кажется, все может быть обманом, - резко ответил ученый. – Я не решаюсь утверждать, достигает ли хотя бы десятка число людей сегодня, кто еще понимает, что есть наука. Большинство – пользуется множеством научных данных, просто принимая их, не вдумываясь в первопричину. Узкие специалисты используют свою сумму навыков, заучивая алгоритмы и не вырываясь за предел очерченного поля в окружающую тьму. Окажись результат другим – принципиально иным - и кто-то сойдет с ума от абсурда. Собственно научность, прозрачное видение полосы света за горизонтом – капля в море искажений… Поверьте, если катастрофа разом уничтожит цивилизацию, научные центры, разорвет связи и перевернет налаженный конвейер – современный человек не в силах будет отстроить все заново. Это просто иллюзия – иллюзия самодостаточности. Нет, он упадет на четыре конечности и взвоет от отчаяния.

- Мне трудно, признаюсь, уловить вашу мысль.

- Наука – это видение мира, доступное немногим. Она не открывается каждому без усилий. Большинство не имеет о ней никакого понятия – как о целом, я имею в виду. Но эта черта всякого невежества – даже ученого – видя ничтожную часть, оно воображает, что знает все. Воображает себя Богом… И считает, что может познать мир, а затем – что мир уже познан. Старый феномен нашей эпохи – люди вообразили, что имеют право упорядочить мир, мир, который не что иное, как темные дебри непознанного. Сделать невозможное. Царем мира считает себя неразумный, слабый, непостоянный и несовершенный дух. Наука – отличительная черта нашего времени, но – вы не поверите – в том состоянии, в каком она духовно бессильна, мертва, в каком перестает быть наукой. Люди осваивают технические навыки, умения, догматично принимают на веру истины, бездумно выполняя алгоритмы, оставаясь вне науки как Целостности, как Бесконечности. От науки ждут решения всех проблем, делая ее новым богом, а потом, разбиваясь о собственные границы и бессилие, разочаровываются. Они не знают, что такое наука, вообще не понимают, что это самое сокровенное в нашей жизни, что еще

может дать какие-то ссылки на истину… это касается и философов, и большинства современных ученых.

- Вы убедили меня. Думаю, мистер Тонг, вы – один из тех немногих, оставшихся.

- Я знаю, что знаю очень мало, почти ничего. Но я работаю над собой уже тридцать лет. И, полагаю, я знаю, с чем следует бороться.

- И мне поможете, - глаза Дентона сузились. – Скажу вам откровенно – вы один из тех немногих, кому я *почти* доверяю.

- Неплохо сказано, - улыбнулся Тонг скупо. – Спасибо. Кстати, мои ассистенты провели анализ наноимплантантов, вами найденных. Поразительно – я всегда считал, что человеческий организм не выдерживает их. Эти микроскопические механизмы, проникающие в любые ткани, дают необычайные возможности тому, кому все же под силу их вынести, эту колоссальную нагрузку. Вам, к примеру.

- Что это за способности?

- Мгновенная регенерация тканей при их повреждении, способность выдерживать радиацию в смертельных дозах, сопротивляемость к ядам, способность эпителия удерживать осколки и пули. И даже – становиться невидимым для любого вида волн и глаз животного. Такой себе встроенный термооптический камуфляж.

Дентон почувствовал легкий приступ отвращения и поспешно покачал головой.

- Нет, последнего не надо. Совершенно нет необходимости.

Тонг сделал выразительную паузу.

- Мистер Дентон. Несколько лет назад, когда я еще не ушел в подполье, я участвовал в международном круглом столе, который касался наноимплантантов. Группа американских ученых там демонстрировала образец ткани, способной выдержать имплантанты, якобы искусственный. Они называли его «JCD». Джесс С. Дентон. Понимаете? Эти имплантанты просто созданы для вас, вашего брата, и возможно, немногих других… Не хотите произвести установку?

Тонг умело избегал темы, болезненной для Дентона.

- Черт с ними, - ответил Дентон. – Я обходился без них, думаю, обойдусь и в дальнейшем. Тем более, в штабе Коалиции перед побегом я уже устанавливал что-то…

- Я бы советовал вам использовать их, Джесс, - настаивал Тонг. – Это никак не скажется на вашем облике, ни на состоянии. Вы не станете киборгом… по крайней мере внешне. Но ведь для вас это и не важно. Эти уникальные системы были

призваны превратить вас в их самое эффективное оружие – и тем логичнее будет обратить это оружие против них, обернувшись и ударив несущим гибель молотом.

- Почему логичнее? – спросил Дентон странно. – Разве в предательстве есть логика, кем бы ни были те, кого предаешь?

- О чем это вы, мистер Дентон? – Тонг посмотрел на Дентона с той степенью удивления, которая пограничная с подозрением.

- Ни о чем – просто отвлеченное размышление. Эти наноимплантанты – они на всю жизнь?

- Разумеется, нет. Технология довольно продуманная – я произведу дезактивацию в любой момент, когда вы захотите. Но, учитывая происходящее, вряд ли это будет сейчас адекватно. Борьба с общим врагом – вот, кажется, тот «взаимный интерес», который надолго нас связал.

- Я не жалею об этом. Меня угнетает другое – то, что я стал на место другого, который был во сто крат меня достойнее.

- Вы слишком несправедливы к себе. Вы бы стояли плечом к плечу сейчас, и Пол гордился бы своим братом.

- Да. Это ужасно, что он… мертв?

Хм, странно. Почему-то последнее утверждение прозвучало с вопросительной интонацией. Просто игра изменчивого голоса. Но…

«Луна освещает весь мир одинаковым светом. Тогда почему же на сердце тоска и смятенье?»

***

Знакомый шум гонимого лопастями ветра был слышен издалека. Он напомнил ему что-то из той, такой далекой реальности за непроницаемой стеной нескольких ночей.

Черный вертолет приземлился прямо во внутреннем дворике Базы, скрытый от глаз, из которых любые будут лишними. На пути к черной птице Дентона облаял добродушно пес. Он запустил пальцы в густую шерсть. К нему подошел Гордон Квик.

- Мистер Дентон, должен признать, вы вовремя покидаете город. Этот огромный механический воин, похожий на немца, кажется, унюхал ваш след.

- Это последняя причина, которая заставила бы меня уезжать.

- Я знаю, - кивнул Главный Дракон. – Если хотите, мои люди разберутся с ним.

- Ни в коем случае. Ничего хорошего из этого не выйдет. Кроме того, я хочу поговорить с ним.

- Ладно… - Главный Дракон протянул ладонь. – Для меня честь быть знакомым с вами, темный мрачный человек. Вы многое сделали для триад.

Дентон нахмурился.

- Не стоит. Я не сделал еще ничего. Запомните это. Я не совершил пока ничего, что оправдало бы… - Дентон не закончил мысль.

- Не знаю, что вы хотите сказать, загадочный человек. Но помните: Гордон Квик – этот тот, на кого вы можете рассчитывать в первую очередь. Я не видел более самодостаточного человека, чем вы, но тем не менее… Вот вам моя рука.

Дентон ответил крепким рукопожатием, думая о своем.

- До свидания, - махнул рукой Дракон.

- Или прощайте.

- Когда все это закончится, и мы останемся живы, встреча неминуема, я уверен.

- *Если* закончится. *Если* останемся.

Дентон подошел к двери вертолета. Из-за шума винтов приходилось кричать.

- Тонг рассказал мне об Иллюминати! – прохрипел Джок, такой знакомый, и совсем неизвестный. Дентон смотрел на него и понимал: перед ним, быть может, самая загадочная и непредсказуемая фигура в этой игре. Икс, самый большой. – Так, значит, мы должны найти Стентона Дауда в Нью-Йорке?

- Вы его знаете? Знаете что-то?

- Кое-что знаю. Думаю, Филбен знает, как связаться с ним.

- Харли Филбен? Бродяга? – В очередной раз удивился попривыкший к неожиданностям Дентон.

- Да. Я думал, Филбен всегда морочил мне голову насчет Иллюминати. Посмотрим. Вы встретитесь с ним в Адской Кухне в Манхеттене.

- Такое впечатление, что Адская кухня – центр сумеречной жизни Нью-Йорка. Все пути приводят туда.

- Давайте не терять времени, - предложил Джок. – Мы можем и не успеть.

Дентон занял место рядом с пилотом, чтобы вновь взглянуть на мир сквозь тонированные стекла с высоты птичьего полета, с высоты, где и птиц сейчас нет.

Легкое щемящее чувство расставания, когда хочется пить или обернуться, и кажется, что забыл какую-то мелочь, дало о

себе знать несмело. Свет в одном из окон потух и вновь зажегся – город подмигнул ему на прощание.

На прощание? Огибая недоросшие скалы небоскребов, всматриваясь в световые рисунки далекой Земли, в потускневшие очертания храма, парка и точки фонарей, Дентон признался себе: какая-то часть его останется в этом городе, чтобы всегда ему принадлежать.

Но он уже не вернется за ней. Как раскрывшийся веер, возникла интуитивная уверенность: он видит этот город в последний раз. В последний раз… - вторил ветер. В последний раз – мигнули звезды.

И что с того?

Часть 3
Нью-Йорк
Время ветра

И опять за окнами ночь,
И опять где-то ждут меня,
И опять я готов идти.
Опять…

Виктор Цой

Глава 1
Кто готов к беспредельности

Мудрость должна полагаться на непредвиденное.

Эдгар По

Что-то прикоснулось к нему холодным поцелуем – и отступило.

Темнота.

Нечто толкало его бессильное тело вперед – и возвращало к себе, пока не замерло раз и навсегда.

Тишина.

А потом она – она звала его, играя на скрипке на старом корабле среди темных вод, но совсем не так, как играла когда-то, не так, как играла каждую ночь. Он увидел ее отражение в зеркале заброшенного дома под звездами…

И открыл глаза. Он ощутил холод, но не бодрящий, а замораживающий волю. Ледяные ножи вторглись в беспомощный мозг, обещая страшные муки при любой попытке пробуждения. Он снова закрыл глаза. Ему приснился сон.

На вершине ледяной скалы он стоял и смотрел на тысячи таких же скал на снежном поле, границы которого не угадывались за горизонтом. Шел мелкий, но густой снег. Темно-синей массой с темными недвижными разводами застыло над ним небо.

Он спрыгнул со скалы и легко, воздушно приземлился на белую поверхность. Некто с неразличимыми чертами преградил путь.

«Жрицы Веги не пропускают к себе никого».

«Я пройду», - отстранил он стоявшего и пошел вперед.

Белое облако света затрепетало на горизонте. Завернувшись в голубой плащ, среди снегов стояла она, отражая непонятный свет на разбросанных по плечам золотых волосах. Та, кого он никогда не видел – но искал всю жизнь, за кем пришел на Край Света в Страну Белого Безмолвия.

«Кто ты?» - хотел спросить он, но почему-то спросил иначе.

- Кто я? – и оглянулся на заснеженный мир в конце времен.

- Ответишь ты… - сказала она безмолвно. – А я услышу твой ответ.

- Я не знаю.

- И никто не знает. Тебя нет еще. Но все зависит только от одного человека – тебя. Кто-то умер – кто-то еще не рожден. Ты уйдешь – и вернешься, зная ответ. Ты скажешь мне. А я буду ждать тебя.

Мир озарился белой вспышкой – и он стоял один в снежной пустыне. Он стал озираться, кричал заветное имя. Тоска срывалась с его губ…

Дентон проснулся – легко и мгновенно. Грозная боль ушла. Зябкий холод остался.

Он поднялся на ноги и немигающим взглядом посмотрел в ночь. Услышал плеск волн у ног – и вспомнил все. Вспомнил, что произошло непоправимое.

Они летели над Тихим океаном второй час. Гонконг оставался далеко позади, Джок на своем корабле-невидимке прокладывал путь по одному ему известным ориентирам. Дентон не пытался завязать разговор – молчание импонировало ему не меньше, чем черному пилоту. Вдруг Джок импульсивно дернулся, пристально глядя на экраны. Потом обернулся к Дентону, и тот увидел в глазах пилота панику.

- Джесс, черт возьми! Нас нашла ракета.

Выброшенный ударом катапульты, Дентон летел в черноту и думал, что этого следовало ожидать. Им везло слишком долго. Внизу, под ним, кусочек пустоты озарила вспышка взрыва, так же быстро потухнув.

А потом – парашют не раскрылся. Никакого парашюта и не было, и у Дентона была целая вечность в полете, чтобы осознать происшедшее. Но только слишком черная темнота отпугнула все мысли.

Удар, забытье. Берег…

Дентон стоял под луной и слышал плеск волн. Джок наверняка погиб в той вспышке ада. Дентон увидел суровое лицо пилота, к которому никогда не испытывал особой симпатии, и горечь тяжестью легла на уголках глаз. Они убили Джока. Напрасно.

Что ж. Отчаяться, отказаться от борьбы, разбиться – именно этот вариант устроил бы *их* больше всего. А потому – этому никогда не быть. Он ведь тоже умер, не так ли? Эхо наверняка вышло из строя, оглохло – слишком силен был удар, непереносимый для обычного человека.

Он мертв на время – для друзей и для врагов. Лучшего нельзя было и желать. Пора приводить в действие замысел.

Заскрипел песок под ногами призрака, спугнувший бы случайного путника.

Глава 2
Кому суждена встреча

То были люди, давно уже открытые всем ветрам, всем безднам и всем безмолвиям. Люди пепла и праха.

Сильви Жермен

Пустой ночной экспресс мчал путника в город, где его не ждали. Ночной машинист, кем бы он ни был, эта загадочная фигура, которую никто никогда не видел, знал, наверное, как не затеряться в подземном лабиринте. Дентон стоял напротив окна поезда, скользя взглядом по тающим позади неровностям тоннеля.

Интересный вывод был сделан ним совершенно случайно: чем темнее за окном бегущего поезда, тем четче можно разглядеть свои очертания.

Шесть лет, чтобы стать побеждающей машиной. Сокрушающей, необоримой, способной на все. И несколько

ночей, чтобы поставить вопрос: зачем? Интересно, сколько времени будет отмеряно ему, чтобы на этот вопрос ответить? Изменить что-то? Или не менять… Спастись?

Светлая серая ночь Манхеттена стирала границы, ставя свои пределы. Выйдя из переходя метро под открытое небо, Дентон не ощутил неуютной беспредельности мегаполиса. Нет, только несколько улиц и переулков, два десятка домов, маленький парк. Здесь, этими тенями и их тайнами будет программироваться история этой ночи. А остального мира, за пределами, очерченными причастностью к *его* судьбе, - нет. Он остался иллюзией, смутно пережитой разумом просто, чтобы быть.

Прошлое покрылось густым туманом, который скрадывал резкие формы и острые углы, обезличивал образы, обесцвечивал картины прошлого. Выйдя на знакомый угол, уже не странный от безлюдности и пустоты, Дентон вдруг отшатнулся и шагнул в тень. Мимо безмолвно прошли два солдата Коалиции, патрулировавшие эту улицу. Видимо, что-то серьезное произошло в Манхеттене.

Он не мог позволить себе вступать в открытое столкновение. Осторожно, пройдя за их спинами, Дентон нырнул в дыру разбитого забора позади отеля Тон. У стены, скрестив на груди руки, стоял бродяга с густыми седыми волосами и посиневшим лицом. Он тоже прятался от кого-то.

- Эй, дружище, что произошло? Почему солдаты везде? – спросил Дентон вполголоса.

Подобие узнавания промелькнуло в выражении лица бродяги, но наверняка было просто иллюзией.

- Бунты везде, мужик. Люди сходят с ума от Чумы, и выходят на улицы. Они ничего не могут сделать – только оккупировать этот район с помощью регулярных войск и стрелять в каждого, кто выходит на улицу после одиннадцати.

- Комендантский час? – понял Дентон. – Как много их здесь, в этом квартале?

- Ну, десятка два солдат и пару роботов. Вполне достаточно, поверь. Эти стальные твари убивают все, что движется. Я сам видел, как один подстрелил старуху, торгующую сигаретами возле парка.

- Тебе некуда идти? Ты имеешь право подойти к любому солдату и потребовать укрытия. Неразумно оставаться снаружи в комендантский час, - в Дентоне проснулся агент Коалиции. – Они отведут тебя в муниципальную клинику – или другое место для ночлега. Это прямая обязанность Коалиции.

- Я знаю, - кивнул местный. – Но мне не нужно место для ночлега. Есть одно дело здесь, в городе.

- Ну, ладно. Полагаю, ты сумеешь о себе позаботиться.

Дентон сделал шаг, но замер, услышав за спиной.

- Ты попался им, брат. Ты попался им на этот раз.

Он медленно обернулся.

- Ты меня знаешь?

- Приготовься теперь к тому, что тебя знают многие. Знают все. Прочти главную страницу любого общественного терминала – и ты тоже узнаешь.

Эта фраза никак не шла образу бездомного шатуна.

- Вы ошиблись, наверное, - сухо бросил Дентон.

- Я не могу помочь тебе. Жаль, что у тебя ничего не получится. Они раздавят любого, будь это Леон Вудс, ты или кто-нибудь другой. Им это не трудно, ведь один человек – это только один человек. Это ничто.

- Я не знаю, о чем вы, приятель. Прощайте.

Перед дверью старого отеля, с которым был связан заговором молчания, Дентон задумался, стоит ли входить. Стоит ли будить воспоминания, сон которых все еще так непрочен… Ведь там – внутри – никто не ждет его. За исключением, быть может, нескольких призраков.

Дентон шел-крался по коридору и знал наперед, что все будет иначе в этом отеле. Другой дух, другие обитатели, другие пароли. Хуже, если там он не найдет ни духа, ни обитателей. В конце коридора он увидел мерцание общественного терминала. На первой странице среди сообщений он увидел заголовок большими буквами: РАЗЫСКИВАЕТСЯ: **Джесс Дентон.**

«В данный момент Коалиция и силы свободного мира мобилизовали все средства для поимки опасного преступника, террориста и убийцы американца Джесса Дентона, который является главой террористической организации, охватывающей Нью-Йорк, Гонконг и несколько других мировых центров. Это организатор и непосредственный исполнитель многих террористических акций, среди которых: убийство бизнесмена Ивана Лебедева, предыдущего главы Коалиции Джозефа Мандерли, агента Анны Наварре, главы триады в Гонконге; теракт и бомбардировки в отделении корпорации Версалайф в Гонконге с целью сорвать производство вакцины от Серой Смерти (что, к счастью, террористу не удалось), ряд нападений на китайскую полицию и вооруженные силы. По последним разведывательным данным, Дентон может находиться в Нью-Йорке, где вынашивает планы новых чудовищных преступлений.

Приблизительное описание внешности: высокий брюнет, рост около 185-190 см, светло-голубые глаза – результат редкой мутации, который он обычно скрывает под черными очками. Носит обычно низкие сапоги-берцы, комбинезон со стальными вставками на груди и темно-синее пальто с серебристыми разводами. При этом часто использует переодевание в целях вероломства и обмана. Фото: Щелкнуть здесь.

Этот человек вооружен, наделен редкими знаниями и ***необычайно*** *опасен. Тому, кто увидит лицо, соответствующее данному описанию, следует немедленно обратиться в ближайший участок полиции и перезвонить по номерам горячей линии Антитеррористической Коалиции, чья главная забота – круглосуточное обеспечение Вашей безопасности.*

Вознаграждение лицу, способствующему поимке преступника, живым или мертвым, составляет десять тысяч кредитов».

Его голову дорого оценили. А заодно – обвинили в убийствах, которых он никогда не совершал. Ладно. Но никто никогда не обвинит его в тех убийствах, которые ему совершить придется.

В холле, там, где когда-то стоял над гостевой книгой Гилберт Рентон, теперь сидел полицейский в стальном шлеме, маске и бронежилете.

Его близнец-клон мерил шагами прихожую.

Его ждут везде. Его ждут всегда. Не важно, день за окном, ночь за прорезью… Они сделают все, чтобы избавиться от него. Но почему они не уничтожат его?

Дентон незаметно прошел мимо бойцов и поднялся на второй этаж. Он ступал неслышно, будто опасаясь кого-то спугнуть. Поперек запертой двери в комнату Пола проходила красная лента «Вход запрещен. Контроль Коалиции».

Дентон вставил ключ – он еще подходил, раздался легкий щелчок, дверь открылась. Войдя, он ощутил странную иллюзию остаточного тепла, будто кто-то был в этой комнате, сегодня, или вчера, или пару дней назад. Или за мгновение. Но точно **после** *той ночи*. Возможно, какой-то бездомный научился пробираться сюда по пожарной лестнице?

Вот и кофе на дне чашки – вода еще не высохла на черном гадальном дне. Дентон выбросил это из головы, открыл потайную нишу, о которой когда-то знали только Пол и он, и включил припрятанный терминал. Его надежда-предположение оправдалось: никем не открытые, еще не прочитанные и сохраненные, ожидали три письма. Всегда три – почему-то именно три.

Самым старым было письмо от некой SunnyAngel.

«Привет, Пол. Твой телефон молчит, и ты молчишь, одним словом, мне не нравится это все. Если ты не будешь на моем Дне Созерцания Снега, я обижусь, серьезно обижусь. Я хотела рассказать тебе о своем путешествии в Тибет. Это просто потрясающе! Я немедленно хочу тебе рассказать. И вообще, я скучаю, а ты даже не вспомнишь про меня, я уверена. Подумай хорошо, что ты делаешь. Твоя Мэг».

Почему-то это «подумай хорошо, что ты делаешь», читалось в письме зловеще, несмотря на его общую легкую беспечную окраску. Но ведь этот отрывок, это письмо – уже не важно, оно не из этой его жизни. И не из жизни брата, которому уже все равно.

Все это осталось в жизни прошлой, которой не было.

Второе письмо было предназначено ему, Дентону. Дентон узнал сухой, очищенный стиль Дедала.

«Если вы выжили:

Ваше Эхо вышло из строя, я был атакован. Я начал планировать ваши дальнейшие задачи. Стентон Дауд поможет найти и уничтожить корабль, а затем пошлет вас в Париж, на встречу с Бет Дюклер. Она может помочь завершить разработку Сомы. Но она убита агентами Маджестик-12, расчленена и помещена в морозильную камеру. Вам необходимо найти ее дочь, Николетт Дюклер. Выход на нее возможен только через две ключевые фигуры. Это Чад, лидер группы «СИЛУЭТ», и Силуэт. Запомните эти имена».

Опять ошибка, на этот раз ошибка машинного текста, не иначе. Дентона снова удивило то же, что и в схемах Пола. Слово «Силуэт» повторялось в письме два раза, я явно в разных значениях. Очень походило на то, что один из «силуэтов» - организация, а другой… кто? В голову настойчиво лезла всякая чепуха из комиксов и мультфильмов для детей. Он даже вспомнил фразу одного героя, надоевшую до отвращения: «Он живет в лесу, но это не значит, что в любое мгновение он может быть позади тебя, впереди тебя, рядом с тобой. И он тебе поможет – не сомневайся, док».

«Твой друг», - так назвал себя автор третьего письма. Неизвестный, который тоже знал, что Дентон может найти это послание.

«Найди Мигеля. Парк возле клиники три часа ночи».

Коротко, но пугающе. Это некто, кто знал не только Мигеля и то, что произошло между ним и Мигелем. Дентон перебирал в памяти всех, но ни один не подходил на эту роль.

Как бы то ни было…

***

Холодное тело скамьи явно не приглашало сесть, однако Дентон не обращал внимания на такие мелочи. Опустив голову на грудь, он уже полчаса исподлобья наблюдал за открытым пространством парка в каменной изгороди, за которой безраздельно царствовал Бетон. Дентон ожидал прохожего, но пока – только шелест ветра в тополях и мерцание фонарей. Это и не удивило бы никого в три часа ночи.

Вот в парк вошел высокий, очень худой мужчина в джинсовом костюме с поднятым меховым воротником. Мигель. Дентон узнал этого экс-Синий Цветок, странного врага, случайного товарища. Дентону не очень хотелось встречаться с ним, завязывать разговор, казаться тем, кем казаться не хочешь. То есть их союзником. Синий Цветок остался для него теми же террористами. Случайная их связь с его братом не обелила их в его глазах. Пусть у них и общий враг.

Мигель сел у дорожки, положил руки перед собой – и долго сидел так, не двигаясь. Дентон стал напротив него по другую сторону стола. Мигель поднял голову и удивился:

- Ты?

- Здравствуй. Ты не боишься, что солдаты тебя арестуют за нарушение норм военного положения?

- Пусть идут к черту, - огрызнулся Мигель. – Но что ты здесь делаешь?

- А разве ты не ждал меня? – Дентон сел напротив. – Мигель, кто организовал твою встречу со мной?

- Ты о чем? – удивился Мигель. – Твое появление – сюрприз для меня, полная неожиданность.

- Вот как… - задумался Дентон. – Тогда что же ты сейчас делаешь здесь?

- Гуляю… думаю.

- В три часа ночи?

- Лучшее время для мыслей – их никто не пугает. Я сижу на этой скамейке каждую ночь, с тех пор, как Синий Цветок перестал существовать…

- Кто знает об этом?

- Никто… - теперь насторожился Мигель. – А что?

- Да так, ничего, - Дентон опустил глаза. – Значит, с Синим Цветком покончено?

- Та ночь была роковой, - вздохнул Мигель. – Реакция правительства и армии была убийственной. Они занимались подавлением вплоть до последнего времени, все жизненно важные базы накрыты, тысячи людей отправились в тюрьмы. После нашего побега я предупредил тех немногих, до кого еще

не добрались, чтобы они исчезли. Единицы… Впрочем, тебя это не очень-то волнует, верно?

- Нет, я…

- Не стоит, Дентон, я знаю – мы никогда не будем по-настоящему союзниками, и ты не примешь нашу сторону. Ты играешь свою партию – может быть, это и правильно. Как бы то ни было – я рад, что ты в порядке, - он улыбнулся по-ночному блекло и хлопнул Дентона по плечу. – Я рад тебя видеть.

- Спасибо, я тоже рад, что ты жив.

- Ты не вовремя в Манхеттене. Видел, что о тебе пишут? Довольно доступное описание, и фотография удачная – узнает любой.

- Я знаю, но есть вопросы поважнее личной безопасности. Кстати, думаю, тебя это тоже заинтересует. Где-то через несколько часов в Бруклин приходит суперфрейтор, под завязку загруженный вирусом Серой Смерти.

Глаза Мигеля сузились.

- Значит, правда… Они делают это с умыслом? Кто-то заражает людей? Как Лебедев и подозревал?

- Да. Я удивляюсь, как долго не видел очевидного.

- Но кто?

- Имена не скажут тебе ничего. Да, это заговор в высших эшелонах власти. Скорее даже, *над* властью.

- Зачем этот корабль идет сюда?

- На нем достаточно вируса Чумы, чтобы заразить целый континент. Об остальном можно догадаться.

- Времени совсем немного, - Мигель сжал кулаки.

- Да, время работает не на нас. Несколько часов на дорогу – а затем за дело возьмутся черные вертолеты. Не знаю, сколько им потребуется времени, чтобы оросить вирусом всю страну.

- Что ты будешь делать?

- Топить этот чертов корабль, конечно. Другого выхода я не вижу, - ответил Дентон, обдумывая что-то.

- Думаешь, это возможно? – Мигель посмотрел на него с недоверием.

- Не знаю. Но сделаю все, что в моих силах.

- Джесс, если ты действительно собираешься это сделать – то я неправильно о тебе думал. Черт возьми, ты идешь на доброе дело… Вот! – Мигель вскочил и, обернувшись, перешел на шепот. – Дентон, ты должен взять меня с собой.

- Это невозможно, Мигель. Я всегда работаю один. Так лучше получается.

- Я знаю, я знаю! – сердито ответил Мигель. – Не включай свою пластинку. Джесс, я так долго не был в деле, а я ведь тоже могу быть полезным! И вспомни – ты же обещал дать мне право действовать в следующий раз!

- Точно, я обещал, - пришлось признать Дентону. – Но что, тебе не хватает запаха крови? Ты по смертям скучаешь, Мигель?

- Да нет же, нет! – Мигель стал мерить шагами аллею. – Я просто хочу помочь. Ты знаешь, *чего* я хочу. Оправдать свое существование, которое утратило смысл.

- Утратило видимость смысла, которого и не было, ты хочешь сказать, - откликнулся Дентон. – Я тоже на него не претендую. Но хорошо. Может быть, я не имею права тебе отказать?

- Конечно, не имеешь, - согласился Мигель. – Речь идет и о моей судьбе. И о моем народе. О твоем народе.

- Моем... Мой народ не только... - Дентон хотел что-то сказать, но передумал. – Мигель, мне нужно встретиться с Харли Филбеном. Старик имел связи с вашим «Цветком». Мне кажется, ты должен знать, как его найти.

- Филбен? Хорошо, я попробую, если он откликнется на старый позывной.

Слепая пуля отбила кусочек гранита от края стола в дюйме от его руки.

***

В глубокую глухую ночь, споткнувшись на пороге, в коридор клиники вошел человек в темном плаще, и опустил на скамью свою ношу. Он ушел и вернулся через минуту. За ним медсестра катила носилки. Дентон помог уложить на них тело, и вместе с медсестрой покатил его внутрь.

- Как видишь, Мигель, судьба вмешалась сама.

- Да, кому-то не хочется, чтобы я еще раз побывал в деле, - Мигель скривился от боли, сжимая окровавленное плечо. – Одно радует: в больнице сейчас так много пострадавших, что здесь никто не будет интересоваться моей личностью.

- Возможно, все это и к лучшему. Ты же не думаешь, что это последняя возможность, которая тебе представляется? Что борьба на этом закончится?

- Нет, конечно, - попытался улыбнуться Мигель. – Но может быть и последней, если у тебя не выйдет ничего.

- Все получится. Ты веришь мне? – Дентон сжал его руку выше локтя.

- Черт, покажите мне человека, которого один из Дентонов не сумел бы убедить! Верю, конечно. Слушай, Джесс, я хочу тебе сказать… Я уверен, это все бред, что… - носилки тряхнуло на пороге, Мигель вскрикнул. – Дурацкие слухи, что вы не совсем люди, что вы машины убийства, запрограммированные на подавление свободы, зомби… Чушь просто.

Дентон остановился, носилки покатились дальше.

- Я еще не определился, что лучше – быть *совсем человеком*, или чем-то немного иным. Врачи позаботятся о тебе, Мигель. Береги себя и прощай. – Дентон развернулся и пошел прочь.

Глава 3
Кому придется действовать

…В смертный свой час человек один. Значит, и жить ему надо так, словно он один на свете.
Блез Паскаль

Этот бар, как и все в эту ночь, уже обладал особым смыслом. И ему ничего не поделать, и придется примириться с этим. Особым образом скрипнет входная дверь, музыка, для него предназначенная, заиграет неизбежно, и каждый камень, из тех, которыми выложен этот пол, напомнит, что носит его следы, оставленные когда-то…

Он надеялся, что избежит встречи с Шейлой – она стояла на прежнем месте, сосредоточенно записывая что-то в блокнот. Опустив голову, Дентон постарался поскорее пройти мимо, во второй зал. Но она обернулась как раз в то момент…

Встреча оказалась странной – пугающе, до дрожи странной. Она посмотрела на него, смотрела несколько секунд, потом вернулась к своим записям, и лицо ее не изменило выражения. Она не увидела его. Она посмотрела *сквозь него*.

Растворение завершено – растворение почти полностью завершено. Еще немного – и его совсем не будет для мира глаз. Дентон ощутил дикую горечь, со специей шевелящихся на голове волос. Это просто самообман. Нет, она специально проигнорировала его. Все в порядке. Нужно идти дальше.

Во втором зале было несколько знакомых. Филбен сидел в самом дальнем углу, спиной к залу, лицом к стене. Видимо,

удобная позиция, чтобы уйти в себя и остаться наедине с собой.

Дентон, не нарушая тишины, сел рядом и подождал, пока его заметят.

- Джесс Дентон? – Филбен поднял голову, по-прежнему в своем затертом зеленом пальто, неухоженный и скромный. – Что ты делаешь в городе? Коалиция оценила твою голову.

- Мистер Филбен – добрый вечер. Что, вы по-прежнему думаете, что я убил тогда командира отряда Синего Цветка на острове Свободы?

- Думаю, что правды уже не узнаю.

- Это такая же правда, как и ряд других убийств, какие мне приписали.

- Вы пришли обсуждать это со мной? – осведомился Филбен сухо. – Честно говоря, нет настроения.

- Просто не очень радует, когда тебя обвиняют в том, чего ты не делал. Делают монстром…

- Ну, святым себя изображать не стоит, агент.

- Я не убийца, как бы то ни было…

- А кто же ты? – резко перебил Филбен.

Дентон замолчал, жалея о проявленной в оправдании слабости. Ему все равно, что думает этот человек с нетвердым взглядом.

- На твоей совести много, и нет смысла отрицать это, - продолжал Филбен. – Но я не тот, у кого есть право тебя обвинять. И я знаю, в чем твоя беда, сынок. Незавидное положение. Ты уничтожил своих названных врагов, союзников твоего брата. А потом перешел на его сторону – обратив таким образом всех против себя. И став совершенно одиноким. Временные союзники будут использовать тебя, но в любой момент они могут обернуться врагами. Ты будешь думать, что борешься за правое дело, за свободу и справедливость, и не узнаешь, что безликая справедливость не побеждает – побеждает Некто, со своими целями и амбициями, своими видами на власть. Одни сменяют других – не более. А все твои беды из-за того, что ты появился в Игре слишком поздно, не посвященный в ее тайны, и спутал все карты. И ты не знаешь, что каждый, кто находится вокруг тебя, имеет свои тайны, свой второй облик, свою долю в этой Игре, которую не захочет открывать тебе. Тебя недооценили – и это делает дальнейшую игру непредсказуемой. Но каждый попытается использовать тебя – просто использовать, до определенного предела. И не более. А ты будешь страдать…

- Я как-нибудь с этим разберусь, - сдержанно ответил Дентон. – Разрешаю оставить ваши секреты при себе. Я нуждаюсь в помощи иного рода.

- Чем может помочь несчастный старик…

- Несчастный старик не так прост, верно? Двойной агент, как минимум. Мне необходимо встретиться со Стентоном Даудом.

- Это имя ни о чем не говорит мне, - пожал плечами Филбен.

- Я знаю, что он в бегах. Но не время играть в прятки. Пилот Джок мертв, а к Нью-Йорку приближается корабль, под завязку загруженный вирусом Серой Смерти. И с каждой минутой он все ближе, шансов все меньше. Вируса достаточно, чтобы поставить народ на колени, на этот раз окончательно. – Филбен замер, открыв рот. – Дауд – единственный, кто может помочь найти и уничтожить суперфрейтор. Короткая встреча – все, о чем я прошу. Тайны Иллюминати меня не интересуют.

- Иллюминати, верно… Значит, они заражают людей, и вирус создан искусственно? Это новости. Мы подозревали, что кто-то ограничивает распространение вакцины, но вирус! Дентон, конечно… Я попрошу его выйти. Сгоревший дом «Осгуд и сыновья», там остался один фундамент, возле парка, ты должен знать. Он появится там в течение часа.

- Это все, что мне нужно.

- Кстати, Дентон. Вы знаете репортера, Джо Грина? Он был частым посетителем этого бара.

- Грин, репортер? Кажется, мы пересекались.

- Это предатель. Шпион Коалиции, и тщательно скрывает это. – Филбен понизил голос. – Он находится сейчас в муниципальной клинике. Убив его, вы сделаете одолжение всем.

- А кого он предал? – спросил Дентон жестко.

- Что?

- Я повторяю, - Дентон придал тону оттенок легкой издевки. – Я не убийца. Разбирайтесь сами с вашим репортером. И насчет вашей Игры, ваших тайн… Кажется, я нашел выход. Я буду вести свою игру. И кому-то придется играть по моим правилам.

Глядя в спину удаляющемуся Дентону, Филбен переживал странное чувство. Он, оказывается, не знает ничего. И все его взгляды, проверенные временем, - чушь. Что-то не учтено, а теперь уже поздно. Борьба, которая всегда была скрытой, может перейти на явный уровень. Обнажив то, чего обнажать не хотел бы никто.

Дентон увидел Сандру Рентон, дочь владельца отеля Тон в этом районе. Она сидела, обхватив голову руками, и имела подавленный вид. Только создавалось впечатление, что ей все равно. Несчастье перешло в безучастье.

- Привет, Сандра. Плохи дела в отеле.

- Джесс? – она подняла голову и долго хмурилась, будто не сразу узнала его. – Не ожидала увидеть тебя.

- Тебе есть куда идти?

- Я позабочусь о себе, не беспокойся.

- Судьба посылает нам несчастья, но это не более чем испытания. В конечном счете, только они могут сделать нас сильнее. И самое главное – они открывают нам глаза на то, чего раньше мы не замечали.

- Что это, Джесс? – Сандра удивленно подняла глаза. – Ты ведь никогда не был философом.

- Я изменился. Немного.

- Я знаю, что-то произошло той ночью, когда сержант заставил нас покинуть отель. Кстати, я давно не видела Пола. Он ни разу не появился в отеле. Но мы никому не сдаем его номер, он пустует. Мы думаем, что вскоре…

- Пол отправился в путешествие. Долгое путешествие.

Ее глаза заблестели.

- Что-то случилось, правда? Я слышала, Коалиция преследует тебя? Но ты ничего мне не скажешь, конечно…

- Они не единственные.

- Будь осторожен, Джесс. Тебя ищут. На днях подозрительный тип расспрашивал о тебе.

- Правда? как он выглядел?

- Обычный парень. Но я уверена – это был переодетый полицейский. Назвался твоим двоюродным братом. Когда я сказала, что никаких двоюродных братьев у тебя нет, он как-то быстро исчез, я даже не успела заметить. Я сейчас припоминаю – он был действительно странен. Одет в серую куртку, черные прямые волосы. Голос странный: глухой какой-то. Искусственный…И… Хм, да это не важно.

- Нет, продолжай, - настоял Дентон.

- Нет, правда, полная чепуха. Мне на миг показалось, что он какой-то… прозрачный! – Сандра нескладно засмеялась. – Представляешь? Будто я вижу сквозь него комнату. Не знаю, что со мной тогда было. Нет, я не была пьяна…

- Будь осмотрительна, Сандра. Не упоминай мое имя вслух – нигде и никогда. Оно приносит беду теперь.

- Я не знаю, что происходит, но я уверена: ты поступаешь правильно. И пусть говорят и пишут, что угодно. Я знаю тебя.

- Да? Я сам себя не знаю.

- Джесс, я не должна этого говорить, но… я не знаю, увижу ли тебя когда-нибудь еще. Просто… иногда мне хочется взять тебя за руку и не отпускать никогда. Только с тобой я чувствую себя в безопасности, я… Ладно, забудь. – Она потухла. – Забудь этот бред.

- Это не бред… - он положил свою руку поверх ее руки, но остановился. Чья-то ладонь, тяжелая, как плита пресса, придавила его плечо. Он обернулся и сразу встал.

В лицо ему свистяще дышал парень с неприметными чертами лица, не уступавший ему ни ростом, ни шириной плеч. Он был самым обыкновенным, но едва заметная дрожь контуров его тела сказала Дентону все. Парень слегка шатался, словно от алкоголя, но взгляд холодных жестких глаз был пугающе трезвым.

- Пойдем на улицу. Нам нужно поговорить.

- Я вас не знаю, - спокойно отозвался Дентон, пытаясь угадать, какого рода засада ожидает его снаружи.

- Ты боишься? – глухо прошептал растворенный.

- Нет. Но я еще не закончил разговор. Ты можешь подождать…

Кажется, растворенный не дослушал предложение Дентона до конца. Глухой стук и звон осколков – и он рухнул Дентону под ноги, его волосы мгновенно потемнели от вина и крови. Дентон поднял глаза. Перед ним стоял небольшой моряк в зеленой парадной форме, держа в кулаке горлышко от бутылки. В этот миг незнакомец, об чью голову разбили бутылку, вдруг с легкостью вскочил и с загадочной скоростью помчался к выходу.

- Добрый вечер, сэр, – поздоровался моряк. – Меня зовут Вини. Я уже пять минут наблюдаю, как этот тип подбирается к вам и Сандре с недобрыми намерениями. Думаю, я не сделал ничего лишнего?

- Джесс Дентон, - Дентон пожал моряку руку. – Спасибо, вы очень помогли. Кажется, этот тип вас испугался.

- Можете на меня рассчитывать. Друзья Сандры – мои друзья.

Моряк вернулся к стойке, Дентон обернулся к девушке.

- Сандра, ты его знаешь?

- Конечно. Это Винни, морской офицер, мы вместе учились в колледже. Простой, но хороший парень.

- Он честен?

- Это точно. В том, что в этих грязных играх он не замешан, я уверена.

- Хорошо. Ну… прощай?

Он взял ее руку в свою. За стеной шел дождь.

Кто же ты, Джесс?

***

Молодой моряк в парадной форме ВМС США тряхнул копной рыжих волос и во всеуслышание заявил, что ему на сегодня хватит. Дентон стоял рядом и бродил глазами по первой странице газеты, кем-то здесь брошенной. Статья называлась: «Боб Пейдж снова занялся благотворительностью». На фото безупречно улыбался молодой мужчина в белом костюме, которого особенно отличали огненно-рыжие волосы. Боб Пейдж, политик, миллиардер, крупнейший промышленник и новая легенда мирового бизнеса. Где это Дентон уже его видел? Вот оно, воспоминание, на поверхности – но все равно ускользает, как рушатся блики на воде, стоит к ним прикоснуться. Дентон всмотрелся в фотографию, но, пока он вспоминал, контуры изображения Пейджа вдруг дрогнули, а краски, какими он был оттиснут на бумаге, вдруг потеряли свою насыщенность. Дентон протер глаза. Это уже просто усталость. Просто слово «растворенный» стало для него тем, чем становятся навязчивые идеи для больных – они преследуют везде, против воли.

Моряк все же передумал и поднял тяжелый сосуд с темной жидкостью. Дентон остановил руку на полпути и вернул бокал на место.

- Хотел еще раз поблагодарить вас, офицер. Если бы не ваше вмешательство, не знаю, что бы я делал.

Моряк отреагировал спокойно.

- Зовите меня Винни. Меня все так называют – даже подчиненные.

- Могу я вам задать несколько вопросов?

- Вы что, полицейский?

- С чего вы взяли?

- У вас небудничное выражение лица.

- Думаю, я неудавшийся полицейский. Но не удивлюсь, если наша случайная встреча окажется не совсем случайной. Вы здесь, несмотря на комендантский час?

- ФЕМА, сам Уолтон Саймонс выписал мне пропуск на время комендантского часа. Только чтобы убрать меня с базы и им не мешать, - пожаловался Винни. – Нас всех убрали на эту ночь. Хотел бы я знать, что они такое задумали, что нельзя видеть американским морякам.

- С какой базы вас убрали? Бруклинская база подводных лодок?

- Да… - он посмотрел на Дентона с удивлением. – Я там служу. Откуда вы знаете?

- Догадался.

- Меня выпроводили, вот я и пришел сюда повидать свою подругу, Сандру Рентон. Вы ее тоже знаете.

- Расскажите мне лучше о том, что ФЕМА делает на вашей базе, - Дентон аккуратно уводил локомотив беседы на нужные рельсы. Но моряк не лез за словом в карман.

- Уолтон Саймонс лично прилетел вечером на базу. Я спросил его – в чем проблема? Почему ФЕМА здесь? Знаете, что он мне ответил? Вы задаете слишком много вопросов, проблема, должно быть, в вас. Вот как они с нами разговаривают! И я не мог ничего сделать – Саймонс все согласовал с президентом. Если в стране введут чрезвычайное положение, этот Саймонс получит неограниченные полномочия. Но, черт возьми, он себя так ведет, словно уже ими обладает.

- Мне тоже интересно, что ФЕМА нужно на базе. Я мог бы выяснить это для вас.

- Вы? Почему…

- Я кое-что слышал. Это вроде бы связано с кораблем, который в тайне прибывает из Китая в США этой ночью. И я собираюсь узнать, что это за корабль.

- И я эту сплетню слыхал… - задумался Винни и осушил бокал одним движением. – Я не собираюсь впутываться в эти дела государственной важности. Если так нужно, я, как патриот, ничего против не имею. Но, вы поймите, - Винни доверительно склонился к Дентону, - когда какой-то бюрократ из Вашингтона, кто бы он ни был, начинает качать права и в грош военных не ставит, мне это… - речь моряка на миг споткнулась. – Мне это уже не нравится. Вы хотите выяснить, что происходит? Отлично. Я помогу вам. Мои люди будут караулить сегодня на проходной. Они вас пропустят.

- Если бы вы еще помогли мне туда добраться… Любой аэропорт или вокзал сейчас закрыт, а время не ждет.

- А почему бы и нет? – воскликнул Винни почти весело. – Есть у меня один знакомый пилот. Рискну попросить его. Пусть хоть кто-нибудь попортит Саймонсу нервы… Но вы в курсе, что я ставлю на карту? Но мне плевать – будь вы хоть шпион Саймонса, который меня провоцирует.

Дентон ответил молчанием. Потом все же произнес тихо:

- А знаете, офицер, что уже стоит на карте?

- Через два часа на крыше этого отеля рядом. Устроит?

- Еще бы, - кивнул Дентон. – Рад был пообщаться с вами, офицер, но мне пора. Дентон посмотрел на часы: прошло уже тридцать шесть минут с после разговора с Филбеном. Пора.

Когда Дентон покинул бар с черного хода и зашел за угол, какая-то тень метнулась прочь, не желая быть обнаруженной. Дентон ощутил, что именно он спугнул неизвестного. Требовалось быть начеку.

От здания «Осгуд и сыновья» остался только почерневший оскаленный остов и низкие обломки разрушенных стен: оно сгорело почти дотла. В тупичке задней стены стоял круглый румяный человек с густыми, спадавшими на плечи волосами и тонкими усами, лет пятидесяти. Длинный, похожий на дентоновский, плащ с загадочной символикой смотрелся немного нелепо на этом мужчине с внешностью гедониста. Правда, Дентон не успел хорошо рассмотреть его…

Может, позади неосторожно хрустнул обгоревший уголек, а может быть, и нет, но Дентон ощутил опасность спиной. Он обернулся и выстрелил: никто бы не понял, откуда появился в руке пистолет, не понял, как была обнаружена опасность, и совсем странным казалось, как смог он опередить того, кто хотел сегодня выступить в роли охотника, а не жертвы. За ту долю мгновения, что пробежала между ними, невозможно было свершить ничего. Только стоящий в тени силуэт с коротким автоматом рухнул лицом вниз. Дентон подошел к обезличенному телу и склонился, осветив фонариком его лицо. Одетый под манхэттенского головореза, он тем не менее не обманул бы своим лицом: серым лицом *вовлеченного*…

Дентон повернулся к незнакомцу, который должен быть Стентоном Даудом, и услышал хриплый, но твердый голос, голос старика-йога:

- Спасибо, таинственный незнакомец. Они достанут меня везде, стоит только выйти за порог своего укрытия.

- Почему заброшенный дом? Я думал, Иллюминати – банкиры, политики, члены Трехсторонней Комиссии и Совета Международных Отношений.

- Так было когда-то… Теперь мы боимся даже показаться на людях. Подумать только!

- Они так ненавидят вас? А я почему-то всегда думал, что глобальная элита, коль она есть – это нечто цельное, единое.

- Она никогда не была единой. Борьба здесь острее и беспощаднее, чем где бы то ни было в мире людей. Пощады нет, ведь пощада грозит поражением… Маджестик-12 взяли за основу ту систему глобального контроля, которая была создана

и усовершенствована нами на протяжении столетий. Только правила игры они сильно изменили – мы не были такими грубыми, мы шли на убийство только в крайнем случае. Наша беда в том, что мы умели влиять, не используя брутальных методов подавления, против которых бессилен самый развитый разум. В нашем арсенале было достаточно других утонченных методов. Но, как говорят русские, «против лома нет приема». Трудно бороться с противником, который просто собирается тебя уничтожить, стереть из памяти мира. Трудно и страшно… И мы не создавали техногенного вируса, чтобы заражать людей. Если ваша информация точна.

- Она точна. Помогите мне сделать что-нибудь, это ведь ваш корабль.

- Чертов корабль, когда-то я его любил. Если бы знать, что он принесет столько неприятностей – как и все, принадлежавшее нам и перешедшее в их руки. Они нарочно распоряжаются моим имуществом, чтобы вызвать возмущение и заставить меня сделать неосторожный шаг, показаться из укрытия. Но старик Дауд умеет терпеть… - Дауд вдруг зашелся кашлем, и Дентон только теперь заметил, что его румянец нездоровый, что это искусственное напыление на сером фоне. Серая маска…

- Что с вами? Вы больны?

- Подцепил эту чертову чуму сам… - ответил Дауд с глухой тоской человека, не привыкшего к безысходности. – Не обращайте внимания. Мне кажется, лучшее место на восточном побережье, где можно спрятать такое судно – военно-морская база подводных лодок в Бруклине.

- Да, я это уже слышал. Думаю, я найду способ туда добраться.

- Хороший, красивый корабль. Единственный способ, кхрр! - он опять зашелся кашлем, на этот раз более продолжительным. – Единственный способ избавиться от вируса навсегда – затопить корабль.

- Потопить суперфрейтор? – переспросил Дентон.

- Звучит неправдоподобно, верно? Но это можно сделать, кх, кх! Если знаешь, где разместить заряды взрывчатки. Расположить бомбы в пяти местах на швах обшивки корабля, и с помощью компьютера обратить поток в днище насоса: и корабль расколется, как банан.

- Нужно много взрывчатки, да?

- Можете раздобыть ее у Пирата…

- Вы знаете и Пирата?

- Хотя, думаю, там, на оружейном складе этой базы ее вы найдете предостаточно. А вот времени совсем мало. Торопитесь.

Дентон сделал шаг, потом вернулся.

- Вы точно в порядке?

- Я словно зависаю между небом и землей… Если вы найдете немного вакцины…

- Я постараюсь помочь, - твердо ответил Дентон. – Но после мне нужна будет ваша помощь. Кое-что прояснить в этой истории. В этом заговоре.

- Вся история – это одна долгая вереница заговоров. Это все, что я скажу сейчас. Мы встретимся с вами после того, как вы вернетесь. Если вернетесь.

И он вновь согнулся, содрогаясь от спазматического кашля.

Странный Иллюминат исчез, стоило Дентону отвернуться. Он ощутил неприязнь ко всем этим конспираторам, этим двуликим янусам, призракам-профессионалам. Нет, он не даст себя использовать.

Но для этого нужно больше знать.

На пути к норе Пирата Дентон обратил внимание на очень странное явление. Он никогда не видел, чтобы звонил телефон-автомат. Особенно, когда мимо него проходит в этот момент человек, который не должен быть здесь.

Через миг его уже не удивляло это. Дентон поднял трубку, зная, что будет жалеть об этом.

- Мы завершили передислокацию, - как с того света, услышал он голос Гюнтера Германа. – С тобой просто покончено.

«Конечно, старина». Дентон вошел в подвал логова Пирата. «Как скажешь». Он нашел запрятанный тумблер.

- Да? Пароль?

- Кровавый выстрел.

***

- Что вы делаете в Адской Кухне?

- Незаконченное дело.

Пират снял маленькие очки и надел вместо них другие, черные.

- Их я тоже носил когда-то… Значит, вы все же разобрались наконец и перешли на сторону «Синего Цветка»?

- Цветка больше нет. А я – не знаю, перешел ли я на чью-то еще сторону, кроме, может быть, народа.

- Прекрасно, если вы определили свою позицию и знаете, куда идете. Я могу чем-то помочь?

- Грузовой корабль с вирусом Серой Смерти находится на пути в Нью-Йорк.

- Это правительство, правильно? Часть какого-то эксперимента?

- Заговор в высших эшелонах власти. Отчасти в правительстве, отчасти – вне его.

- Если кто-то спросит меня, я скажу вот что: все это нужно для того, чтобы вызвать национальное бедствие и объявить чрезвычайное положение.

- Полагаю, Уолтон Саймонс может попытаться захватить власть в Вашингтоне тем или иным образом.

- Лишь одно национальное бедствие достаточной силы – все, что нужно. Это позволит объявить чрезвычайное положение в стране, реализовать механизм чрезвычайных полномочий ФЕМА, распустить Конгресс и приостановить действие Конституции.

- Именно этому я и собираюсь помешать.

- Видимо, вы не боитесь переоценить свои способности.

- Мне нужна взрывчатка, чтобы затопить суперфрейтор. ЛАМ подойдет для этого.

- Вы думаете, что сможете затопить огромное судно с помощью обыкновенных ЛАМ? – спросил Пират с недоверчивой иронией.

- Несколько зарядов, установленных в нужных местах. Поверьте мне, я знаю, как это сделать.

- Я могу продать вам ящик ЛАМ… - Пират вдруг споткнулся о взгляд Дентона, осекся. Плечи его внезапно поникли. Черт, миллионы жизней поставлены на карту, я… Простите. Конечно, я не возьму с вас денег, можете брать все, что нужно.

- Это очень благородно с вашей стороны, - Дентон положил руку на плечо Пирата.

- Мистер Дентон, для меня не менее важно, чем для вас то, что вы делаете.

- Я не сомневаюсь…

- Нет, вы не поняли меня. Вы не знаете, кем я был в прошлом, а ведь я делал почти то же, что делаете вы и Пол. Я пытался…

- Господин… Пират, я не требую от вас открывать свои тайны.

- Тайна больше, чем может казаться. И известна она только четверым под этой Луной. То есть… - Пират запнулся. –

Троим теперь. Мы никогда не оправимся от потери Пола. И вы заслужили, чтобы знать. Слышали имя Леона Вудса?

- Харизматический лидер повстанцев? Основатель «Синего Цветка», погибший в Сумеречной Зоне?

- Да, он сделал этот Синий Цветок, из ничего, потому что умел делать это. Он сделал это по просьбе одного человека, по просьбе одного из Них, тех, против кого мы боремся теперь. Им выгодна была смута в стране, а Вудс понял все, только встретив Пола. И он не умер, хотя пролежал в коме полгода и перенес восемь операций. Он не умер – он ушел.

- Вы… - не поверил Дентон, открывая в седом уставшем человеке черты другого, могучего в своей недвижности перед прыжком. – Но почему вы не вернулись…

- Я понял ошибку – и ушел в тень. Я осознал: никакому вождю на белом коне, пусть даже он заговорен, не удастся сделать больше в *этой* войне, чем никому не известному, тихому плащу на вешалке в чулане.

- В *этой* войне, - повторил Дентон.

- Да, что, вы еще не видите, что вступили в войну на уничтожение? Вы были отобраны и сотворены для этой войны… Кстати, Дентон, Форд Шик, мой друг, которого вы спасли дважды, помните? Думаю, ему есть что сказать вам.

- Мне тоже, кстати, - ответил Дентон. – Я прояснил кое-что о его тюремщиках.

- Я понял кое-что важное, - Пират провел ладонью по лицу. – Мне было тяжело бороться, потому что мы не знали, кто наш враг. Нельзя воевать с призраком, бросаясь на эхо его издевательского смеха. Но с вами все немного иначе. Вы знаете кое-что, а Пол – Пол знал многое. Разгадайте их до конца – и обезоружите их, отняв главное оружие – секретность. Выйдя из тени, война станет началом их конца. Жаль, что я слишком стар для этого – слишком устал…

Дентон оставил Пирата наедине с грустью воспоминаний, и поднялся по лестнице в спальню. Форд Шик, сгорбившись, сидел перед экраном терминала и работал. От прикосновения к плечу он дернулся, как от электрошока, и подскочил необычайно высоко для своей комплекции. Через мгновение испуг в его взгляде сменился радостью встречи.

- О, мистер Дентон! – воскликнул он. – Вот кого я действительно рад видеть. Пират говорил мне кое-что о том, что с вами случилось… Простите, ну и пугливым я стал в последние дни! Эта паранойя – она как эпидемия, она находит нас везде, и убьет раньше, чем любой реальный враг.

- Я могу понять вас. Я узнал кое-что о тех ваших тюремщиках, у которых отбил вас тогда.

- Какая-то корпорация, да?

- Секретная организация, именуемая Маджестик-12, которая ставит целью, кажется, достижение глобальной абсолютной власти, подчинение всех наций и правительств, одного за одним. Один из ее истоков, видимо, находится в Зоне 51…

- Я тоже кое-что узнал, мистер Дентон, и это будет вам интересным. Это *вас* касается.

- Да? Уже не удивляет, что меня касается все, с чем бы я ни столкнулся.

- Нет, серьезно. В той корпорации я работал с тканями, имеющими кодовое название JCD. JC Denton.

- Думаете, это мои ткани? Что я был чем-то вроде стандарта для нанобиологов?

- Реакции этих тканей очень отличались от обычных.

- Так кто же я? Мутант?

- Все гораздо серьезнее. Я уверен, что у вас есть Серая Смерть, и утверждаю, что она была у вас годами.

- Что? У меня Серая Смерть? – не поверил Дентон. – Но я же ничего не чувствую.

- Вот именно. Ваш организм уникален в том, что он не реагирует на вирус. Точно так же, как он выдерживает наноимплантанты, он носит и чуму. Вспомните, ведь наноимплантанты тоже убивают обычного человека. Это натолкнуло меня на интересную мысль… Что, если этот вирус, Серая Смерть, имеет тот же принцип устройства, что и ваши имплантанты?

- Принцип включения-выключения?

- Именно. Пока я не могу сказать большего, по той простой причине, что большего я не знаю. Но я читал описание. Способность вашего тела выдерживать наниты была признана уникальной, и в случае успеха проекта планировалось клонировать ваш организм… в количестве нескольких тысяч.

- Несколько тысяч моих копий? Что за… - Дентон похолодел от непонятного страха.

- Я знаю, звучит не очень приятно. Но… может, я что-нибудь понял не так?

- Послушайте, Форд. – Дентон сделал акцент, заставляя сосредоточиться. Вы, первый, с кем я обсуждаю то, что происходит со мной – происходит со времен Академии.

Происходящее страшит меня. Но я не боюсь посмотреть правде в глаза. Нет, просто – правды никто не знает.

- Никто, - кивнул Форд. – Кроме создателей.

- Но тому, кто скажет мне правду, я не отвечу ни словом упрека. Я *хочу* знать правду. Это самое большее, чего я хочу.

- Я хотел бы сделать это для вас, если сумею… - сказал Форд Шик. – Но я так слаб, так уязвим. Зная вас, думаю, вы сами сможете выяснить гораздо большее.

Дентон попрощался с обитателями логова, прошел лестницу, все семнадцать ступенек, прошел серый пыльный коридор и – замер. Потом бегом вернулся назад.

- Что-то забыли? – спросил Пират, еще не зная угрозы.

- Нет. Я виноват перед вами. Я забыл сказать…

- Какая-то опасность, да? Кто-то следует за вами?

- Коалиция начала облаву. Охоту на меня, де-факто. Думаю, они не последуют сюда, но не мешает принять меры предосторожности.

- На вас нет каких-нибудь жучков, которые приведут их прямо сюда?

- Нет, Эхо вышло из строя. Ноя засветился перед солдатами.

- Спасибо за предупреждение. Идите, у вас мало времени.

Мало времени… Эхом отозвалось стальное небо.

- Думаю, времени теперь всегда будет мало.

- Используйте черный ход, чтобы избежать опасности.

- Хорошая идея, но – не в этот раз. Сейчас я иду в лобовую.

Рывком распахнув дверь, выводящую из подвала, Дентон одним прыжком оказался наверху. Густое и в то же время разреженное кольцо фигур в форме защитного цвета (а защитным в эту ночь был темно-серый, со стальным отливом) не дрогнуло перед актом уничтожения. Они, правда, удивились, что все вышло так просто. И не поняли, какая ошибка совершена.

***

Черная тень взлетела мощным прыжком – и исчезла. Затем свистящая ракета с белой вуалью упала среди залегших в ожидании солдат – и охватила их всех облаком удушливого дыма.

Дентон коснулся земли и сделал несколько выстрелов, опережая противника на неуловимые доли времени. Нельзя сказать, чтобы он хотел этого. Но выбора не осталось.

Солдат Коалиции, еще не утративший сознание, пытался уползти в чистое пространство, надевая газовую маску. Дентон остановил его жестом.

- Правило номер один: никогда не концентрироваться в одном месте, если это не наступление. Кажется, Саймонс не очень позитивно влияет на вашу боеспособность как шеф агенства, верно, ребята?

- Мы просто не до конца учли, с кем имеем дело. Мы были обречены на успех, - устало ответил солдат, поднимаясь на ноги. – В следующий раз нужно заминировать весь дом.

И он, и Дентон, окутанные легкими остаточными серыми дымками, кажется, совсем не замечали пустоты и вымершей безлюдности вокруг, которую не изменила даже короткая вспышка насилия. И не удивлялись этому.

- Дом? А может, сразу район? – Дентон изменил тон. – Где Гюнтер?

- Он не успел с нами. Полетел во втором эшелоне. Думаю, он уже где-то здесь. Так или иначе, твое коварство тебя не спасет.

- Я не могу ждать Гюнтера. Но я должен поговорить с ним. Передай ему это.

- Я передам… Но вряд ли он будет слушать.

- Уходи отсюда, забирай своих товарищей. А лучше – уходите из Коалиции, если вы воюете не только за деньги. За своих товарищей не беспокойся. Никто из них не убит. Они усыплены на несколько часов под действием газа, двое ранены в руки. Я не убиваю без необходимости. И ты не должен.

- Сколько цинизма должно быть у человека, на чьей совести столько, чтобы говорить такое… - боец усилием выдавливал из себя презрение.

- Не всегда верь тому, что тебе говорят, дружище. Ты бы разобрался, обдумал то, что видишь. И то, что от тебя прячут…

Едва уловимый отдаленный шум вертолета услышал только он.

- Мне пора идти. На встречу с костлявой старухой в маске по имени Серая Смерть. А ты – береги себя.

Дентон повернулся спиной и быстрыми шагами стал приближать к себе отель. Дентон знал: солдат может выстрелить ему в спину. Но он знал и другое: не выстрелит тот, кто хоть на миг усомнился.

Пилот в черном берете поторапливающе махал рукой за стеклом кабины, побуждая ускориться и показывая на часы.

Дентон сел рядом и пристегнул ремень безопасности, чего не делал никогда. Пилот в форме морпеха повернулся к нему.

- Ты ведь тот парень, которого Винни просил перебросить к базе субмарин в Бруклине, к южному входу?

- Это я.

- Должно быть, у тебя что-то важное, если тебе так срочно туда нужно, вместо того, чтобы спать. Лично я предпочитаю ночью спать – никогда не понимал этих любителей ночного существования. У меня потом голова болит, если ночью не высплюсь… Ладно, не будем терять времени, договорились?

Дентон не ответил, глядя на что-то за окном. Потом остановил пилота.

- Подождите.

Над краем дома, подтянувшись на поручнях пожарной лестницы, появился Мигель-покоритель крыш. Став на крышу, он пошатнулся, потом нетвердым шагом приблизился к вертолету и, не дожидаясь приглашения, втиснулся в кабину и скомандовал:

- Теперь можно лететь.

- Мигель, ты уверен, ты уверен, что стоит это делать? Ты неважно выглядишь.

- Это не худшее положение, в котором мне приходилось действовать.

Вертолет уже завис над серыми улицами, готовый к рывку, когда Мигель сказал, вздохнув:

- Джесс, у тебя бывали интуитивные предчувствия?

- Иногда.

- Я хочу сказать тебе… Я знаю, что не вернусь из этого приключения. Я знаю это. Но, как ни странно, это не устрашает меня. Не волнует ни на миг, черт возьми.

Я устал существовать…

Глава 4
Кого ночные голоса не потревожат

В знак победы платье цветное наденешь.
Победа была, а бой будет. Не смогут
Тебя победить. Но выйдут биться с тобою.

Николай Рерих

Ночь – и слышен ее шепот.

Сверчки нарочно пели так громко, сверчки хотели немного внимания. Хотели быть замеченными. В холодном мире Ночи их давно не замечает никто. Может, потому, что здесь никого нет? И не было?

Вертолет выбросил их на заброшенном футбольном поле и улетел, чтобы его присутствие не обнаружили.

- Я чувствую присутствие воды неподалеку, - сказал Мигель. – Я люблю это присутствие. Мой род берет начало от карибского пирата, и мне иногда кажется – из меня бы вышел неплохой пират.

- Возможно, - ответил Дентон бездумно.

Дентон чувствовал другое. Что-то, похожее на Агрессию в недрах Версалайф возле Универсального Конструктора, только слабое, почти неуловимое. Память дыма прошлогоднего костра…

Дентон вырвал вентиляционную решетку, и они проникли за Стену, оказавшись на территории Базы. Дентон выпрямился во весь рост и, несмотря на немой протест Мигеля, пошел прямо на часового.

- Этой ночью люди на нашей стороне, Мигель. Пусть даже сами они этого не подозревают.

Увидев приближающихся незнакомцев, часовой в каске остановился.

- Стойте там, где я могу вас видеть.

- Кто требует?

- Это закрытая территория военной части.

- Спокойно, боец. Тебе знакомо имя Винни?

- Конечно, - страж опустил автомат. – Ты, стало быть, Дентон? Парень, о котором говорил Винни? Просил тебя пропустить?

- Да, я и мой друг…

- Это здорово, что ты пытаешься что-то выяснить. Я дам тебе ключ от ворот на входе, пусть делают со мной, что хотят. Часовой у ворот пропустит тебя, но база сегодня занята людьми из ФЕМА. Не рассчитывай на их гостеприимство. Они сейчас на красной тревоге – не знаю, почему. Но стрелять будут на поражение.

- С чем это связано? – спросил Мигель.

- Еще раз говорю – не знаю. Но здесь явно что-то не так. Хотел бы я знать, что за дела они собираются иметь с этой азиатской мафией.

- Азиаты?

- Говорят, этот огромный корабль, который прибыл около часа назад, китайский. Не удивлюсь, если вся эта суета связана с ним.

Дентон обернулся к Мигелю.

- Они здесь уже. Нужно спешить, чтобы не было слишком поздно.

- Это ведь вы прилетели на вертолете? – спросил страж. – Наверное, из какого-то оборонного ведомства?

- Коалиция. Если вы услышите что-то неладное, лучше держитесь в стороне.

Удаляясь, они услышали фразу, не обращенную ни к кому конкретно:

- ФЕМА сильно просчитались, если думали, что мы будем подчиняться приказам слепо. То, что ты носишь форму, совсем не означает, что ты какая-то машина. Что-то не можешь думать… сам.

Ворота отошли в сторону, открывая путь во враждебный мир. Дентон и его спутник переступили незримую черту, и Дентона снова удивило ощущение присутствия – ощущение музыки. Тихой, односложной – но такой, что с не меньшим успехом могла быть рождена на краю черных дыр в парсеках от Солнца, на темных и холодных границах галактики. Она подступала мягко и грустно, как предупреждение о Трагедии, которой не избежать, как песня космонавта в далекой черноте, который знает, что уже не вернется.

Дентон обернулся, внимательно посмотрел в лицо Мигеля. Нет, тот явно не переживал сейчас подобного, не замечал ничего. Это удел его, Дентона, удел чувствовать пение этого мира. Всегда грустное, всегда на забытых, утраченных языках. Чувствовать старость этого мира. И страдать, ибо тоска мира – его тоска.

- Почему ты смотришь так… странно? – насторожился Мигель.

- Ничего, но лучше бы ты пригнулся, и шел осторожнее. Внутри периметра патрули везде. И нужно уяснить вот что: уяснить сложность нашей задачи.

- Я сказал бы – невозможность. Мы фактически идем на самоубийство, Джесс. Хотим волосинкой распилить кусок бетона. С таким же успехом можно было восстать против мира, головой пробивать броню…

- Достаточно, Мигель. Вероятность успеха мала, но она есть, если придерживаться определенного правила – исчезнуть.

- Куда?

- Стать невидимками, я имею в виду. Единственный способ исполнить замысел – не быть обнаруженными, нигде и ни разу. Один сигнал тревоги погубит все, в открытую мы обречены.

- Я не готов к этому, и не умею, наверное. – Мигель вздохнул. – Возможно, ты был прав, когда не хотел брать меня с собой. Я…

- Теперь уже поздно. Подожди здесь, в густой тени у ворот, пока я осмотрюсь.

База, видимо, была огромна, и спрятать в ней грузовой корабль не составило труда. Приникнув к утоптанному рыжему грунту, Дентон видел вдали большое складское помещение, словно пустую раковину гигантской морской черепахи, соединенную со своим близнецом поменьше. А в стороне – маленькие домики с черными окнами. Они шептали: в нас ты ничего не найдешь. И они шептали: поищи…

Войдя в незапертую дверь, Дентон включил свет, и прогнал все загадочное очарование сумрака. Внутри дом оказался уютным и необычайно чистым. В углу стояла кровать, на которой никто не спал, в центре пространство занимали два тяжелых письменных стола, совершенно пустых. Вдоль стены – шкаф с книгами. Дентон перебрал несколько книг. Эдвард Ноэлл «Нанотехнологии: несколько моментов, на которые никто не обращает внимания». Тактика войск Коалиции в особых условиях. Медиавойна. Такие знакомые устав Коалиции и брошюра «Проект Призрак – Черный Вертолет». Почерневший от времени томик Вольтера и расшитый золотом «Дом Киоко» Мисимы.

Кто-то жил здесь время от времени, но вот что странно: ни одной фотографии, ни одной оживляющей мелочи, вроде тапочек под кроватью, или забытого листка из блокнота, любимой статуэтки… Как будто у обитателя этого дома не было лица: его придумали, чтобы обмануть ночного грабителя…

Дентон подошел к массивной рельефной двери, ведущей в смежную комнату, уже зная: она будет заперта, ибо ей есть что скрывать. Напрасно было искать ключ, но и уйти он уже не мог.

На взлом ушло около получаса. Мигель, наверное, уже не находил себе места. Дентон толкнул дверь, включил свет: совершенно пусто, предельно деловая обстановка кабинета: только портрет президента Мида, стул и стол с включенным терминалом. Черные стены.

Рядом с терминалом мерцала сине емкость с данными, две строчки.

Доступ к терминалу:

Логин: Уолтон Саймонс

Пароль: cgrouphead

Неосмотрительно оставленные строки… Кажется, Дентон знал, чей это домик. Но ему никогда не пришло бы в голову. Из раскрытых дверей сразу повеяло холодом.

Уолтон Саймонс, глава ФЕМА. Кто ты, человек с заурядной фамилией Саймонс? Наверное, ему не узнать этого никогда.

Дентон вошел в систему и начал просматривать директории. Здесь его интересовало ВСЕ.

Директория «Боевая группа Маджестик-12».

Личный состав:

Командир и координатор: Уолтон Саймонс. Досье: нажмите здесь.

Первый помощник: полковник Мерит Нико. Досье.

Глава информационного отдела: агент Шерман. Досье.

Джозеф Мандерли Рыцарь-Убийца. Досье.

Гюнтер Герман. Досье.

Анна Наварре. Досье. Аннулирован.

Отдел особых операций: Пол Дентон. Досье. Аннулирован.

Подготовлен к включению на 2053 год:

Джесс Дентон. Аннулирован.

Основа будущего миропорядка и средство ее достижения. Дентону хватило ума понять, что эта группа – лишь орудие. Она не дает выходов на истинных игроков, манипуляторов нитей в кукольном театре. Она и не может давать.

И пройдя все грани, и распутав каждую нить, пройдя по ней до конца, и разгадав последнюю тайну, знай: ты только подошел к загадке. И останется нечто нераскрытое. Но хуже всего то, что это нечто – оно и есть самое главное.

Непонятно было, почему эта база данных оказалась здесь, и кому она была нужна. Дентон пытался скопировать все директории, но напрасно: информация была защищена как следует.

И тогда, зная, что времени уже нет, он поспешно открыл ту заветную директорию, которая интересовала его более всего. Нет, не Саймонс…

Агент по особым операциям Пол Дентон. Нажмите здесь.

Пол – мужской.

Уровень доступа – всезабвение.

Год рождения – 2027. Место рождения – Зона…

Дверь не скрипнула, но ветер парализующей опасности прошелестел по чувствительной коже. Дентон поднял голову: в дверях стоял Уолтон Саймонс. В дверях стоял Страх.

***

Дентон поднялся. Саймонс прошел мимо, не очень твердо, к тумбочке в углу.

Дентон знал, что можно ожидать от этого… человека. Увидев горящий свет и взломанную дверь, Саймонс уничтожил бы незваного гостя в течение секунд.

Но Саймонс просто прошел мимо. *Саймонс не видел его.* Шатаясь, он провел рукой по лицу, продолжая что-то на ощупь искать в тумбочке.

Он не видит его. Он ничего не видит. Дентон вспомнил разговор Хайми Риеза и Саймонса в Коалиции. У Саймонса были какие-то проблемы с биоэнергией. С глазами.

Дентон стоял недвижно, зная, что отсчет ведется в секундах. Он может убить Саймонса сейчас, и, быть может, предотвратит этим много будущих бед. Иначе тот обнаружит присутствие Дентона, что означает крах всего замысла.

Да, он может преодолеть парализующий страх. А о жалости и законах чести с этим монстром речь не шла.

Но. Он не может его убить. Слишком многое еще не узнано. Слишком опасно делать то, о чем пожалеешь. Часто только один разум хранит нужную тайну. Нельзя исключать и это, излучающее подавляющую волю и страх существо.

Дентон сделал шаг, скрипнув нарочно. Саймонс обернулся и посмотрел в его лицо странным невидящим взглядом спрута. Страшный сокрушительный удар в голову бросил его на стену. Аморфное тело сползло на пол. Дентон хотел взять его и перетянуть под стол, но передумал: что-то удерживало от прикосновения к этому телу сильнее воли.

- В их распоряжении есть несколько часов, даже если Саймонс восстанавливается быстрее гидры.

Глава 5
Кто уйдет, а кто останется

Дни человека, как трава,
Как цвет полевой, так он цветет.
Пройдет над ним ветер, и нет его,
И место его не узнает его…

- Мигель, мне нужно, чтобы ты попытался достать оружие. – Дентон показал на низкое серое здание, какое-то слишком унылое, дождливое в сухую погоду. – Это оружейный склад. Попробуй проникнуть туда, но ни в коем случае не подними тревогу.

- Какое оружие необходимо?

- Ракеты. Гранатометы или ручные противотанковые орудия были бы лучшим вариантом. Я постараюсь пока отключить систему безопасности. Справишься?

- Думаю, да. Где мы встретимся?

- Я сам тебя найду.

Мигель скрылся из виду. Ему потребуется не один час, чтобы выполнить просьбу Дентона. Достаточно времени для него, чтобы вихрем пролететь, ворваться на корабль и перерезать зверю горло… Не вмешивая в это того, кому не стоит вмешиваться.

Сонные солдаты, пустые комнаты, ничего не значащие сообщения. Дентон пересек огромный зал, заполненный стальными ящиками, единственными обитателями которого было несколько поздних рабочих – механиков в оранжевой униформе. Дентон выбежал с заднего хода здания и замер: по открытому пространству перед входом в доки ступали огромные роботы, ощетинившиеся пушками горы из стали. Дентон осознал: только то, что он невидим на время, позволяет сделать то, чего не сделает никто другой. Но этим он обязан не себе. Его личной заслуги нет. Никакой.

Но уязвимость вернется в любой момент. Дентон ускорил бег, и так молниеносный. И нырнул в подземные тоннели канализации. В привычный для него мир.

Мерцающее тьмой, истекающее холодной влагой, вязким страхом подземелье. Поскорее бы выбраться отсюда…

Он вылез на свет с другой стороны и оказался в маленькой комнате, разделенной стеной, на которой стоял цветок. Дентон открыл дверь и прошел в помещение, полное мерцания экранов и аппаратных огней. Перед экраном сидел солдат в форме моряка. Он обернулся и спокойно произнес:

- Ты Дентон, правильно?

- Как…

- Ребята связались со мной. Винни и другие. Должен кое-что сказать тебе.

- Я слушаю.

- Хм… Ты обречен – так, чтоб знал. Но мы прикроем тебя, если что.

- Вы доверяете мне больше, чем приказам командования?

- ФЕМА нам не командиры. Как и Уолтон Саймонс, о котором мы вообще ничего не знаем.

- Я выяснил, что делает здесь ФЕМА. Их цель – обеспечить секретность и разгрузку корабля, пришедшего из Гонконга.

- Да, корабль стоит на закрытом причале, вход туда начинается за моей спиной. По этой дороге ты выйдешь к нему. Но опасайся ночного патруля.

- Корабль привез в Нью-Йорк вирус Серой Смерти. ФЕМА начнет его распространение благодаря вертолетам в течение считанных часов.

- Я ожидал услышать что-то подобное, но это… Я очень надеюсь, что ты ошибаешься.

Дентону показалось, что этот человек сейчас заплачет.

- Кто-то из ваших есть на корабле?

- Смеешься? Они не подпускают к нему никого на расстояние выстрела.

- Это к лучшему, - кивнул человек в черных очках. – Боюсь, многих покроет вода этой ночью.

***

Мигель перешагнул порог пустого склада арсенала, умело обойдя охранника. Охранник остался на улице, за дверью. Мигель удовлетворенно потер руки, радуясь, что ему все так легко удалось. Но радость его улетучилась, как воздух из легких. Здесь было что-то…

Вдоль стены стояли стеллажи с оружием и чернели закрытые двери. До этих стеллажей близко – но нужно, чтобы достичь их, пройти вдоль всего здания, где лишь сквозняк играет над выцветшим дном. Глаза Мигеля приковали *огни*.

Огни, красные и желтые, мерцали над головой, и вращались в совершенном молчании, изменяя конфигурацию пространства. Вращались вокруг своей оси. Красивые огни. Как чьи-то жадные глаза. Как пойманные звезды. Как дьявольское колесо Вечного Повторения. Безмолвные огни.

Это безмолвие бытия.

Мигель присел, не отрывая взгляда от рисующих кольца лучей. Его душа словно выцвела вдруг и наполнилась невыразимым спокойствием.

Невыносимым спокойствием.

От этого спокойствия ему стало даже радостно. Если бы он испытывал такое состояние всегда, то его в этой жизни ничего не могло бы испугать. Когда не о чем жалеть. Когда некого любить.

Когда не на что надеяться?

Мигель встал и спокойно прошел к фонарям, упиваясь своей застывшей свободой.

В смерти нет ничего страшного. Смерти нет. Ничего нет.

***

Коридор, сделанный из потемневшего дерева, возможно, еще тогда, когда матросы ходили здесь с лентами в фуражках, вел к решетчатому окну, а потом спускался к воде.

Дентон осторожно заглянул в окно. Суперфрейтор «Уолл Клауд» в жизнерадостных красных тонах заслонял весь горизонт, не охватываемый одним взглядом. Внизу, вдоль причала, патрулировали несколько солдат Маджестик-12 в черном. От причала на корабль вел длинный подвесной трап.

И опять грозной неоформленной тенью навалилась на него агрессия, теперь гораздо сильнее. Чтобы не оставить в его душе камня на камне. Он был уверен: она направлена именно на него, равнодушная ко всем остальным. Их объединяет что-то…

Дентон усилием воли тряхнул головой, выходя из ступора, и увидел, что смотрит в глаза одного из стражников в черном. Он обнаружен – неисправимая ошибка.

Прыжком он выбил стекло и вылетел на причал, сделав выстрел в воздухе, и коснулся земли возле мертвого солдата. Вдоль линии берега стояли еще трое черных часовых. Ровно три выстрела, словно выбивание монет на лету в Академии, с пятидесяти метров… Универсальная машина убийства. Кем-то взлелеянная.

Дентон присел между ящиков и посмотрел вверх, в сторону палубы Уоллклауда. Она была так высока и окружена настолько высокими бортами, что появлялась надежда: столкновение осталось незамеченным. Тишина шипела над водой, как кипящее масло. Он подождал еще несколько минут, глядя в темные решетчатые окна далеко над собой, ощущая чей-то недобрый взгляд. Затем сбросил тела в воду. Осталось набраться решимости перед броском.

Он резко обернулся на вибрацию шагов и увидел нетвердо идущего Мигеля.

- Ты сделал это? Ты прошел мимо охраны? – изумился Дентон.

- Нехорошо было с твоей стороны пытаться бросить меня там. В который раз оставить…

- Прости. Я хотел обезопасить тебя от того, что не является твоим роком. Но, вижу, сильно тебя недооценил.

- Недооценил? Черт возьми! – Мигель взмахнул рукой. – Да я это сделал на последнем напряжении сил, едва удалось… Ты, Дентон, видимо, сделан из стали или другого тугоплавкого материала. Я чуть не умер от страха пару раз, пока шел сюда.

- Да нет, Мигель. Я начинаю убеждаться, что слишком многое о себе думал. Ты свершил гораздо больше, чем я. Ты прошел сам, не используя ничего, как дикарь в долине змей.

И это ты не знаешь, что такое страх, добавил он про себя. Ты не видел Универсального Конструктора. И Саймонса.

- Но теперь, надеюсь, я доказал, что меня можно взять в дело?

- Разумеется, Мигель, - они зашли за ряд стальных ящиков высотой в человека.

- Тогда, может, расскажешь, что именно мы должны сделать?

- Времени мало. Но ладно, - Дентон достал планы корабля, начерченные от руки Даудом. – Вот это, - он указал на один из планов, - нижние палубы. Мы должны будем найти ключ к ним. Отмеченные крестиком точки – места в обшивке корабля, которые нужно заминировать. Всего пять. Потом в насосной, вот она, с помощью компьютера обращаем водяной поток в противоположную сторону.

- С компьютером обращаться я умею. Полугодовой спецкурс в Алабаме…

- Думаю, это я сделаю сам. И если найдешь где-то маленькую канистру с Сомой, дай мне знать – нужно будет взять с собой. Один человек просил…

- Пять мин может разрушить такого монстра? Не очень-то верится.

- У нас нет в распоряжении ядерной бое…

Выстрел, как крик, швырнул Дентона на Мигеля. Он безвольно раскинул руки и упал на бетон. В тот же миг Мигель метнул нож в снайпера, лишив его жизни. Еще один нападавший умер мгновением позже, схватившись за рукоять на окровавленной шее. И все. Причал вновь стал пустынен.

Мигель вернулся к телу Дентона, и застыл, глядя расширившимися от шока глазами, чувствуя подступающую тошноту и крик.

- Нет, Джесс… - прошептал он. – Ты не можешь умереть. Ты не должен…

Мысль о том, что Дентон может умереть, не укладывалась в голове Мигеля. Он полагал на него столько надежд, и чувствовал, что летит в пропасть отчаяния, тщетно пытаясь уловить пульс. И – нечто еще… Рыдание, рвущееся из груди и

остановленное глубоким вздохом. Нет, не просто человеческая жалость и боль. Нечто большее – нечто иное.

- Нет, не теперь! – Мигель скрипел зубами. – Я знал, что ничего не получится.

Пуля прошла в грудь навылет, и тело остывало на удивление быстро. Он мертв, безусловно.

Мигель посмотрел вокруг черными глазами, сухими, как тысячелетний папирус. Положил в карман карты корабля, потом обыскал тело и перекинул через плечо два термооптика. Он умеет ими пользоваться, хоть об этом никто и не знает. Пистолет… Пистолет – источник шума. Мигель провел ладонью по десяткам стальных пластин под курткой. Пистолет ему не нужен.

Мигель понес тело к воде, но остановился на краю. Вернувшись, он открыл люк канализации, и бросил тело на черное дно. Потом закрыл крышку, издав громкий лязг из невозмутимого металла.

- Прости и прощай, Дентон. Я не могу больше думать об этом.

Он крадучись приблизился к трапу и начал подниматься на палубу.

Мне страшно, черт… - шептал он. – Этот корабль проклят. Мне крышка, я знаю. Но… только бы получилось! Если бы получилось…

***

Офицер в форме китайского флота вошел в кабинет. Так и есть, сообщение пришло. Команда к действию.

Он щелкнул тумблер коммуникатора и встретился с трехмерным изображением Уолтона Саймонса.

- Капитан Жао, наши планы изменились. Усильте безопасность и объявляйте боевую тревогу на корабле. Возможно вторжение диверсанта. Начинайте разгрузку немедленно. Вертолеты должны начать распространение вируса в течение часа. Я хочу, чтобы операция была завершена до рассвета.

Капитан включил переговорное устройство и собрался покинуть каюту, но остановился, взглянув на экран своего терминала. Пришло письмо, которого он ждал несколько дней. Он опустил радиостанцию. Несколько секунд ничего не решают.

«Лю Жао

Дорогой папа!

Я по тебе очень скучаю, уже начала скучать через час после того, как ты уехал. Мама сказала, что ты уехал далеко за море и привезешь мне какой-то сюрприз. У меня тоже есть для тебя сюрприз. А еще мой котенок порезал лапку и не может ходить.

Я тебя люблю, твоя Лю».

Капитан Жао обернулся к двери, о чем-то задумавшись. И рухнул, как мешок, чувствуя холодную и очень острую сталь в остановившемся сердце.

Мигель вошел и увидел раскрытую книгу. Он ни за что бы не стал читать эту страницу нарочно, но буквы, символы, слова, значения выделялись на белом бумажном полотне так явно, рельефно, призывно…

«*Джекоб осмотрелся и подошел столу. «Игра проиграна, если на шахматной доске остается один король», - вспомнил он слова доктора. Все ушли, покинули его, оставив в насмешку коробку с шахматами. Джекоб открыл ящик шкафа, достал из ящика сверток, завернутый в белую материю, и извлек пистолет. Пора делать следующий ход*».

***

Что-то пошло не так.

Мир был сотворен из ничего. Жизнь пустила корни на груди смерти. А перед этим – перед этим прошла вечность.

Смерть была обманута. Вживленные Тонгом имплантаты делали свое дело, исцеляли его медленно, но верно, излечивали то, что в обычных условиях неизлечимо. Ткани срастались и восстанавливались, рана затягивалась, кровь находила прежние пути.

Но, открыв глаза, Дентон не ощутил ничего, похожего на облегчение. Сосредоточенность перешла в апатичную пустоту, когда он вспомнил, что произошло.

Он погиб и воскрес. Но это не имеет никакого значения теперь. Это не важно, когда важного не вернуть.

Дентон вернулся к жизни, но, открыв глаза, он знал: что-то пробудило его, что-то *вне его*. Там, на корабле. Немой крик.

В следующий миг Дентон вскочил на ноги, дрогнув от слабости. Крик был отнюдь не немым. Там, над землей, дрожали стены и разрывалась сирена. Найдя в ледяной скользкой темноте канализации лестницу, Дентон выбрался наверх и сразу был отброшен обратно мощным толчком: земля дрожала, как в лихорадке.

Это дрожал корабль. Смертельно раненный зверь, в последней конвульсии терзая все вокруг.

Поднявшись на ноги вновь, Дентон не сводил с корабля глаз.

У него получилось? Он сделал это??

Корабль сильно накренился влево, сокрушая все прибрежные сооружения и сметая в небытие соединительный путь. Потом ушел в другую сторону и, отдалившись от берега, частично погрузился в черную воду, которая начинала бурлить и образовывать воронку.

- Мигель... - вселенским криком разнесся к самым звездам его шепот.

Корабль наклонился сильнее, огромное горло океана начало засасывать его туда, откуда не возвращаются. Неведомо, какие трагедии творились внутри, в недрах этого колосса за последние часы, и какие творятся теперь, в последний миг. Кто-то был невиновен, кто-то не знал. Кто-то, возможно, пожалел. Если бы выбор существовал… Но выбора нет.

Суперфрейтор провалился почти по верхние палубы, волна затопила причал и отхлынула. Дентон услышал полный отчаяния последний крик – и узнал этот крик.

- Ты сделал это, Мигель, - прошептал Дентон, вспоминая. Террорист-уголовник. Враг, преградивший путь на базе Лебедева, с лицом того, для кого не было ничего святого. Жалкий беглец с сорванной маской под ветром острова Свободы. Безликий один из миллионов в парке Манхэттена. – Нет, ты совсем не такой, и никто не знает… Ты умер, чтобы узнать.

Человек играет. Человек принимает образ, которого от него требует реальность – хрупкая оболочка *ничто*. Но он играет не всегда. Лицо открывается в тот миг, когда рушится все вокруг, и не перед кем больше притворяться. Этот лик может быть уродливым – или прекрасным, облученный светом бесстрашия. Когда решение свершить невозможное принимается в течение мгновений. Когда некто одерживает самую великую победу за все свои жизни – победу над собственным страхом. И смерть отступает на время, озадаченная. Ей уже не интересно взять свою жатву, она отступает и ждет, чтобы видеть то, чего ей не часто приходится видеть.

Но судьба дает человеку спокойно плыть, избегая крутых углов и безысходных решений. Почти всегда – но не всегда.

Человек никогда не знает, на что он способен. А способен он на все. Нужно порадоваться за него… Жаль только, что об этом никто никогда не узнает…

Дентон ощутил подступающее к горлу, удушающее чувство, настолько живое, что он засмеялся бы сейчас в лицо Саймонса и его растворенных в мире темных спутников.

- Все уходят, Мигель. Но не многим выпадает счастье уйти так, как ты. Тебя будут помнить… Нет, тебя не будут помнить. Твоя смерть останется неизвестной, скрытой под покровом ночи и списанной на невидимую войну. Но их память тебе и не нужна. Она недолговечна, призрачна, несправедлива. Мы будем смеяться вместе. Однажды…

Дентон глубоко вздохнул. Он будет помнить. Последняя спичка догорит однажды в память о за ночь рожденном герое.

О скорбном рыцаре проклятого века.

Дентон смотрел на воду до последнего, пока вода не обрела прежнее невозмутимое спокойствие и не похоронила этой невозмутимостью последнюю надежду. Потом порывисто обернулся, как оборачивается оборотень после превращения. Удивляло, что еще никто не появился на берегу за то долгое время, за которое стираются письмена на камне… Дентон почти оглох от панического воя сирены.

Да нет, не панический. Насмешливый, рассекающий нервы, как плеть дьявола. Все двери, которые могли бы стать выходом, наверняка заблокированы по сигналу тревоги. Выбраться не удастся?

Дентон пробежался вдоль стены, чувствуя, как твердость возвращается к конечностям, и нырнул в темный проем какого-то подсобного помещения. Спиральная лестница уводила куда-то очень высоко, но это его не остановило. Путь уперся в глухой тупик, а немного над головой чернел проем вентиляционной шахты. Подтянувшись на руках, Дентон пополз на коленях вперед, не замечая ничего вокруг. Потом остановился. Впереди, шагах в сорока, на него в упор глядел маленькими глазками робот-паук, призывно постукивая металлической лапкой.

- Ну, что ты уставился на меня, тварь? – Дентон с отвращением выстрелил впереди себя и стрелял до тех пор, пока робот не разлетелся на осколки.

Еще немного тесноты – и он выпрямился в округлой тусклой шахте. Прямо над ним неторопливо вращался винт, между его лопастями время от времени появлялись звезды. Опасно: немного не рассчитать, и его перережет винтом. Возможности ошиб

иться дважды нет – никогда нет. Его начинало утомлять такое положение вещей. Но ведь там – звезды…

Дентон прыжком выбрался на крышу и посмотрел в небо над собой. Корабль уничтожен – это самое главное. Это должно радовать.

Он увидел далеко-далеко лежащую землю, нелепые скелеты деревьев, смешные бегущие силуэты... Как отсюда уйти – об этом еще предстоит подумать. Но это не основной вопрос. Главное – куда идти теперь? Дентон остро ощутил свою слабость и беспомощность.

Все уходят. Близкие люди и те, кто стал близким внезапно. Враги и едва знакомые люди. Но все – связаны с его судьбой. Все знают что-то, что важно знать и ему. И все уходят. Пол. Джок. Мигель. Их не вернуть.

Это несправедливо. Так же несправедливо, как и то, что умирают те, кому он приносит смерть. Дентон сел на краю, спустив ноги над миром. Потом лег на холодный бетон и посмотрел в глаза бездне, ожидая, когда она ответит на его взгляд. Но есть ведь какая-то справедливость под звездами. Какое-то равновесие. Где оно? Вот...

Горящая точка, танцующая звезда, падала на его голову. Черная птица спланировала рядом с ним. Незнакомая: похожая на ту, убитую над Тихим океаном, но другая. За стеклами черного вертолета Дентон разглядел сосредоточенное лицо Джока.

Нужно было, наверное, радоваться. Возможно, даже смеяться или плакать. Но Дентон не шевельнулся, и сосредоточенное выражение лица не изменилось. Неясно, почему. Просто он чувствовал себя актером в плохо, фальшиво сыгранной роли.

Дентон сел рядом с Джоком. Он молчал. Мгновение не располагало к словам. Вертолет поднялся высоко. Где-то плескался океан.

Глава 6
Куда теперь идти?

На могилах стихают столетий шаги.
Здесь давно примирились былые враги,
Их минует горячечных дней череда:
За порогом земным остается вражда,
И ничтожная ревность о том, кто сильней,

Растворилась в дыму погребальных огней.

Мария Семенова

Они сели на заброшенной площадке, перед фигурной калиткой. Пели сверчки, пахло зеленью и акацией, хотя вокруг не было ни одной акации.

- Где мы?

- Это кладбище Ист-Сайда в Нью-Йорке, здесь находится фамильный склеп Дауда. Он хотел, чтобы я привез тебя сюда. Поговори с ним. А потом я тебя заберу.

- Кладбище, да? Хорошо...

Очень, странно теплая ночь для багряного ноября. Наверное, это последняя такая ночь. Дентон подошел к калитке и потянул ее на себя, найдя ручку в сплетении лиан. Калитка была заперта. Он нажал тумблер звонка и через несколько секунд услышал голос в домофоне.

- Да?

- Я здесь... ищу вход в фамильный склеп мистера Дауда, - пояснил Дентон, не задумываясь, что его фраза может быть истолкована превратно. Но, кажется, незримый сторож тоже не нашел в ней ничего странного.

- Подождите минутку, я выйду, чтобы открыть калитку.

Из скрытой за деревьями и кустарником сторожки вышел мужчина средних лет в потертых джинсах и свитере, ничем не примечательный. Калитка на колесиках открылась. Дентон оказался прямо на дорожке, петляющей между маленьких могил с отбеленными временем и дождем скромными крестами. Кресты слегка светились в сумраке, как богатые фосфором кости. Привратник приблизился к гостю.

- Эта дорожка приведет вас прямо к фамильному склепу Даудов.

- Благодарю вас.

На маленьком кладбище был лишь один склеп. Маленький серый домик, оставленный миром, окутанный туманом и неземной грустью чьих-то душ, чьего-то большего знания. На старом камне в выбитом имени DOWD откололись крылья символов, остались одни намеки. Именно к нему вела посыпанная гравием дорожка. Убаюкивающе трепетали листья тополей, и травы о чем-то грезили, не шелестя. Нет, здесь не было привкуса смерти. Только тонкий аромат другого рода жизни, созерцательного существования в покое, огражденного от шумного мира и неприкосновенного.

Но тревожная нота вторгалась все же в ритмичную мелодию этого мирка, несмотря на его сопротивление. И

привратник проводил его, как показалось, слишком долгим взглядом. И калитка замкнулась за спиной, не скрипнув, хотя должна была, согласно здравому смыслу, заскрипеть. И деревья перестали перешептываться при его приближении.

Дентон вошел в склеп, притворив за собой тяжелую каменную дверь. Серые с вкраплением черного колонны и мощные стены поддерживали изнутри настоящую усыпальницу, от краев к центру которой сходились лучами каменные ступени, а между этих лучей затаились ниши с гробницами, прикрытыми плитами. Потолок был украшен непонятными, однако останавливающими беглый взгляд символами, хаос которых казался утаенным порядком, ключом к чему-то большему. Под ступенями находилась просторная комната, где совсем по-жилому стоял письменный стол, стулья и терминал, вносящий помеху в атмосферу старинной небудничной сакральности. Вдоль стола прохаживался Стентон Дауд. Дентон чувствовал какую-то напряженность при ожидании разговора с этим несчастным, исходящим кашлем и мукой человеком, выдающим себя за игрока, который ведет свою собственную игру на Большой Доске Мира. Ведь не все обещанное было выполнено.

- Как вы вошли внутрь? – спросил Дауд с легкой озабоченностью.

- Привратник. Как же еще?

- Странно. Никто бы не должен работать так поздно.

- Вы думаете, мне следовало его проверить? – Дентон сделал движение к выходу.

- Не стоит, - остановил его Дауд, и его плечи опустились. – Не обращайте внимания на мою паранойю. Оккупационная болезнь. Я уверен, у него были здесь свои дела.

- Он не выглядел подозрительно, - сказал Дентон, не веря собственным словам. – Как бы то ни было, корабль потоплен, и груз вируса лежит на дне океана, в ближайшее время недостижимый.

- Отлично, мой друг. Мы нанесли им хороший удар, теперь можно бежать! Наверное, они долго будут пытаться понять, что же все-таки произошло.

- Мистер Дауд, мой союзник, Дедал, хочет, чтобы вы помогли мне найти Моргана Эверетта в Париже.

- Кто этот Дедал? – прислушался Дауд.

- Загадочный информатор, которого я никогда не видел. Он помог мне уничтожить УК в Гонконге и узнать о корабле. Но я о нем ничего не знаю.

- Это имя, Дедал, оно мне знакомо... Ладно. Значит, он говорил вам об Эверетте? Верно, именно он нам и нужен теперь. Я выходил на связь с этим китайцем, доктором Тонгом. Эверетт занимался разработкой вакцины Сомы раньше Тонга, и сумеет помочь ему в этом.

- Какое отношение имеет Эверетт, иллюминаты вообще к Соме?

- Эверетт...Кх-кх! Начинал работу над наноимплантантами, под его патронатом начали вестись ключевые разработки в этой сфере. Вы будете удивлены, но именно Эверетт – автор технологии, на основе которой создан вирус Серой Смерти.

- Иллюминати создали вирус? – удивился Дентон.

- Не совсем так. Речь шла о наноувеличениях, усовершенствовании способностей человека. У всех них одна основа. Грань оказалась слишком тонкой. Маджестик-12 использовали технологию позже для создания вируса.

- Кто эти Маджестик-12? Можете сказать мне о них что-либо?

- Кроме того, что вы, должно быть, уже знаете... Могу назвать главу организации. Это Боб Пейдж.

- Боб Пейдж? Милиардер?

- Не новое лицо для вас, верно? Это ключевое лицо, поверьте, но не все об этом знают. Пейдж был в свое время в основном составе Иллюминати, как перспективный ученый, а еще более - идеолог. Мы ведь в первую очередь ученые, если вы не знаете... Но позже он отошел от глубинной науки, увлекся технологическими моментами, нашел выход для своего таланта более как менеджер, а не исследователь. И его видение путей внутреннего совершенствования и достижения власти немного отличалось от нашего. Благодаря несгибаемой воле он сумел стать членом Маджестик-12...

- Перешел из Иллюминати в Маджестик-12? – не понял Дентон.

- Да... Понимаете, там, на самом верхнем уровне все очень тесно связаны друг с другом, и это понятно, ведь сферы влияния огромны. Вместе образуется определенная глобальная элита, относительно небольшая. Те, кто к ней принадлежит, связаны друг с другом сильнее простых людей. И в то же время в ней никогда нет и не будет единства. Пейдж пошел путем революционных преобразований, связанных с нанотехнологией и влекущих необратимые последствия для всей планеты... В этом, думаю, вы уже убедились. Иллюминатов это не устраивало, а мы не привыкли мириться с тем, что идет вразрез

с нашим видением мира. Поэтому мы стали помехой для Пейджа. В короткой и жесткой внутренней борьбе мы проиграли, а затем началось жестокое преследование. И вот – мы боимся даже показаться на людях.

Они все связаны, подумал Дентон и вспомнил слова Филбена. Одной причиной, одной целью. Одной своей игрой, которая заключается в тривиальной борьбе за власть над миром. В пустоте, ибо власть над миром невозможна. Только понять это может тот, кто чувствует старость этого мира... Болеет болезнью этого мира...

В этой игре он может быть лишь орудием. Только не будет.

- Чем же видение Пейджа так отличалось? Или вы все списываете на жажду единоличной власти?

- Это вариант. Я знаю Пейджа, наблюдал за ним, когда тот еще был молодым нетерпеливым студентом. Эти немного безумные глаза, они о многом могли сказать. И я предупреждал Эверетта, но тот был слишком очарован своим талантливым учеником. Пейдж очень любил белое... В решении судеб мира нужна очень большая осторожность. Каждый шаг должен быть просчитан тысячи раз, чтобы не допустить ошибки, а если ошибка и допущена, то она поправима. Иначе... иначе мы все погибнем. Кх! А Пейдж не остановится ни перед чем, поверьте мне. Если он решил что-то, он пойдет по трупам мира и сквозь джунгли препятствий, но своего добьется. А решения его очень опасны.

- Зачем он создал вирус?

- Точно не знаю. Думаю, Серая Смерть была открыта им и его командой случайно в ходе экспериментов над наноувеличениями. А позже возникла мысль, как можно применить *серую маску*. Средство контроля... Пейдж с самого начала работал в Зоне 51, этой полусекретной цитадели экспериментальной науки, овеянной зловещей аурой. Мне кажется, определенные открытия произвели на него слишком сильное впечатление. Знание ведь тоже может менять человека. Я имею в виду знание как откровение, когда акт познания чего-то настолько силен по влиянию, что равносилен прозрению слепого или ослеплению зрячего. Но только в духовном плане. Может, Пейдж настолько далеко ушел в разработках, что возомнил, будто самостоятельно способен изменить, формировать мир, без нас... Решил, что обладает и правом, и знанием... Эверетт сказал бы вам больше, я знаю немногое, особенно теперь. Иногда мне кажется, что Пейдж бы и рад пойти на попятную, но не в силах остановиться, как пущенная стрела. И вынужден действовать так, принимать на

себя ответственность, которая слишком тяжела для любого, даже сверхчеловека.

- Вынужден… Как мне найти Эверетта?

- К моему большому сожалению, я потерял связь с парижской публикой. Вам придется искать Эверетта самому. А это будет совсем непросто. Единственный человек, который еще может вывести к Эверетту – его близкая подруга и любовница Бет Дюклер…

- Она мертва. Убита агентами Маджестик-12.

- Вы уверены? – Брови Дауда взлетели вверх.

- Я узнал об этом от Дедала. Все, что он мне сообщал до этого, оказывалось правдой.

Дауд замолчал, чувствуя необходимость осмыслить услышанное.

- Это означает… – прошептал он. – Знаете ли вы, что это означает, мистер Дентон? Они добрались до самого сердца организации. Но зачем – теперь, когда мы беспомощны… Если они идут даже на это – значит, что-то происходит. Они не остановятся, пока не уничтожат нас совсем. Такое впечатление… что они боятся чего-то?

Боятся, что я мог найти ее раньше, подумал Дентон.

- Значит, скоро они доберутся до всех нас, кто остался… – опустил голову Дауд. – Конец близится, и он страшен. Нет, в нашей борьбе мы никогда не шли на такое… Ну, очень редко. Тем более – на использование Серой Смерти. Пока это главный аргумент в их арсенале, который держит народы на коленях лучше, чем оккупационные войска. Мы должны не допустить этого, мистер Дентон. Должны добыть вакцину.

- У Бет есть дочь, верно? Николетт Дюклер?

- Правильно, это единственная нить, которая еще не оборвана, – но они и здесь могут опередить нас, поэтому торопитесь! Николетт связана с французской группой сопротивления «Силуэт», ее лидер Чад наверняка поддерживает с ней контакт. «Силуэт» скрывается сейчас в Парижских катакомбах. Уверен, ваш пилот Джок знает, где вас высадить.

- Чад, и еще – Силуэт?

- Что вы имеете в виду? Чад – это лидер «Силуэта».

- Нет, Дедал говорил еще о каком-то человеке по имени Силуэт.

- Не слышал ничего подобного. «Силуэт» - это повстанческо-диссидентская группа, которая создана не без нашей помощи и действует в Париже. Вы что-то путаете.

- Возможно…

Дауд, снова откашлявшись, смотрел на Дентона. Разговор должен был, но никак не мог закончиться. Дентон понимал, почему.

- Мистер Дауд, простите… Я не смог найти вам лекарство.

Дауд скрыл разочарование, но плечи его опустились.

- Ничего страшного. У вас там были проблемы посерьезнее. – В лице Дауда не было упрека, но от этого Дентону стало еще неприятнее. Еще большая жалость – еще большая вина.

- Нет, я… – Дентон понял, что оправдания бессмысленны. – Мне очень жаль.

- Я знаю, - кивнул Дауд. – Но это не первая передряга, из которой старик Дауд успешно выбирался. Надеюсь, и не последняя. Я живучий. – И, словно разрешая завершить разговор и перейти к делу, он слегка кивнул. - Удачи вам.

Дентон неторопливо поднимался по ступеням к выходу, наслаждаясь самой неспешностью, подаренным судьбой мгновением, когда можно остановиться, посмотреть вокруг и приготовить дух к предстоящей неопределенности, к новому безостановочному бегу к смутной цели. Почему так поздно начинаешь ценить эти мгновения?

Дентон собрался открыть холодную тяжелую дверь в открытую ноябрьскую ночь, но остановился, с удивлением пытаясь понять: почему он остановился? Пока он думал, его ожидала новая неожиданность: Эхо вновь подавало признаки жизни после долгого мертвого молчания. Дентон услышал встревоженный хрип Джока.

- Джесс, слава Богу, я смог до тебя достучаться. У нас с тобой большая проблема. Кто-то установил силовое поле над кладбищем. Не исключено, что это засада. Поищи спрятанный генератор где-то в районе сторожки и уничтожь его. Иначе мне никак не сесть. Береги голову.

Дентон инстинктивно сделал шаг назад, представив, как он открывает дверь, и дождь горячего свинца превращает его в бессмысленную уродливую массу. Он совершил ошибку, когда не предусмотрел этого и позволил себе расслабиться.

Он вернулся в склеп и не удивился, что Дауд уже исчез оттуда, испарился, попросив, наверное, помощи у бесплотных призраков-предков.

Дентон вдруг обратил внимание на то, что у всех гробов крышки приоткрыты, а оттуда веет дымчатой тьмой. Нет, волосы его не стали дыбом, просто он понял: здесь что-то не так. Он не боялся мертвецов, зная, что в мире это последнее,

чего стоит бояться. Подойдя к крайнему гробу, он рывком открыл крышку.

На дне аккуратно лежало оружие, на выбор и на любой вкус: винтовки, пистолет, нож, шило электрошока. Дентон подошел к следующему гробу. Вместо мертвеца возмутительно яркими красками раздражали пакеты с пищевыми полуфабрикатами.

Дентон скрестил руки на груди. Этот склеп – фикция. Здесь не было мертвецов, может быть, никогда. Это убежище, предназначенное для того, чтобы вне... Чтобы...

Дентон мысленно осекся. В следующем гробу, прикрытые ящиками с патронами, светились пергаментной белизной несколько костей... череп. Нужно думать тише, одернул он себя. Вдруг кто-то услышит?

Это убежище предназначено для того, чтобы внезапно появляться и так же быстро, нагло исчезать. Дентон подошел к последнему гробу Здесь крышка была задвинута особенно небрежно и, кажется, в спешке. Днище гроба обрывалось глубокой шахтой, откуда исходил тусклый свет.

Дентон прыгнул и подскользнулся в просторном, озаренном газовыми факелами подземном тоннелем, вырытом прямо в земле и укрепленном деревянным каркасом. Здесь даже не пахло сыростью – но она подразумевалась.

Он прошел по тоннелю до конца, тоннель несколько раз менял направление, так что угадать свое положение под кладбищем было довольно трудно. Выбитые в земле ступеньки выводили наверх, к яме, похожей на заготовленную для погребения могилу, которая, оказывается, никому не послужит могилой, на самом краю кладбища у ограды.

Дентон выглянул из укрытия. Склеп теперь был на другой стороне. Перед входом, как кошачьи тени, замерли несколько солдат Маджестик-12 в черном, готовые к выстрелу без команды, зная, что мгновение появления упустить нельзя. Ни один и не думал оборачиваться.

Пусть ждут, подумал Дентон, выбрался из ямы и спокойно пошел в направлении сторожки. Вошел в освещенный коридор, и дверь заговорщически отказалась скрипеть, как и калитка. Привратник нервно ходил по коридору. Потом увидел человека в плаще – и замер.

- Напрасно ты решил работать сегодня сверхурочно, привратник, - покачал головой Дентон. – Это было ошибочное решение.

Мнимый привратник задрожал, не в силах сказать что-либо в первое мгновение.

- Я... Я ничего не знал! Они мне заплатили, просили впустить тебя и сообщить им. Я же не знал, что тебя будут убивать!

- Но догадывался, - сухо ответил Дентон. Потом вдруг вздохнул и повернулся к привратнику спиной. Опять начинается. Старые раны... – Ладно, катись отсюда к черту. Помни, что судьба спасла тебя сегодня, и цени это. Человеческая жизнь дороже пачки кредитов.

Дентон сосредоточенно сделал шаг к двери, потом второй, третий... И резко прыгнул в сторону. Пуля разбила стекло там, где была его голова за мгновение. В тот же миг два выстрела прошили кровавой нитью тело привратника. Дентон мрачно стал у окна.

- Я не хотел этого. Но ночью стекла отражают то, что творится за спиной, как зеркала... Почему ты не воспользовался шансом?

Оконный проем домика выбросил на нападающих черную тень, встретившую их рассеянностью точных выстрелов. Того, кто исчезает и появляется, не поразил никто. Перестрелка закончилась в течение секунд.

Дентон вернулся в дом. Зеркало, перекошенный убогий отражатель мнимой действительности, зачем оно здесь? Он смотрел, не отрываясь, наслаждаясь своей болью и тем, что видел. Волны дрожи, стекающие со щек и губ, как слезы. Прозрачность призрака. Растворяйся в мире, который и есть – раствор, раствор, превращающий целостное в растекающиеся блики... Не удивительно, что на него нельзя надеть Серую Маску. Как можно надеть маску на того, кого... вроде бы и нет...

Он рванул на себя полку без единой книги, та с равнодушным стуком упала под ноги. В открывшейся нише мерцал извивающимися лентами огня генератор. Дентон вырвал провода и несколькими ударами разбил механизм вдребезги.

Не прошло и минуты, и Дентон услышал нарастающий шум вертолета. Джок застыл в полуметре от земли, словно джинн, позволяя темному пассажиру занять место рядом.

- Мы летим в Париж, - сообщил Дентон.

- Морган Эверетт, да? Вам его нужно найти?

- Да. Он поможет завершить создание вакцины.

Джок покачал головой, выражая какую-то невыразимую мысль-воспоминание.

- Если бы только в Париже не действовал комендантский час... Красивый был город.

Черной акулой нырнул вертолет в черный океан без дна.

- Как тебе удалось спастись тогда, Джок? И как ты нашел меня?

- Спасся я так же, как и ты, успел выпрыгнуть до взрыва. Доплыл до берега. Угнал еще один черный вертолет с базы НАСА, где я знаю все. Конечно, я привык к той своей птичке… Твое Эхо долго было мертво. Но был момент, когда оно оживилось, буквально на пару минут. Я успел зафиксировать твое положение, и оказался как раз вовремя.

Дентону показалось: его спутник о чем-то умолчал. Но, если уж на то пошло, с Джоком ему всегда так казалось. Все в порядке.

- Это точно, - живо откликнулся он. – Я уже думал, что потерял всех. Пол погиб. Мигель мертв. Ты…

- Пират погиб, - перебил Джок. – Был налет на него, прямо по твоим следам. Я сам видел, как Гюнтер с группой захвата ворвался в Логово.

- Не может быть… И Форд? (*теперь никогда не узнает…)*

- Ему не удалось уйти. Я думал, ты захочешь знать.

Дентон помолчал.

- Ты знаешь, кем был Пират?

- Знаю, - хмуро ответил Джок. – Не будем об этом, ладно? Может, расскажешь лучше, что было на базе подводных лодок в мое отсутствие? Думаю, я пропустил много интересного.

- Конечно, Джок. Конечно, я расскажу тебе. Когда-нибудь.

- Почему когда-нибудь?

- Ну как же: когда и ты мне кое-что расскажешь. Кто ты, как ты связан с моим братом… Мне кажется, я заслужил право знать.

Джок молчал слишком долго, и Дентон слегка махнул рукой.

- Ладно. Можешь не рассказывать.

Я расскажу, Джесс, - вздохнул Джок. – Но при одном условии. Об этом ты не расскажешь никому. Никому, слышишь? Даже той книжке, которую про тебя когда-нибудь напишут.

Часть 4

Париж

Время звезд

Они не хотят тебе льстить, не хотят производить на тебя какое-то впечатление. Ничего показного. Какие они есть, такие и

есть, как камни или цветы, или как звезды на небе. Понимаешь?

Герман Гессе

Глава 1

Если дом покинут

…На север обращенный, весь этот дом печальный,

С облезлой штукатуркой, с фасадом запыленным,

Наполнен вечным мраком…

Антонио Мачадо

Во сне действует особое беззаконие. И пусть на сон выпало только несколько минут, украденных у алчной необходимости этого мира – он может подарить целую жизнь, прожитую душой среди красок и сущностей, которых нет на *внешней стороне* Земли. Не означает, что они лучше – просто их нет на Земле.

И никто не повстречается в том мире, сотканном из сизого тумана. И не будет сказано ни слова. Но появится ощущение полноты, возможно, даже ощущение счастья. Оно не скоро забудется, и однажды какой-то намек в подлунном мире всколыхнет болезненную тоску по тому, чего нельзя вернуть. По тому, чего не существует. Но о чем *ты* – знаешь.

И неизвестно, сколько раз ты приблизишься к Вечности, случайно, в бреду, во сне или во мгновенной ситуативной вспышке – и окажешься отделенным от нее пропастью Невозможности Вспомнить, Последней Завесой, пронзенной тоской, ибо так суждено. И ты уйдешь – с серым лицом, со стиснутыми зубами и с серьезными глазами. Ответ не найден, но и покой утрачен навсегда. Ведь с этого момента ты знаешь о его существовании…

Дентон проснулся и удивился тишине вокруг. Вертолет-невидимка уже стоял на бетонной площадке на крыше высокого здания, сложив крылья и готовясь к новому взлету.

– Сколько я спал? – спросил он у неподвижного, загипнотизированного черной далью Джока.

– Минут сорок, или около того.

– Мы уже на месте?

– Да. Наслаждайтесь Парижем, Джесс. Есть, правда, неприятная новость. Маджестик-12 настолько сильны в Париже, что действуют в открытую. Они просто оккупировали город. Я не могу посадить вас внизу – вам придется самому искать способ спуститься и покинуть это здание. И самому прокладывать дальнейший путь.

Ночь сыпала звезды на их головы щедро, не жалея.

– Что это за здание?

– Совершенно заброшенный жилой дом.... бывший жилой дом. Люди отчего-то избегают его. Внизу, где-то в этом районе, должен быть вход в парижские катакомбы, если память мне не изменяет. Вот – у меня даже есть несколько фотографий и схемы маршрутов для туристов. Осталось со времен молодости.

– Да... – Дентон смотрел на панораму города внизу, сотканную из мягкого света и глубокого сумрака под дождем из звезд. – Думаю, этот город о многом захочет мне рассказать. Здесь есть что найти...

– И потерять, - закончил мысль Джок.

У каждого города есть свой дух, своя музыка. Дентон начинал настраивать струны своего чувства на тонкие ритмы, электрифицирующие холодный воздух под этим небом.

– Джок, я чувствую здесь какую-то новую грусть. Она тревожит меня – и она успокаивает.

Сизый голубь оброненным небесным пером спланировал в перине темноты над парком.

– Ты всегда что-то чувствуешь, Джесс, что не очень-то понятно другим, - хлопнул по борту Джок. – Хватит расслабляться, вылазь из вертолета. Времени у нас нет.

– Иногда нужно остановиться, Джок. На миг. Чтобы не забыть, куда ты идешь и зачем. – Дентон выпрыгнул на серое поле крыши, окруженное пропастью. Джок покачал головой. Вертолет мгновенно поднялся в эфирную реальность воздуха, прощально взмахнул винтами и ушел за горизонт.

Дентон по обыкновению приблизился к краю, ему нравилось видеть и чувствовать под собой много десятков метров разреженного пространства, именуемого пропастью. А что это, как не та же пропасть? Есть край, с которого так легко соскользнуть или сорваться, по своей воле, случайно или по злому умыслу. Край этот обязательно скользкий – после дождя, неровный, словно выщербленный сотнями срывающихся ног. Есть земля, но не та, что под ногами, твердая и дарующая уверенность – а далекая, до смешного искаженная ночью и недостатками зрения, с маленькими людьми, которых и не воспринимаешь отсюда, как людей. И манящая. А между *краем* и *землей* – тот самый омут пространства, где метры превращаются в секунды. А несколько секунд легкого или тяжелого падения могут превратиться в невыносимо долгое безвременье, за которое успеешь вспомнить все – и ко всему приготовиться. Такое оно, это пространство пропасти – колдовское. Ветер на краю, каким бы легким и слабым он ни был – покажется коварным, злобным, сбивающим с ног, туда, вниз. Стань на краю, да, на самом краю, посмотри вниз, и у тебя вспотеют ладони. Задрожат колени. Тебя затянет...

Лучше отойди.

Ты боишься пропастей – осознанно и глубоко подсознательно. Разных пропастей – горящих огнем и выдыхающих холодный аромат мертвенности, высотных и глубинных, спускающихся в чьи-то недра, видимых глазу и внутренних, *своих собственных* пропастей души, от которых не уйти. В Большом Городе сотни, тысячи таких и *иных* пропастей. Каждый может найти или придумать себе пропасть, свою собственную пропасть. Он может коллекционировать пропасти и играть с ними каждый вечер. Открытые пропасти под звездами, скрытые бездны в шахтах под землей, гипнотические пустоты чьих-то глаз... Пропастей хватит на всех.

Старое здание. Крыша была окружена высокими выступами с прорезями, похожими на бойницы замка. Дентон взглянул сквозь одну из бойниц на город, точнее, на обрывок города, освещенный участок двора, отделенного высокой решеткой из прутьев от дороги. Его глаза сузились, когда он увидел Зеленого, спокойно идущего по дорожке вдоль домов с темными окнами.

Что, монстра выпустили на улицу? И некому встретить его по дороге и остолбенеть от ужаса? И не слышно панических криков, человеческих криков... Где те, кого насчитываются миллионы в этом многолюдном городе? В бегстве сдали свои

позиции нелюдям, не успев прийти в себя? Никого не видно снаружи хмуро-молчаливых домов. Никого, кроме... Из-за угла вышел еще один биоробот, помахивая в отмашке похожей на клешню рукой.

Да, они действительно действую в открытую, подумал Дентон. Интересно, чем они это обосновывают – террористической угрозой? Или улицы уже настолько пустынны, что ничто теперь не нуждается в объяснениях... Все нечеловеческое выходит на улицы ночью, заставляя людей прятаться по норам. Совсем так, как в предсказаниях мракобесов тысячу лет назад или в фильме ужасов. Хорошая картина для него. Но здесь все гораздо проще – и страшнее.

Дентон достал пистолет и тщательно прицелился, зная, что невелики шансы попасть с такого расстояния. Пуля прошила пространство горячей нитью и раскаленной иглой поразила Зеленого. Он упал. Его «товарищ» рванулся назад, в тень дома нелепым нечеловеческим движением, и стал пристально всматриваться вокруг себя черными глазами насекомого.

Преодолевая отвращение, Дентон выстрелил снова – и промахнулся. Отшатнувшись от бойницы, он вернулся на средину плоской, как книга, крыши, и осмотрел свое снаряжение. Он уделял этому в последнее время слишком мало внимания. Пистолет, в котором оставалось еще четыре заряда, и две обоймы к нему – вот и все, что осталось. И еще ни разу не использованная газовая маска времен службы в Коалиции, для преодоления зон заражения. Хорошо приготовился к прогулке, ничего не скажешь, нахмурился Дентон, пряча пистолет в тайниках пальто. Можно бросать вызов целой армии.

К сожалению, дело придется иметь совсем не с армией. Это хуже, чем армия людей. Но и армией дьявола их не назовешь. Словно какие-то пришельцы, которые поставили целью уничтожить человечество, какое оно есть сейчас. И подменить его чем-то иным...

А город дышал прозрачностью – город не располагал к войне, к сражению. Город не мог смириться с тем, что ему, Дентону, придется прятаться в его густой тени и уходить при первых брызгах рассвета – и он приносил запах сирени в тихой просьбе остаться, поговорить без слов с его плитами, дрожащими стеклами и ветром.

Дентон осмотрелся. Прямо на крышу выходил грузовой лифт – но он был заблокирован. Рядом вместо того, что когда-то было лифтом, чернела пустая шахта. Глубокая, опасная яма. Еще

одна пропасть. А еще на крыше немного в стороне грустил домик – маленький чердак. Дентон открыл дверь и вошел в непроглядную, никем не тревоженную черноту. Мощный луч подсветки его солнцезащитных очков неделикатно прошелся по старому дереву двух скамеек и стола, по пушистой паутине, и споткнулся о массивный корпус огнемета. Дентон подобрал оружие. Так и есть, огнемет, один из самых страшных инструментов производства смерти, который прожигает все, что угодно, включая самые стойкие металлопластики. Такие сокровища хранят в себе порой старые дома Парижа, подумал Дентон с оттенком недоумения, которое выражается формулой «Обернись и проверь, нет ли кого-нибудь за твоей спиной».

Дентон обернулся. Никого не было.

Он укрепил огнемет под мышкой. Теперь, наверное, он похож на ходячий танк. Но это ненадолго. Пока он остается наедине с миром, ему ничего не мешает. Дентон подошел к краю шахты лифта. Что-то ухнуло внизу, и слабеющее эхо достигло даже его сапог. Да, ему определенно не вновь прыгать в темную, неприятную неизвестность. Слетая с уступа на уступ, не заявляя о своем появлении, слыша пение старых недрогнувших сводов и шорох, который приписывают мышам те, кто не спит по ночам, Дентон не переставал думать. Почему он никак не соберет этот мир в целостность, в одну картину? Почему каждый новый поворот расходится на несколько рукавов? Почему кто-то знает больше...

По тонкой доске над пропастью, словно поставленной тем, кто уже попадал внутрь таким образом, гость дома прошел в коридор одного из верхних этажей. Единственным источником света были горящие неровно бочки, расставленные в строгом порядке, чтобы и не давать достаточно света, но и прогнать темноту в дальние углы, как можно дальше.

Через всю вертикаль дома в спертом воздухе спиралью шла лестница – и Дентон был где-то в центре этой спирали. Он остановился, раздумывая: вверх идти или вниз. Вниз всегда идут менее охотно, но ведь наверху он уже был... Необходимость дальнейшего пути призывала вниз. Но и наверху, за треском горящей бочки и дрожью одиноких, не согретых бликов света – и там он не был. И там кто-то мог ожидать, что-то могло быть оставлено для него...

Дом. Этим все сказано. Чем старше дом, тем более нервно чувствует себя чужой, пришедший сюда впервые. А ведь никто не скажет точно, *насколько* дом стар. Блики, которые

расшвыривают-разливают вокруг себя горящие бочки, трепещут на стенах и вдоль дороги под ногами. Они неровные, разные, кажется, что они рисуют какой-то рисунок, танцуют танец или, быть может, пишут послание гостю на языках, поглощенных забвением тысячелетий… На стенах, конечно, есть свои надписи, зеркало скрытых желаний или философских размышлений. Дентон прошелся сканирующим лучом по стене вдоль коридора: тут хватит чтения на часы, здесь любое ожидание не будет томительным – ожидание будет очаровано погружением в скрижаль прошлого, в летопись чего-то значительного и подлинного, закодированную в банальных и даже пустых фразах, в обделенных смыслом сообщениях и непонятных образах-картинках. Пусть даже так – все же… Дентон остановился на одной совсем свежей надписи – целой художественной композиции со своим сюжетом. Грубо очерченная черным карандашом фигура несомненно подразумевала контуры человека. Некто, одетый в просторное одеяние, которое напоминало рясу, погрузил руки в ее складки на поясе. Вместо головы несколькими неряшливыми движениями был набросан широкий капюшон. Внутри капюшона не было ни одного штриха – пустота. Ног тоже не было – видимо, странные одежды скрывали их полностью. Рисунок в целом напоминал и по замыслу, и по схематичности исполнения старуху-смерть. Только косы в ее руке не хватало. Впечатление усиливала сумрачная обстановка перед лестницей этого дома. Но рядом с рисунком было написано: «*Силуэт – милосердный фантом, незримый борец со злом, друг всех людей. Он растворяет в себе зло и уже не выпускает его в мир. Он – никто, он – ничто, он – нигде, и он – везде*».

Нужно все-таки взять и прочитать эти чертовы комиксы.

Дентон ощутил замешательство, глядя на этот рисунок, чувство, словно вглядываешься во что-то, не предназначенное для тебя, что-то запрещенное. Он отвел глаза, посмотрел вверх. Потолки в этом доме очень высокие и темные, пространства между лестничными пролетами нерационально большие. И в пространствах этих летают мысли. Мысли-обрывки, никому не принадлежащие. Мысли-духи, мысли-сны этого большого дремлющего дома.

Бренность…покой…

Тяжесть сводов… Легкость паутины…

Плач.

В этом покинутом доме кто-то плачет. И это не память о забытых слезах, высохших многие годы назад и еще не выветрившихся из прокопченных швов этого дома. Горе живет здесь сейчас – дом знает о нем.

Пройдя два лестничных пролета вверх, Дентон услышал приглушенный шум. Поднявшись еще на десяток ступенек, он оказался в темном коридоре, мрачном от вида заколоченных дверей. На дверях висели замки, они были забиты досками или просто намертво заперты. Интересно, почему? Довольно уютный, симпатичный дом.

Открытая дверь. Маленькая комната, не похожая на покинутую. Дентон остановился на пороге: по каменному полу вдоль голой стены отрешенно двигалась женщина в длинном темном платье, с серым лицом, словно изнуренным болезнью или страданием. Она говорила сама с собой, как безумная, отпугивая любое мыслящее существо скрипучим страшным голосом-криком:

– Я не знала… Как я могла знать?

После умиротворенной самодостаточности ночи видеть это страдание на бледном лице было непривычно тяжело. Дентон сделал шаг назад, предполагая, что обитательница дома потому и осталась одна, что она не в себе. Но было поздно. Она заметила его, и взгляд ее был достаточно осмыслен.

- Вы… живете здесь? Одна?

- Да, я здесь живу, - она ответила удивительно четко. – Единственный, кто остался в этом проклятом доме.

Дентон заметил блеск слез на ее щеках.

- Что-то случилось? Почему этот дом проклят?

- Я пыталась остановить их… я пыталась… – прошептала она вдруг.

- Кого остановить?

- Монте, Мими… Их уже не вернуть. А я – я боюсь сделать и шаг отсюда. Окруженная темнотой – и страхом, что однажды они придут и сюда! Особенно ночью.

- Хорошо, - Дентон подошел и обнял ее за плечи. – А теперь успокойтесь и расскажите мне, что вас угнетает. Кого вы

боитесь? Привидений?

- Не надо, я не безумна, - она отстранилась. – Лучше бы они были привидениями. Живые, зловонные монстры! – слезы опять потекли по ее щекам. – Простите, я столько дней не говорила с людьми, что уже и в самом деле начала сходить с ума. Я даже не хочу знать, откуда вы пришли. Но точно не снизу.

- А что там – внизу?

- Неделю назад на первый этаж откуда-то из-под земли прорвались ядовитые газы и радиация. Солдаты в черной униформе приказали эвакуировать всех жителей дома, заблокировали дом и оцепили зону заражения, включив в нее все дома вокруг, станцию метро и вход в парижские катакомбы. Я и четыре моих кошечки не успели уйти, я слишком долго искала Мими... И мы остались здесь. Связь с внешним миром была утрачена. Электричество отключили. Я зажгла по всему дому эти бочки, приготовленные как раз на такой случай....

Но страх пришел на третью ночь. Мои кошечки уходили гулять, они безбоязненно бродили по всем этажам, и я отпускала их. В ту ночь вернулась только одна. Я спустилась на их поиски в самый подвал и – о ужас! Возле мертвого Монте увидела это существо... Мерзкое зеленое чудовище, похожее на птицу с головой дракона. Я не знаю, что это, таких животных не существует, какой-то мутант, ужасная тварь... Я бежала так быстро, как могла, ноги отнимались от страха, а оно гналось за мной несколько этажей, выплевывая какой-то яд... Я не могла спать – и сейчас не могу. Боюсь, твари найдут меня и здесь. У меня остался только Луи. Скоро я переселюсь на крышу.

Дентон внимательно слушал, понимая теперь, что дом был пуст и темен далеко не случайно. Эти зеленые мутанты – наверное, вроде тех, которых он видел еще в секретной установке на острове Свободы и в лабораториях Версалайф. Сомнения нет. Но откуда им быть здесь, в старом районе Денфер-Рошеро?

Мир сходит с ума, но иногда это некому заметить. Кто-то заботится, чтобы избежать свидетелей.

- Успокойтесь, - Дентон усадил дрожащую женщину на стул. – Мы как-нибудь выберемся отсюда, поверьте. Подождите здесь, я вернусь.

Она хотела что-то сказать ему, но Дентон уже начал спускаться, взяв огнемет в боевое положение. Он стремительно делал виражи по спирали, заглядывал в пробужденный фонарем сумрак коридоров и пустых комнат.

В подвале – огромном ярко освещенном зале – что-то было не так. Среди бочек, знакомых Дентону по предупреждающим об опасности желтым треугольникам, он увидел несколько намеков на трупы кошек – и мерзкое, даже смешное в своей нелепости чудище, похожее на маленького дракона. Какой страх он должен был вызывать у людей своей кошмарной нелепостью…

Широкой струей всепожирающего пламени Дентон прошелся по каждому дюйму поверхности, по каждому углу и закоулку, даже не замечая, кого и что он превращает в пепел. Через Эхо на контакт вышел Трейсер Тонг.

- Я наблюдаю за происходящим из-за вашего плеча, Джесс. И вижу этих тварей. Это гризлы – генетически модифицированные существа, созданные в лабораториях Маджестик-12. Либо они сбежали из одной из лабораторий и попали в канализацию, либо… Маджестик-12 специально выпускают их в канализацию. Еще один способ борьбы с объявленными вне закона изгоями. С вами.

Дентон вернулся в обиталище покинутой жительницы дома.

- Идем… Покажете мне выход из этого дома.

- Вы были внизу?

- Да. Ваших кошек не вернуть, но ничто больше не угрожает тем, кто еще жив.

- Правда? Они мертвы?

- Идем.

Она глубоко вздохнула.

- Не могу поверить, что у кого-то хватило смелости уничтожить тех тварей. Верите ли – те парни с большими пушками – испугались…

- Парни?

- Солдаты в черной форме, которые заняли район. Они

используют здание № 11. Думаю, вы знаете, о ком я говорю.

- Страх нельзя подавить огневой мощью. Его или нет, или он побеждается… не за одну ночь.

- Спасибо вам. Теперь, когда этих монстров нет, я и сама могу найти выход отсюда, когда захочу. Но я подожду утра. Воспользуйтесь входом в канализационные тоннели из подвала, чтобы выбраться в город. Понимаю, вам, может, непривычно лазить в канализации, как какой-то крысе, но другого выхода…

- Да нет, благодарю за совет… – Дентон сделал шаг, чтобы идти, но потом обернулся, снова взглянув на неестественно серое лицо. – Вы не больны?

- Я… не знаю! После того, как я спустилась вниз и за мной гналось то существо, мне и правда стало хуже. Думаю, это может быть особого рода стресс, похожий на болезнь…

Страшная догадка наступала на пятки уходящему, убегающему Дентону. Серая Смерть – одним из тысяч черных щупалец добралась и сюда. Из-под земли, оттуда, откуда никто ее не ждет. Случайно. На очереди – кто-то следующий. На очереди весь мир. Миллионы в серых масках. Одной маской больше – одной меньше – что ж?

«Уходи. Ты все равно ничего не сможешь сделать. Сейчас».

Пройдя мимо закрытой, зеленоватым туманом зоны, откуда доносилось рвущее, жгучее шипение радиации, Дентон нашел люк в черноту и, откинув тяжелую крышку, спустился в просторный сухой тоннель, ведущий в одну сторону. На пути ему встретились еще два гризла, сожженные до того, как успели издать свой отвратный хрип.

Далеко идти не пришлось. Винтовая лестница выводила наверх в каких-то сорока метрах от оставленного дома. Дентон покинул подземелье и ступил на широкую чистую дорогу под открытым небом, обрамленной симпатичными тротуарами и молчаливыми домами. Дорога не использовалась: она была перекрыта с обеих сторон высоким черным забором и стальными баррикадами в рост человека. Ветер подхватывал листья откуда-то из воздушной бездны и рассеивал их у его ног. Казалось, небольшой район Парижа в десяток домов взяли и

поместили в непроницаемое кольцо, отделив его от остального города, заблокировав, наверное, вход в катакомбы.

Дентон увидел Зеленого, в которого промахнулся, раньше, чем тот его. Биоробот рухнул серой обугленной массой под напором черно-красного огня. Никто не прибежал ему на помощь. Умиротворенная непотревоженность ночи была восстановлена.

Дентон осмотрелся вокруг. Вариантов продолжения было немного, далеко не каждая дверь гостеприимно звала войти. Нужно было найти человека, живую душу, чтобы спросить у него...

За спиной открывался вход в метро с потемневшей информационной табличкой. В метро всегда кто-то есть. Пусть даже не слышно шума поездов. Он прошел по пологому спуску и в самом начале зала ожидания, в углу, увидел человека. Мужчина в темном гольфе в очках сидел и внимательно читал какую-то книгу с картинками.

- Солдаты закрыли эту станцию метро, - произнес обитатель метро вместо приветствия.

- Тогда почему же вы здесь сидите? – спросил Дентон.

Незнакомец вскинул брови, будто сам призадумался над этим.

- Всем нужно где-то сидеть.

- Ага, понятно. Думаю, ночью просто лучше читать. Не удивлюсь, если это у вас это сборник комиксов о Силуэте, который прячется в островках французского леса.

- Нет, я не читаю комиксов. Это Рене Генон, «Символы священной науки». Меня зовут Дефо, - он встал и протянул руку. – Кажется, и вам не спится в эту ночь?

- Да, я решил прогуляться, пока еще не стало совсем холодно. Скоро зима.

- Вы не боитесь ночи? – Дефо проницал его внимательным взглядом.

Дентон помолчал, потом ответил:

- Нет. Мы знаем друг о друге слишком многое.

- Мне иногда кажется, когда я смотрю в ночь, что мир стал слишком стар.

- Точно, - согласился Дентон, думая о своем.

- И он возвращается к тому состоянию, в котором был – все более непонятный для человека, не оставляющий выбора...

- Нет.

- Не понял?

- Я не согласен с вами. Мир не стал стар – он всегда был бесконечно стар, с момента нашего появления в нем. Просто мир устал от чьей-то глупости – глухоты.... Мир не хочет больше открывать тайн – не хочет намекать...

- Вы философ.

- Вообще-то среди моих достоинств это обычно не числилось... Но не имеет значения. Где-то поблизости должен быть вход в катакомбы, правильно?

- Да. Но дверь заперта, а ключа нет.

- Ничего. Просто покажите мне дверь.

- Она прямо за вашей спиной, напротив выхода из метро, мсье... Дентон, так?

- Опасно произносить это имя вслух, - ответил Дентон тихо, не показывая удивления.

- Просто я читаю иногда газеты и заглядываю в общественные терминалы. Так, для интереса. Они пишут о вас везде – такое впечатление, что они хотят, чтобы вас знали все, весь мир, чтобы знали в лицо. Хм... странно, несмотря на это, вы по-прежнему на свободе. Никто почему-то не спешит в полицейский участок, несмотря на солидное вознаграждение.

- Да нет... – Дентон пожал плечами. – Просто я избегаю публики.

- Вы ищете «Силуэт», не так ли? Я связан с ними. Я продаю кое-какое оружие, и члены «Силуэта» - мои главные клиенты. Их убежище действительно находится в катакомбах, но оно хорошо сокрыто. Сейчас я не советую вам туда спускаться.

- Почему нет?

- Солдаты вошли в катакомбы вслед за Чадом и его людьми и заняли четыре бункера.

- Это не самая серьезная причина, которая может меня остановить. Скажите лучше – вы ничего не слышали о человеке по имени Силуэт?

- Силуэт – это не один человек. Это организация. Если, конечно, вы не имеете в виду того парня из комиксов для детей…

- Не продолжайте, - махнул рукой Дентон. – А что там – внизу? Поезда не ходят?

- Нет. Ходит только трое солдат и глухой робот-охранник.

- Я, пожалуй, спущусь туда. Почитаю, что сообщает общественный терминал…

Слыша шаги солдат Маджестик-12 в десятке метров за углом, ощущая неуютную пустоту тоннеля поездов, Дентон всмотрелся во вспыхнувший по требованию экран. Первое место и здесь занимало кричащее сообщение о террористе номер один, изверге и монстре. К тому, что Дентон уже знал о себе, прибавилось несколько строк:

«…на днях совершено вопиющее своей наглостью и жестокостью нападение на военно-морскую базу в Бруклине, США, еще раз доказавшее, что мы имеем дело с преступником настолько беспринципным и опасным, что каждый час, проведенный ним на свободе, грозит новыми безнаказанными преступлениями.

Недавно Джесс Дентон был замечен в Нью-Йорке, но по последним разведданным террорист может находиться в Париже.

Кроме того, разыскивается ряд других опасных преступников, принадлежащих к организации Дентона. Среди них – недавние агенты Коалиции, предатели Алекс Якобсон, Джеймс Риез, Трейсер Тонг».

Второе сообщение вторглось в заготовленный ряд, его не должно было здесь быть. И потому в названии остался только хаос непонятных символов.

«Всмотритесь в плотную завесу тумана из-за ваших штор. Вслушайтесь в звенящую монотонность ваших телевизоров. Вы ничего не замечаете? Странно...»

Дентон открыл последнюю страницу.

Икар нашел тебя!

Икар нашел тебя!

Икар нашел тебя!

Беги пока можешь!

Беги пока можешь!

Беги пока можешь!

Это сообщение – ему. Икар – новый охотник, он выходит в поле действия в расхлад ночи. А Дентон, как и прежде – в роли жертвы. Одно беспокоит: Дентон не знал, что такое этот Икар.

Он знал только легенду о Дедале и Икаре. Давнюю легенду, имеющую совершенно иной смысл.

Здесь это имя звучало зловеще. Икар. Как уже мертвый убийца. Как приговор. Как звенящий вакуум черных дыр.

Дентон выбежал прочь из подземки, перехватив у ветра глоток свежего воздуха. Задев краем плаща отполированный памятник голубю, он остановился перед домом, помеченным номером одиннадцать. Здание, о котором говорила женщина из покинутого дома гризлов. Маджестик-12 имели к нему отношение.

Но дверь заперта. Сейчас ночь – и, возможно, все ушли, чтобы вернуться утром. Дентон вскрыл дверь, ступил на зеленый ковер в горошек. Коридор вел и наверх – и вниз. Наверху находилась дверь в комнату, которая была обнажена стеклянной прозрачностью ее стен. Дентон увидел стол и телефон на нем – вот и все, что он увидел. Немного дальше – еще одна дверь, открытая. Там находится ключ от первой двери, понял Дентон.

Это была комната отдыха. Звездная ночь за окном и нагретые кожаные диваны давали намек на уют, а выключенная галогеновая лампа успокаивала: никто не потревожит до рассвета. На журнальном столике лежала раскрытая книга и ключ. Дентон почувствовал, как дрогнул нерв на виске: и эта книга тоже была о нем.

Он попытался идти – но не смог сделать и шагу. Что-то держало его здесь. То, чего он никогда не имел. Дом. Без

раздражающих красок, без опасности быть изгнанным, без необходимости бежать куда-то... Дом с четырьмя стенами и теплым уголком. Дентон присел на диван. Он мог бы прожить здесь бесконечно долго, не ощутив тоски, даже в одиночестве, даже в ночи. Или ему кажется?

Ему вдруг пришла в голову дикая в своей наглой напористости мысль. Это его дом.

Это же его дом! Здесь каждая полутень создана для него, своего хозяина, который однажды придет, неприхотливый, он оценит то, чего не заметили другие. Он оценит... И уйдет. И в этом неразрешимое противоречие.

Дентон прикрыл глаза на двадцать секунд, находя блаженство в этой мягкой тишине. Потом взял ключ со стола – и вышел, пока что-то не надломилось внутри.

Ключ подошел к комнате с прозрачными стенами. Окруженный невидимыми границами, за стеклом стоял только маленький письменный стол, совершенно пустой, а на нем – телефон. Даже стульев не было. Кто-то работал здесь стоя.

Дентон прошелся по пустым ящикам и тумбочкам стола. Кто и что мог делать здесь, где даже компьютера не было – не ясно...

Вдруг зазвонил телефон. Дентон от неожиданности отступил, выждал. Телефон продолжал протяжно звенеть, гудок за гудком, будто по ту сторону линии действительно решили дозвониться до кого-то в абсолютно пустом доме в три часа ночи.

Ему все это не нравилось.

Когда прошло три минуты, Дентон молча поднял трубку.

- Я прямо за вами, мистер Дентон, - пугающе глухой, раскатистый голос, похожий на эхо в ущельях Кордильер, отдаленно родственный Дедалу, но – враждебный, раздался где-то в пустоте.

- Кто это? – вот все, на что хватило Дентона в ответ.

- Скоро я буду впереди тебя, позади тебя – частью всего в твоем мире...

- Всего, да? – холод прошелся кончиком кинжала с головы до ног. – Ты, наверное, говоришь о Боге?

- Хфхмхфхх... (шипящая тишина)

- Или о куче дерьма нового времени?

Новое время, да. Очень жаль, что ты будешь мертв, чтобы увидеть его.

Глава 2

Если довериться случаю

«Наверное, вас удивляет наше негостеприимство, - сказал он. – Но гостеприимство у нас не в обычае, нам гостей не надо».

Франц Кафка

Короткие гудки.

Дентон вышел за порог. Его могут убить в любой момент. Переключатели-убийцы доказали его уязвимость и зависимость от дьявольских технологий уничтожения, о которых он даже не знает, но они есть – ними созданные, и в их руках. Переключатели убийцы были еще детской игрушкой.

Мощный порыв ветра ударил ему в лицо. Его могут убить – но ему все равно. Ему не страшно. Он не собирается думать о них, пока есть этот ветер. Пусть думают они.

Его могут уничтожить. Но его и могли убить – и не убили. Так дьявол с ними. Идем, ветер. Пора очистить и обновить затхлые подземные норы.

Дентон взломал тяжелые, но не омертвелые ворота, преграждавшие вход к катакомбам. Вход начинался просто, между двумя забытыми бассейнами, просто из пола куда-то вглубь уходили покрытые пылью и залетевшим осенним мусором ступени. Когда-то ними спускались туристы, для которых само темное дыхание подземного мира уже было ярким впечатлением. Уже было приключением. Еще недавно, наверное, с веселой болтовней и фонариками они спускались в катакомбы, заставляя подземную тишину коробиться от возмущения.

Когда-то... Не теперь.

Теперь спускается неторопливо кто-то одинокий – нет, он не турист. Он никогда бы не пришел сюда добровольно. Подземный мир – не диковинная для него вещь. Нет, это его мир, к нему уже привыкший.

Сквозь шумы радиоволн к нему прорвался хриплый голос Трейсера Тонга:

- Вы входите в парижские катакомбы, вырытые в древние времена римлянами как каменоломни. Со времен крестовых походов и позже сюда сбрасывались тысячи тел, умерших от эпидемий чумы и казненных... Маджестик-12 заняли их и перекрыли все выходы... Осторожнее, Джесс.

Дентон ожидал столкнуться с темнотой, чтобы лучом света отвоевывать у нее каждый метр, но вместо этого вошел в хорошо освещенные тоннели, как в большую пирамиду, готовящую ловушки тем, кто вторгается. Стены были украшены однообразными узорчатыми рисунками, которые должны были выглядеть зловеще – но не казались такими. Цилиндрические колонны укрепляли сводчатые тоннели катакомб.

Две вещи – черепа и вино. Тоннели были практически засыпаны костями и черепами всех мастей, отшлифованными, отбеленными временем. Наверное, когда в городе свирепствовала чума, загребая жатву черными когтями, жители не один раз в отчаянии выбрасывали горы трупов сюда, под землю, когда над-земли на могилы уже не хватало.

А чтобы идти и смотреть на улыбающиеся костяные головы было не так страшно, почти на каждом шагу, в нишах и просто на полу, стояли запыленные бутылки с вином. Чтобы прогулка в скорбной тишине стала веселым маскарадом, чтобы черепа улыбались приветливее... Дентон откупорил одну из бутылей и отпил черную жидкость. Странный привкус. Но в нем нет ничего неприятного.

Заговор покинутых древних пространств в том, чтобы усыпить бдительность, чтобы рассеять внимание. Дентон понял это, когда было слишком поздно. В трех метрах перед ним стоял солдат в черном с огнеметом, и уже ничего нельзя было сделать, чтобы остаться незамеченным.

- У меня глюки... – присвистнул солдат. Дентон прыгнул назад, как не прыгал никогда, как уходящая от смертельного броска кошка. А за ним, касаясь сапог, по тоннелю прошла волна пламени. Дентон ощутил, как горят его ступни. Конец был совсем близок.

Надо попробовать заглянуть под каску. Кажется, перед ним не юнит компьютерных игр. Остается надежда, что это также и не автомат. Человек. Слабый человек.

- Подожди! – Дентон поднял руку слишком театрально. – Ты успеешь убить меня, подожди минуту.

Он говорил так, как не разговаривал уже давно. УБЕДИТЕЛЬНО. Так, как его учили когда-то в зеркальных стенах Академии. Снять с глаз человека оболочку, найти в их прозрачности точку смысла – и подчинить своему взгляду, своему голосу. Заставить довериться себе и поверить до последней капли.

Солдат, который должен был открыть огонь по всем поведенческим прогнозам, задержал палец на переключателе.

- Что, последнее слово? – раздался из-под каски удивительно свежий голос. – Сбивать меня с толку – гиблое дело, ты это учти, парень. Я с террористами не первый год имею дело. Все мы знаем, насколько ты опасен. В одном ты, впрочем, бесспорно прав – я тебя в любом случае убью. Получу такую премию...

- Ты ради денег это сделаешь?

- Нет, конечно.

- И знаешь, на кого ты работаешь?

- А ты как думал? Эти ребята помогают Коалиции и правительству покончить с террористами быстро и эффективно. С такими ублюдками, как ты. Конечно, приходится применять довольно крутые меры, но что с вами церемониться? Мне нравится моя работа.

- Слыхал о Серой Смерти?

- Слыхал ли я... – голос ожесточился. - У меня сестра умерла от Чумы. Есть тебе еще, что сказать?

- Это твои хозяева заражают людей Чумой, а ты им помогаешь.

- Я бы удивился, если бы у тебя не оказалось припасено пару бредовых историй вроде этой.

- Если ты убьешь меня, придут другие.

- Пусть приходят – я знаю, как их встретить... Но мне кажется, что не придет никто.

- Наверное, ты прав, - кивнул Дентон. – Ты ведь человек?

- В отличие от тебя – да, - ответил тот и посмотрел на него нечеловеческим взглядом.

Дентон уловил выражение его глаз, и был на миг быстрее. Палец уже напрягся на переключателе огнемета, когда пуля прожгла тело, и солдат упал, уже не держась на ставших не своими ногах.

Дентон подошел к скорчившемуся от боли врагу. Он не хотел, чтобы этот противник превратился в мертвого врага.

– Ты…дьявол, прошептал солдат, держась за бедро окровавленными пальцами.

– Рана не смертельна, ты будешь жить. Но, возможно, ходить не сможешь уже никогда. Думаю, твои хозяева назначат тебе достойную пенсию.

На раскаты грома от выстрела, услышанные далеко в глубине, прибежал патруль – двое зеленых, похожие на богомолов, и солдат. Они споткнулись о раненого и с поднятыми стволами черными глазами начали осматривать накаленное пространство вокруг.

Три выстрела слились в один громовой раскат. Зеленые упали замертво, солдат - раненный.

- Ты тоже будешь жить, - сказал Дентон, проходя мимо. – Возможно, даже и ходить.

Он обнаружил свое присутствие в этом подземелье. И теперь ничего не исправить. Теперь нужно исчезнуть.

Если бы только кто-то мог отрубить это чертово Эхо… Он не хотел привести своих наблюдателей прямо в убежище «Силуэта».

Вместо Тонга эфир принес глухое эхо Дедала.

- Идите без страха. Я защищаю вас тогда, когда это необходимо. Сейчас вас не видит никто, кроме меня. Тревогу не подняли. Идите без страха.

Ты еще не знаешь о существовании Икара, Дедал, подумал Дентон. Нет, в безопасности он не мог себя чувствовать. Уже никогда.

Он достиг места, помеченного крестиком на карте Джока. Здесь должен быть бункер, ставший убежищем для Чада и его людей. Но – странно – местность выглядела иначе, чем на карте. Бункера не было – был тупик.

Дентон присел, опершись о стену. Маленькая головоломка, две задачи. Найти скрытый вход – и сделать это так, чтобы больше никто не увидел. Но ведь его глаза – их глаза… Вся надежда на Дедала.

Дентон отпил вина из бутылки, стоявшей на кирпичике, странно выступающем из стены. Будто один лишний кирпичик остался после постройки, и его, уже уходя, строители поставили рядом, в нише. Случайно.

Но… Что случайно в эту ночь?

Дентон отпил еще вина. Потом с силой нажал на кирпич. Тот мягко вошел в стену. Едва уловимый звук отодвигающейся стены послужил Дентону ориентиром. Он вслепую пошел в пространство, где еще недавно была цельная стена, а теперь просто веяло холодом.

Стены сомкнулись за его спиной. Дентон поморгал, привыкая к темноте. Потом открыл глаза. Около десятка самых разнообразных стволов было направлено на него, и множество пар глаз на потемневших лицах, мужских и женских. Одеты они были, как настоящие туристы, и пестрая повседневная одежда смотрелась нелепо на фоне темных стен. За спинами поодаль Дентон различил нескольких детей.

Дентон не сразу поверил, что перед ним – члены «Силуэта». «Самая опасная террористическая угроза Франции?» Он не мог понять, какую опасность могла представлять эта кучка измученных людей. Разве что… им кто-то помогал?

- Добрый вечер, – поздоровался Дентон. – Надеюсь, ваш бункер защищен от радиосигналов?

Ответом было молчание.

- Я не враг, думаю, вы уже поняли это. Я брат Пола Дентона, друга Чада. Мне нужно с ним поговорить.

Стоявший впереди мужчина в полосатой бандане опустил дробовик. Другие последовали его примеру.

- Надеюсь, никто не следует за вами?

- Я принял все меры предосторожности, какие только мог.

Но рано или поздно они обнаружат ваше убежище – оно не так уж хитро спрятано.

- Мы знаем. Но мы не можем уйти пока. Идите к Чаду, он вам все объяснит. Он у себя в комнате.

Дентон не успел дойти до внутренней комнаты-сердцевины, на полпути его остановил мужчина в грязно-зеленом свитере, который выбежал наружу.

- Я Чад. Вы брат Пола, да?

Дентон посмотрел в его смуглое, почти коричневое тонкое лицо, обрамленное кудрявыми смолянистыми волосами. И зажмурился. Черт, он уже видел где-то это лицо. Точно...

Пятый курс Академии. Тактика боевых действий на улице. Им показывали видео: какой-то темный переулок города. Двое солдат и робот обстреливали троих грязных от крови повстанцев. И среди них – человек в зеленом свитере. Робот пустил в него целую очередь, но тот только пошатнулся и ракетой уничтожил и робота, и одного из солдат. На их место пришли новые солдаты, было очевидно, что человеку в зеленом свитере не выжить.

Кто-то побеждает очевидность... Чад.

- Я Джесс Дентон. Помните, я вам послал сигнал SOS, когда начался разгром «Синего Цветка»?

- Да, сигнал бедствия. Он спас меня тогда от французской тюрьмы, как минимум. Но теперь, боюсь, мы последуем за «Синим Цветком» в небытие.

- Я не знаю, что вам сказать. Ситуация не из лучших.

- Не будем об этом. Просто мои люди – не воины. Когда Маджестик-12 вошли в катакомбы, они отступили без единого выстрела. Но двое из нас сделали неосторожный шаг – и были захвачены. Сейчас, возможно, и мертвы...

Дентон хотел спросить, не нужна ли его помощь, но Чад говорил очень быстро:

- Что ж, вы рисковали и меня нашли. Зачем? Вам что-нибудь от меня нужно? Не думал, что после смерти Пола я еще кому-то интересен за пределами Франции.

- Помогите мне найти Николетт Дюклер.

- Что вы хотите от Николетт? – насторожился Чад.

- Она может вывести меня на союзников ее матери, Бет Дюклер, которые помогут в борьбе с Маджестик-12.

- А, Бет Дюклер, великая женщина… Она исчезла, я слышал.

- Она убита. Так вы можете мне помочь?

- Хм… Николетт действительно помогает нам, иногда ее помощь просто бесценна. Но у нее, кажется, есть свои мотивы. Я не претендую на то, что понимаю ее. Но я ценю своих союзников, чтобы так просто указывать след к ним людям, мне едва знакомым.

- Что это значит? Имени Пола недостаточно?

- Нет, вы не так поняли… Если бы речь шла только обо мне. Но Николетт мне дорога. Я должен убедиться в вашей лояльности, - вздохнул Чад. – Я вам верю, но тем не менее, не могу рисковать. Если вы друг, то поможете освободить наших товарищей, хотя бы попытаетесь. Боевики Маджестик-12 держат их в третьем бункере.

Дентон незаметно приподнял голову, наблюдая игру пятен света на низком потолке, и задал себе вопрос: это только с ним? Только ему суждено всю жизнь быть окруженным густым холодным недоверием, и прорываться сквозь него, разбивая голову. Каждый, кто встречается по обе стороны пути, вытягивает руку и удерживает его, не давая подойти, подозрительно осматривает его с ног до головы, проверяет, не обращая внимания на топор, занесенный над обеими головами… Каждый глубоко прячет тайны, пока они не потеряют всякий смысл, а за несколько скупых слов требует плату…

Каждый одарил его чашей недоверия. Даже собственный брат, человек, которому Дентон доверял всегда.

Почему никто не посмотрит в его глаза и не увидит там то, что есть на самом деле? Почему никто не поверит, не даст вере шанс быть верой, без черноты подозрения? Почему?

Потому что глаза – за очками. Никто не доверяет очкам.

Видимо, пауза затянулась. Чад пытался поймать его взгляд.

- Что-то не так?

- Нет, все верно, Чад. В вашем положении вы имеете право быть подозрительным. Только… спасения людей не стоило требовать. Я сделал бы это в любом случае, даже если бы вы обстреляли меня из своих ружей…

- Я не это имел ввиду, мистер Дентон.

- Понимаю. Просто укажите мне, где находится бункер.

- Вход находится напротив нашего убежища. Он заперт, но я дам вам ключ. Только прошу об одном – не делайте много шума. Они могут убить пленников, если поймут, что вы пришли за ними. Пол говорил, у вас немного опыта, вы новичок в нашем деле.

Да… – Дентон взял ключ. – Я новичок. У вас не найдется пару лишних обойм?

***

Донный ветер стелется по тоннелям и гулким залам катакомб, принесенный пришельцем сверху. Чутко замирают худые черные крысы, слыша неведомые, волнующие запахи. Они привыкли только к шагам – тяжелым металлическим шагам, в двух параллельных тоннелях, ведущих в холодный зал.

Вдруг в одном из тоннелей раздался глухой звук, шаги затихли. Через минуту звук повторился во втором тоннеле. Повисла полная тишина. А затем, со временем, появились новые шаги – едва уловимые, вкрадчивые – и уверенные, уверенные в том, что они достигнут своей цели.

Дентон вышел из тоннеля. Позади осталось много тех, кто надолго замер неподвижно на дне подземелья, на пропитанном холодом полу катакомб. Позади остались пустые бункеры, и какой-то бродяга, нашедший приют и здесь, невзирая ни на что.

А впереди – он уже видел сквозь очки с инфракрасными детекторами сверкающие нити лазерных ловушек. Бункер, где закрепились основные силы Маджестик-12, наверное, был защищен, как цитадель.

Выглядит, как шанс перебить подземную команду Маджестик-12, подумал Дентон, проходя между нитей красного и голубого огня. Но нельзя допустить... ох! Он чуть не задел мину-ловушку, пока размышлял про себя. Нельзя допустить гибели людей. Люди не должны пасть в чужой войне, которую они считают своей.

Они не знают, что это – война между ним – и *ними*. Он сам узнал об этом совсем недавно. Случайно узнал, что эта война предопределена. Война за будущее, которое неизвестно, за настоящее, которое могло бы быть озарено светом. Битва за тайны, которые д*о*лжно узнать, чтобы отвратить неотвратимое.

Это его война – просто потому, что больше никому ее вести не под силу. Она была создана для него, начата ради него, чтобы дать ответ на главный вопрос: кто он? Вопрос, поставленный еще Лебедевым. Кто же он? Инструмент? Жертва? Арбитр? Случайность? Какое место занимает он в этом «его» мире, который постоянно кричит о своей бесконечной старости...

Это главный вопрос. И на него не ответить, пока война не доведена до конца.

Заговор. Он разгадал не заговор организации против старого мира, не просто конспирацию группы новоявленных богов, стремящихся к абсолютной власти. Оставив сломанные ветки на долгом пути, он открыл глаза, закрытые у большинства в полночном сне. И в тени обнажилось большее. Заговор ночи, заговор дня.

Вся реальность – заговор, и нет ничего в подлунном мире вне его. Заговор темных сил против Божества изначально породил наш мир, плененный несвободой, неразлучный со смертью, страданием, злом, отделенный от Совершенной Первопричины.

(*Стены катакомб гулко и прозрачно дышат мелодией печального смеха. Где-то трещит и мечется от сырости огонь*).

А смысл его один – выявить того одного и дать ему шанс. Дать возможность выйти за пределы возможного и дотянуться до звезды, разрушив иллюзию ночи.

Приближаясь к сломанному каменному кресту и узкому входу в бункер, Дентон ощутил странное присутствие. Ощущение встречи.

Оголив нервы и погрузив их в раствор обжигающего холода, он тенью проскользнул в бункер, изнутри подобный бункеру «Силуэта», как два фотоснимка пустоты.

Точность, внезапность – а ошибки быть не должно. Главное – не промахнуться, подумал Дентон мыслью робота и сделал первый выстрел. Задушенный глушителем звук обратился в тихий хлопок, и стоящий в полутьме Зеленый грузно рухнул, взмахнув руками-крыльями. Но в той же полутьме, по всему пространству, стояли десятки других. «Оргия зеленых. Ужасные шаманские сборища биороботов-зомби... Сумасбродная зеленая мертвечина...» Дентон даже не успевал удивляться, а абсурдные мысли посещали его оставленный без тормозов мозг одна за другой. Глухие хлопки выстрелов превратились в очередь, и каждый достигал цели.

Ничем не погашенный, грохот автоматных и пулеметных очередей заговорил в ответ, но невозможно было поймать летящую тень в темноте. И в перекрестном огне тень оставалась невредимой. Это казалось невероятным.

Дентон вспомнил спасение Форда Шика из нью-йоркского коллектора. Что-то похожее повторяется. Кстати... Форду это спасение в конечном итоге не помогло.

А атакующих становилось все меньше. Дентон летал возле дверей, где, он надеялся, были заперты пленники, не позволяя никому к ним приблизиться. Только, к своему удивлению, он вдруг увидел, что бункер не замкнут, проем в стене вел в еще одну полость катакомб, по-видимому, очень большую и хорошо освещенную. Как подземный, запрятанный в катакомбах храм.

Свистящий звук, а за ним – Дентон увидел приближение дымящего хвоста ракеты, пущенной из этого проема. Кончики пальцев стали очень холодными. Он успел отшвырнуть свое тело в сторону, как выброшенный из пращи камень. Поверженный на пол, он увидел, как ракета разорвалась у дальней колонны, разворотив вековечный камень и уничтожив своего же солдата.

Еще один выстрел – и заложники внутри могут не выжить. В наступившей тишине он рванулся к проему. У дальней колонны стояла женщина в красном платье, и ее стройные ноги подгибались под тяжестью противотанкового орудия.

- Мэгги? – тихо произнес Дентон.

Она тоже смотрела прямо на него.

- Подойди, - приказала она, держа его под гипнозом разрушительного орудия.

Он сделал несколько шагов навстречу.

- Стой, - скомандовала Мэгги Чоу. – Кажется, мы остались совсем одни в бункере. Кажется, ты об этом позаботился. Только ты – и я. Меня это устраивает. Теперь можем и поговорить. Пленников я убью потом.

- Ты последовала в Париж специально, чтобы меня увидеть?

- Разумеется. Не могла успокоиться, пока не отблагодарю тебя за твой благородный поступок.

- Кажется, ты не извлекла из него ни одного урока. Ты чудовище, Мэгги, и тебе это, по-моему, очень нравится.

- Урок хочу дать тебе: никогда не пренебрегай возможностью убить своего врага; второй возможности не будет. В тебе слишком много человеческого – и это тебя убьет. Наверное, ты пытаешься казаться тем, кем не являешься. – Она вздохнула. – Слишком плохо. Ты бы мог столько достичь в новом мире…

Глухой выстрел оборвал ее уверенную речь на полувздохе. Она выронила огромное ружье, которое соскользнуло с плеча и грохнулось на пол, рассеяв эхо, похожее на злобный смешок сотни демонов. Она постояла еще мгновение, глядя перед собой невидящим взглядом. Потом стала клониться к земле. Дентон подхватил ее тело рукой и сразу выпустил.

- Я решил воспользоваться в этот раз твоим советом, Мэгги. Ты не оставила мне выбора. Рана смертельна… Да, кстати: ты не первая, кто пострадал из-за желания поговорить со мной перед расправой.

Глубокий стон-вздох вырвался из ее груди. Дентон смотрел на лицо ангела, ставшее мертвенно бледным, на глаза, ставшие в момент смерти еще шире. И все еще не верил, что внутри совершенной оболочки сокрыта только чернота, и дьявол рвется наружу в ярости и темном коварстве, в поисках новых орудий и новых тел. Не верил, хотя знал. И скорбел этот этого непростительного диссонанса.

Он оставил тело в красном платье на полу, подобрал со стола ключ и медленно пошел вдоль зала, похожего на храм… Чей? Непрозрачность символов настораживает. В таких местах бывает тяжело дышать, и в голову приходят странные мысли, и в голову приходят странные мысли. Наверное, это влияние конструкций. Или времени? Может, магнитные поля…

Неплохо бы освежить глаза ледяной водой, подумал Дентон.

Он выбил ногой и так уже наполовину сорванную бронедверь. Внутри сидели мужчина и женщина с напуганными лицами. Такой естественный испуг. Кажется, люди… Они не были связаны – фактор страха оказался достаточным, чтобы удержать их от побега там, где побег равнозначен самоубийству. При появлении незнакомца в темном плаще пленники вскочили.

- Не бойтесь, я от Чада. Он ждет вас в своем укрытии. Пойдем отсюда.

- Что…как вы сюда пробрались? – голос мужчины прерывался от волнения. – Они убьют нас, стоит только сделать шаг наружу.

- Я буду защищать вас, - ответил Дентон, зная, что защищать уже ни от кого не придется. Катакомбы снова стали пусты, как склеп. Статус-кво восстановлен, как когда-то не раз.

Видя впереди беззащитные, сутуловатые фигурки бегущих людей, Дентон неторопливо прошел по темным пространствам, уже не кажущимся чужими, коснулся пальцами древних стен, смакуя спертый, но не угнетающий воздух. «Здесь что-то происходило», - скажет случайно оказавшийся здесь искатель приключений в смутном будущем. А может, и не скажет ничего. Может, не будет ни его, ни этих стен… Что будет?

- Ваши люди благополучно добрались до убежища, - сказал он Чаду, найдя его в своей комнате.

- Я знаю, это почти невероятно! – воскликнул Чад. – Скажу прямо, мистер Дентон, не думал, что спасти их вообще будет возможно. Теперь у «Силуэта» есть новый шанс. Вы были, словно Deus ex machina в античном театре. Никем не предусмотренный счастливый случай.

- Хочу дать вам совет, Чад. Сейчас в катакомбах больше нет войск Маджестик-12. Подходящее время, чтобы уйти и скрыться в другом месте, пока укрытие не обнаружено. А это случится рано или поздно. Скорее рано…

- Их нет? Сюда вошли больше полусотни боевиков, два или три взвода коммандос. Куда они делись? – Удивился Чад.

- Коммандос – это зеленые? – уточнил Дентон.

- Да, биороботы. Очень опасные бойцы.

- Они ушли, Чад. Верьте мне.

- Теперь я готов верить каждому вашему слову. Вы, конечно, все еще хотите встретиться с Николетт?

- Да, и как можно скорее. Не исключено, что ей угрожает та же опасность, что и ее матери.

- Николетт большую часть времени проводит в ночном клубе La Porte L'Enfer в районе Елисейских Полей. Этот клуб – прибежище для многих членов «Силуэта».

- Как бы мне найти этот клуб?

- Он в районе Елисейских Полей. Туннели канализации, с которыми соединены катакомбы, выводят туда. Если вы не возражаете против грязи и сырости…

- Думаю, я могу потерпеть.

- Еще вот в чем проблема. Маджестик-12 заперли дверь, ведущую в коллектор. Я не знаю, где может быть ключ.

- Кажется, я уже нашел его, - ответил Дентон после короткого раздумья. – Спасибо, Чад.

- Джесс… Я не хотел говорить с вами о Поле, зная, что это, наверное, тяжело для вас. Но я переживаю потерю не намного меньше вашего. Он был моим другом – настоящим другом.

- Правда, не будем об этом, Чад, - ответил Дентон хмуро, чувствуя неприкаянный холод из-за двери, которую ты только прикрыл с трудом, уйдя в новый путь.

Вступая на залитую темной водой неведомую поверхность коллектора, Дентон знал одно.

Не стоит хоронить того, чьих мертвых глаз и белых век ты не видел. Даже если ты уверен. Ведь все, принятое на веру, может быть обманом.

Почти все, добавил Дентон про себя, пронзая взглядом тонны камня и земли до самых звезд.

Глава 3

Если призраки возвращаются

Ему нравилось ездить ночью; одиночество, цепенящий гипноз мчащихся навстречу огней, чувство удовлетворения оттого, что покидаешь город, где пробыл, кажется, уже слишком долго, радость, когда въезжаешь в новый город, едешь по его пустынным темным улицам…

Ирвин Шоу

Город жил наверху своей думой, невзирая ни на что и ни на кого. Всего за гранью канализационного люка. Можно дотянуться до него рукой – но трудно пересечь эту грань. Не потому, что нету сил. Не потому, что дверь закрыта. Просто ты умеешь предвидеть на шаг вперед.

Замерев на винтовой лестнице, которая вела наверх из канализации, на расстоянии протянутой руки от надземного мира Дентон вслушивался в разговор наверху. И снова речь шла о ком-то знакомом – и снова он не удивлялся этому.

- Он шпион, да?

- Бывший агент Коалиции. Герман был здесь, предупреждал, чтобы опасались его, как огня, и стреляли на поражение. Очень много наших погибло по неосторожности.

- Говорят, он похож на русского.

- Кто? Герман??

- Нет, шпион, Дентон. Что меня удивляет в особенности – как этот одиночка успел принести столько вреда, и до сих пор не остановлен?

- Слышал, главная его особенность – необычайная, просто невообразимая скорость реакции. Просто нечеловеческая. Каким бы быстрым ты ни был, он будет на шаг вперед, словно привидение, которое оказывается там, где захочет, движением мысли. Не зря говорят – дьявол. Не человек. И вообще, его голова полна секретов. Это совершенный

киборг, созданный спецслужбами США для уничтожения.

- Ну, думаю, эти его секреты не будут представлять ценности, расплесканные по асфальту?

Голоса умолкли. Дентон выслушал их, выслушал лай собак, грохот шагов огромных роботов. Нет, его встретит не город тихих парков и уютных кафе. Что-то меняется. Само пространство меняется. Нет спокойной будничности или мирной романтичности, за которые можно бы уцепиться, как за спасательный круг.

Крышка люка поднялась, отошла в сторону – и из проема никто не вышел. Удивленные солдаты склонились над темной скважиной и недоумевающе переглянулись между собой. Один из них сделал несколько выстрелов в темноту: на всякий случай. Огромный робот-охранник, башня на стальных ногах, обратил красные глаза-экраны в сторону выстрелов.

А за квартал от дороги на скамейку в маленькой аллее между домами сел человек в темном пальто с высоким воротником. Он не хотел бы сейчас взглянуть на себя в зеркало.

Чем больше в городе скамей, тем он гостеприимнее. Тем уютнее. Тем больше задумчивости витает над крышами домов и кронами его деревьев.

Дорожку аллеи подметал человек в темно-синей спецовке. Тщательно вычищая каждую щель и так чистой поверхности, он двигался быстро и почти грациозно. Когда он поравнялся с Дентоном, тот встал и освободил пространство.

- Вы выбрали довольно позднее время для работы, - попробовал заметить Дентон.

- У меня нет времени болтать, - откликнулся дворник. – Именно поэтому я и работаю ночью: чтобы избежать любопытных праздных и навязчивых людей, которые сидят и не знают, чем заняться.

- Я, должно быть, один из них?

- Я не знаю, кто вы, и мне не интересно. Я подметаю улицы, в этом вся моя жизнь.

- Ваш труд очень нужен. Возможно, нужнее и благороднее того, чем занимаются тысячи других, спящих сейчас. Они проснутся, примут преображенный мир, как само собой

разумеющийся, не зная, что он мог быть другим, что чей-то труд творит его... Но не это должно интересовать вас, а другое: тот, кто очищает мир и имеет к этому стремление, однозначно обладает и внутренней чистотой...

Ночной дворник прекратил свою работу.

- Мсье, вы первый, от кого я слышу подобные слова. Меня зовут Жак.

- Я Джесс Дентон.

- Американец?

Дентон сделал паузу, словно в задумчивости.

- Да... я родился в США.

- Это не важно. Люди и так поймут друг друга, правильно? Я хотел сказать, мсье, что эта работа не всегда была моей жизнью. Так случилось после того, как я отчаялся написать живую музыку.

- *Живую...музыку?*

- Вы не слышали о таком, не удивительно. Живая музыка – мой замысел. Я потратил на нее лучшие годы моей жизни. Мелодия, которая, оставаясь прекрасной, менялась бы при каждом новом прослушивании, и каждый раз звучала по-новому. Но при этом сохраняла принцип. Я использовал все технологии, какие существовали в моем распоряжении. Но не получалось ничего: либо использовалась готовая база данных, либо от случайной расстановки ритмов выходила какофония. И тогда я понял: мне не под силу создать живую музыку... Она не создается, она должна родиться. Хм... За последние десять лет вы первый человек, которому я рассказал об этом. Самое страшное – обманщица-надежда снова шепчет мне на ухо, подбрасывает идеи, просит вернуться к замыслу и не отчаиваться...

- Я впечатлен, - ответил Дентон. – И рад, что поговорил с вами.

- Я тоже, месье. Вы же знаете, что во время комендантского часа выходить на улицы запрещают?

- Я знаю, не беспокойтесь. Кстати, Жак, может, подскажете, где мне найти клуб La Porte L’Enfer?

- Конечно, - нахмурился Жак. – Если у вас есть деньги, чтобы просаживать их в подобных местах... Здание номер четыре. Частный клуб для богатеев.

Дентон прошелся по внутренней аллее до конца. А ведь он мог пройти другим путем. И никогда – никогда не узнать о человеке, который писал живую музыку. Мир бы не перевернулся – нет. Но и взмах крыльев бабочки может изменить судьбу мира.

Через инфолинк подключился Тонг. Дентон обратил внимание, что его голос изменился и хрипел.

- Париж находится на военном положении. Войска Маджестик-12 и французская полиция заняли улицы. Советую вам избегать и тех, и других, старайтесь не слишком светиться на улицах – вы слишком большая знаменитость. И еще, Джесс: ваш друг и коллега по Коалиции, Хайми Риез, в Париже. Он хочет встретиться с вами и передать что-то важное. Что-то очень важное, как он сказал, и мне не понравилось, каким тоном это было сказано. Вы можете найти его в кафе, это здание номер четырнадцать.

Дентон остановился перед входом, обрамленным кровавыми буквами «*La Porte L’Enfer*», - и прошел мимо. Не теперь. Сюда он еще успеет вернуться и войти. Но будет ли у него время, когда он отсюда выйдет? Вряд ли.

Ночь только начиналась. И ее чернота еще далека от своего пика. Дентон, скрываясь на краю дорог и в темных переулках среди домов, довольно быстро нашел кафе, о котором говорил Тонг. Совсем маленькое – но очень светлое и уютное. Дентон не чувствовал опасности здесь. Внутри стояли на возвышении всего три столика, за самым крайним у стены в одиночестве сидел, гадая на черном вине, Хайми Риез. Дентону непривычно было видеть на нем вместо белого халата серый свитер и темные джинсы. И сам доктор стал неожиданностью, сюрпризом не однозначно приятным, в сознании он остался за спиной черных ночей и того, что ими сокрыто. И все же – он здесь... Так успокаивающе выглядит это круглое доброе лицо, возле дедушки с таким лицом внуки чувствуют себя, как за крепостной стеной.

Только ему, Дентону, - не обмануться.

- Привет, Хайми, - сказал Дентон как можно веселее. – Я очень рад, что ты сумел выбраться из острова Свободы невредимым.

- Уолтон Саймонс внес меня в свой черный список. Да я и сам собирался уходить – мне все это приелось. Захотелось нормальной врачебной практики где-нибудь в провинциальном городишке... Кстати, путешествие пошло мне на пользу, - улыбнулся он. – Я похудел килограмм на десять. А вот ты, как всегда, бледен. Как тебе Париж?

- Можешь назвать меня ностальгичным, но, по-моему, парижские ночи утратили свой шарм. Осталось выяснить: во мне ли дело, или действительно что-то происходит снаружи.

- Думаю, тот громадный робот, что бродит на углу, может дать тебе ответ... Слушай, Джесс, - лицо Хайми стало серьезным. – Я приехал в Париж не просто так.

- Я догадался.

- Я меня для тебя сообщение, которое я не доверил передавать никому, даже Тонгу.

- Я весь внимание.

- Оно касается Гюнтера. Оно охотится на тебя, и рано или поздно где-нибудь настигнет.

- Мне кажется, я готов к борьбе, - Дентон пожал плечами.

- Я не сомневаюсь. Но ты не должен с ним сражаться, Джесс. Есть одна интересная особенность у механических агентов. Перед моим побегом я добрался до некоторых засекреченных медицинских файлов.

- Ты сильно рисковал.

- Оно того стоило. У механических агентов, последними из которых были Гюнтер и Наварре, тоже есть переключатели-убийцы. Но, в отличие от ваших, они действуют мгновенно и активируются при помощи голоса.

- Голоса??

- Так называемой «фразы-убийцы». Для Гюнтера это – «Лапутан-машина».

- «Лапутан-машина»... Что произойдет, если я это ему скажу?

- Мощнейший взрыв в его голове. Бам! А затем сработает общий самоуничтожитель.

Дентон помолчал.

- Честно ли это будет... Я бы не задумался, используя подобный трюк против Саймонса, его монстров. Но Гюнтер – воин. Он всегда действовал прямо, и пусть жестоко, зато без коварства.

- Он тоже монстр, у которого просто недостаточно ума для того, чтобы быть коварным. Джесс!

- Что?

- Он бы тебя не пощадил. Но ты вправе действовать на свое усмотрение.

- Тяжелое оно, это право, - ответил Дентон, глядя доктору в глаза.

- Когда многие полагают надежды – да, бесспорно. Джесс, я помню, как стоял перед экраном и наблюдал, как ты проходишь испытание. Для меня ты был просто одним из десятков других агентов. Я не мог знать...

- А мог ты знать, что судьба примет такой оборот?

- Из-за тебя, Джесс. Ты уничтожил «Синий Цветок» и разоблачил брата, ты же перешел затем на его сторону, первым открыто восстал против Саймонса и посеял смуту в Коалиции, которая привела к фактическому развалу прежнего агенства, убийству Мандерли, уходу старого состава. Ты уничтожил универсальный конструктор и запас вируса, ты натворил, возможно, еще множество дел, о которых я не знаю. И только через тебя возможно создание вакцины совместными усилиями. Наконец, ты единственный, кого боится Саймонс.

- Вижу, ты знаешь все. Но с чего ты взял, что Саймонс меня боится?

- Поверь. Я разбираюсь в людях... и в таких чудовищах тоже.

Тогда ты должен видеть, что это я его боюсь, подумал Дентон.

Я вижу, что и ты его боишься, подумал Риез, пряча взгляд на дне бокала. Но это ничего. Должно существовать хоть что-то, чего ты боишься.

- Я хотел бы очень многое с тобой обсудить, Хайми. Но опасно оставаться здесь, когда враги ходят в десятке метров за стеной. Когда-то, если все будет позади, мы встретимся и посмотрим, что от нас осталось. Посмотрим, обернувшись... Есть какие-то новости?

- Сэм Картер тоже покинул агенство.

- Правда? Когда я видел его, он не был настроен в этом духе.

- Я сам никогда бы не подумал, что он это сделает, но... Что-то, видимо, его заставило. Он отправился в Ванденберг на поиски Гарри Саваджа.

- Ученый, сбежавший из Района 51?

- Наверное, не знаю. Сэм говорил о каком-то «общем деле», или что-то вроде этого.

- Самое главное, что он в безопасности.

- Никто из нас не в безопасности, Джесс. Я начал спать днем – и очень чутко. А ночью – не могу. Приходится коротать время в местах, подобных этому. Я начал больше читать. Никогда до этого не знал, что значит по-настоящему читать. Вот раздобыл здесь книгу. - Риез показал какой-то глянцевый томик с сумеречным названием «Лепестки сумерек».

- Это подобно затянувшемуся кошмару.

Риез вдруг заметил, что Дентон уже не слушает его. Глядя широко раскрытыми глазами куда-то за его спину, Дентон сделал порывистое движение к окну и замер, пронзая темноту.

- Что-то не так, Джесс? – насторожился Риез.

Дентон не отвечал, продолжая что-то искать за окном. Потом произнес тихо:

- Это просто игра света и тени… – и, обратившись к Риезу, добавил, - кажется, Хайми, я переутомился немного. Мне уже мерещатся мертвецы.

- Тебе действительно нужно так торопиться? Дела не подождут до утра?

- Мне нельзя останавливаться, Хайми. Стоит остановиться – и меня настигнут.

- Тогда иди, за меня не беспокойся. Только не забудь поговорить с хозяйкой кафе.

- Зачем?

Риез выдал удивительно странную фразу.

- Она расскажет тебе о девушке, замурованной заживо в башне ее родового замка.

- Мне нужно это знать? – Дентон поднял брови.

- Хм… Просто она всем рассказывает эту историю. Я подумал, может, и тебе станет интересно.

- У Дентона возникло неприятное, мутное чувство, как у человека, споткнувшегося и едва удержавшегося на краю обрыва. Он почувствовал, что соприкоснулся с Абсурдом, как уже было когда-то. Но страшнее не Абсурд, а скрытый смысл, которого не понимаешь и принимаешь за абсурд. И он вспомнил тень за окном, которая вывела его из равновесия. И открыл книгу наугад, перестав обращать внимание на собеседника.

«Гашу лампу, снова встаю. На стене зияет бела дыра – зеркало. Это ловушка. И я знаю, что попадусь в нее. Так и есть. В зеркале появилось нечто серое. Подхожу, гляжу, и отойти уже не могу.

Это отражение моего лица. В такие гиблые дни я часто его рассматриваю. Ничего я не понимаю в этом лице. Лица других

людей наделены смыслом. Мое – нет. Я даже не знаю, красивое оно или уродливое. Но меня это не волнует».

Он ощутил опасность краем глаза, срезом луча. Перелетая через барьер, отделяющий столы от холла, разбивая своим выброшенным телом окно, он увидел, как в кафе вошли солдаты в черном. Вылетев, как ядро, из здания, он черной тенью прыгнул на газон и – исчез.

Он задержится в этом городе на некоторое время. Он не может уйти дальше просто так.

Глава 4

Если долго искать

Он знает о существовании зеркала, взглянуть в которое ему, увы, так надо бы, взглянуть в которое он смертельно боится.

Герман Гессе

Остаться – но не остановиться. Нет, ему не нужно место ночлега на эту ночь. Он зашел в этот отель просто так.

В просторном светлом холле стоял полицейский с рацией и солидной кобурой на ремне, совершенно, видимо, ним не заинтересованный. Метрдотель во фраке стоял за бюро неподвижно, рисуя что-то взглядом на стекле.

- Сожалею, но мест нет в отеле, - сказал он Дентону, даже не повернув головы.

- Мне не нужен номер... Слышали о Силуэте?

Метрдотель нервно дернулся, но взгляд его оставался бессмысленным.

- Нет... Никогда не слышал ни о чем подобном. Оставьте меня в покое.

- Конечно. Примите извинения за беспокойство.

Дентон сделал шаг прочь, но седоволосый клерк вдруг оживился.

- Возможно, вы ищете Рено?

- Да? А какие у меня могут быть с Рено дела?

- Вы... не тот, которого он хотел нанять на работу? Профессиональный вор?

- Впечатляет... – удивился Дентон.

- Вы найдете его в баре внизу, на первом этаже отеля...

Но Дентон уже не слушал его. Вместо этого он начал подниматься по ступеням к номерам. Что-то звало его оттуда...

Выйдя в коридор, Дентон понял, что именно это было. Телефонный звонок – снова – из недр какой-то из комнат взывал к нему, разрываясь, звук телефона, переставший быть просто раздражающим. Звук вел его, не давая ошибиться.

Дентон толкнул дверь, которая была открыта, и вошел в совершенно пустой номер, где кровать была застелена и холодна. Горничная деловито пылесосила ковер. Увидев темного незнакомца, она испуганно вскрикнула, но он не обратил на нее внимания. Сделав несколько широких решительных шагов к столику, Дентон поднял трубку, в этот раз не задумываясь.

Икар взывал к нему сухим электронным шепотом, словно из потаенных порталов Хаоса, покрывая мозг влажным сосущим щупальцем:

- Иллюминати будут использовать вас, чтобы вернуть себе власть. Не будьте обмануты. Не дайте себя обмануть...

- Хорошо, - ответил Дентон в трубку, зная, что никто его не слышит. – Спасибо за заботу, кусок электронной грязи.

Дентон спустился к бару, повернув направо и выйдя в просторный зал, почти пустой. Только за одним из центральных столиков сидели двое смуглых мужчин в костюмах и черных очках. Минуя их, Дентон прошел прямо к бармену.

- Кто эти двое за столиком?

- Пара головорезов. Не обращайте на них внимания. Что-нибудь выпить?

- Спасибо. Я не откажусь от бокала красного вина.

- Божеле – все, что осталось. Кухня в такое время закрыта.

- Не имеет значения. Слышали о «Силуэте»?

- Вам нужен клуб *La Porte L'Enfer.* Здесь нет революционеров.

- «Нет Революционеров»? В вашем тоне звучит осуждение. Такое впечатление, что вас удовлетворяет существующий режим. Разве вам нравятся перекрытые дороги и блокированные метро?

- Маленькое неудобство. Единственный способ навести порядок.

- Беспорядок и возмущение не возникают на пустом месте. Люди борются не с тенями – а против чего-то.

- Чего, например? – бармен небрежно пожал плечами. – Против собственного правительства, ими же избранного.

- Против заговора, который использует правительство, как прикрытие, сохраняя иллюзию его существования…

- Ну да, конечно. Эти истории я слышу каждый день, обычно от людей, которым больше некого обвинить в своих неудачах и в бессмысленности своего существования.

Дентон сделал небольшой глоток и неслышно поставил бокал.

- Каждый из нас по-своему безумен и жалок. Существование каждого относительно бессмысленно… – Дентон выдержал паузу. – Беда в том, что не у всех хватает мужества признать это.

- Конечно же, у вас есть буклет, где обо всем этом доступно написано. – С показным вниманием спросил бармен. – И где описывается выход их всего этого?

- А выхода… выхода нет, - просто ответил Дентон, допивая вино.

- Как нет? – кажется, этот ответ не был предусмотрен.

- Нет… – Дентон поймал взгляд своего случайного собеседника и цепко удержал его. – А разве есть?

- Если у вас нет больше ко мне вопросов, я, пожалуй, займусь работой, - бармен взял полотенце и начал протирать хрусталь.

- Один вопрос. Не слышали о Николетт Дюклер?

- Простите… Она гость отеля?

- Нет. Человек, близко связанный с «Силуэтом». Мне нужно найти ее.

- Вполне возможно, что ваша подруга мертва, - вздохнул бармен. – Правительство и спецподразделения ООН практически завершили подавление сопротивления.

Это они так думают, произнес Дентон про себя. Они еще не знают, что все только началось.

А потом в голову пришла ужасная мысль, вызванная словами бармена. Может быть мертва… Он и забыл, что грозит человеку, которого он еще не видел, но кого должен любой ценой встретить и защитить… Забыл, что сделали с ее матерью. Даже в устах Дедала это звучало страшно.

Особенно в устах Дедала.

Пришла пора найти этот клуб, найти Николетт. И выполнить то, что должно.

Но уйти быстро не получилось. Проходя мимо столика с загорелыми парнями, Дентон был остановлен окликом.

- Эй, красавчик! Можно минутку вашего внимания?

Дентон повернулся.

- Вы выглядите, как крутой парень. Не хотите заработать денег?

- Я не нуждаюсь в деньгах.

- Оно того стоит, поверьте.

- Вы Рено? Что вы хотите украсть?

- Вижу, вы уже обо мне слышали. Хозяин пекарни на углу держит в печи зелье - первоклассный кокаин. Я бы бомбанул пекарню сам, но там лазерные ловушки и сигнализация. Для тебя это не проблема, верно? Я плачу пятьдесят кредитов за дозу.

- Я же говорил, меня это не заинтересует.

- Вам мало денег?

- Нет. Но я не хочу этим заниматься.

- Грязный бизнес, понимаю: вы не хотите пачкать руки, - кивнул Рено. – Но ваши руки не будут испачканы. Шестьдесят пять за дозу, окей? Это последняя цена – такой вам больше не даст никто.

- Я сказал нет. Точка, - ответил Дентон, сдерживая раздражение. Но потом в голову пришла одна мысль. – Хотя постойте, Рено. Быть может, я и проверю пекарню.

- Я буду ждать здесь, - ответил Рено, снова успокаиваясь. – Не слишком задерживайтесь.

- Я буду быстр. Ждите меня здесь.

Дентон подошел, минуя сонного метрдотеля, прямиком к полицейскому.

- Месье, вы знаете, что в отеле находятся два наркоторговца? Я могу помочь поймать их с поличным.

- Рено? – откликнулся полицейский с провансальским акцентом. – Мы знаем. Но сейчас у нас другие проблемы.

- Они здесь, в баре. Это будет элементарно арестовать их.

- Вы что, плохо слышите? – полицейский лениво повысил голос. – Мы находимся под чрезвычайной террористической угрозой. Мы не можем позволить себе заниматься простыми ворами и наркодельцами. С Рено мы успеем разобраться на днях.

Дентон сделал шаг вперед и понизил голос.

- Как бывший полицейский я скажу вам: это ваша обязанность задержать этих преступников сейчас.

Выражение лица полицейского изменилось.

- Месье! Проверьте лучше ваше удостоверение личности и наличие пропуска на время комендантского часа, и не мешайте мне работать!

Дентон прикрыл глаза.

- Разумеется. Простите мою бестактность.

Дентон прошел до угла. Сквозь большие окна запертого темного здания он увидел красные панели сигнализации, нити лазера и черный зев печей. Выстрелом разбив стекло и еще двумя разбив вдребезги устройства сигнализации, он прыгнул внутрь и, перелетев через лазерный барьер, включил свет. Кучи газет валялись вдоль стены, уставленной плитами и кухонной утварью. Большая печь занимала угловое положение. Дентон окинул дверцы. В нише, подальше от нагревательного диска, лежало около дюжины баночек белого порошка, и два темно серых квадратных пистолета. Плазмопистолеты… Они действовали один раз, но их выстрел прожигал и убивал все, что попадалось на его первом и последнем пути… Дентон спрятал пистолеты в карманах пальто. Потом поочередно высыпал ангельскую пыль на нагревательный диск, закрыл дверцы, включил энергию на полную мощность.

Так, разнообразить бесконечный досуг… Дентон мог, конечно, не делать этого: ведь он ничего не изменит. Белая ангельская пыль всегда будет найдена теми, кто ее ищет. Он обернулся – и тот, кто наблюдал за ним, скрылся в тени.

Опять наваждение, подумал Дентон. Лучше не обращать внимания. Он выпрыгнул на тротуар…

- Цель обнаружена, - услышал он голос справа, в метре от себя, глухой и гудящий. – Открываю огонь на поражение…

Дентон немного повернул голову и увидел два пулемета-руки, направленные на него, и черные глазницы богомола. И тогда он понял: его путь может быть завершен здесь и сейчас. Бесславно, бессмысленно. Глупо. И не по сценарию.

А потом растянувшийся миг разорвал выстрел. Дентон встретил его, не закрывая глаз…

***

Выстрел грянул – зеленый биоробот упал, как срезанный камыш. Дентон повернулся, не понимая, что произошло. А потом – понял. И посмотрел в непроницаемую темноту по ту сторону дороги.

Он не один, это радует. Это пугает, когда не знаешь, что произойдет за мгновение. Но лучше пусть будет так.

Что он сумел бы сам? Самодостаточность – иллюзия в этой ночной игре, и утешаться ней глупо.

Но он не любил призраков. Они могут лишить покоя.

У парадного входа клуба *La Porte L'Enfer* стояли два коммандос и четверо солдат Маджестик-12. Должен быть и черный ход, подумал Дентон, обходя клуб тремя кварталами, той же аллеей, где встретил Жака – творца живой музыки.

С другой стороны огромного дома действительно темнела скромная, обветшалая дверь. Конечно, она была заперта, но Дентону не в первый раз было находить общий язык с замками и ключами, знающими себе цену.

Дверь уступила мягким уговорам на второй минуте. По полутемному коридору Дентон дошел до первой комнаты – светлой гостиной, похожей на комнату отдыха, где сидел, уютно устроившись в кресле, мужчина в смокинге, и смотрел телевизор. Плоский мутный экран занимал добрых полстены. Утомленная женщина с кожей синего оттенка добросовестно передавала последние новости. Почему-то Дентон задержал на ней взгляд…

- Продолжается операция сил ООН против террористической группы «Силуэт». По последним разведданным, организации была оказана помощь в сопротивлении крупнейшим террористом последнего десятилетия – одиночкой Джессом Дентоном. Дентон уже несколько раз был объявлен мертвым, но, очевидно, какое-то дьявольское везение сопутствует ему, позволяя каждый раз уходить невредимым от антитеррористических сил. Дентон продолжает действовать и угрожать покою мирных граждан на всей планете: по словам главы Трехсторонней Комиссии Боба Пейджа, его мобильность поражает, и никто не знает, где он может быть сегодня, куда приведет его кровавое путешествие. Остановить его – задача номер один на повестке дня миротворческих сил свободного человечества, а особенно - Антитеррористической Коалиции, как заявил глава этой международной организации Уолтон Саймонс. Но, добавил он, мы не можем сделать этого без поддержки и сотрудничества всех свободных и сознательных граждан планеты.

Затем вместо диктора на весь экран появилось изображение Дентона в полный рост.

Глаза Дентона расширились. Он смотрел на себя, и не мог узнать. Не мог поверить, что это схематичное изображение, взятое неизвестно откуда, эти недвижные квадратные черты – его. И это пустое, неосмысленное выражение глаз – результат общего впечатления.

Да, кто-то стоял на этом фото в его плаще и сапогах, в черных очках, с коротко стриженными черными волосами, высокий и широкогрудый. Но НЕ ОН. Этого нельзя было обнаружить сразу, но становилось очевидным при втором взгляде.

- Учитывая кризисность ситуации, Коалиция повысила сумму награды за поимку террориста вдвое. Теперь она составляет двадцать тысяч кредитов.

Мужчина, обитатель комнаты отдыха, наверное, почувствовал какое-то движение воздуха за спиной. Он обернулся, и выражение лица изменилось. Он вскочил на ноги. Посмотрел на Дентона изумленными глазами, обернулся, взглянул на изображение в экране, и вновь на него.

Дентон сделал успокаивающий жест рукой.

- Не обращайте внимания. Я только на минутку.

Поначалу испуганный парень не смог выговорить и слова.

- Мне нужно найти девушку, ее зовут Николетт Дюклер. Я смогу встретить ее в клубе?

- Я... я всего-навсего бухгалтер. Ничего не знаю о гостях клуба.

- Хорошо. Тогда забудьте.

Дентон снова вошел в коридор, но услышал за спиной.

- Эй, месье...

- Да? – обернулся Дентон.

Бухгалтер развел руками:

- И вы не боитесь, что я сейчас позвоню в полицию и сообщу о вас? Получу двадцать тысяч?

- Не боюсь, - Дентон покачал головой.

- Почему?

- Потому что вы знаете: если это случится, мне придется найти вас и убить.

Их взгляды встретились. Бухгалтер был бледен.

- А если вас убьют раньше?

- Меня уже убивали несколько раз. По всей видимости, это не помогает.

- Подождите, - бухгалтер вышел на середину комнаты. – Вы в этой игре, я понял. Не говорите больше ни слова. Я хочу просто сообщить кое о чем, что может вас заинтересовать.

- На самом деле, я не могу сейчас отвлекаться.

- Конечно. Но за два квартала отсюда в квартире номер семь живет контрабандист оружия. Он за городом сейчас, - бухгалтер понизил голос. – Квартира пуста.

- Спасибо, - ответил Дентон сдержанно. – Но мне не нужно оружие сейчас.

Его собеседник приблизился вплотную и перешел на шепот.

- Нет, вы должны побывать в этой квартире. Поверьте мне: вы должны, и эти слова означают больше, чем кажется.

Шепот звучал жутко. Будто бухгалтер знал о чем-то, чего Дентон не знал, но что касалось его лично. Дентон развернулся и решительно вышел.

Коридор привел прямиком к кухне, а затем – к барной стойке с внутренней стороны. Дентон оказался за спиной у бармена, и тому это явно не понравилось.

- Что вы здесь делаете? – раздраженно-удивленно воскликнул он.

Стоящий в углу огромный охранник-колумбиец присоединился.

- Как вы сюда попали? Вы что, зашли с черного хода? Он же запечатан??

- Ваш бухгалтер проводил меня сюда, - ответил Дентон скромно.

- Тогда исчезните отсюда, и не попадайтесь нам на глаза.

- Одну минутку. – Дентон повернулся к бармену и начал издалека. – Тяжело вести бизнес во время комендантского часа?

- Тяжело? Тяжело! Да только посмотрите: клуб почти пуст. Чтобы не обанкротиться, мы вынуждены пропускать всех подряд, кто может заплатить. Люди даже не могут использовать метро. Как можно попасть в клуб без метро?

- Что до меня, то я использовал подземные тоннели канализации, - признался Дентон.

- Это все, что вы можете – крысы!

- Члены «Силуэта» - вы их имеете в виду?

- Не только «Силуэт». Новые гестапо. Скоро мы не сможем выходить за порог своих домов, как это уже было долгой ночью больше ста лет назад, которая еще долго будет в памяти Парижа.

- Гестапо?

- Не французские солдаты. Некоторые даже не разговаривают по-французски. Они нарочно носят черную форму? Хотят напомнить нам об оккупированном Париже прошлого века... И снова мы видим нашего президента только по телевизору, и пот капает с его усов, поскольку – это очевидно – кто-то держит ствол у его виска.

- Вы, должно быть, правы на этот счет, согласился Дентон, чувствуя какую-то напряженность в этом здании. Бдительность стражей немного усыплена его болтовней... Теперь – нужно торопиться. Что-то может произойти. Что-то – уже не произойдет никогда.

Но где искать? Дентон беспомощно огляделся. В клубе несколько этажей, множество залов и комнат, десятки людей. Хочешь не хочешь – придется продираться к смыслу сквозь пласты иллюзий.

Никто не знает больше, чем люди, которые здесь работают. Дентон прошел в соседний зал, чувствуя затылком пристальные взгляды охраны из углов и наблюдательных площадок. Клуб имеет собственное назначение, связанное с этими людьми, с посетителями-однодневками, со случайными

зашедшими. Но внутренне – внутренне ничто его с ними не роднит. Огромный панцирный покров, разделенный на сферы-пребывания, оболочка другой жизни, иного существования, разбросанного по углам и этажам – от молочного забвения до ярких, угрожающе агрессивных тонов отдельных танцевальных площадок. Что же его ждет, это здание? Трудно сказать сейчас. Но, наверное, *ничего* – стоит лишь последнему посетителю уйти…

В зеленых проблесках светомузыки за стойкой, пошатываясь в такт мелодии, стучала ногтями по полированной поверхности девушка-бармен. Выглядела она немного странно: с черными от туши веками и глазами, черными губами, в черном коротком платье.

- Классное пальто, - оценила она одеяние Дентона, кивнув, и только потом подняла глаза. Дентон удержал ее взгляд и заставил его приобрести смысл волевым усилием.

- Я ищу Николетт Дюклер. Знаете ее?

- Что вы хотите от мадемуазель Дюклер? – лицо его собеседницы сразу стало сосредоточенным и утратило дебильный лоск.

- Я союзник ее друзей. Мне нужно предупредить Николетт об опасности…

- У мадемуазель Дюклер нет друзей, о которых она не знает. Скорее, они могут оказаться шпионами или подосланными убийцами. Но у этого клуба хорошая охрана. Кроме того, хозяин, месье Таро, сейчас здесь. Если вы замышляете что-то плохое – вы не будете арестованы. Вы будете мертвы.

- Пусть у меня заберут оружие и приведут к ней под конвоем.

Ее лицо снова внезапно приобрело бессмысленное выражение.

- Я не знаю, где мадемуазель Дюклер, на самом деле.

Дентон бы ушел сразу, но ногти девушки отбивали дробь на пластиковой поверхности слишком уж нервно. Что-то… Дентон прошел по ее глазам, губам, подбородку, изгибу шеи лучом взгляда немного прищуренных глаз. Она раскрыла глаза в ответ, он коснулся ее руки.

- По правде говоря, черный цвет тебе не очень к лицу. Разве что, если это маскировка под темную ноябрьскую ночь...

Она уколола ногтем его ладонь и ответила шепотом:

- По крайней мере, это не глупее, чем ходить в плаще и очках, в которых тебя узнает каждый и везде. Не сделав даже такой мелочи, как изменение облика, для собственной безопасности.

- А если я знаю, что эта мелочь не обеспечит безопасность? Не спасет?

Она пожала плечами.

- Не знаю тогда, почему ты еще жив. Какой дьявол тебя оберегает?

- А кто я?

- Лучше оставь меня в покое, - ответила она нервно, будто избегая какой-то невидимой опасности, опасаясь чьих-то ушей и глаз. Как неоспоримый аргумент, над поверхностью стойки показался ствол обреза.

Столиков было немного в зале, разделенном на две секции зеркальной перегородкой. Посидеть в темном углу в ауре мягких мелодий наедине с собой стоило достаточно дорого, чтобы защитить заведение от эффекта толпы. Минуя одиноко склонившегося мужчину в палевом костюме, Дентон сел на краю неподалеку от двух женщин, ведущих тихую, однако неуютную беседу. Глядя в их сторону, Дентон сомневался, что одна из них – Николетт. Но все может быть.

Он не пытался обмануть свой слух, и отрывок из разговора достиг его ушей.

- Я слышала, Чад мертв.

- Ты уверена?

- Войска обнаружили его укрытие в катакомбах. Ему невозможно уйти.

- Его убежище достаточно надежно.

- Он окружен. Кажется, Франция потеряла своего героя.

- Ты уверена, что это герой?

- Иногда мне кажется, что это реинкарнированный Вольтер.

- Как революционер, возможно. Не как философ. Мне кажется, эта борьба не приведет ни к чему. Она уже задыхается. Но мы уже не можем без нее – странно...

Необычное место этот клуб. Прибежище «Силуэта», сказали ему. Место встречи французского бомонда с настроениями декаданса. Лучше уйти дальше. Но – нельзя уходить просто так в местах, в которых замечаешь странность.

- У меня хорошая новость для вас обеих. Чад жив.

Обе повернули головы в унисон и посмотрели на него. Дентон привык к этому взгляду: удивление, смешанное с подозрением. Наверное, к нему должен привыкнуть каждый человек без определенного места жительства, без определенного места в обществе, который пытается вмешиваться в тот установленный, упорядоченный круг интересов, что оберегается от вмешательств.

- Кто это? – спросила одна из них подругу.

- Американский акцент. Какие дела могут быть у тебя с «Силуэтом»?

- У меня есть дело к нашим общим врагам, для которых Франция – далеко не единственная цель.

- Так что с Чадом?

- Ему угрожает опасность по-прежнему, но он жив. Его укрытие надежно.

- Это действительно хорошая новость. Мы благодарны вам за нее.

- Слышали имя Николетт Дюклер? Я смогу найти ее здесь?

- О да! – оживилась блондинка. – Николетт, она здесь. Она...

- Она не хочет, чтобы ее нашли, - холодно остановила ее подруга и повернулась к Дентону. – Мы не знаем вас, оставьте нас в покое.

Наивные дамы не понимали: если бы Николетт грозила опасность, она пришла бы иначе. Ей не потребовалась бы помощь праздных посетителей. Стоило в клуб войти взводу коммандос – и живым бы отсюда не вышел никто. Или одному Дентону – с подмененным разумом...

Он ушел на второй этаж, столкнувшись на лестнице с седым мужчиной в белом костюме. Месье Таро, догадался Дентон. Владелец клуба.

- Вас все устраивает, я надеюсь.

- Абсолютно, - Дентон не решился говорить с ним о Николетт.

- Думаю, я нашел наилучшее соотношение между Дионисием и Аполлоном. А вы как полагаете?

- Я думаю, здесь достаточно гармонии. Если я изменю свое мнение, то обязательно поставлю вас в известность.

Верхний этаж пустовал. Клубная музыка электричностью нот рвала пустоту на мелкие лоскуты. Молодая девушка, почти девочка, танцевала в одиночестве со своим отражением, перед зеркальной стеной, единственная в зале, не очень обращая внимание на ритмы музыки. Огненные волосы упали на глаза, но, наверное, не мешали видеть проходящего мимо пришельца в темном плаще.

- Клод? – повернулась она к нему, потом равнодушно потухла. – О, моя ошибка.

Дентон остановился. Его приняли за другого не просто так.

- Кто такой Клод?

- Клод был моим другом, - охотно объяснила она. – Он приходил сюда когда-то. Но его убили, так мне сказали знакомые. Они сказали: не жди Клода больше, он занимался опасным делом и не умел беречь себя. Я лично думаю, что Клод был связан с «Силуэтом» и этим погубил себя.

- Как он выглядел?

- Очень похож на вас, очень... Только без этих очков. Но я сразу поняла, что вы – не он. Я видела Клода лишь несколько раз, но считала его другом. Он был добр ко мне,

очень приятный в общении. Кажется, у него для всех находилось несколько слов, и странное дело... Это были слова, которых ждал каждый.

- Вы давно его видели?

- Неделю назад или дней десять... А что, вы знаете его?

Дентон вздохнул. Нет, речь шла не о Поле. Десять дней назад Пола уже не было в живых.

- Я так думал, - ответил он ей. – Я ошибся.

- Берегите вы себя. Не допустите, чтобы с вами случилось то же самое. Я потеряла стольких друзей уже.

- И поэтому теперь танцуете одна?

- Не это угнетает меня. Только темнота и холод снаружи. Если хотите, вы тоже будете моим другом.

- Я благодарен за честь, но... Мы видимся в последний раз, думаю.

- Разве это важно? Друг, родная земля и правда имеют ценность вне расстояний. Более того, человек ценит их больше, когда лишается...

Дентон был уверен, не зная отчего, - эта девочка не Николетт. Но никто не скажет ему о Николетт, а поиск начинает утрачивать смысл.

Может, Николетт нет в клубе. Может... ее вообще нет? И это миф, фантом, созданный, чтобы запутать его в бесконечном лабиринте по имени Клуб, возведенном им самим?

Он прошел мимо двух столиков, одиноко стоявших в углу, единственных на всем втором этаже, прошел мимо разрисованной девицы, вульгарный вид которой не располагал к поиску в этом направлении. Дентон начал спускаться вниз, но потом вернулся. Он чуть не забыл правило номер один любителя ночных прогулок: не упускай из внимания даже то, что, по-твоему, не имеет смысла. Потому что ты не можешь знать, так ли это на самом деле.

Дентон споткнулся взглядом о черепа, украшавшие ее колени, и чулки, цвет которых почти взрывался всеми цветами радуги. Потом, поднявшись по странному платью дикого

фантастического стиля, окончательно потерялся в лице, настолько спрятанном под пластами черной и красной косметики, что походило на маску. Светлые волосы беспорядочными локонами падали на плечи, виски, глаза.

- Привет... – поздоровался Дентон, став напротив, и, не дождавшись ответа, продолжил. – Вы знаете Николетт Дюклер?

Она молчала долго, выискивая смыслы в черноте вина на дне своего бокала, и Дентон начал сомневаться в ее способности говорить. Но потом он услышал довольно приятный голос:

- Я знаю ее имя. Я знаю, что мать называла ее ангелом.

- Мне нужно найти ее, это очень важно и в ее интересах.

- А вы знаете, что в ее интересах?

- Догадываюсь. Я должен встретиться с друзьями ее матери. Я не скажу вам больше.

- Ангел. Это сделало бы ее падшим ангелом, не так ли? – Она даже не отвела взгляда от своего бокала. – С чего вы взяли, что Николетт предаст друзей своей матери?

- Я не враг им. Чад будет ручаться за меня.

Она посмотрела на него таким образом, что стало немного не по себе.

- Вы убийца, или как?

- Откуда такой вопрос?

Она сложила руки на коленях.

- Ваши глаза... В них холод, отсутствие сомнения... и какая-то мука. Я уверена: вы можете убить, и рука не дрогнет. Не как палач – как наемник... В стремительном движении. Я ничего не знаю о вас – но я уверена, что права. Можете даже не показывать мне ладонь – вы и сами найдете кольца на линии ума.

- Я не причиню Николетт вреда, я пришел защитить ее. Я готов встретиться на любых условиях.

Он не знал, убивало его что-нибудь больше, чем это постоянное всеобъемлющее недоверие. Каждый встречный, случайный попутчик считает своим долгом…

Странно, что она еще ничего не сказала о его… прозрачности. Не увидела?

- Я поговорю с Николетт, и она примет решение. Завтра, в полночь… Но не здесь. Не здесь… – Она задумалась на миг. – В конце этой улицы дорога поворачивает в парк. Большой парк, все люди, попавшие туда первый раз, теряются. Но светлый… Она встретит вас там, - здесь девица второй раз посмотрела Дентону в глаза. – Если захочет.

- Она не должна играть. Время не будет ждать.

- Мы все играем. Слеп тот, кто этого не замечает.

Дентон неосознанно выбрал парадный вход для того, чтобы покинуть клуб на этот раз. В начале коридора на него наскочил агрессивный незнакомец:

- Эй! Что-то я не видел, как ты вошел! Решил проникнуть в клуб, не заплатив?

- Я искал…

- Заткнись! Плати триста кредитов за вход, или я сообщу в полицию!

Дентон безразлично бросил деньги на стол.

- Примите мои извинения.

- Плевал я на твои извинения! – слышал он за спиной. Точнее, не слышал уже.

На улице, на скамье, играл старик на скрипке. Дентон остановился, слушая: он любил скрипку. Скрипка часто звала его ночами – куда-то за Предел, куда-то в безбрежность… А чем больше скамей в городе, тем он гостеприимнее.

Пора заканчивать эту главу: она затянулась, угрожая затеряться на дне чужих сердец, темных, еще не дрогнувших.

А ведь момент может быть утерян, бабочка хлопнет крыльями, когда глаза будут закрыты.

- И тогда… Кто знает?

Глава 5

Если в сказку попадешь…

Прошлое по своей природе – это призрак. Как ни гони его, оно вернется и неминуемо возникнет.

Хосе Ортега-и-Гассет

Ты помнишь меня? – встретились двое под темным небом.

- Я вас не знаю, извините. Я спешу.

- Это же я… Я вспомнил, почему ты не можешь? Голубое пламя Ориона, снежные равнины за порогом времен, - его голос звучал надрывно. – Ты – и я. Память разрывает меня изнутри, а ты – не помнишь?

- Какой-то псих, оставь меня в покое! – она нервно дернулась и побежала прочь от порога пустующего дома.

А по ступеням пустующего дома поднимался одинокий человек. Случайный прохожий, который не станет смеяться.

Дом контрабандиста оружием, которого нет в городе – так сказали Дентону об этом доме. А ему показалось, что здесь живет поэт или чудак, избегающий пустых разговоров со знакомыми и последним уходящий с работы. Венок полевых цветов над дверью, исписанные задумчивыми стихами стены… Дентону бросился в глаза один:

В окно тюрьмы смотрели двое сквозь решетку.

Один увидел грязь, другой – сиянье звезд…

Пошел дождь. Дентон постоял минуту, другую, слушая стук капель о холодную дорогу. Спокойный, успокаивающий стук, в нем нет ни зла, ни благих намерений. Просто дождь, который можно долго слушать под крыльцом оставленного дома…

Дентон открыл дверь – дверь не была против. Дремлющий в углу огромный серый пес вскочил на мощные лапы и бросился к незваному гостю, не издав ни звука. Дентон внутренне напрягся, готовясь к защите, но лохматый страж в последний миг прыгнул у самых ног гостя и спокойно посмотрел ему в глаза. Дентона озадачил этот слишком осмысленной взгляд.

- Ты умный пес, да? – произнес Дентон вслух. Пес махнул хвостом и побрел на свое согретое место. Дентон ощутил, что вновь не понимает чего-то. – А я, наверное, дурак.

Спокойным казался дом, потому что в нем было темно, как и за окном, и он не пытался оспаривать Право ночи. Дентон не нашел ни одного рубильника или выключателя. Ни одной настольной лампы. А свечи? Может быть, где-то они и есть. Правда, внутренний сумрак позволял рассмотреть две комнаты, дальняя из которых выходила на широкую дорогу.

На столе у кровати лежал пистолет, обоймы к нему и несколько метательных ножей. И раскрытая книга – ее читали вот, только что, иначе не оставили бы ее так. Книги не оставляют раскрытыми просто так, если уезжают в долгую поездку.

«Старуха машинально поглядела на потолок.

Он что, наверху?

Ну да, там его спальня.

А вдруг он умер... – тягучим голосом проговорила старуха, словно рассуждая сама с собой.

Вот еще! – лицо официанта выразило неподдельное негодование. – Только этого не хватало!

А вдруг он умер... У меня тоже возникла эта мысль. Такого рода мысли приходят во время тумана».

Дентон спрятал обоймы в пальто, ножи тоже. Ему не верилось: это все, что должно быть найденным? Проходя вдоль стены, он вдруг заметил странный шум в *неведомом* за ней. Женский голос.

Женщина пела песню – пела на неведомом Дентону языке, а потому обретавшем магический смысл. Дентон не понимал ни слова, но каждый звук открывал бездны смыслов тому, кто хотел слушать. Он знал: это грустная песня. Не песня о грустном – но о грусти, самой по себе, приходящей в дождливую ночь, когда не спится. Которая не обманет.

В книге была закладка. Странно, Дентон не придал ей значения вначале. Присев на краешек кровати, стараясь не смять ее, он развернул этот клочок бумаги.

«*Силуэт хочет встретиться с тобой. Не пытайся понять тех связей и совпадений, которые расставлены на пути: ты*

запутаешься еще больше. Силуэт хочет встретиться сегодня в четыре часа утра в полуразрушенном доме в конце аллеи четырех нимф. Не пренебрегай приглашением: Силуэта не встречают дважды»

Дентон посмотрел на пса. Чуткий зверь приоткрыл один глаз.

Ты тоже почувствовал, правда?

Дентон подошел к окну, ничего не ожидая увидеть за ним. Только разглядел экзотического золотого зверя, оформленного кронами осенних деревьев. Зверь был похож на Змея с пурпурными чешуями – только с парижским философским видом и эссенцией усталости в позе.

По дороге мерил шагами дорогу неторопливый биоробот, ему навстречу шел солдат в черном. Даже их бдительность была усыплена приглушенным напеванием ноябрьской ночи. Робот-башня на повороте с красными фарами-глазами выглядел почти игрушкой, как в новогодней детской сказке. Осколком льда повисла в нечистом небе луна. Осколками льда рассыпалась в воздухе тишина.

А затем в тени колоннады Дентон увидел призрака. Призрак был слишком неосторожен.

Выбив стекло своим выброшенным, как в выстреле, телом, Дентон прыгнул на тротуар с высоты второго этажа и как ветер полетел к колоннаде. Остолбеневший ночной страж был лишь сбит ветром промчавшейся тени. Призрак обнаружил свое разоблачение и скрылся быстрее предрассветного тумана. Но Дентон был уже среди острых, кричащих в космос колонн. Призрак уходил, но Дентон ловил остаточный хвост его метаморфоз, дрожь ночного воздуха и не отставал ни на шаг. Он видел трепещущий край плаща впереди, далеко впереди, и в диком полете ветра постепенно сокращал расстояние.

Вряд ли кто-нибудь из предусмотренных наблюдателей понял что-нибудь. Только преследуемый скрылся в темном ущелье подземного перехода, а Дентон остановился на краю.

Я узнал тебя! – крикнул он в отчаянии, никем не понятом. – Слышишь? Беги, скрывайся, толкай меня к безумию! Но знай: я узнал тебя!

Эхом разнеслись слова, никому не предназначенные, кроме эфемерного призрака. Немного меньше, чем иллюзия, немного больше, чем реальность – если бы только знать...

Зачем ты делаешь это? – с тоской смотрел Дентон в темноту. – Напрасно. Я уже пережил твою смерть, выстрадал до тла и опустел. Я похоронил тебя.

***

Наверное, разбитое по вине Дентона окно в этом кафе отпугнуло даже немногих посетителей, которым сон не шел этой долгой ночью. Да уж, ночи длинны поздней осенью, даже слишком.

Риеза уже не было за столиком, впрочем, никого. Только женщина в летах куталась в шаль, сидя на диване недалеко от входа.

По крайней мере, одно кафе осталось открытым во время военного положения, - подошел к ней Дентон.

Мы никогда не будем закрыты, что бы ни случилось. Вам нужен столик?

Нет. Просто захотелось перемолвиться словом с кем-нибудь.

Я понимаю вас. Эти жуткие ночи убивают меня. И я вижу это с детства. С тех пор, как из Нормандии я переехала в Париж. Неоновые вывески – они горят кровью. Они снятся мне иногда – и почему-то как кошмары. А дома у меня был лишь один кошмар... Хотите, я расскажу вам о девушке, заживо замурованной в нормандском замке двести лет назад?

Дентону почему-то не хотелось слышать эту историю.

Вообще-то мне хотелось бы найти аллею четырех нимф.

Глаза женщины выразили испуг.

Зачем вам четыре нимфы? Полуразрушенный дом?

Не знаю... Я должен встретить там знакомого. А что?

Это место... Не то, что нехорошее, но люди избегают его. Там живут сущности, м.. Говорят, когда-то там было место казней. Говорят, земля аллеи пропитана кровью французов на глубине самых глубоких корней. И четыре нимфы плачут

ночами за погибшими. Каждый, пришедший туда ночью, слышит тихие рыдания. И никто не приходит.

Все же скажите, где эта Аллея. Я не задержусь там долго.

Вы американец, видимо. Ищете возможности пережить то, что пощекочет вам нервы?

Нет. Я ищу то, что успокоило бы меня. Беда в том, что не смогу найти…

Придется долго идти пешком.

***

Запах трав и листвы здесь не смешивался с запахом города, а потому вызывал чувство, близкое к удивлению. Оно походило на ощущение загадочности, нераскрытости мира и самого себя, вызывало смутную подсознательную тоску по утраченной юности планеты… которой не было.

Друзья и враги становились одного оттенка за этой аркой. Наверное, здесь росли только самые старые деревья Парижа. Вот они цепко держат землю крючковатыми корнями, частично вышедшими на поверхность. Дорожка, белая под Луной, непривычно белая на фоне черной-черной земли.

Нимфы молчали почему-то и не собирались петь. Кто-то спугнул их. Человек, который прячется в полуразрушенном доме без крыши, открытый дождь и ветру, луне и звездам… Но неприкосновенный для детей Земли.

Дентон пошел прямиком к этому дому. Очерченный развалленными стенами магический квадрат, внутри которого, повернувшись ко входу спиной, недвижно стоял некто в длинном плаще с наброшенным капюшоном. Плащ был прост, подвязан на поясе и черен: такие носили монахи и шпионы тысячелетие назад. Бесшумно ступая, Дентон приблизился к нему на расстояние нескольких метров.

Вы привели их сюда, - раздался из глубин капюшона сильный, но притушенный пережитой тоской Знания голос. – Вы были неосторожны…

Дентон обернулся, не веря своим ушам. Он не мог не почувствовать опасности. Он бы увидел то, о чем некто в капюшоне узнал, не оборачиваясь…

В сторону входа, крадучись, входили люди в черных комбинезонах, бесшумные для всех, с обликами убийц, с пустотой в груди…

Дентон ничего не успел сделать. Необычайно сильная рука толкнула его в сторону, и он мог лишь наблюдать то, чего ему еще не приходилось видеть. Черным крылом взлетел незнакомец необычайно высоко, когда первый ряд ассасинов пал от непонятного удара. Они пытались стрелять, но только хватались за сталь в груди, и валились друг за другом, мертвые до того, как черное привидение вновь оказалось на земле.

Теперь мы можем поговорить, - звучал притрушенный пеплом голос.

Вы Силуэт?

Это не мое имя – только суть, которая обозначается. Имени у меня нет. Думаю, вы не будете возражать, если я не стану снимать капюшон, - незнакомец скрестил на груди тонкие белые руки. – Никто из живущих не видел моего лица. Точнее, - голос стал глуше, - никто из видевших не живет…

Дентон отступил на шаг.

Конечно, я не возражаю. Но кто вы? И почему решили со мной встретиться?

Кто я… – опять вышла луна, осветившая черноту под капюшоном. Но Дентон не увидел там ничего – только тень. – Трудно объяснить, что такое ночь, человеку, не знающему о существовании тьмы. Я Силуэт, не более. Никто, нигде и никогда. Я не вычеркнут из списков – я там не числился никогда. У всех в нашей ночной игре два лица – а у меня нет лица.

Мистер… Силуэт. Дедал сказал, что вы можете вывести меня к Эверетту.

Эверетт? Здесь я не нужен тебе. Эта девушка, Николетт, расскажет все. У меня есть кое-что более важное.

Знаю. Это вы спасли его, да?

Да. Его сбросили с крыши отеля в Нью-Йорке, но я поймал тело на полпути к земле, между когтистых пальцев смерти.

Пол жив, теперь нет смысла скрывать. Он свяжется с тобой. Я хотел поговорить о другом.

О чем, например?

Ты не догадываешься? Вопросы, занимавшие тебя более всего.

Кто... я? И зачем? – тихо спросил Дентон.

Нет... Этого не знаю и я. Ты сам это решишь - в конце. Но ты идешь по дну темного омута, где спящая рыба может оказаться хищником, коряга – болотным чудовищем, твердый песок – гибельной трясиной...

Я знаю.

Ты оказался в игре. Одна из многочисленных игр, и далеко не последняя. Разные силы играют вокруг идеи «абсолютная власть». Эти силы принимают форму тайных обществ, организаций, групп заговорщиков, члены которых не подозревают... что они пешки этих сил. Что они рабы, агнцы на заклание древнему кровавому божеству, ненасытному чудовищу по имени Абсолютная Власть. Абсолютной Власти нет, ее не достичь никогда, и демона не насытить. Все игроки лишь пожирают сами себя. А сейчас появилось еще одна – смутная, грозная и решающая фигура в игре – Судьба Планеты.

Ты был сотворен, как орудие одной из сил. Но ты вышел из-под контроля, начав собственную линию игры. – Силуэт сделал паузу. – И теперь, Дентон, все силы смотрят на тебя. И все боятся. Потому что ты не был предвиден, и можешь изменить весь ход этой игры. Все темные лошадки затаились: в страхе и ожидании. Знаешь, почему? Потому, что ты можешь привести к непоправимому: сделать их борьбу явной. А ведь борьба подходит к концу, к решающей своей странице, как и все существование человечества. Ночное затишье и пустота – просто обман, который скрывает завершающие аккорды человеческой драмы.

Почему я? Я – это слабый человек, одиночка, который ничего не может без своих союзников.

Это они ничего не могут без тебя. Они не пройдут там, где ты жив чудом. Ты - связующее звено, потому что действуешь

в мире, тебя породившем. Постчеловеческом мире. Человеки, породившие постчеловеческий мир, замерли в боязливом созерцании. Иллюминати, например. Они не думали, что привлекательная идея будет реальностью, которую нельзя контролировать, и довольно опасной. А для тебя нет здесь пределов. Это твой мир. Для тебя. И ты не должен примыкать ни к одной из сил. Они используют тебя, и ты утратишь всю свою непредсказуемую мощь – мощь последнего хода. Действуй сам – всегда...

А источник? Критерий действий? Что должно говорить мне, как действовать?

То же, что и у каждого человека. Не ищи новых обманчивых решений, не вводись в заблуждение никем. Критерий – *твоя совесть*. И все. Участники этой игры забыли о совести. Непростительная для их душ оплошность. Они возвели в абсолют конструкты вроде интеллекта, сверхтехнологий и тому подобного. Но художник, даже лучший, утратил ценность, когда он ослеплен.

Совесть, хорошо... – кивнул Дентон. – Думаю, мне понятно, что это.

Это не нужно понимать. Это само находит тебя, если не закрывать дверь и не спасаться бегством. Это – Бог.

Бог..?

Да. Когда человек возводит в боги себя, еще не будучи божественным, он умирает. И тогда, падая еще ниже, он создал бога из машины. Deus ex Machine. Ты можешь подумать, что я, подобно многим другим, пытаюсь обратить тебя в свою веру... Но ты поймешь – это не так. Ибо я Силуэт, у меня нет формы, которую можно наполнить. Нет времени, нет связей. Я не в игре, мне посчастливилось наблюдать ее со стороны.

Почему?

Так сложились обстоятельства. Я мог слишком многое, а мир, таков, каким его видит большинство, предлагал слишком мало. И тогда я решил стать тенью. Которая видит многое и не участвует. Только выбирает кого-то однажды, чтобы подтолкнуть, помочь... или столкнуть. Открыть глаза

на то, что видится только со стороны. Только вмешивается единожды, ставя точку в главе и не забыв замести следы. Только встречается один раз и исчезает навсегда, выполнив задуманное.

Достаточно, Силуэт. Я чувствую, паранойя уже подбирается к моему разуму.

Паранойя – не для всех болезнь. Не пытайся искать мои следы или отождествлять с кем-то, тебе известным. Я не Дедал, и не тот, кто оставлял послания. Это делал Пол. Меня нет, правда. Это иллюзия, просто твой дух начинает мыслить, это дом так действует на него... Вот ты сейчас закроешь глаза, откроешь –

Что-то заставило Дентона прикрыть глаза. Что-то – помимо воли. Он просто моргнул затяжным образом – не более мгновения. Он просто...

Дентон стоял один в аллее четырех нимф. Небо окончательно очистилось, грозди звезд начали сыпаться на горячую голову.

В кронах старых деревьев едва уловимо пролетел тихий девичий плач.

Глава 6

Если крылья сожжены

Ничто не поражает нас так, как чужое могущество, которое нависает над нами, как скала.

Сенека

Такое место есть в каждом городе. Оно не кричит о себе, и только жители близлежащего района знают о его существовании. Но они ценят свое знание. И приходят сюда, пусть нечасто, но с тихой радостью. Потому что такое место – редкий случай уюта под открытым небом, здесь не слишком холодно и не жарко, не шумно и не одиноко. Здесь можно подумать – помечтать... Читальный зал библиотеки, внутренний двор района, притаившийся овраг, кафе на берегу моря или парк. Но такое место есть в каждом, даже самом неприкаянном городе. Сверхзадача – его найти. А искать можно долго – больше отведенного срока.

Парк, где Дентон должен был встретиться с Николетт Дюклер, действительно поражал своей светлой прозрачностью в полночь. Этому могли способствовать и белые тротуары, и светлые стволы редких деревьев, уже осыпавшихся деревьев. Но, ясное дело, что-то еще делало пространство таким светлым, как в белую северную ночь. Душа парка...

На скамейке, тоже белой, островке в багряно-золотом море опавшей листвы, сидела тонкая женщина, положив ногу на ногу. Она не заходила далеко вглубь, чтобы Дентон не затерялся среди узоров белых извилистых тропинок.

Подойдя, Дентон увидел, что перед ним та же особа, с которой он встретился и говорил в клубе. Только вместо карнавального одеяния на ней теперь был узкий серый комбинезон, а вся краска и тушь с лица была смыта. Лицо Афины-Паллады смотрело на него из-под полуопущенных ресниц.

Итак, - хмуро произнес Дентон, - Николетт решила не встречаться со мной?

Николетт... – девушка улыбнулась какой-то своей мысли и продолжила тихо, - Николетт – это я. Разве вы еще не догадались?

Теперь это лучше видно, точно.

Садитесь рядом.

Спасибо, я могу постоять, так привычнее.

Садитесь, - повторила она настойчиво. – Парк не любит суеты.

Дентон сел рядом, уловив легкий аромат хвои.

Я буду помогать вам делать неприятности Маджестик-12, - сказала она, играя маленькой ступней с золотыми россыпями листвы. – Они убили мою мать.

Вы знаете, почему?

Она была Иллюминати. Единственное, чего они боялись всегда и до сих пор боятся – Иллюминати. Я не вмешивалась в игру, но теперь... Мне не оставили выбора.

Боюсь, совсем не этого они боятся, подумал Дентон. Но ей не стоит этого знать.

Какую опасность может представлять несколько одиноких, избегающих общества людей для тех, в чьих руках сосредоточена передовая технология?

Она помолчала немного.

Поднимите голову. Видите темноту вокруг? Это не мир таков: это мы его так воспринимаем нашим несовершенным зрением, ничего о нем не зная. Наше знание – пятнышки света на бесконечном черном фоне Непознанного, которое будет всегда, и всегда бесконечным. Люди, познавая, пронизывают темноту тонкими лучами света, выхватывая отдельные крупицы истины, как самые ценные сокровища. И кто сумел проницать темноту, осветив свой путь познанием, тот является Просвещенным. Чей свет наиболее силен – тот Верховный Просвещенный. Тот будет править миром. Борьба идет с начала времен... И Эверетт в этом отношении – самый опасный противник Пейджа.

Это все так абстрактно, - покачал головой Дентон, - так отвлеченно. Я не очень-то представляю Боба Пейджа, во главе своих роботов и искусственных агентов, под нимбом просвещенного мудреца.

Абстрактно? Это философский, даже метафизический взгляд на мир. Большинству людей этот образ мышления кажется чушью, пустым философствованием, спекуляцией. Но именно поэтому они – серое большинство, масса, судьба которых решается не ними. Они могут лишь приспосабливаться. Только тот, кто мыслит так, может объять мир в целостности, а значит – им обладать.

А мне кажется, все отличие этой «не-массы» в том, что у нее в распоряжении средства, которые позволяют назвать себя полубогами и задним числом приписать любые сверхчеловеческие свойства. У них огромные деньги и огромная власть – ни то, ни другое нельзя обрести, не запятнав души несмываемыми отметинами... Может, в этом их отличие от «массы», а? Ведь, если не ошибаюсь, к массе вы причислили всех, кто не в игре. Творцов, добрых людей... Пророков? Масса творится этой вашей элитой, ибо массой тем легче управлять, чем она однороднее, - Дентон задумался о чем-то. – Николетт, я не претендую на

переубеждение вас, просто... Я многое уже увидел в этой игре, нарушив ее правила. Я видел отмеченных Властью. В них мало доброго, мало человеческого. Нет, не подумайте, я ничего не имею против вашей матери, да и Эверетта. Я с ними не встречался. Но те, кого я видел – они все одержимы чем-то, падают в пропасть, думая, что летят к звездам, обманываются огнями, ведущими к гибели. Я еще обдумываю это, еще не создал целостной картины, но... Я знаю одно точно – в этой «массе» и нужно искать свет, здесь, в свободе одиноких судеб рождается живая музыка... А там, наверху, - там свободы нет. Там нельзя остановиться и выбрать другой путь. Там сходят с ума... Там играют в самую страшную игру – игру в Богов. Николетт... – Дентон посмотрел на нее с прищуром. - Я ведь тоже «масса», а?

Вы говорите так, потому что еще не встречались с Эвереттом. Не видели моей матери. Вы бы поняли тогда, что значит интеллектуальная сверхэлита. Интеллект – основа власти – это утверждение признавалось всегда.

Признавалось, чтобы эту власть оправдать, но не из любви к истине. Что ж, у Пейджа есть профессиональная армия и отличная материальная база, чтобы это утверждение защищать.

Он не настолько силен, как кажется. Не настолько слабы его враги. Большей частью его могущество основывается на разработках секретных лабораторий Маджестик-12. Но это уязвимое место. Знающий человек может все еще перепрограммировать большую часть его научно-технологических мощностей.

Будем надеяться, вы правы. Как вы сведете меня с Эвереттом?

Я лично не знаю, где его искать. Мы должны побывать в замке моей матери на окраине Парижа и найти там источник связи ее с Эвереттом. У вас есть способ добраться туда поскорее?

Да. Вертолет моего друга.

Этот... друг – смело сказано, он надежен?

Это Джок, черный пилот, не меньший враг Маджестик-12,

чем я. У него свои мотивы борьбы, но он еще ни разу меня не подводил. Один из немногих, на кого я полагаюсь безоглядно.

Лучше нам не терять времени. Мы можем вылететь сейчас?

Несколько листьев, одни из последних, осыпались на чистую дорожку перед ними.

Лучше сделаем это через пару часов. У меня есть одно незаконченное дело в Париже.

Где мы встретимся? – спросила она, не повернув головы.

Дентон посмотрел на часы. За полночь.

В два часа ночи возле черного хода в клуб. Я предупрежу Джока.

***

Дентон тихо постучал в дверь с номером двенадцать. Никто не открыл, и тогда он толкнул незапертую дверь и вошел внутрь дома.

Жилой дом – странное место для встречи. Но Дентону было не привыкать. Готовясь смутить покой жильцов и заранее испытывая смущение сам, Дентон оказался в просторном зале особняка. Нужно попробовать разминуться с хозяевами, найти путь на второй этаж, выйти на крыльцо… Кажется, это будет возможным. Дентон услышал беседу мужчины и женщины в гостиной за столом.

Поедешь со мной в Америку?

Рене, опять? Мы уже говорили об этом.

Мы поедем в Скалистые горы, будем охотиться на медведей гризли, будем жить в маленьком домике на краю света…

Мы будем жить в стране, переживающей экономическую депрессию, самую сильную из тех, какие она когда-либо знала. И террористы…

Я могу защитить тебя от террористов.

Ты? – в ее голосе послышалась добрая насмешка.

Когда я жил в США, то был в ополчении.

Ты? Солдат? В твоем возрасте?

Люди хорошо организованы в горных штатах. Они имеют долгую традицию объединения в ополчения для защиты своих свобод... Я был молод, я растрачивал свою жизнь в прерии и в кафе...

Рене... Я не знала тебя, выходит. Ты не оставляешь мне выбора. Если я откажусь лететь с тобой, ты силой потащишь меня за волосы!

Да! Да, я так и сделаю!

Оба залились мягким полночным смехом. Дентон тихо, почти на цыпочках поднялся по лестнице, застланной красной дорожкой, прошел к выходящему во двор, карнизом нависшему над улицей балкону.

Пустой балкон, резные перила украшены красными розами, шторы темного багрянца сдвинуты на край... Нет, не пустой. *Он* – действительно стоял на краю, глядя в туманно-звездную бесконечность.

Когда еще голубой шлем миротворца был только мечтой... – прошептал он, - я знал язык этих звезд. Теперь я только утешаюсь этой мыслью, давно ставшей иллюзией.

Дентон подошел к нему вплотную. Двое в черных, неуловимо различных, но похожих облачениях, как проекции в преображенном зеркале.

Ты ничего не хочешь мне сказать?

Хочу, но, боюсь, не сумею найти слов – и ты знаешь об этом. Я могу сказать тысячу фраз – но все равно ты поймешь больше с одного взгляда.

Я знаю.

Прости, Джесс.

Дентон не отвечал.

Мы попали в дьявольский переплет, но иначе быть не могло. Ты – и я – мы не могли влиться в ритм обычной жизни по определению.

И поэтому ты скрыл от меня свое существование?

Джесс, послушай. Мой переключатель-убийца действовал почти двадцать часов, пока я не избавился от него. Он очень пошатнул мое здоровье. Я думал, что навсегда вышел из игры, и не хотел сбивать тебя с толку.

Я… мне было тяжело.

Я умер для всех, - что ж, так лучше. Ты не представляешь, со скольких сторон желали моей гибели. Я умер… И понял, что это был лучший выбор.

Не понял?

Да, лучший выбор. Чтобы стать великим, нужно исчезнуть, сказал один святой. Когда меня нет, нет и преград мне. Я слишком поздно прочел книгу «Дао де Цзин», и истолковал ее по-своему. Не существуя, не действуя в открытую, я могу сделать во сто крат больше. Сделать во имя нашего общего дела…

Ты хочешь стать великим? Я выхолостил себя дотла, пока хоронил тебя. Ты мог хотя бы… – Дентон замолчал, не укоряя брата, с ужасом чувствуя, что уже все равно…

Не мог, пойми. Полная секретность возможна лишь тогда, когда она стопроцентна. Как у капитана Немо. Уже один узнавший открывает дверь убежища настежь.

Но Силуэт знал… – сказал Дентон по инерции.

Силуэт спас меня. Кроме того, это не совсем человек. Он – призрак… Я вернусь в мир, он – никогда….

А Эхо?

Эхо уничтожено. Да, технология есть, твое тоже может быть уничтожено. Но не стоит этого делать, брат.

Почему?

Он нужен еще для нашего дела. Для борьбы. Я был в ней центром одно время, но я уступил тебе, и знаю – ты сделаешь больше в этой игре и не ошибешься.

Наоборот, может... Мне никогда не достичь вершины, на которой ты стоишь.

У тебя теперь есть кое-что, чего уж нет ни у меня, ни у кого более...

Нет у тебя? Я в это не верю.

Пол опустил глаза, словно от стыда.

Я не скажу. Не скажу так, как книга. Посмотри в моем номере в Тон-отеле, на секретной полке. Там есть книга с закладкой. Прочти, и тебе станет ясно. – Снова что-то подобное стыду или раскаяние мелькнуло во взгляде. - Джесс...

Да?

Я жизнь отдал бы за тебя.

Они одновременно ступили навстречу друг другу. Короткие, но крепкие объятия подавили тоску хрустом костей.

Я уйду, но вернусь, и присоединюсь к тебе ближе к концу. Мне было тяжело, брат. Теперь, когда ты знаешь, камень упал с сердца. Все, что ни делается, к лучшему.

Ты уходишь?

Нет, ты уходишь. Ведь время не ждет. Но я буду с тобой. И я всегда приду в критический момент.

Смотри, не пропади сам.

Моя жизнь не имеет значения. Я не ключевое звено в нашем Пути.

А этот путь не будет иметь значения для меня, если он сожрет тебя снова и безвозвратно.

Джесс, мы братья. И пусть даже окажется, что братской кровной связи между нами нет, что мы просто... копии, экзистенциальные совпадения... Это уже не будет иметь значения.

И не имело значения. Потому что ни о чем нельзя знать наверняка. Ни в чем невозможно быть уверенным. Кроме как

в себе – кому повезет…

Вдруг Пол выстрелил внезапно выброшенным пистолетом и выпрыгнул на ночную дорогу. Не раздумывая и еще не понимая, в чем дело, Дентон прыгнул за ним. Уже в полете он увидел сжавшуюся фигурку Николетт у стены, труп солдата в черном и еще двоих, готовых к выстрелу убийц. Дентон и брат выстрелили в унисон, черные трупы упали на черную мостовую.

Дентон подбежал к девушке и взял ее хрупкие плечи в ладони.

Я бы не простил себе, если бы это случилось. Почему вы вышли раньше времени?

Кто это был… с вами? – задала встречный вопрос бледная Николетт.

Дентон оглянулся. Улица была совершенно пуста.

О ком вы?

О том, кто выпрыгнул из окна вместе с вами и спас мне жизнь. Мой черный ангел-хранитель. Вначале я подумала, у меня двоится в глазах.

Это… это мой кузен. Он местный биржевый маклер.

Ну да, разумеется, - кивнула Николетт. – Наверное, он разорившийся маклер.

Дентон увидел нечто, чего не заметил вначале.

Николетт… У вас слезы на щеках…

В пустой ленте отрезка улицы ветер рассеивал нечто интимно-трагичное, как предчувствие близких несчастий.

Мне страшно. Не обращайте внимания. Мне просто страшно.

Дентон вдруг почувствовал близость к этой холодно сдержанной девушке. Близость, подобную соприкосновению губ по обе стороны стеклянной перегородки, которую не преодолеть.

Я буду защищать вас, Николетт.

Она покачала головой.

Нет. Вы не защитите меня. Вы пройдете со мной часть своего пути, и уйдете дальше, потому что у вас нет выбора. Нет... Ты не сможешь защитить меня. И никто не сможет.

Ее щеки снова стали влажными, глаза – превратились в два озера. Дентон сжал зубы, ощутив: она говорит правду. И он ничего не сможет изменить. Что-то предательски необоримое ударило его по горлу и глазам.

Почему..? – прошептал он.

Потому что мы не решаем... – она ответила тем же шепотом.

Он взял ее за плечи и хотел что-то сказать. Но потом просто поцеловал ее оставшиеся холодными губы. Николетт слегка отстранилась.

Идем, Джесс. Ваш пилот прилетел.

Дентон и в самом деле услышал шум винтов совсем рядом. Обернувшись, он увидел бегущего к ним Джока в шлеме, его сухую, спортивную фигуру гепарда.

Эй, ребята, вы думаете, что у нас вся ночь впереди? По-моему, нам пора.

Глядя на город сверху, на темный, но полный светлой грусти город сквозь затуманенное стекло. Дентон произнес, полуобернувшись:

Николетт, знаете, в чем ваше преимущество?

Она внимательно посмотрела на него.

В том, что вы вернетесь сюда. А я... вряд ли.

Вдруг улица под ними перестала быть пустой. Серый гигант выбежал на дорогу и, подняв голову, проводил вертолет взглядом красных неумолимых глаз. Дентону показалось: это его пронизывали яростные глаза Гюнтера. Ярость охотника, добыча которого ушла, когда он уж был в прыжке, безмерна.

Видя красный кровавый отсвет взгляда своего врага, Дентон чувствовал, странное дело, не страх. А отстраненное сострадание. Только среди облаков он понял: это Полярная звезда одолжила ему свое видение на миг.

Глава 7

Если дом твой в руинах

…Жизнь – это просто шелест занавесок в окне давно разрушенной башни…

Виктор Пелевин

Ему никто не подсказал – он сам понял, что попал в сказку. Из Далеких гор, из Средних Веков, из Темных Прозрачных и Очень Холодных Озер. Окруженный темным колдовским лесом и Ночью, стоял космическим постовым замок Дюклер. Они смотрели на него, не в силах отвести глаз.

Именно этого я боялась больше всего… – прошептала Николетт.

О чем вы?

Ничего не изменилось. Ни один камень не покинул своего места…

Вы бы предпочли, чтобы убийцы сожгли его дотла?

Я бы предпочла… – речь оборвалась вздохом. – Нет, идем. Только в сказках замки обращаются в прах и тлен, когда теряют свой дух.

Что мы должны найти?

Не знаю. Я провела здесь шестнадцать лет и не видела ничего необычного.

Не удивляет. Многие люди живут и умирают, забывая о том необычном вокруг, что когда-то придется заметить.

Вы не жили в замке. Не просыпались ночью от скрипа или пения – далеко сверху, далеко внизу… От сказочности или тревог…

Они поднялись по вековым, ущербленным ступеням к темным дубовым дверям. Двери были наглухо заперты.

Я не знаю, где можно найти ключ, - пожала она плечами. – Он потерялся сразу после смерти матери.

Тогда интересно, кто же запер дверь, если ключ потерялся? –

заметил Дентон, осматривая замок. – Надеюсь, это не проблема.

Главное, чтобы опасность не настигла нас здесь.

Джок наблюдает с воздуха. Он уничтожит любого, пересекшего границу вашего сада.

Вы забыли, что есть еще подземные пути… Ладно, идем.

Но дверь не поддалась. Дентон промучился с отмычками несколько минут, уговаривая механизм тихонько и ласково. Затем отбросил инструменты в траву и пошел вокруг дома. Николетт бесшумной тенью следовала за ним. Они обходили раскидистые, уже отдавшие красоту кусты сирени, еще роскошные виноградные беседки и не претендующие на восхищение или память маленькие поздние цветы. Дентон зашел за заднюю стену и увидел то, что ожидал: заколоченная длинными досками накрест, спряталась в бездонной тени вторая дверь. Доски поддались со второго удара, он отодвинул обломки в сторону и толкнул открытую дверь.

Они вошли, и что-то подсказало Дентону: Николетт ошибалась. Замок не рассыпался в пыль, ибо он не терял своего духа. Дух где-то здесь, и требуется только немного внимания и чуткости, чтобы ощутить его присутствие. Правда, трудно было сказать: рад ли он появлению совсем не прошенных гостей. Одно ясно – ему грустно.

Ну вот: мы пришли, - просто сказала хозяйка.

Дентон осмотрел роскошно-простые пространства: несколько смежных залов в золоте и хрустале, с большими окнами и воздушными занавесками, лестницы вниз и вверх, уютные от покрывающих их ковров, теряющиеся в высоте вечно горящие люстры…

Роскошный склеп…

Странно, - произнесла она. – Кажется, убийцы не взяли ничего.

Наверное, им и не нужно было ничего, кроме тайны вашей матери, до которой они, надеюсь, не добрались.

Ни одной картины не пропало, - она внимательно осматривала стены. – А ведь каждая стоит целой мечты…

Они никому не нужны. Больше никому.

Мне кажется, - Дентон прошелся по просторному холлу, - Они поступили так целенаправленно. Они не хотели, чтобы у вас и у друзей вашей матери оставались сомнения по поводу авторства этого убийства. Оно было актом устрашения.

И... и все-таки удивительно, правда? И после, замок столько стоял пустым, и ни один случайный грабитель... Откуда начнем поиск? – Николетт поспешила изменить тему разговора. – Сверху, со спален? Или снизу – из винного погребка?

Дентон имел долгий и неповторимый опыт подземных откровений. И он знал: сколько бы этажей ни имел дом, подводная часть айсберга всегда больше. И бесконечно загадочнее.

Начнем сверху. И оттуда пойдем вниз.

Это будет логично. Наверху спальня моей матери. Где еще быть ее тайнам, как не там?

Не там, боюсь... – ответил он, глядя в голубые озера глаз. – Не там.

Они поднялись по широкой, королевской лестнице: она впереди, он – немного позади. Глядя сквозь стройный пассионарный силуэт девушки,

странно, он не прозрачный

Дентон вдруг замер на долю секунды, на полушаге. Он вспомнил в который раз с мукой, что вместе с ним могут смотреть чьи-то еще глаза... Или не совсем глаза. Икар. Саймонс. Пейдж? Еще тысяча чертей? И смертельный выстрел уже летит в их сторону.

Пусть летит. Он не достигнет цели, пока Дентон может обретаться в пустоте.

Все комнаты были заперты на втором этаже. Один из ключей Николетт нашла за цветочным горшком на подоконнике. Он подошел к самой дальней двери.

Это моя спальня, - Николетт быстро прошла внутрь и села на кровать, окунаясь в воспоминания, изголодавшиеся по своей почве, с головой. Моя маленькая изящная тюрьма на шестнадцать лет.

Дентон моргнул. Опять эта странная мистерия. Опять, пронизывая трехмерную иллюзию темной спальни, он невыразимо живо почувствовал, что уже был здесь. Стоял на этом самом месте, и кто-то с прекрасными глазами сидел по левую руку. И прутья решетки окна притягивали галактический холод. Опять – ощущение повторения того, чего не было никогда. Того, что уже было, только бесконечно давно, за порогом обозримого Времени... Что же преследует его?

Нельзя узнать.

Он взял ключ со стола, они открыли комнату Бет. И только теперь поняли, что нужно было убийцам. Нет, они все же не оставили дом нетронутым.

О Боже... – прошептала Николетт, обводя взглядом совершенно пустые, почти пугающие полки шкафов, вылизанные утробы стола и тумбочек. – Все письма... книги... Не могу поверить. Зачем им все это?

Надеюсь, ваша мать была достаточно мудра, чтобы не хранить ценную информацию открыто, в столе или шкафу?

Николетт не слышала его. Она перешла вглубь сумрачной комнаты и остановилась у какого-то полотна.

Любимая картина моей матери. Она могла часами сидеть и любоваться ею... Не могу поверить, что убийцы не тронули ее!

Дентон включил свет, и сумрак убежал испуганной ланью. Дентон внимательно посмотрел на картину. Да, на нее можно было смотреть бесконечно - и все равно не увидеть всего. Тысячи золотых, белых и черных птиц реяли над морем с прозрачным дном и сотнями теней. А над ними – от края до края – обняло мир небо, как Трансурания, всех холодных и горячих небесных цветов, с огнем солнечных вспышек и обжигающим льдом далеких звезд. Небо, как иллюзия, за которой смутно, однако неумолимо проступали черные вихри и звезды. Глядя дольше, наблюдатель видел: это – тоже иллюзия. Ибо за ней проступал неуловимо чей-то образ... Бесконечно прекрасный.

Говорите, не тронули? – Дентон покачал головой. – Вряд ли.

Он осторожно взял края рамки и сдвинул картину в сторону. Материя не оказала сопротивления, и им открылась скрытая ниша. Пустая, как и следовало ожидать.

Думаю, нам больше нечего здесь делать. Идем вниз, - Дентон повернулся в сторону двери и – отступил.

Что-то не так? – Николетт взглянула на него настороженно.

Все в порядке, - ответил Дентон, глядя на самого себя в зеркало. Зеркало не было замечено вначале и застало его врасплох. Зеркало поймало его.

И в первые мгновения его в зеркале не оказалось.

И он смотрел, захваченный абсурдом самосозерцания. Дряблые формы его существа очень медленно и нехотя наполнялись силой и цветом. Это было непривычно – видеть самого себя и не узнавать. До отчаяния. Он не находил смысла в темном образе, с трудом сохраняющем форму. Пока что. Точнее, находил, но... Этот образ в зеркальной реальности ему совершенно неизвестен. Это невозможно.

Вы всегда так реагируете на зеркало? Или... на что?

Да нет, я... Я не очень-то люблю зеркал. И еще я услышал что-то. Будто земля дрогнула под нами.

Вы тоже почувствовали? – она прямо посмотрела на него, прядь волос упала ей на глаза, а тень от нее – на него... – Я тоже, но думала, мне показалось. Землетрясений здесь не было последних двести лет. Я не знаю.

Идем скорее вниз.

Пройдя к холлу, откуда они пришли вначале, Николетт повернула куда-то направо.

Куда мы идем?

Здесь стоит компьютер, которым, кстати, мама почти никогда не пользовалась. Его использовала я. Не знаю, может ли это пригодиться, но... Если ничего не изменилось, логин «nikolette», пароль «noire».

Проверим потом, хорошо? Где еще можно поискать?

Они вошли в зал, служивший, наверное, гостиной или комнатой отдыха. В центре стоял длинный стол, окруженный глубокими кожаными креслами. От соседних комнат зал был отделен прозрачными стенами из совершенно чистого стекла.

Здесь мать часто сидела с Эвереттом, они строили свои планы, наглухо закрывая двери от маленькой Николетт. Видите, даже вино на столе осталось нетронутым.

Странная форма бутылок.

Это вино из нашего погребка. Ужин готовила служанка, но мать никому не доверяла выбирать вино. Ключ от погреба был только у нее.

Дентон приподнял брови.

Вы были когда-то в этом погребе?

Я – нет. В детстве мне было страшно, я боялась даже черепа, в форме которого сделана ручка двери. Не говоря уж о холоде, которым веяло оттуда. А позже… Я никогда не думала о погребе, появляясь в замке несколько раз в год на неделю-две, чтобы увидеть маму.

Думаю, именно там следует искать. Думаю…

И снова Дентон замер на полуслове, глядя в никуда странным взглядом.

Да что с вами опять? – воскликнула девушка. – Что с вами все время?

Он не слышал ее. С ним на связь выходил Икар. И только его голос-эхо захватил внимание адресата без остатка.

Что вы ищете? – доставал голос, сотканный из помех до самых подводных глубин сознания. – *Пустоту? Призраков, которые почти мертвы? Вы не та-ам ищете. А искать уже не долгооо…*

Опять с неумолимой ясностью предстал вернувшийся вопрос. Они видят его. И не прилагают достаточных усилий, чтобы уничтожить того, кто так мешает.

Ответа могло быть два. Либо они не могут его убить, либо не хотят. А значит, он им еще нужен зачем-то. В какой-то роли,

которую он может сыграть, сам того не осознавая. И это пугало. Устрашало больше, чем все явные опасности того и этого мира. От этого пахло Тотальной, Изначальной несвободой.

Николетт стала перед ним и обхватила его голову ладонями. Их прохлада немного остудила его воспаленное лицо.

Что происходит? – она спросила тихо.

Лучше не рассказывать, - ответил он. – Иначе придется начинать с самого начала. А я не уверен, знаю ли я правду о начале.

Вы странный человек. Вы будто стоите перед гранью, за которой начинается абсурд, полное сумасшествие. Вы не заходите за нее, но иногда кажетесь так близко... Она ищет тебя, ты защищаешься.

Кажется, это вы забили себе голову абсурдными мыслями. Все проще и страшнее. Просто какая-то чертовщина говорит в моей голове через хитроумное имплантированное туда устройство.

И что же оно говорит, это нечто?

Что-то, понятное только ему одному – и мне. И касается это только нас...

Ее руки не опустились, глаза, как два луча, что-то искали в нем. Дистанция между ними сократилась и стала призрачной, хрупкий подсознательный мост начал появляться из мрака... И наткнулся на невидимую преграду.

Они знали: ни ему, ни ей не под силу сделать шаг вперед. Они не могут избавиться от плена своих ролей, не могут позволить начаться тому, что будет необратимым. Что может лишить Силы, и ценой мгновений счастья будет бесконечная слабость и конец игры.

Они могут замерзнуть, если позволят себе избавиться от доспехов сдержанности и сконцентрированности-в-себе. Холод ночи ожидает этого, чтобы смести двух дерзких, бросивших ей вызов. Зато холод одиночества – торжествует...

В ее глазах отразилась боль, в его – наверное, растерянность. На миг, чтобы никто не заметил. Нельзя позволить, чтобы

слабость была замечена. Слабость есть всегда, но трудно победить того, о чьей слабости не знают.

Цени мгновение... Шепчет голос этих глаз. Цени мгновение, учат измучившиеся путники на закате жизни. Оно не повторится... Но никто – никто не в силах превратить свое существование в цепь мгновений, которые оставляют след. Как бы ни шли они в течениях мира, время всегда будет одноцветным потоком с вкраплениями вспышек-мгновений. Чистого, абсолютного мгновения, перешедшего в вечность, не выдержала бы душа.

Идем? – тихо и робко спросила Николетт.

Мгновение не повторится. Будет другое, может, похожее, может быть, ярче и сильнее. Но это – не повторится. Сверхновая разорвалась в его глазах, и он стал совершенно спокоен.

Идем, - ответил Дентон, пряча, наконец, глаза во взгляде за горизонт. Ключ от погреба есть?

Я даже не уверена, что такой ключ существует. Мне всегда казалось, что мать открывает дверь с помощью какого-нибудь секретного устройства.

Посмотрим.

Старые двери всегда неохотно раскрывают свои секреты. Чем больше лет, десятилетий, столетий они укрывают их, тем больше ценят то, что им доверено, делая его почти недостижимым для дерзких непосвященных.

Дентон повернул колесико в сделанной в виде черепа ручке, дверь открылась без скрипа. Пологий, опускающийся пол был выложен темным камнем, как и узкие, нависшие стены, и он уводил вниз и вниз, под землю. Дойдя до дна, Дентон увидел разделенное перегородкой хранилище, на полу порознь стояли такие же темные бутыли, черные, как и их содержимое. Лучше не пить из них, подумал Дентон. Потому что попадется именно та, где ждет его дурман, напиток лотоса, уносящий в мир темных снов, из которого не возвращаются.

Хранилище было тупиком, и ничто в нем не казалось необычным для подземного старинного погреба в фамильном замке.

Кроме, пожалуй, подсвечника в виде головы сатира. В его рогах-подставках стояли бронзовые, а не восковые свечи. Такие свечи никогда не будут гореть. А значит…

Дентон опустил рога вниз, и темная отсыревшая стена открыла проход далее – еще глубже. Николетт отступила назад.

О Боже!

Дентон проводил ее взгляд, не зная, что могло так напугать. Наверное, эта слишком темная сосущая темнота.

Что бы это могло быть? - спросил он.

Не имею никакого представления.

Используя мощный голубой луч фонаря, Дентон прокладывал путь в мрачности, идя по такому же узкому и непривычно высокому тоннелю. Вскоре фонарь утратил необходимость – от пока неведомого источника впереди стало почти светло. Припрятанные черной пылью ступени вели выше.

Дентон смотрел на оставшийся высоко потолок, на целые лохмотья белой, серой и черной паутины в углах… Когда он опустил глаза, то всего в метре от себя, на их пути разглядел сквозь очки серебристую нить лазерной ловушки.

Он не успел окликнуть Николетт, когда ее грудь коснулась призрачного луча. Только рванул ее за руки назад и вместе с ней полетел вниз, на землю. Они были еще в полете, когда за их спинами разорвалась мина, слегка дрогнули стены.

Если полететь вниз с крутой лестницы просто так, по неосторожности, то можно сломать шею. Когда же за спиной у шей проходит лезвие той, что дарит последний вздох… вряд ли.

Он помог Николетт подняться, они отряхнули черный многолетний порох, который неохотно возвращался к холодному камню.

Все в порядке?

Да… все произошло так быстро, так молниеносно. Что это было?

Мина ловушка. Уверен, она не единственная впереди.

Что? Мина? Моя мама никогда не умела пользоваться даже кухонным ножом. Мы не держали оружия в замке.

Это вам так казалось. Держитесь позади.

Они пошли осторожнее, и преодолели еще четыре лазерных заграждения. Она держалась за его руку. Они оказались на пороге просторной, такой же каменной, будто высеченной в камне светлицы. Только в теле колонны по центру проходили концентрированные голубые ручьи, обвивали ее, переходя в толстые кабели, сплетавшиеся по стенам и потолку. На столе у колонны стоял терминал.

Тонг вышел на связь с ним через Эхо.

Я вижу это... Сверхмощный информационный центр. Десятки тысяч вольт напряжения, гигабайты передач... Не знаю, для чего он может служить.

Дентон взломал систему защиты терминала и понял: система была настроена для связи непосредственно с аналогичным сервером, названным Everette. Дентон послал только одно сообщение на это имя: «Я здесь». Правда, он не знал, это ли должен сделать...

Николетт стояла в стороне и смотрела на человека, который склонился над прозрачным, как он сам, трехмерным экраном. Она видела его лицо, светящееся какой-то сияющей криптоновой голубизной изнутри. Она почти физически ощущала какой-то *грустный холод*, исходящий изнутри него, из глубин галактики... Такого человека, наверное, нельзя полюбить, он словно соткан из пустоты. А если он умрет, никто не пожалеет об этом, это не будет похоже на смерть, скорее... на какое-то растворение. Облик этого случайного гостя выражал сосредоточенность, такую серьезную, что она не знала, улыбаться или плакать.

Жизнь прекрасна, хотела сказать она, как повторяла себе еще недавно, до смерти матери, каждый день. У нее не получилось. Ведь она совсем одна. Она смотрела в полупрозрачные контуры того, кто избегал зеркал. Растерянность нарастала изнутри стесняющей грудь волной.

Я люблю его.

Прошло около двадцати секунд, и все это время стены зала говорили о драмах, единственными свидетелями которых они были в течение веков. Шептали о них... Электронное

свечение экранов и матовый блеск кабелей вместе с древней породой, образующей подземелье, соединение прошлого и будущего создавали эффект оцепенения, зачарованности, невыразимо действующий на неподготовленный разум оглушающим коктейлем, обещая присниться потом...

Затем кто-то вышел на связь через Эхо. Этот глуховатый голос не был ему знаком, более того, он, кажется, не рождал ни чувств, ни ощущений. Или неизвестный говорил слишком спокойно? Или на слишком правильном английском?

Значит, вы все же нашли компьютер Бет? А следовательно – нашли меня. Я и есть Морган Эверетт, и нам суждено встретиться, наверное. Но прежде – нужна ваша помощь. Заодно она станет гарантом ваших благих намерений. Вы поможете мне проникнуть в интранет-сеть Маджестик-12. Главный терминал находится в соборе рыцарей-тамплиеров. Замок связан с Собором системой тоннелей канализации. Найдите Николетт, у нее должен быть ключ от ворот к дворовой территории Собора. И следуйте моим указаниям... если вы действительно союзник.

Связь прервалась. Дентон обдумывал услышанное. Нет, он действительно не знал, союзник ли он неведомого человека, окружившего себя тайной. Того, чей бесцветный голос своим спокойствием и твердостью претендует на мудрость... и власть.

Николетт, наблюдавшая со стороны, подбежала к нему.

Что это было?

Передача от Эверетта. Он хочет, чтобы я попал в собор тамплиеров и нашел доступ к одному из терминалов.

Собор Рыцарей Тамплиеров? Да, это недалеко отсюда, на юге. К нему ведет коллектор под землей. Но Собор давно занят войсками Пейджа. Вы идете туда один?

Да. Эверетт сказал, у вас есть какой-то ключ...

Да, у меня и у мамы есть ключ от Собора. Подарок-символ... Но – не знаю, что можно найти там. Это теперь просто музей, не более.

Наверное, не просто, - задумчиво заметил Дентон. - Куда я должен идти от замка?

К южному лабиринту. Я вас провожу.

Не стоит. Для вашей же безопасности лучше оставаться в замке, пока не появится Джок, чтобы забрать вас в Париж.

Я так хочу, - Дентон наткнулся на непреклонную волю обжигающе холодных озер ее глаз. Он не увидел там дна. - Мою мать замок не уберег.

Ну, хорошо.

Они бежали, не прячась от прохладного ноябрьского ветра вперемешку с сухими листками и травинками. Они бежали и не удивлялись тому, что бегут, а не идут. Только выросший впереди комплекс из белых колонн, обелисков и высоких, образованных плитами лабиринтов властно заставил остановиться.

Вот, - остановилась Николетт немного впереди него и обернулась. Легкий румянец лег на ее худые щеки. За этим лабиринтом находится вход в коллектор.

Спасибо. Вы оказали мне и моим друзьям большую помощь.

Он не знал, что еще сказать. Она тоже, наверное. Они просто смотрели друг другу в глаза. И что-то пролетело между ними, задев мягкими крыльями край ресниц, прошептав о том, что могло бы быть – и чему быть не суждено.

Надеюсь, я больше не увижу тебя никогда, - грустно и тихо сказала Николетт, глядя куда-то за предел обозримого.

Почему?

Потому что... Потому, что если это вдруг произойдет, я могу так просто не отпустить тебя уже...

Дентон попытался вырваться мысленно из узкого круга настоящего, на миг прорваться взглядом в темную неопределенность будущего, и найти там ответ.

Нет, - покачал он головой после мгновенного молчания. - Мы не увидимся больше.

Она ждала чего-то – чего-то еще. Но его голос звучал спокойно, глаза не изменили сконцентрированного

выражения. Расстояние между ними не сократилось ни на шаг.

Удачи тебе, Джесс. То, что ты делаешь, очень важно для всех нас. Долгая осенняя ночь затянулась. Будь осторожен. Я буду молиться за тебя.

Ну, тогда мне нечего бояться.

Он хотел бы улыбнуться в это миг. Но не мог. Эмоция замкнулась в себе, ударив током.

Скажите вашему Джоку, пусть возвращается без меня. Я останусь в замке на некоторое время. Хочу снова взглянуть на места своего детства, юности, вспомнить...

Навсегда... пели вихри осыпающихся листьев в суровых темных лесах. Навсегда... плакал старый лес, который не знал, что умирает не навсегда. Не ведал о будущем торжестве весны после ледяного безвременья зимы. Не знал. Это и к лучшему.

Глава 8

Если в пропасть полететь

Я смотрю в чужое небо из чужого окна,

И не вижу ни одной знакомой звезды.

Я ходил по всем дорогам туда и сюда,

Обернулся – и не смог разглядеть следы...

Виктор Цой

В пустом лабиринте из плит, составляющих странную мозаику, с ним связался Джок.

Джесс, я улавливаю тепловую активность в этом районе. Будь готов к встречам...

Дентон разогнался и, подтянувшись на руках, оказался на верхнем краю стены. Отсюда он видел кладбище впереди, как на ладони.

По обе стороны от входа в тоннель мерили шагами мерзлую землю двое Зеленых. Вот, опять. Они могли бы послать целый взвод коммандос, и тогда жертва обречена. Но они организуют засаду из двух роботов, заранее зная, что этого

не будет достаточно. Интересно, как называется эта игра? Его ждут они, эти существа, или просто появляются из нор, чуя приближение своего врага?

Дентон выстрелил из двух пистолетов, затем еще раз. Обернувшись, он увидел силуэт бегущей к замку Николетт... Нет, это ветер гонит перекати-поле, просто иллюзия. Девушка осталась позади, сейчас он уже не может сказать, была ли она наваждением или реальностью, и не растворится ли сказочный замок в ночи, когда он утратит возможность его видеть...

Дентон спустился в полутемный, влажный грот, держа оружие в готовности. Ровный, никогда не дрогнувший голос Эверетта родился за раскатами волновой стихии.

Эти тоннели выведут вас прямиком к системе собора. Думаю, вас не очень огорчит эта грязь и влажность. Храм занят войсками Маджестик-12, как и прилежащие территории, поэтому будьте осторожны. Мне нужно в первую очередь, чтобы вы нашли доступ к терминалу Маджестик-12 и дали мне возможность войти в сеть. Но в храме также находится принадлежавшее тамплиерам золото. Я имею виды на него и буду вам очень признателен, если вы обнаружите его местонахождение.

Темнеет, темнеет впереди. Детали мира смешиваются и переходят друг в друга. Время застывает на миг – и стремится дальше, скрывая маленькие, но необратимые изменения. Дентон поднялся по лестнице и сдвинул нелегкую крышку давно нетронутого люка.

Кажется, в этот раз он надолго остался один на один со своим одиночеством. Об этом говорил воздух. И никто не придет на помощь, не коснется руки. Что ж, это его выбор.

Разве он может иначе? И те, кто пересекает его пути и уходит, - и они не могут по-другому. Его дорога – для одного, по обе стороны ее – Бездна и Стена. Двое, пройдя по ней, не удержатся. Темная, проклятая, вымощенная призраками и разбитыми судьбами дорога. Он когда-то ненавидел ее... Он смирился.

Узкая дорожка между погруженных в грустящий сон домов поворачивала куда-то налево и пряталась за углом. Но Дентон не пошел по ней сразу. Он увидел разбитое окно прямо над собой, - кто-то разбил его, не зная, что это может означать.

Разбежавшись, Дентон запрыгнул на подоконник, не задев острые осколки стекла, похожие на рваную рану. В темной комнате-норе лежало мертвое тело неразборчивой массой, перевернутая пустая бутылка, мешки с мусором, распространяющие почти осязаемое зловоние. Из угла в угол бегали черные крысы. Прибежище даже не скорби – скорее осуществленной, выхолощенной и никем не замеченной драмы. Утратившей давно и смысл, и даже тоскливое наполнение, ставшей безотносительной в этом мире.

Двигаясь вдоль окон, переходя из комнаты в комнату этого угрюмого опустошенного дома, Дентон оказался как раз над воротами, ключ от которых, видимо, лежал у него сейчас в кармане. Перед воротами с внутренней стороны стоял нерушимо всегда готовый к убийству Зеленый. Дентон отшатнулся. Нет, он не был готов к столкновению сейчас, не зная, что ожидает за этими высокими, похожими на замки-башни-дворцы строениями. Он не мог позволить себе выстрел, который разбудит их обитателей. А в ближнем бою Зеленый сотрет его в порошок.

Холодный ветер охлаждал его лицо, заставляя принимать решение. Он обернулся в нерушимую густую темноту в поисках решения. И нашел его – самое грубое, самое усталое.

Зеленый обернулся на стук приземлившихся позади ног. Сокрушительный удар стальным прутом сорвал полголовы робота, черные линзы глаз мгновенно лопнули и сгорели. Тяжелый балласт пластмассы и металла рухнул под ноги. В мертвом Зеленом, в его нелепом, но по-своему целостном, излучавшем мощь теле и лице богомола было много *жутко привлекательного*.

Было бы, будь это игрушка или парень из комиксов. Но взамен волосы вставали дыбом при осознании: это нечеловек принял облик человека и претендует на свое место на Земле. Нет, это не другая форма жизни. Это не мутант. Это не-жизнь по абсурдному замыслу имитирует живого, металлическая оболочка с электронной начинкой убедила себя, что она – существо. И в тупом, не предусмотренном программой неумолимом движении они обернутся к человеку и потеснят, имея все возможности его уничтожить.

А может, она и в самом деле существо?

Не-люди ходят по миру среди людей, прячась в ночь, пропуская взгляд под темными очками, и люди не подозревают об этом, не закрывают окна на ночь... Но не это будет крайностью. Ведь может пройти совсем немного времени, не-люди будут существовать рядом с людьми, не отличаясь обликом от них... И люди будут знать об этом. И примут как данность, и не захотят ничего менять. Точнее, не смогут.

Еще вопрос: кто есть не-люди? Биоробот из металлоконструкций и полимеров не вызывал сомнений, но... Это не единственная форма. Растворенные, и женщина-хранительница УК в Гонконге – они ведь тоже... не совсем человечны.

Дентон разжал руку, и его мимолетное орудие со стуком вернулось к поверхности земли. Достаточно.

Достаточно обманывать себя. Зачем? Он избегает обсуждать это с кем бы то ни было, и он не собирается этого делать. Но себя не обманешь, не усыпишь, не найдешь компромисса там, где правда одна.

Пора посмотреть этому в глаза: его не интересует субстанция биоробота и человечность растворенных людей. Его волнует одно, лишь одно: кто такой *он*.

Дентон присел на булыжной дороге и перевел дух от настолько прямо поставленного вопроса. Он был счастлив месяц назад, когда и не думал о возможности этого вопроса. Не замечая странных мелочей, странных отличий от окружающих, за которые его всегда так боялись. Вопрос был слишком тяжел, убийственен, как молот, Дентон прятался от него, избегал думать, пытался найти новые ключи. Брат, наверное, тоже.

Но момент созрел. Здесь, под небом, где среди туч горит лишь одна звезда. Вопрос поставлен, от него уже не уйти.

Он внешне не отличается от остальных людей. Он одарен интеллектом, он может чувствовать, испытывать жалость, грусть, привязанность... Но этого недостаточно, чтобы назвать себя человеком.

Нужно больше доказательств. В них не нуждается большинство, они не нужны многим живущим, как бы жалки они ни были. А у него выхода нет. Он обречен доказывать себе то, что для кого-то служит последней истиной-

пристанищем, последним утешением, когда больше не за что схватиться.

Он не может испытывать некоторые чувства так, как другие. Не может посмеяться от души над анекдотом, ему неведома сильная радость и эйфория. Почему он раньше не замечал, что его чувства будто пригашены и застывшие во времени?

Его не удовлетворяло простое утверждение, что каждый человек чувствует по-своему. Он не находил достаточно доказательств своей человечности.

И он не даст их сам себе: все будет казаться самообманом и бегством от правды. Абсолютный аргумент может быть дан только другими. Теми, кому ведома тайна его появления… И теми, кто встречает его на пути, глядя непредубежденными глазами…

И теми, кто читает эту книгу и может охватить целостность.

***

Ночь терпит тех, кто не спит под ее покровом. Несмотря на установленный замыслом порядок. Ведь и они сомкнут глаза однажды, вернув недрогнувшую тишину.

А тот, кто долго слушает тишину, услышит музыку в какой-то момент. Такую, которой не услышать в грубой материи дня. Дентон тихо шел по шлифованным камням дороги и слушал. Это была песня трубадуров четырнадцатого века, песня одинокой девы, похищенной злым волшебником, в плену на вершине замка над обрывом. Она пела, и чуткие души поэтов услышали. Певцы спели песню среди этих стен однажды, песню без слов, но с абсолютным смыслом. Стены запомнили… Проходят века, серые силуэты неизвестных появляются и исчезают, а стены помнят и тихонько напевают грустную песню узницы ночами. Только тот, кто долго был одинок, может услышать. Только ему доверят, ведь он оценит.

Высоко впереди каменный мост соединял здания по обе стороны дороги, образуя арку. Дентон заметил двух снайперов на мосту, высматривающих возможных гостей. Прячась в тени и за горящими бочками, Дентон приблизился к двери под мостом, слыша тяжелые шаги робота где-то впереди. Да, войска Маджестик-12 заняли район крупными силами. Оставалось догадываться, что может ожидать в

самом Соборе. Почему-то Дентону казалось: там ожидают его, и все готово к встрече.

Вскрыв замок, Дентон начал подниматься, прячась, к мосту. По дороге попался обрывок газеты. Кажется, это о его стране...

«Президент Мид объявил чрезвычайное положение еще в семи американских городах. Мы находимся на грани кризиса, который может до основания потрясти государство, которое само является гарантом международной стабильности, - заявил по этому поводу Боб Пейдж. - Этого мы не можем допустить, а поэтому долг каждого гражданина свободного мира временно поступиться некоторыми свободами, чтобы нанести терроризму сокрушительный удар».

Вот он снова, как всегда, в белом, Боб Пейдж, непонятный игрок, который появляется в каждом выпуске новостей и в прессе со скромным комментарием. Это центр, о существовании которого Дентон до последнего времени не подозревал.

Почему-то ему не верилось, что это центр.

Солдат в черном смотрел куда-то в небо сквозь оптический прицел своей винтовки. Потом услышал шум справа, из комнаты, и повернул голову. Незваный гость уже держал его на прицеле.

Бросайте винтовки, - приказал Дентон обоим. Видя, что они кладут оружие себе под ноги, он добавил: - Нет, не туда. За мост, в пропасть.

Оружие полетело вниз, даже легкий стук не был услышан.

Где находится Собор Тамплиеров?

За метро, - подозрительно охотно откликнулся часовой. - Там есть переход под внутренней аркой, его охраняют роботы и отряд коммандос.

Зачем такая охрана? Из-за золота? Из-за меня?

Мы не знаем. Спроси у этих зеленых парней. Они здесь главные.

А они умеют разговаривать?

Солдат улыбнулся спокойно.

Послушай, нас перекинули сюда пару недель назад, дали указание охранять этот участок. Мы ни черта не знаем, эти парни нам самим не по вкусу. Я думал, когда наше агенство отправляло нас по запросу, что я буду работать в охране фирмы или что-то вроде того. Но все это плохо пахнет. Я знаю, кто ты, и не хочу лишаться головы неизвестно за что. Дай нам просто уйти, и потом воюй с этим железом, сколько влезет. И с зомби в черном, которые заняли храм – тоже.

Попробуйте... - Дентон дал дорогу. - Если умеете преодолевать высокие стены.

У нас есть ключ. Послушай, все, что о тебе говорят, это же половина обман, да? Нам вешают лапшу на уши, не так ли? Может, хоть что-нибудь объяснишь? Чего им от тебя надо?

У вас на шлемах нарисована роза и голубая ладонь. Это эмблема группы заговорщиков среди сильных мира сего, которая хочет подчинить своему контролю правительства и общества США, Франции, Китая и других стран. Мы пытаемся уничтожить друг друга. Мой совет – лучше уходите отсюда. Вы можете погибнуть с обеих сторон. И даже не будете знать причины гибели.

Ты убил многих, носивших этот шлем?

Многих. Но только тогда, когда выбор мне не был предоставлен.

Мы, наверное, последуем совету, пока сержант далеко. - Солдат сбросил шлем с моста и осторожно последовал мимо Дентона к выходу. Его спутник сопровождал его. - Не завидую тебе.

С моста он видел далеко. Видел, как роботы-башни сверлят темноту красными фарами-глазами, как огибают маленькую Арку у Воды, и как выходят из метро механические коммандос.

Пришла пора совершить рывок.

Он закрепил под плащом бронежилет. Положил на краю моста свои пистолеты. И взял в руки плазмовыстрелы, найденные в парижской пекарне. Два робота – два выстрела. Промах не разрешен.

Когда нужна полная сконцентрированность, нет необходимости в долгих пространных медитациях. Тому, кто готов стать стрелой в начале выстрела, достаточно прочитать отрывок из любой книги. Но только – наугад. Дентон открыл тоненькую книгу, которая никогда не будет прочитана до конца.

«...Я подошел ближе – это оказалась страница линованной бумаги, судя по всему, вырванной из школьной тетради. Намокшая под дождем, она вся измялась, вздулась и покрылась волдырями, как обожженная рука. Красная полоска полей слиняла розоватыми подтеками, местами чернила расплылись... Я наклонился, уже предвкушая, как дотронусь до этого сырого текста, и мои пальцы скатают его в комочки... *И не смог*.

Секунду я стоял, нагнувшись, прочел слова: «Диктант. Белая Сова», - и распрямился с пустыми руками. Я утратил свободу, я больше не властен делать то, что хочу».

Страх не уходит. Страх нужно сохранить, чтобы его не убило равнодушие. Дентон сделал выстрел и увидел, как стальная голова вместе с установленными на ней пулеметами разорвалась в оплавленный металл.

Первый взрыв опередил второй на доли секунды, и уже два обезглавленных великана безболезненно агонизировали.

Настало время точных выстрелов. Уберегая свою голову от пулеметов коммандос, Дентон сделал то, что собирался сделать и что сбило с толку атакующих.

Они увидели, как он прыгнул с моста и в чудовищно далеком прыжке полетел к противоположной стороне улицы. Он совершил семь выстрелов в полете – и нетронутый приземлился на узком выступе балкона. А наблюдателей смертельного номера стало вдвое меньше.

Прыжок повторился, еще дальше и опаснее, Дентон парил над улицей, как черная летучая мышь, умудряясь делать в прыжке самые точные выстрелы. Он удивился, как ускорились его движения со времен прошлой ночи. *Еще скорее*. Еще незаметнее для этого мира.

Он отрабатывал этот трюк шесть лет в Академии, пока не довел его до совершенства. Нет, ему не просто не было равных в этом. Дентон был и автором, и единственным исполнителем «полета над пропастью».

Пулеметы коммандос превращали небо в решето. Приземляясь на дорогу, Дентон ощутил острую боль: обе ноги были прострелены.

Дентон упал на землю и сделал завершающий выстрел в сумрак. Опасность отступила – на время. Дентон разжал стальную хватку сконцентрированности, чувствуя небольшую слабость после энергетического рывка и полного напряжения сил. Ноги заживали быстро – буквально на глазах: вживленные Тонгом имплантанты всегда были в действии. Созданные для него – но без понятия о том, чему они послужат.

Дентон вошел в арку, пройдя мимо входа в метро. На связь вышел Эверетт:

Вы на верном пути. Собор находится прямо за аркой. Мне удалось полностью настроиться на ваше Эхо, и теперь я сумею постоянно наблюдать за происходящим вашими глазами. Так сказать, смотреть под вашим углом зрения. Посмотрю на старое место, которое когда-то было для меня не пустым… Я отсылаю вам планы и снимки разных уровней собора в базу данных. Не удивляйтесь ничему из того, что увидите.

После заброшенных путей Нью-Йорка, подземного и подводного мира Гонконга и парков Парижа – вряд ли что-нибудь еще может удивить.

Но, несомненно, может.

В узком проходе под сводом арки, окруженном водой с обеих сторон, стоял, загородив путь, ощетинившийся стволами человекоподобный нелюдь. Дентон едва избежал выстрелов и прыгнул в воду. Вода запузырилась от хлестких поцелуев свинца, когда черный демон выпрыгнул из темных глубин с другой стороны.

Два монстра сошлись в мгновенном поединке, один – как черный блестящий чешуями змей из вод Земли, другой – гигантский человекоподобный богомол. И они столкнулись *на узком мосту над водой между горящих бочек под древней аркой под ночным небом* с одной звездой. И никого вокруг. Пусто, как в начале и в конце Времени. Что бы подумал случайный наблюдатель, перенесенный сюда из мягкой постели, из-за телевизора в теплой комнате за прочной стеной, из чьих-то объятий? Что он сошел с ума? Нет, скорее: спит и видит необычный кошмар.

И ночь бережет тех, кто не готов стать ее адептом, от таких картин. Они могут лишить покоя – надолго.

Сильный удар ног в прыжке сбил зеленого с ног до того, как тот снова поднял руки-пулеметы. Зеленый не удержался и полетел в воду. Дентон по инерции – за ним. Оба скрылись под темной, полупрозрачной поверхностью. Вода успела успокоиться… Успела залечить раны тишина. И пришелец в черном вылез на мост за двадцать метров впереди. Живая вода стекла с его непроницаемого плаща ручьями. Арка закончилась. Из ее расширившегося истока открылось пространство, при одном прикосновении к которому была дарована мысль: оно не продолжение этого пространства, оно – особый мир со своими ритмами и своими оттенками.

В центре очерченного крепостными стенами двора попирал края небесного тумана выстроенный в готическом стиле собор, разделенный на две острые башни. Между ними был перекинут каменный мост. Оттенки здесь были серого и темно-синего с кляксами разбавленной, ведьмовской темноты. Ритмы – грустно, почти лирически бесконечные, без намека на напряжение, на зло и конфликт – но с *памятью* о них, отчетливой и неугасимой, с их осмыслением.

Этот Собор мог быть обителью только суровых душ, закаленных одиночеством и трудностями, и готовых к принятию своей судьбы, к общению с тишиной и Богом без сомнений и тоскливых взглядов за предел. Кто придет сюда, как в музей, тот уйдет со смутным предчувствием, и, возможно, не захочет вернуться. Он поймет, что был обманут.

Железные, монотонно передвигающиеся роботы охранники и солдаты в черном не смотрелись на серых, отшлифованных плитах, они были *лишними*. Дентон обеспокоенно задумался: раз за разом ему приходится преодолевать здесь систему охраны, подобную непробиваемой скале. Нужно быть богом войны, чтобы постоянно побеждать здесь и прорываться вперед в целостности, оставляя за собой поверженных… Дентона совсем не привлекала эта роль. И в то же время его «союзников» она, кажется, как нельзя более устраивала.

И именно эту роль он играет чаще всего. Это роль инструмента для кого-то, кто стоит и ждет, пока расчистят дорогу. Важно помнить об этом. Роль эта должна быть временной – и непредсказуемой для сценаристов.

Нехотя, с невероятным трудом заставляя себя и чувствуя, как сопротивляется все его естество, Дентон надел термооптический камуфляж. И – исчез на время. Времени было достаточно, чтобы обойти собор и убедиться – все входы прочно заперты и предохранены от вторжения. Впрочем, он никогда не нуждался в открытых дверях.

Но и взламывать не стал – ранняя тревога ни к чему. В одном месте к стене прилегала решетка. Дентон начал подниматься о ней, крадучись, но приник к телу храма, услышав прорывающийся сквозь заслоны Эха давно не слышанный голос:

Я вижу тебя, вор на крыше. Я слышу, как бьется твое сердце. Нет, тебе не скрыться от моих инфракрасных детекторов. Наша встреча близится. Наша встреча близится…

Гюнтер. Дентон, сам того не замечая, уже выкинул его карту из своей колоды. Как оказалось – напрасно…

Гюнтер знает, где он, сделает все для его гибели. Он опаснее всех солдат и коммандос – он был агентом Коалиции.

Необходимо ускорить вторжение. Приблизить встречу.

Дентон ударом сапога разбил стеклянное окошко в крыше и прыгнул в сумрак. В пустом зале стояли строгие пьедесталы, на них – раскрытые книги. Дентон подошел к одной. «Рождение Ордена Тамплиеров». Другая: «Расцвет Ордена тамплиеров». Еще: «Упадок Ордена Тамплиеров» и «Гибель Ордена Тамплиеров». История тех, чьей истории никто не знает. Дентон не думал узнать здесь ничего нового, узнать правду: правда нечасто встречается на видных местах в раскрытых книгах и в прозрачной форме. Ее надо искать, за нее – нужно бороться.

Только последняя строка последней книги останется в его памяти. «О них забыли, они были уничтожены – но это уже совсем другая история». Странная фраза. Какая может быть история после гибели? Или это намек на начало настоящей истории? Увы, не ему это узнать.

Дентон спустился вниз по лестнице, не встретив на пути никого. Кажется, это крыло пустовало сейчас. Через миг Дентон понял, почему. Спальни. Когда-то кельи монахов-рыцарей, теперь – спальни солдат, но так или иначе пустующие ночью. Дентон прошелся по ряду, обратив внимание на то, что все койки застелены.

Привет от Саймонса, - голос позади на миг сковал его волю.

Он не услышал ее и понял, какая ошибка была совершена.

Не оборачивайся, - но он уже обернулся. *Растворенная* женщина держала его на прицеле. Та самая, которая встретилась ему в секретном устройстве Маджестик-12 на острове Свободы. Или – ее копия?

Ты та, которая сохранила мне жизнь на острове Свободы?

Приятно, что ты помнишь меня, - ответила она глухим бесцветным голосом. - Только я не могу опять пощадить тебя. Я зависима.

Я тоже.

Ты уже не принадлежишь Системе...

Да, я не смогу... *освободиться*.

Ее белое лицо стало еще бледнее.

Ты знаешь об освобождении?

Знаю, - говорил уверенно Дентон. - Но, по-моему, освобождение невозможно в принципе. Как вы собираетесь сделать это, не понимаю.

Знаю, что ты имеешь в виду, - кивнула она. - Существует множество проблем на уровне Бытия. Но главное – технология, а остальное можно решить. Однажды технология будет завершена и готова к применению в завершенном виде. И все, кто принял участие в ее сохранении, кто хотел освобождения *на самом деле*, будет вознагражден Вечностью по эту сторону.

Дентон лихорадочно соображал, что может означать Вечность по эту сторону. И не понимал.

Что означает «по эту сторону»?

Это же... - она запнулась и вдруг улыбнулась жутко естественной улыбкой. - Нет... Ты лгал: ты не знаешь, что такое освобождение.

И ты не скажешь, правда? Хм... ты умеешь улыбаться.

Да, технология, производной которой ты являешься, была с тех пор усовершенствована. И появились мы. Много...

Прозрачность – тоже прогресс?

Не знаю, - она смутилась. - Больше мы ничем не отличаемся от рожденных человеческих существ, только этим.

Не мудрено, что ваши создатели нарочно добавили этот момент, чтобы вас всегда можно было отличить на общем фоне. На всякий случай...

Я отличаюсь от рожденных людей лучшим генотипом, следствие которого – интеллектуальный потенциал и жизненная сила на порядок выше. И я тоже хочу счастья, гармонии. Тогда я не убила тебя, ибо мне стало любопытно... И я испытала жалость, уверенность, что в твоей смерти нет смысла.

Но ведь он последний человек, чей вид мог бы вызвать жалость, подумал Дентон.

Так докажи это, - предложил он ей. - Прояви свою гуманность в высшей точке, и опусти оружие. Я не требую стать на мою сторону – просто дай спасти людей от Серой Смерти.

Планета не выдержит человеческого бремени. Мир уже на грани катастрофы. Люди сами виноваты в этом. Мир оправится после – но уже без них. Последнее средство спасения – чистка, глубокая чистка... Мы понимаем всю чудовищность, возможно, несправедливость этого замысла, поверь. Но другого выхода правда нет. Ты не располагаешь теми сведениями, которые есть у нас. О которых кричит планета. Экосистема Земли близка к тому, чтобы стать непригодной для жизни. Еще несколько десятилетий - и мир поглотит мрак. Теперь уже окончательно, и ничто не спасет, и этот прогноз, в отличие от предыдущих, осуществится. Он уже осуществляется, темные облака без срока затягивают все большие земли того, что недавно было Ойкуменой. Синие цветы укрывают земли и пространства. Те, кто еще жив на Счастливых Островах несчастного мира, в отдельных регионах Севера и Запада, успевших укрепить себя и оттянуть роковой момент – они живут иллюзией. Ты живешь иллюзией. Твои безумные друзья и Иллюминаты, эти изгнанные короли, живут иллюзией. Думаешь, вам многое

говорят по телевизору? Думаешь, все увидят те, кто путешествует по свету сам? Мы решаем, что видеть людям, а что не стоит, чтобы больной организм человечества не поразило до времени еще и безумие, рожденное Страхом. Люди подозревают, однако не хотят верить – и не будут верить до конца. В США, где трупами жертв Серой Смерти порой завалены переулки, люди убиты горем и роковым предчувствием – но они не сравнивали, и не знают, что *может быть гораздо хуже*. Ты, знаешь ли ты, какие колоссальные усилия прилагают ООН и правительства под нашей рукой для того, чтобы ценой полного напряжения сил обеспечить минимальный порядок и выживание общества? Нет, ни ты, ни другие безумцы не хотят этого видеть. И вы еще боретесь за какие-то права? Мы идем по краю пропасти, и в отчаянии, жертвуя своими душами, быть может, обрекая их на вечные муки после смерти, мы пытаемся спасти целое за счет части. Думаешь, нам нужна власть? - накал ее речи изумил Дентона. - Нет, нет смыла во власти в руинах в гибельном вихре, несущем осколки в бездну... Спасти планету – вот главная цель, вот почему Серой Смерти был дан ход однажды – и ее уже не остановить. Ни тебе, ни другим. Сома не излечивает Серую Маску, только оттягивает последний срок. Это... чудовищно, да. И мы знаем, какой неподъемный груз ответственности взяли на себя, знаем, что договор с дьяволом был бы невинным проступком на этом фоне. Но выхода нет. Спасая, планету, мы спасаем себя.

Дентон споткнулся о стену непроницаемой черноты ее глаз и ответил глухо:

Ты хочешь счастья? Вы никогда не будете счастливы. Никогда.

Она молчала, потом глухой бесцветный голос изменился.

Я знаю. Это и есть наша жертва.

Она молчала, с лицом по-прежнему бесстрастным, но теперь - несчастным. Дентон остался совершенно спокоен.

Ты меня не убедила. Если вы преследуете такие благородные цели, то почему не объявите их перед всем миром, почему не сделаете процесс спасения планеты явным, открытым для всех желающих принять участие?

Желающих... чего? - в ее голосе послышалась жестокая насмешка. - Желающих лечь в яму среди сотен миллионов

жертв Серого Поцелуя? Ты что, с ума сошел? Неужели ты веришь, что люди даже в самом беспамятном и зомбированном состоянии согласятся умереть по никем не управляемому жребию, добровольно пойти на бойню? Другие средства? Да, ими занимается ООН, государства объединяются для общих усилий, разрабатывают совместные усилия на уровне целых континентов. Но результаты – мизерные. Все, что предпринимается на явном уровне, что бы ни предпринималось – безрезультатно. Более того, в условиях катастрофы над миром еще и нависла новая угроза мировой войны. И только наши меры эффективны. Координация на глобальном уровне, санация Серой Смертью, жесткий контроль над общественной жизнью. Мы уже избавили мир от реальности ядерной развязки, посеяв хаос в странах-потенциальных инициаторах войны, и добились снижения потребления основных ресурсов Земли в несколько раз. Да, можно было не делать этого и дождаться, пока человеческий рой медленно агонизирует – или погаснет в ослепительной вспышке. Но слишком далеко мы зашли, чтобы теперь остановиться. И мы сделаем все, чтобы довершить начатое. Каждый из нас готов отдать за это свое отдельное существование. Ты тоже готов, но ты не за это борешься. Ты не знаешь, за что ты борешься. Ты только слышишь горькие шепоты Земли – но понять их не в состоянии. Но *Ничего не остановить*.

Дентон покачал головой разочарованно, скрывая замешательство.

Альтернатива есть всегда. Ты красиво говоришь, но ваши методы спасения мира мне не нравятся. Да, лучше угаснуть, лучше быть потрясенным до самых основ и отброшенным на века назад в развитии, продолжая поиск решения, чем делать то, что делаете вы. Так, кажется, я уже понял, что такое «освобождение». Это, на вашем языке, спасение мира, так?

Нет, не так, - ответила она, пряча глаза и пряча какую-то мысль, отказываясь делиться ею с чужим. - Освобождение – это кое-что другое. Но о нем имеют право знать и знают только те, кто стоит с нами плечом к плечу.

Дентон внимательно посмотрел на нее. Замешательство от ее речи прошло, он снова видел перед собой неразгаданную тайну, скрывающую не только стремление спасти планету.

Но если я вас не остановлю – тогда какой смысл тебе меня убивать? Не исключено, что я подумаю еще немного, и перейду на вашу сторону, а?

Многие надеялись на это до последнего времени. Это одна из причин, почему тебя не уничтожили быстро и решительно. Но принят ты уже не будешь. Ты уже предал нас. Я бы пропустила тебя, но они видят все сейчас. Меня уничтожат, если я отойду от замысла хотя бы на шаг.

Ты хочешь отойти? Если ты хочешь, то сможешь бороться.

Бороться? Нет, я не хочу. Я уже проклята – так какой смысл... А ты... Старая технология дала взрывоопасные результаты в тебе и твоем брате, и была закрыта навсегда.

Ты знаешь что-то обо мне? Расскажи.

Не хочу, - она покачала головой. - Мой переключатель-убийца действует мгновенно, сомнение – уже приговор. Я обречена – из-за тебя.

Так убей меня, - Дентон стал прямо. - Если твоя совершенная природа этого требует.

Убью, - она стала спокойна. - Кто был в Зоне 51, тот не найдет в этом ничего противоестественного.

Тот туда и вернется – с простынью на лице, - ответил он.

Она выстрелила – и удивилась, что попала в пустоту. Он исчез в тот миг, когда пуля собиралась поколебать его недрогнувший силуэт и – просверлила стену.

Дентон был уже далеко. Он уходил, снова использовав термооптик. Одним разом больше – одним меньше – какая разница. Он уже растворен, и возврата не будет.

Вверх, на лестницу, а затем по лестнице – вниз и вниз, до упора, минуя первый этаж и углубляясь в подвал.

По пылающему непривычно весело камину можно было понять лишь одно – это не склеп, не келья схимников и не проклятое место. Здесь должны быть люди, быть может...

В большом котле мешал что-то съестное мужчина в поварском колпаке. От неощутимого прикосновения пальцев

Дентона он спокойно обернулся, и лицо его не выразило удивления – и вообще ничего.

Простите, - тихо успокоил Дентон на всякий случай. - Я не хотел вас напугать.

Мне не очень нравится, когда меня отвлекают. Если у меня к утру должен быть готов завтрак для полсотни солдат, то оставьте меня в покое хотя бы на несколько часов.

Конечно, но... Видите ли, я не совсем в одной команде с солдатами. Точнее, совсем не в одной команде.

Шеф-повар подозрительно нахмурил брови.

Я вижу, что вы случайный гость в Соборе. Не исключено, что еще и незваный. Чего вы хотите?

Я не знаю, как вы воспримете эту информацию, но я далеко не друг вашим боссам. Они вас наняли, да?

Они? - он усмехнулся в бороду. - Нет. И мне абсолютно все равно, что вы здесь ищете. Я работаю шеф-поваром в этом месте уже восемнадцать лет. Пришел сюда, когда все эти куклы в зеленом и в черном еще стояли, наверное, в каком-то экзотическом музее.

Дентону было трудновато это представить.

Если вы не удовлетворены, почему не уйдете?

Восемнадцать лет – это срок, когда уходить уже поздно. Я привязался к этим сводчатым потолкам, к холоду келий и всегда жаркому моему камину... Всего не скажешь словами. Достаточно об этом. Что вы хотели узнать?

Здесь есть зал с компьютерным терминалом в храме?

Есть, - кивнул шеф. - Зал мудрости – вот как он называется. Вы поймете, почему... Поднимитесь на самый верх этой башни, перейдите по мосту в западную половину собора и спуститесь на два этажа. Затем поверните направо. Уверен, дальше вы разберетесь. Только...

Что?

Путь проходит через молельню.

Что это означает?

Ничего… - повар нахмурился. - Ничего опасного.

Но нечто, - Дентон домыслил за него, следуя указанным путем.

На самом верху этой лестницы, в определенный момент показавшейся бесконечной, в сквозных пространственных переходах башни, на сером, тысяч оттенков серого, фоне, встречались северные ветры и кружились в непостижимых таинствах. Дентон не собирался посягать на их тайны, и так отягощенный сумеречным знанием. Он поспешно перешел мост, чувствуя тугую пропасть непостоянных течений под собой, и попал в западную часть Собора, в башню-близнец.

На перекрестии воздушных потоков стоял алтарь с раскрытой книгой, пред ним на одной из скамей, скрестив руки, сидел человек в сутане с долгими серыми волосами. Молельня…

Человек услышал отчетливые на холодном, отталкивающем камне шаги и с большим, казалось, трудом оторвался от своих мыслей.

Вы же обещали не тревожить меня, - твердо сказал монах, не поворачивая головы.

Дентон сел рядом, не касаясь соседа рукавами.

Я и не собирался. Просто шел в комнату мудрости.

Монах повернул голову к нему.

Вы… кто?

Никто, в общем-то. Пришел в Собор не по своей воле – чтобы уйти до рассвета.

Вы не… один из солдат?

Нет. На самом деле, я здесь, чтобы сделать им пару неприятностей… Вы тоже, по-моему, не вписываетесь в ряд нынешних обитателей Собора. Вы тамплиер?

Нет, - он пожал плечами. - Я аббат нашей католической церкви, церкви отсюда неподалеку. Все покинули стены храма, а я не могу. Я всегда был здесь – и десять, и двадцать, и тридцать лет назад… Мне никто не страшен – это они

боятся… Чувствуют – я могу уничтожить их в течение часов, погрузить во тьму и муки навек…

Что, правда? - Дентон ощутил настороженность.

Некоторые секреты замка, которые и через пятьсот лет сработают, открыв скрытые до времени пропасти…

Что же вас удерживает?

Я вам не буду говорить общих фраз о том, что не мне судить, и так далее. Вы и сами знаете. Кроме того… Видите раскрытую книгу у алтаря? Это Священное Писание. Я не прикасаюсь к нему. Сам Ветер из всегда открытых проемов листает ветхие страницы…

Ветер зарыдал печальным ангелом в серых спиралях небес.

Это Господь указывает мне путь, когда я слишком слаб, чтобы принять решение самому. Каждую ночь я жду, когда ветер перелистает страницы, и всегда прочитываю одно и то же. Милосердие. Терпение. Прощение. И я никогда не запущу механизмы Замка.

Терпение… - задумался Дентон. - Но ведь оно может означать промедление, после которого станет слишком поздно.

Поздно – для чего?

Что случится…

В *этом* мире? - интонация последних слов заставила Дентона ощутить себя карликом. - А что возможно в этом мире? Поздно – понятие этого мира: временного, смертного. И оно не имеет иного значения, как и сам мир, кроме одного – дать шанс душе пройти испытание и вырваться в Настоящий Мир. Туда, где Время переходит в вечность – где последний становится первым.

Дентон не все понимал, ибо он чувствовал – он не был готов еще понять все. Но что-то прояснилось – пока еще не осознанно, - в его Игре. Рано или поздно осознание придет…

Старик вдруг ударил по глазам Дентона плетью взгляда.

Вы ведь… вы знаете это?

Дентон, удивляясь, почувствовал, что он действительно знает это. И почему он не вспомнил сразу? Почему не вспомнил, что должен спросить…

Да, знаю, - ответил он в тумане почти бреда. - Один вопрос. Что вы думаете о людях, не рожденных другими людьми… или измененных в самой своей сути другими людьми?

Так не бывает… - старец вдруг осекся, не пропущенный далее своей мысли чернотой очков собеседника. - Вы имеете в виду клонов?

И их в том числе.

Не знаю, имел ли на это человек право, не буду упорствовать, ибо в упорстве человек слепнет. Но что свершилось – о том уже нет смысла судить. Я скажу так: все в этом смертном мире от дьявола…

От Дьявола… от дьявола… от дьявола…

Но во всем – присутствие Бога. И кто мы, чтобы знать о замыслах Его насчет всего сущего? Человек посягнул на право творения, но – кто знает? - может, так надо. Какое место могут занимать в Книге Жизни нерожденные люди? Какое угодно. И последнее, - и первое… Того, что произошло, не изменить. Остается принять это, как должное. И дать право и им быть тем, что называется человек: то есть всем. Не меньше, и не более. Как он воспользуется этим правом – другой вопрос.

Не меньше… Не больше.

Я не верил в существование нерожденных или в по сути преображенных людей здесь, в этой келье, оторванный от мира. Хотя и отсюда многое видно. Но сколько можно закрывать глаза? Когда пришли люди в черных одеждах вместе с солдатами, сомнений не осталось… Скажите мне, - он повернул к Дентону прозрачные большие глаза, слишком большие для этого почти истаявшего лица. - Идет война, да?

Если это можно так назвать, - ответил Дентон бездумно. В этот миг его мучила мысль, внезапно пришедшая при взгляде на лицо, в котором с трудом угадывалась плоть. Он, этот старец, *тоже растворенный?*

А вы – вы один из них? Но… ваша особенность не бросается в

глаза, нужно долгое время, чтобы рассмотреть.

Особенность? - спросил Дентон очень тихо. - Этого слова я избегаю. Оно безлико. Просто я... я чувствую старость этого мира. Я все время чувствую его бесконечную старость. Она давит меня... И свою – тоже. В этом – все отличие. Это замыкание в генотипе, но оно – отражено в звездах...

Если бы мы не были на вершине Собора тамплиеров в 2052 году в первом часу после полуночи, и я не слышал роботов далеко внизу, то сказал бы, что вы – просто странный человек, носящий черные очки в темное время суток. Но – вы же видите – нам приходится оперировать иной смысловой системой.

Вижу, - ответил Дентон, вставая. - Только этой системы как таковой еще нет. Она лишь формируется в душах людей, которым не спится в эту ночь. Ну, я пойду, наверное. А то эта темная... и сложная комната навевает грусть.

Немного дольше – и она принесет просветление. Помните – чем темнее за окном, тем четче видны черты на мутном стекле...

Откуда вы знаете? - Дентон спросил без удивления. Монах просто пожал плечами, зная: пожатие не будет увидено тем, кто уже ушел.

***

«Великие дают тебе ключ к комнате мудрости, - прочел Дентон на табличке у каменной двери. - Войди, если достоин, и если чувствуешь в себе силы».

А как же иначе, подумал Дентон, вводя вычитанный код. Никто не препятствовал ему, и это не очень удивляло: так гончие псы расходятся от уже загнанной жертвы при приближении охотника, зная, что он завершит дело и без них.

Дентон спустился в глубину зала, слыша, как захлопнулся за ним каменный капкан. Ступив на выложенный мозаикой пол, бросив взгляд на расчерченные белыми и коричневыми крестами стены и колонны, Дентон не сразу понял, почему это – комната Мудрости. Понимание пришло мгновением позже, как прикосновение чьих-то пальцев к обнаженному

разуму; как взмах воронова крыла... Времени разобраться в ощущениях у Дентона не было: услышав шаги, он обернулся: из темного угла к нему бежал Гюнтер, суетливый, как всегда. Даже здесь не смог выдержать момент... С пустыми руками, с кинжалом за спиной. Гюнтер остановился за три метра, споткнувшись о выстроенную из энергии взгляда силовую преграду. Гюнтер выглядел спокойным – и каким-то сосредоточенным. Как человек, приготовивший себя к убийству...

Очень жаль, что только один раз мы работали вместе, - произнес он почти грустно. - Теперь игра поменялась.

Интересно, в чем заключаются эти перемены? Вы настигли меня в самом Париже, чтобы выразить сожаление?

Это просто замечание – не более. Мы знаем, куда ты направляешься, и что собираешься делать.

Мы... А ведь, признайся, труднее решиться на намеренное убийство человека – по сравнению со стихийным убийством в бою. Не правда ли?

Брось, Дентон. Ты пытаешься нарочно затянуть время, хотя знаешь: против меня у тебя нет никаких шансов.

Разумеется, - кивнул Дентон, восстанавливая в памяти то, что он услышал от Риеза. - Но я о тебе тоже кое-что знаю.

Ты знаешь – ты будешь, наконец, побежден. Сегодня и здесь. Сейчас.

Каждый имеет право на шанс.

Нет, - взмахнул Дентон головой. - Я знаю другое. Знаю, что ты так же, как я, устал быть инструментом своих хозяев, устал от черных глаз, каменных взглядов. И в глубине души ты знаешь, на чьей стороне правда. Хочешь джентльменское соглашение?

Души... - странно повторил Гюнтер. - Я – суперагент Коалиции. Самый старый агент из тех, что остались. Помнишь наше золотое правило? Переговоры с террористами не ведутся. Кстати, Саймонс сказал, что если я привезу твою голову, то получу любые имплантанты, какие только пожелаю. Вот это – джентльменское соглашение.

Комнате мудрости надоело слушать. Глаза Гюнтера едва заметно изменились – верный знак того, что за миг он превратится в безотказную машину убийства в действии.

Ты даже не человек, - с усталым равнодушием и сожалением сказал Дентон. - Ты просто… лапутан-машина.

Последнее слово он произнес неестественно громко и отчетливо. Всегда белое, даже серое лицо Гюнтера вдруг нехорошо потемнело. Он зашатался.

Я не маши…

Куча болтов и гаек – не более. Ты не захотел быть большим. Или не мог?

Дентон отскочил назад – и вовремя. Громадное, несущее в себе силу тело рухнуло на пол, как мешок, и взорвалось, как заряд тротила, расшвыривая осколки до самых окраин зала. Сработал самоуничтожитель.

Интересно, подумал Дентон, почему он сказал «даже»?

Зал дрогнул – но стерпел. Дентон пошел в самый конец зала, к стене с белым крестом на… фоне бездны. Изумрудное поле экрана терминала не обещало борьбы за свои секреты – но Дентон был готов и к ней. В мире, где играют в есть-нет-импульсы, - нужно угадать…

Дентон вошел в систему, подключившись к сети напрямую. От этого всегда начинала болеть голова. Он услышал подтверждение сквозь Эхо:

Я получаю то, в чем нуждаюсь. Прекрасно. - Эверетт выдержал паузу. - Вы не нашли золото, но ладно, забудьте, о нем позаботятся другие. Главное сделано. Теперь, пожалуй, мы можем встретиться. Нам будет, что сказать друг другу. Отправляйтесь к ближайшей станции метро, там вас найдет мой соратник, Тоби Атанве… Вы узнаете его.

Дентон обернулся и, несмотря на большое расстояние, отделявшее от противоположной стены, он вздрогнул от неожиданности. Трехмерная проекция Уолтона Саймонса над раскрывшимся цветком коммуникатора замерла в выжидающей позе, даже не глядя в его сторону. Дентон пошел вперед, не в силах сбежать просто так.

Мы определенно не учили вас так сражаться, не так ли, Дентон? - змей смотрел пустыми незаполненными глазами в

пустоту.

Странно видеть вас без очков, Саймонс. Они бы вам шли, наверное.

Саймонс оставил иглу без внимания.

Вы умело используете слабости других, браво. Там, на базе подводных лодок, вы застали меня врасплох, хотя, если бы не стечение обстоятельств, были бы уничтожены. А я бы получил заслуженный отдых. Ну что ж – ничего страшного. Одной ночью дольше вы проживете – или меньше, сути это не меняет. Вы приговорены, Дентон, и даже не мной…

Я это уже слышал.

Только что вы распорядились совершенно не вашей тайной бедного Гюнтера… Но не беспокойтесь, Дентон. Ваши слабости тоже известны, а они, поверьте, гораздо серьезнее. Переключатели-убийцы не в счет.

Так чего вы ждете?

Саймонс замолчал, будто не найдя сразу, что ответить.

Момента. Мы не готовы пока… - Саймонс не стал пояснять странную фразу.

Готовьтесь, - Дентон пожал плечами. - Мое преимущество в том, что я не в силах ничего изменить – а значит, буду делать все, что в моих силах. Что будет – ни вы, ни я не угадаем.

То есть…

Базовый курс: ассиметричная война. Забыли, Саймонс? Вам труднее вести войну, вопреки всей вашей силе. Ибо вам есть что терять, и вы дрожите за это. А мне – хм, вряд ли. Только жизнь, а я ею не дорожу, поверьте. Вы можете напрячь всю свою мощь – и максимум, что сделаете – уничтожите меня, маленького человека, удалите ноготь рудокопом. А мои руки свободны – и каждый шаг…

Поздравляю, Дентон. Как террорист вы состоялись вполне. Но хватит. Мы держим руку на пульсе, и в любой момент, вы знаете…

Оставьте, Саймонс. Ваша власть зыбка, как всякая власть,

которая нуждается в тайне, полной или частичной секретности. И вы боитесь потерять ее. Вы напуганы. У нас почти есть вакцина.

У вас нет ничего, - медленно, с холодным бешенством ответил человек-змей, некто-обрывок черного паруса. - Даже если вы расшифруете структуру Сомы до конца, что сомнительно, вам понадобится Универсальный Конструктор, чтобы ее производить. Да, именно такой, как вы уничтожили. Изумлены? И не надейтесь, что Пейдж и я позволят вам приблизиться хоть к одному УК, особенно после того, что вы сотворили в Гонконге.

Тому, что началось, уже не остановиться, - Дентон нашел в себе решимость встретиться с глазами-черными дырами.

Посмейтесь и забудьте, Дентон. В следующий раз мы не будем использовать коробку с болтами, подобную Гюнтеру. Я отправил его лишь потому, что устал от постоянных просьб этого монстра быть вашим палачом.

Вы послали его потому, что знали: он будет сражаться до смерти.

Вот и ушли с исторической сцены механические киберагенты. Гюнтер был последним. В следующий раз вы столкнетесь с кем-то, вам равноценным.

А знаете ли вы, с кем столкнетесь в следующий раз? - спросил Дентон, не пятясь.

Вы о чем? У вас появились равные вам подручные?

Нет... Просто я сам не равен себе каждый раз, и вы не знаете, кто моей рукой нанесет удар завтра. Готовьтесь.

Вы меня пугаете, Дентон, - произнес Саймонс бесцветным голосом и отключился.

Дентон остался в зале совершенно один – робот с красными глазами и пустая голограмма уже не создавали видимости, не давали обмануться, забыть о том, что он и был совершенно один.

«Одиночество мне по душе... Я сильней становлюсь день за днем...» - пропел он шепотом и вышел из каменного мешка.

Но пошел не к выходу, а куда-то вверх и вверх. Посидеть на крыше под звездами, свесив ноги над далекой землей, бросая камнями в сонный диск Луны... Как в детстве, которого не было или забыто, как в прошлой жизни, которая придумана... Он нуждался в этом сейчас. Вдруг за темным горизонтом на миг откроется тропинка, по которой он пришел. А вдруг... Но нет, будущее будет темно, его просто нет. Это и не важно. Просто помолчать минутку – этого будет достаточно. А все враги, названные и не названные, подождут за ветхой открытой дверью, пусть их будут орды, и пусть они непобедимы. Пока он не закончит свой разговор со звездами, они не сделают ничего.

***

Выйдя из арки, оставив безмолвно плачущий пустой собор за спиной, Дентон ощутил новый прилив головной боли. Кто-то пытался достучаться к нему – и не один. Будто несколько взглядов одновременно пересеклись на нем в силовой гипнотической схватке. Голоса сменялись, как в древней испорченной кассетной записи.

Икар:

Ваши системы были очень кооперативны. Подключение завершено.

Боб Пейдж – его Дентон узнал сразу:

Вы были только образцом, Дентон. Опытным образцом для меня.

Морган Эверетт:

Вы слышали голос Икара, искусственного интеллекта Маджестик-12. Кажется, он подключился к вашим системам, в том числе к Эху и нанитам головного мозга. Но не стоит беспокоиться – пока. Этой ночью я могу защитить Дедала и вас. Идите спокойно.

А он и шел спокойно. Казалось, он слушал спектакль, почти комедию, где герои пытаются поделить нечто несуществующее. Пусть делают, что хотят. Он уносил с собой такое знание, которое давало полное бесстрашие – и совсем другой страх. Вопрос – почему это осознание не пришло к нему раньше... Оттуда – из черноты небес.

Вселенная раскололась над ним, и оттуда вырвалось пламя. Оно ловило его сотнями языков, но лишь прибавляло сил. Он был еще жив. Он, маленький и слабый человек, конечный и один, противопоставил себя огромной машине, системе, почти всемогущей. И что с того?

Он еще жив, и это была самая странная вещь. Его должны были уничтожить тысячу раз. Что было в нем? Нет – не в нем. Но у него. То, что отсутствовало у его могущественных противников, что делало почти бессмертным.

За их машиной, чья работа обеспечивалась всем: деньгами, властью, войсками, информацией – было темно. И вот чего им не хватало. Союзничество звезд. Покровительство Того, Кто видит Все.

Неведомый дьявол дает им бесконечную силу. Но она ничтожна... против ведающего Мирозданием .

В этом было знание, дающее право на бесстрашие. Право не оборачиваться на выстрел – и знать, что не в этом смысл. Это *его* шанс.

Станции метро не похожи друг на друга в Париже. Дентону показалось, что он попал в маленький подземный город во время смутных времен Земли. На каждом углу стояли полицейские в голубых рубашках, и казалось – все их предназначение в том, чтобы просто стоять – смотреть – ждать. Кого-то – не его, как он надеялся.

В одном из боковых помещений, служивших для отдыха персонала, бесцельно бродил механик в оранжевой каске, разгоняя сон. Дентон хотел пройти мимо – но ему не удалось.

Эй, месье! - окликнул его механик с сильным французским акцентом. - Кажется, ваш друг ожидает вас внизу, возле железнодорожных путей.

Вы меня знаете?

Я знаю, угадываю людей вашего типа. Такие как вы – и он, тот, что внизу, появляются здесь не каждую ночь. Наверное, вам нужно оружие. Я мог бы помочь...

Раздался звонок извне, механик поспешно выскочил из комнаты. Дентон окинул взглядом два дивана, стол и автомат с кофе. Остывшие продукты конвейерного производства – сколько их, одинаковых до мелочей и разных, разбросано по свету, снова переставшему быть тесным... Было и кое-что

интереснее – на высоте его роста открывалась ниша, служившая – не больше и не меньше – переходом в еще одну комнату, точнее маленькую кладовую.

Дентон одним прыжком оказался наверху, и подобрал раскрытую тетрадь. Дневник Жака Иордовски – за вчерашний день, предшествующий этой ночи.

«*Эти ребята в форме – они навевают на меня скуку. Никакой динамики. К тому же, еще и тупы, как ослы. Сегодня я взял из оружейной термооптический камуфляж и несколько коробок с патронами, но никто из них даже не обратил на это внимание. А если это и произойдет, то не раньше утра, при сдаче дежурства. Вряд ли кто-то заподозрит меня. Я делаю это не столько из-за денег, как развлечения ради. Попробую вытащить в следующий раз один из автоматов.*

Не могу дождаться, когда сумею выйти, наконец, на улицу. Хотя что там теперь?»

Дентон вернулся вниз. Интересно, что заставляет людей вести дневник? Самообман, вызванный паническим стремлением удержать мгновения, которые уходят и уже не вернутся? Попытка взглянуть на себя своими, но как бы чужими глазами? Инсценировка самоанализа... Твердое намерение не терять связь с прошлым – ни с единым днем, как бы прожит он ни был. Стремление искусственно сберечь больше ярких и неповторимых мгновений, *мгновений-откровений*, чем их дано самой жизнью...

Люди понимают, но никогда не верят, что их дневник может быть прочтен кем-то посторонним. Те, кто это подозревают, дневников не ведут, а если и вынуждены, то делают записи сухие и отрывочные. Для тех же, кто ведет тайный диалог на бумаге, пространный и полнокровный, сама мысль о возможности нарушения тайны невыносима и скрыта в глубинах сознания. Это для них нонсенс. Что бы они ни писали в дневнике, но если они искренни до конца, то прочтение этого другим всегда будет для них травмой. Потому что человек, каков он есть до мелочей, никогда не равен тому, каким он предстает перед собой и другими. Он всегда хуже и темнее – он всегда лучше и полнее, сам того не подозревая. Потому что у человека всегда есть то, что он хочет скрыть. Но дневники – вещь опасная. Это сильный наркотик, от которого не избавиться, наркотик магического зеркала, позволяющего увидеть себя собой, без прикрас и искажений. Такой возможности не дает больше ничто:

только разговор с Богом и *дневник*. Попробовав однажды, трудно остановиться. Попробовав однажды, теряешь бдительность.

Дневники – вместилища тайн. Они завязаны на драмах, никому не ведомых, они кровоточат ранами, старыми и совсем свежими. Они сами могут стать причиной кровопролития. Они могут вызвать ненависть и посеять вражду. Обычная серая бумага. Словно дьявол вписывает между строк свои, непрочтимые контексты.

Лучше не прикасаться к чужим дневникам. Пусть себе лежит затертая тетрадка, позабытая случайно на журнальном столике. За ней вскоре вернутся – обязательно…

Стоило идти, но почему-то Дентон решил подождать. Что-то заставило его решить совсем не так, как следовало бы. Он сел в одно из кресел, где вернувшийся механик его и застал.

Вы еще здесь? Так вам нужно оружие, нет? У меня есть пару термооптиков, также патроны к пистолету…

Тебя зовут Жак? Значит, ты воруешь у охраны метро?

Эй… Вы прочли мои личные записи… - механик побледнел, его лицо исказила гримаса ненависти. Поставленный эксперимент полностью подтверждал выдвинутую теорию. Теперь можно и идти.

Неосмотрительно оставлять дневники открытыми. Их могут прочитать. Мне не нужно оружие, но мне не нравятся люди, которым наплевать на закон.

Ты на себя посмотри, таких подозрительных типов полиция останавливает за квартал! Что же ты сделаешь?

Могу убить тебя. Но зачем?

Дентон вышел в каменный зал метро, туда, где начинались кассы, и нашел одного из полицейских.

Вы говорите по-английски? Знаете, что ваш механик ворует у вас оружие?

Вы об Иордовски? Мы знаем. Но у нас нет времени сейчас ним заниматься.

Он сейчас здесь, у себя. Арестовать его будет очень просто.

Повторяю, - терпеливо объяснил офицер. - Мы не можем заниматься мелкими воришками, любая потеря бдительности грозит тем, что мы упустим опасного террориста. Кстати, если идете вниз, держитесь подальше от путей, когда ждете поезда. Нам уже надоело вытаскивать неосторожных, которых убило током.

Дентон спустился по неработающему эскалатору в холодный тоннель метро, уводящий в обе стороны бесконечности. Поездов не было – может, и не должно было быть. Только кто-то одинокий стоял у самого края.

«Осторожнее!», - хотел крикнуть Дентон, но не стал. Он узнал незнакомца, не зная его. Эверетт был прав. Длинные темные плащи с высоким воротником, несмотря на то, что они сейчас в моде, носят немногие. Над воротником, прячущим шею, Дентон увидел абсолютно безволосую голову неправильной выпуклой формы. Первое впечатление – человек, состоящий из одних особенностей. Ничего обыкновенного в нем.

Мистер Джесс Дентон, - лысый мужчина приблизился почти вплотную. - Меня зовут Тоби Атанве, я компаньон Моргана Эверетта. Я должен доставить вас к Эверетту. Но вам запрещено будет видеть и знать путь к его дому.

Неужели? Это будет очень остроумно, - Дентон пожал плечами. - Как вы себе это представляете? Завяжете мне глаза?

Нет. Но вам не причинят ни малейшего вреда.

Дентон посмотрел в его глаза, пытаясь угадать замысел.

Делайте то, что должны.

Подойдите немного ближе.

Дентон подчинился. В короткой вспышке он даже не успел удивиться, как быстро и безболезненно отключилось его сознание. Раз – и все.

Глава 9

Если от себя не убежать

«- Вы играете в Бога.

Но ведь должен кто-нибудь это делать!»

Стив Мартин «Человек с двумя разумами»

Сознание вернулось быстро – как по волшебному хлопку чьих-то ладоней. Дентона удивило то, что он не лежал, а стоял в светлой гостиной с видом на Париж где то в центре города. Будто он сам пришел сюда… Рядом стоял Атанве с тяжелой головой, с завораживающим голосом.

Видите: нервно-паралитический газ не приносит ни малейшего вреда при правильном применении.

Эверетт, по-видимому, параноик, - заметил Дентон не без внутреннего напряжения.

Как и все мы. Иллюминати отравлены своим собственным лекарством.

Значит, Эверетт поможет мне и моим друзьям завершить создание Сомы?

Наверное, он сам скажет. Да, он давно уже вел собственную разработку, в домашних условиях. Было бы смешно, если бы Эверетту было что-то не под силу, до чего додумался Пейдж. Выяснение планов и разгадка замыслов Маджестик-12 всегда было привычным для нас делом. А вот как их остановить – это уже совсем другой вопрос. Именно поэтому мы нуждаемся в вас.

Я могу поговорить с ним прямо сейчас?

Не можете, а должны. Если хотите, осмотритесь в доме мистера Эверетта. Пока вы здесь – вы его желанный гость, и имеете неограниченные права. Может, что-то представит для вас интерес в наших владениях?

Воспользуемся приглашением, подумал Дентон. Почему нет? Дом велик, но и у него есть пределы.

Он прошел мимо кухни, женщина в белом фартуке приветливо улыбнулась ему.

Хотите что-нибудь перекусить с дороги?

Спасибо, нет. - Дентон попытался войти в маленькую

спальню позади кухни, однако прислуга окликнула его еще раз.

Месье, вам туда не нужно. Не вздумайте беспокоить Лючио де Бирса.

Слово-имя вырвалось – и этого уже не исправить. Дентон обернулся.

Кто такой Лючио де Бирс?

Она поняла свою ошибку, на полном лице отразилась растерянность.

Вы не знаете его? Это... друг мистера Эверетта, и он очень болен. Не тревожьте его.

Нужно выяснить это – до конца, решил Дентон. Он обернулся к ней, сделав успокаивающий жест.

Мистер Эверетт дал мне право увидеть господина де Бирса.

Но ведь вы только что впервые услышали его имя, - она запротестовала слабо.

Я просто забыл, - ответил он с твердостью в голосе и взгляде, которую нельзя применять, и вошел в спальню.

Застеленная кровать, маленькое зеркальце на уровне пола в углу, одно из тех, в которые никогда не смотрят – но которые все же нужны для чего-то... И большое зеркало по всей высоте стены. Все. Это не может быть всем там, куда его не пускали.

Дентон обернулся – никто не наблюдал за ним. Он осторожно сдвинул зеркало в сторону. Предположения подтвердились, не зеркало, а – дверь. Решетка-дверь уводила куда-то в подсвеченную темноту. Дентон рывком сбил замок и вошел в... обитель, боявшуюся света. Ни одной лампы, ни окон – лишь зеленая подсветка специального фонаря. Здесь кто-то живет.

Дентон наткнулся на бесцветные мертвые глаза за стеклом и отшатнулся. В прозрачном кубе он увидел обнаженное ветхое тело с подключенными к нему трубками и проводами. Этот человек имел глаза того, кому ведом космический абсолютный холод – такие же грустные и холодные. Он пошевелил губами, Дентон дрогнул.

Что ты делаешь там, в темноте… Дентон, правильно?

Да. Вы… живы в этой штуковине?

Я в сознании. Скажи Эверетту – найди его, прошу тебя – скажи ему, что мне холодно. Он держит меня в таком холоде…

Дентон представил себя на месте этого существа – навеки отделенный от мира стеклом, в мире – и навсегда вне его, в холоде безвоздушного пространства.

Кто вы? Лючио де Бирс?

Так звали меня, когда я еще ходил по этой земле. Верховный Просвещенный. Лидер Иллюминати.

Лидер? А я думал, что лидер – Эверетт.

Я – лидер! - тень эмоции проскользнула в этом утратившем человечность лице растения. - Я провел Иллюминати через весь двадцатый век к высотам их могущества. Я – тот, единственный, которых больше нет. Когда нужная технология отыщется, меня восстановят. Мое тело восстановят, воскресят. Эверетт в этом поклялся!

Я скажу ему о вашей простуде.

Я вспомню об этих маленьких несправедливостях. Когда меня восстановят – я вспомню…

Дентон посмотрел на белое тело червя за стеклом с изумлением и жалостью, вдруг пожелав поскорее покинуть эту комнату, и ощутил, как стремительно растет дистанция между ними, превращаясь в пропасть.

Вы хотите вернуться к жизни, чтобы получить власть? - с удивлением воскликнул он. - После лет, проведенных в стеклянном гробу, это ваше первое желание?

Я должен вернуться и руководить. Планета в опасности. Жалкие меры Пейджа не приведут ни к чему. У меня уже есть *план*. Никому другому не удастся довести замысел до завершения, без меня Иллюминати утратят власть, и свершения столетий пойдут прахом… Меня подвело тело – но дух по-прежнему могуч и требует своей судьбы.

Дентон не мог поверить. Неужели этот полуживой человек не понимает, что будет означать его воскрешение в первую очередь? Та же навязчивая идея, но с другой стороны, – не она ли, с другой стороны, держала его дух все годы в силе, не давая растечься немощной массой? Наверное, Дентон мыслил иными масштабами, наверное, он слишком молод. Звезды этого не видели. Интересно, удивились бы они?

Де Бирс хотел сказать ему что-то еще. Дентон прислушался к тихому болезненному голосу.

Очень часто мы взращивали лидеров для мира, но потом они забывали о своих корнях и обращались к нам спиной. Братья Кеннеди, китайцы... Теперь – Боб Пейдж. Не уходи ты, Дентон, не уходи, молодой человек. Нам сейчас не по силам выдержать еще и эту потерю...

Дентон отступил – и вышел из темного инкубатора на свет. Интересно, кто сказал, что он уже с ними?

Дом начинал вызывать у него интерес, и Дентон был уверен: темное местечко зазеркалья далеко не исчерпывает его секреты.

Он бегом спустился вниз, как в колодец, по узким каменным ступеням, где не разминуться двоим. На самом дне по обе стороны вместо стен были стекла огромных аквариумов - без рыб. И даже максимальное напряжение чувств при взгляде на колеблющуюся прозрачность не могло разгадать предназначения огромных емкостей с голубой водой и с роскошными зарослями подводных растений.

Лестница вновь стала подыматься – на другою сторону дома. Дентон вышел в коридор на противоположном краю колодца. Он минул открытую дверь, сделал шагов пять – и остановился. Нечто знакомое, нечто важное. Он вернулся, заглянул в комнату. Алекс Якобсон сидел за компьютером, не замечая его.

Алекс! Что ты здесь делаешь?

Джесс, привет, - Алекс словно и не удивился и не обиделся за скомканную встречу. Он понизил вместо этого голос. - Быстро и внимательно выслушай меня. Тонг прислал меня сюда – вроде как в помощь по разработке Сомы, понимаешь? Но на самом деле он не доверяет Иллюминати и хочет держать руку на пульсе. И он просил передать тебе – будь и ты внимателен. Не верь никому.

Я знаю, - Дентон коснулся его плеча. - Значит, Гонконг наладил с Парижем стойкую связь раньше, чем это удалось мне, или как? Странное дело. Кстати, как там, в Гонконге? Что с триадами?

Мир пока в силе. Меня беспокоит другое. Что-то случилось с Тонгом. Он уехал из Гонконга.

Уехал? - не поверил Дентон. - Не могу представить.

Да. Сказал, ему нужно побыть одному. И последние его слова выглядели очень странно, по правде говоря. Что-то вроде этого: «Все машины в моей лаборатории оказались кучей бесполезного хлама».

Что это может быть?

Не знаю. Но когда мы расставались, выглядел он не очень.

Устал? Заболел? - предположил Дентон.

Может быть. Или что-то беспокоит, угнетает его. Думаю, скоро мы узнаем об этом.

Ясно, - Дентон кивнул. - Я видел Хайми. Он в порядке.

Где он? - оживился Алекс.

Где-то в Париже. Но он в безопасности.

Рад слышать. Кажется, судьба пока бережет нас. Что бы это значило? Даже не верится, что наши потери пока так малы…

Тсс! - предостерегающе приложил палец к губам Дентон. - Не стоит говорить этого вслух. Вдруг кто-то услышит – кто не должен?

Алекс Якобсон пропустил странную фразу мимо ушей.

Окей, Джесс. Эверетт, наверное, ожидает тебя. Я справлюсь здесь вполне. И постараюсь держать тебя в курсе всего.

Да, - остановился Дентон на пороге. Именно так и делай. Держи меня в курсе.

Коридор заканчивался. Дентон уже издали видел чей-то силуэт. Эверетт – некто могущественный, некто с претензией

на имя Игрока первой величины, с претензией... на сверхчеловека. Как должен он выглядеть? Какая внутренняя сила и мудрость должна быть скрыта в чертах, в пассионарном аскетическом теле…

И снова его ожидало разочарование. Он понимал, что по внешности не судят, но... Этот низенький полный человечек с лицом торговца бижутерией с окраины Парижа, с круглым внушительным животиком, вскормленным тщательно и любовно? Это Эверетт. Это претендент на распоряжение судьбами мира. Мира бесконечно старого... Этот человек решил вершить его судьбы?

Дентон входил в лабораторию и все еще думал, что ошибается. Только больше никого не было внутри.

Хм... Нелюдь Саймонс с глазами древесной или пресмыкающейся формы жизни, с виду легкомысленный актер Боб Пейдж, едва ли не разлагающийся Лючио де Бирс, пара румяных толстяков Дауд и Эверетт? Это они решили вознестись над миром, старости которого никто не ведает, глубин которого никому не постичь? Дентон не умел улыбаться, но ему хотелось бы улыбнуться хоть раз – сейчас. А что он делает между ними? Желание смеяться исчезло. Почему он стал участником этой игры без права и возможности из нее выйти…

Чтобы изменить ее.

По внешности не судят, напомнил себе Дентон, удивляясь странности своих размышлений.

Так вот где заканчивается путь Иллюминати после столетий заговоров по покорению мира, - произнес он, пожимая теплую руку Эверетта, глядя в его холодные и твердые глаза на очень приветливом лице.

Заговор начинается снова, Джесс. Между вами – и мной. Николетт была мудра, раз решилась собрать нас в одних стенах.

Значит, вы сможете, наконец, завершить создание вакцины Сомы, - Дентон перешел на интересующую его тему.

В скором времени. Но это – лишь первая, далеко не самая сложная часть работы. Чтобы производить Сому, нам понадобится Универсальный Конструктор. И я даже знаю, где мы сможем достать один. Точнее, кто нам поможет.

Ученые-беглецы из Района 51 с Гарри Саваджем во главе. Слышали о них?

Да. Гарри Савадж и его ребята до сих пор ютятся под открытым небом Ванденберга?

Видимо, да, - Эверетт пожал маленькими плечами. - Я не вникал в ситуацию там, вы разберетесь на месте. Вы должны будете встретиться с Гарри Саваджем. И еще – пока вы будете в Ванденберге, постарайтесь найти доступ к военной компьютерной сети.

Военной сети? - Дентон удивился. - Зачем?

Для спасения Дедала – и себя. Этот Икар готовится нанести решающий удар. Мне нужен доступ во внутреннюю сеть военного ведомства, чтобы защитить вас.

Вы знаете, кто этот Дедал?

Знаю. Этот часть старой системы «Эшелон-Четыре», созданной для глобального информационного сканирования. Когда Эшелон был свернут ООН, его попросту перенесли в Район 51, и искусственный интеллект, Дедал, стал служит целям Маджестик-12 для облегчения в борьбе с террористическими группами.

Значит, Дедал был инструментом Маджестик-12, и восстал?

Технология оказалась слишком самодостаточной, с высоким уровнем самостоятельности. Дедал классифицировал саму Маджестик-12 как террористов, наряду с «Синим Цветком» и «Силуэтом»...

И наряду с Иллюминати, верно? – Дентон уловил недоговоренность. – Вы уверены, что он наш союзник?

Он враг наших врагов – и это главное. И сильный враг. Я знаю его возможности. Я был одним из разработчиков технологии.

Вот как... Почему тогда он под угрозой?

Икар – более новая и усовершенствованная модель искусственного интеллекта, с той же, однако, первоосновой. И еще более взрывоопасно самостоятельная. Маджестик-12

играют с огнем.

Самостоятельная? Дентон задумался про себя. И сгустки электронного шума прибавляются к списку игроков.

Эверетт посмотрел на Дентона в упор.

Я разрешил вашему пилоту, Джоку, сделать посадку на моей вертолетной площадке на крыше дома. Он доставит вас в Ванденберг. Вы будете моим представителем у Гарри Саваджа. Прошу вас отнестись к этому серьезно. Я не могу покидать стены этого дома. Я не свободен…

Дентон смотрел в смягченную серость глаз этого человека. Он сейчас сформулировал с ясностью для себя мысль, которую принимал всегда, которая очевидна, но… которую предпочитают прятать от осознания.

Эверетт сейчас смотрит на него – но его не видит. Он не интересует этого человека, не нужен ему ни на миг, как человек, как сущность, как Джесс Дентон. Нет. Только как функция, которую может выполнить он и только он. Утрать он эту способность – и интерес исчезнет, и он сам исчезнет, сольется с однородной массой, станет ничем в этих серых глазах. Или – врагом, помехой.

Ему не хотелось идти дальше – и чувствовать, что это не только Эверетт. Что *все* видят его так. Враги, друзья, случайные встречные. Как функцию. Как роль. И пусть он готов к одиночеству – это *тяжело*. Интересно, думал ли Пол об этом? И что будет с ним, когда он сыграет роль и уйдет? Есть ли у него жизнь помимо этой роли? Останется ли он существовать для этого мира…

Нет, это не его видят так. Это все видят так друг друга.

Кстати, - вспомнил Дентон, вздрогнув от воспоминания-прикосновения темной комнаты и существования в саркофаге, что-то от минерального холода. – Лючио де Бирс просил передать, что ему холодно.

Вы уже и туда добрались, - Эверетт хмуро улыбнулся. – Да, 15 градусов по Цельсию, если быть точным.

Вам не кажется, что это немного холодновато?

Как раз нормально, чтобы поддерживать его обмен веществ на должном уровне.

Этот человек сказал, что именно он является лидером вашей организации.

Безвредная фантазия. Он также надеется, что я восстановлю его тело.

Глаза Дентона сузились.

А вы – не...?

Он хороший советник, настоящий генератор идей. Технология его восстановления не раз была под рукой, но, по правде говоря, мне он не нужен восстановленным. Он очень опасен и непредсказуем, для общего блага лучше держать его под контролем.

В стеклянном гробу в темной нише в изоляции от мира НАВСЕГДА.

Дентон по-новому взглянул на Эверетта. И округлые добродушные черты лица приобрели зловещий оттенок. Чего-то недоброго, чего-то темного

Нет, его интерес к созданию Сомы далеко не прост. Он не мог делать добро людям просто так.

Эверетт, - вдруг спросил он. – Зачем вы стремитесь начать производство Сомы? Только ли чтобы спасти…

Мистер Дентон, - наконец в этом голосе появилась жесткость, почти сталь, и враждебный холод, приоткрыв суть. – Ваш пилот ждет.

Короткий получился разговор. Но содержательный.

Дентон спускался вниз, зная одно. В этом доме нет того, с кем ему по пути. Разве что на время – на очень короткое время.

В этом мире нет тех, с кем ему по пути.

***

Аквариум, в котором нет рыб, не выходил из его головы. Он вернулся к голубой воде за стеклом, пытаясь понять. А Аквариум вибрировал – как что-то живое. Разумное. Созерцающее.

Дентон нашел винтовую лестницу, черную на черной стене там, где стекло переходило в камень. Поднявшись на самый верх, он сорвал вентиляционную решетку и нырнул в голубую воду.

Ему повезло – это была просто вода. Достигнув дна, Дентон увидел отверстие уходящего под пол тоннеля. Он проплыл по самому тоннелю до конца – вначале вниз, а затем вверх и вверх, на поверхность.

Дентон нашел себя внутри круглой и темной арены, совсем пустой: лишь цельная стена-кольцо и каменное поле внутри.

И только в нише в стене мерцало нечто нестерпимо голубое. Оставляя мокрый след, Дентон направился прямо туда. И остановился прямо перед огромным трехмерным экраном-голограммой синих оттенков. Эти оттенки – странное дело – вместе с чернотой отдельных участков создавали иллюзию маски-лица. Лица искаженного, фантастического, метафоричного и переменчивого, как насмешки над чьим-то лицом.

Джесс Дентон. Двадцать три года. Без определенного места жительства. Работы – нет. Родственников – нет.

Дентон отшатнулся. Услышав механический голос из ниоткуда, он не сразу понял: это голубая маска с экрана говорит с ним.

Что это? – воскликнул он в замешательстве.

Я – прототип Дедала, гораздо более сложной системы, - ответила маска. – Эвристический язык, разработанный доктором Эвереттом, позволяет мне вести интерактивный диалог.

Ваше предназначение – разыгрывать посетителей, ошарашивая их знаниями о них?

Людям нравится, когда они узнают о себе от меня. Я делал видеозаписи их улыбок во время разговора.

Ты знаешь мое имя, - констатировал Дентон. – Что тебе еще известно?

Все, что может быть известно. Я прототип глобальной системы, хранящей колоссальные массивы информации, объем которых не под силу человеческому осознанию.

Обладающей универсальными возможностями по распоряжению этой информацией и способной выполнять распорядительские функции на Земле лучше, чем любое человеческое образование.

Править, что ли? – не понял Дентон. – Какие чувства может вызвать машина с искусственным синтезом речи? Почтение? Страх? Послушание? Это же… - Дентон спохватился. Только этого не хватало: вести философский спор с трескучим вакуумом электронов.

Идея Бога, идея единого человечества, идеи Великих империй – все это были лишь мечты о совершенном управлении, при котором человечество реализует себя до предела, - свистела синяя маска. – Скоро вы получите своего бога – и вы сотворите его собственными руками, до конца не сознавая масштабов содеянного.

Что тебе известно о моих предках?

У тебя нет предков, ты – спланированный организм, всплеск человеческого гения, увенчанный знанием, смелым замыслом и воображением.

Я… сотворен? Ты уверен?

Информация, вероятность которой близка 100 %.

Значит – что? Мой брат и я подозревали столь многое… - сказал Дентон скорее себе.

За тобой тщательно и напряженно наблюдают многие люди. Рожденный организм – вопрос, поставленный природой, ответ на который дает лишь смерть. Ты – иной вид вопроса, с иным, совершенно неожиданным ответом… - летели слова-импульсы.

Зачем меня создали? – Дентон решил, что это станет последним вопросом.

Идеи – ими отравлен человек. Он воплощает идею с уверенностью, что любую идею можно воплотить и что она совместима с жизнью. Это не всегда так… Идеи Мировой империи, коммунизма, Царства божьего на Земле – из этого ряда. Ты – смелый акт воплощения еще одной идеи, которой одержимы – идеи трансгуманизма. Выход человека за

пределы себя, поставленные самой природой и вселенной. Самый смелый вызов Судьбе со времен грехопадения первого человека. Поиск возможностей создания универсального индивидуума, светового человека, нового обитателя нового мира, который умрет и возродится.

Объясни, - потребовал Дентон.

Уже объяснено – на профанном смысловом уровне. Развитие экспериментальных индивидов Пола и Джесса Дентонов дало иные результаты, чем предполагалось. Они зашли слишком далеко – и рано. Ваша ветвь технологии была свернута на тебе.

Я оказался слишком опасен, да? И поэтому они стали творить существ растворенных изначально?

Прозрачность – просто иллюзия, глубокий бессознательных страх этих индивидов перед миром – просто способ отличать их от остальной человеческой массы, непредусмотренная особенность, а не ошибка. Они принадлежат к полностью контролируемой технологии. Но это – промежуточный этап. Конечным этапом будет создание сверхчеловека.

То есть растворенного окончательно?

Раскатистый шепот мрачным эхом звенел, отражаясь от глухих черных стен. С него достаточно. Дентон прошел вдоль цельной, сплошной стены. Значит, у Эверетта есть личная система Эшелон. Должен же здесь быть еще выход… Снова нырять не хотелось, а уйти от зловещей маски из темноты стало самым сильным желанием. Дентон нажал тумблер на высоте своей головы, и секретный вход открылся. Дентон вышел в светлую оранжерею с одинаковыми цветами, которые словно плыли в особой, обновляемой среде. Оттуда он попал прямо в кабинет, где впервые встретился с Эвереттом. Все было так же, как при их встрече двадцать минут назад – только сам хозяин отсутствовал.

Дентон пожал плечами. Ничего удивительного; он и не желал повторной встречи. Пройдя по коридору, он заглянул в кабинет Алекса – кресло его тоже пустовало. Дентон нахмурился, спустился на дно «колодца» и взлетел к кухне и к холлу, где разговаривал с Атанве.

Удивительная тишина. Кухня была пуста – домохозяйка испарилась. Холл, разумеется, тоже было совершенно пуст. Атанве и след простыл.

Они что, вымерли все?

Не отдавая себе отчета, зачем он это делает, Дентон опять обежал весь дом, спустился и поднялся, заглянул в каждую дверь. Что за розыгрыш?

А они вообще… существовали?

Дентон напряженно махнул-тряхнул головой. Странные вещи происходят с ним в последнее время. Что странного? Может, все собрались на прием пищи где-нибудь в столовой, которую он пропустил.

На обед… Ночью?

Лучше отправляться на крышу, к вертолету. Честное слово.

Нет, не время, вспомнил он, снова подходя к зеркалу за кухней. Ведь есть одно незаконченное дело. Дентон заглянул за стекло и нашел на белом лице живого трупа еще разумные глаза.

Вы говорили с Эвереттом? Где он? Он игнорирует мои послания!

Я говорил с ним. Эверетт не имеет ни малейшего намерения восстанавливать вас.

Белые, подернутые пленкой глаза в стеклянном коконе расширились.

Он должен! Он обещал!

Вы нужны ему только как мозг. Не как живой человек.

Дентон показалось, что он увидел на желтой коже де Бирса тощую слезинку.

Теперь даже Эверетт предает Иллюминати, - прошептал он. – Кому… кому верить?

В последних двух словах узника было столько отчаяния, что Дентон почувствовал тяжесть в горле.

Шея де Бирса задрожала в напряжении.

Дентон-младший… Используй компьютер слева, - говорил он едва слышно – Убей меня.

Я не… - Дентон протестующе отстранился.

Я приказываю тебе, - жилы, такие неприятно явные, вздулись у него на шее. – Убей меня! Я приказываю.

Дентон подошел к маленькому компьютеру охраны и внедрился в систему. Он выбрал «Отключение питания в кубе», и ударил по клавише ввода.

«Вы действительно хотите отключить питание? Все процессы будут прекращены».

Дентон остановил палец на поверхности клавиатуры и, - убрал руку. Он может это сделать. Без труда. Но хочет ли этого судьба… Может, кто-то обретет теще тело, вернется в мир, и – мир неуловимо изменится… Это не его право. Пусть даже это будет к лучшему.

Он вернулся к саркофагу, медленно, опустив голову.

Я не могу, простите. Я не имею права.

Из-под стекла раздался прерывистый вздох.

Почему? Разве ты не убивал?

Дентон стиснул зубы до скрипа.

Да, я убийца. Я могу это сделать, но я не уверен. У меня есть внутренние сомнения на этот счет. Что-то мне подсказывает – вы еще сыграете свою, вам неведомую роль в миру подлунном.

Де Бирс сник.

Хорошо, Дентон-младший. Забудь. Забудь всю ту чушь, о которой я говорил тебе. Все, чего мне хотелось – вдохнуть глоток свежего воздуха еще хотя бы раз…

Дентон уже не слушал, уходя. Тяжесть пыталась сломить негнущиеся плечи, тяжесть ночи.

Ему только двадцать три года…

На крыше стало легче, легче от одного взгляда в туманное небо, где звезд не было видно – но они угадывались.

Он может утешиться. Звезды никогда не посмотрят на него, как на функцию. Ведь бездна видит лишь тех, кто не отчаивается всматриваться в нее и – искать.

Ветер дружески трепанул по щекам, пощекотал шею под воротником.

Дентон все угадывал краем глаз. Ящики, какой-то оранжевый мешок, настороженного механика в стороне, черный вертолет впереди… Взгляд был рассеян и все не мог сконцентрироваться, собраться на чем-то одном…

Механик в своей оранжевой спецовке подошел подчеркнуто размашистой, вызывающей походкой.

Летим через океан? спросил он грубовато.

Да, - ответил Дентон, собираясь и глядя в темное усатое лицо. – Ты кто?

Механик Эверетта.

Ты работал над вертолетом, или что?

Да, я проверил эту детку, чтобы ничего не кашляло. Теперь как новенькая, можешь проверить.

Конечно… - ответил Дентон рассеянно, пытаясь уловить что-то в воздухе. Подождав, пока механик освободит дорогу, Дентон прошел к вертолету. Из черного нутра акулы выпрыгнул бесшумно Джок, ожидая приближения Дентона. Джок не любил отходить от своей птицы на лишний метр.

Какой-то ты уставший, Джесс, - заметил пилот, когда они пожали руки.

Я в порядке. Знаешь, куда летим?

В Ванденберг, да? На авиабазу ВВС? Знакомое место.

Нам нужно будет найти одного ученого, Гарри Саваджа.

Да, Савадж по-прежнему находит приют у американских военных. Хм, не знаю, не опередил ли нас Саймонс. Готов лететь?

Готов, пошли.

Джок сел за штурвал, Дентон устроился рядом, потом вдруг рывком сбросил ремни. И прыгнул наружу.

В чем дело, Джесс? – недовольно проворчал Джок. – Я же

спрашивал тебя…

Подожди, - тихо ответил Дентон. – Подожди минуту. Что-то не так, мне кажется.

Что-то не так, но что – Дентон не осознавал четко. Нечто на этой крыше не понравилось ему – или это просто настроение такое?

Он прокрутил ленту последних пяти минут. Напряженность механика. Механик вздрогнул, когда Дентон увидел его.

Нет, не это. Почему механику не вздрогнуть при виде странного незнакомца? Другое. И через мгновение Дентон уже знал, что это.

Механик говорил с ним ярко выраженным американским акцентом. Француз не мог так разговаривать. У Эверетта механик – американец? Здесь, в центре Парижа? Может быть, конечно.

Дентон вернулся к началу лестницы и уже пристально взглянул на то, что поначалу охватил краем глаза. Механик смотрел на него безучастно – как на больного, наверное.

Стальные ящики. Оранжевый мешок… Скверная догадка кольнула мозг острой иглой. Дентон подошел к мешку и увидел, что это – совсем не мешок. Среди ящиков было хорошо спрятано мертвое тело механика в униформе. Дентон прочел имя «Пьер» на нашивке на груди.

Дентон выпрямился, увидел бегущего к лестнице лжемеханика. Черной кошкой в огромном прыжке Дентон преградил дорогу.

В чем дело? – грубо спросил механик как ни в чем не бывало.

Так над чем ты, говоришь, работал в двигателе вертолета? – Дентон чувствовал, как кровь в его сосудах становится ледяной.

Я же сказал, я проверил его!

У тебя забавная речь… Пьер.

Черное лицо под оранжевой маской немного посветлело от бледности.

Это… это не я! Он был мертв, когда я попал сюда! Клянусь!

Верю. Кто послал тебя?

Никто, мужик, никто!

У тебя пять секунд на то, чтобы сделать признание. На кого ты работаешь?

Ни на кого, оставь меня в покое!

Подставной механик точно не был профессиональным диверсантом. Он неумело достал стелс-пистолет из кармана, но не успел поднять его. Дентон броском руки выбил оружие, его удар оглушил псевдомеханика, надежно отключив его.

Джок уже бежал к ним, но успел только к бесчувственному телу. Дентон посмотрел на пилота холодными глазами.

Зачем ты убил механика Эверетта? – воскликнул Джок почти возмущенно.

Он без сознания. Пусть Эверетт сам с ним возится. Над чем он работал?

Над системой питания…

Ты отлучался от машины?

Минут на десять, в туалет. Черт возьми, что…

Этот механик был диверсантом. Труп настоящего механика лежит за ящиками. Тебе лучше перепроверить свои системы.

Джок уже бежал к вертолету, оставив Дентона позади, и одним рывком запрыгнул внутрь. Дентон выжидающе остановился рядом, слушая бормотание пилота.

Так, это в порядке… Это… Хм, черт… так… О Боже! – вдруг крикнул он напряженно. – Джесс, бомба!

Убирайся оттуда!

Не могу! – воскликнул Джок в отчаянии. – Это мой вертолет!

Ты уже лишился одного, уходи! Вертолетов много, жизнь одна!

Только удалить этот проводок… - к Джоку вернулось

хладнокровие. – Расслабься.

Джок высунул из кабины усталое лицо.

Из тебя получился бы хороший детектив, Джесс. Залазь.

Ты все проверил?

Да. Мы можем скинуть эту штуку над Атлантикой.

Дентон занял свое место.

По дороге в Ванденберг придется сделать одну внеплановую остановку.

Куда?

Нью-Йорк. Тон-отель. Нужно взглянуть в одну книгу. Без этого я не могу лететь в Ванденберг.

Что тебе взбрело в голову на сей раз, а? Ты уверен, что сейчас подходящее время для занятий литературой? Не поздновато?

Никогда не поздно, - ответил Дентон, думая о своем.

***

Он не хотел останавливаться и даже на миг задерживать взгляд на чем-то знакомом. Он не мог себе позволить такой роскоши. Просто ворвался через окно, прошел к тайному пульту, открыл тайный шкаф.

Там была книга. Одна-единственная книга. Ее оставили одну – для него. Чтобы не произошло ошибки.

Странная книга. Сборник детективов двадцатого века, настолько затертый, что название едва угадывалось. Не интересуясь содержанием, Дентон поспешно нашел нужную страницу и увидел выделенные строки.

Он закрыл глаза, открыл их…

«Иван с сомнением покачал головой.

- А почему Тарас согласился? Он не знает, чем это обычно заканчивается?

- Преимущество Тараса в том, - его собеседник прикрыл

глаза вуалью сигаретного дыма, - что *он готов умереть. В отличие от нас, он готов умереть – и умрет. Мы все умрем, но у него шанс умереть чуть позже – и уйти дальше…»*

Дентон ничего не понял. Но это временно. Главное не понять сразу – главное удержать в памяти и не забыть, когда понимание придет.

Теперь можно лететь в Ванденберг, подумал Дентон, выпивая до дна свой бокал вина.

Часть 5
Калифорния
Время радужных снов

Одиночество – это независимость, его я хотел и добился за долгие годы. Оно было холодным, как то холодное тихое пространство, где вращаются звезды.

Герман Гессе

Глава 1
Сон пустыни

Ветер бьется в дерево и стекло непроницаемых стен твоего дома, передавая по стрехам свое бесплотное волнение…

Стивен Кинг

Осколочный ураган погладил снайперов против шерсти и сбросил их с края в каменную пропасть. Хищник, явившийся из самой черной тьмы небес, присел на бетонном плато на высоте падающей звезды над землей и затих. И ветер сник.

Джок успокоено откинулся на спинку сиденья, и Дентон ощутил, что рядом с ним сидит человек, на него совершенно не похожий. Пират, авантюрист, солдат удачи, этот пилот черного вертолет черпал какую-то внутреннюю силу в опасных ночных рейсах, в подлунных коротких битвах, в самой пасмурной игре, правила которой он принимал. Наемник судьбы, для которого полный динамики процесс важнее цели. А что могли они без

него? Дентон подумал, что Джок мог гораздо лучше смотреться в той роли, которую выпало играть ему самому. В роли обреченного на Путь – с неизвестным завершением. Джоку в небе не нужна земля, не важна тишина, он не захочет остановиться на миг на бегу и вслушаться в Вечность. Ему достаточно попутного ветра, шума винтов и *видимой* цели. Земля – лишь трамплин в звездном его путешествии…

Он – не такой. Дентон не задумывался, правда это или самовнушение, он просто знал интуитивно – это так. Тоска по тихому прибежищу живет в нем – и ее не убить. Тоска по острову, где он сможет просто смотреть: не действовать, а созерцать эту необозримость над головой. Бесконечно долго, никогда не уставая. Как в коротких обрывочных снах, которые скоро станут длиннее.

Время радужных снов…

Оказавшись за бортом, на холодной высоте, Дентон стал на самом краю, чувствуя одной ногой щекочущий до дрожи зов пропасти, осматриваясь. Женщина с бледным лицом и в халате слепящей белизны схватила его за руку.

- Вы убили снайперов. Парни, вы спасли мне жизнь!

- Вы одна из ученых, бежавших из Района 51 вместе с Гарри Саваджем? Мне очень нужно встретиться с ним.

- Вы связаны с «Синим Цветком»?

- Нет… Нет. У нас общий враг, если вы это имеете в виду. Наверное, мы с другом вовремя прилетели: вижу, в Ванденберге не все в порядке.

- Да, силы Двенадцати захватили нас врасплох несколько часов назад. Они парализовали нашу систему охраны и заняли здание. Мы даже не пытались оказать сопротивления – несколько наших товарищей погибло в первые минуты нападения.

- Доктор Савадж…

- Честно говоря, я не знаю, где он, - женщина нервно пожала плечами. - Гарри и еще нескольких не было с нами, когда все это началось. Думаю, они успели укрыться в Цитадели.

- Где?

- Комплекс самых важных помещений внутри здания, куда есть лишь один вход, защищенный могучими бронированными воротами. Если ворота заперты – их не откроют даже Они.

- Как я туда попаду?

- Здесь я не могу помочь – ключ может быть только у ребят из Центра Связи.

Она указала рукой куда-то в холодный сумрак далеко внизу, и Дентон проследил за ее взглядом. В стороне от Большого Дома, на крыше которого стояли они, неясным пятном упал Малый Дом. Так Дентон обозначил их, чтобы было легче. А в стороне, рядом с Малым Домом, стоял еще один, Холодный Дом. Оттуда слишком веяло холодом. В Холодном Доме никто не живет. Малый Дом, который заперт на все засовы – это и есть Центр Связи, понял Дентон.

- Дверь в Центр Связи будет заперта до тех пор, пока кто-то не активирует систему безопасности комплекса. Иными словами, - пока на волю не выпустят *наших* роботов. Или…

Она замолчала, глядя пристально на дно пропасти. Дентон внимательно скользнул глазами по бурой поверхности пустыни между Малым и Холодным Домами. Как серые тени, медленно и отрешенно по замкнутым в себе путям двигались огромные, как циклопы, стальные машины убийства. Боевые роботы. Вот где настоящая опасность.

- Или пока кто-нибудь не уничтожит этих железных чудовищ, занявших пустыню и очистивших ее даже от намека на живое, - закончила его спутница мысль сдавленным голосом.

Что почти невозможно, добавил про себя Дентон.

- Сколько их? - спросил он ее.
- Я видела четверых, но не ручаюсь, что это все.

Дентон тщетно пытался рассмотреть роботов, с такой высоты казавшихся просто… пятнами. Но он уже почти был уверен – это действительно Башни Разрушения, сомнений нет. Раньше он видел только одну такую – но лишь на экране. Он не думал, что таких может быть на земле *больше одной*.

Дентон смотрел на простирающуюся очень далеко пустыню, стоя в центре ее, и дальше – на рубленные нагромождения черных старых скал.

- Далеко отсюда город? - спросил он свою спутницу просто так.

- Не старайтесь, отсюда вы его не увидите. Вокруг пустыня, за ней с одной стороны – океан, а с другой – бесконечная цепь гор.

Опасно уходить из городов так далеко, невзначай подумал Дентон, наблюдая за монстрами внизу, за нежилыми, грустными домами – просто *зданиями.* Жилых домов не могло быть в этой пустыне. И пустыня, и эти бункеры были взяты из невеселого фильма о каком-то опустошенном будущем. Будущем слишком уж мрачном, темном, неприветливом, чтобы в него верить. *Саркофаги* – слово подвернулось невольно.

- Итак, мы должны уничтожить Башни Разрушения, - уточнил Дентон.

- Это не самый простой способ, - она посмотрела на него со страхом. - Лучше бы вы выпустили наших роботов, а они между собой разберутся. Правда, войска Двенадцати заняли все здание, все три этажа...

Дентон окинул взглядом долину, потом оценивающе посмотрел на ракеты их Черного Вертолета.

- Ну что, Джок, как думаешь, у нас получится это сделать?

Пилот спрыгнул на крышу и с сосредоточенным видом приблизился к Дентону.

- Джесс, мне придется покинуть тебя на время. Ты не поверишь – Тонг в Калифорнии. И мне кажется, он в большой беде.

Взгляд Дентона пригас едва уловимо.

- Разумеется, лети. Думаю, я сам вполне здесь справлюсь.

- Я вернусь, как только смогу.

Дентон проводил взглядом удаляющийся, растворившийся вертолет и обернулся к своей спутнице, немного дрожавшей от ночного холода.

- Расскажите мне, как освободить от рабства бездействия ваших роботов.

- Это будет трудно, - плечи ее опустились. - Есть два Рубежа – электронные панели, которые нужно отключить, чтобы разрушить силовое поле. Один из Рубежей – в зараженной зоне позади здания, второй – где-то внутри, я точно не знаю. И там полно солдат и еще каких-то... не вполне людей.

- И все же это лучше, чем вступать в прямое столкновение с Башнями Разрушения, - заметил Дентон безрадостно.

- Я с вами согласна. Я буду ждать здесь. Теперь крыша – единственное место, где можно не бояться так сильно. Хоть и так холодно...

Здесь, по крайней мере, все же есть люди, подумал Дентон. За это стоит быть благодарным. Ведь может наступить момент, когда он останется один среди роботов, бетонных склепов и электронного кошмара... Останется королем в этом *его* мире...

Странно – последняя тонкая полоса багрянца еще не была съедена на горизонте, а уже наступила темная ночь. На руку тем, кто хочет исчезнуть. Но очень трудно будет исчезнуть в этой бесконечной серой пустыне в объятиях гор.

Дентон вошел в грузовой лифт на крыше – лифт понес его вниз. Еще не коснувшись ногами пола этого дома, не проведя

пальцами по его поверхностям, он уже отчего-то чувствовал дух пустоты. Человек не согрел это место – нет. Не успел – или не хотел? Ступая по мягкому ковру и избегая черных взглядов камер, Дентон видел – не солдат. Опять *растворенные* люди в однообразном движении повернули к нему свои головы. Да, среди них не было солдат – то есть не было людей. Парализующие стрелы арбалета, выпущенные в унисон с их вздохом, лишили эти тела воли на несколько часов.

Он разделся, достал термооптический камуфляж, глядя на него долгим невидящим взглядом. Решение давалось ему с трудом. *С каждым разом все труднее вернуться*. А однажды можно не вернуться совсем. Он вздохнул и включил растворяющую систему. Голодное, однообразное пространство только этого и ожидало, в тот же миг оно стало принимать, вбирать преломляющееся тело в себя, растворяя его в себе. Через мгновение Дентон знал, угнетенный – он может идти дальше спокойно. Он перестал существовать для любого глаза, любой камеры – для всего, что может видеть.

Он спустился на второй этаж, проходя мимо многих солдат в черном и богомолов. К счастью, здесь не было *растворенных*, - ведь растворенные обладают способностью видеть друг друга, угадывать – даже тогда, когда они растворены.

Он услышал обрывки ни от кого не скрытого, не имеющего важности, но существующего разговора.

Значит, вы не согласны, - голос был похож на шуршание серой папиросной бумаги.

Мы уже говорили об этом – и я, и Савадж, - отвечал женский голос с полуиспугом – полуненавистью.

Это же так легко – просто следовать приказам. Просто помочь завершить...

Не говорите мне об этом! - испуг стал более явным.

Но у вас не будет выхода, - папирусный голос стал еще суше.

Можете убить меня.

Нет, - ответ был полон зловещего спокойствия. - Мы просто отправим вас обратно в Район 51.

В ответ, кроме какого-то задыхающегося звука, ничего не последовало. Это настораживало даже тех, кто не прислушивался ранее.

Да-да, вы угадали. - Голос продолжал, как трение высушенных пустыней прутьев друг об друга. - В лаборатории четвертого уровня. Туда, где идет самая интенсивная работа сейчас. И где уже давно не работает никто из *людей*.

Акцент на последнем слове ясно давал понять – там есть кому работать *вместо* людей.

Но я не смогу вам помочь, - голос женщины стал очень-очень тихим.

Савадж сможет. Поговорите с ним. И помните – в какой-то момент ваше спасение перестанет зависеть только от нас.

Уютные, мягких оттенков ковры и кресла, все создано здесь людьми и вроде бы для людей, но… Оно не привлекало, как-то почти отталкивало холодом. Может, просто холодно?

Безмолвных стражей было много, они проходили в соприкосновении одежд от Дентона, и не видели его. Их взгляд ни разу не выразил ни тревоги, ни сомнения, когда случайный шорох или ветерок заставлял обернуться. Они полностью полагались на ту убийственную мощь, что сотрясала пустыню и скрипела болтовыми соединениями за этими стенами. Впрочем, вряд ли они думали и об этом. Просто… были.

Внизу, в дрожащей светом неисправных лампочек глубине он нашел первый Рубеж. Он найдет второй. Это не самое важное. Ведь оно и так предусмотрено сценарием.

Глава 2
Сон подземелья

В три часа ночи кровь течет медленно, неспешно, а дремота тяжела. В этот час душа либо спит в благословенном неведении, либо в полном отчаянии взирает на самое себя. Середины нет.

Стивен Кинг

Предрассветным вором прокрался он в Холодный Дом, минуя сонного снайпера. Слыша тяжелую, парализующую в самой поступи агрессию Башен Разрушения где-то за спиной. Дверь в Холодный Дом открылась – и вновь закрылась незаметно. Дентон прошелся в темноте мимо огромных машин убийства, таких же Башен Разрушения, как и те, что раздражали ночь под открытом небом. Он, человек, едва достигал роботу колена, круглого стального сустава. Сейчас, совершенно неподвижный, робот не был страшен – потому что не выражал ничего. Просто стоял, скованный неподвижностью,

временным бессилием... вынужденным равнодушием. Он вроде бы был *дружественным* ему.

Дентон прошел вдоль всего хранилища дважды – нет, он не ошибся. Роботов было всего двое. Два против четверых, плюс растворенные и коммандос? Дентон пожал плечами и снял противотанковое орудие со стены. Лучше трое...

Он опустил рычаги до упора, глаза машин вспыхнули красным светом, слишком разбавленным, чтобы напоминать адское пламя. Стальные соединения сдвинулись с мертвой точки. Выходы в пустыню открылись, роботы ступили на открытое пространство, чтобы принять бой. Дентон последовал за ними – он должен был видеть это.

Оба робота обстреляли ближайшую Башню Разрушения – белую громадину высотой в десяток метров. Направляемые ракеты их орудий казались безобидны, разбиваясь о монолит, и в сторону противника полетел ураган бронебойного огня. Тот обернулся – и гиганты столкнулись в перекрестном огне.

Дентон смотрел на их битву и отдавал себе отчет: только он видит это, а значит, его никто не поймет. Они борются друг с другом на уничтожение, не зная при этом, почему, не осознавая самого акта борьбы. Они вообще не могут осознавать – просто осуществляют алгоритм, особо сложный технологический трюк.

Или нет?

И тем не менее смысл рождался – независимо от них, может быть, рождался самой пустыней – и он чувствовался в терпком от сухости воздухе. И их борьба обретала какую-то осознанность – хотел этого кто-то или нет... Это странно. И некому рассказать.

Из-за угла появился еще один робот, но Дентон не позволил ему ударить в спину – ракета противотанкового орудия навсегда потушила его фары-глаза. Дентон отбросил ставшее бесполезным ружье. Двое на троих – уже есть шанс.

Никто не наблюдал эту странную картину, кроме него и, пожалуй, дымчатых силуэтов на вершинах скалистых гор. Металл рвал себя на осколки в оргии огня и грома. Из Большого Дома выбежали несколько зеленых – и были сметены ураганом смерти. Смерть – слово, которое им ничего не скажет. Просто выключение.

Земля гудела под ними, пустыня резонировала. Люди спрятались за бронедверьми, в норах и бункерах, пока не-люди, машины и некто в черном пальто с высоким воротником решат их судьбу.

Тишина пришла нескоро – и отныне была неполной. Один-единственный помятый робот продолжал идти ему лишь известным путем, сканируя пустыню вокруг.

Дентон подошел к двери Малого Дома. Бронедверь открылась, навстречу вышел ученый. За ним стоял механик с дробовиком и еще несколько человек в белых халатах.

Мы наблюдали за вами через камеры. Спасибо. Я Тони Маар, ассистент доктора Саваджа. Мы были близки к капитуляции, когда вы приземлились.

Не за что благодарить. Ваши роботы сделали всю работу.

Мы получили их совсем новыми из Гонконга, у одного парня-контрабандиста. Но Маджестик-12 захватили нас так стремительно и сразу блокировали питание. Так что мы даже не успели запустить их. Грустно – и нелепо…

Их роботы уничтожены, но, возможно, осталось несколько снайперов. Лучше будьте осторожнее. Я здесь, чтобы встретиться с доктором Саваджем.

Мы потеряли связь с Саваджем. Лично я думаю, что он заперт в командном центре вместе со своими людьми. Мы пытались наладить с ним связь – я послал одного из моих людей к ним через систему подземных коммуникаций. Но он не дошел – из-за радиации, наверное. А у него был единственный ключ к Командному центру. Короче говоря, на каждом шагу мы сами себя победили.

Вижу, выбора у меня нет. Где вход к этим подземным тоннелям?

Отсюда, прямо из кладовой за спальными помещениями. Вот ключ-код к люку. Будьте осторожны.

Непременно. А вам я бы советовал уделить больше внимания вашей безопасности. Нам могло и не повезти в этот раз.

Мы знаем… Но здесь ничто не поможет.

Дентон хотел спросить, что именно означает “здесь” - но не стал. Это и так было понятно – холод этой пустыни все объяснял.

Что объяснял?

Что же, не буду терять времени. Я ухожу под землю прямо сейчас. У вас есть какой-нибудь защитный костюм от радиации?

В этом вся беда. Единственный комплект защиты остался в командном центре – под замком…

Ну, я пошел. Пожалуй, вы сможете о себе позаботиться.

Конечно, - кивнул Тони Мар.

Люди вышли за порог и подслеповато взглянули на мутную луну. Ничего не произошло.

***

Накаленное, нетемное подземелье дышало агрессией. По характерному стуку впереди Дентон понял: где-то там в неосознанной злости ждут роботы-пауки, оставленные для него. Их много, быть может... Но проблема – не они. Что-то пожирает само пространство на пути. Равная гибели радиация. Она шипит и рвется. Она никогда не насыщена в холодном огне.

Есть такое чувство, как *холодное отчаяние*. Холодное – совсем не похожее на обычное отчаяние. Как правило, это чувство не включено в реестр человеческих чувств. Потому что ему нужны особенные условия. Они встречаются редко – но хотя бы раз, однако река времени стирает память о них. Обычное отчаяние долго не перенести – с *холодным отчаянием* можно жить. Ибо это не твое отчаяние – это отчаяние древней топи в тумане, по которой бредешь, заброшенного пустого замка с привидениями, реки, скрывающей утопленника, пустой, мрачной темницы, - и тоннеля, не знающего присутствия жизни. Ты просто чувствуешь это отчаяние – его, исходящее отовсюду, не может не почувствовать тот, чьи глаза широко открыты. Холодное, как томный камень подземелья, оно становится твоим, тобой подпитывается. Не давит – но не отпустит, пока ты не уйдешь.

Дентон знал больше о холодном отчаянии, чем его случайные знакомые. Оно открылось ему во всей красе в Подземном мире и заброшенной, никем из живых не любимой полночной стороне. В мире, живущем отдельно. Он постиг то, что удивило даже его: можно привыкнуть к этому миру. Особенно, если это *его* мир.

Он ступил в начало тоннеля в звенящих накаленно-тревожных ритмах и швырнул гранату в перебегающего на уродливых ножках серебристого паука. Пространство дрогнуло, из своих нор вылезли еще два нестрашных чудовища. Они не успели приблизиться – стены задрожали вновь.

Когда вокруг тебя нет пустоты – легко. Но этого не поймешь, пока не попадешь в Пустоту, пока она не засосет тебя. В диалогах легко затеряться, в них время летит незаметно, в них можно притвориться и обмануть самого себя. И книга пишется легко – диалог за диалогом, мысли, как капли воды сквозь решето, лица, как кадры старого фильма...

Но придет момент, когда останешься наедине с собой, предоставленный лишь своему одиночеству. Если это кратковременно – это покажется болезнью. Но сроки могут затянуться, и тогда...

Дентон добежал до тупиковой двери. Дверь не была заперта. В затопленной мутной водой комнате плавал утопленник лицом вниз. Выход был на другой стороне. Плюшевый мишка, разбухший от влаги, нашел пристань у края его сапога.

В непустом мире можно не думать до конца – окружение составит тебе схему. В Пустоте думать придется. О мертвых – о живых, их подлинности. О листе бумаги, белом и чистом. Думать о своей единичности. И писать становится труднее – язык диалогов не пригоден в Пустоте, а нужна не одна ночь, чтобы найти ее тайные коды... А многое – слишком многое – не для человеческого языка.

Дентон переплыл на другой край, вышел из темноты, остановился перед закрытой, но не запертой дверью.

В Пустоте холодно, даже если из-за двери рвет и раздирает саму Пустоту жар радиации.

“Посмотрим, насколько добросовестно вы меня сконструировали”. Дентон приготовился к прыжку через зону гибели.

В Одиночестве можно задать те вопросы, которые не придут в голову в успокоении чьего-то присутствия.

Дентон необычайно медленно, как ему казалось, тяжело, отвоевывая у чудовища каждый метр, прорывался вперед, к свету, чувствуя, как сгорает и превращается в протоматерию кожа на его лице.

В Одиночестве можно задать эти вопросы. Но когда-нибудь они приведут либо к Вечности, либо в Ничто. Третьего не дано.

Дентон вырвался из геенны и упал на холодный металл, чувствуя себя кровоточащим осколком сверхновой. Под действием имплантантов ткани начали медленно, но верно восстанавливаться. Но ничто восстановленное не идентично тому, что было уничтожено изначально.

“Моя мысль – это я. Вот почему я не могу перестать мыслить: я существую, потому что мыслю, и я не могу помешать себе мыслить. Вот даже в эту минуту – это чудовищно, я существую потому, что меня приводит в ужас то, что я существую. Это я, я сам извлекаю себя из небытия, к которому стремлюсь: моя ненависть, мое отвращение к существованию – это все разные способы принудить меня существовать, ввергнуть меня в существование. Мысли, словно

головокружение, рождаются где-то позади, я чувствую, как они рождаются где-то за моим затылком... Стоит мне сдаться, они окажутся прямо передо мной, у меня между глаз – и я всегда сдаюсь, и мысль набухает, набухает, и становится огромной, и, заполнив меня до краев, возобновляет мое существование...”

Эти слова родились в его измученном болью сознании? Нет... Да. Но ведь они уже были написаны кем-то, выхвачены из бесконечного потока мыслей и запечатлены.

Но ведь он... никогда не видел их запечатленными.

Дентон встал, перешел через мост над белой неопределенностью, которой он не хотел дарить и взгляда. Разрывные тревожные ритмы сменились тихой музыкой грусти свершенного. Перед ним лежал, раскинув руки, мертвый человек в белом халате. Для него он навсегда останется *безымянным*. (*Кто для кого?)* Просто тем, кто не дошел.

Стараясь не смотреть на изуродованное лицо, Дентон опустился и подобрал ключ, нарочно оставленный рядом. Потом обернулся и посмотрел назад. Этот отрезок пути пройден. Маленькая прогулка, несколько сот метров. Но какая же она чертовски долгая... О ней не захочется вспоминать. Ее придется проделать – еще и еще – в каком-нибудь ночном кошмаре.

Нужно сначала проснуться... из этого кошмара. Но не скоро тот первый луч рассвета, который разбудит. Дентон поднялся по винтовой лестнице и, приподняв тяжелую крышку люка, вышел из подземелья с другого края. Через затопленную комнату, мимо плывущего в темноту трупа (*сколько их?*) и перевернутых кресел, по дорожке света в сумерках, он вышел в яркий, серебристый коридор. Солдат в черном поднял ствол автомата, но был остановлен парализующим дротиком из арбалета.

Того, кто не сдается страху перед нечеловеческим, не может устрашить человек, подумал Дентон. Мгновением позже ему стало стыдно за такие недалекие мысли, плечи его поникли. Ему только двадцать три года... Но, глядя на новые серебристые стены, чистой воды лампы, чувствуя головокружение от ощущения их бесконечной старости, он сомневался. Двадцать три? А может, миллионы никогда не осмысленных лет?

... Откуда-то с потолка – упругий удар капли влаги о пол. Волны...

Его увидела женщина в белом и побледнела.

- Не стоит так меня бояться, - успокоил ее Дентон. - Я совсем не привидение.

- Вы кто? Вы убили солдата...

- Нет, он просто без сознания. Я иду на встречу с Гарри Саваджем, чтобы объединить наши усилия по созданию вакцины Сомы, если вы слыхали о такой. Вам уже почти нечего отныне бояться – база больше не под замком. Скоро ее покинет последний боевик Маджестик-12.

- Они напали внезапно и нагло, нарушив все негласные договоренности. Вот к чему привело то, что мы отказались от помощи военных. Я всегда предупреждала Саваджа о последствиях.

- Сколько вы живете на этой базе? - спросил Дентон невзначай.

- Второй год...

Второй год. Неоновые огни надежд, чей подводный лик не проступил, еще окружали его, курсанта Академии, а она уже видела Пустыню и Темное Небо. И знала Холод одиночества долгими ночами.

Но ведь здесь так пусто... - заметил он.

Я привыкла. Мы все привыкаем. Для нас, ученых, общество, цивилизация, все ее блага – не самое главное. Напротив, шепот этих гор успокаивает меня.

А шепот подземелий? Он не произнес этого вслух.

Кстати, - спросила вдруг она. - Вы не встречали моего ассистента? Такой высокий парень в очках? Я не могу найти его с тех пор, как они захватили базу.

Дентон вспомнил утопленника в халате, в темной комнате за стеной. Не стоит говорить ей? Может, то совсем другой человек. Все ученые здесь носят белые, как свет люминесцентных ламп, одежды.

Но ведь она отнесется к этому спокойно, подумал Дентон вдруг. Она не будет рвать на себе волосы, плакать, погружаться в депрессию. Она привыкла к этому, как и все они.

Шепот гор успокаивает...

Нет, я не видел никого подобного, - ответил он просто. - Я найду отсюда путь к Командному Центру?

Конечно. Идите прямо до конца коридора, поднимитесь по спиральной лестнице в Зал Совета, а через него – в смежное помещение. Там будет бронированная дверь...

Спасибо.

Дентон ушел вперед, почему-то зная, что никто не встретится на пути. Так и было. Коридор открывал все новые ветви, но оставался совершенно пустым. Как будто кто-то некогда рассыпал здесь *семена запустения*, и они давно и пышно проросли...

Поднимаясь по лестнице, Дентон мог видеть все через прозрачную чистоту окна, все то, что называется одним словом: ночь. Звезды и луна, и ветер-пустынник. Сколько людей именно в этот момент, вместе с ним и от него совершенно отдельно, посмотрит на звезды, в никем не понятой мистерии? И каждый увидит свое… отражение? Нет, не свое.

Хм, вполне может быть… вдруг никто не взглянул на небо именно сейчас? Вдруг – некому…

Минуя зал совета, с виртуальной моделью земного шара в центре, от которого веяло обманкой-ловушкой, Дентон подвел ключ к жерлу замка непроницаемой двери, ощущая легкий идиотский страх – что-то вроде безумной уверенности, будто нечто с той стороны может всосать его в эту скважину вместе с ключом без остатка, что-то страшное и беспристрастное. Он открыл дверь.

Потом подумал: может быть, не стоило? Открывая эту дверь, он закрыл другую, из которой пришел. Навсегда. Так шепнул ему некто.

Глава 3
Сон элементов

Трансгуманизм – это доктрина того, что мы можем и должны стать более, чем людьми.

Митч Портер

Прямо за порогом его ждал кто-то очень знакомый. Увидев зеленую футболку и латаное грубой материей лицо, Дентон отступил от неожиданности, полный изумления и радости.

Генерал Картер… - Дентон понял, что именно этого человека он особенно хотел увидеть снова. – Это сюрприз. Хороший, добрый сюрприз.

Мы уже однажды через это проходили, воин, - напомнил генерал почти ворчливо. – Просто – Картер.

Я хотел вас увидеть здесь, и в то же время – не ожидал. Вы все же решились и покинули Остров Свободы?

Им не нужны такие, как я. Я – вымирающая популяция, один из немногих последних представителей. Вот что сказал мне Саймонс. Он не решился убрать меня тогда, сказал с иронией, что я безвреднее любого хлама. Хотя сейчас, не знаю, быть может, он поступил бы и иначе. Люди стали пропадать чаще. Они хотят оставить только тех, кто приходит из

Академии Коалиции, сразу попадая к ним, обработанные в полной мере, не успевшие увидеть ничего.

Полагаю, как раз этого им легче всего добиться.

Я всегда знал, против чего выступает Савадж и за что борется, знал давно. Я только не хотел этого признавать. Думаю, я еще принесу здесь определенную пользу.

И за что же он борется?

Что за дурацкий вопрос? Вы же знаете, ведь именно поэтому вы здесь.

(Он не ответил на вопрос. Не ответил. Никто не знает.)

Да, знаю. Мы попробуем сообща сотворить вакцину и положим конец массовым смертям темного века. И еще – я должен любой ценой подключиться ко внутренней компьютерной сети американской армии. Говорят, отсюда это возможно сделать.

Хм, не знаю, - Картер нахмурился. – Во время нападения были повреждены многие системы. Теперь в компьютерной – настоящий электронный ураган. Попробуйте, впрочем, если выбора нет.

Его нет. Я очень рад, что вы ушли оттуда и с нами теперь, - сказал Дентон искренне.

Ладно, хватит таращить на меня глаза, как на какую-то диковину. У каждого из нас есть, чем заняться. Идите, Савадж ждет вас внизу, в операционном театре.

Дентон почему-то вначале не спустился вниз, а взлетел по безмолвствующей лестнице на верхний уровень. Уровень пустовал. Прозрачная комната была заперта, а внутри не было ничего, кроме тихо вращающихся винтов вентиляции…и все.

Внизу возле кубов с голубым пламенем стояло несколько ученых. Точнее, трое. У Дентона не возникло сомнений, кто из них Гарри Савадж. Явно не тот молодой черноволосый мужчина с плечами атлета – лицо его слишком безмятежно. И не женщина, разумеется. А вот этот, отвернувшийся к терминалу совершенно лысый человек с тонкими усами и бородой, напомнившими Дентон брата. Широкий лоб, незаметно переходящий в безволосую голову, время оставило чистым: все морщины оно собрало над переносицей, в хмурую задумчивую сосредоточенность всегда сведенных бровей.

Мистер Савадж, - Дентон приблизился, непривычно, оттеняюще темный среди этих белых людей. – Я Джесс Дентон, я пришел к вам за помощью в создании вакцины против Серой Смерти.

Мистер Дентон… - его взгляд был странен, иначе не скажешь. Но еще более странно прозвучала следующая фраза. – Так вот вы какой…

Странное вступление, подумал Дентон.

Что это означает?

Савадж поднял руку, и рука дрогнула.

Я… Ничего, забудьте.

Нет, не могу. Вы что-то обо мне хотели сказать, что ли? Вы что-то знаете?

Савадж молчал долго, его спутники обратили на них внимание.

(Как, только сейчас?)

Потом он вздохнул.

Знаете причину, по которой я и мои спутники покинули Район-51?

Дентон попытался припомнить все, что он слышал, читал об изгоях Района 51. И оказалось, что он с трудом может извлечь из кучи хлама зерно истины.

Хм, кажется… Вы протестовали против опытов. Против экспериментов над животными?

Савадж только покачал головой.

Нет. С животных все только началось. Но – вы же понимаете – ими не могло все завершиться. Это был протест… *против вас*.

Последние слова Савадж произнес так, будто он сам удивился им.

Объясните, - потребовал Дентон.

Что тут объяснять? Я – противник того воплощения, чьи контуры стала обретать концепция постгуманизма в мире реальном и вещественном. Я думаю, для вас уже не секрет ваше происхождение?

Нет.

Там, в подземных глубинах Района 51 до вас…

Были сотворены многие. Были модифицированы обычные люди – настолько, что сама их сущность менялась. Внешне нормальные, но всегда с особенностью. Странно было наблюдать за этим. Каждый сотворенный не был просто клоном – его пытались модифицировать, выйти за пределы человеческой слабости… И каждый раз проявлялся непредусмотренный дефект, доказывая слабость и несостоятельность творцов. Саваджу казалось, что эти эксперименты ведут в какую-то бездну. Когда он смотрел на полусформированные тела в растворе за стеклом, в мутные, пока покрытые пленкой глаза, он чувствовал: вот-вот земля

разверзнется под ними, и адский огонь заберет их в глубины планеты. Которые, кстати, были совсем рядом под ними… Начали сниться кошмары. Ему, но, как понял Савадж – не *им*. Они продолжали. Пол Дентон был очередным образцом, построенным с учетом предыдущих ошибок… От этого эксперимента ждали многого. И ожидания оправдались.

Ваш брат и вы не были похожи на предыдущих прототипов. Вы были похожи… на людей. И именно это почему-то ужаснуло меня больше всего. Глядя на внешне совершенно нормальных людей, я чувствовал: произошло что-то непростое. Я думал – сотворено чудовище, чей дефект внутри, скрыт от поверхностного взгляда, а потому гораздо глубже и масштабнее. Я не мог поверить… Простите, если обидел вас.

Не стоит. Мне очень важно знать, что вы думали и чувствовали.

Я вижу теперь, как ошибался. Что-то пошло не так, как должно было. Точнее, именно так, как должно! Они добились своей цели, сами того не подозревая. Просто они вкладывали в понятие «сверхчеловек» другой смысл, не зная, что оно может содержать их гибель.

Не сверхчеловек, а сверхоружие, - сказал Дентон зловеще спокойно. – Умение не умереть в положениях, гибельных для остальных. Всего-навсего. Со сверхчеловеком ничего общего не имеет… А вам никогда не приходило в голову, что все это чушь и притянуто за уши. Происхождение человека или иного существа, его генотип и особенности организма? А не перечеркивается ли это одним поступком, одним настоящим мгновением, не важно, гибельным или спасительным, но выходящим за пределы? А может, есть просто судьба, которую человек, обычный он или наноувеличенный, может реализовать в той или иной мере? Что насчет Сомы? – он перешел к новому предмету так быстро, не давая возможность никому сориентироваться. – Мы сможем теперь завершить разработку?

Я был на связи с Морганом Эвереттом. Разработка вакцины завершена ним. Моя помощь нужна в другом. Сама по себе технология вакцины – бесполезный набор формул, если нет средства, чтобы ее производить. А средство такое в этом мире пока лишь одно…

Универсальный Конструктор?

Да. Мы не теряли здесь времени, мы действительно близки к созданию собственного УК ценой колоссальных усилий. Но для знающего человека эта близость может показаться пропастью.

То есть?

Нам не хватает определенных программных компонентов для того, чтобы запустить устройство. Без них УК – просто коробка с болтами. А достать эти компоненты можно лишь в одном-единственном месте на Земле. Это знаменитая Океаническая Лаборатория. Под водой.

Знаменитая? Никогда о ней не слышал.

Знаменитая в соответствующих кругах специалистов. Это большой исследовательский центр довольно узкого профиля. Часть его находится на берегу, а сама Лаборатория, Кузница Чудес – глубоко на дне океана. Но есть проблема, и приключилась она совсем некстати, словно назло. Несколько дней назад большая катастрофа сотрясла Лабораторию изнутри. Никто не знает, что именно там произошло…

Савадж специально сделал эту паузу, чтобы Дентон спросил:

Почему?

Все эти дни туда посылались разведчики и спасательные группы. Ни один из них не вернулся до сих пор. И, я полагаю, уже не вернется.

Откуда вам известно?

Когда-то я отдал этому месту много лет, самых плодотворных лет моей жизни. Мрачный массив, словно перенесенный из сурового техногенного будущего на побережье, был местом моего вдохновения и надежд… На что? Не помню, честно. Я до сих пор поддерживаю контакты с некоторыми учеными из наземной части Океанической Лаборатории. Мы работали вместе когда-то…

Значит, мне ничего не остается, как попробовать проникнуть в подводную лабораторию…

Ох, я уже предпринял эту отчаянную попытку. Моя дочь Тиффани отправилась туда в одиночку, чтобы похитить минисубмарину и проникнуть в Лабораторию.

Вы послали свою дочь туда, откуда никто не возвратился?! – Дентон изумленно посмотрел на ученого.

У нас не было выбора… И вы не знаете мою дочь, я сообщил ей кое-какие секреты… - Савадж запнулся и спрятал глаза. – Кажется, я действительно совершил глупость.

Где она сейчас?

Савадж махнул рукой.

Сейчас она уже далеко. Я даже не могу предполагать, где именно.

Дентон вспомнил о том, о чем должен был спросить непременно.

Мистер Савадж, вы можете рассказать что-нибудь о Маджестик-12? Вы, обитатель Района-51, должны знать более, чем кто-либо другой. Кто они? Чего они хотят?

Они и там носили маски. В переносном смысле, я имею в виду. Мы всегда думали, что ведем секретные государственные исследования. До определенного момента, конечно. Но немного я знаю. Их цель – это Новый Век.

Новый мировой порядок? – спросил Дентон. – Формулировка не нова, оригинальностью не очаровывает.

Нет. Новый Век, именно так, как я сказал. Ничего общего с мондиализмом начала на стыке тысячелетий. То был проект устроения несовершенного мира. Это же – порыв спасения мира гибнущего. Новый век. Мифический город, где живут боги.

Вы говорите так… иносказательно.

Отнюдь, это кажется. Понимайте мои слова буквально. Их философия лучше всего подходит под определение трансгуманизма, только не расплывчатого, каким он был 50, 30 лет назад, а отточенного до опасной остроты. Используя науку как откровение человеческому разуму, и высочайшие технологии, преодолеть объективную, природой заданную слабость и ограниченность человека, как физически, так и духовно. Сотворить сверхчеловека, над которым не властен мир твердой материи. То есть мир смерти. Технологическая основа этой веры – нанотехнологии, единая технология, лежащая в основе и УК, и Серой Смерти, и Сомы, и ваших имплантантов.

Что-то я не улавливаю связи с тайным заговором и достижением политической власти во всем мире, к которому они стремятся.

Хм… В их системе власть над миром, нал людьми как власть политическая – далеко не высшая степень власти, но это обязательное звено для достижения более высоких ступеней: власти над материей, над своим телом и духом, над временем и смертью. Путь достижения совершенно отличен от духовных практиков всех времен и народов; здесь он привязан к материи, и через материю достижим. Но высочайшие технологии, дающие эту власть, объективно ограничены. Все не могут стать богами – мест немного. Только считанные индивиды, кто будет на вершине пирамиды, сумеют совершить прорыв…

Разве богом можно стать механически? Разве богом… можно стать?

Я только лишь раскрываю вам их философию, не более. Согласно так называемой научной вере, наноимплантанты в конечном итоге могут преобразовать человека, сумевшего их

выдержать, в световое существо из чистой энергии. В высшую, нетелесную форму жизни.

То есть *раствориться полностью*, подумал Дентон про себя.

Я сомневаюсь, честно говоря. Но я не силен в науке. Просто не представляю себе Уолтона Саймонса эдаким облачком…

Преодоление границ человека, в свою очередь, дает качественно новую степень власти над миром. Не ограниченную действительно ничем – даже временем.

Власть над миром… Смешное сотрясение воздуха.

И еще, мистер Савадж. От людей Саймонса я не один раз слышал некое «*освободиться*». Стремление освободиться от чего-то – это кажется одним из базисных их приоритетов. Не знаете, что это может означать? От чего освободиться?

Не знаю, - Савадж пожал плечами. – Никогда не слышал подобного в особенном смысле. Но ведь это вполне закономерно и логично. Избавиться, освободиться от слабости, ограниченности человека, перейти, наконец, пропасть к сверхчеловеку.

Понятно, - завершающим тоном кивнул Дентон. – Если вы не против, мы позже завершим этот разговор. Я сейчас вспомнил кое о чем, не терпящем отлагательств. Можете мне помочь войти в военную компьютерную сеть?

Да, Эверетт говорил мне. О Дедале я знаю, а вот Икар – что он такое?

Икар – искусственный интеллект Маджестик-12. Он пытается разрушить, уничтожить Дедала. Мне тоже, насколько я понял, угрожает опасность.

Все, что в моих силах сделать – это лишь указать вам комнату связи. Вот она, - и он махнул рукой. – За вашей спиной.

Дентон удивился тому, чего не заметил вначале. Вначале он не увидел ничего. Потом обратил внимание, что позади не было стены. Вместо нее за прозрачным стеклом он увидел темное, неспокойное пространство, освещаемое тусклыми изумрудами терминалов и изредка – голубыми и желтыми вспышками электричества, элементом, видимым в мире лишь благодаря его удивительным очкам.

На втором этаже отдела связи вы найдете главный компьютер. Напряжение там небольшое, но все же будьте осторожны. Надеюсь, он не вышел из строя после катастрофы.

Дентон сосредоточился, пытаясь не изменить выражения лица. Давно не слышанный голос пробивался к нему сквозь электронные толщи, нисколько не изменившийся синтетический голос Дедала.

Подключите меня к сети, или мои системы будут уничтожены. Я должен атаковать. Я должен атаковать.

И даже теперь, в минуту отчаяния, в отчаянной просьбе-крике – никакого отчаяния. Только констатация факта.

Дентон взбежал по лестнице и нырнул в сверкающий молниями полумрак. Чувствуя содрогание от ощутимых ударов тока и зная, что каждый следующий может стать действенным, Дентон поднялся на лифте. Терминал в центре, как изумрудный кристалл, был нетронут и целостен. Дентон разрушил защиту и подключился, уже зная: слишком поздно. В зловещем молчании – слишком поздно.

Он услышал последний хрип Дедала.

Я…

Мы…

Этого шепота плазмы он еще не слышал. Новое…

К нему прорвался Эверетт.

Что-то неожиданное происходит. Я пока не могу понять…

Вы забыли кое о чем, - вынырнуло из небытия присутствие Боба Пейджа. – Я слушал вас все это время. Выжидая…

Дедал не был уничтожен, Джесс, - вновь обратился к нему Эверетт сквозь не фиксируемое пространство. – Искусственные интеллекты интегрируются, объединяются в целостность, которая идентифицировала себя, как «*Ра*». Думаю, это неожиданность даже для Пейджа.

Дентон вышел за порог. Что-то произошло, видимо, а он не чувствует ничего. Голубые молнии остались за спиной. Просто надо отдохнуть немного – быть может, и нескольких минут будет достаточно.

Дентон нашел рядом диван, закрыл глаза. Он спал мгновением позже.

Ему снился сон, так похожий на явь, что он поклялся бы в этом. Он встал с дивана, вошел в полумрак – и голубые молнии исчезли, вокруг задышал безмолвно океан. Чайка спланировала над водой и затерялась в темной тьме.

Дентон обернулся: и увидел катер Коалиции. Водитель приветливо улыбнулся ему: «Рад, что здесь пуленепробиваемое стекло».

Дентон начал идти. Впереди вдалеке стояла Статуя Свободы без головы. Да нет, с головой. Он сделал шаг и услышал голос Алекса Якобсона в своей голове, похожий на эхо. Непривычно.

Поспеши, Джесс. Твой брат Пол направился на встречу с тобой в доках. Найди Пола – это очень важно. Я буду следить…

Пол был рядом, он просто вышел из сумрака.

Добро пожаловать в Коалицию, Джесс. Постарайся не повторить… не повторить…

Он забыл слова, обман раскрылся. Брат взял его за руку, он увидел в глазах брата боль.

Не надо, Джесс, не надо обманывать себя. Начинать с начала бессмысленно – ведь все повторится до мелочей, и не в твоей воле изменить. Не возвращайся больше, иди. Иди.

Дентон почувствовал тоску.

Глава 4
Сон чувств

На забытом могильном холме
«Печаль-трава
разрослась… о чем
Печалишься ты,
трава?

Мацуо Басе

Кто-то коснулся его плеча, он поднялся и посмотрел в глаза генералу Картеру.

Что произошло? – спросил Картер. – В комнате связи стало довольно тихо. Я поднялся посмотреть.

Прошло только несколько минут?

Да. Вы достигли своей цели?

Не совсем. Дедал исчез как отдельная сущность. Возникло нечто новое – новое подобие интеллекта, именуемое Ра.

Ра? Что это? Слишком странно для электроноиспускающей железяки.

Хм, не знаю, он, кажется, сам выбрал себе это имя.

Сам? Я вот, собственно, зачем пришел: Савадж просит, чтобы вы спустились в операционную. Они ждут чего-то. Кажется, Боб Пейдж пытается выйти на связь.

Разумеется. Я сейчас спущусь

Трое ученых собрались вокруг похожего на раскрывшийся цветок коммуникатора. Дентон стал рядом, и мгновением позже из цветка возникло трехмерное подобие Боба Пейджа. Ослепительно белый, почти слепящий костюм – Пейдж всегда носил только его. В газетах, по телевизору, на встречах и в тени… С кем он хотел отождествить себя?

Копия Пейджа удовлетворенно провела рукой дугу в пространстве.

Вы все здесь! Прекрасно.

Кажется, теперь вы уже не в том положении, чтобы выдвигать какие-либо требования, Пейдж, - сказал Савадж, плохо скрывая тревогу.

Напротив, - насмешливо-спокойно ответил безликий Пейдж. – Пусть наша операция провалилась в Ванденберге, но ведь и ваша – также… Да, не делайте вид, будто не догадываетесь. Я захватил вашу дочь около часу назад.

Лучший исход из всех возможных, - прошептал Дентон, ни к кому не обращаясь.

Тиффани… - прошептал Савадж, меняясь в лице и холодея. – Клянусь Богом…

Тихо, - остановил Пейдж властно. – Она была весьма предсказуема. Думаю, вы хотели бы увидеть ее живой еще хоть раз.

Дентон обменялся с ошарашенным Саваджем быстрым взглядом и произнес тихо:

Не принимайте никаких условий.

Ах, да, господин Дентон, наш выдающийся герой! – Пейдж услышал и обернулся к нему. – Я настаивал, чтобы вы присутствовали при этом разговоре. Мне смешно на вас смотреть, жалкое вы создание. На что вы разменяли себя – подумать только…

Я сам смеюсь над собой. Постоянно.

Итак, вновь вернулся виртуальный Пейдж к Саваджу. – Как и вы, мы испытываем нужду в некоторых компонентах к Универсальному Конструктору. В том числе и в тех модулях реакции, которые вы украли, покидая Район 51. Вы принесете их к заброшенной автозаправочной станции к северу в течение ровно одного часа, и получите там свою дочь. В другом случае вы ее тоже получите – частями…

Не ведите переговоры, - вновь твердо произнес Дентон.

Дентон, взгляните-ка на меня! – крикнул Пейдж в бешенстве, в котором сквозило большее, чем просто гнев. – Если вы вмешаетесь, каким бы то ни было образом, я убью эту сучку! *Обещаю*.

Ты плохо кончишь, Пейдж. Я уже иду за тобой.

Принесите мне мои модули! – глаза Пейджа рвались из глазниц, вдруг ставших необъятными. – И будьте все прокляты.

Гремящая трехмерная пустота утратила очертания – Пейдж прервал связь. Савадж обернулся к Дентону.

Боже мой, что я наделал! Теперь все погибло.

Вы не должны выполнять его условия.

Не могу! Я не могу позволить ему убить Тиффани ради… ради кучи технологического дерьма!

Савадж, подумайте, что это может означать. Это будет концом для нас, концом таким бесславным. УК Пейджа заработают с новой силой, вновь способные производить Серую Смерть в любых количествах. А мы – мы навсегда утратим шанс даже приблизиться к производству вакцины. Мы проиграем, Савадж. Уже навсегда.

Он уже убил мою жену. Если я потеряю дочь, мне будет все равно. Серая Смерть, жизнь и смерть, Маджестик-12 и спасение – что мне до этого? Какое мне дело, скажите?

А вы уверены, что Пейдж будет честен в сделке, когда все зависит от него? Сомневаюсь. Это не традиционная линия поведения террориста. – Видя, что его слова приводят Саваджа в отчаяние, Дентон перешел к главному. – Послушайте, мистер Савадж. Вы не должны сдаваться. Мы не должны. Мой пилот сбросит меня возле бензоколонки. Пусть ее будут охранять сотни солдат – я уничтожу всех и достану ее.

Но вас обнаружат, и ее убьют немедленно. Мы не можем рисковать.

В слепом доверии к Пейджу скрыт гораздо больший риск. Тем более – у нас нет выбора, слишком многое уже стоит на кону. Доверьтесь мне, - убеждал Дентон, а самому было невыносимо грустно. – Я… спасу вашу дочь, если она есть там. Если же нет… значит, Пейдж и не собирался отдавать ее.

Савадж был бледнее, чем его белые одежды. Но он поднял голову с груди. Слова давались ему нелегко.

Да. Мы должны попробовать! Мистер Дентон – спасибо. Вы сейчас вернули мне мужество. Пусть сейчас для меня на карте стоит все – больше, чем все… Поторопитесь – и да благословит вас Господь. И еще. Если увидите мою дочь, передайте ей: мне очень жаль.

Дентон повернулся к лестнице – и только теперь осознал, какую чудовищную ношу на себя взял. Он не имеет права на неудачу. Спасение мира и спасение отдельного человека где-то под луной – кто возьмется судить, что имеет больший смысл? И стоит ли одно другого?

Дентон поравнялся с Картером, который наблюдал за сценой сверху.

Думаете, мы приняли правильное решение попробовать спасти дочь Саваджа? – спросил Дентон.

Абсолютно, - кивнул Картер. – Никогда не ведите переговоров с террористом. Вы только сделаете его наглее, увереннее и поощрите на новые акты террора.

Но ведь жизнь человека под угрозой.

Никогда не ведите переговоры, упрямо повторил генерал. - Кроме того, вы собираетесь вернуть Тиффани живой и здоровой.

Тон Картера ясно дал понять: иначе не должно и не может быть. Просто не может быть.

Так и есть, - кивнул Дентон, взлетая вихрем по ступеням, вырвавшись из помещения, потом – из здания…

Холодный ветер немного остудил его. И принес неприятные в своем отрезвляющем действии мысли. Трудно будет сделать то, что он задумал. А отступать некуда.

Его ожидал сюрприз. Джок вышел на связь, указывая растерявшемуся путнику дорогу в пустыне.

Я приземлился на вертолетной площадке к юго-западу от базы. Со мной Тонг. Ему нужна помощь.

Дентон различил стройный знакомый силуэт в зеленом комбинезоне издалека, с вершины. Ветер терзал эту фигуру, как хотел, наверное, пытался сбросить ее со скал в пропасть. Но та не поддавалась, не сгибалась – лишь дрожала в ночном мареве горячего воздуха из-под винтов черного вертолета.

Дентон всмотрелся в покрытое шрамами всегда хмурое лицо – и не узнал его. Оно было серым – почти темным от нездоровой серости.

Кому я нужен…

Мне… - прошептал Дентон, отплачивая за шепот в Гонконге.

Джесс… Привет, - голос был изменившимся и слабым.

Дентон не нашелся сразу, что сказать, недоброе предчувствие терзало его.

Мистер Тонг, что произошло? – он спросил, хотя не надо бы. Он уже все понял по серой маске.

Ошибка. Один из экспериментов. У меня Серая Смерть.

Вы должны встретиться с Саваджем. Он сумеет помочь.

Угадали – я здесь по эгоистическим мотивам. Получить доступ к вакцине. Я теперь вне игры – и не ищите со мной связи.

Вы еще не мертвы. Вы будете спасены.

Дентон увидел приближающегося Джока.

Я был на связи с командным центром, - сказал пилот спокойно. – Тони Маар сейчас на пути сюда, чтобы помочь Тонгу. Савадж не объяснил мне толком, что мы должны сделать, Джесс.

Он не мог доверить эту информацию Эху. Но мы должны спешить. Я объясню по пути.

Дентон бросил прощальный взгляд на Тонга, но не сказал ничего. Нет, он не умрет. Он переживет многих, и возможно… даже примет участие в другой игре, когда эта закончится.

Куда лететь? – Джок поднял вертолет над пустыней.

Надо найти заброшенную бензоколонку где-то на севере отсюда.

Да, есть такая, - кивнул Джок. – Зачем нам туда?

Чтобы спасти одну девушку, дочь Саваджа. Если я не сделаю этого в течение часа, Пейдж ее убьет.

Понятно, - кивнул Джок. – Это тут, рядом. Минуты три.

Три минуты. Достаточно времени, чтобы подумать, обнаружить и удивиться. Он летит в ночь, такой уверенный в успехе и неуязвимости, как всегда уверенный, что его не будут ждать… Словно не живет, а играет в компьютерную игру, отрешенный, в общем-то готовый ко всему. Кто уверил его? Почему они будут ждать, пока он обманет их еще раз, позволят ему выиграть после того, как он обманывал их десятки раз, приходя и уходя… Хотя мог быть уничтожен. Ведь мог – должен был.

Он закрыл глаза, и услужливое подсознание, дождавшись состояния между сном и явью, набросало ему картину.

Он прошел еще много дорог, под землей и на земле, он находил и бежал, он уничтожил что-то важное, смутное… и пришел в темную комнату. Обернулся – но и позади уже была темнота. И сколько он ни шел вдоль стены, не мог найти ни выхода, ни включателя.

Вдруг где-то рядом бодрый голос крикнул «Снято!». Зажегся яркий свет. Дентон увидел себя немного сверху и со стороны, в окружении множества людей. Здесь были все: Пол и Саймонс, Тонг и Пейдж, Эверетт, Дауд, Мигель в маске и старик Филбен. И еще много знакомых, чужих людей. Все же кого-то не было – и это его тревожило даже во сне.

Пейдж хлопнул его по плечу и улыбнулся на все тридцать два.

Отлично сыграл, старина! Особенно последний эпизод. Но я тоже ничего сработал, согласись!

Дентон недоуменно смотрел на все эти лица, сразу утратившие подлунный смысл – и оттого чужие, пустые. Так это была съемка? Чего, фильма? Но ведь много людей погибло, хотел спросить он, но почему-то сразу забыл. Саймонс что-то толковал Дауду голосом, не будившим и одного чувства, неслышным в своей «вписанности», в своей обыкновенности. Дентон пытался услышать – но, понимая каждое слово, ничего не понял, пропуская их сквозь себя.

Приехали, - Джок ощутимо толкнул его в бок.

Дентон выглянул из кабины. Угрюмое, осязаемое молчание нависших над ними скал вернуло понимание, напомнив, где сон, а где – явь.

***

Дорога уходила куда-то вниз, постоянно понижаясь, а автозаправочная станция расположилась высоко, на окруженном скалами плато. Непонятно было, как могли заправляться на этой бензоколонке машины, если они не летали. Только обрушившиеся опоры эстакады вносили ясность: когда-то над этой, уходящей вниз дорогой была другая – та, что уводила вверх, в горы. Станция была окончательно оставлена людьми и покинута, и, как видно, довольно долгое время.

Их еще мало на планете, заброшенных бензоколонок. Но придут времена, когда такие бензоколонки, оставленные дома, заброшенные поселки и даже, быть может, города, разрушенные здания и склады, трупы оседлости образуют новые, грозные джунгли, которые окружат цивилизацию хмурыми руинами, оскалившимися обломками. Мир станет снова большим и бесконечным, пустынным и великим, непознанным и многообразным, опасным и влекущим в новое сильнее смерти. Но он станет таким, каким люди е*ще не знали его никогда*. Новым, как другая планета.

Внизу, возле обвала, преградившего путь и сделавшего дорогу пустынной, мерзла пара бродяг. Они спорили о чем-то громко, только Дентон не сумел разобрать ни слова.

Куда ведет эта дорога? - спросил он, подойдя.

Она ведет вниз, мужик. Вниз и вниз.

Как мне попасть на заброшенную бензоколонку, ту, что наверху?

Они посмотрели на него с каким-то подозрением.

А ты уверен, что тебе нужно туда? Ты хорошо подумал?

Что-нибудь не так?

Мы жили на этой бензоколонке, - отозвался бродяга, стоявший поодаль. - До тех пор, пока пару часов назад нас не выкинули оттуда солдаты. Они заперли дверь в коллектор, по которому можно попасть на бензоколонку отсюда.

Только не говорите мне, что у вас нет ключа от коллектора, - сказал Дентон.

У нас есть ключ, правда, - кивнул ночной скиталец. - Мы собираемся проникнуть туда ближе к рассвету и устроить пожар. Пусть знают...

Вы можете дать мне этот ключ? - попросил Дентон. - На полчаса.

А ты что... - *е*го собеседник зажмурился, плохо маскируя любопытство, - что-то забыл там?

Просто хочу доставить тем ребятам, что наверху, немного неприятностей.

Тогда ничего надежнее огня не найти. Пластиковые домики едва держатся, обвалятся от хорошего пинка ногой. Пламя уничтожит их за считанные минуты

Бензоколонку можно пощадить, - предложил Дентон. - Вам ведь все равно нужно жить где-нибудь.

Хорошо, - обитатель сумрачных скал сутуловато пожал плечами и начал рыться в кармане лоснящейся от жирного блеска рубашки, явно не по сезону одетой. - Вот ключ, нам хуже не будет, если ты пойдешь туда первым.

Чуть дальше, у самых камней обвала лежал еще один бродяга. Наверное, он спал, но уж очень напоминал своей бледностью и неподвижностью труп. Дентон хотел спросить у этих людей, не мертв ли он, но передумал. Повернув налево, Дентон пошел на свет горящей бочки.

Меньше всего он ожидал здесь встретить кого-то знакомого. Еще менее он этого хотел. Но все же Дентон слишком хорошо знал ту, что грелась и не согревалась у бочки, чтобы пройти мимо.

Сандра? Это ты? Что ты делаешь в Калифорнии, да еще и...

(еще и рядом с тем местом, о котором ни ты, ни эти люди ничего не знают, и слава Богу).

Она посмотрела на него несколько странно.

А? Прости, я не услышала.

Сандра Рентон? - Дентон уточнил на всякий случай. Как ни странно, она отрицательно покачала головой.

Нет. Вы ошиблись, наверное. Меня зовут Хоуп.

Дентон понимающе кивнул. Он ошибся, что ж, бывает.

Да, конечно. Простите.

Она сразу отвернулась. Ничего, что она копия Сандры. И это могло быть совпадением. Он начал подниматься вверх, ко входу в коллектор.

А странно все-таки.

Поглубже кутаясь в черный плащ в черном тоннеле, Дентон подумал: что бы он делал, не будь этих черных тоннелей, не будь темной ночи над Землей? Он был бы беззащитен и безоружен.

Он был бы счастлив.

***

Отчаянно залаял пес, задрожали кусты у забора, сбросив капли росы. Солдат чутко всмотрелся в подступившую податливую тьму, пока не убедился, что тревога – ложная. Озноб ноябрьской ночи и холодная роса раздражали его, он никак не мог привыкнуть к этому холоду. И эти тени... Тени от двух домиков, между которыми он вынужден стоять, тени от деревьев, кустов – особенно длинные, какие-то переменчивые. Каждая ветка, даже травинка давала тень, внося полный хаос. Не говоря уже о большой черной тени грозных скал, наступавших на пятки.

Вот еще – какая-то тень накрыла его на мгновение – и ушла. Он поднял голову, посмотрел на плывущие клочья мутного тумана. Неужели и этот туман отбрасывает тень? В тени нет ясности.

Дентон замер на крыше, быстро и тихо лег на спину, глядя в глаза звездам сквозь мутную и легкую, как чье-то дыхание, дымку тумана. Стоило поднять голову – и его могли увидеть. Солдаты в черном и зеленые бродили вокруг в притупленном ночью бодрствовании – и их было много.

Три маленьких квадратных домика было на этой станции – но трудно определить, в каком из них то, что он ищет. Возможно – ни в одном. Перепрыгивая с крыши на крышу во мгновении улученного момента, Дентон заглядывал внутрь сквозь отверстия выведенной наверх вентиляции. Первый, как и второй – были совершенно пустыми пластиковыми коробками. Возможно, он не знал о существовании какого-то подземного уровня...

Где, на простой бензоколонке?

Дентон перевернулся на живот и подтащил себя к широкой решетке вентиляции. Вдоль комнаты ходил человек в черном, плохо скрывающий свою легкую прозрачность, *растворенность.* Дентон напрягся, когда увидел плазморужье на его плече. В углу сидел, положив автомат на колени, солдат. Напротив него, прикованная наручником к решетке, стояла она – трудноразличимая сверху, в темном костюме, рыжая. Волосы были стянуты в узел.

Дентон испытал удивление – и облегчение. Что бы ни задумал Пейдж – дочь Саваджа была здесь – и жива. Пришло время действовать...

Дентон собрался перед прыжком – но вновь замер, расслышав восклицание солдата.

Сэр!

Да, - обернулся и прогудел неестественно низким голосом растворенный.

Я слышал что-то. Там, - Солдат поднял палец, указывая на крышу. - Судя по звуку, вряд ли это кошка.

Возможно, это он. Будьте готовы.

Что мне делать, если он обнаружит себя?

Прежде всего – убить пленную. Немедленно. А затем займемся ним самим.

Дентон убрал руку от прутьев решетки, продолжая изучать глазами растворенного. Самое в нем глупое, наверное, это галстук. Или очки? А потом обратил испытующий взгляд в себя... Они так похожи. Стоит изменить план – хотя он давно этим не занимался...

Позади дома вдоль стены ходил еще один растворенный. Дентон прыгнул на него сверху.

Минутой позже растворенный с плазморужьем на плече остановился, слыша стук в дверь. Он открыл, в комнату вошла его копия, только с пистолетом в каждой руке.

Что-нибудь случилось? - спокойно спросил растворенный страж.

Нет, - так же спокойно ответил вошедший идентичным голосом и, став между солдатом и растворенным, спиной к девушке, выстрелил из обоих пистолетов.

Солдат просто упал, растворенный упал и взорвался. Дентон, чувствуя себя неуютно в черном, пусть и словно по нем пошитом костюме, побежал к двери и стал в проеме, загородив его своим силуэтом. Он станет живым заграждением для той незнакомой, чье тело приковано позади. Чтобы кто-то вошел и совершил убийство, потребуется лишь одно – чтобы он упал. Это легко...

Он знал, что не может уйти, сделать шаг в сторону, даже пригнуться. Его тактика летающей невидимки была бесполезной, узницей необходимости.

Ему было все равно, сколько умрет на подступах к нему. Погибнет ли некто за его спиной, или нет. Он действовал так, потому что должен был. *Ибо так задумано*. Затем пришла тишина, затем – он ушел и вернулся в другом одеянии. В черном пальто с высоким воротником.

Дентон взял ее руку в свою и легко открыл браслет наручников. Затем случайно встретился с ней взглядом. Посмотрел ей в глаза и – все. Время остановилось, вытекло и застыло в мгновении. Они смотрели. Мир рождался, умирал в большом взрыве и вновь с неудержимой силой рвался из звездных туманностей. Они смотрели. Тысячи судеб –

сверхтонких лучей – пронзили черноту космоса и закружились в последнем танце. Они видели глаза друг друга – и никто не решался предать мгновение первым.

Так должно бы быть по сценарию. Но на самом деле – ему было все равно. Почему-то все равно. Никаких чувств. Потому что он растворен, чтобы вместе с ветром завывать на изнуренных холодом равнинах Пустыни.

Пустота.

Взрывной волной вышибло ворота где-то за дверью, они услышали шум-присутствие вертолета совсем рядом.

Идем! – Дентон взял ее за руку, и они побежали к выходу – и прямо оттуда запрыгнули в открывшийся зев черного вертолета.

Джок, не повернув к ним головы, поднял вертолет на безопасную высоту. И лишь потом заметил спокойно:

Кажется, вам обоим это удалось.

Вас послал мой папа, да? – ее слова терялись в шуме ветра, Дентон удивленно обнаружил, что она не испытывает ни малейшего страха, ни даже замешательства.

Да, - ответил Дентон. – Ваш отец просил передать, что очень сожалеет о случившемся.

Что ж, спасибо, - в голосе звучала легкая, незлобная ирония. – Но предупреждаю сразу – возвращаться на эту чертову базу под водой я не собираюсь.

Вас никто и не пустит туда, даже если бы вы стремились. Передайте мне карты и схемы, которые дал вам отец.

Вот – будь они прокляты, - она бросила на колени Дентону распечатанный конверт, их пальцы соприкоснулись. – Вы меня подбросите до Ванденберга, или нужно добираться своим ходом?

Спрыгнув на пустынную поверхность Ванденберга, Тиффани побежала к Большому Дому, даже не обернувшись. Там уже ожидали ее.

Дентон смотрел ей вслед. Я тебя не забуду, вдруг подумал он с такой внезапностью и силой, будто открыл в себе что-то новое.

Точнее не в себе – а в вечном холоде ночи.

Но я не вернусь за тобой, подумал он опять, против воли.

Никогда не вернусь. Обычное спокойствие и равнодушное хладнокровие к нему возвращалось, медленно, но верно. Ничего особенного в этом не будет. Ветер над холодными камнями, травинки трепещут в нем, как эльфы. Километры пространства, наполненные тишиной. Грудки рыхлой почвы и объективного камня внизу. Прохладный воздух,

приподнимающий волосы… И Он. Стоящий посреди этого заколдованного круга и одновременно поднявшийся над ним, глядя сверху, видя каждое движение, каждую трещину… Его ласкали струйки ветра, целовали в глаза, пробираясь в волосы, под одежду. Они поднимали его все выше к облакам… И ему ничего не было нужно, ничего не было дорого, кроме этой земли, этого ветра и этого неба…

И все же он знал – доля свободы отныне потеряна.

Глава 5
Сон морского змея

…Он заблудился или уже так далеко забрел на чужбину, как до него не забредал ни один человек, - на чужбину, где самый воздух состоял из других частиц, где можно было задохнуться от этой отчужденности, но ничего нельзя было сделать… только уходить в них все глубже, теряться все больше.

Франц Кафка

Путь – это не дорога, чье направление угадывается на горизонте. И даже не дорога с ответвлениями, уходами в стороны, нежданными поворотами. Это череда переходов. Из одного коридора – в другой, из подземного тоннеля – на поверхность, и обратно. Хитрость в том, что горизонт нельзя увидеть никогда, он всегда закрыт чем-то даже вблизи. А значит – даже следующий шаг может быть обманом.

Путь – череда переходов. Из сверхнапряженного рывка выпущенной стрелы – в инерцию и временное скольжение, из горения – в тление ожидания новых вызовов. Никогда не узнаешь, где суждено начаться новому рывку, и какая из остановок станет последней…

Остановки нужны. Ведь если гореть слишком долго, лететь без пристаней, гонимому попутным ураганом – можно залететь туда, откуда нет возврата. Сгореть и исчезнуть.

Дентон смотрел на чаек, которые безбоязненно садились у самых его ног, смотрел вперед, где взгляд терялся в бесконечности океана. Он видел отдельные огни-маяки – это некоторые элементы конструкций Базы выступали из воды.

Видел он и мутный свет, достигающий из глубин поверхности – и терялся в догадках, что же это может быть.

Здесь еще был просто берег, но лишь стена из цельного бетона отделяла Дентона от самой океанической базы. Там, за стеной, ходил боевой робот. Там, за стеной все было сотворено из бетона и металла, они делили власть над пространством только с водами океана. Там, за стеной, было что-то… недоброе. Ему не хотелось туда. Он вспомнил тихий звездный канал Гонконга, парки Парижа. Туда вернуться не суждено… Стало грустно.

Грустить сейчас нельзя – Дентон выпрямился и оторвал взгляд от воды. Но без грусти – тоже плохо. На связь вышел Джок и снабдил Дентона сухой, безвкусной порцией информации.

Доктор Савадж просил поблагодарить вас от его имени, Джесс. Он навсегда в долгу перед вами. Он не сумел настроиться на Эхо, поэтому передавать его сообщения буду я. По крайней мере, первое время. В верхнем секторе Лаборатории, на берегу, вы должны украсть одну из минисубмарин, и с ее помощью отправиться в глубины, к руинам поврежденной лаборатории. Это Савадж так сказал. И еще он просил связаться с учеными на Базе – некоторые из них с ним поддерживают связь и могут помочь.

Холодный океан отдавал свой холод, не скупясь, завораживая леденящим дыханием все живое. Глядя в непроницаемый мрак километровой толщи воды, Дентон подумал, что не очень хотел бы оказаться сейчас там, под поверхностью. Ветер летел вдоль самой кромки воды и, не боясь сорваться и упасть, нес какую-то мысль.

Дентон прыгнул в воду, почувствовав, как тело дюйм за дюймом сковывают ледяные тиски. Он проплыл вдоль бетонной стены и, минуя ее, выбрался на укрепленный каменный причал. Пустота защемила сердце. Вода стекла по непроницаемой материи черного плаща, как по ледяному склону.

Дентон никогда не был против одиночества. Он жил с ним и, в общем-то, ним не тяготился. Но и у одиночества должен быть предел.

Люди ищут одиночества порой, им приятно уйти на время из шумной толпы, пройтись по пустынному полю в лунную ночь или вдоль побережья на закате, стать на вершине холма одному и просто постоять… Но, уходя из шумной толпы, они ведь знают, что в эту толпу вернутся. И сердце их спокойно. Они приемлют одиночество на время и, главное, добровольно.

Но когда одиночество навязывается живущему, как одетая в черную перчатку рука у горла, - его состояние близко к панике. Когда оно приходит с неотвратимостью, он смиряется, как смиряется со всем неизбежным. Если одиночество настигнет в холодной ночи – он почувствует страх, страх растворится в тоске…

А если предел Одиночеству неизвестен, сливается с пределом самого пути, - человек изменится сам. Неуловимо – и с неизбежностью, ценою за сохранение разума, за целостность рассудка.

Скрываясь в темноте, избегая сканирующего взгляда роботов-убийц, Дентон прошел по абсолютно пустой площадке к двери здания, имеющего странную форму. Покоясь на двух основах, одна из которых, видимо, вырастала из дна океана, здание базы зависло над океаном изогнувшимся морским змеем, голова которого уходила в сторону и была погружена глубоко в темную воду.

Дентон увидел снайперов вдоль тела этого морского змея, вооруженных тяжелым оружием. Они не увидели его – что они могли увидеть в такой темноте?

Стараясь не шуметь, Дентон поднялся по винтовой спиральной лестнице к хвосту застывшего в бетоне чудовища, и оказался в зоне стерильных белого и серебристого цветов. Он шел спокойно, пытаясь не думать о том, что всякий на пути может быть врагом.

Женщина в белом сливалась с белизной покрытой кафелем стены, и Дентон вздрогнул оттого, что увидел ее не сразу.

Что-то мне подсказывает, что у вас нет разрешения находиться здесь, - вскинула она брови.

Даже не думайте поднимать тревогу.

Я и не собиралась, честно говоря. Просто, когда незнакомцы в черном появляются со спины в твоей лаборатории, становится… хм, интересно.

Я здесь по поручению доктора Саваджа.

Гарри Савадж? – тон говорил, что это имя не совсем ей не знакомо. – Мы работали вместе очень долго, до тех пор, пока он не перевелся в Район 51, - тень пробежала по ее лицу. – Слышала, после этого дела его пошли не очень радостно, да? Да нас дошли отдельные обрывки его грустной истории.

История его не настолько печальна, хотя и тревожна, - ответил Дентон. – Чем вы здесь занимаетесь.

Здесь, над водой? Ничем существенным настолько, чтобы вас заинтересовать. Генетические и морфологические

эксперименты над животными, которые уже давно стали рутиной. Мы каждый день любуемся появлением новых диковинных существ, небывалых чудищ, ущербных и большей частью нежизнеспособных. Бедняжки почти все умирают в первые мгновения после операции.

Зачем им это нужно? – удивился Дентон.

Мы хотим научиться управлять мутациями и изменениями в нужном нам направлении, до мелочей… Да, кстати, держитесь, пожалуйста, немного дальше от ванной.

Дентон наклонился и только сейчас увидел, что стоит на краю вмонтированного в пол водоема, неглубокого и прозрачного. Что-то темное передвигалось по его дну ловкими движениями. Это нечто приблизилось к поверхности и клацнуло страшными челюстями, похожее на крокодила с коротким туловищем и гладкой, лишенной панциря кожей. Это существо, несомненно, не оставило бы шансов ничему живому, окажись оно в одном с ним водоеме. И тем не менее оно не вызывало страха, к сожалению, у Дентона оно не возбудило даже интереса. Как и гризлы из подземелий Парижа.

Это каркиан, - пояснила женщина. – Генетическая модификация обычной белой акулы, которая может одинаково свободно жить и в воде, и на суше.

Чем вы их кормите?

Рыбой. Но они не живут долго – зачем? Даже если эксперимент удачен – мы оставляем лишь учетную запись и протокол исследования.

А вы не боитесь?

Чего? – спросила она без удивления.

Оставаться с такими тварями *наедине*.

Это не страшно. Но неприятно, точно. Я тоскую по городам, потому что живу здесь, в этих стенах из металла, как в тюрьме. Но, повторяю, мне нужна работа.

Здесь много солдат?

Не очень, но достаточно, чтобы охранять нас, нескольких ученых, разбросанных по обширным пространствам Лаборатории. Раньше здесь было более оживленно. Здесь, на прибрежной базе, хранятся не самые ценные данные. Тайны остались там, погребенные тоннами камней, в океане, и уже начали зарастать кораллами.

Вы имеете в виду Океаническую Лабораторию? Как раз туда мне и нужно.

Вы что, сумасшедший? Или не слышали, что произошло? После катастрофы это место стало табу.

Что это была за катастрофа? Почему все так встревожены?

Не знаю, - она дрогнула слегка. – Это было тревожное место и до катастрофы. Во-первых, потому что слишком многое там сокрыто. А во-вторых – так как она под землей и водой, там огромные пустые пространства, клетки с монстрами, радиация и… хм, не в этом все дело, - она опустила глаза. – Там страшно просто потому, что страшно. Я была там лишь раз, не заходила далеко. Но все время хотелось обернуться, уйти, бегом полететь обратно. Пульс учащался совершенно неожиданно и без причины. Хуже всего – *если ты там один*. Немногие из нас хотели работать в Океанической лаборатории. Там и работало человек двадцать от силы. Им платили гораздо больше, чем нам, разумеется…

И что же случилось?

Подводное землетрясение. Вся система обеспечения вышла из строя, к тому же часть здания была погребена подводными скалами. Вход остался открыт и туда дважды посылали спасательные отряды. Но третий посылать не стали…

Потому что оба не вернулись? – закончил Дентон ее мысль.

Да. И я не советую вам даже приближаться к минисубмаринам у подводного причала на южной окраине базы.

У меня просто нет выбора. Кроме того… - Дентон не закончил мысль. Зачем ей знать, что его опыт общения с огромными пустыми пространствами, полными холода и неживой агрессии, настолько богат и многогранен, что страх почти ушел. Почти – ведь страх не может уйти навсегда и полностью. Страх есть всегда, пока есть возможность встретить *новое*.

Дентон ступил в коридор. Ночью даже ночные стражи спят, если уверены, что опасность не грядет. Дентон проследовал мимо дремлющего солдата с розой на шлеме, видя сквозь окно – сплошную полосу стекла вдоль полого туловища дракона – дряблую поверхность воды в каких-нибудь нескольких метрах под ним. В своем изгибе змей приподнимался и снова стрелой шел вперед. А на изгибе его тела была темная полость: темная мерцающая комната, обложенная экранами, ежесекундно меняющими свой вид. За мониторами следил ученый. Он был один – кажется, на этом пустынном побережье люди предпочитали работать ночью – и в одиночку.

Как ни странно, ученый услышал бесшумную поступь Дентона и обернулся.

Вы Дентон?

Откуда вы знаете?

Савадж просил ждать кого-то с заданием от него, с миссией в Океаническую Лабораторию.

Да, это он обо мне. Дентон – мое старое имя, с дней службы в Коалиции. Не знаю, настоящее ли это мое имя. От него уже плохо пахнет. Вы один из ученых, которых Савадж потерял при побеге в Ванденберг?

Я здесь нахожусь временно. Я по-прежнему предан Гарри Саваджу.

Там, в этой подводной лаборатории, действительно так опасно?

Опасно? Почему опасно? Ну, это странное место. Но если вы хотите завершить Универсальный Конструктор, другого выхода у вас нет. Хранилище Конструктора находится в самой дальней, самой глубокой части лаборатории.

Кажется, прогулка предстоит не из легких.

Все, что я могу сделать – так это пожелать вам удачи. Чтобы добраться до лаборатории, вам следует украсть одну из подводных лодок у южного причала. Кроме того, потребуется открыть подводные ворота – вход в лабораторию между скалами. Это можно сделать дистанционно, с помощью компьютера у причала. Логин APinkerton, пароль Sanctuary.

Святилище? – повторил Дентон. – Почему так? Что представляет собой эта Океаническая Лаборатория, в конце концов?

Увидите сами, - ответил ученый уклончиво. – Вообще, это сверхмощная система лабораторий для исследований всех направлений, по оснащенности и рабочим мощностям уступающая разве что Району 51. Все ее исследования всегда были помечены грифом «секретно» и «совершенно секретно». Все, что знаю я, так это то, что УК родился именно там. Она огромна, эта лаборатория, смотрите, не потеряйтесь там.

Постараюсь.

Я провел в этих секретных лабораториях пятнадцать лет, - сказал вдруг доктор Пинкертон. – И вот что я вам скажу. Это очень интересная работа. Всегда на грани невозможного, всегда прорыв в невероятное. Но за определенным пределом становится страшно. Не то, чтобы страшишься результатов своих исследований, или думаешь, что слишком далеко зашел… Что-то другое. Просто в какой-то момент отрываешься от экранов, смотришь на стальной ящик изнутри, в котором ты заперт, вслушиваешься в звенящую пустоту… и становится не по себе. А еще потолок как обычно где-то очень высоко над тобой…

Не по себе от одиночества? – попробовал угадать Дентон.

Да нет, - доктор пожал плечами. – Что-то другое, честное слово. Точно не объясню словами, но примерно так: этого стального-бетонного-пластикового, этих электронных мерцаний и шумов так много, они окружают тебя со всех сторон, гудят, шипят. А ты один, ты маленький, тебе некуда деться от них – ведь они везде. И начинает казаться… хм, нет. Вам будет смешно.

Нет-нет, продолжайте.

Начинает казаться, что не ты управляешь этим всем, не пытаясь остановиться, а оно… владеет тобой. Забавно звучит, не правда ли? Не сочтите меня сумасшедшим.

Я не вижу ничего забавного. И не исключаю, что в ваших словах что-то есть. Но вы ведь ученый. Вы должны видеть мир иначе, чем профанное большинство – и глубже. Весь этот искусственный мир подчинен вам – и послушен каждому вашему движению.

Именно потому, что я слишком глубоко вникаю в этот мир, я боюсь. Потому что знаю, к чему может привести единственный сбой в такой сложной системе. И чем она сложнее, тем больше появляется в ней непостижимого, незамеченного, неучтенного самими творцами, появляется своя жизнь, мертвые зоны… Океаническая лаборатория – доказательство тому. Однажды во сне я видел, как на меня падает этот высокий потолок, а в пространстве носится чье-то жуткое пение. Это так неприятно. Хотя я понимаю – все это чушь.

Всем снятся кошмары.

Да… - доктор Пинкертон увлекся, видимо, ему редко доводилось говорить с кем-то. Вы говорите, ученый. Но иногда приходится вникать в такие тайны, которые говорят тебе – лучше бы и не знать об их существовании. Хм… Вся эта возведенная нами система, огромная, комплексная, воплощенная в материю технология – это целостность, которую не охватывает ни один из нас. Мы все – функционеры процесса, в котором каждому доверено лишь отдельное звено. Часто мы не знаем о других звеньях ничего. Как целостность же – он неведом никому, ни его масштабы, ни его облачная сущность. Он *анонимен*. Более того – мы копошимся на вершине этого айсберга, твердо стоя на его основании, возведенном не нами, а поколениями, чей прах развеян столетиями, на основании, о котором мы уже забыли и не имеем представления. Оно нам неведомо. И если вдруг оно будет каким-то образом уничтожено – некому будет его восстановить. Мы зависнем во

множестве разрушенных хаотических звеньев чудовищного организма, которые могут стать кошмаром…

Я не ученый, - Дентон слегка нахмурился, пытаясь удержать хоть немного этот ливень мыслей-откровений. – Я не все понимаю очень хорошо.

Нет, серьезно, - разговор угрожал стать слишком долгим, доктор Пинкертон все более погружался в задумчивость. – Если отбросить всю эту фантасмагорическую ерунду – я действительно потерял свободу. И не только я. Мы проделали колоссальную работу, возведя целый мир Второй Природы – я говорю вообще о человечестве. Но мы не можем теперь остановиться. Я – не могу…

Что не можете?

Не могу уйти. Не из-за этих моих боссов, Маджестик-12, как вы можете подумать. Просто мне некуда уйти. Куда бы я ни пошел, я вижу себя в том же многоугольнике, он привязал к себе мои потребности… Это мой мир, одним словом. Он и меня превратил в механизм. Мой горизонт сужен предельно: как к прошлому, так и к будущему. Я живу только в настоящем. Я устал… все давит на меня.

Казалось бы: всего за порог выйти. Перелезть через стену: а там океан, песчаный берег, чайки… Ничего из этого вашего мира, поверьте мне. Почти ничего. Я сам пришел оттуда полчаса назад.

И кто будет ждать меня там?

А… вам кто-то нужен? – Дентон не подумал о таком варианте.

И где там ячейка, куда я мог бы вставить свое существование? Человеку нужны корни, нужна какая-то пристань. Он не может быть вечным странником.

А вы пробовали? – спросил Дентон.

Ладно, - доктор Пинкертон опустил седую голову. – Я остался непонятым, наверное. Но не по вашей вине. Просто слова – слишком плохой инструмент, чтобы передать мысль такой, какова она есть. Жаль – другими я не располагаю. Удачи вам.

Спасибо, - уходил Дентон. Конечно же, он понял все – слишком хорошо. Просто обнаруживать этого нельзя. Там, где один просто растворится в собственной задумчивости – там двое зайдут далеко. Слишком далеко. Лучше уйти.

Но эта ночь собиралась быть богатой на общение. Уже издали Дентон увидел розу коммуникатора, над ней – выжидающую голограмму Трейсера Тонга. Это, наверное, была

компенсация за долгую ночь молчания там, впереди, в подводном дворце.

Вы уже не так бледны, мистер Тонг, - отметил Дентон удовлетворенно.

Да, Джесс, я почти в норме, - кивнул Тонг. – Но избавление временно, это угнетает меня. Я не успокоюсь, пока не выкину из себя этот чертов механизм.

Механизм? – удивился Дентон.

Да, а как вы еще представляли себе техногенный вирус? Я близок к уверенности, что это просто включатель-выключатель, действующий с особой периодичностью. Он идентичен вашим наноимплантантам по структуре – только с иной последовательностью.

Ага – понятно, - констатировал Дентон.

Как бы то ни было, некоторое время вы меня не услышите.

Тогда почему сейчас вы вышли на связь?

Хотел проверить, в порядке ли вы. И… поговорить кое о чем. То, что интересует нас обоих.

О Маджестик-12, наверное?

Хм, что о них еще говорить? Торжествует здесь старина Платон.

В чем именно?

В первичности идеи по отношению к существующей реальности. Да, идея здесь первична, она общая, различные организации и общества пытаются воплотить ее, сменяют друг друга, а она остается. Ордена, тайные общества, секретные организации – форма не важна, преходяща. А суть остается.

Идея обладания миром?

Вот тут и загвоздка. Идея есть, но она не ясна – ибо не ясна первопричина. Самое интересное – эта идея не до конца осознается большинством тех, кто ей подчинен. Обладание миром? Это – косвенно. Тут – какой-то индивидуальный аспект. Точнее – сверхиндивидуальное. Обладанием миром как состояние не важно само по себе. Это просто атрибут… Бога?

Дентон, казалось, думал о чем-то своем.

Мистер Тонг, мне не с кем посоветоваться больше, кроме вас. Это касается Иллюминати.

Иллюминати, а, да, - перебил Тонг. – Я хотел сказать вам сам: не доверяйте Эверетту.

Я сам пришел к этому заключению, - признал Дентон осторожно. – Эверетт очень непрозрачен. Он выглядит так сильно заинтересованным в производстве вакцины Сомы… И тем не менее, честно говоря, он не показался мне тем человеком, который ради спасения других станет рисковать

собственной жизнью. С другой стороны, я не вижу других мотивов. Возможно, я ошибаюсь?

Нет, - ответ звучал категорично. – И это вполне объяснимо. Эверетт действительно не поставит на карту все, пусть даже ради миллионов. Сома – это не совсем то, что ему нужно. Сома – это только шаг. Шаг к поражению Маджестик-12. Шаг к Универсальному Конструктору.

УК? Зачем тогда…

Универсальный Конструктор, Джесс, это творец. Вечный двигатель мироздания в миниатюре, который может производить что угодно в любых количествах, любую форму – из ничего, из свободных атомов пространства. Подумайте, какую власть дает УК.

Это все очень неправдоподобно звучит.

Кроме того, - вел Тонг свою линию, - препятствуя распространению Серой Смерти, Эверетт помешает Саймонсу объявить чрезвычайное положение в Штатах и получить в руки основные рычаги государственной власти в сверхдержаве. Не забывайте об этом. Это будет ударом по его – и нашим врагам.

Неплохая цель, мне кажется.

Да. Но это если считать ее конечной целью. Все же не доверяйтесь Эверетту до конца. Помните, он – это временный союзник.

Все союзники – временны, - произнес Дентон, глядя Тонгу прямо в холодные глаза. – Тонг, откуда вы знаете столько? Об УК, нанитах? Обо мне?

Дентона осенила дикая мысль. Тонг знает слишком многое – случайно ли? Всего этого не мог бы знать посторонний человек. Он участвовал в проекте, проекте этого века, был одним из разработчиков, потом ушел в тень? И скрывает это все. Еще одна большая ложь, еще одна тень.

Дентон раскаялся в своем подозрении через мгновение. Удивление Тонга усилило его досаду.

О чем вы, Джесс? Мы же постигали все это вместе, шаг за шагом! Или… что вы подумали?

Ничего, простите. Какая-то путаница в мыслях.

Они оба, наверное, ощутили одно – если снять весь покров того общего, что сплотило их, заглянуть в основу основ – там не найти настоящего доверия. Оно не родилось – а теперь поздно уже.

Все то же, что уже было – только в новых одеждах. Он бежит по узкому тоннелю, слышен глухой ропот металла под его ногами… Он укрывается от стражей – прячется, прячется…

Он мог бы не прятаться – мог бы убивать. Почему-то он прятался.

Дентон скользнул в прозрачный, серебристый лифт, унесший его куда-то вниз, под воду. Дентон вышел и понял, что ощущения действительно необычны, когда знаешь, что под тобой – тонны темной воды. И от них никуда не денешься. Одна щель, один разрыв - и уже ничем не сдержать тысячетонного стремления океана. В этом светлом коридоре не было окон – чтобы взгляд в живую темноту не усиливал растерянности.

И это хорошо, да, Дентон понял, в чем вся суть. Все так, как есть, нарочно, чтобы поменьше желающих было сюда заглядывать. По пути он выломал замок в шкафу и взял с полки короткоствольный автомат крупного калибра и две обоймы с разрывными патронами. Пригодится.

Ближе к причалу субмарин мелькали люди в белых и серых одеждах. Прикованные к экранам взгляды, алгоритмичные пути или расслабленные позы за кофе в перерыве. Непросто работать ночью.

К нему подошла молодая женщина в серебристом комбинезоне из наноткани со стальными вставками-чешуйками.

Ты от Гарри Саваджа? Ты знаешь, куда собираешься идти? – спросила она в лоб.

Кажется, да, - Дентон ответил неуверенно.

Тебя можно как-то остановить?

Он посмотрел на нее, покачал головой.

Невозможно.

Тогда иди, - она уступила дорогу. Но помни: ты был предупрежден.

Он не ответил. В голове змея под стеклянным куполом, на воде стояли два маленьких судна. Только герметичная дверь отделяла их от открытого океана. Возле компьютера охраны стоял механик в оранжевой спецовке. Он выжидающе смотрел на Дентона.

Мне нужно воспользоваться одной из минисубмарин.

Та, что под лазерным лучом – неисправна.

Тогда я возьму вторую.

У вас должно быть разрешение на это.

У меня нет разрешения. Но от этого зависят жизни людей.

У вас все равно ничего не выйдет, если этого не захотят они. Будет только так, как захотят они, поверьте.

Просто отойдите от компьютера, - сказал Дентон без угрозы, и механик подчинился. Дентон ввел код и быстро прильнул к стеклу выпуклого иллюминатора.

Мощные прожектора рассеивали тьму на большое расстояние. Метрах в ста впереди, в проходе между скал стал медленно открываться черный проем.

Дрожь прошла по телу.

Глава 6
Сон воды

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик отобразится в них.

Федор Тютчев

Человек живет на суше. И он может жить под водой. Только его задавит темнота, мутная тишина – и постоянные мысли о тысячах тонн океана над хрупким куполом убежища. Он заболеет – он умрет…

Дентон направил свое судно в темное ущелье, прошел вдоль совершенно непрозрачного тоннеля в океаническом дне, и стал подниматься к светлому пятну в цельности скалы. Субмарина мыльным пузырем выплыла на поверхность бассейна над тесным потолком тесного помещения, запертого водой.

Дентон выбрался на твердую поверхность и подошел к продолговатому, почти непрозрачному окну. Мимо проплывали стайки рыб, невероятно холодный песок и скользкие, вибрирующие чуждостью сплетения водорослей и кораллов и притягивали, и отталкивали взгляд от дна. Дентон всмотрелся вдаль: там угадывались светлые пятна – окна каких-то зданий – совершенно пустые, они странно смотрелись сквозь тела тысяч рыб. Здания тянулись – и терялись в непроглядной темноте. На связь вышел Джок.

То, что вы видите из окна – подступы к дальней части лаборатории. Вам нужно добраться именно туда. Не знаю, насколько повреждены пути. Вот, что просил передать Савадж: вы должны подключиться к главному компьютеру и передать в Ванденберг программные компоненты УК. Будьте осторожны: после катастрофы охранные устройства могут вести себя непредсказуемо, а экспериментальные существа наверняка покинули свои клетки. И еще: вся система связи вышла из

строя, а Лаборатория находится слишком глубоко. Вы можете нас больше не услышать. Действуйте на свое усмотрение.

Дентон поднял глаза к лестнице, к открытому проему, откуда тянуло сквозняком. Он сделал шаг и споткнулся: под ногами лежал, раскинув руки, мертвый ученый.

Дентон склонился над ним – и услышал смех над головой. Он резко обернулся – но был совершенно один. Обман воображения. Дентон ощутил с неприятным удивлением щупальца страха внизу груди. Он медленно поднялся по лестнице, слыша, как под ногами плещется ледяная вода. В начале коридора он увидел охранную турель. Турель медленно повернулась к нему. Дентон едва успел перелететь через лестницу и упасть обратно, расплескивая лужи мутной воды. Ногу прошило раскаленной иглой боли: туда попала капля горячего свинца.

Боль уходила. Дентон швырнул в коридор гранату и поднялся вновь. Прихрамывая, видя океан в узких окнах на уровне головы, он сделал пару шагов – и отчего-то повернул голову. Ужас отшвырнул его к стене: голова монстра из темных глубин оскалилась темным гнилостным ртом, пытаясь достать безумца сквозь непрочное стекло.

Сквозь туман испуга Дентон заставил себя взглянуть еще раз и убедиться, что его вывело из равновесия просто сплетение подводного мира, удивительно напоминающее голову морского дьявола.

Воздух странно гудел – вибрировал...

Это не успокоило Дентона. Подводные растения оплели окно подобным образом не просто так. Морской дьявол был недалеко. В тишине он опять услышал леденящий душу смех. Паника взяла за горло, ослепляя волю.

Ну его к черту, это все! - прошептал он и побежал обратно, как испуганный ребенок. Стараясь не касаться темной воды, пугаясь звука собственных шагов, Дентон прыгнул в субмарину и поднял стекло. Немедленно он услышал голос Саваджа.

Джесс, мы рассчитываем на вас. Я знаю, что вы переживаете – но от этой экспедиции зависит все. Никому, кроме вас, не под силу ее завершить. Без этих схем вам лучше не возвращаться.

Дентон почти не слышал его. Он включил атомный двигатель – и положил пальцы на рычаги управления.

Здоровый, спокойный и сильный, естественный гул двигателя принес облегчение. Тишина-смех, это мерзкое

привидение, начало нехотя уходить, отпускать его душу, разбиваться, и было изгнано прочь горячим ветром турбин.

Пелена ужаса упала из его глаз. Дентон убрал руки от рычагов. Через минуту прошедшее уже казалось ему недоразумением, страх – глупым затмением, самообманом. Но… при мысли о том, что нужно опять идти туда – становилось холодно.

Дентон закрыл глаза, подумал немного и стал искать в Сети то что могло помочь. Музыка. Лучше не придумаешь. Какой-нибудь французский рэп начала века…

Это то, что нужно – то, без чего нельзя. Дентон слушал, ничего не понимая, почти с удовольствием. Он позволил себе заглушить двигатель и выбрался наружу.

Просто не выдумать ничего о том, что видишь – только и всего. Темная вода, кораллы за тусклыми стеклами – ну и что? Да, здесь тихо, достаточно пусто – неужели же он хотел, чтобы за каждым углом его ожидали растворенные или боевые роботы? Он совершенно один в лаборатории – и это к лучшему. Это прекрасно. Всякие зеленые дракончики не в счет.

И все же, нагоняла его мысль-предательница, летящая быстрей его неторопливой бесшумной поступи. СОВЕРШЕННО ОДИН. И никто не вернулся.

Дентон был уверен: впереди нет ни странных чудовищ, ни злых духов и привидений, и сам морской дьявол здесь ничего не позабыл. Те враги, что, быть может, поджидают его на пути, ему привычны, а значит, бессильны.

Но все-таки он боялся, несмотря на всю изнурительную борьбу с серым уродливым существом по имени Страх. Тот, кого страх настигает редко, испытывает его в эти редкие минуты особенным образом – и во сто крат сильнее. Потому что действительно есть чего бояться. Кто притупил в себе непобедимый, животный страх смерти – никогда не застрахован от вспышек УЖАСА – исходящего изнутри, или из нематериальной тьмы неведомого.

Дентон вслушивался в себя, как опытный кардиолог, для которого малейшее изменение в ритмах сердца обретает особый смысл. Чего он боится? Дентон зарядил обойму разрывных патронов и снял автомат с предохранителя. Или все эти нелепые рассказы, суеверные страхи ученых с Прибрежной Базы так на него повлияли?

Нет. Дентон вошел в первую дверь. Огромное крокодилоподобное существо оторвалось от кровавой массы на полу и совершило удивительно ловкий прыжок. Выпущенный из автомата заряд разорвал чудовище на лету.

Тогда что? Темнота, тишина, пустота? Те три мрачных спутницы страха, сущность которых во всей полноте чувствуют лишь дети? А взрослые пренебрегают и высмеивают до тех пор, пока их не оставляют наедине хотя бы с одной… Но ведь Дентон уже прошел через это – и сделал вид, что привык. Нет, что-то другое.

Дентон осмотрелся. В центре комнаты был вмонтирован бассейн, края его оканчивались на уровне пола. Странно, подумал Дентон. Зачем делать бассейн таким образом, чтобы упасть в него не составляло труда – как и выбраться из него… Видимо, это и совершила странная тварь. В дне бассейна Дентон усмотрел темный люк, ведущий непонятно куда. Не хотелось и предполагать, куда.

А может, он себя обманывал? Дентон слишком внимательно слушал глупое однообразие голосов в наушнике, держа тишь на дистанции. Возможно, то, что он считал Пустотой, было лишь ее подобием? А он тешил себя мыслью… Конечно, ведь полной пустоты не существует… в человеческом мире.

Дентон, сам того не хотя, бросил взгляд в черную бездну за широким окном-аквариумом. А разве этот мир – человеческий? И разве существует в природе, в мире, во Вселенной такая иллюзия, как *человеческий мир,* кроме той, что выдумана ими самими и возведена *над* миром?

Это даже не *его* мир.

Вдоль стены, вдоль Тонкого барьера, ограды от смутной безграничности, тянулся вмонтированный в металл стол. Его пустота была скупо замаскирована настольной лампой и парой книг, его непреодолимая чуждость была бездарно отвлечена парой диванов. Но Дентон не мог представить людей на этих диванах. Читающих книги, неспешно пьющих утренний кофе или ведущих мирную беседу перед сном.

Нет – никак. И это даже не смешно, кто бы ни собирался его ввести в заблуждение. Люди не подойдут к этим диванам – скорее только под действием изрядной доли алкоголя или наркотиков. Люди будут бежать. Если смогут.

Он не может бежать, хотя ничего не стоит немедленно прыгнуть в субмарину и исчезнуть в потоке. Дентон взглянул на книги, такие странные на этом столе. Гете «Лирика». Боб Пейдж «Последний вызов судьбе».

Поэтому нужно выяснить, что вызывает страх. Ведь можно бороться лишь с тем, что обнаружено, вырвано из тьмы. И Дентон, кажется, начинал понимать. Только мысль его была очень странной – очень… нерадостной.

Страх его – не страх перед чем-то? Страх пришел изнутри – и он известен человеку. Не каждому, конечно. Это ужас за целостность своего разума. Очень неприятный. Хорошо знал его древний проточеловек, который только вырвался из породившей его тьмы. И каждое мгновение грозило вновь бросить его в хаос неразумия. Только тот поймет весь этот ужас, кто не только обрел разум, но и столкнулся с опасностью утратить его. И так хрупкий, он будет уничтожен любым новым абсурдом, который не под силу ему…

Ты сейчас сядешь здесь, перестанешь быть собой и с равнодушными завороженными глазами пойдешь осматривать свой новый дом. Большой дворец под водой – он твой.

Дентон боялся не того, что он знал. Но вся тревога этой лаборатории, мертвых комнат и наслоений абсурда говорили об одном: он знает немногое. И здесь он может столкнуться с тем, чего не знает. Ощутит то, чего еще никогда не чувствовал. *Чего лучше не чувствовать и не знать*. И его слабый разум, хрупкая душа – может не выдержать. Не сможет выдержать?

Он сел, подчинившись неведомому приглашению. Открыл первую книгу.

«Нижеследующие записи представляют собой, в полном смысле этого слова, сошествие в хаос помраченной души, предпринятое с твердым намерением пройти через ад, померяться силами с Хаосом, выстрадать все до конца…»

«Прекрансая вещь – довольство, безболезненность, эти сносные, смирные дни, когда ни боль, ни радость не осмеливаются вскрикнуть, когда они говорят шепотом и ходят на цыпочках».

Дентон не успел положить книгу на место, как что-то случилось с его музыкой. Спасительная бессмыслица оборвалась. Голубым потоком в его сознание ворвалось нечто совсем другое. Мелодия, несущая послание. Специально для него – чем-то из темных глубин, в недрах которых он заперт. Она плакала и завораживала сознание – вот и все, что могут выразить в ней скупые слова. Они не скажут ничего. Сколько ни кусай губы в досаде. Но нужно услышать ритм – и увидишь мир в конце времен. И покажется, что понял Главное. Что ты – ничто, и с этим придется смириться. И это знание даст право бросить вызов – только уже по-другому. Когда никто не обманут. Ни относительно пути, ни относительно конца…

В каком-то месте, которое никогда нельзя уловить, музыка доходила до своего предела, до черты, где открывалось нечто необычайно волнующее и сильное. И вдруг в этот миг ее заглушил барабан: сильным, безукоризненным раскатом,

уверенным и подавляющим, как все простое и грубое. Дентон закусил губу от досады – мелодия потерялась полностью в том месте, где должна была перейти в *откровение*. Ее скрыли – от него. От мира.

Дентон избавился от мелодии, словно швырнул ее куда-то в сумрак, где она будет надолго забыта. А скорее всего, никогда и не найдена. Такова судьба большинства вещей мира, утерянных однажды.

Пулеметы действительно вели себя непредсказуемо. Дентону приходилось буквально на каждом шагу расчищать себе дорогу гранатами. Но стены даже не дрожали.

На втором уровне он нашел оружейную, ряд застывших полок, заполненных ящиками и продолговатыми предметами, и буквально обвешал се6бя оружием. Он хотел отвлечь себя любой привычной деятельностью. И чем дольше он это делал – тем равнодушнее. Явный признак того, что страх отступает. Надолго ли?

Он спустился еще ниже, попробовал открыть дверь. Но дверь, толстый лист стали, намертво приросла к стене, намереваясь бороться за сокрытое за ней. Дентон вернулся в оружейную. И взял противотанковое орудие. Опасно было использовать его в таком замкнутом пространстве.... Дентон отошел как можно дальше от запертой двери и послал ракету. Одновременно с выстрелом он отбросил ставшее бесполезным ружье и прыгнул за поворот тоннеля.

Гром оглушил его, огромная сила швырнула на стену, едва не выбив плечо. Он приходил в себя несколько минут.

Вставай, Дентон, - почудился ему чей-то голос. Не сразу Дентон сообразил, что это он сам подбадривает себя. Ну да – откуда здесь кто-нибудь живой?

Дентон поднялся, незаметно шатаясь, подошел к открывшемуся проему. Внизу темный коридор следующего уровня был залит водой метра на полтора. Холодной, неприятной водой. Вода накрыла даже искусственный насыпной газон на подставке, и постепенно вымывала грунт вместе с болезненно-светлой травой. Взрыв был настолько силен, что оглушил до смерти нескольких гризлов. Их неподвижные тела плыли теперь по прозрачной поверхности, маленькие и намокшие. Как плюшевые игрушки, подумал вдруг Дентон. И стало не по себе.

Он прыгнул в воду и уже в падении подумал, что она может быть под напряжением. Но догадка не подтвердилась. С трудом преодолевая сопротивление воды, Дентон добрался до соседнего проема, где дверь уже была вырвана неведомой

силой. Впереди немного пугала полная темнота, Дентон включил подсветку очков. Очки совсем не помогали.

Он был, как маленький мальчик, который, играясь, оказался в старой, дотоле неведомой ему части дома, и услышал, как за ним заперли засов. Сразу становится тяжело дышать. Только разница в том, что нет смысла кричать, звать кого-то на помощь. Здесь же нет никого.

Помни, что ты пришел сюда добровольно. Сам.

Прямо из воды ступени из непонятного вещества, не камня и не металла, а окаменевшего льда, выходили на сушу. Дентон прошел совсем немного, стирая непонятную влагу со щек, пытаясь унять ноющее сердце. За полуоткрытой дверью пространство сверкало и искрилось в голубых проблесках электрических молний. Возле стола с потухшим изумрудом терминала лежал человек, зажав что-то в руке. Содрогаясь от ударов тока в напряженном воздухе, Дентон присел возле этого… человека и заставил себя поднять его голову. Что-то не давало даже мысленно назвать его мертвецом. Это была защитная реакция на враждебности этой сумрачной комнаты, в которой этот незнакомый человек обречен был находиться до самой смерти.

Дентон всмотрелся в серое, почти синее лицо, сохранившееся, словно гипсовая маска. Он выключил фонарь, но лицо продолжало светиться фосфорной синевой изнутри. Дентон вдруг подумал об утопленнике, или о жертве, в которую паук уже впрыснул съедающий изнутри яд. Все этот проклятый синий цвет – цвет лунного камня на не знающей жизни планете. Можно не бояться, что он вдруг откроет глаза и испугает живого оскалом нежити. Время осыпалось на них хлопьями сизого сумрака, не делая различий между мертвым и живым…

И родилась скорбь. Скорбь родилась там, где жалости или отчаянию уже слишком поздно… Держа в ладонях космический холод окраинных туманностей, Дентон уже не чувствовал своих ладоней. Он ощущал их истерзанным лицом старого-старого мира, уставшим от вечного груза холодного молчания. Как существу, счастливому жить каких-то несколько десятков лет, понять эту извечную скорбь? Что стоит видеть восход и заход солнца в Вечном Повторении Одного и Того Же – и хранить косное молчание, и не в силах вырваться из этого круга… И что стоит бесконечность под покровом ночи, когда всему живому даровано благо спать или покоиться? Мир не может спать, пусть даже спит каждый его камень; он обречен слышать и существовать каждое мгновение ночи, каждое

Холодное и Темное мгновение ночи. Никто не освободит его от Бремени, от времени, никому не под силу охватить всю бесконечность Его Старости. Это знание лишит покоя любой разум. Освобождение придет когда-то, во всеобъемлющем взрыве… Но до этого Скорбь будет жить. В пещерах и в подземельях, в заброшенных замках и опустевших домах, в пустыне или на вершине одной горы человек может прикоснуться к Ней на миг, чтобы отпрянуть в изумлении и тревоге. Счастливый – он не знает, что Скорбь живет везде. В каждом камне, в каждой песчинке под луной этого *всегда древнего* мира.

Дентон посмотрел на предмет, крепко зажатый в последнем усилии окаменевшей руки. Шариковая ручка. *Просто* ручка.

Рядом тускло мерцал информационный куб. Недописанное, никому не адресованное послание.

А ты – слышишь это?

«*Не знаю, кто найдет это. Надеюсь, вы, ребята, из какой-нибудь спасательной команды, которая уже в пути. И надеюсь, вы вооружены. Я не знаю, что происходит. Но все пошло к дьяволу. Меня заблокировало здесь. Связь с ребятами из лаборатории прервалась, но я не решаюсь выходить отсюда.*

Какие-то нелады с напряжением – они возникли внезапно, ничем не вызванные. Мой терминал взорвался и потух.

Я слышал чей-то крик за стеной. Будто кто-то плачет. Честно говоря, мне страшно.

Вот опять какой-то шум. На этот раз за дверью. Нарастающий, не могу понять. Сейчас…»

Глава 7
Сон пустоты

Застылый свет, уснувшая вода, пепельный ветер, неподвижность. Этот погасший взгляд из-под приспущенных век был направлен в бесконечность, в невидимое, в тайну.

Сильвии Жермен

Стентон Дауд вышел из-под прозрачной установки, когда поток излучения иссяк.

Вы вскоре будете совершенно в норме.

Спасибо, Морган. Вы хотели что-то обсудить?

Да, самое время. Противоречия обостряются – до критической точки.

Вы о Дентоне? Что-то случилось?

Пока нет. Но Дентон скрылся в Океанической Лаборатории. Когда он вернется – если вернется – ничто не помешает запуску УК и производству Сомы. И до конца игры останется лишь одна серия. Последний шаг.

Район 51.

Именно он. Я уверен, что погруженное во мрак тайн и слухов место его рождения призовет его. Он захочет спуститься в пустоту Района Х-51, по сравнению с которыми Океаническая Лаборатория спокойна и уютна. И тогда ему предстоит сделать выбор.

Какой выбор? Разве мы сами не хотели, чтобы после воссоздания УК он проник в Район 51 и убил Пейджа, уничтожив Маджестик-12? Или вы думаете, что после всего, что он сделал и видел, Дентон откажется от последнего шага? Никогда.

Не откажется, хоть Пейдж и откроет ему глаза на кое-что, кивнул Эверетт. - Он доведет игру до самого конца, это точно. Но каков будет этот конец – решать ему. Он сам устанавливает правила и меняет их, вот в чем проблема. Я не сразу оценил его полностью, признаю. Но мы уже давно стали игроками второго порядка, как и Пейдж. Мы влияем *косвенно*. Наше преимущество в том, что мы это уже поняли, а Пейдж еще нет.

В чем такая важность этого Дентона? - удивился Дауд. - Ну да, он многое сделал, но ведь это могли сделать и другие... Он же просто одинокий человек, все его союзники – случайны. Вы же помните, Морган, наш верховный принцип: личность – ничто против организации.

Наша доктрина дала сбой, это частный случай, его корни – в неуловимой и удивительной судьбе, - пожал плечами Эверетт. - Для него просто не существует препятствий. Его невозможно убить. Это граничит с мистикой. Но это ничего – он ведь и задуман был как неуязвимый убийца. Беда в том, что он слишком самостоятелен, быть просто орудием для него оказалось недостаточно. В нем словно живет какой-то дух противоречия, который пробуждается даже тогда, когда в нем нет необходимости. Он будет решать сам, поверьте. А теперь от него зависит все.

Ничего хорошего такой расклад не предвещает, - согласился Дауд. - Но ведь нет лучшего выхода, чем убить Пейджа и вместе с нами строить новый мир. В этом пути есть и

относительные гарантии, и безопасность, и наименьшие потери.

Это для нас с вами, Дауд. Для людей, которые видят мир в целостности и способны заглянуть за горизонт. Насколько я понял, власть его не интересует. Безопасность, ценность собственного существования для него тоже вещи тривиальные. Он не понимает значения того могущества, той Судьбы, исполнителем которой он стал по случайности на краткий срок.

Чего же он хочет?

- Я еще не понял. Но это – самое важное. Если мы поймем, что ему нужно, то сможем управлять им. Не будет преувеличением сказать, что это – и самое трудное. Полагаясь только на убеждение и посулы, мы можем потерпеть поражение.

- Как бы то ни было, - Дауд надул румяные щеки, - а что он еще может сделать, кроме как убить Пейджа?

- Морган Эверетт усмехнулся мрачно.

- О, гораздо больше, чем может показаться. Например, вы же знаете, что есть способ уничтожить разом весь Район 51, отключив систему охлаждения атомных реакторов?

- Дауд посмотрел на Эверетта, как на больного.

- Но ведь это сердце мировой информационной системы и связи! Это же… мировой коллапс… - закончил он шепотом.

- И все же я не исключаю этого варианта. Он может пойти и на это – опасный и непредсказуемый, очень странный человек, чьи цели и амбиции мне неведомы. Вдруг он поймет всю драму возможного конца и предпочтет другой конец, ненавидя технотронный мир, его породивший? Я это говорю не просто так. Я говорил с Трейсером Тонгом из Гонконга. Этот сумасшедший китаец, хотя и сам ученый, приблизительно так и мыслит. Он знает о реакторах Х-51 и наверняка предложит Дентону рассмотреть этот вариант.

- Это было бы худшим выбором. Сумасшествием!

- Для мира, пожалуй, да. Хотя и это неизвестно. Но для нас есть варианты и похуже. Секреты Района 51 дадут неограниченное могущество тому, кто сумеет к ним добраться. Дентон может решить по своему распорядиться УК и Ра. Или… Как вам такой вариант: Дентон расправляется с Пейджем и возвращается. И принимается за нас, готовя ту же участь, что и Пейджу.

- Ну, мы этого не допустим, - ответил Дауд уверенно.

- А что вы сделаете? - Эверетт спросил с грустной, снисходительной улыбкой.

- В этом случае мы остановим его. Уничтожим его... - Дауд потерялся в размытых предчувствиях.

- Эверетт покачал головой.

- Вы это говорите после того, как мы только лишь вышли из укрытий, где прятались, как мыши, и вышли благодаря именно ему? Вы правда полагаете, что у нас получится лучше, чем у Саймонса с его командой зомби? Нет... Это чудовище нельзя остановить, пока его существование угодно судьбе. И вообще – Иллюминати достигли своего могущества благодаря другому.

- Ага, вы что-то придумали, Эверетт. Надеюсь, это не то, о чем я подумал.

- Прямой удар здесь будет бесполезен. Наш удар должен быть неожиданным – и в спину. *Наш удар*. Нужно выбрать момент, когда никто не будет ждать...

- Но ведь Дентон не показывал пока враждебности. Возможно, он все сделает так, как нужно.

- Вряд ли. И в любом случае, мы не можем рисковать. - Эверетт сплел пальцы. – Мы подумаем, что сделать... Дентон войдет в Район 51. Наша задача в том, чтобы он там остался. *Чтобы выйти было невозможно*.

Дауд вдумался в слова компаньона. Сам план понравился ему своей простотой и надежностью. Но все же на душе было неспокойно. Речь шла о человеке, который был ему в чем-то симпатичен. Дауд искал пути к отступлению.

- Но его друзья могут нам помешать.

- Друзья? - Эверетт изобразил удивление. - Какие друзья? Сумасшедший пилот, который всегда себе на уме? Или больной Серой Смертью китаец? Брат его мертв. А об этих – мы позаботимся о них. И даже их я назову друзьями с оговоркой. Он одинок, поверьте мне. *Он совершенно одинок*.

Последние слова странно улетучились из пространства, словно впитались мерцающей плоскостью мониторов.

И в конце он останется один, - добавил Дауд, глядя поверх головы Эверетта.

Да, - Эверетт удовлетворенно кивнул, понимая, что его компаньон, наконец, победил сомнения и пришел к решению. - Мало кто вспомнит, и уж точно никто не пожалеет. А кое-кто, попомните мое слово – кто-то еще поблагодарит нас.

***

В пространной, емкой трехмерности, вырубленной прямо в черном теле подводных скал, были проложены железнодорожные пути, уходящие в глухие тупики, стояли

брошенные вагоны, наполненные гулкой пустотой, и ходили целые стада изголодавшихся монстров, давно исчерпавших запас трупного мяса. Два каркиана, отделенных от пришельца парой путей, увидев Дентона, помчались к нему огромными прыжками, храня при этом неприятное молчание. Дентон поднял рычаг напряжения на стене, и пространство между путями наполнилось голубыми нитями электричества, рвущимися в высоком напряжении и зримыми только для него. Животные попали в синюю гибельную зону – и были убиты.

Дентон замер на островке безопасности, осматриваясь. Он стоял в начале огромной, высеченной внутри океанической горной породы пещеры, будто огромным смятым черным одеялом. Бурильщики работали неаккуратно, в спешке: внутренняя поверхность этого грота вся была в неровностях и острых, почти режущих выступах.

Скорбь сменилась отвращением: Дентон почувствовал неприязнь к этим стенам. При слишком долгом взгляде уходящих в недра тоннелей приходило воспоминание о лабиринтах Минотавра или об Одиссее, плывущем сквозь пещеру чудовища Сциллы. Только никаких чудовищ здесь не было: просто неприятно и очень опасно, причем опасность исходила из источников, созданных самими людьми. Тогда, когда люди еще были здесь.

В стене, укрощенной кое-где огромными черными камнями, Дентон нашел небольшую светлую комнату. Здесь стояли две койки, стол, стул… У кого-то хватало мужества спать здесь… и не слушать донных сквозняков из недр пещеры. Может, здесь и было тепло когда-то… И звучал смех?

Нет, смеха не было никогда…

Сейчас, видя рядом с нетронутой постелью еще одного мертвеца, Дентон не очень-то верил в это. Необычное впечатление создавала странная комбинация предметов на столе: разбитый надвое портрет Президента, упавший, наверное, со стены. Меч «Зуб Дракона», переливающийся в спокойном течении голубого пламени – как он здесь оказался? Шоколадка, недопитая бутылка пива… Запись в кубе с данными. Еще одно абсурдное наслоение, в котором внешне нет ничего абсурдного, но… За формальной бесцветностью едва сдерживался поток чего-то невыразимо зловещего.

Дентон прочел запись, смахнув остатки портрета на пол.

«Ридли был предателем. А я думаю, он был просто псих, у которого крыша поехала в этой чертовой лаборатории. До сих пор не могу понять, как ему удалось обмануть нашу систему

безопасности и заминировать территорию. И куда в это время смотрела наша охрана.

После взрыва мне показалось, что лабораторию уничтожило полностью, так он был силен. Почти все двери оказались заблокированы, и я не исключаю, что мне одному удалось пока спастись.

Если вы найдете эту запись и дочитаете до этого места – черт с остальным, убирайтесь как можно скорее. Не пробуйте проникать еще дальше! Все равно вам уже никого не спасти. Те, кто был жив сразу после взрыва, наверняка погибли в первые же минуты. Хищники покинули свои клетки, роботы-пауки начали поджаривать все, что было живо или просто двигалось. Кстати, интересно, в каком состоянии в этот момент, когда вы читаете, нахожусь я… Вы нигде не видите там трупа в белом халате поблизости? Ему еще не отгрызли голову..?»

Дентон оторвался от чтения, провел пальцами по столу, посмотрел на пальцы. Пальцы, холодные сгустки косной материи.

«…Я буду сидеть здесь тихо и надеяться, что эти твари меня, может быть, и не найдут. Слабая надежда. Даже двери нет, чтобы я мог закрыться. Эту лабораторию строили кретины на скорую руку. Им было лень поставить лишнюю дверь, а теперь это может стоить мне жизни. И оружия нет, кроме странного меча – ладно, я и не умею ним пользоваться».

Дентон едва уловил легкий шорох за спиной и стремительно обернулся. Огромному каркиану удалось подобраться почти вплотную: он уже был в прыжке. Дентон увернулся в последнее мгновение: схватив меч со стола, он ударил хищника и удивился, с какой легкостью меч отсек чудовищу голову. На лезвии не осталось крови: его пульсирующий свет был по-прежнему безупречен. Дентон прицепил меч к поясу и вернулся в пещеру.

Будто преодолевая могучую преграду, к его разуму с усилием подобралась серая мысль существа, которое уже не было ни Дедалом, ни Икаром. Ра…

- Да, вы отправитесь в Хранилище УК и поможете мне получить доступ к нему. Да…

- Показывайте дорогу, Дентон, - остаточный шлейф шепота Искусственного Интеллекта вынес на себе бодрый голос Пейджа.

Становилось очевидным, что эта экспедиция принесет пользу не только Саваджу. Сам того не желая, он собирался сыграть на руку и своим врагам. И с этим ничего не поделать.

Дентон побежал вдоль путей, пригнувшись слегка под Жандармом – устройством, которое он видел всего пару раз в жизни и в очень специфических местах. Жандарм – огромный пулемет с детектором, который улавливал источник любого выстрела и ликвидировал этот источник. Жандармов разрабатывали для общественных мест, чтобы быстро разбираться с уголовниками и террористами. Но они себя не оправдали – слишком высокими оказались сопутствующие жертвы. Кое-где они пригодились…

Он остановился напротив настоящих бронированных ворот. Ворота открылись автоматически при его приближении. Он срезал на лету выскочившую из неизвестности зеленую тварь и вошел. Услышал, как закрылись позади тяжелые ворота. Прошел по совершенно темному коридору – и попал во *вместилище синего*. *Вместилище черного* закончилось.

Кому покажутся серый и черный цвет цветами грусти? Нет. Они констатируют реальность, им все равно. Серый – это разбавленная временность, текущая ущербность мира, черный – предел. Бесстрастный, равнодушный цвет холодной отчужденности, *серый* – самое большее – цвет апатии, железных решеток и бетонных клеток. Ну а *черный* – в нем можно узреть все, но не видят ничего. Тайна за семью печатями, неразгаданное, бесконечность. Черный – цвет покоя, цвет вселенской иронии, оскал судьбы, меж губ которого веет могильный холод.

И только в синем – никогда не завершенная грусть. Прозрачность слезы на рассвете постапокалиптического мира, темная синева выжидающего океана – голубая планета, породившая жизнь… и смерть.

Дентон так надеялся, что все же встретит оставшегося в живых где-то в глубинах лаборатории, хоть кого-то, кто рассеет мрачную иллюзию. Но все его надежды рухнули, стоило сделать шаг в Покойную Синеву. В разделенной на секции комнате лежал мертвый богомол, прямо из пола вырывались столбы пара. К его шипению примешивался знакомый звук – постукивание металлических ножек роботов-пауков.

Дентон тревожно вслушивался, надеясь уловить что-нибудь еще. Пусть это будет крик призыва на помощь, пусть даже крик боли или нервный бег… Напрасно. Все случилось до него – задолго до него. В слегка затуманенном воздухе не угадывалось ничего человеческого. Более того – здесь не было ничего естественно-природного.

Обходя паровые столбы, странно горячие в стылом холоде этих помещений, и мертвые тела с раскинувшимися руками,

уже лишенные зловещего смысла в своем множестве, Дентон вошел в бесконечно просторный зал. Он ощутил себя на дне очень глубокой шахты по добыче радия, или внутри высокой горы, в самом ее дне. Потолок был где-то очень высоко, его очертания нельзя было рассмотреть во всей четкости. И это пространство давило на него, вместе со знанием того, что это пространство в свою очередь заперто на дне под непроницаемой массой вод.

Все это заворожило его сознание.

Возможно, он все это придумал, подумалось Дентону. Воссоздал все страхи из пустоты, внушил себе и заставил себя поверить в них, чтобы как-то оправдать страх, почти ужас других. Но чего боялись они? Не этого, он был почти уверен. Они пали, безоружные, перед давшей сбой системой безопасности и опасными роботами охраны, и уж совсем непривлекательными хищными животными-мутантами. То есть их волю парализовало все то, на что он, Дентон, вообще обращает мало внимания. Тогда как взгляд надолго замирает на чем-то недвижном, неизменном, совершенно безобидном.

Люди испытывают страх перед кем-то или перед чем-то, попытался он помыслить здраво. Но ведь не могут они бояться *ничто*.

Только весь его ход мысли рассыпался под разрушительным действием вибрирующего эха, наполняющего все пространство этого зала, которому даже здесь было тесно. И вид множества мертвых по всему залу вокруг высочайшей колонны, подпирающей потолок в центре, не способствовал воцарению того хладнокровия, которое не покидало раньше Дентона почти никогда. Солдаты, ученые в белых халатах и человек в черном костюме, и даже несколько растворенных – все они чего-то испугались, сильно испугались перед тем, как умереть. Солдат не думал о защите, его автомат валялся, брошенный, в десятке метров от того места, где гибель настигла его самого.

Они испугались чего-то – а не кого-то, Дентон был уверен. В этот миг постукивание металла о пол, похожее на удар молоточка о наковальню, стало очень отчетливым и близким. Дентон сжал в руке гранату и, собравшись, осмотрелся по сторонам. Слишком много ниш, темных углублений, неровностей и колонн в этом зале, чтобы предусмотреть, откуда придет опасность. Вдали Дентон увидел характерный блеск, напоминающий блеск стоячей воды.

Из-за колонны очень медленно выполз робот-паук, только… Не похожий на тех, жителей подземных мирков, с

которыми он встречался ранее. Этот был огромен, под стать величине пространства зала, и нависал над Дентоном, как гора. Дентон бросил гранату, потом еще одну, и в прыжке едва увернулся от концентрированного электрического разряда убийственной силы. Паук был слишком медлителен, чтобы ударить стальным когтем. Он поразительно напоминал настоящего паука, чудовище, полное ненасытной агрессии.

Взрывы разнесли паука на отдельные сочленения, где-то далеко на его последний крик откликнулись дробным стуком его мелкие собратья. Вместе с ним разорвало и ближайший труп – когда дым рассеялся, стена была в чем-то темном и влажном.

Дентон обнаружил, что упал прямо у ног мертвого ученого, который умер в треснувших очках. Лицо мертвого не выражало страха – не выражало ничего. Но тем хуже. Он тоже бежал куда-то: совсем не туда, куда следовало, куда-то к уступу в стене, к тупику... Не исключено, что теперь уничтоженный страж этого зала, огромный паук, и стал причиной гибели их всех. Но его не испугались бы так... Солдаты начали бы стрелять, они должны иметь при себе взрывчатку...

Это навсегда останется тайной. Однократная гибель всех и сразу, не только на станциях где-то среди снегов и в лабораториях под землей, но и целых цивилизаций – в мгновенном, молниеносном акте неведомой катастрофы... И пришедшие позже наблюдатели будут только разводить руками, вслушиваясь в насмешливое молчание погребенных пространств. Им не постичь никогда ничего, кроме отдельных фактов, правдоподобных теорий, неполных картин... Правда открывается лишь раз – и лишь тому, кто уж не передаст ее. *Участнику*. Это к лучшему. Зачем лишать покоя тех, кто только обрел покой, зыбкий, в утешительном каждодневном самообмане: «*Я знаю о мире. Мир – то, что я о нем знаю...*»

Да нет, тут все объяснимо. Дентон попытался начертать себе картину происшедшего. Солдаты делают обход в составе патруля, бок о бок с роботом-пауком, привыкшие к нему настолько, что уже не замечают зловещего постукивания. Перебрасываются ничего не значащими фразами. Ученый, видно, идет куда-то из одной лаборатории в другую. Он очень занят, ему еще многое предстоит успеть за день. День, ночь определяются только по часам. Здесь, в свете тысяч мелких ламп дневного света, вечный день. Лампы квадратные, встроенные высоко в стены, будто окна, едва сдерживающие безудержный поток солнца.

Нет, скорее бесконечная ночь.

Никого из этих людей не смущает незащищенность внутри этой огромной шахты, им вполне уютно, ведь они привыкли, и они вместе. И вот в момент, никем нежданный, стены дрогнули, пол зашатался, как во время землетрясения, всех их швырнуло на землю, возможно, оглушило на миг. Вдобавок, робот-паук, которого они уже давно не замечали, начинает жалить их электрическим током до смерти. И автономные турели начиняют свинцом теперь уже все, что движется… Самое время сойти с ума. Конечно, они обезумели. Всякая трезвость мышления их покинула, они просто бежали… Разве не так? Бежали, куда глаза глядят…

Не слыша насмешливого шепота за спиной, высоко над куполом и… Нет, не оттуда. Вот там, выше, где-то на полпути от подножия к куполу, из темного проема исходит нечто, вносящее замешательство.

Там ничего не было, Дентон уверял себя. Но раз маленький открытый лифт, несущий туда, работал, он не может пройти мимо. Ведь ему неизвестно точно, где это хранилище УК. А пропустить его нельзя.

Лифт поднимал его медленно, словно давая возможность осмотреть синий зал во всей его зловещей грандиозности, подчеркнутой видом маленьких тел и радиоактивным блеском воды у дальнего его края, там, где был главный лифт. Вода была темна, вообще не прозрачна, это отнимало всякое желание идти с ней на контакт.

Лифт поравнялся с темным, почти осмысленным проемом, откуда сразу же выбежал маленький стальной паук. Дентон рассек его надвое ударом меча и вошел.

Встроенная на большой высоте в тело стены комната, почти нора, чем-то напомнила ему своей теснотой и ветхостью бункер парижских катакомб. Тот же сумрак и спертый воздух, но только подсвеченный каким-то багрянцем. Кожей рук, шеи и лица он ощутил неприятный зуд, но не придал ему значения. А вскоре стало ясно, что придавало воздуху красноватый оттенок.

Вся дальняя часть норы была наполнена канистрами, прозрачными контейнерами, такими, в которых Коалиция получала Сому. Сотни контейнеров обступили Дентона в сумеречном тумане. Здесь была и Сома – несколько канистр в ореоле изумрудного сияния, которое не меркнет. Но это сияние почти терялось в ядовитом свете красного вещества, наполнявшего почти все емкости.

Красный цвет этих бочек – слишком светлый, слишком холодный, чтобы быть цветом крови. Нет, другой… Воспаленный оттенок раковой опухоли.

Нетрудно было догадаться, что он нашел в этой норе, в которую не захочет заглянуть ни один человек, не зависимо от состояния рассудка. Это и есть Серая Смерть. Он ожидал увидеть ее серой, или черной, но не такой отвратительно-алой. Конечно, вирус на самом деле был равнодушно-бесцветным, ему не нужен был цвет, чтобы превращать существование жизни в безысходную муку. Но его окрашивали, чтобы ни с чем не перепутать. Чтобы он кричал издали: осторожно! Уходи! И они знали, какой оттенок ему придать.

Катастрофа оставила здесь много вируса, которым они уже никогда не воспользуются. Он останется здесь навеки-вечные, под водой, в непроницаемых и сверхпрочных изоляторах, которые не под силу океану-разрушителю. И тот сумасшедший, который взорвал лабораторию, возможно, знал это. Возможно, он знал гораздо большее и хорошо понимал, что делает, принося в жертву своих товарищей. И себя.

Было бы интересно поговорить с ним.

Дентон почувствовал какую-то мутную пленку у себя на глазах. Зуд на коже стал ощутимее и перешел в боль. Слишком поздно он осознал, что это радиация. Коварным вампиром ждала она всякого, кто желал взглянуть на запретное. Дентон побежал к лифту и слабеющей рукой вдавил кнопку со стрелкой вниз. Оказавшись внизу, он прошел несколько метров, перешел на шаг и упал, пораженный слабостью, на спину.

Он вдруг подумал о своем полном сходстве с теми мертвыми, что лежали сейчас, никем не помянутые, вокруг него. Мир над ними стал вращаться, сначала едва заметно, затем все быстрее и быстрее. В конце концов он стал единой танцующей серой массой вокруг единственно незыблемой точки – его глаз…

Прошли миллиарды лет, целая Вечность. В космосе не осталось никого и ничего, холодный мир давно растворился в собственном холоде. Его оплел плотный кокон, из которого никогда не выбраться, нечто парализовало его конечности – и волю.

Он поплыл в холодных просторах Вселенной, в тугом сером коконе с серым лицом и серыми недвижными глазами – просто двумя зеркалами, отражающими черноту космоса. В бездонных глубинах ничто родилась музыка без смысла и без надежды.

Он ждал ее – и начал петь…

***

Он бежал по черной дороге, у которой не было четких очертаний, и непонятно, где именно она переходила в окружавшие ее дома без окон. Дома вскоре сменились острыми низкими скалами, потом – просто холмами, потом исчезли совсем. Дорога просто шла лентой в сплошной черноте, уходившей из-под ног и замыкавшейся где-то над головой. Наконец, и сама дорога закончилась: он замер над бездной, наполненной мириадами звезд. Звездная пыль обнимала все, начинаясь далеко внизу и теряясь в вышине, которая недостижима и сама является подножием. Звезды поплыли над ним, вокруг него, и постепенно взяли его в кольцо. Он стоял просто в пустоте, в глубинах вселенной, вдали от мира твердой материи, в сердце великой звездной сферы. Он мог прикоснуться к звездам, но, к его удивлению, это прикосновение причинило боль.

- Даже не думай, - вдруг услышал он знакомый голос и только теперь заметил, что в звездном кольце он не один. Рядом, расставив руки и ноги, будто опираясь ними о пустоту, завис обнаженный, белый человек с какими-то смытыми, искаженными чертами. Его тело было полупрозрачным, будто истаявшим, и дрожало в мареве, словно плавилось, теряя постепенно свою форму.

- Кто ты? - спросил он, но, не успев получить ответ, понял, что это – Боб Пейдж. Точнее, был некогда ним.

- Ты опоздал, - произнес полупрозрачный силуэт. - Я уже больше, чем просто человек.

- То есть, ты хочешь сказать, что окончательно растворился?

- Скоро я буду чистым светом, чистой энергией! Я буду гореть, как самая яркая звезда!

- Гореть ты будешь, это точно.

- Посмотри на себя. Ты не что иное, как маленький человечек, человечек, который по-прежнему живет внутри своего тела. Потеряешь свое тело, и кто ты после этого? Ничто! Ты исчезнешь. Ты – умрешь.

- А ты уверен, что не ошибаешься? Ты почти растаял, и кем ты станешь после этого? Интересно, твоя сущность сильно изменится?

- Мой разум сольется с Ра, все знание, вся мудрость мира будет охвачена мною в едином акте...

- Ты выдержишь? - почему-то Дентона сейчас это интересовало больше всего.

- Ты не остановишь меня. Я окружил себя звездным барьером, он убьет тебя при приближении! - тощий призрак говорил, даже не открывая искаженного рта.

- Ты имеешь в виду эти звезды? Но кое-что ты не предусмотрел, Пейдж. Ты ведь сделал процесс преображения обратимым, ведь так? Ты боялся, что неудача все же возможна, и предусмотрел путь отступления, к спасительной форме хомо сапиенс…

Пейдж не отвечал, ощутив угрозу.

- Напрасно, Пейдж. Смотри.

Он поднял ладонь, обратив ее к звездам. И во мгновение из пустоты образовалась мерцающая небесным золотом схема из непонятных линий и символов. Он прочел ее в целостности, охватив одним взглядом, затем нарисовал пальцем линию, соединив две точки в пустоте. Линия осталась, вспыхнув золотом. Затем схема исчезла.

- Что ты сделал? - вскричал Пейдж в панике.

- Ничего. Просто замкнул пределы. Превращайся, но знай: стоит тебе почти раствориться, и процесс пойдет в обратном направлении. Но стоит тебе стать тем, что ты есть уже, вот сейчас – и преобразование начнется вновь. Повторяющаяся, замкнутая в себе метаморфоза: вечное повторение одного и того же в худшей его форме, не достигающее уже и человека, но никогда не переходящее в новую форму жизни. Бесконечное превращение, и ты ничего не сможешь сделать. Это достаточное наказание за все то, что ты совершил, и что хотел…

Он отвернулся, но крик отчаяния окликнул его.

- Нет! Глупец, вместо меня придут другие, но справятся ли они с тем, чего почти достиг я? Дело не во мне – не в тебе… Стремление будет живо, пока не станет поздно… За что ты ненавидишь меня? За то, что я дал тебе жизнь? Или за то, что я пытаюсь спасти жизнь этого чертового мира..?

- Что? – он обернулся удивленно. Искаженное полупрозрачное лицо уже не вызывало отвращения – вместо него пришла жалость, и какое-то чувство вины. Он, кажется, приговорил только что кого-то страдать ВЕЧНО. Кого? Какое он имел право? Надо что-то срочно сделать!

- Лучше убей меня… - услышал он шепот в подтверждение.

Он вновь поднял ладонь, но ничего не произошло. В растерянности он пытался возродить золотой рисунок вновь и вновь, но черная пустота теперь оставалась неизменной. Он с ужасом понял, что совершил непоправимое. Жалость

смешалась с отчаянием. Глубоко изнутри, из далеких глубин поднялись новые, незнакомые страхи.

Вдруг звезды начали падать, осыпаться вокруг него. Тело преображенного призрака тоже упало в бездну без крика, словно кукла, словно голограмма, как емкость с пустотой. Там же исчезла последняя звезда. Он остался стоять внутри пододвинувшейся вплотную черноты, опираясь ногами в пустоту. Еще не ослепленное внешней тьмой сознание наполнилось равнодушием космоса. Он удивился, как мог чувствовать что-то мгновением раньше.

Еще миг, похожий на вечность – и он понял, что вынес приговор себе. Это он теперь обречен вечно плыть в лишенной смыслов тьме, скованный ею, но не спящий… Странно, но это знание не вызывало ни паники, ни страха. Он остался равнодушнее камня. Будто он ожидал этого…

***

Дентон открыл глаза, поднялся на ноги легко и безболезненно. Мысль о том, что он лежал здесь, под этим куполом, в беспомощном сне или беспамятстве, заставила его содрогнуться. Кажется, что-то снилось ему… Невозможно было вспомнить, что именно.

Краткий сон не придал сил. Наоборот, Дентон ощущал, как пространство-вампир с каждым шагом высасывает из него силы. Он плотнее завернулся в плащ и подошел к темной воде. Подводное течение неторопливо перемещало трупы куда-то вниз: видны были лишь их спины. На самом краю этого странного водоема было место, обозначенное на схемах Тиффани как главный лифт. Судя по карте, цель уже совсем близка. И непонятно было, почему все, включая Пейджа, считали ее такой недостижимой.

Лифт вынес его к мосту. Но, лишь ступив на мост, Дентон замер над пропастью. От моста остались лишь оборванные края с каждой стороны, в центре он был разрушен, сокрушен взрывом. Необычайно гладкий материал не давал ни малейших надежд зацепиться за противоположный берег, воспользоваться шнуром… Некто хотел, чтобы УК навсегда остался недостижим для людей. Люди не полезут за ним в ад.

Дентон стал на краю и оценил расстояние до противоположного края. Нужно прыгнуть очень далеко – а если сорваться, внизу ожидала та самая черная вода. Дентон не согласился бы коснуться ее, отдать себя ее воле – даже на миг. Но выбора не было.

Он собрался, пытаясь вернуть ногам прежнюю, еще не истощенную этой экспедицией силу. И всю ее он вложил в прыжок. Тот самый, который не сможет повторить никто.

В полете у него выросли крылья – черные вороновы крылья, как у демона. Может он и есть демон. Он взмахивал этим крыльями – медленно, размеренно, раз-два… Воздух дрожал и колебался от движения крыльев, человек содрогался и превращался. Прозрачный. Потемневший, но прозрачный образ-контур человека.

Дентон не долетел до обломанного края моста, но в последнее мгновение ухватился рукой за согнутый опорный прут, торчащий вниз, как сломанный клык. В мгновение следующее он намертво прирос к камню, почти поцеловал его, и медленно выбрался на поверхность.

Они посылали сюда поисковые отряды. Они хотели отправить сюда девушку. Они могли бы отправить сюда самого черта. И не знали: даже если все дюжины смертельных опасностей за спиной пройдены, на мосту придется остановиться, если не умеешь летать. Ведь мост разломан, а больше нет пути.

Его прыжка не повторил бы никто, подумал он со страхом. Но мысль тревожно ушла дальше. Повторит ли его он сам, когда придет время возвращаться?

Не забивай голову. Ты не будешь возвращаться.

В седой неопределенности он уже угадывал впереди пламенеющую синеву УК, которую он видел лишь однажды, в подземном мире Гонконга. Только здесь она уже не вызывала ни чувств, ни ассоциаций. Ровным счетом никаких. Экспедиция выхолостила его до основания, дотла.

Увидев мертвое тело с потемневшими пятнами крови на спине, Дентон замер на пороге Хранилища, не решаясь войти. Затем метнул в пространство свой боевой нож. Нож, пущенный, словно из пращи, не долетел до стены, смятый ураганом пуль сразу с обеих сторон. Неуправляемые турели уничтожили здесь все живое в первые мгновения катастрофы. Ученые, несчастные жертвы, не успели даже подарить друг другу прощальный взгляд. Последний взгляд… каков он?

Он слишком долго не слышал человеческой речи. Эта мысль родилась, как тоска. Целую вечность он идет в молчании. Оно давит, оно угнетает. И не хочет отпускать.

Дентон забросал маленькое помещение гранатами, пытаясь не думать о разлетающихся вместе с обломками стали и пластика кусках трупного мяса. Пока гром разрывал пространство, Дентон приник к земле и безмолвствовал, боясь,

что взрыв окажется непоправимо силен. Но стены лишь дрогнули слегка, грохот затих, осталась тревожная, слишком серьезная, без иронии невесомая музыка. Он встал и прошел уже не пригибаясь среди потухших разбитых экранов пустой, мертвой лаборатории. У него не осталось больше гранат. Желания бороться – тоже. Это ДОЛЖЕН быть конец.

За лабораторией начинался новый мост, очерченный лампочками яркого света по краям. Этот мост остался цел, но Дентон шел по нему, как по непрочному канату.

Он нашел Хранилище УК. Под стеклом, разной величины и формы, живым огнем горели реки голубого пламени. Они придавали пространству иллюзию вечернего сумрака на берегу моря после захода солнца… Здесь было почти уютно.

Единственный терминал изумрудом, ярким и вневременным, мерцал мирно между двух прозрачных секций УК. Тот, кто готовил катастрофу, не уничтожил самого главного.

Дентон сверился со схемами, убеждаясь, что он действительно у цели. Да, это должен быть тот самый компьютер.

Он погрузился в его мир, мир символов, сигналов и знаков, угрожающих и инертных, растворил свое сознание в их океане… Проснувшееся Эхо обнадежило его. На связь на этот раз вышел сам Савадж.

- Я получил те программные компоненты к УК, которые мне были нужны, и на всякий случай оставляю копии в вашей базе данных. Это именно то, что нам нужно. Наш Универсальный Конструктор начнет функционировать в течение часа. Возвращайтесь на прибрежную Базу. Я и Джок встретим вас прямо на берегу.

В течение часа – не поздновато ли? Возвращаться… Облегчение от сознания достигнутой цели быстро сменилось тревожным напоминанием об обратном пути. Он будет? Не то, чтобы… Просто ему не дадут уйти так просто. Он это чувствовал.

Второго удачного прыжка не получилось, как он и подозревал. Падение в черную муть затянулось, у него даже было время вспомнить о многих вещах, о которых не хотелось вспоминать. Дентон утешал себя мыслью, что он упадет не на твердый камень, а всего лишь… в воду.

В воде не было ничего, что соответствовало бы ее отталкивающему образу. Немного теплая, маслянистая жидкость, хоть и приютившая мертвецов – только и всего… Все же Дентон вздохнул с облегчением, покидая ее.

Он уходил, отряхивая плащ, не внимая шепоту синего, хоть и поблекшего пространства в нежилой пустоте вокруг него. Эту короткую вылазку на дно океана он не назвал бы громким словом «экспедиция»…

Он назовет ее ночным кошмаром, о котором нарочно не вспомнит никогда, но который напомнит о себе нечаянно, разрушив когда-нибудь иллюзию покоя. Если это «когда-нибудь»… Понятно.

Дентон покидал эту чертову лабораторию, одаренную печатью дьявола, но не грустящего Люцифера, а смеющегося зла. И он уходил не просто так. Он уносил знание. Наконец-то. Видение своего истинного ничтожества, без прикрас, понимание того, что его могущество, могущество человека, всегда было и будет только иллюзией. Какой бы высоты он ни достиг – она сама раздавит его, если он не готов нести ношу. А он не готов… И достаточно одной катастрофы, чтобы смести все то, что уже объявлено незыблемым.

Что-то приоткрылось ему… никогда не выразимое словами. И укрепило изумленное понимание: всего не открыть никогда. Никогда. Главное – осознать свое незнание. Мир – не то, что мы видим. Мир – безумная безмерность, в темной бездне которой мы выхватываем ничтожную малость лучом нашего сознания. А большего оно не выдержит. Пока.

Дентон зашел за колонну, прозрачная копия Пейджа помахала ему рукой.

- Иди сюда. Я хочу тебе кое-что сказать.

Только сейчас он заметил в нише, на которую сразу не обратил внимания, розу коммуникатора. В лице Пейджа, как всегда, нельзя было выявить определенного выражения.

- Дентон, ты не задавал себе вопрос хоть раз, почему ты жив до сих пор? Ты даже не представляешь, как ты достал меня, начиная с того теракта в Гонконге. Очень хотелось тебя уничтожить тогда, сразу, пока ты не наделал многих непоправимых глупостей и не начал нам серьезно мешать… Но нужно смотреть вперед. Я знал, что рано или поздно тебе понадобится подобраться к УК в Океанической Лаборатории. И я знал, что никому, кроме тебя, это не под силу. И ты это сделал. Невероятно! Ты поработал на нас, Дентон, в последний раз, оказав очень ценную услугу. В последний раз – к сожалению.

- Ну, теперь вам уже ничего не мешает меня убить, так, Пейдж?

- До сих пор ты был жив лишь потому, что я нуждался в тебе. Но до этого момента. Мы многого достигли, создав тебя.

Но больше нет в тебе необходимости. Ты ответишь за тот вред, который принес. Хотя – тебе ведь все равно, к смерти ты равнодушен, верно? Тогда обойдемся без пространных речей и мести, просто сдохнешь. Мы вплотную займемся твоим уничтожением.

- Валяйте, можете начинать. – Кивнул Дентон хмуро. – Вам уже никого не остановить.

- Если вам интересно, - виртуальный Пейдж улыбнулся, улыбка была полна осознанием собственной силы и превосходства. – Ра перехватил вашу передачу. Мы самостоятельно получили доступ к информации из Океанической Лаборатории, благодаря тебе. А это значит, наши УК вскоре начнут действовать в полную силу.

- Тем временем мы начнем производить вакцину.

- Вакцину? – Пейдж изобразил насмешливо-сострадательную гримасу. – Вакцину! Да знаете ли вы, насколько просто для меня создать новый вирус? Все, что я должен сделать – просто задать любое число и запустить алгоритм.

- А нам остается лишь подобрать код.

- Математически – маловероятно. На практике - почти невозможно. – Пейдж с сомнением покачал головой. – Так же невозможно, как и ваши шансы покинуть Океаническую Лабораторию, кстати.

- Будьте готовы, Пейдж, - Дентон пытался поймать его взгляд, но это ему не удалось. – Вашим главным оружием была до сих пор секретность. Теперь же мы знаем все о вас, включая ваше тайное убежище.

- Вы оптимист, как всегда, - Пейдж махнул рукой с фальшивой, как показалось Дентону, фамильярностью. Дентон вообще находил в нем все большее сходство с актером. – Вам понадобится целая армия, чтобы атаковать меня в Районе 51. И не просто армия – а армия тех, кому плевать на собственную жизнь и страх, кто согласится спуститься внутрь Района 51 и представляет, что там ждет его. А таких у тебя нет ни одного – даже ты сам не до конца соответствуешь вызову необходимости. И очень скоро, если запуск запрограммирован точно, ваш собственный Район, ваше «укрытие» превратится в серый сморщенный комок, выжженную дыру на том месте, где некогда стоял Ванденберг.

- Один вопрос, Пейдж, - остановил Дентон его намерение прервать связь. – Не знаю, будет ли у меня еще возможность задать его.

- Ну, валяй, - добродушно кивнул Пейдж. – Будем считать это твоим последним желанием.

- Ответь честно: что значит «освободиться»? Только не изображай непонимания, ты знаешь, о чем я говорю.

Кривая улыбка заблуждала на лице Пейджа.

- Ты знаешь об освобождении? Неплохо. Наверное, только слово, а? Только странно, почему ты до сих пор не понял… Ну да, тебя ведь это тоже касается. Касалось бы. Так вот: освободиться – значит избавиться от человеческих слабостей, от человеческих границ. Стать сверхчеловеком, а в конце концов – новой формой жизни.

- И все? – Дентон ощутил легкий холодок разочарования.

- Все, - и Пейдж улыбнулся так, что стало ясно – он недоговаривает.

Нет, он лжет.

***

Ворота из стали разошлись, пропуская в черную пещеру с железнодорожными путями. И Дентон не удивился, что его ожидали именно здесь.

Саймонс стоял напротив, опустив руки и глядя куда-то мимо Дентона. Он вышел из ворот и спокойно приблизился к своему врагу.

- Вот теперь вы перестали работать на нас, - произнес Саймонс своим могильным голосом. – Какая ирония.

- Да. Вы спустились на самое дно, чтобы объявить мне о разрыве контракта?

- Помните того джентльмена из «Синего Цветка», которого мне пришлось отправить в отставку в штабе Коалиции? Вижу, вас укусила та же муха. Существует лишь одно лекарство, вы ведь знаете. Если вы больны…

- А кому-то уже ничего не поможет.

- Как я сказал вам в Париже: на этот раз вы столкнулись с человеком, равным вам по возможностям. У меня та же технология имплантантов, что и у вас.

- Значит, намечается хорошее сражение?

- За тем исключением, что я свою технологию реализовал. До конца.

- Дентон уловил движение Саймонса к своему поясу, но остался совершенно спокоен.

- Пришли убить меня, да? Кое-чего вы не учли, Саймонс. Потому не советую торопить события. Лучше взгляните на эту штуку у меня над головой.

Саймонс бросил быстрый взгляд и увидел Жандарма над их головами. Взгляд так и остановился на нем надолго.

- Дентон… Это же лишь отсрочит вашу гибель, но не отвратит неминуемого.

- Можете рискнуть, если готовы принести в жертву свою жизнь. Почему нет?

- Хочу задать вам один вопрос, Дентон. Почему это произошло? Почему вы оказались оборотнем, вместе с братом? Мы ведь все предусмотрели, мы были единым монолитом, вся ваша жизнь была проникнута единой установкой – работать с нами…

- А установка здесь ни при чем. Помните трансцендентальную философию Канта? Интеллигибельное я. Скрытое до времени в глубинах твоего я, сформированного наследственностью и воспитанием. И когда путь предопределен и кажется неизбежным, за чистой волей остается право вырваться за предел, свершить невозможное. Просто потому, что ты человек. И ты свободен.

- Вы несете такую чушь, что мне даже не смешно. Но это наша ошибка, - кивнул Саймонс. – Мы переоценили вас и ваш дух. И мы ее исправим. Нам не удалось создать того сверхчеловека, которого мы хотели создать, который нам был нужен. Жаль…

- А каков он, сверхчеловек? Наверное, такой, как вы, Саймонс?

- Как Языческий бог: бесконечно могущественный, холодный, неумолимый, - услышал в ответ удивленный Дентон. – Такой, какого требует измученная отравленная планета на краю гибели. Он не растрачивается на бессмысленное милосердие, в котором нет нужды, тем более, если другого выхода нет. Зачем, Дентон? Не могу понять, зачем вы пытаетесь спасти тех, кто безнадежен?

- Потому что… кому, кроме меня, это еще под силу?

- Спросите лучше: кому это еще нужно. Но где они, те, кого вы спасаете? И кто они? Бесплодные дети человечества, толпы люмпенов, не имеющих ни цели, ни желания жить, которые прячутся по своим норам, пока не пройдет опасность, оцепеневшие в животном страхе, и ему никогда не посмотрят в глаза. Которые были слепы к вызовам мира и судьбы – а теперь уже поздно… И они не придут на помощь, когда в беде окажетесь вы.

- Я их не виню. Вы сами их сделали такими.

- Мы? Нет… А вы бы могли иначе распорядиться вашей силой. Зачем вам это?

Они стояли друг напротив друга, недвижно, опустив руки, как всегда в суровые моменты, где уже нет места жестам. И даже ненависти.

- Так надо, - ответил Дентон.

- Жаль, что вы столь многого не поняли. Вы ведь даже не использовали тот колоссальный потенциал мощи, который мы предусмотрели для вас в имплантантах, кроме той мелочи, которую вы могли внедрить в Гонконге, этом издыхающем городе, кустарным способом. Правда, сейчас это и к лучшему. Интеграция в сети, огромная скорость передвижения, полная неутомимость, пониженная чувствительность к пулям и радиации, возможность жить под водой, видеть сквозь стены, иметь неисчерпаемые источники энергии и посылать своего агента за километры от укрытия – вот далеко не полный перечень. Вы с братом были неплохим проектом, Дентон. Но не стали тем, на что мы рассчитывали. Знайте – вы были последним образцом вашего типа. Те десятки ваших клонов, что зреют сейчас в Районе 51, будут уничтожены. Мы не можем рисковать, а вы не оказались тем, кому мы готовили место рядом с нам в новом Городе-на-Холме…

- Вы готовили орудие – и все, - откликнулся Дентон глухо. – Не надо меня зомбировать.

- Это устройство реагирует на пули, - Саймонс кивнул головой в сторону Жандарма. Но у нас есть и другие методы.

В его руке появился меч «Зуб Дракона», яркий, нетускнеющий. Дентон спокойно отцепил от пояса свой меч и оперся ним, как шестом.

- Честно говоря, в фехтовании я не очень силен.

- Я тоже! – Саймонс отшвырнул меч очень далеко, сорвал с пояса гранату. – А вот так!

Он не успел бросить уже активированную гранату. Случилось то, чего не ожидал никто.

Огромное чудовище прыгнуло на спину Саймонсу, сомкнув огромные челюсти на его плече. Жертва, упав под страшным грузом, взвыла от боли. Каркиан погружал свои зубы в искалеченную плоть вновь и вновь.

Дентон не ощутил жалости – развязка была вполне по чину этому «языческому богу». Но… так мерзко было смотреть, как чудовище разрывает на куски еще живого человека… Древняя, подсознательная видовая солидарность толкнула его вперед.

Меч прошел в голову каркиана, как в нагретый свинец, и прошел вдоль всего позвоночника, круша позвонки один за

другим. Животное умерло мгновенно. Меч остался в его теле, и рукоять украсила его лоб, как единый рог из золота.

Так и будет. Настало время уходить. Пусть впереди – засада…

Дентон поспешно покинул пещеру, затем – наполненную голубыми молниями комнату со скорбным лицом мертвеца. Здесь не может быть засады: никто, кроме Саймонса, не решился бы дойти сюда… и дальше.

Его ожидали чуть раньше, в затопленной части лаборатории. Облаченные в темные водолазные костюмы, убийцы с миниарбалетами, четверо или пятеро, поплыли на него в зловещем молчании, как акулы. В первое же мгновения он почувствовал в теле несколько пропитанных ядом стрел. У него уже не было взрывчатки, огнестрельное оружие не работало в воде. Он понял, что попал в опасное положение и пожалел о мече, навсегда оставленном в пещере.

Тогда Дентон достал нож. Сжимая зубы от боли и сдерживая наплывающую мутной волной слабость, он рванул на себя ближайшего убийцу и отсек его запястье вместе с арбалетом. Вода запузырилась, обозначая немой крик муки. Нанося убийственные удары, Дентон пытался убедить себя, что бьет не насмерть. А затем, когда способность убеждать, и вообще думать, исчезла, он перестал видеть что бы то ни было, а только ощущал смертельную пляску смерти вокруг, последнюю апокалиптическую атаку на его существование. В мутной от крови и кипящего воздуха воде трудно было разобрать что-нибудь. Он ощутил: смерть сейчас очень близко, силы оставляли его. Но осознание этого только прибавляло сил.

Уже ничего не видя и задыхаясь, он выполз на поверхность и сел на вырванную взрывом дверь. Вода вскоре успокоилась – из нее не показался никто. Она слегка потемнела.

Им следовало бы использовать оружие помощнее. Сатанея от боли и борясь с подступающей судорогой, Дентон вырвал из тела длинные иглы, одну за другой. Организм показывал поразительно высокую сопротивляемость к этому парализующему яду, и все же он получил дозу, способную свалить с ног не только человека, но и каркиана.

Нужно затаиться, подождать, пока исцеление… Его мысль была прервана топотом множества ног. Нет, так просто уйти не получится. Он вставил разрывной патрон в подствольный гранатомет и, шатаясь, стал в начале тоннеля, спиной к окну, открытому в полупрозрачный мрак океана.

Секундой позже появились они. Шестеро зеленых бежали в мрачном молчании, еще не видя его, за ними шло множество людей в черном, растворенные. Его действительно решили уничтожить.

- Привет, - первая граната разорвалась у ног переднего ряда нападающих, разнося их в клочья по стенам. Он выстрелил еще раз – и упал, чувствуя свинец внизу живота. Сидя, он продолжал гранатометом расчищать путь вперед. В глазах зарябило от хаотической мозаики из осколков металла и лоскутов плоти.

Стены уже вибрировали мелкой дрожью, не переставая. Оглушающий грохот не стихал ни на миг. Но даже в этом грохоте Дентон услышал отчетливый, *страшный* звук.

Лопнуло стекло. Произошло то, чего темный океан так долго ждал. Сверхпрочное стекло не выдержало, и в тот же миг страшная сила воды рванулась в образовавшийся проем, расширяя его и сметая в торжестве остатки того, что еще было живо.

Бой окончился – вничью. Дентон забыл о противнике, они забыли о нем. Отбросив автомат и позабыв о своих ранах, он в стремительном порыве метнулся вперед, тут же сбитый ударом воды, которому невозможно было сопротивляться.

Дентон не чувствовал страха. Лишь одна мысль блуждала в опустошенном разуме: это конец.

Вода наполняла тоннель необычайно быстро. Но поток стремительно понес его именно туда, куда нужно – вниз и вниз, через лестничные пролеты, ударяя головой о стены - к причалу. Причал-водоем уже исчез: вода заполняла пространство от края до края, ее уровень быстро поднимался. Сразу несколько субмарин вращались на поверхности, влекомые в глубину водоворота.

Дентон собрал последние силы и мертвой хваткой вцепился в субмарину, которая уже наполнялась водой. Он втянул свое немое тело внутрь и поднял стекло. Вода доходила ему до плеч, оставляя совсем немного пространства для немного застоявшегося, проникнутого соленой влагой воздуха. Но этого хватит. Дентон прикрыл глаза. Все.

Турбины загудели уже под водой. Вокруг стало так тихо, так спокойно. Как... под водой. Дентон неторопливо вывел судно из тоннеля и повел его на огни.

Океан окружал его, темный, но прозрачный. Он уже не казался чуждым, не излучал враждебности. Мимо проплывали стайки рыб – они не боялись, они держались совсем близко.

Океан добился своего – и успокоился. Он восстановил равновесие и вновь стал просто океаном – самым древним существом на этой планете, первой колыбелью жизни. Пусть ночью, пусть в ноябре… Путь в океаническую лабораторию закрыт надолго – для всех, кроме подслеповатых донных рыб.

Океанической лаборатории больше не существует.

Дентон откинулся в пластиковом сидении и, глядя в богатую, светлую и темную чистоту всеобъемлющих вод, ощутил вдруг глубокую гармонию с ними. Они многому могут научить… того, кто захочет внимать. Пусть никогда не станут обителью тому, кто рожден под звездами.

Он однажды спустится на дно, он будет искать жемчуг – и найдет большее. Поймет свою слабость – и свою силу. И отдаст себя на волю чему-то большему.

Море.
Оно бесконечно.
А ты - ты недостаточно безумен,
Чтобы бросить ему вызов.
Стоя на краю отвесной скалы
Над синей бездной,
Ты срываешься вниз
и чувствуешь - не только страх,
Но и восторг от свершенного несвершимого,
от мгновенного презрения к пределам:
Только ты на него способен.
Стань на берегу, посмотри в зеркальную даль
и пойми лишь одно.
То, о чем безмолвствует это небо
и этот океан:
Они молчат об одном.
Пойми, что это - вечность,
К которой ты можешь прикоснуться,
Но стать частью нее - никогда.
Ты можешь всмотреться чуть дольше -
и море приоткроет завесу
темного холодного безразличия.
Ты увидишь тела русалок,
сверкающие на ослепительном солнце,
и осколки циклопических городов,
сметенных в войне за господство.
Море приоткроет дно
На одно лишь неуловимое мгновение,
которое останется незамеченным
Для всех, для мира,

но не для тебя -
ты ждал его.
Ты увидишь историю жизни -
Историю величия этого мира,
Когда он еще не знал тебя -
Мгновенную вспышку в бесконечности.
И задохнешься от изумления,
От осознания своей никчемности,
И страшной мечты преодолеть ее,
Самой заветной цели, которой не достичь.
Не достичь - думаешь ты.
Но ты не знаешь много -
не знаешь ничего.
А то, что могло открыться,
Ты отверг и забыл.
Изумление ушло - осталась
Бездна пустоты, и в ней -
Маленькая песчинка затененной истины.
Ты пойдешь вперед
По мокрому песчаному дну,
И воды расступятся на пути,
образуя две отвесных стены
Сверкающего голубого огня.
В нем есть все, в этом сверкании,
И соленые брызги тают во рту.
Ты не боишься идти
по узкой несуществующей дорожке
в скрытое Заземелье.
Ты не взял с собой никого.
Прикасаясь рукой к толще воды,
Наблюдая Бессмертие в разрезе,
Ты ясно понимаешь:
Нет ничего более могущественного
В пределах твоего понимания:
А за его пределы лучше не выходить.
В этом могуществе ты растворишься без остатка,
Но если оно дало тебе шанс,
Ты можешь быть уверен:
Сегодня не исчезнет тот, кого нет.
А порукой пусть будет узкая полоска
Прозрачной голубизны неба,
Оставленная для твоих глаз
Иной синевой океана.
Пусть порукой будет то, чего ты не увидишь,

Но во что ты должен поверить
И уловить его там,
За непроницаемой прозрачной завесой,
И здесь, в каждом порыве мира.

Ты идешь сквозь море, не видя конца,
Недвижные глаза огромных рыб
Наблюдают за тобой,
Но вряд ли видят.
Море – оно не просто всемогуще,
Не просто бесконечно.
Оно было первым.
Оно подарило жизни шанс –
Шанс подтвердить появление
И высказать претензию на самодостаточность.
Море было всем, и ты знаешь:
Немногие вырвались из его упругих объятий,
Обещающих столь многое,
В начале мира.

Море спокойно в своем величии,
И страшно в своем спокойствии,
Когда не прощает одиссеям
К себе пренебрежения.
И неизвестно ни одному смертному
Скольких существ оно лишило света,
Стремясь вернуть их в свое лоно,
Вернуть то, что морю
Когда-то принадлежало
Безраздельно.
Власть над осмысленным движением,
И статус носителя миссии
На планете, возможно, в галактике,
Миссии единства и первенства жизни,
Единства с тобой в своей основе,
Когда наверху солнце не грело, а сжигало,
И молнии разбивались о камни
В хаосе безатмосферного холода
И внутреннего нерастраченного жара.

Ты вспомнишь все это,
Никогда этого не видя,
И захочешь поскорее забыть.
Все станет на свои места,

Воды сомкнутся.

Океан успокоится, непоколебленный.
И ты – стоишь на берегу,
Спокойный, не видевший ничего.
Ты видел. Но ты забудешь.
И сядешь спокойно в лодку.
И, рассекая веслами воду,
Поплывешь навстречу восходящему солнцу.

Дентон смотрел на великолепие, приоткрытое за пределами мягкого сумрака, и не помнил уже о пережитых кошмарах. Он выплеснул всю их муть сюда, и здесь они рассеялись в бесконечности, так что и намека не осталось. Он уходил, кажется, наконец. С пониманием, что же он такое. И в душе смеялся – смеялся над собой. Смейся над собой, да… Это дар, который остается, когда в мире уже не остается более ничего смешного.

Он просто… просто человек. Не более – не меньше. Так же велик, так же бесконечно ничтожен. Только человеком мало родиться. За него нужно бороться, его надо выстрадать, его придется доказать. Себе доказать… Доказать, что останешься человеком и тогда, когда в страхе или ослеплении человечность слетает, как маска. Не трудно понять это тому, кто ступил в подводные чертоги – и вернулся.

Глава 8
Тревожный сон

Взошла заря. Чуть слышно прозвучали
Ее шаги, смутив мой легкий сон.
Я пробудился на моем привале
И вышел в горы, бодр и освежен.

Гете

Приятно было снова дышать, зная, что над тобой – звезды, ничем не стесненные. Дентон замер на крыше, ноябрьский ветер охлаждал его горячее лицо; открытое, умиротворенное, неограниченное пределами пространство пьянило, кружило голову. Он не сразу взглянул на человека, ожидавшего здесь

уже давно, успевшего привыкнуть к этой открывшейся безмерности.

- Боже мой, Джесс, что это? – Савадж испуганно остановился в нескольких шагах от него. – На вас страшно смотреть!

Дентон опустил глаза, бегло осматривая себя. Выглядел он действительно неважно. Плащ напоминал рваную сеть, и почернел от крови. Лицо, наверное, тоже не прибавляло успокоенности.

- А каким вы ожидали увидеть меня? Экспедиция мало напоминала прогулку.

- Вы похожи на человека, который вернулся из ада.

- Думаю, таких сравнений не стоит делать. Не переживайте – со мной все в порядке. Это не повод для беспокойства.

- Вы уверены?

- Да в порядке я, в порядке. Что с Сомой?

- Мы начнем производство лекарства этой ночью. Теперь, когда у нас есть УК – это не проблема. Кстати, если в Океанической Лаборатории...

- Лаборатории больше не существует. Океан поглотил ее и, думаю, похоронил надолго все то, что там осталось.

- И всех, кто остался... - добавил Савадж тихо. Дентон отрицательно покачал головой.

- Там не было живых.

- Вот как... Но у нас есть другие проблемы.

- Я слышал. Пейдж намекнул, что собирается нанести ядерный удар по Ванденбергу.

- Точно, - кивнул Савадж грустно. - Они заняли хранилище к северу отсюда.

- Чего они хотят? Они поставили ультиматум?

- Никаких требований. Обратный отсчет уже начат. Они хотят смести нас с лица Земли, и уже не остановятся ни перед чем.

- Мы с моим пилотом немедленно отправляемся к хранилищу, - ответил Дентон, вытирая с лица кровь.

- Взгляд Саваджа выражал изумление с вкраплениями надежды.

- Мистер Дентон, вы уверены, что в состоянии..? Что у нас есть надежда?

После всего, что произошло? Дентон бросил мысленный взгляд на переплетение пройденных дорог. Иначе не может быть.

- Конечно. У нас все получится. Не бойтесь, я умею обращаться с управлением ядерными ракетами.

- Хорошо. Все, что я могу сделать сейчас – только помолиться Господу за вас и сказать «удачи».

- Буду очень благодарен вам, - кивнул Дентон устало и повернулся к вертолету.

- Эй! - окликнул Савадж. - Благодарю вас еще раз за спасение Тиффани. У меня просто нет слов.

- Не стоит. Я просто рад, что она в порядке.

- Простите старика за эти слова, мистер Дентон, но... Вы необычный человек. Удивительно то, что вы один. Одиночка – противопоставивший себя многим – и победивший. История, кажется, не знает таких примеров. Только миф знает.

- Мы не победили еще...

- Вы напоминаете мне титана, возрожденного из тьмы доистории. Одного из тех, кто обладал и силой, и могуществом, но все равно восстал против богов, чтобы принести людям свет... Одного из тех, кто затмил богов во вспышке титанизма, в которой и сгорел... Им не было места в нашем мире, где один человек не значит ничего, где один – умрет...

- Не знаю, о чем вы, господин Савадж. Я совсем не один. Без вас я ничего бы не сделал. Без доктора Саваджа, без Тонга. Без Джока...

- Не стоит спорить, мы не придем к согласию. Кроме того, в вашем титанизме – не только ваша заслуга...

- Но и тех богов, что одарили титана его силой?

- Отрицать этого нельзя.

- Нет, мистер Савадж, - Дентон уверенно покачал головой. - Один может многое, но в пустоте любой его жест, любое движение мысли, любая воля будет лишена смысла. Титан – лишь идея, мечта о самодостаточности, которая есть лишь в мире духа и присуща лишь Одному во вселенной. В нашем же многострадальном мире она не найдет воплощения. Нет титанов – ведь нет и богов, есть лишь претензия на них... Человек оплетен сетью, паутиной связей и совпадений, скрытых и явных, случайных, закономерных... Отдельная воля без них будет криком в пустыне, она опирается на них, свершая... Я не буду развивать эту тему, так мало смысля... Без вас я не смог бы ничего.

- Я не это имел в виду, - Савадж махнул рукой. - Никогда нельзя понять друг друга до конца, так беден наш язык, так многообразны смыслы.

У них всех ничего не вышло бы, если бы не то покровительство, которое единственно значит что-то.

Если бы не Тот, кто держит все судьбы в ладонях.

***

Светлые ночи опаснее самых темных. Опасность не явна – она абстрактна, и обнаружить ее можно лишь тогда, когда привыкнешь… к бодрствованию в ночи. Темная ночь скроет мир в густой тени, она не требует многого. Темной ночью спят – даже те, кому определено бодрствовать.

Четыре часа утра – время зла.

Но вот тени становятся короче, реальность вокруг светлеет – она еще сера и покойна, но уже мало что скрыто от взгляда. И ты присядешь, и лишь об одном напомнят дымчатые кошки с пышными хвостами: светает. И пусть еще нескоро первый тонкий луч желтой звезды коснется щеки – надо быть готовым.

Дентон стоял, опершись всем телом о выступ скалы, за которой скрывался огражденный колючей проволокой бункер ракет. Впереди расстилалась каменистая пустыня, украшенная глубокими трещинами и выброшенными временем камнями, края ее терялись где-то за пределами видения.

В тело пустыни врезались местами скалы, как идолы древним богам, неявным, бесформенным, выбросам первобытного страха и трепета. Темные, холодные – они станут красными и горячими под полуденным солнцем. Но в это не верилось сейчас, на ветру, который играл свой мотив на арфах трещин и каньонов, острых вершин и его волос…

Смутным пятном Дентон терялся на черном грубом теле камня. В бурых от запекшейся крови лохмотьях, с потемневшим, опухшим от ран и ушибов лицом, с клочьями непослушных волос вокруг лица, Дентон вполне вписывался в панораму обветренной долины, подобный оборотню скалистых гор, покинувшему логово в час ночной. Наверное, таким суждено ему пройти конечную часть пути. А конец не так далек.

Но время не ждет.

Сжав пистолеты в обеих руках, Дентон обернулся и, схватившись за край скалы, бросил свое тело на ее вершину. В небольшом кольце скал приютился бункер, окруженный забором из колючей проволоки. Вокруг забора курсировали черные доберманы. Их молчание и легкая поступь выдавали настоящих убийц. Сразу за бункером Дентон увидел большую площадку из стали – шлюз, который откроется, чтобы выпустить из недр земли хранимую ими ракету. Рядом, немного поодаль, темнели окна небольшого домика.

Дентон знал, как называется это место. Сумеречная Зона. Зловещая легенда. Свет луны едва освещал пятачки напротив окон. Сквозь прозрачный колкий холод при ирреальном лунном сиянии безмолвные тени с разных сторон углублялись в Зону, приближаясь к ее сердцу. Зона вечных сумерек – она не видела солнца никогда. Там холодно, потому что Ночь. Там страшно, потом что нет жизни. Разрушенный город. И радиация…

Только наблюдательная вышка выступала над забором-прямоугольником. Дентон выстрелил дважды: оба снайпера, наблюдавших с вершины, полетели вниз. Дентон прыгнул в расщелину между скал и скрылся. Он знал: в течение мгновений весь отряд Маджестик-12 будет готов встретить его. Но прятаться здесь не было смысла.

Вскоре раскатистым эхом среди скал взвыла сирена. Мощные прожекторы начали сканировать каждый метр, каждую тень вокруг базы. Вместе с ним заработали пулеметы, поливая свинцом местность наугад. Кое-где взлетали в воздух тучи камней, пыли от одиноких выстрелов гранатомета.

Но пустыня велика. А скалы иногда служат не просто превосходным укрытием. Это еще и система секретных переходов – и неприступная крепость.

Еще два выстрела, посланных из неизвестности: гранатометчик сорвался с вышки прямо на проволоку, а один из прожекторов потух.

Минутой позже эхо выстрелов отозвалось с другой стороны. Стекла прожекторов потухли, забор снова кольцом обступила тьма

- Их четверо! – раздался глухой голос растворенного человека в черном. – Четыре снайпера. Используйте рассеянный огонь.

Растворенный упал, сраженный насмерть, и тут же взорвался под действием самоуничтожителя, убивая пулеметчика рядом.

На вышке остался один пулеметчик. В отсвете выстрелов он увидел вдруг оборотня жуткого вида в расщелине скал. Оборотень сразу исчез. Пулеметчик сбросил свой пулемет с вышки и прыгнул следом. Против нечисти пули бессильны. Пусть волком занимаются собаки.

Доберманы уже рассеялись по склонам пустынных холмов и среди скал, маленькие и быстрые: они не упустят добычу. Оставшиеся снаружи солдаты успокоено вернулись к своим постам. Человек в черном еще раз прошелся на всякий случай

вдоль забора и, войдя внутрь, закрыл за собой ворота. Он не пропустил бы и мыши…

Он пропустил тень. Прячась за низкими темными строениями от проницательных линз роботов, Дентон пришел в край, где срезанным рукавом

(в эту вселенную придется вселиться)

выходило на поверхность начало тоннеля, закрытое бронированной дверью. Вот и он, вход в Хранилище под землю.

Ветер-заговорщик шептал что-то ему на ухо. Усталая земля давала знаки. Долго, много лет не ходили здесь люди *просто так*. Бесконечно долго не слышали эти просторы песен. А может, и никогда. Ракетная база, здесь люди живут особым миром. Они ведь знают все… им напоют последние сверчки. Но они не смогут изменить. Однажды построенная, эта база будет стоять очень долго… Дольше старого леса на окраине городов. Люди уйдут или умрут – она все будет стоять. Тревожить землю, отравлять рану…

Но все излечится однажды – в едином сверхмгновении.

Лестница вела глубоко под землю. Под ним лежала спираль этажей, которая могла вести куда угодно. Но внутри было слишком сухо и тепло для подземелья. Дентон остался на месте, мыслью и чувством стал спускаться по погребенному дому. Мысленно начал двигаться вниз, предполагая, что может там ожидать. Но мысль вернулась, заблудившись в темноте.

Он срезал пулями двух богомолов и остановился перед двумя дверьми. Преддверие – двудверие. Две двери – хуже, чем десять. Когда тебе предлагают выбрать между двумя дверьми в полной безвестности – это начало паранойи.

Левая должна была вести к комнате управления, правая – в само хранилище. Откуда-то, задыхаясь, била тревогу сирена. Все тревожное пространство переменчивым красным светом-током, бросающим блики на стены из серого металла, вздутые узлами и золотыми жилами, на пол, на его потемневший силуэт… уже не оставляющий тени.

Дентон ворвался в командный центр, минуя похожий на полую трубу решетчатый тоннель, и оказался лицом к лицу с тремя людьми в черном. Они обступили его кольцом.

- Объект в зоне поражения, - прогудел один из них. – Открываю ог…

Им потребовалось для узнавания более секунды – слишком много. Он ушел тенью в темный угол, огрызаясь веером пуль, и думая, что если его сейчас застрелят, ему, в общем, будет все равно. Черные охранники падали и тут же взрывались, раненные смертельно.

Один выстрел достал Дентона, пробил плоть плеча, но временная боль не замедлила бега. Внутри было тихо и холодно, словно в доме, который покинули в доисторическом назад. И все же голос-певун подсказывал: иди вниз, и там найдешь тех, кто ищет тебя.

Тень стражника под лестницей трепыхалась в отсвете мгновенно вспыхнувшего и погасшего пламени спички. Снова накрытый мир погрузился в черную тьму. И Дентон бесшумно скользил в этой тьме, опускаясь все ниже и ниже. Пока не достиг освещенной зоны.

Контрасты был резок и неожидан. Дентон толкнул черную дверь, в проем хлынул целый поток слепящей многоцветности. Уже никем не остановленный, он взбежал по лестнице, к командному центру. Среди десятков включенных вычислительных машин, шипящих, колеблющихся, гудящих и игриво-мелодично напевающих, он отыскал главный компьютер.

Программированию и запуску ядерных боеголовок их учили вскользь, но тщательно. Их многому учили, и далеко не всегда они спрашивали себя, зачем… Время стерло многие воспоминания. Но не эти. Дентон вошел в систему безопасности, затем в опции управления ракетой. В серебре бледных иконок он нашел объемный прямоугольник.

Отменить запуск – прервать алгоритм

И подтвердил отмену. Он появился вовремя – до старта ракеты оставалось около четверти часа. Дентон вздохнул свободнее, неторопливо спускаясь по ставшим устойчивее ступеням.

- Все в порядке, - вышел на связь доктор Савадж. – Вандебергу больше ничего не угрожает.

- Я тоже так думаю, - эхом откликнулся в тот же миг Пейдж, не сдержавшись и выдавая себя в своем злорадстве. Дентон остановился. Нет… Кажется, цели он не достиг.

- Думал, Пейдж, вы умеете принимать и поражения, не только победы, - сказал доктор Савадж. Но вы становитесь смешны.

- А я думал… - Пейдж явно был недоволен тем, что выдал себя. – Я думал, что вы, как ученый, должны быть готовы к неожиданностям. В Ванденберге ожидается солнечный день.

Теперь и самому Саваджу стало тревожно.

- Джесс, пройдите к шахте. Убедитесь, что никто не управляет ракетой оттуда.

Слушая странный диалог в его голове, Дентон дошел до белой двери. Значок из серебристого металла символически

указывал, что перед ним уборная. Только Дентон не мог уловить ни одного знакомого запаха. Запахов вообще не было. Дверь оказалась заперта, ему потребовалось немного времени, чтобы открыть ее.

Тонкая струйка воды наполнила ладони до краев, отражая блики света, удивляя своей совсем не удивительной прозрачностью. Прозрачная-прозрачная вода… Это ведь чудо, да? Влага упруго ударила его в лицо, в глаза, освежая, очищая. Он посмотрел в зеркало, в темной, сейчас не прозрачный лик неизвестного. Кто-то чужой смотрел из-за зеркальной преграды. Утверждая всем своим видом: нельзя всего знать о себе. Может, это и не он совсем. И не трудно убедиться в этом. Но что тогда?

Дентон повернулся, собираясь уходить, и споткнулся взглядом о человеческое лицо. Оказывается, он был здесь все это время не один. Все это время мужчина в темной униформе стоял у стены так тихо и неподвижно, что лишь случайно мог быть замечен.

Они смотрели друг на друга несколько мгновений, затем Дентон спросил первое, что пришло ему в голову:

- Почему вы заперты в туалете?

Неизвестный оторвался от стены, напряжение отчасти отпустило его.

- Это место лучше всего подходит в качестве тюремной камеры. Вы от Говарда Стронга?

- Нет. Кто посадил вас сюда?

- Говард Стронг и его люди заняли хранилище. Он – участник заговора не очень высоком уровне. Я не сумасшедший. Я слышал разговор стражей. Они хотят запустить ракету – куда, я не знаю.

- Я не называл вас сумасшедшим. Они собирались уничтожить Вандебергу. Авиабазу ВВС неподалеку отсюда. Но все уже позади. Я отменил запуск.

- Вы думаете, что в состоянии повлиять на замысел Боба Пейджа? Вряд ли. Точно нет, до тех пор, пока Стронг жив. Он может лично контролировать выполнение алгоритма, изменить траекторию полета или даже уничтожить ракету в любой момент до старта.

- Правда? Я отправляюсь в шахту прямо сейчас.

- Стойте, - остановил незнакомец уходящего Дентона. - Теперь детали их разговора становятся мне ясны. Они вас ожидали, да. Солдаты собираются устроить засаду на пути в хранилище.

- Да? Есть какой-нибудь обходной путь?

- Вход один, других доступных путей в шахту нет. Но в начале коридора пол двойной, небольшой люк ведет в нишу, где вы сможете спрятаться.

- И куда ведет это подпольное пространство? - спросил зачем-то Дентон.

- Не знаю, - пожал плечами ученый. - Вполне возможно, что оно не ведет никуда. Хранилище не настолько большое и глубокое, как может показаться. Да только выбора у вас нет.

- Мне почему-то казалось по-другому, - ответил Дентон, внимая гулкому вибрирующему гудению, которое могло родиться только очень глубоко.

Он выбрался из командного центра, с растущей тревогой-напоминанием обнаружил, что до запуска, если он действительно не отменен, остались считанные минуты. Дентон вернулся к массивной двери в правом углу на раздорожье, где он делал выбор, войдя. Она была заперта тогда, теперь же – открыта настежь. Добро пожаловать.

В продолговатом полутемном тоннеле, остановившись в самом его начале, Дентон глазами набрел на выемку люка. Затем сделал шаг, убедившись, что опора под ногой действительно прочна.

Пространство потемнело в тот же миг, его разорвал по швам надрывный визг сигнализации. На противоположном конце тоннеля выросли темные силуэты.

- Не знаете, как убить несколько минут перед запуском? А мы в это время можем убить вас… - весело пошутил Пейдж.

Дентон прыжком бросил тело на землю, и воздух над ним вспыхнул искрами пламени. Выбив крышку люка, он скользнул внутрь головой вперед, не успевая развернуться.

Он упал не на пол – всего лишь на твердый, довольно узкий уступ, на котором не удержался и, пошатнувшись, скользнул вниз, глубже, в тягучую тьму. Приземлившись успешно, Дентон обнаружил, что не может удержаться на месте: гладкое и скользкое, нутро тоннеля уходило под уклон вниз и вниз, и Дентон с каждой секундой соскальзывал все глубже, словно ледник по пологому склону доисторического вулкана. Только склон был… слишком высок, желоб – слишком глубок.

Тоннель вдруг оборвался, выйдя к поверхности стены на высоте нескольких метров, и выбросил Дентона в неизвестность. Пролетев в воздухе, он неслышно приземлился на бетонном полу. И сразу понял: случай вынес его на самое дно ракетной шахты. Увидел он и *ее*.

Словно внутри огромного цилиндра, разделенного на секции-этажи, дно которого терялось в темной мутной воде системы охлаждения. Там же терялось и основание, и сложное очарование ракеты, которая тянула вверх свое хищное тело сквозь все подземное пространство.

Дентон оказался на самой последней, нижней секции. И... был он здесь не один. В тени огромного косного тела ракеты, на вышке прицепа рядом с компьютером стоял мужчина в черном комбинезоне из нанотканы, вооруженный плазморужьем. Черты лица трудно было разглядеть, но сомнений не оставалось: это скрытое тенями лицо обращено к нему. Как, в общем-то, и глаз ружья.

- Подойди-ка сюда, ближе к краю, - раздался голос, слишком сухой и знакомый, чтобы оставлять место сомнениям. - Я хочу разглядеть тебя, наконец.

Дентон не двинулся с места, не пошевелился.

- Ты уже ничего не сможешь изменить, Дентон. Но ты правильно сделал, что пришел. Покончим с этим, наконец.

- Да... - ответил Дентон задумчиво. - Говард Стронг. С каких пор, и – почему?

- Потому что Саймонс погиб в Океанической лаборатории, на дне Атлантического океана. Но я – я не мог погибнуть так просто, вы ведь знаете. Оставить вас в покое, пока вы живы. Вы знали, что, убивая монстра, возможно, спасаете жизнь монстру гораздо более ужасному. Не так ли, Дентон?

- Да, уж, вы все время хотите меня в чем-то убедить, намекая и не в состоянии сказать об этом простыми ясными словами. Быть может, их просто нет... Как вы выбрались из потопа?

- Который был устроен вами? Просто. Темная вода заполнила все ниши – и успокоилась. А под водой я чувствую себя совершенно нормально. И вы могли бы... Напрасно вы не дали мне погибнуть – ведь я вас не пощажу. И не потому, что ненавижу. Нет, в некоторой степени вы мне даже симпатичны. Но я не могу оставить вас в живых. Иначе не освободиться. Теперь вам конец. Или нет? Как думаете, Джесс?

В устах Саймонса его имя прозвучало как жестокая издевка над идентичностью.

- Я думаю – нет, я уверен, - что вам с Пейджем конец.

- Как пафосно вы это сказали. Но ведь и в этом случае вам тоже – конец. Мы слишком связаны...

Лицо Саймонса осталось бессмысленно-бесстрастным, но, нажав какой-то тумблер, он вместе с минилифтом начал опускаться вниз. Ответ насторожил его, наверное? В этом

человеке... существе Дентон ни разу не заметил ни легкомыслия, ни юмора. И поэтому там, где другой, не приобщенный к высшим смыслам смеялся бы, Саймонс видел двойной смысл.

Саймонс спустился с лифта и стал напротив, в двух шагах от врага. Это было его ошибкой. Дентон с тревогой следил за временем. Времени не оставалось совсем.

- Что это? - спросил Саймонс ледяным тоном, погруженный в саван прозрачности и странной худобы. - Почему нам конец?

- А сейчас посмотрим, - ответил Дентон спокойно и нажал, наконец, кнопку детонатора пульсирующей гранаты. От яркой вспышки он сам ослеп на мгновение, несколько лампочек на стене потухло. Стало слегка темнее.

Дентон вырвал у противника ружье, ударом сбил его с ног. Саймонс даже не пытался сопротивляться, погруженный в шок. Только быстро перебирал пальцами по поверхности своего комбинезона. Слепой, поверженный на пол, он выглядел… нет, это был кто-то иной. Дентон стало странно неприятно. Он стал над поверженным Саймонсом, направил в голову ствол пистолета.

- Кажется, тебя обесточили, не так ли? И это не очень-то хорошо отразилось на зрении. Да, я воспользовался твоим секретом. А вот ошибки не повторю.

В тот же миг Саймонс нашел, наверное, то, что искал на себе. И исчез. Дентон беспорядочно расстрелял обойму в пол, пространство вокруг, затем стремительно прыгнул на лифт и понесся вверх. Медлить больше нельзя – осталось менее минуты, и реакции уже не обратить.

Дентон рванулся к пульту и ударил ладонью по тумблеру аварийной отмены запуска. Мелодичный вой сирены и красное мерцание исчезли.

Запуск прерван. Ванденберг в безопасности. Можно идти…

Нет. Дентон обернулся к компьютеру. Он решится на еще один шаг. Странно, что это сразу не пришло ему в голову.

Запуск отменен

Новый запуск

Выбрать объект

Карта легла схемой на экран, как на ладонь. Сложная умная карта, спутниковая проекция, где можно выбрать даже дом, определенный квадратный метр и угол… Только он не помнил…

Он должен вспомнить. Он был рожден там, в мрачном, немногими увиденном месте. Но он не помнит.

Розуэлл – городок пастухов. Кладбище. Пустыня Невада. Где-то там, недалеко от Ванденберга. Дентон искал долго. И поставил крест на небольшой группе строений среди скал. Ракета ударит по Району 51 – и никуда более.

Экстренный запуск.

Дентон стал на краю, готовый ожидать столько, сколько потребуется. Больше никто не должен помешать запуску. Прошло пятнадцать минут – или больше? – Саймонс так и не появился. Нутро ракеты в спрятанных водой недрах угрожающе заговорило. Дентон прыгнул на лифт и нажал кнопку самого верхнего этажа. Он летел вверх мимо пустующих секций, ощущая нарастающую тревогу извне – и нарастающую пустоту внутри. Но не так просто было покинуть шахту быстро. На верхней секции в иллюзии коммуникатора его ждал неумолимо Боб Пейдж.

- Вы выиграли этот раунд, Дентон. Вы еще на шаг приблизили свою и общую гибель. Странно, - Пейдж был почти хмур. – Но со мной Гелиос, и мы на целые мили под землей. Мы придумаем что-нибудь.

- Честно говоря, у меня мало времени, Пейдж. Совсем скоро здесь станет жарко.

- Зачем это вам, Дентон? Не могу понять, - Пейдж задумчиво пожал плечами. – Неужели вам некуда было больше девать свою энергию?

- Не прикидывайтесь дураком, Пейдж. Мы оба знаем: другого способа освободиться от вас у меня не было.

- Хм… Зачем было освобождаться?

- Вы не первый, кто спрашивает. Но почему? Почему мой пилот Джок не спрашивает? Почему Тонг не спрашивает? Почему Савадж…

- Я отвечу вам, Дентон. Очень просто: ни у кого нет ответственности, зато у каждого есть свой мотив. Каждый хочет нашей с вами гибели по определенным причинам. У кого-то месть, или власть, или…

- Освобождение, - закончил Дентон.

- Да, хм… освобождение. Но не могу найти ваш мотив, Дентон. Ничего этого вам не нужно. Не станете же вы мстить за живого брата, а власть вам не нужна.

- Свой мотив есть и у меня, - ответил Дентон. – Знаете, какой? Я считаю, что не вам решать за мир его судьбу.

Пейдж истерически захохотал.

- А кому, Дентон? Ради всего святого, скажите, кому!!

- Посмотрим…

- А уже поздно смотреть, Дентон! Рока не избежать, кара нас постигнет, всех, все человечество! Спасения нет, даже призрачного. Это все. И к тому же, - Пейдж покачал головой с грустной усмешкой, - вы не договариваете. Это ведь не вся правда.

- Не вся, - быстро согласился Дентон. – Правду я вам открою позже. – При встрече.

- Чего вы хотите, Дентон? Может, это скрытый путь к абсолютной власти? Если так – я впечатлен. Как насчет Европы – вашего собственного континента? Так и быть, только отцепитесь. Деньги? Можете забрать себе Версалайф, всю чертову корпорацию. Только дайте мне довершить начатое – вы не будете оставлены позади…

Дентон покачал головой, уловив мягкое нарастание угрозы под ногами.

- Завершить что? Я не понял до конца, каков ваш собственный мотив, Пейдж. Что заставляет вас приносить ТАКИЕ жертвы. Ведь ничто из того, что вы сделали и сделаете, уже не обратимо.

- Моя ставка наибольшая в этой игре. Нет – она единственно существенна.

- Сказано довольно высокомерно – и глупо.

- Нет, - Дентон с удивлением увидел, как в обычно пустых глазах Пейджа, словно из-под маски, исподволь возникает тоска, такая знакомая. – Дентон, посмотри мне в глаза.

Дентон встретил взгляд, который был неузнаваем в своей глубинной грусти, - но до боли знаком.

- Дентон, вы знаете, что такое страх? Нет, вы не знаете… Но поймите одно – я бы отдал все, чтобы покончить с этим, вернуть время назад, уйти, исправить. Но я не могу. Я не могу.

- Почему?

- Если вы до сих пор не поняли, я скажу вам при встрече… Если вы не поймете до того, как спуститесь в глубины Района 51. Но лучше этого не делайте.

Гул проникся паническими нотками. Дентон молчал.

- Дентон, вы не знаете, с чем столкнетесь в Районе 51. Вы не можете знать… Вы не вернетесь.

Придется смириться с этой мыслью, - кивнул Дентон. – Но что я могу изменить?

***

Джока не было наверху, - Дентон не знал, что могло случиться. Он выбирался из базы, скользя среди поверженных теней вглубь скалистой неопределенности. Узкая тропинка,

естественно сформированная старостью скал, вывела его на ровное плато, выделяющееся в пустыне, как остров в океане. Дентон обернулся и увидел в островке света взлетающую ракету: так медленно, так… немыслимо.

Дентон сделал еще пару шагов, и оказался на краю пропасти. Шепот бездны достиг кончиков волос. Но… только в этом шепоте что-то не от здешней, а от какой-то иной бездны. Дентон отвернулся – и увидел Саймонса.

- Вы делаете следующий шаг – и я снова здесь. Как ваше собственное отражение, повторенное во множестве зеркал.

- Это делает меня похожим на одного ублюдка…

- Я более продвинутая модель, Дентон. Время вам… уйти в отставку.

- Вы впервые открыто назвали себя моделью.

- Вы чудовище, Дентон. Взгляните на себя в последний раз.

Саймонс поднял руку, продолжением которой был пистолет. Дентон понял: наступил, наконец, момент, когда выхода не остается. Все, конец. И с этим ничего нельзя сделать. Нужно приготовиться в оставшиеся мгновения. Пусть. Главное уже сделано. Остается Пол, остальные. Они сумеют…

Во тьме ничто кристаллизовалось в нечто. Черный вертолет, зависший в метре от поверхности плато, обнаружил себя. Из открытой дверцы выпрыгнул Джок со смешным, старым обрезом дробовика в руке. И пустил облако дроби в лицо Саймонсу.

Черный ангел только пошатнулся, и в ярости выпустил огненное облако плазмы в неожиданного агрессора. Джок увернулся с удивительной ловкостью, перезарядил обрез – и выстрелил снова. Его оружие смотрелось смешно против монстра, который только озлобленно дрожал при каждом выстреле. Но второго выстрела он не сделал. Сотни мелких осколков свинца проникли в его голову, глаза, в мышцы и нервы лица. Мелкие, досадные – но их было слишком много даже для «сверхчеловека».

«Сверхчеловек» упал, снова маленький и неправдоподобный, как обернутая лоскутами черной материи призрачная пустота.

- Ты убил его, - прошептал Дентон. – Надо же. Этот… убит? – он то ли спрашивал, то ли утверждал очевидное, еще не привыкнув к мысли, что очевидное возможно. И повторил удивленно. – Ты убил его.

- Ну да, - Джок хлопнул Дентон по плечу. – Удивляюсь, что его не прикончил до этого ты. Кто этот урод? Один из киборгов Маджестик-12?

- Это Уолтон Саймонс, глава ФЕМА, один из Двенадцати.

- Что? – спросил Джок удивленно. – Я думал, Саймонс давно мертв.

- Он не мог просто так умереть. Нет, не подобные ему. Он ждал тебя…

- Слушай, Джесс, - Джок сразу же забыл о поверженном призраке, будто припомнив что-то более важное. – Ты вроде бы отменил запуск ракеты, да? А мне показалось, я видел, как эта штука вылетает отсюда.

- Ты не ошибся. Это я нанес удар – по Району 51.

Джок взлохматил свои серебристые пряди.

- Ты направил ракету на Район 51? Отличная идея! Странно, что Саваджу она не пришла в голову.

- Ну что, поехали, пока здесь не стало жарко? Хотя, пожалуй, теперь здесь долго будет холодно… зябко.

- Да, - Джок повернулся к своей птице. – В Ванденберге нас будут встречать, как героев.

- Хороши герои, когда дело не закончено, - Дентон глубже запахнул полы плаща. – Нет, Джок, в Ванденберг пока рано. Мы отправляемся в Район 51.

- Куда? А тебе не кажется, что для начала следовало бы перегруппировать силы?

Зачем? Все равно вниз спустится только один человек. Я.

Глава 9
Сон планеты

Искры тают в ночи,
Звезды светят в пути.
Я лечу, и мне грустно
В этой степи.

Из песни

Бесплотным призраком парил Ворон над воспаленными скатертями пустыни, смазанными бальзамом ночной прохлады, обманутыми призраком росы. Пустоши. Им не видно края, для путника-одиночки это почти бесконечность. Пугающая теми тайнами, которые хранит каждая вытянутая тень, каждая выбеленная временем и выхолощенная поцелуями сухого ветра

грань древнего камня. Неизбывными, неразрешенными. Для этой пустыни мало короткой человеческой жизни. Мало тысячи взглядов и океанов шепота. Она живет в других масштабах. А потому понята быть не может. Ты придешь, посмотришь – и уйдешь, отягощенный думой, тебе непосильной и легкой, как мимолетное облачко грусти, не имеющей истоков. Высоко в небе парят грифы – старые птицы, пустыня открывается перед ними в необозримости пространства и знойной, холодно-неприютной стылости времени. Но ведь и они *не знают ничего*.

А что знаешь ты, эй, старина, напевающий свою любимую песню под луной в аромате сирени на другой стороне? Ты не думаешь об этом. Правильно. Лучше не думать.

Переговорное устройство на приборной панели глухо, колко щелкнуло, похожее на сухой однократный кашель.

- Привет, Джесс, - голос Эверетта был дружелюбен и участлив, радиоволны придали ему особую, отеческую глухость. – Как ты?

- Действую по плану, лечу в бездну, - Дентон осмотрел свои раны на руках, груди. – Я подорвал Район 51 и теперь туда направляюсь.

- Отлично, Джесс. Мы почти победили. – Эверетт звучал мудро, мягко, как пастырь, видящий близкую гибель зла и благословляющий на Последнюю битву. – Пейдж будет ослаблен. Это наш шанс.

- Знаю. Пейдж назначил мне свидание в своем бункере в недрах Района 51. Он думает, нам есть о чем поговорить.

Эверетт помолчал, несколько секунд вместо него в динамике шумел анонимный и многоликий ветер.

- Джесс, ты знаешь, что делать?

- Думаю, будет видно, когда я спущусь туда?

- Я хотел сказать тебе несколько слов на этот счет. Не доверяй Тонгу. Он хочет, чтобы ты уничтожил Район 51.

- Это возможно? – Дентон удивленно взглянул на Джока. Странно, однако бесстрастное лицо не выражало ни малейшего удивления. – Звучит заманчиво.

- Нет, Джесс, - легкая нотка напряжения намеком намека угадалась на миг в голосе Эверетта. – Пожалей творение. Подумай, что мы можем сделать благодаря ему после того…

- Сделать? Что? Какую сколько-нибудь значительную ценность может представлять собой для мира Район 51? Это же просто дыра в земле.

- Нет, далеко не дыра. Ты знаешь столь немногое, Джесс, но именно тебе делать решающий ход.

Решающий ход… Спуститься и убить Пейджа, разнести ему голову – это решающий ход? Вряд ли. Просто убить человека? Решающий ход должен быть другим. Только в фильмах зло умирает, когда кого-то убивают, умирает вместе с агентом - его носителем. Но не этой ночью. Он не рисковал бы использовать слово «зло», понятия добра и зла не прорисовывались четко в окружающей скользящей, переменчивой мгле. Но проблема не исчезнет с убийством одного. Один всегда может быть заменен. И никто не заметит потери или перемены. Это же доктрина Маджестик-12. Их много – целых Двенадцать. Среди них есть кому…

Или наоборот. Перемена будет. Иллюзией. Возможна ли вообще перемена?

Дентон вдруг заметил, что спокойный ручей слов Эверетта уже давно обходит его сознание стороной, не соприкасаясь с ним глубинно. Он вновь попытался ухватить нить рассказа.

- … Десятилетия назад люди перенесли основные мощности глобальных информационных коммуникаций в Район 51, сделав его единым информационным центром мира.

- И вырыли себе потенциальную могилу с молчаливого согласия всех стран? Мало похоже на правду.

- Именно. Подумай, сколь велика зависимость цивилизации от глобальной сети. Основной массив знания будет утрачен, смыт волной разрушения с уязвимых, упорядоченных массивов информации, ее пласты во мгновение станут хаотичным, лишенным значения электронным шумом, ушедшим в бездну и разнесенных ветром. Сколько отлаженных систем, критически важных для существования обществ, рухнет в одночасье… Промышленность, инфраструктура, все мало-мальски важные системы жизнеобеспечения – все сойдет с рельсов. Мир погрузится в хаос и тьму, да, Джесс. Людей охватит паника, безумие, отчаяние, которое после первой гибельной волны примет жесткие и уродливые формы мракобесия и варварства, островков жестокого насильственного порядка в последнем напряжении сил в океане смерти, безысходной тьмы, нового рабства…

- Может, не совсем так…

- Я долго живу на Земле, Джесс, - фраза прозвучала почти зловеще. – Поверьте мне. Будет то, через что мы уже прошли раз. Тот раз, который сберегся в исторической памяти человечества. А он был не один… Но подняться мы уже не сможем, Джесс. Вот в чем соль. Люди отвыкли жить в мире, давшем им рождение, в мире, отличном от их собственного, созданного камень за камнем, мира, хрупкого и прекрасного…

Мы отвыкли жить на Пределе и понимать голоса Земли, мы не можем уже смотреть в глаза опасности день за днем, не отводя взгляда. Смотреть в глаза настоящему, Древнему страху. Воплощенному в тьме и рабстве, ставшему Ваалом, Минотавром, демоном-людоедом. Темные инстинкты живы в людях, будут жить всегда. Но, когда тьма наступит, и они оживут, чтобы спасти существо, они не оставят места ничему иному на большей части Земли, когда большинство погибнет. Ничему человеческому. Это будет путь с самого начала. Не продолжение – а другой путь, с нуля. А он может не получиться. Поэтому Район 51 не может быть уничтожен. Не должен быть уничтожен.

Мерный сиплый голос нес поток информации, который из ручья превратился в напирающий, обжигающий и обнажающий дно водопад. В конце, казалось, слов уже не было – только неудержимый, могучий поток мыслей-ударов.

Дентон откинулся на спинку кресла. Он был впечатлен. Картины были настолько яркими, что своей образностью затмили всю рациональную подоплеку и показались – в первый миг – неоспоримыми.

- Так мы вырыли могилу сами себе… - прошептал он. - Еще одну, помимо тех, что созданы ядерной угрозой и экологической катастрофой. Могилу, которая зависит от воли отдельных людей.

Джок не принимал участия в разговоре и не собирался, не издавал ни звука и своим безучастно-собранным видом походил на робота-автопилота.

- Да, Джесс, ты прав. Хотя могила и защищена, хорошо защищена, тем, о чем ты пока представления не имеешь.

- Что вы предлагаете? – спросил Дентон наконец.

- Мы не хотим Армагеддона, и надеемся найти в тебе единомышленника. Единственный путь – убить Пейджа, но сохранить Аппарат Могущества. Он позволит нам сделать очень многое…

- И вернуть Иллюминатов к власти? – спросил Дентон без обходных. – Вам не кажется, что пора покончить с тиранией – для кого бы то ни было?

- Тирании не будет, Джесс, - вывести Эверетта из себя, изменить добрый терпеливый тон было невозможно. – Есть такое понятие, как «терпимость конспирации», ее гибкость и способность проникновения, инфильтрации. Нам не нужны будут коммандос, войска, грубые изобретения, порождающие насилие, страдание и ощущения несвободы. Мы будем править тайно и не напрямую, как Иллюминати правили всегда. И

никто не будет знать о нашем существовании. Править, не существуя, реальная возможность невозможного, увиденная оком прозрения Лао-Цзы… С Районом 51, УК и Ра мы претворим это в жизни, сможем…

- Кто «мы»? – прервал его Дентон.

- Ты и я, Джесс, мы сможем возродить мир и вернуть его к свету любым образом, какой покажется самым лучшим, самым верным. Который окажется самым верным.

- А их много, этих путей?

- Послушай меня, Джесс. Убей Пейджа. Я и Стентон Дауд будем рядом, чтобы помочь тебе сделать следующий шаг.

Однократный щелчок-писк оборвал разговор. Дентон слегка повернул голову в сторону Джока.

- Что скажешь?

Некоторое время пилот молчал, словно не услышал вопроса. Потом сухо бросил:

- Я не очень прислушивался к разговору.

Они пролетели долгую гряду скал, прожилки руды мерцали в лунном свете, как брызги горячей ртути на гребнях Черного моря. Джок бросил в пустоту:

С его словами трудно не согласиться. Их можно даже назвать искренними. Но каждое слово проникнуто жаждой власти. Бредом власти.

***

Эверетт отошел от коммуникатора, стул на колесиках перенес его по ковру к черному креслу возле камина с темным, теплым пламенем. Собеседник вопросительно-ожидающе молчал. Эверетт взглянул на него спокойно, как на человека, посвященного в то же, что и он.

- Вы ведь слышали наш разговор.

- Слышал. Так что, ты его убедил?

- Может быть, - Эверетт легонько постучал по черно-красному от морилки дереву. – Очень может быть.

- Значит, тот вариант…

- Тот вариант – единственный вариант, и остается в силе в любом случае, - Эверетт взглянул в глаза компаньону с силой и значением. – Я уже поручил Атанве заняться разработкой плана и подбором людей.

- Тебе виднее, но мы же… Мы не Маджестик-12. У нас много грехов, но мы не монстры, бьющие в спину собственному спасителю.

- Мы – нет. Он… Он не может остаться, когда все закончится, чтобы начаться.

- Почему? Мы не могли бы использовать его силу?

- Нет, не могли бы. Потому что он неуправляем… Он страшен.

Часы тихо, но отчетливо щелкнули. Четыре часа утра над дремотной землей.

***

- Что-то случилось, - Джок слегка наклонил вертолет на бок, затем вновь выровнял его. – Что-то в двигателе.

- Я ничего не слышал, - сосредоточился Дентон.

- Я тоже, но, судя по приборам, что-то… Джесс, нам придется сесть. Маленькая авария.

Дентон взглянул на изрытую узкими ущельями черную поверхность.

- Ты уверен, что это подходящее место для посадки? Ведь до места осталось совсем немного.

- Да, пару километров. Но все равно, сядем здесь. Приготовься.

Дентон не успел ответить. Вертолет стрелой, брошенным камнем швырнулся на скалы: в нескольких метрах от острых вершин он завис и осторожно спланировал в хмурую расщелину. Коснулся земли и замер.

Джок не двинулся с места, всматриваясь с вниманием туда, где все равно нельзя было увидеть ничего.

- Ну что, не собираешься взглянуть, что там случилось? – Дентон вопросительно посмотрел на пилота.

- Да нет никакой аварии.

Во взгляде Дентона появилось непонимание. Неразрешенное, оно всегда переходит в осуждение, если раздражение сдержано.

- Не знаю, Джок, уместны ли твои шутки сейчас, - сухо произнес Дентон, готовясь выпрыгнуть из вертолета.

- Подожди, Джесс, - щелчком на панели пилот заблокировал дверь. – Ты не можешь идти.

- Джок… с тобой все в порядке?

- Ты не можешь идти просто так.

Дентон собрался ответить, но что-то новое остановило его. Вначале он увидел лишь человека, который грелся у костра среди камней. Это видение рождало странную тоску – тоску за юностью мира. А затем – тени. Вертолет был окружен тенями, человеческими силуэтами. Они окружали стальную птицу, охватывали ее все теснее.

Дентон бросил встревоженный взгляд на Джока. Каменное лицо не выражало ничего. Джок произнес тоном, почти угрожающим:

- Ты заслужил это, Дентон. Черт возьми, ты это заслужил.

Вокруг вертолета на миг вспыхнул яркий, далеко собравшийся свет, и темные силуэты обрели плоть, которой уже не теряли. Дентон увидел их всех – каждого…

Гарри Савадж с дочерью, крепко ухватившейся за его рукав, дрожащей на холодном ветру. Словно белая свита, его окружали люди в халатах оттенка февральского жесткого снега. Некоторых Дентон знал: доктор Пинкертон, Тони Маар, Марина Пук. Немного в стороне, скрести в руки, стоял на возвышении Трейсер Тонг, как изваяние из бронзы, серый, монолитный. На полшага за ним в полумраке замер Гордон Квик в сером плаще и несколько членов триады. Ближе, неясные в призрачном свете, единым впечатлением застыли три фигуры: непохожие и неразделимые: Алекс Якобсон, Хайми Риез и Картер. Кажется, они даже не смотрели в сторону черного ворона. Просто… были.

Все, кто остался. Все, кто не спал в эту ночь. И почти дождался рассвета.

Кого-то не было, кого-то важного, подсознание цепко ухватило этот импульс, но Дентон не подумал ясно об этом в тот миг. Он глубоко вздохнул.

- Как это тебе удалось?

- Не мне. Они бы не отпустили тебя так просто.

- Я… я забыл об их существовании. – Дентон опустил голову. – Да нет, я не знал.

- Эти люди собрались здесь, чтобы дать тебе понять одну вещь. – Пусть от гнетущего состояния Одиночества, которое знакомо и мне, трудно избавиться, но знай: когда ты вернешься, существуют те, кто будет тебя ждать. Для кого ты не утратишь смысл и ПОСЛЕ. В это трудно поверить такому человеку, как ты или я, видевшему Одиночество в неприкрытой обнаженности, страшнее, чем смерть, и прекраснее, чем свобода. Но пора тебе открыть и эту грань реальности, которая горит согревающим огнем. Это будет знамением новой жизни, которая начнется утром.

Дентон почувствовал ком в горле и тяжесть в груди – как все-таки легко вывести его из душевного равновесия! Джок говорит о том, что никогда не будет возможно, и знает об этом. О Последней Мечте. И все же…

Дентон выпрыгнул на безучастно спружинившую сухую твердь, и увидел себя Хозяином Пустыни, принимающим гостей

на Празднике Без Имени. Только гости остались неподвижны, такие нечеткие и спокойные, как духи пустыни. Дентон не видел их глаз, но чувствовал с удивительной силой взгляды.

Силуэт, тонкий, почти юношеский, сделал несколько шагов к вертолету, в конце перейдя на бег. Дентон увидел прежнего Тонга: собранного и неутомимого, без тени апатии или разочарования. Без тени старости.

- Джесс, осталось немного. Хотя осталось самое важное – и самое трудное по сравнению со всем пройденным тобою. Правда, выглядишь ты неважно.

- Думаю, до утра меня хватит. Простите за то, что я вам сказал там, в Океанической лаборатории.

- Не знаю, о чем ты… Скоро предстоит спуск в Район 51. Тебе не страшно?

- Не знаю, - Дентон пожал плечами. – Кажется, я не могу сказать однозначное «нет».

- Послушай, Джесс, Эверетт говорил с тобой?

- Да, он сказал, что вы хотите уничтожить Район 51 на корню.

- Точно, - удовлетворенно кивнул Тонг. – В недрах Района 51 стоят реакторы с антивеществом, две огромных бомбы, которые могут рвануть в любой момент. Единственное, благодаря чему работа реакторов протекает стабильно – система охлаждения. Если вывести ее из строя – сверхвзрыв неминуем.

- Чем-то похоже на маниакальный суицид.

- Нет, Джесс. Если даже Пейдж умрет, при сохраненном Районе 51 никто не ручается, что история не повторится. Всегда найдется тот, кто воспользуется инструментом. Если не Пейдж, то Эверетт, Дауд. Мы же говорили с тобой об Идее.

- Еще один каменный век вряд ли будет улучшением. Тем более, что люди разучились в нем жить.

- Не все так трагично. Мы потеряем далеко не все. Мы начнем не с самого начала – если тебя пугает жизнь в деревнях, ремесленное производство и демон мальтузианской проблемы…

- Вы же ученый, Тонг, вы не боитесь? – спросил Дентон удивленно. – Я думал, вы дорожите всем тем, что досталось человечеству с таким трудом, крупинка по крупинке. Позволило излечить болезни, дать шанс и страждущему, и нищему, умножить стократно могущество человека. Вы сможете разумно распорядиться…

- Джесс, не будет уничтожено все. Мир сотрясет, но большая часть знаний сохранится. Мы восстановим все за одно

поколение – но уже не так… Да, я ученый, и потому знаю: никогда еще человечество не было так близко к своей гибели. Я не только знаю – я чувствую это, как зверь, если хотите. Человечество не выживет, если не изменится. А измениться оно может лишь путем потрясений – и очищения. Серая Смерть, творение Двенадцати, было кошмаром, но она изменила мир благополучных стран, привыкших к в комфорте и благополучии не замечать бед наших. Теперь этот мир изменился – и в лучшую сторону – вы только взгляните на людей. Страдания вернули им чуткость и ощущение экзистенции, хрупкости жизни и драматизма судьбы. И мы воспользуемся шоковой терапией, доведем ее до конца. Все равно, хуже ведь уже не сделать.

- А вам не страшно, Тонг?

Тонг слегка опустил плечи, и, повернувшись, медленно пошел прочь. Дентон смотрел ему вслед, как загипнотизированный, до самого конца. Потом оглянулся. Долина пустовала. Силуэты исчезли, но его не удивило это. Он один стоял на усталой земле, которой не хватит и самой долгой земной ночи, чтобы избавиться от усталости. Птица ожидала, чтобы прокатить его над сонным миром, возможно, последний раз. Вот он, миг, кричащий: пора…

На вершине скалы вырос силуэт, черный и прозрачный. Дентон узнал его. На перепутьях Гонконга и Парижа, на разных, не соотнесенных закономерностью, но сплетенных судьбою отрезках он мерещился ему, преследовал и оставлял место сомнению…

Пол прыгнул с высоты в долину легко и нетелесно, как черная кошка, завязшая в воздухе за миг перед падением.

- Не ожидал увидеть тебя, брат. Но очень хорошо, что это произошло.

- Ты думал, я не появлюсь, когда пришли все? – спросил Пол тихо.

- Я думал…

(что все это лишено смысла)

нет, ничего, честно говоря. Как думаешь, получится у нас что-нибудь?

- Я хочу сказать тебе одно, Джесс: за мир стоит бороться даже тогда, когда и мира самого осталось совсем чуть-чуть, лоскут света во тьме. Даже если ничего не осталось, кроме остывающего следа…

- Да уж. Все омрачается тем, что я иду туда, не зная еще точно, что именно мне придется сделать. Тонг требует стереть

Район 51 с лица Земли, Эверетт просит убить Пейджа и затем присоединиться к нему…

- Решения не очень-то стройны, - согласился Пол.

- Вот именно.

- Но я уверен: ТАМ ты сможешь найти иные пути, и не одно решение, быть может, насколько неожиданное, настолько же и спасительное. Кто знает…

- Да, ТАМ. Скажи мне что-нибудь, чтобы я не шел вслепую. Что я найду под землей? Пейдж пугал меня чем-то страшным, создалось впечатление, что он и сам этого боится. А возможно, именно от этого и пытается освободиться.

- Скажу честно, что чувствую я. Несмотря на все эти намеки, угрозы, устрашение, Нечто в Районе 51 – обман. Электронная пустота – или какое то проявление рока? Пейдж обманул тебя. Не исключено, что обманул он и себя.

- Почему ты так уверен?

- Я был однажды в Районе 51. Об этом никто не знает, кроме меня и еще одного человека. Давно, еще до твоего появления в Коалиции. Правда, зашел я недалеко, но хватило, чтобы понять кое-что. Да, там действительно угнетающе пусто. Но… пусто.

А ведь он тоже когда-то был там, подумал Дентон. И, быть может, гораздо глубже. Вышел оттуда.

- Но ведь что-то могло и измениться, - спокойно заметил Дентон.

- Могло, - спокойно согласился Пол. – Но вряд ли это то, чего боится Пейдж. – От чего стремится освободиться.

В сгущенном мрачном воздухе память нарисовала Дентону полные тоски глаза, замешанной на цементе страха, осознанного и росшего многими ночами.

- У меня есть одна теория на этот счет. То, чего боится Пейдж, от чего любой ценой стремится освободиться… смерть?

- Смерть? – Пол звучал недоуменно.

- Да, но не смерть в смысле прекращения этого существования, а скорее как… начало существования иного. Он боится Бога, точнее, Дьявола. Возможно, вначале его единственной целью действительно была цель постгуманизма, избавление от человеческой слабости. Но потом, когда и он, и его окружение зашли слишком далеко… кто знает, какие они видели сны? Я почти осязаю это, Пол. По их глазам, тому невысказанному, тоскливому страху, о котором лишь намекают, можно догадаться, как мучит их мысль о продолжении жизни там, если не удастся бесконечно продлить ее здесь. И какой они рисуют ее. Может быть, кто-то им рисует.

А они верят в нее, да, верят так, как никто из нас. Пол – у них действительно нет выбора.

- Джесс… Джесс, ты хочешь сказать, что они… боятся попасть в ад?

В темном, недобром молчании эта фраза совсем не казалась смешной.

- Да, - пришлось согласиться Дентону. – Особенно сильно потому, что иллюзия выхода из безысходности маячит на горизонте, к которому они шли, сокрушая все на горизонте. Мне кажется, поворотом, за которым нет возврата, стало создание Серой Смерти.

- Ты уверен, Джесс? – Пол спросил с интонацией, в которой угадывался особенный намек. – А зачем было тогда вообще создавать вирус и брать на себя такую тяжесть?

Дентон пронес сквозь поток сознания то, что обдумывал уже много раз, в одиночестве, темноте или тусклом свете. Мысль принесла те же картины, но в них было кое-что и новое. Темные горизонты, которых не было раньше, замаячили на окраинах.

Нет, Пол. Я не уверен ни в чем. И все равно вынужден действовать.

Да, брат, иди. Прости меня, что я не иду с тобой. Не потому, что не хочу. Возможно, сложись обстоятельства по-другому, и я был бы на твоем месте. А может, не было бы никого? Но теперь только тебе под силу дойти путь до конца. Я не набрал *нужной инерции*.

Я понимаю.

И еще, Джесс, помни: я остаюсь здесь, и буду прикрывать тебя, как в старые времена. Никто не выстрелит тебе в спину.

Джок подошел совсем неслышно.

- Скоро светает. Неплохо бы нам поторопится.

Все трое переглянулись. Почему-то в каждом из них было внутреннее, ничем явно не подкрепленное убеждение, что войти туда нужно до рассвета.

Лети, Джок, - сказал Дентон. – И забери с собой Пола. Вы мне больше не нужны. Остаток пути я хочу пройти пешком.

И все же кого-то не хватало. Там, где никого и не было. Кого?

Глава 10
Последний сон

Что ж, не умер я…
Вот уж и конец пути –
Сумрак осенний.
Мацуо Басе

Человек в белых одеждах шел в свою комнату по длинному-длинному тоннелю. *Боже, когда же закончится этот тоннель?* Почему здесь все так безмерно и неприютно?

Пейдж вошел, за спиной автоматически щелкнул магнитный замок. Он остановился перед зеркалом. Черт, как же он жалок и несчастен.

«Ну что, - сказал он своему отражению. – Вот и пришел момент истины»

«*Да*, - ответило отражение. – *Тебе скоро конец*».

«Я хотел спасти мир. А все оказалось напрасно».

«А кто из них знает об этом? Кто понимает это?»

«Никто».

«Никто. Они думают, что ты взвалил чудовищную ношу ради призрачной власти или бессмертия. Что хотел поработить людей. Вот что думает и тот, кто сюда идет».

«Какая глупая, похожая на детскую сказку мысль. Люди и так порабощены с начала истории, и позволяют немногим делать с ними все, что угодно… А с тем, кто сюда идет, говорить нет смысла».

«Может, и в самом деле существовал другой выход?»

«Пока люди искали бы его, Земля медленно скончалась бы. Приходилось действовать. Один волевой человек стоит сотни мудрецов. И только благодаря воле судьба свершилась».

«Он не поймет этого. И не спросит себя, почему ему показали только Нью-Йорк, Гонконг, Париж… Где все так плохо. Не задумается, что остальной мир по сравнению с этими угасающими городами – сущий ад».

«Он действует заодно с Иллюминати. Может ли быть что-то более достойно сожаления? Иллюминати знали обо всем. Они разрушили твои планы только потому, что заботились о сохранении собственной власти. Они не приняли твой план, ибо приходилось отказаться от слишком многого. Они не вняли отчаянному крику времени – и отстали навсегда. Они не ответили на вызов рока, эта разнеженная ветошь. И лишь тогда ты взял собственный курс. Мы взяли на себя то, чего не взял бы никто. И вот против кого *он* сражается. Не видя всех этих масс люмпенов и вырожденцев, он – против нас, группы

твердых, решительных и жертвенных людей, которые все свое существование поставили на службу одной цели».

«Не говори «нас». Может, ты забыл, что остался совершенно один».

«Но мы взяли на душу такую тяжесть, что невыносима, тяжесть крика миллиардов душ… Чтобы спасти остальных, чтобы избежать гибели действительно всеобщей. И нужна была какая-то награда, какой-то срок, близкий к вечности, чтобы попытаться освободиться от нее, а не бросать истерзанные обломки онемевшей души на тот суд, исход которого предрешен, и срок исполнения приговора – тоже почти вечность».

«Тебе уже не спасти человечество, ты уже совершил непоправимое, и ты лишился права на срок искупления. Есть ли под луной кто-то несчастнее тебя?»

«Кто один из немногих подумал о сотнях миллионов страждущих по всему миру, кто не закрылся в своем довольстве и благополучии? Я! И я подарил им спасение: избавление для одних, то есть смерть, и облегчение участи для других. Те, мертвые, они бы тоже были мне благодарны. И планета, и человечество… Если был другой путь, покажите мне его! Покажите другой путь из того тупика, в котором пять лет назад – всего пять лет назад! – уже дышала тотальная безысходность, удушаемая спазмами конца… Когда миллиарды угасали в голодном безрадостном существовании, уходя из все новых пустынь, когда мегамассы мирового пролетариата готовы были выйти из трущоб отчаяния и выплеснуть агрессию в мир, перевернуть его, когда безумные везде едва ли не держали пальцы на пуске ядерного ужаса, когда колесница планетарного истощения продолжала слепо съедать самое себя в потребительском безумии… А все политики отделывались лишь отвлеченными лицемерными фразами, лживое псевдочеловечное отродье… Назовите, и я посыплю голову пеплом, и сам спущусь на справедливый суд. Не молчи, Дентон, сукин ты сын…»

«Его здесь нет. Он придет – и тогда расскажешь ему. Если он захочет слушать…»

«Да, давай, Дентон, входи. Я сделал все, что мог, но раз ты все испортил… давай, так лучше. Входи, закончи это, чтобы я не видел остального. Оставайся один на один с тем, с чем никто не захочет остаться.. И помни, что ты в ответе за судьбу этого мира, который уж не спасти, этого существа по имени человек… Судьбу, которая не состоится».

«Он тебя убьет, наверное. Но ты ведь знаешь: вы вдвоем ближе всего друг к другу в этой игре. Вы видите мир почти одинаково. А вам, только вам двоим во всем этом кошмаре планета была по-настоящему дорога».

***

Тишина перед рассветом обычно стелется у земли, прежде чем окончательно улететь в другие миры.

Последняя прогулка давалась необычайно легко. Дентон скользил на легких ногах среди дрожащих под луной теней, и почему-то очень четко, ясно и уверенно чувствовал, куда идти, не задумываясь ни разу. Ему было… спокойно. Как звездочету, задумавшемуся на своем чердаке в бессонную ночь. Как ребенку, уверенному в завтрашнем дне потому, что он еще не умеет о нем задумываться.

Как приговоренному.

Человек тем неохотнее вступает в игру, чем большим ему придется рисковать, каков бы ни был возможный выигрыш. И наоборот, чем меньше поставлено на карту, тем наглее игрок, тем тверже рука и неожиданнее его успех.

В этой игре он поставил на кон не просто свою жизнь, одинокое существование, за которое, в общем-то, он не цеплялся слишком отчаянно. Как оказалось, обнаружило себя и удивляло, ставкой были многие судьбы. Судьба мира? Звучало до нелепости смешно, но только Дентону не было весело. Нет, не незыблемого мира, а его мира. И ко всему, при всей величине риска, еще не был известен и возможный результат игры. Результатом будет новый мир – какой-то новый, измененный мир. Возможно, почти никто на Земле не заметит Изменения, прикрытого тенью Подлунного мира. Но мир будет уже иным. И Дентон четко осознавал две вещи.

Он почти дошел и остановился над обрывом. Он забыл кое о чем подумать. А именно о том, что все бессмысленно, что он играл в героя, а был убийцей, что мысль о покровительстве Бога – греховная иллюзия. Он глубоко пропащий человек, а смысл жизни неведом. Он убил многих людей, и отныне никого уже НИКОГДА не вернуть.

В чем смысл – искать в себе сейчас напрасно. Нужно идти и погасить эти терзания внизу, под землей. Если удастся вернуться, то…

Не он будет творить тот новый мир, который откроется с рассветом. А в старом мире не вернуть ничего – даже того, что было дорого до слез и щемяще-близко – не сберечь…

И еще. Он чувствовал кое-что… Где-то здесь его дом. Нет, не в недрах Района 51, где, по чужим словам, он был сотворен

(странное звучание), но с чем внутренней связи не чувствовал. Нет, другой дом. Спрятанный среди скал, и до него никому не добраться днем, а ночью никто не осмелится вступить в эту струящуюся тень, напуганный творениями собственного воображения. Кроме тех, разве что, кто стоял на вершине, слышал Зов предков и созерцал Белое Безмолвие.

Дом, в котором он не хочет жить, но который неявно напоминает о своем существовании. *Своем предназначении*.

Он шел по кладбищу без мертвецов – и без видимых границ. Изможденные ветром скалы, граненные камни, чьи основы скрыты в глубине плоти земли, как осколки тоски по целостности, могли бы украшать далекую холодную планету, никогда не знавшую жизни. И она смотрит в эту пустыню, как в зеркало. Не заботясь о том, что кто-то почувствует, как пробрал его леденящий холод, как на мгновение разум его заворожат бесконечно смутные предчувствия, занесенные Другим Миром, иным духом – не земным. Ему станет очень холодно, страшно одиноко – но к одиночеству примешается два чувства. Ощущение счастья, что есть, помимо этого, свой мир, уютный и привычный, еще не потерянный до конца. И щемящая сладость тоски по этому Чужому, как давно забытому и первоначальному, сокрытому в Холодных Далях сверхгорячих звездных туманностей. И мысль, как последняя капля растворенного кристалла соли, которая исчезнет в следующий миг: планете, никогда не знавшей жизни, ведома жизнь. И жизнью наполнены до ядерных основ и холод Вселенной, и бессловесная твердь Земли, и жар звезд. Ее нельзя ощутить, в нее не поверив, отстранившись от всего, что знакомо. Она слишком неясна, слишком Другая. И слишком много требует от смелого, дерзнувшего в нее взглянуть…

Дентон вышел на гладкую равнину, которая начала опускаться, теряясь в кольце скал. Гроздью гранатов горели аварийные красные фонари, оставшиеся на стенах разрушенных зданий. Они медленно гасли, исчерпывая запас автономной энергии. Котловина открылась перед Дентоном, как на ладони. Следы титанических разрушений украсили ее на свой вкус: грудами оплавленных железобетонных блоков, обезглавленными вышками, сокрушенным камнем мощных строений, оказавшихся карточными домиками, потревоженной землей, над которой надругались.

Удар пришелся на самый северный край зоны, поэтому здания на крайнем юге не очень и пострадали. Где-то там был Вход и начинался тоннель. Очень, очень глубоко он уходил. Там что-то ожидало его. Что – знать он не мог. Воображение

отказывалось рисовать сейчас какие-либо картины, предчувствие молчало.

И снова: *пройдя все грани, и разгадав последнюю тайну, и добравшись до самого дна, знай: за всем останется что-то нераскрытое. И оно будет самым главным*.

Эхо мягко, ненавязчиво попросило внимания. Дентон настроился на связь. Голос, расходящийся эхом, как круги на зараженной воде, как шелест тростника на знойном ветру, голос настораживающего нечто по имени Ра.

«Да, вы спуститесь внутрь. Вы найдете лабораторию Аквинас. Вы придете ко мне… Мои системы готовы. Я не собираюсь ждать Боба Пейджа».

Волны стихли. Дентон прослушал сообщение и сразу был готов забыть о нем… если бы в нем не звучала скрытая угроза. Он до сих пор не дошел до сути. Кто, что такое Дедал, Икар. Ра…

Электронная пустота, продуцирующая человеческую речь…

Или..?

У него будет шанс узнать. Это, и многое другое. Возможно, ответы на все вопросы. ТАМ. Только знать хотелось все меньше. Дентон, наконец, зацепил взглядом черную бронедверь, как Черные Врата, врезанные в уходящее вглубь пространство. Враждебные, темные волны исходили оттуда. Если будет шанс уничтожить… Почему бы и нет?

Дентон спокойно спускался к руинам, больным останкам того успокоившегося кошмара, который был здесь не так давно. Спускался, не боясь встретить что-то живое. А затем его кто-то окликнул.

Он обернулся, но только на миг. И продолжил путь. Он знал, что в этой долине смерти не может быть никого. Особенно с таким голосом.

Его окликнули опять, и Дентон уловил что-то знакомое. И волнующее до тревоги.

Он посмотрел на вершину холма. Она бежала к нему – прозрачная в мареве ночи. К скалам прижался черный вертолет. В коротком розовом платье, с распущенными волосами цвета восхода солнца, она смотрелась среди черных скал и изуродованной материи пугающе странно – и пугающе красиво. Она бежала к нему, похожему на творение ночи, темному, обветренному силуэту. Никто не видел их, кроме безымянного пилота.

Именно ее он ожидал увидеть. Здесь, на краю земли, в предрассветный час. Как странно, что до последнего момента он этого не понимал – не знал…

Дентон поймал ее на лету, хрупкую драгоценность, легкую, как иллюзия. И заглянул в лицо, влажное от слез, свежее, как ветер над ними. Наполненные прозрачностью глаза стали огромными, и были полны печали.

- Николетт… Здесь опасно. Радиация…
- Я пришла проститься. Ведь ты не вернешься.

Не вернешься… Вернешься… Разносил ветер над пустыней. Они вместе посмотрели в темную, надвигающуюся реальность над ними.

Могу и вернуться, - прошептал он.

Нет, - на ее лице остались одни глаза, глубокие озера, в которых хотелось утонуть. – Я могла бы сказать «не иди», но зачем обманывать себя? Этого нельзя избежать. Нельзя вмешаться в судьбы, которым суждено быть несчастливыми.

Он молод. Он станет глух к старости мира. У него есть она. Он должен вернуться.

Глупые, человеческие аргументы. Но… Но они заставят его выполнить себе обещанное.

Дентон опустил Николетт на землю, ощутив тяжесть в тот момент, когда она выбралась из кольца его объятий. Он смотрел на нее, пытаясь собрать, запечатлеть, выпить столько ее образа, сколько сможет.

Она стояла рядом с ним. Он посмотрел вниз – и снова обернулся.

Он стоял один на ветру под темным небом незнакомого мира. Вокруг не было ни души. Нужно было сделать шаг. И он пошел.

И исчез во вспышке.

***

Я пророчить не берусь
Но точно знаю, что вернусь…

Игорь Тальков

Ночи становятся дольше, холоднее. Земля замерзает.

Близится зима. Надежда на то, что она не затянется надолго.